

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
257

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 257. 2019

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.257

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Макаров Н. А.</i> Академическая археология: между прошлым и будущим	7
--	---

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА: НОВЫЕ ДАННЫЕ И МАТЕРИАЛЫ»

<i>Гей А. Н.</i> Кресла-«троны» и повозки в культурах бронзового века Циркумпонтийского ареала	17
<i>Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Хоммель П.</i> Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник Клады, С-3 Кавказ)	35
<i>Кореневский С. Н.</i> О хронологии майкопско-новосвободненской общности в свете новых данных и дискуссий	48
<i>Мишина Т. Н., Балабина В. И.</i> Телль Юнаците в системе балканской радиоуглеродной хронологии	65
<i>Яровой Е. В.</i> Еще раз о стратиграфии ямных и катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья	79
<i>Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И.</i> Межкультурные связи в Предуралье в эпоху поздней бронзы: признаки срубно-андроновских контактов, хронологические и социальные аспекты взаимодействия	93
<i>Загородняя О. Н.</i> Функциональный анализ орудий металлопроизводства позднебронзового века (по материалам памятников Картамышского археологического микрорегиона)	110
<i>Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.</i> Территориальное распределение грунтовых могильников срубной КИО (по данным ГИС-анализа)	126
<i>Конькова Л. В.</i> Эпоха раннего металла на востоке Евразии. Проблема культурных взаимодействий	134

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

<i>Балаханцев А. С., Завойкина Н. В.</i> Новые древнеиранские имена из ранней Фанагории	146
<i>Горланов С. С., Малышев А. А., Мирошина Т. В.</i> Комплекс захоронений эпохи эллинизма из курганного некрополя у поселка Кучугуры	155
<i>Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.</i> Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация)	174

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Разуваев Ю. Д.</i> Укрепленное поселение гуннского времени у с. Верхнее Казачье на Острой Луке Дона	182
<i>Трошина А. А.</i> Позднелдыжовские и постдыжовские памятники на Средней Оке: особенности топографии и системы расселения	196
<i>Исланова И. В.</i> Сравнительная характеристика керамических наборов раннесредневековых поселений Городок 1 и Юрьевская Горка	207
<i>Модин Р. Н., Иванова М. Г., Журбин И. В.</i> Хронология внутренней части Кушманского городища Уччакар	216

<i>Бадеев Д. Ю., Гареев Б. И., Баталин Г. А.</i> Мастерская по обработке янтаря с территории золотоордынского болгара	232
<i>Грибов Н. Н.</i> Стратифицированный средневековый горизонт в Нижегородском кремле: условия формирования и предварительная характеристика	247
<i>Вяземский А. В., Левыкина Т. А.</i> Комплекс женских украшений из Тверского клада 2011 г. («раскоп Трудолюбия-2»)	261
<i>Олейников О. М.</i> Новые находки копий паломнических реликвий в Новгороде	273
<i>Дружинина И. А., Елкина И. И.</i> Ткани из элитарного позднесредневекового воинского погребения Псекупская – 3/1 в Адыгее.	284
<i>Медынцева А. А.</i> Надпись № 3 X в. из Мурфатлара (с. Басараби, Румыния)	291

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

<i>Цетлин Ю. Б.</i> О ходе этнокультурных процессов в Центре Русской равнины в эпоху неолита	304
<i>Глазунова О. Н., Максимова А. А.</i> Тройной сосуд конца XVI – I половины XVII в. из Новодевичьего монастыря.	320

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Медникова М. Б.</i> Летальные травмы головы в эпоху бронзы (новые методы изучения)	327
<i>Абрамова А. Н., Берлизов А. Н.</i> Антрополого-тафологическая характеристика мужских погребений некрополя Волна 1	339
<i>Клещенко Е. А., Хомякова О. А.</i> К изучению особенностей погребального обряда раннесредневековой культуры прусов (биоархеологический аспект)	356
<i>Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю.</i> Земледельческая продукция в средневековой Москве (по материалам археологических раскопок на территории Московского Кремля в 2016–2018 гг.)	374
<i>Карпунин А. А., Мацковский В. В., Соловьева Л. Н.</i> Древесно-кольцевые хронологии памятников деревянного зодчества Карелии (РФФИ № 18-09-00731).	393

ИССЛЕДОВАНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

<i>Леванова Е. С., Король Г. Г.</i> Основные направления научных изысканий Е. Г. Дэвлет	408
<i>Леванова Е. С., Миклашевич Е. А., Аболонкова И. В., Пахунов А. С.</i> Наскальное искусство: актуальные проблемы изучения и сохранения	422

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН

<i>Володин С. А., Кочкаров У. Ю., Кудрявцев А. А., Селезнева С. В.</i> Обзор кинофонда Научно-отраслевого архива Института археологии РАН	426
<i>Ольховский С. В., Кочкаров У. Ю.</i> Кинодокументы 1959–1960 гг. Научно-отраслевого архива Института археологии РАН как источник по истории подводной археологии в СССР	438
<i>Кудрявцев А. А., Володин С. А.</i> Монгольская историко-этнографическая экспедиция АН СССР 1948–1949 гг. в материалах Научно-отраслевого архива Института археологии РАН	445

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	457
ОТ РЕДАКЦИИ.	460

CONTENTS

<i>Makarov N. A.</i> Academic Archaeology: between the Past and the Future	7
--	---

PROCEEDINGS OF THE ROUND TABLE “CONNECTIONS AND INTERRELATIONS OF CULTURES OF THE CIRCUMPONTIC REGION: NEW DATA AND MATERIALS” (MOSCOW, 2018, DECEMBER, 3–5)

<i>Gey A. N.</i> Throne-like Armchairs and Wagons in the Bronze Age Cultures of the Circumpontic Area	17
<i>Trifonov V. A., Shishlina N. I., Hommel P.</i> New Data on Maykop Funerary Constructions (Klady cemetery, Northwestern Caucasus)	35
<i>Korenevskiy S. N.</i> Chronology of the Maykop-Novosvobodnaya Entity in the Light of New Data and Discussions	48
<i>Mishina T. N., Balabina V. I.</i> Tell Yunatsite in the System of Balkan Radiocarbon Chronology	65
<i>Yarovoy E. V.</i> The Stratigraphy of the Yamnaya and Catacomb Culture Graves in the Northwestern Pontic Region Revisited	79
<i>Kuptsova L. V., Mukhametdinov V. I.</i> Intercultural Links in the Western Piedmont of the Ural Mountains during the Late Bronze Age: Attributes of the Srubnaya – Andronovo Contacts, Chronological and Social Aspects of Interaction	93
<i>Zagorodnyaya O. N.</i> Functional Analysis of Metal Production Tools of the Late Bronze Age (case study of the Kartamysh archaeological microregion)	110
<i>Lunkova Yu. V., Lunkov V. Yu.</i> Geographical Distribution of Timber-grave Ground Cemeteries (GIS analysis data)	126
<i>Kon'kova L. V.</i> The Early Metal Age in Eastern Eurasia. The Issue of Cultural Relationships	

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

<i>Balakhvantsev A. S., Zavoykina N. V.</i> New Ancient Iranian Names from Early Phanagoria	146
<i>Gorlanov S. S., Malyshev A. A., Miroshina T. V.</i> The Grave Assemblage of the Hellenistic Period from the Kurgan Cemetery near the Village of Kuchugury	155
<i>Voroshilov A. N., Voroshilova O. M.</i> The Cache in a Late Classical Vault in Phanagoria (preliminary publication).	174

MIDDLE AGES. PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Razuvayev Yu. D.</i> The Fortified Settlement of the Hun Period at the Don Ostraya Luka Bend near the Verkhneye Kazachye Village	182
<i>Troshina A. A.</i> Late D'yakovo and Post-D'yakovo Sites in the Middle Oka Region: Specific Features of Topography and Settlement Systems	196
<i>Islanova I. V.</i> Comparative Characteristics of Ceramics Sets from Early Medieval Settlements of Gorodok 1 and Yuryevskaya Gorka	207
<i>Modin R. N., Ivanova M. G., Zhurbin I. V.</i> Chronology of the Interior Part of the Kushmanskoye Fortified Settlement (Uchkakar)	216

<i>Badeev D. Yu., Gareev B. I., Batalin G. A.</i> The Amber Processing Workshop from Golden Horde Bolgar	232
<i>Gribov N. N.</i> The Stratified Medieval Horizon in the Nizhny Novgorod Kremlin: Formation Conditions and Preliminary Characteristics	247
<i>Vyazemskiy A. V., Levykina T. A.</i> The Assemblage of Female Jewelry from the Tver' Hoard of 2011 (Trudolyubiya-2 Excavation Trench)	261
<i>Oleynikov O. M.</i> New Finds of Pilgrim Relics Copies in Novgorod	273
<i>Druzhinina I. A., Elkina I. I.</i> Cloths from a High-ranking Late Medieval Warrior's Grave at Psekupskaya – 3/1 (Republic of Adygeya)	284
<i>Medynitseva A. A.</i> Inscription 3 of the 10 th Century from Murfatlar (Basarabi Village, Romania) . . .	291

RESEARCHES OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Tselin Yu. B.</i> Ethnocultural Processes in the Center of the Russian Plain during the Neolithic	304
<i>Glazunova O. N., Maksimova A. A.</i> The Three-part Vessel Dating to the End of the 16 th – First Half of the 17 th Centuries from the Novodevichiy Convent	320

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Mednikova M. B.</i> Lethal Head Traumas in the Bronze Age (new methods of study)	327
<i>Abramova A. N., Berlizov A. N.</i> Anthropological and Taphological Characteristics of Male Burials at the Volna 1 cemetery	339
<i>Kleshchenko E. A., Khomyakova O. A.</i> The Early Medieval Culture of the Prussians: Exploring Distinctive Features of the Funerary Rite (bioarchaeological aspect)	356
<i>Lebedeva E. Yu., Sergeev A. Yu.</i> Agricultural Products in Medieval Moscow (based on the materials of archaeological excavations in the Moscow Kremlin in 2016–2018)	374
<i>Karpukhin A. A., Matskovsky V. V., Solov'yeva L. N.</i> Tree-ring Chronologies of Wooden Architecture in Karelia	393

ROCK ART STUDIES

<i>Levanova E. S., Korol G. G.</i> Main Areas of E.G. Devlet's Scientific Pursuits	408
<i>Levanova E. S., Miklashevich E. A., Abolonkova I. V., Pakhunov A. S.</i> Rock Art – Relevant Issues of Research and Preservation	422

MATERIALS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

<i>Volodin S. A., Kochkarov U. Yu., Kudryavstev A. A., Selezneva S. V.</i> Overview of the Film Collection of the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, RAS.	426
<i>Olkhovskiy S. V., Kochkarov U. Yu.</i> Documentary Films of the 1959–1960 from the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, RAS, as a Source of Information on Underwater Archaeology in the USSR.	438
<i>Kudryavstev A. A., Volodin S. A.</i> The Mongolian Historical and Ethnographic Expedition of Academy of Sciences of the USSR in 1948–1949 in the Materials of the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, RAS.	445

ABBREVIATIONS.	457
SUBMISSION GUIDE	460

Н. А. Макаров

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Резюме. Юбилей российской академической археологии, отмечавшийся в 2019 г., поставил на повестку обсуждение истории становления научных учреждений археологического профиля в России, вклада российской академической археологии в формирование научного знания о прошлом Евразии и современного состояния археологической науки и сферы сохранения наследия в нашей стране. Достижения российской археологии советского времени и организационные принципы устройства археологической отрасли, сложившиеся в этот период, не только факты истории науки, но и основа, на которой формируется ее современная инфраструктура и научная программа. Однако наука о древностях, несмотря на кажущийся консерватизм и обособленное положение, стремительно меняется и оказывается перед лицом новых вызовов. Новые факторы, требующие адекватного ответа, – не только растущие масштабы преобразования исторической среды, насыщенной археологическими памятниками, под воздействием современного строительства, но и развитие технократической модели управления археологическими ресурсами, вытесняющее из этой сферы ученых, установки на развитие междисциплинарного взаимодействия, требующие от археологии широкой кооперации с естественными науками при сохранении своих собственных позиций в глобальных реконструкциях прошлого человечества.

Ключевые слова: история археологии, организация археологических исследований, археологическое наследие, гуманитарные науки, Институт археологии, Институт истории материальной культуры.

100-летие российской академической археологии оказалось необычным юбилеем: его парадная, торжественная часть была дополнена предметным разговором о прошлом и будущем нашей науки с участием ключевых фигур российской и мировой археологии. Обсуждение современного состояния археологической отрасли, ее места и значения в системе научных дисциплин и изменившейся культурной среде на конференциях «Век археологии» (ГИМ, 10–11 апреля 2019 г.)

и «Археология в XXI веке» (Президиум РАН, 26–27 июня 2019 г.) оживило протокольные мероприятия. Работа Оргкомитета, сформированного распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2017 г. № 2513-р, дала практические результаты. Проведен конкурс Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) на выполнение исследований по теме: «История Евразии в материальных памятниках древности: традиции и современные подходы в археологических исследованиях», организованы два конкурса фонда «История Отечества» в поддержку участия молодежи в археологических экспедициях. Материалы новейших раскопок и архивные документы, раскрывающие историю академической археологии, были широко представлены на выставках, в том числе в залах Государственного исторического музея. Обращение к прошлому археологии, осознание масштабов археологической работы, выполненной в советское время – часто в непростой обстановке, при недостатке средств, – заставили задуматься о новых проектах, столь же амбициозных по своим научным задачам. Идея празднования 100-летия академической археологии как общего юбилея двух институтов, прямых наследников РАИМК– ИА РАН и ИИМК РАН – и многочисленных научных учреждений, возникших на их основе, дала возможность показать общую работу археологического цеха, значение академических институтов как инфраструктуры археологической отрасли при всем разнообразии сложившихся направлений и школ.

История археологии XX в., ее теоретических оснований и полевых открытий в последнее время не обойдена вниманием исследователей. История создания, развития и преобразований Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) неплохо изучена, главным образом благодаря работам санкт-петербургских исследователей (*Платонова*, 2010; Академическая археология на берегах Невы..., 2013; *Клейн*, 2014). Московская археология 1920–1930-х гг., ее научные идеи, практические занятия и организационное устройство знакомы нам сегодня в меньшей степени, чем археологическая наука Ленинграда этих десятилетий. Отмечая столетие, Институт археологии обратился к своей истории, подготовил издание, раскрывающее становление и развитие различных направлений академической археологической науки в Москве. Книга «Институт археологии. 100 лет истории» впервые представляет целостный обзор истории Института от момента организации Московской секции РАИМК до конца советской эпохи, рассказывая в том числе о развитии его организационной структуры, наиболее значимых открытиях полевой археологии, самых ярких фигурах московского археологического цеха.

Ядром развития института в Москве была московская секция РАИМК, организованная в 1919 г. одновременно с головным учреждением в Петрограде. Однако характер организации археологического цеха в двух столицах был различным, основная масса ленинградских археологов была действительно сосредоточена в РАИМК–ГАИМК, тогда как московские исследователи древностей были рассеяны по разным учреждениям (ГИМ (тогда – РИМ), МГУ, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, московские музеи) (*Гайдуков и др.*, 2019). Московская секция РАИМК и сменившее ее в 1932 г. Московское отделение ГАИМК выступали в этой ситуации как структуры, объединившие ученых, имевших общие исследовательские интересы, но не располагавших ресурсами для финансирования их научных занятий. Становление института как академического центра

в столице невозможно представить вне связи с широкой средой московских археологов и историков, трудоустроенных в разных организациях, но поддерживавших тесные цеховые связи. Присутствие в этой среде старой университетской профессуры, включая членов закрытого в 1923 г. Московского археологического общества (Д. Н. Анучин, М. М. Богословский, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский, А. А. Захаров), было важным фактором сохранения научных традиций московской археологии, у истоков которой стоял А. С. Уваров.

Отсылая к историографическим изданиям за конкретными сведениями об экспедициях, открытиях, публикациях, составляющими привычный для нас образ «академической археологии» советской эпохи, попытаюсь коротко обозначить общее значение того, что сделано РАИМК и академическими институтами для российского общества и мировой науки в XX в.

РАИМК – первое государственное учреждение археологического профиля, для которого при его создании был обозначен приоритет научных задач изучения древностей. Обозначены и задачи сохранения наследия (в археологии они органично связаны), но археология как наука в декрете об учреждении РАИМК – на первом месте. Хорошо известно, что РАИМК первоначально находилась вне системы «Большой академии». Однако присутствие слова «Академия» в названии учреждения ко многому обязывало, ориентировало на решение фундаментальных научных задач и предопределило интеграцию РАИМК в систему институтов АН СССР.

Современная научная картина древней и средневековой истории Северной Евразии, представленная в обобщающих изданиях (и учебниках), создана археологами. Сегодня роль археолога как интегратора знаний о древности, создателя исторических нарративов кажется нам естественной, но так было не всегда. Вышедшая спустя 3 года после образования РАИМК статья А. А. Спицына «Археология в темах начальной русской истории» начиналась словами: «Археология уже имеет нечто сказать и по вопросам начальной русской истории. Правда, мы можем дать пока немного...» (*Спицын*, 1995. С. 15). Это скромное признание крупнейшего русского археолога начала XX в. адресовано корифею исторической науки – С. Ф. Платонову, в юбилейном сборнике которого была напечатана статья. Сегодня ответственность академической археологии за целостное научное видение огромной части истории человечества общепризнана. Академическая археология в XX в. выполнила грандиозную задачу объединения различных хронологических разделов науки о древностях (ранее изучение памятников первобытности и позднейших эпох было обычно обособлено), соединения научных знаний об отдельных памятниках, культурах и хронологических периодах в единое историческое полотно.

Академическая археология сделала российские археологические древности важной частью исторического образа нашей страны, значимыми для осознания ее места в мировой истории. Новгородские берестяные грамоты, величественные сопки Старой Ладogi, царские курганы Боспора, палеолитические погребения Сунгирия, «замерзшие могилы» Алтая, шедевры палеолитического искусства, найденные на Зарайской стоянке, постепенно перешли из категории «исторических источников» в категорию «вечных спутников», символизирующих богатство и сложность культурного фундамента современной России. Ученые

не только открыли эти памятники, но и сделали их узнаваемыми в мире, раскрыли их выдающиеся художественные качества и культурные «смыслы». Археологические жемчужины нашей страны постепенно становятся все более важными для нашей идентичности.

Академический щит уже сто лет прикрывает наше археологическое наследие. Именно академическая археология взяла на себя ответственность за выстраивание целостной системы его защиты – от участия в разработке правовых основ сохранения древностей до практической организации спасательных раскопок на новостройках. «Научная охрана... вещественных, материальных и бытовых памятников» изначально присутствовала в декрете о создании РАИМК. Принцип соединения в одном учреждении работы по исследованию и сохранению археологических памятников отнюдь не универсален, во многих европейских странах эти функции разделены. Но в России он оказался исключительно продуктивен. Роль главных идеологов защиты археологических древностей в советское время подчас требовала от ученых большого мужества, но академические аргументы всегда имели вес и сопровождались продуманными конкретными предложениями по организации охраны древностей и введению их в современный культурный оборот.

Сила академической археологии советского времени основывалась на твердой убежденности в ценности научного знания о прошлом, в том, что археологические материалы – неисчерпаемый ресурс источников для исторических реконструкций (будь то социальная или этническая история). Общая атмосфера «культы науки», свойственная XX в., не оставляла сомнений, что знание о прошлом, добываемое лопатой, объективно, поддается точной верификации и будет, так или иначе, востребовано в настоящем или в будущем.

Обсуждая исторические альтернативы, правомерно поставить вопрос: а как развивалась бы археология, если бы «головное» учреждение, созданное в 1919 г., было бы не академией, а университетской кафедрой, музейным центром или производственной организацией одного из наркоматов (скажем, Наркомпроса)? Такие варианты были возможны. Вероятно, археология в нашей стране при таких обстоятельствах была бы другой: более ориентированной на выставочные и музейные проекты, нацеленной на решение прикладных задач, практических вопросов сохранения древностей. Но лишенной научной широты, глобальных исследовательских амбиций, которые все же более соответствуют природе Академии и ее институтам.

Новейшая история археологии была оставлена за рамками юбилейного издания. Однако почти три постсоветских десятилетия – продолжительный отрезок времени, и вовсе уклониться от оценки его главного содержания уже невозможно. Для академической археологии кризисные 1990-е и сменившие их переходные 2000-е были сложным периодом выстраивания новой системы исследования и сохранения древностей, с опорой на сложившиеся структуры и корпоративные традиции, но соответствующей новым социальным реалиям (*Макаров и др.*, 2015). И одновременно – временем обновления исследовательской повестки, формирования новых научных направлений (биоархеология, исследование палеоландшафтов, ГИС, археология Нового времени). Всплеск интереса к национальному прошлому, культурным традициям и этнической истории, обозначившийся после распада Советского Союза, способствовал не только осознанию археологиче-

ских древностей как важной части наследия, но и создавал новые угрозы для археологии – от хищнических грабительских раскопок до эксплуатации археологических материалов в паранаучных картинах истории. В этой ситуации академическая археология фактически взяла на себя ответственность как за разработку концептуальных основ сохранения археологического наследия в нашей стране, так и за значительную часть практической работы по сохранению древностей. Три академических института образовали своеобразный каркас археологической отрасли.

Новейший период – время радикального изменения баланса между полевыми работами, связанными с сохранением наследия (в 2018 г. около 70 % открытых листов было выдано на производство спасательных раскопок и обследование землеотводов), и изысканиями, преследующими чисто научные цели, которое нередко воспринимается как сдача позиций фундаментальной науки. Однако расширение объемов разведок и раскопок на новостройках – реализация идей, рожденных в академической археологической среде, последовательно продвигавшей более высокие стандарты сохранения наследия. Обновленное законодательство об объектах культурного наследия сделало нормой археологическую экспертизу земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, и спасательные раскопки памятников, которые в советское время не защищались законом (например, памятников Нового времени). Именно в последние десятилетия, действуя в соответствии с новыми правилами сохранения наследия, российская археология в полной мере открыла для себя средневековые селища и монастыри Московской Руси, средневековые сельскохозяйственные ландшафты и поля сражений. Консолидация отчетной документации обо всех полевых археологических работах, производящихся на территории России, в едином архивном хранилище в Институте археологии РАН обеспечивает единство основного фонда информационных ресурсов российской науки и возможность целостного взгляда на значительные массивы археологических материалов. Соотношение в Архиве ИА РАН отчетов о полевых археологических работах, выполненных в советское (22 870 ед., 34 %) и в новейшее «российское» (44 224 ед., 66 %) время, в определенном смысле отражает общее соотношение объемов археологических изысканий, произведенных в течение этих двух периодов.

Болевые точки современной российской археологии хорошо известны в профессиональной среде. Археологические цехи и органы охраны памятников не смогли пока остановить грабительство на археологических памятниках и незаконную торговлю древностями, хотя принятый в 2013 г. закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» способствовал снижению грабительской активности. С ростом спасательных раскопок острой проблемой стала передача новых археологических коллекций в государственную часть музейного фонда – музеи не имеют достаточных площадей для приема новых коллекций, процедура их описания избыточно усложнена. Коммерциализация археологической деятельности, непродуманное использование рыночных механизмов и конкурсных процедур для организации археологических исследований разрушают сложившийся порядок работы и постепенно деформируют самосознание археологической корпорации как сообщества ученых. Решение

этих злободневных проблем потребует серьезных усилий, консолидации археологического цеха, подготовки реалистических предложений, соответствующих общим интересам археологической отрасли.

Размышления о будущем науки – органическая часть современных размышлений о глобальных мировых изменениях и прогнозах общественного развития. Наука о древностях, несмотря на кажущийся консерватизм, стремительно меняется: это выражается не только в ее технологическом, инструментальном обновлении, но и более глубоких подвижках, затрагивающих ее фундаментальные обоснования. Будущее археологии подробно обсуждалось на конференции «Археология в XXI веке», организованной ИА РАН совместно с Евразийским департаментом Германского археологического института 26–27 июня 2019 г. Присутствие среди участников ученых из семи стран, представляющих крупнейшие археологические центры Европы, США и Китая, дало возможность высказать широкий спектр мнений о перспективах развития археологии, ее миссии в обществе и месте в науке будущего.

Академическая археология в XXI в. необходима для сохранения в фокусе нашего зрения глобальной истории и культурного многообразия мира, научного видения ценности и специфики отдельных культур, осознания своеобразия отдельных культурных явлений прошлого и собственного колорита отдельных периодов мировой истории. Эта задача становится все более сложной с формированием новой среды обитания, новых урбанистических ландшафтов, новых информационных и медийных технологий, все более отодвигающих на периферию нашего видения материальные следы прошлого. Радикальное преобразование традиционной среды под воздействием стремительного современного развития – само по себе серьезный вызов исторической памяти человечества. Нормы сохранения наследия, регламентированные Валеттской конвенцией и национальным законодательством различных стран, рассматриваются обществом как гарантия того, что потери будут минимальны. Однако возрастающие масштабы вторжения новых инфраструктур в исторические ландшафты в ближайшем будущем потребуют от археологии ответной реакции, разработки новых норм защиты древностей и исторической среды. Прежде всего – новых идей.

Вместе с тем археологическое наследие в XXI в. – не только предмет защиты, но и область конкуренции между наукой и сферой управления культурными ресурсами. Академическая наука в свое время приложила немалые усилия для разъяснения ценности археологических древностей (прежде всего как источника знаний о прошлом), не сомневаясь в своих особых правах на их использование. Однако «капитализация» наследия, организация сложной системы обращения с древностями, регламентированной законодательством, практика коммерческих раскопок на новостройках привели к тому, что археология как наука утратила монополию на распоряжение материальными памятниками прошлого. Археологическое наследие все более воспринимается не как источник знаний, а как часть исторической среды, знак памяти, объект коммерческого использования или источник обременений для хозяйственной деятельности. Сегодня сохранение археологического наследия превращается в самостоятельную отрасль, в которой управленцы, технические специалисты, менеджеры имеют значительно больше влияния, чем исследователи. Научное изучение древностей

перестало быть главным содержанием археологической деятельности – мы все чаще определяем границы памятников, ставим их на учет, составляем требуемую законом документацию, в лучшем случае – проводим спасательные раскопки. Тенденция превращения археологической деятельности в сумму технических операций, регулируемых бюрократией, лишает археологию изначального смысла и общественных симпатий. Укрепление позиций науки в организации археологической отрасли и более широкое использование древностей в научных проектах – неременное условие полноценного развития археологии и уважения прав археологического наследия в будущем.

Область взаимодействия археологии и естественных наук находится в центре особого внимания в научных прогнозах как наиболее динамично развивающаяся сфера, в которой можно ожидать значительных прорывов. Мировые открытия, сделанные при исследовании палеоантропологических материалов из Денисовой пещеры, убедительно раскрывают потенциал этого направления (*Krause et al.*, 2010; *Деревянко, Шуньков*, 2015). Российская наука в последнее десятилетие заметно продвинулась вперед в освоении современных методов анализа древних материалов и палеоэкологических остатков, в использовании современных технологий для поиска и документирования древних памятников, в области реконструкции палеосреды с использованием данных естественных наук. Для поддержки исследований на стыке наук большое значение имели проблемно-ориентированные конкурсы РФФИ и инициативы ФИЦ «Курчатовский институт», предоставившего для анализа археологических материалов свое уникальное оборудование. Тематика этих проектов во многом определяется выдающимися и зачастую неожиданными новыми находками, потребностями сохранения необычных и недостаточно изученных памятников. Для отечественной археологии углубление междисциплинарного взаимодействия особенно важно, поскольку даже в настоящее время его развитие сдерживается отсутствием необходимой приборной базы и недостатком отечественных специалистов, готовых выступать партнерами археологов со стороны естественных наук. Однако в мировой археологии общепризнанные установки на поддержку междисциплинарной кооперации сопровождаются сегодня комментариями о сложностях подлинного взаимопонимания между различными дисциплинами, о рисках некорректного использования естественнонаучных данных, о переоценке потенциала палеогенетики в глобальных реконструкциях прошлого человечества.

Выстраивая новый союз с естественными науками, археология в XXI в. должна помнить о своей принадлежности к наукам гуманитарного цикла и ценности своих собственных методов. Было бы опасной иллюзией ожидать, что новое знание о прошлом сегодня должно быть непременно привнесено в археологию извне путем использования исследовательских технологий других наук, без совершенствования собственного инструментария. Традиционные для археологии задачи поиска и выявления материальных объектов, открывающих для нас выдающиеся культурные явления прошлого, далеко не исчерпаны. Стоит напомнить, что новое столетие началось для российской археологии с открытия «Новгородской псалтири» (*Янин, Зализняк*, 2001. С. 202–209), продемонстрировавшего, с одной стороны, потенциал традиционных классических форм археологической работы (масштабные долговременные раскопки), с другой стороны – неразрывную связь

изучения средневековых материальных памятников и текстов. Проблема обеспечения возможно более широкого охвата и упорядочивания растущих археологических материалов не менее острая, чем задачи междисциплинарного синтеза. Размышление о собственных материалах, обновление собственных ресурсов остаются основой археологии. Это со всей очевидностью показали недавние раскопки в Крыму, в округе Пантикапея и Херсонеса, ставшие примером открытия и нового документирования выдающихся погребальных памятников античности на территориях, казалось бы, хорошо знакомых археологам после двух столетий интенсивного изучения (Крым – Таврида..., 2019).

КСИА на двадцать лет моложе РАИМК. Первый выпуск журнала был подписан к печати 27 мая 1939 г. Это тетрадь из 40 страниц, открывающаяся материалами пленума ИИМК, посвященного памяти Н. Я. Марра. Короткое редакционное предисловие излагает программу издания. «Выпуская краткие сообщения о докладах и полевых археологических исследованиях, ИИМК надеется удовлетворить потребность в информации о деятельности Института, существующую среди археологов и историков... В дальнейших изданиях подобного типа Институт будет помещать отчеты о заседаниях секторов и других учреждений ИИМК с кратким изложением прочтенных на них докладов, а также сведения о планах Института и законченных им работах». Основную часть первого выпуска составляют короткие (менее страницы) сообщения о работе экспедиций, сходные с будущими заметками в АО. КСИМК, таким образом, первоначально планировался как чисто информационное издание с короткими публикациями, открывающее исследования Института профессиональной археологической среде и одновременно организующее работу коллектива. Журнал появился в тяжелое, переломное время: преобразованию ГАИМК из отдельного учреждения Наркомпроса в институт АН СССР в 1937 г. предшествовали чистки и репрессии. Появление «Кратких сообщений» открывало новый период развития ИИМК, обозначало перспективы будущих исследований, было своеобразным знаком признания гражданских прав археологии в жестокое предвоенное время. В первых выпусках нового издания мы видим заявки будущих проектов, ключевых для археологии послевоенных десятилетий, – исследований неолитических памятников Европейского Севера, трипольских поселений, средневекового Новгорода.

Четыре номера КСИА, вышедшие в 2019 г., дают представление о том, как изменился журнал вместе с изменением науки и общества, но внимательный читатель увидит и преемственность в структуре издания и характере публикуемых материалов. Нынешние КСИА адресованы более широкой археологической аудитории, журнал не предполагает подробного освещения внутренней жизни Института, в его тематике полновесно представлены новые направления археологии, сформировавшиеся в последние десятилетия. Преемственность – в установке на широкий хронологический и географический охват древностей, быстрое введение в научный оборот кратких результатов больших исследовательских проектов и материалов недавних раскопок, взыскательный отбор статей. В современных информационных потоках короткие тексты вновь становятся важным жанром научных публикаций, соответствующим духу времени. Формат КСИА, таким образом, отвечает как современным запросам, так и издательским

традициям академической археологии, сложившимся при образовании ИИМК. Мы рассчитываем, что журнал послужит академической археологии и в будущем, собирая на своих страницах яркие и глубокие материалы.

ЛИТЕРАТУРА

- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. 415 с.
- Гайдуков П. Г., Белозерова И. В., Кузьминых С. В., 2019. Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 11–26.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., 2015. Развитие палеолитических традиций на Алтае и проблема становления человека современного вида. Преемственность и трансформации в древних и средневековых обществах по археологическим и антропологическим данным // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 7–12.
- Клейн Л. С., 2014. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 2: Археология советской эпохи. СПб.: Евразия. 628 с.
- Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. / Отв. ред.: С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. 2 т. (420 с. + 396 с.)
- Макаров Н. А., Беляев Л. А., Энгватова А. В., 2015. Археология в современной России: перспективы и задачи // РА. № 2. С. 5–15.
- Платонова Н. И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб.: Нестор-История. 316 с.
- Спицын А. А., 1995. Археология в темах начальной русской истории // Антология советской археологии. Т. I: 1917–1933 / Сост. В. И. Гуляев; ред. Н. Я. Мерперт. М.: ИА РАН: ГИМ. С. 15–20.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., 2001. Новгородская псалтирь начала XI века – древнейшая книга Руси // Вестник РАН. Т. 71. № 3. С. 202–209.
- Krause J., Fu Q., Good J. M., Viola B., Shunkov M., Dereviianko A., Pääbo S., 2010. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 8, 464. P. 894–897.

Сведения об авторе

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: MakarovNA@iaran.ru

N. A. Makarov

ACADEMIC ARCHAEOLOGY: BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Abstract. The jubilee of the Russian archaeology celebrated in 2019 put the history of creating research archaeological institutions in Russia, the contribution of Russian academic archaeology in accumulation of scientific knowledge on the past of Eurasia and the current status of archaeological science and preservation of historical heritage in our country on the discussion agenda. Achievements of Soviet archaeology and organizational principles of the archaeological sector developed earlier are not only the facts of history of science but also the foundation on which its modern infrastructure and its scientific program have been developing. However, despite apparent conservatism and its isolated position, the science dealing with antiquities has been changing rapidly and is now facing

new challenges. New factors requiring adequate response include not only a larger scale of transformations in the historical environment rich with archaeological sites but also appearance of a technocratic model of archaeological resource management that has been squeezing out scientists from this area; a particular emphasis on interdisciplinary linkages requiring a broader cooperation between archaeology and natural sciences as well as maintenance of its own positions in global reconstructions of the human past.

Keywords: history of archaeology, organization of archaeological research, archaeological heritage, humanities, Institute of Archaeology, Institute for the History of Material Culture.

REFERENCES

- Akademicheskaya arkhеologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on Neva banks (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)]. E. N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 415 p.
- Derevyanko A. P., Shun'kov M. V., 2015. Razvitiye paleoliticheskikh traditsiy na Altaye i problema stanovleniya cheloveka sovremennogo vida. Preyemstvennost' i transformatsii v drevnikh i srednevekovykh obshchestvakh po arkhеologicheskimi antropologicheskimi dannymi [Development of Palaeolithic traditions in Altai and problem of formation of man of modern species. Continuity and transformations in ancient and medieval societies based on archaeological and anthropological data]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental studies of Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of ethnology and anthropology of RAS], pp. 7–12.
- Gaydukov P. G., Belozeroва I. V., Kuz'minykh S. V., 2019. Iz istorii Instituta arkhеologii RAN v 1920–1940-e gody [From the history of the Institute of Archaeology, RAS in 1920-s –1940-s]. *Institut arkhеologii RAN: 100 let istorii [Institute of Archaeology, RAS: 100 years of history]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 11–26.
- Klein L. S., 2014. Istoriya rossiyskoy arkhеologii. Ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology. Teachings, schools and personalities], 2. Arkhеologiya sovetskoy epokhi [Archaeology of Soviet epoch]. St. Petersburg: Evraziya. 628 p.
- Krause J., Fu Q., Good J. M., Viola B., Shunkov M., Derevyanko A., Pääbo S., 2010. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia. *Nature*, 8, 464, pp. 894–897.
- Krym – Tavrida. Arkhеologicheskoye issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea – Taurida. Archaeological investigations in Crimea in 2017–2018]. S. Yu. Vnukov, O. V. Sharov, eds. Moscow: IA RAN, 2019. 2 vols. (420 + 396 p.)
- Makarov N. A., Belyayev L. A., Engovatova A. V., 2015. Arkhеologiya v sovremennoy Rossii: perspektivy i zadachi [Archaeology in modern Russia: perspectives and tasks]. *RA*, 2, pp. 5–15.
- Platonova N. I., 2010. Istoriya arkhеologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v. [History of archaeological thought in Russia. Second half of XIX – first third of XX c.]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.
- Spitsyn A. A., 1995. Arkhеologiya v temakh nachal'noy russkoy istorii [Archaeology in themes of initial Russian history]. *Antologiya sovetskoy arkhеologii [Anthology of Soviet archaeology]*, I (1917–1933). V. I. Gulyayev, comp.; N. Ya. Merpert, ed. Moscow: IA RAN: GIM, pp. 15–20.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A., 2001. Novgorodskaya psal'tir' nachala XI veka – drevneyshaya kniga Rusi [The Novgorod Psalter of the beginning of XI century – Rus earliest book]. *Vestnik RAN [Bulletin of RAS]*, vol. 71, no. 3, pp. 202–209.

About the author

Makarov Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: MakarovNA@iaran.ru

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА: НОВЫЕ ДАННЫЕ И МАТЕРИАЛЫ»

А. Н. Гей

КРЕСЛА-«ТРОНЫ» И ПОВОЗКИ В КУЛЬТУРАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО АРЕАЛА

Резюме. На основании недавней находки двух повозок и необычного сиденья-кресла в новотиторовской культуре (погребение 21 кургана 4 Межкирпильского I могильника в степном Прикубанье), вероятных аналогий ей в материалах ямной и катакомбных культур Причерноморья и Предкавказья, а также беденской культуры на территории Грузии ставится вопрос о сложении особой, престижной формы погребального обряда с использованием двух повозок и кресла-трона. Возможные реплики его имеются и южнее, в Месопотамии (некрополь Ура). Специальный культ трона существовал у хеттов, две повозки и трон фигурируют и в хеттском царском погребальном ритуале, известном по письменным источникам. Хронологический приоритет подобных находок в новотиторовской культуре (29–28 вв. до н. э.) перед относящимся к беденской культуре курганом № 3 Ананаури (24 в. до н. э.), тем более перед хеттскими табличками II тыс. до н. э., говорит в пользу сложения данного ритуала в среде степных курганных культур с последующим распространением в Закавказье и Анатолию. Что в свою очередь представляет интерес для реконструкции социальных процессов в различных культурах бронзового века, а также для выяснения путей проникновения групп носителей индоевропейских диалектов в Анатолийско-Месопотамский регион.

Ключевые слова: бронзовый век, курганный погребальный обряд, новотиторовская культура, беденская культура, некрополь Ура, хетты, повозки, кресла-троны, социальная структура.

В 2016 г. Усть-Лабинским отрядом Южной экспедиции ИА РАН при раскопках курганного могильника Межкирпильский I в верховьях р. Кирпили изучено неординарное погребение восточного, или кочетовского, варианта новотиторовской культуры. Погребение 21 кургана 4 (диаметром 40–60 м и высотой около 1,8 м) было основным. Совершено в прямоугольной яме с вертикальными кольями в углах и у середины длинных стенок, содержавшей парное захоронение

двух взрослых субъектов, уложенных в вытянутом положении на спине головами в противоположные стороны: один на запад (по определению М. В. Добровольской, мужчина 30–39 лет), другой на восток (пол не определен). Возле берцовых костей последнего найден кремневый наконечник стрелы. Перекрытие из толстых досок, уложенных поперек могилы, застелено рогожей, циновкой и, вероятно, шерстяным ковром, причем все они имели следы росписи или раскраски. Обширная (6 × 8 м) площадка вокруг могилы была выстелена коричневато-оранжеватым органическим тленом. На ней возле западного и восточного концов ямы установлены две четырехколесные повозки со снятыми с осей и уложенными по углам кузовов дисковыми колесами (рис. 1). Западный кузов обычного для новотиторовских и раннекатакомбных повозок типа, восточный сохранился хуже, здесь нет полной ясности, имеем ли мы дело с полным кузовом или с его имитацией из отдельных досок и брусьев. На южном краю ямы поверх рогожи помещен шест с раздвоенным концом, обычно интерпретируемый как дышло (более подробные сведения и чертеж погребения см.: *Гей и др.*, 2018).

**Рис. 1. Междкирпильский I могильник, курган 4, погребение 21.
Общий вид с юга на настил с повозками и креслом**

На противоположном, северном, краю ямы поверх настила установлена необычная прямоугольная в плане конструкция (размеры по верхнему уровню 82 × 84 см, высота не менее 60 см), накрытая сверху плотным слоем желтовато-белого органического тлена (кожа или шкура?). По форме она более всего соответствует деревянному креслу со спинкой и подлокотниками (рис. 1; 2). Спинка с дугообразно выгнутым верхним краем обращена к северу и состояла из двух досок или планок шириной 15 и 25 см, помещенных на ребре горизонтально одна над другой, и третьей планки, проходившей под ними, но лежавшей плашмя. Подлокотники находились с западной и восточной стороны, после снятия органического покрывала тут прослежены остатки сравнительно тонких деревянных планок. Такие же планки, но худшей сохранности

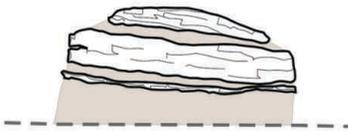

1

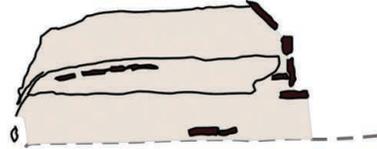

2

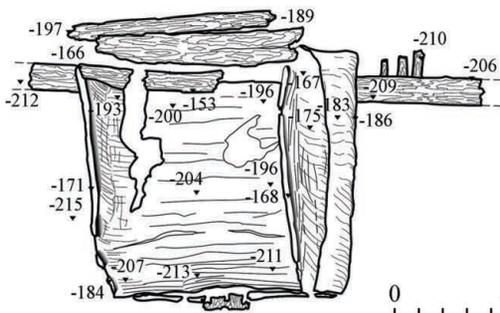
Вид с севера
(спинка)

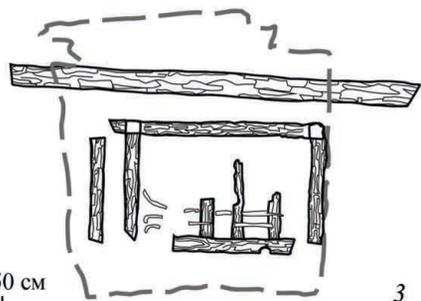
Разрез по линии
север - юг

План. Верхний уровень

План. Нижний уровень

3

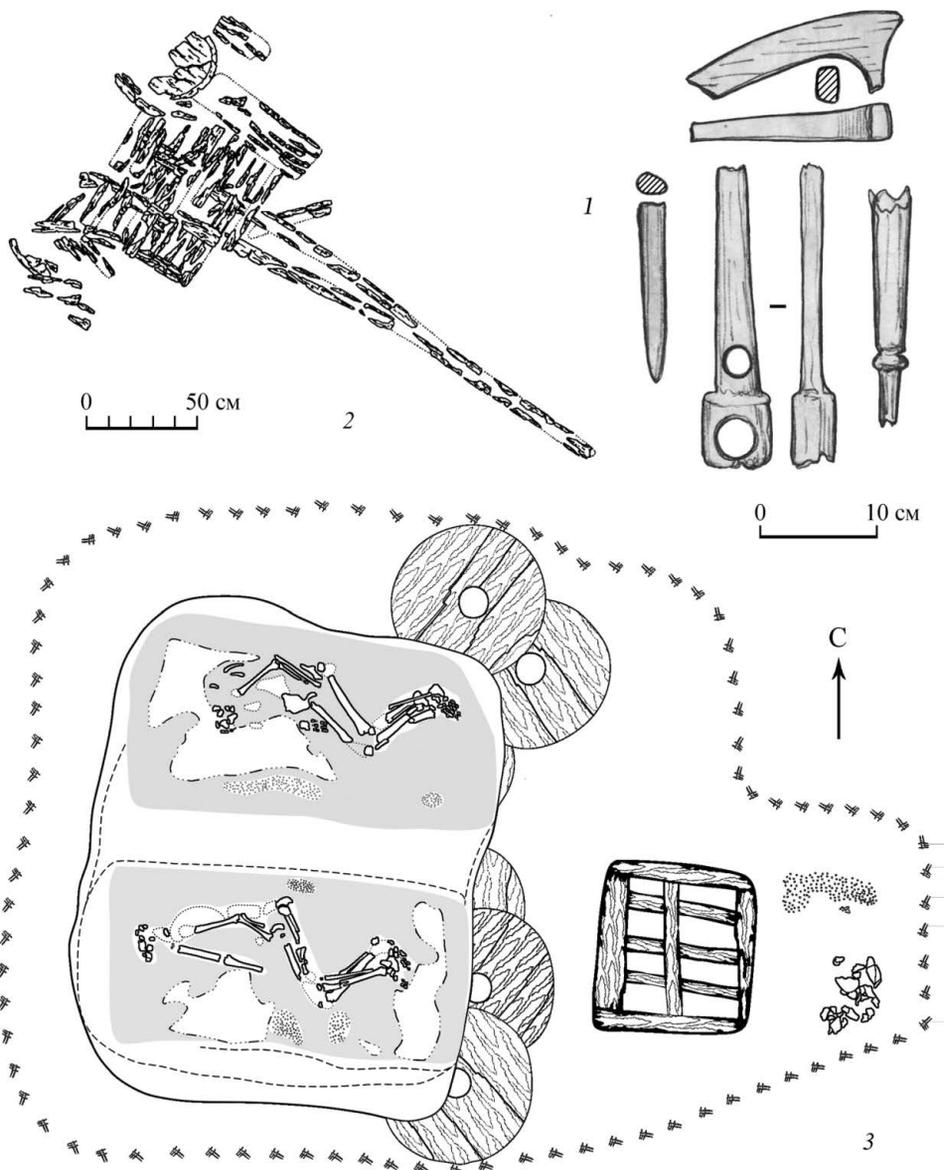
Рис. 2. Межкирпильский I могильник, курган 4, погребение 21. Кресло-«строн»
1 – вид с юга; 2 – вид с северо-востока; 3 – чертежи

расчищены в нескольких местах на месте сиденья. Вертикальные связи, или стойки, не сохранились, на их наличие указывает только общая объемная форма всего изделия. Максимальные размеры конструкции на середине ее высоты или примерно на уровне сиденья, или по свисающим краям желтовато-белого покрытия доходили до 120×110 см и, скорее всего, преувеличены за счет деформации – перекоса с наклоном к западу, возникшего уже после того, как она и вся погребальная площадка были засыпаны грунтом курганной насыпи. В основании или на уровне настила прослежены следы прямоугольной рамы размером 55×105 см с несколькими поперечинами, составленной из планок шириной 7–8 см, в одной из которых как будто просматривались следы отверстия для вертикальной стойки (?). Над этими планками отмечено несколько узких параллельных полос белого тлена, напоминающих остатки настила из прутьев (?). Здесь же, на настиле окружающей могилу погребальной площадки под северной частью кресла расчищены остатки доски или бруса длиной не менее 190 см и шириной до 10–12 см с выходящими в одном месте из нее (или из-под нее) следами обломанных штифтов или стоек. По форме она напоминает часть длинного борта кузова повозки, но сохранность не позволяет говорить об этом определенно. Под вопросом и связь этих остатков с установленным над ними креслом.

Необычность находки для курганных культур ранней и средней бронзы Предкавказья и Причерноморья, тем не менее, вряд ли свидетельствует об ее уникальности. Поиск вероятных аналогий в погребальных комплексах ямной, новотиторовской и катакомбных культур позволяет наметить не менее десятка захоронений, при которых находились остатки подпрямоугольных конструкций меньших, чем кузова повозок, размеров. Сохранность и детальность фиксации в большинстве случаев оставляют желать лучшего. Интерпретации в отчетах и публикациях самые разные: деталь кузова повозки, кузов двуколки или колесницы (*Корневский и др.*, 2007. С. 41), ложе-паланкин (*Наглер, Антипина*, 1988).

Назову наиболее выразительные примеры. Один из них – находки во впускном ямном погр. 2 из семиметрового кургана Сторожевая Могила, раскопанного у Днепропетровска еще в 1949 г. Останки взрослого человека помещены в яму с уступом, на котором с одной стороны были положены плашмя два разновеликих (?) дисковых колеса, а на противоположном, ближе к южному углу, находились необычные деревянные изделия в виде точеных стержней, один из которых имел два отверстия, и выгнутого бруска, напоминающего подлокотник, и при них какие-то прутья (рис. 3: 1). В публикациях они определены как детали кузова повозки (*Тереножкін*, 1951), однако размещение их на небольшом, похоже – подквадратном в плане (около $0,8 \times 0,8$ м), участке – и вертикальное положение одного из стержней позволяет предполагать, что и здесь речь идет не о кузове, а об изделии вроде сиденья-кресла.

В парном захоронении 10 второго-третьего этапов новотиторовской культуры из кургана 4 у хутора Пролетарский в Прикубанье на настиле у края могильной ямы были помещены не менее 6 колес – т. е. части двух повозок и лежавшая на некотором удалении от них прямоугольная решетчатая рама (рис. 3: 3) размером 80×85 см (раскопки А. В. Шевченко, см.: *Урайкин*, 1993). Зафиксирован один уровень скрепленных между собой плашек/планок, сходный с нижним

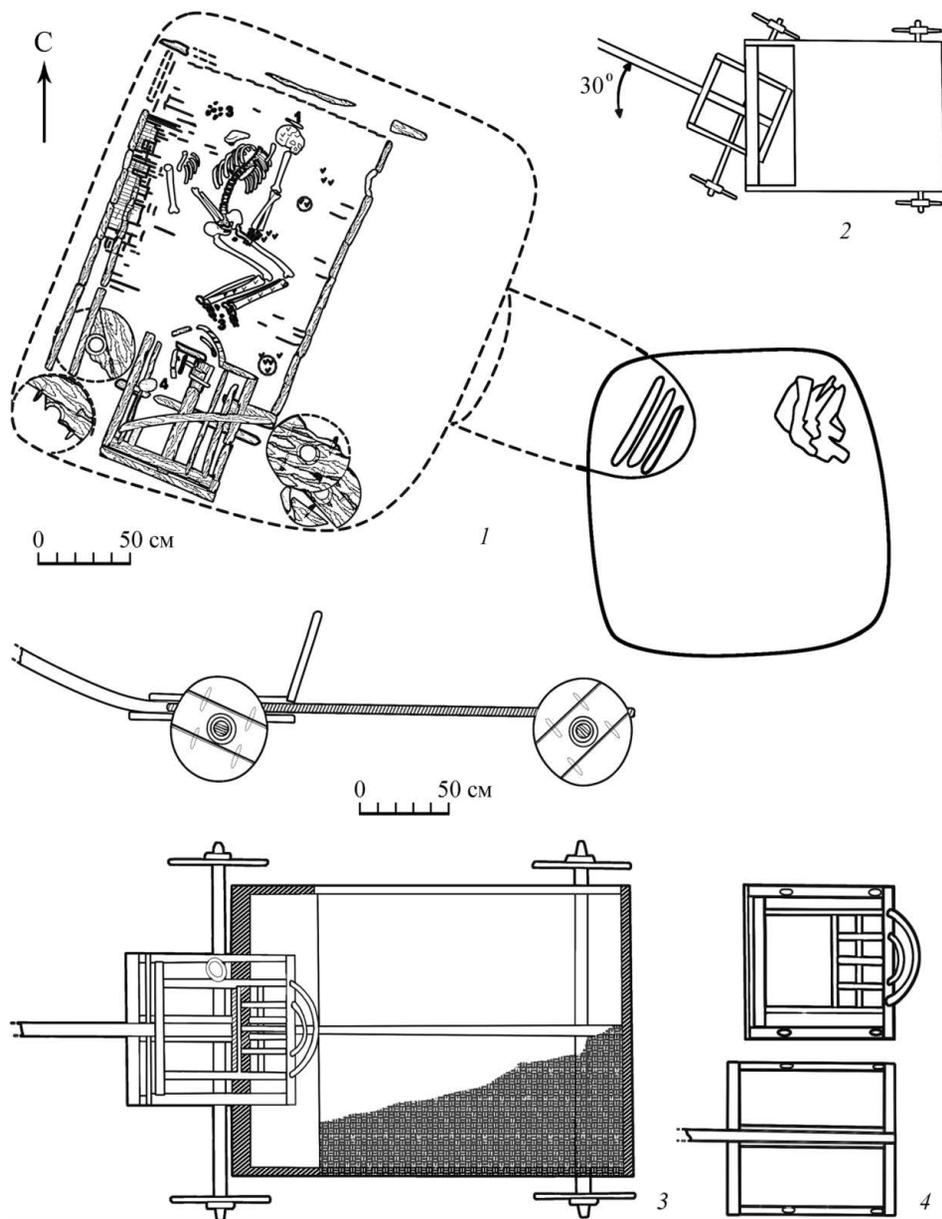
Рис. 3. Примеры необычных конструкций из погребений ямной, катакомбной и новотиторской культур

1 – Сторожевая Могила, погр. 2 (точечные и фигурные детали, масштаб приблизительный); 2 – Большой Ипатовский курган, погр. 32; 3 – Пролетарский, курган 4, погр. 10

уровнем конструкции из Межкирпильского, что в принципе может объясняться и условиями сохранности, и погрешностями расчистки и фиксации. Замечу, что для работы с органическими тленами в курганах Прикубанья желательны и хорошая сохранность, и квалификация исследователя, при раскопках на Межкирпильском I могильнике нам просто повезло, что кресло оказалось целиком в толще центральной бровки и не было повреждено бульдозером в момент обнаружения могилы.

В камере раннекатакомбного погребения 17 кургана 1 (рис. 4: 1) у с. Боровковка на Левобережье Днепра вместе с ложем-кузовом и четырьмя снятыми с осей колесами расчищена прямоугольная решетчатая конструкция «из брусьев, частично окрашенных алой краской», покрытая остатками истлевшего войлока и с подобием спинки из двух дугообразно изогнутых прутьев. Она имела вид «относительно плоской коробки, составленной из двух прямоугольных рам размерами: нижняя – $1,0 \times 0,8$ м, верхняя – $0,85 \times 0,8$ м, соединенных между собой по углам вертикальными короткими стойками» (рис. 4: 3, 4) (Ковалева, 1999. С. 99–101. Рис. 1; 2). Предложенная И. Ф. Ковалевой интерпретация ее как поворотного устройства, соединяемого с мягким съемным кузовом, а всего вместе – как повозки неизвестного ранее типа выглядит неправдоподобной по ряду обстоятельств. Одни касаются инженерных характеристик – при зафиксированных габаритах эффективная работа поворотного устройства невозможна, колеса просто упираются ободом в раму кузова (рис. 4: 2). К тому же автор определяет как «лисицу» один из продольных брусьев в составе кузова, забывая, что лисица сама есть сложное поворотное устройство, появившееся значительно позднее. Главное же – то, что в Боровковке представлена не реальная повозка, а ее имитация, собранная уже внутри погребальной камеры, на что указывают размеры овального в сечении дромоса ($0,9 \times 0,7$ м при длине в 1,45 м) и рамы кузова ($2,3 \times 1,55$ м) (Там же. С. 98, 101). Трудно представить, чтобы при выполнении бесспорно важной обрядовой нормы, какой являлось сопровождение определенной категории умерших повозками, устроители обряда ограничились имитацией кузова из нескольких брусьев, связанных ремешками по углам, и сосредоточили основные усилия на детальном воспроизведении неважного с точки зрения обряда, но сложного конструктивного узла. Ясно, что речь идет об особом предмете с собственной обрядовой функцией, по форме, размерам и зафиксированным деталям аналогичном или близком межкирпильскому креслу-трону.

В камере западноманычского катакомбного погр. 32 Большого Ипатовского кургана находилась прямоугольная деревянная конструкция размером $0,70 \times 0,67$ м, составленная из продольных и поперечных планок шириной около 0,1 м (рис. 3: 2), однозначно интерпретированная в публикации как остатки двухколесной повозки – очевидного прообраза колесниц, получивших распространение в последующих культурах финала средней – начала поздней бронзы (Кореневский и др., 2007. С. 41, 110, 111). Такая определенность вряд ли оправдана. В составе конструкции отсутствуют какие-либо признаки оси. У выходящего из-под нее «дышла в виде рогатки» длиной до 2,5 м нет следов скрепления «рогов», что не исключает простого наложения двух разных досок одна на другую под некоторым, очень небольшим углом. Не прослежены и достоверные остатки колес – рядом с рамой, с одной стороны лучше, с другой хуже зафиксированы остатки

Рис. 4. Боровковка, курган 1, погребение 17

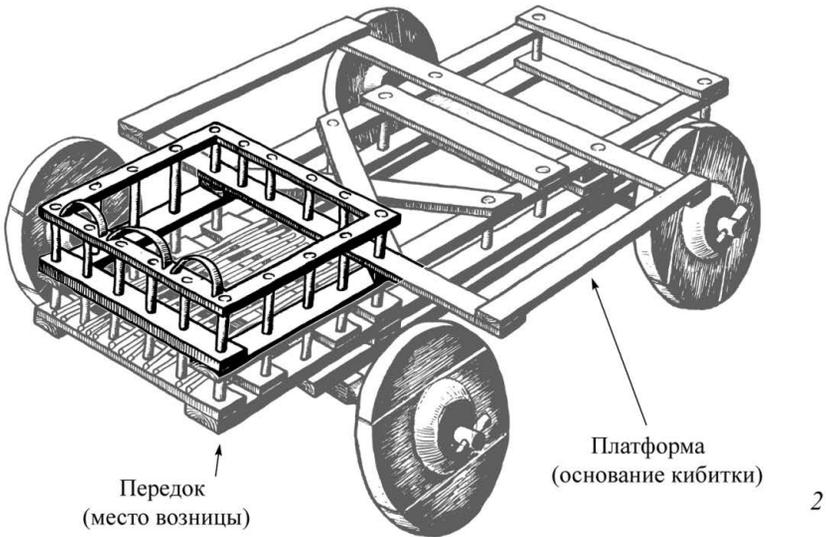
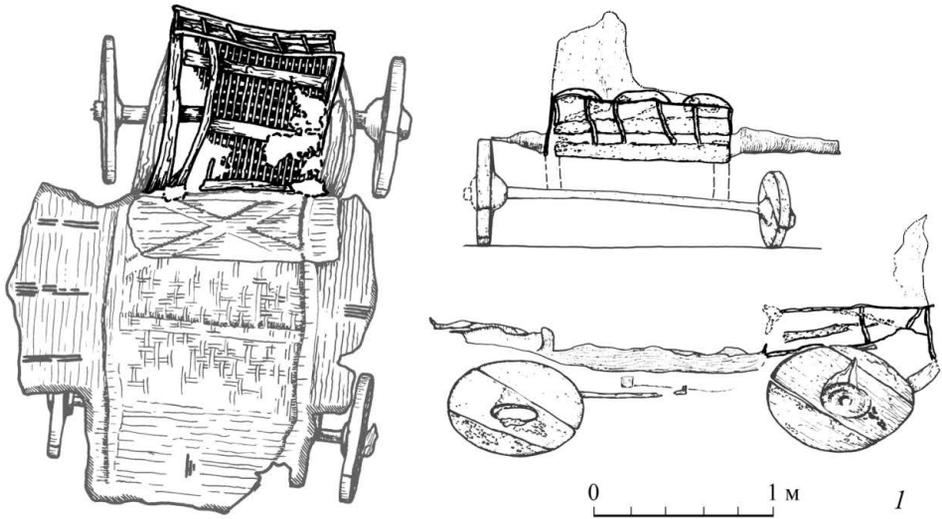
1 – план погребения; *2, 3* – реконструкция повозки (по: Ковалева, 1999); *4* – план верхнего и нижнего уровней сиденья-кресла

деревянных деталей с дугообразным краем, но без признаков колесных втулок и отверстий для оси. Радиус скругления, если верить чертежу, составляет примерно 0,2–0,25 м, что недостаточно для колесного стандарта эпохи ранней–средней бронзы. Сам же факт присутствия гнутых или имеющих закругленный край деталей определенно отсылает к другим вероятным находкам сидений-«тронов».

Особый интерес для рассматриваемой темы представляет деталь кузова одной из двух повозок, сопровождавших основное новотиторовское захоронение 150 кургана 1 могильника Останний в Прикубанье, обозначенная в известной и широко растиражированной реконструкции как «место возницы» (*Гей*, 2000. С. 180, 181. Рис. 55). Она имела вид прямоугольной площадки размером 90 × 100 см с дном из параллельных прутьев, ограниченной по периметру (?) вертикальной балюстрадой, один из краев которой имел вид спинки из трех дугообразно изогнутых тонких планок (рис. 5). Необычность такого сооружения, возвышающегося над одной из торцевых сторон кузова, была очевидна уже при раскопках, отсюда и интуитивное определение его как «места возницы». Теперь, с появлением сравнительных материалов, оно требует уточнения. Здесь важны три момента. Сверху ее, как и кресло из Межкирпильского, покрывал сплошной слой плотного желтовато-белесого тлена «с фактурой кожи». Для вертикальных столбиков-штифтов балюстрады отмечались случаи несовпадения их по месту с находившимися ниже вертикальными штифтами, соединявшими верхний и нижний уровни самого кузова (Там же. С. 181), что, кстати, не было отражено в предложенной реконструкции. Главное же – отсутствие аналогий. За исключением комплекса из Боровковки бесспорных подобий «места возницы» нет на других повозках ранней и средней бронзы, притом что на данный момент имеется не менее 115 находок кузовов различной сохранности. Все это указывает на необходимость пересмотра трактовки конструкции целой повозки из Останнего и сделанной на ее основе реконструкции. По-видимому, тут представлена не просто необычно сложная, а обычная и типичная четырехколесная повозка и установленное на ее кузове сиденье-кресло. Несомненное сходство его с креслами Межкирпильского и Боровковки в свою очередь показывает, что кресла-«троны» могли использоваться как отдельно, так и установленными на кузове транспортного средства.

Таким образом, наиболее достоверные, хотя пока и единичные, находки кресел-«тронов» происходят из погребальных комплексов новотиторовской культуры с двумя повозками, а в сменяющих ее культурных образованиях эпохи средней бронзы из катакомбы с повозкой, в которой, по мысли автора, само погребальное сооружение также мыслится как еще одна повозка (*Гей*, 1999).

Аналогии подобному обряду известны и на других территориях. Главная из них – замечательный курган Ананаури № 3 беденской культуры, раскопанный в Алазанской долине Грузии. В отличие от сравнительно скромных захоронений с повозками степных культур памятник имеет ярко выраженный элитный характер и свидетельствует о значительной социальной дифференциации в среде оставившего его населения. Курган высотой 12 и диаметром до 100 м возведен над основным и единственным захоронением. Погребальная камера размером 9 × 6,5 м представляла собой сложную столбовую конструкцию, помещенную в яму и перекрытую накатом из огромных бревен. В состав многочисленного

**Рис. 5. Могильник Останний, курган 1, погребение 150.
Новая версия реконструкции новотиторовской повозки**

1 – план и виды повозки сбоку и спереди; 2 – реконструкция повозки и установленного на нее сиденья-кресла (выделено черным цветом)

и разнообразного сопровождающего инвентаря входили золотые предметы и украшения, бусы из янтаря и оникса. В погребальной камере обнаружены останки 7 человек, здесь же были установлены две тяжелые четырехколесные повозки (*Makharadze, Murvanidze, 2014; Makharadze, 2016; Maxaradze, 2019*), а рядом правая сторона кресла-«трона» (рис. 6) сложной, если не сказать вычурной, формы (*Makharadze, 2016. Fig. 48. Т. XXIX: 102*). Исследователь совершенно справедливо сопоставляет находку двух повозок в Ананаури с соответствующими новотиторовскими комплексами (*Махарадзе, 2019. С. 260*), что касается кресла-трона, то находка из Межжирпильского могильника появилась позднее.

Не столь очевидны, но все же заслуживают упоминания в этой связи и находки из «царского кладбища» Ура, где в сопряженных между собой, хотя, по заключению Л. Вулли, и совершенных с некоторым хронологическим промежутком, гробницах царя/правителя Абарги и царицы Шубад/Пуаби присутствовали и повозки, и остатки трона. На спуске в гробницу Абарги помещались две большие деревянные четырехколесные повозки, запряженные тремя быками каждая. По ободу дисковых колес просматривался серовато-белый круг от кожаного обода или шины (*Вулли, 1961. С. 64*). Деталь интересная именно в плане сопоставления с новотиторовскими повозками из кубанских курганов (*Авилова, Гей, 2018. С. 41*). Конструктивные особенности кузовов прослежены не были из-за плохой их сохранности, однако запряжка быками свидетельствует, что здесь представлены тяжелые повозки иного типа, чем сравнительно небольшие четырехколесные «колесницы», запряженные онаграми или ослами, изображенные на урском «штандарте» и явно безосновательно использованные А. Форестером для известной графической реконструкции интерьера данной могилы. А при входе в гробницу царицы Пуаби находилась необычная конструкция в виде сиденья-кресла со спинкой и боковыми бортами, установленная на загнутых полозьях, названная тяжелыми санями, поскольку рядом располагались останки двух ослов и возниц-конюхов, а также сдвоенные серебряные кольца, использовавшиеся, судя по изображениям повозок, для пропускания вожжей. На неординарный, не только транспортный, характер всего устройства указывают богатые украшения самого сиденья-кресла в виде красно-синей инкрустации и находки неподалеку (?) серебряных головок львов, предположительно отнесенные к украшениям царского трона (*Вулли, 1961. С. 62*).

Для содержательной исторической интерпретации подобных материалов важны изобразительные и письменные памятники Ближневосточного региона. Основное внимание исследователей до сих пор привлекали преимущественно сцены с процессиями животных, фантастические животные с переплетшимися шеями, сцены терзания, т. н. сцены повседневной жизни, приношения к храму или алтарю в виде шествий-процессий или только вождя-жреца и помогающего ему ассистента (*Amiet, 1980; Brentjes, 1983*). Меньшее внимание обращается на сцены «пира» или «приема», где главный персонаж как раз и восседает на табурете-кресле-троне. По недостатку информации не берусь судить о времени появления этого сюжета, однако широкое распространение его в глиптике, начиная с раннединастического (РД) периода, очевидно (рис. 7). Замечу, что этот сюжет, как, впрочем, и большинство упомянутых, используется на печатях и в дальнейшем – вплоть до железного века (РД–аккадский–старо-, средне-

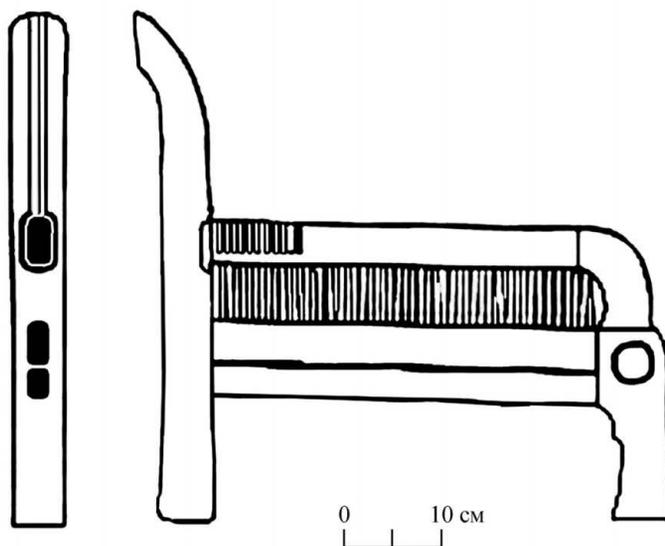
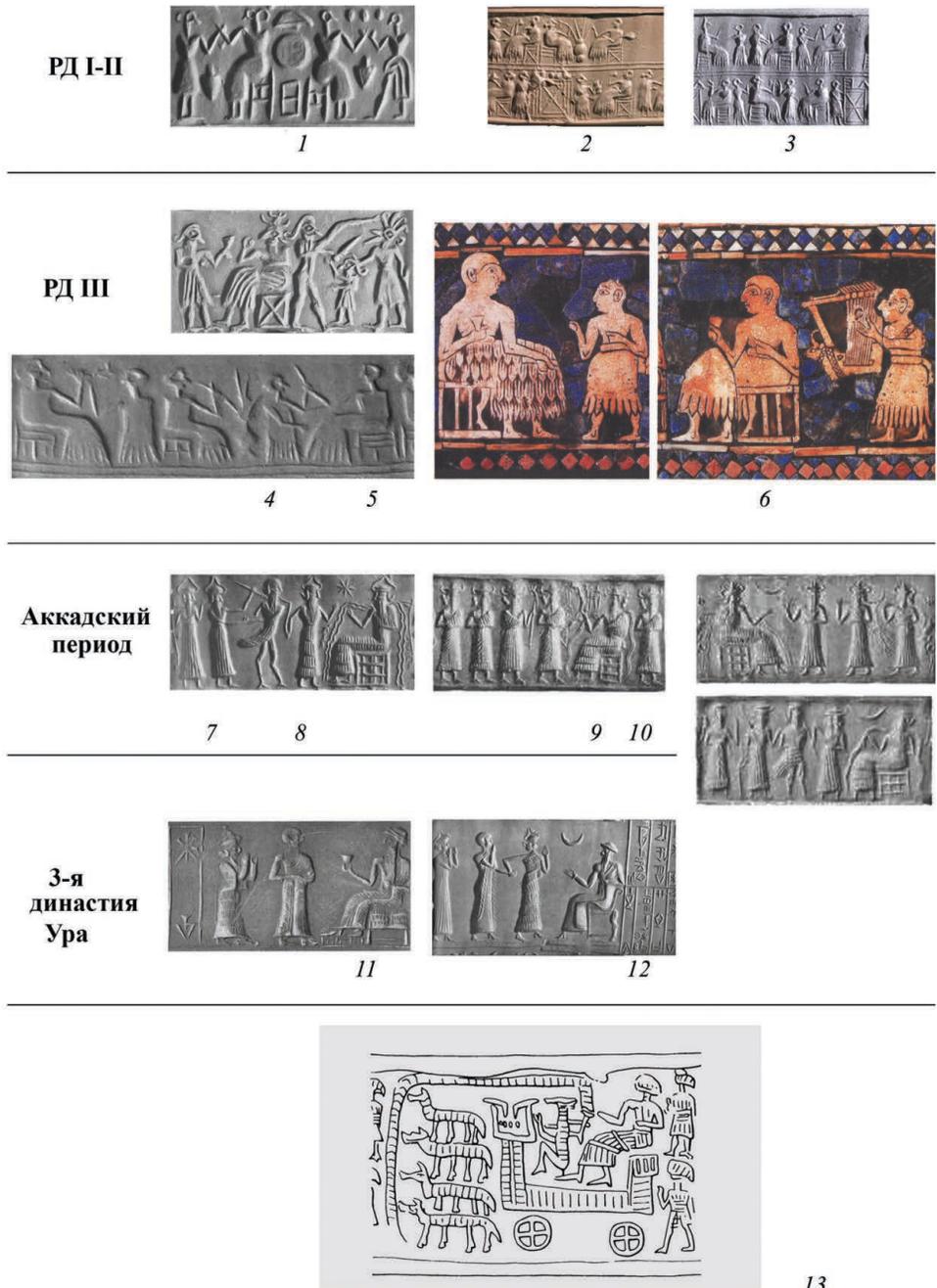

Рис. 6. Ананаури, курган 3. Кресло-трон из погребения беденской культуры (по: *Makharadze*, 2016)

Рис. 7. Изображения сидений-тронов и кресел-тронов по ближневосточным материалам

1–5, 7–12 – оттиски месопотамских цилиндрических печатей разных периодов; 6 – изображения на урукском «штандарте»; 13 – оттиск анатолийской цилиндрической печати

и нововавилонские и ассирийские). На печатях раннединастических, аккадского и последующих периодов представлены изображения как божеств, так и знатных, возможно – обожествленных, персонажей, восседающих на креслах, в том числе и достаточно простых, напоминающих новотиторовские или катакомбный образцы.

Представленные на печатях сиденья разнообразны. Предваряя специальную их классификацию, можно выделить несколько видов. Простейший «табурет-клеть» из двух или трех горизонтальных уровней планок, соединенных вертикальными стойками. Форма широко распространенная, появляющаяся раньше других (?), но бытующая параллельно с более сложными и на протяжении II тыс. до н. э. Подобное сиденье является во множестве композиций принадлежностью и атрибутом Эа-Энки, божества вод и подземного мира (рис. 7: 7–10), причем не меняясь вплоть до очень позднего времени, когда получают распространение и остальные, значительно более сложные разновидности. Подобная устойчивость традиции служит определенным указанием на архаизм именно этой, простейшей, формы. И именно она более всего напоминает сиденье-«трон» на новотиторовской повозке из Останнего. Другой распространенный тип, появляющийся предположительно несколько позднее, но также бытующий очень долго, – «складной стульчик» с Х-образно соединенными ножками или распорками (рис. 7: 4). Настоящие кресла со спинкой и подлокотниками (сходные с экземпляром из Ананаури) появляются на печатях заметно позднее, вероятно – уже во время 3-й династии Ура или в последние века III тыс. до н. э.

Обращает на себя внимание серийность таких изображений на печатях, одновременное присутствие семи персонажей с «табуретами» на урском «штандарте», причем шесть из них в сцене пира развернуты лицами в сторону одного, вероятно, главного. По-видимому, и на «штандарте», и на некоторых печатях представлены не только божественные персонажи или верховные правители, но и главы неких более дробных образований более низкого уровня (по крайней мере – в III тыс.). Несмотря на то что все семеро пирующих на «штандарте» восседают на одинаковых сиденьях-«клетях», особенный, престижный характер такой мебели обозначен выразительной деталью – у каждого один из штифтов (или ножек) имеет вид ноги копытного, скорее всего – быка (рис. 7: 6). Точно такой вид имеет и одна из ножек настоящего кресла-трона на более поздней печати Ур-намму из Британского музея (рис. 7: 12). Интересны в этой связи и приводимые Е. В. Антоновой со ссылкой на Д. Поттса данные о структуре месопотамского импорта в РД периоде, согласно которым повозки и троны поступали в готовом виде из Элама (Антонова, 1998. С. 129). Здесь множественное число касается обеих категорий, не только повозок, здесь же они опять оказываются вместе, в некоей условной связке.

Изображения повозок на месопотамских печатях достаточно редки. Тем интереснее приведенный у Б. Брентьеса оттиск анатолийской печати с изображением большой четырехколесной повозки с высоким сиденьем, имеющим явное сходство с описанным выше простейшим типом «табурета-клетки» (рис. 7: 13). Неординарный статус восседающего на нем персонажа следует уже из простого сравнения с изображениями других окружающих его человеческих фигур.

Вероятно, что и в данном случае представлено не обычное сиденье, а именно трон, установленный на повозку, возможно, закрепленный на ней.

Особый культ трона, его обожествление и персонификация отмечены у хеттов (*Ардзинба*, 2015. С. 210, 211, 313). Трон царя ассоциировался с особым божеством (женского рода?), причем отношения правителя с ним складывались по-разному, царь мог вступать в препирательства с троном, ссориться, мириться и т. д. Трону (предмету/божеству) приносились специальные жертвы (Там же. С. 72, 77). Царский трон или «трон царствования» путешествовал, перевозился на повозке вместе с хозяином во время регулярных выездов культовых центров и различных областей хеттской державы. Нет данных, имел ли своего покровителя или зависел от того же божественного персонажа соответствующий атрибут царицы («трон царицынствования»), но и он перевозился вслед за владелицей, причем маршруты царской четы могли быть разными. Сложные ассоциативные связи между властными функциями и их атрибутами и воплощениями отражены, например, в одной из вербальных обрядовых формул: «мне, царю, царствование-колесницу Бог-Престол из-за моря принес» (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 726). Важная роль отводилась трону также в погребальном ритуале, именно на него помещались останки умершего царя. И в этом случае в архаических хеттских погребальных (царских) ритуалах отмечается органическая связь бога-престола, трона и колесных повозок, проявляющаяся в использовании при похоронах именно двух повозок, на одной из которых доставляется к месту кремации/захоронения тело покойника, а на другой его изображение, помещавшееся на золотой престол в специальной погребальной палатке (Там же). Особо отмечается, архаизм хеттских царских ритуалов, являющихся «наследием значительно более древнего периода развития хеттского общества, чем то, которое засвидетельствовано по клинописным текстам багазкёйских архивов» и сохранение в них черт социальной организации доклассового общества (*Ардзинба*, 2015. С. 340).

В завершение – о датировке рассмотренных погребальных комплексов с двумя повозками и креслами-тронами. Для погребения 4/21 Межкирпильского I могильника по костям мелкого рогатого скота из жертвенника, находившегося в выкиде из могильной ямы, получена радиоуглеродная дата: 2877–2680 гг. CalBC (Poz-95890). При этом обозначенный почти двухсотлетний диапазон, вероятно, может быть несколько сужен, поскольку имеются даты еще для двух впускных могил данного кургана, судя по стратиграфии, отделенных от основной могилы небольшим промежутком времени. Впускное захоронение 15, совершенное по типично новотиторовскому обряду в скорченном полусидячем положении с разворотом туловища и ног вправо, датируется 2889–2701 гг. CalBC (Poz-95911). Для впускного вытянутого погребения 25, относящегося, как и основная могила, к кочетовскому варианту новотиторовской культуры, получено две даты: по костям человека – 2862–2625 гг. CalBC, по костям мелкого рогатого скота – 2855–2582 гг. CalBC (Poz-95913 и Poz-95914 соответственно). Таким образом, наш комплекс по сумме определений достаточно точно датируется 29–28 вв. до н. э.

Основное погребение 150 кургана 1 могильника Останний с двумя повозками и установленным на одной из них особым сиденьем не имеет своей даты, но впущенное в этот же курган, а значит, более позднее также новотиторовское

погребение 160 датировано интервалом 3334–2926 гг. CalBC (Le-2963). Приблизительно к этому же времени или к рубежу III–IV тыс. и первым векам III тыс. до н. э. могут быть отнесены и другие рассмотренные комплексы новотиторовской и раннекатакомбной культур.

Ананаурский курган № 3 также по радиоуглероду, с большой степенью точности, поскольку датирование осуществлялось по серии проб, взятых из ряда последовательных годовых колец хорошо сохранившегося бревна, причем все образцы расположились последовательно без всякой инверсии, относится к первой половине 24 в. до н. э. (усредненная дата – 2370 ± 26 CalBC) (Boaretto et al., 2016). К Раннединастическому III периоду, или 25–24 вв. до н. э., принадлежат находки из некрополя Ура; к перв. пол. – середине II тыс. до н. э. – описания архаичных, как уже говорилось, хеттских ритуалов. Соответственно, на данный момент наиболее ранние свидетельства особых и, очевидно, престижных форм погребального обряда, подразумевающих использование двух повозок и особого сиденья-кресла-«трона», происходят из памятников степных скотоводческих культур северной части циркумпонтийского ареала. Думаю, что подобное наблюдение представляет интерес и для реконструкции социальных процессов в культурах бронзового века, и для выяснения путей проникновения групп носителей индоевропейских диалектов в Анатолийско-Месопотамский регион.

Таким образом, на основании приведенных материалов можно говорить о выделении принципиально новой категории сопровождающего инвентаря в погребениях нескольких культурных образований конца раннего и среднего этапов бронзового века Причерноморья и Предкавказья – предметов мебели, причем не простой, а выступающей в качестве определенного маркера престижа захороненных с нею людей. Что ориентирует на более внимательное отношение к органическим остаткам и более тщательную их фиксацию при будущих исследованиях.

Второй момент – выделение особой и, очевидно, также престижной формы погребального обряда с использованием двух повозок и особого сиденья-кресла-трона. Несмотря на небольшое пока число наблюдений, хронологическое соотношение известных по археологическим и письменным источникам проявлений и сообщений свидетельствует в пользу приоритета степных культур, зарождения данной традиции в их среде и дальнейшего распространения ее через Кавказ в Анатолию. Не исключено, что речь идет об еще одном свидетельстве индоиранской или протоиндо-арийской и протохеттской принадлежности, по крайней мере, части населения, представленного культурами раннего и среднего бронзового века Приазовско-Предкавказского региона.

Последнее существенно для определения социальных процессов в культурах бронзового века степной зоны, особенностей политогенеза в зоне ранних городских цивилизаций, а также достаточно определенно обозначает кавказские пути как вполне реальные для проникновения групп носителей индоевропейских диалектов в Анатолийско-Месопотамский регион. Возможность, очевидно недооцениваемая при этнолингвистических реконструкциях, где до сих пор предпочтение отдается балканским или среднеазиатским маршрутам.

Конечно, в этой части есть значительный элемент дискуссионности. В частности, в работе В. Ардзинбы многие ритуалы и церемониальные действия с тронами и повозками рассматриваются не как собственно хеттские, а связываются

с хатской традицией, так как при их совершении целый ряд вербальных формул произносился на хатском языке. Не следует, однако, забывать, что он придает особое значение таким моментам, поскольку одним из подспудных лейтмотивов его построений является признание хатского этноса и хатского языка непосредственными прародителями абхазов и языка абхазского. Что, безусловно, требует дальнейшего изучения и специального разбора. В этой же связи остается только пожалеть, что специальная терминология, связанная с символами статуса/власти в индоевропейских языках, не рассматривалась в основополагающей работе В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе. Такое исследование было бы важным для раскрытия новых аспектов только намеченных выше проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И., Гей А. Н.*, 2018. Конструктивные особенности колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона в III–I тыс. до н. э. // АЭАЕ. Т. 46. № 3. С. 41–48.
- Антонова Е. В.*, 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 222 с.
- Ардзинба В. Г.*, 2015. Ритуалы и мифы Древней Анатолии // *Ардзинба В. Г.* Собрание трудов. Т. 1: Древняя Малая Азия: история и культура. М.: Ин-т востоковедения РАН; Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед. С. 48–364.
- Вулли Л.*, 1961. Ур халдеев. М.: Восточная литература. 255 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.*, 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Тбилисский ун-т. 1328 с.
- Гей А. Н.*, 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В. И. Гуляев и др. М.: Восточная литература. С. 78–113.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.
- Гей А. Н., Клеценко А. А., Юнкин Д. А.*, 2018. Новая находка повозок новотиторовской культуры в Прикубанье // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. С. 60–63.
- Ковалева И. Ф.*, 1999. О новом типе деревянных катакомбных повозок // Проблемы археологии Поднпрров'я. Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет. С. 97–104.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука. 227 с.
- Махарадзе З. Э.*, 2019. Погребения с повозками эпохи ранней бронзы Грузии. // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: Сб. к 90-летию Р. М. Мунчаева / Ред. Х. А. Амирханов. М.: ИА РАН. С. 256–272.
- Наглер А. О., Антпина Е. Е.*, 1988. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 68–77.
- Тереножкін О. І.*, 1951. Курган Сторожова Могила // Археологія. Т. 5. С. 183–191.
- Урайкин С. В.*, 1993. Погребения эпохи бронзы из кургана в Степном Прикубанье // Музейный вестник / Краснодарский гос. ист.-археолог. музей-заповедник. Вып. 1. Краснодар. С. 10–23.
- Amiet P.*, 1980. La glyptique mesopotamienne archaïque. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique. Paris: Editions du CNRS. 552 p.
- Boaretto E., Lev R., Regev L.*, 2016. Radiocarbon Dating of the Early-Bronze Age Burial Site «Kurgan-Ananauri No. 3», Georgia // *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B.* Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Georgian National Museum. P. 284–291.

- Brentjes B.*, 1983. *Alte Siegel-Kunst des Vorderen Orients*. Leipzig: E. A. Seemann. 223 S.
- Makharadze Z.*, 2016. Ananauri №3 Big Kurgan // *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B.* Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Georgian National Museum. P. 27–106.
- Makharadze Z., Murvanidze B.*, 2014. Ananauri № 3 big kurgan // *Dziebani*. No. 22. P. 50–68. (In Georgian.)

Сведения об авторе

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru

A. N. Gey

THRONE-LIKE ARMCHAIRS AND WAGONS
IN THE BRONZE AGE CULTURES OF THE CIRCUMPONTIC AREA

Abstract. The recent discovery of two wagons and an unusual chair looking like an armchair attributed to the Novotitorovka culture (grave 21, kurgan 4, Mezchkirpilsky I burial ground in the steppe Kuban region), and likely analogies to this find in the Yamnaya and Catacomb assemblages from the Black Sea maritime steppes and the Fore-Caucasus as well as the Bedeni culture in Georgia raise the issue of emergence of a special, prestigious form of the funerary rite with the use of two wagons and an armchair that looks like a throne. Likely replicas have been found further to the south in Mesopotamia (the Ur cemetery). A special cult of the throne existed among the Hittites; for example, two wagons and a throne feature in the Hittite kingly funerary rite is known from written sources. The chronological priority of such finds in the Novotitorovka culture (2900–2800 CalBC) regarding kurgan 3 of Ananauri (2400 CalBC) attributed to the Bedeni culture, and, in particular, Hittite tablets dating to 2000 BC argues in favor of development of this rite among the steppe kurgan cultures with its subsequent dissemination in the South Caucasus and Anatolia. This fact is interesting for reconstruction of social processes in various Bronze Age cultures as well as clarification of the routes via which speakers of Indo-European dialects penetrated the Anatolia-Mesopotamia region.

Keywords: Bronze Age, kurgan funerary rite, Novotitorovka culture, Bedeni culture, Ur cemetery, Hittites, wagons, throne-like armchairs, social structure.

REFERENCES

- Amiet P., 1980. *La glyptique mesopotamienne archaïque*. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique. 552 p.
- Antonova E. V., 1998. *Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvam* [Mesopotamia on the way to the first states]. Moscow: Vostochnaya literatura. 222 p.
- Ardzinba V. G., 2015. *Ritually i mify drevney Anatolii* [Rituals and myths of ancient Anatolia]. *Ardzinba V. G. Sobraniye trudov* [Collected works], 1. *Drevnyaya Malaya Aziya: istoriya i kul'tura* [Ancient Asia Minor: history and culture]. Moscow: IV RAN; Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 48–364.
- Avilova L. I., Gey A. N., 2018. *Konstruktivnyye osobennosti kolesnogo transporta Irano-Mesopotamskogo regiona v III–I tys. do n. e.* [On the Construction Features of Wheeled Vehicles in Iran and Mesopotamia (Third to First Millennia BC)]. *AEAE*, vol. 46, no. 3, pp. 41–48.

- Boaretto E., Lev R., Regev L., 2016. Radiocarbon Dating of the Early Bronze Age Burial Site «Kurgan Ananauri No. 3», Georgia. *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3*. Tbilisi: Georgian National Museum, pp. 284–291.
- Brentjes B., 1983. *Alte Siegelkunst des Vorderen Orients*. Leipzig: E. A. Seemann. 223 p.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs., 1984. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeysy [Indo-European language and the Indo-Europeans]*. Tbilisi: Tbilisskiy universitet. 1328 p.
- Gey A. N., 1999. O nekotorykh simvolicheskikh momentakh pogrebal'noy obryadnosti stepnykh skotovodov Predkavkaz'ya v epokhu bronzy [On some symbolic points of burial rite of steppe stock-breeders of Fore-Caucasus in Bronze Age]. *Pogrebal'nyy obryad: Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [Burial rite: Reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 78–113.
- Gey A. N., 2000. *Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]*. Moscow: Staryy sad. 223 p.
- Gey A. N., Kleshchenko A. A., Yunkin D. A., 2018. Novaya nakhodka povozok novotitorovskoy kul'tury v Prikuban'ye [New find of Novotitorovka culture vehicles in Kuban region]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX «Krupnovskiy chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza [Caucasus in system of cultural relations in Eurasia in antiquity and Middle Ages. XXX Krupnov readings on archaeology of North Caucasus]*. U. Yu. Kochkarov, ed. Karachayevo: Karachayevo-Cherkesskiy gos. universitet, pp. 60–63.
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'ye kak arkhologicheskii istochnik po epokhe bronzovogo veka na stepnoy granitse Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Ipatovo big kurgan in Stavropol region as archaeological source on Bronze Age on steppe border between Eastern Europe and Caucasus]. Moscow: Nauka. 227 p.
- Kovaleva I. F., 1999. O novom tipe derevyannykh katakombnykh povozok [On new type of wooden vehicles of Catacomb culture]. *Problemy arkheologii Podniprova [Problems of archaeology of Dnieper region]*. Dnipropetrovs'k: Dnipropetrovs'kyy derzhavnyy universitet, pp. 97–104.
- Makharadze Z., 2016. Ananauri No. 3 Big Kurgan. *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3*. Tbilisi: Georgian National Museum, pp. 27–106.
- Makharadze Z. E., 2019. Pogrebeniya s povozkami epokhi ranney bronzy Gruzii [Early Bronze Age burials with vehicles in Georgia]. *Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka: sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya R. M. Munchayeva [Caucasian mountains and Mesopotamian steppe at the dawn of Bronze Age: collection of articles to 90th anniversary of R. M. Munchaev]*. H. A. Amir Khanov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 256–272.
- Makharadze Z., Murvanidze B., 2014. Ananauri No. 3 big kurgan. *Dziebani*, 22, pp. 50–68. (In Georgian.)
- Nagler A. O., Antipina E. E., 1988. O khronologicheskome meste vos'merkoobraznykh yam epokhi sredney bronzy mozdokskoy stepi [On chronological position of eight-like pits of Middle Bronze Age in Mozdok steppe]. *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza [Burial rite of ancient and medieval population of North Caucasus]*. T. B. Turgiyev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 68–77.
- Terenozhkin O. I., 1951. Kurgan Storozhova Mogyla [Kurgan Storozhova Mogila]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 5, pp. 183–191.
- Uraykin S. V., 1993. Pogrebeniya epokhi bronzy iz kurgana v Stepnom Prikuban'ye [Bronze Age burials from kurgan in Kuban steppe region]. *Muzeynyy vestnik (Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskii muzey-zapovednik) [Museum bulletin (Krasnodar state historical-archaeological museum-reserve)]*, 1. Krasnodar, pp. 10–23.
- Woolley L., 1961. *Ur khaldeyev [Ur of the Chaldeans]*. Moscow: Vostochnaya literatura. 255 p.

About the author

Gey Alexander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru

В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, П. Хоммель

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ (МОГИЛЬНИК КЛАДЫ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)*

Резюме. В статье представлены результаты исследования наземной гробницы майкопской культуры прежде неизвестного типа, предшествующей сооружению дольмена в кургане 1, раскопанного Н. И. Веселовским у ст. Царская в 1898 г., Северо-Западный Кавказ. Гробница представляла собой наземное сооружение со сложными из камня насухо стенами, мощенным галькой и обмазанным глиной полом с деревянными брусками по периметру, и глиняной крышей. Фасад гробницы с входом был оформлен в виде неглубокого портала. Согласно результатам радиоуглеродного датирования, парное погребение в гробнице было совершено в период между 3300 и 3100 гг. до н. э. Конструкция гробницы разделяет ряд общих признаков не только с дольменами Царской, но и с майкопскими погребениями в ямах и наземных гробницах. Эти данные позволяют уточнить общую траекторию развития погребального обряда майкопской культуры.

Ключевые слова: Кавказ, ранняя бронза, майкопская культура, погребальный обряд, радиоуглеродные даты.

Введение

В рамках совместного проекта ИИМК РАН и ГИМ по реконструкции археологического контекста погребений в дольменах, раскопанных Н. И. Веселовским в 1898 г. у станции Царская (совр. Новосвободная) (ОАК за 1898 г. ..., 1901), в 2017–2018 гг. были продолжены раскопки кургана 1. Он входит в состав могильника Клады, который в 1979–1991 гг. исследовался А. Д. Резепкиным. Чтобы исключить путаницу, внесенную в нумерацию и соответствующее описание

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ Древности № 18-09-40058/18, программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009, гранта № 670010 (FLAME) по исследовательской программе ЕС Horizon 2020.

курганов (Попова, 1963. С. 9–13. Рис. 2; Резепкин, 2012. С. 29, 130. Рис. 1), было решено вернуться к оригинальной нумерации и названию памятника «дольмены ст. Царской», закрепленных для двух курганов могильника в отчете и публикации Н. И. Веселовского (архив ИИМК РАН. Ф-1. Д. 60. 1898 г.; ОАК за 1898 г..., 1901), а также музейных описях (ГИМ-42405, А89).

Курган 1 входит в группу из 6 самых больших насыпей могильника, высотой от 4 до 10 м, расположенных цепочкой вдоль вершины водораздела (ССЗ–ЮЮВ) возвышенности урочища Клады. На плане 1950 г. А. А. Иессена это курган 18, на плане А. Д. Резепкина – 27.

Высоту кургана 1 от подошвы до вершины Н. И. Веселовский определил в 4½ сажени (Архив ИИМК РАН. Д. 60, 1898 г.), или 9,6 м. Он заложил раскоп от центра кургана к северной поле в виде глухой траншеи (рис. 1). В центральной части выше древней дневной поверхности найдены два погребения, одно из которых разрушено грабительской ямой, а в дополнительной прирезке в восточной стене траншеи был открыт дольмен с двускатной крышей и богатым погребением в одной из его камер. В ходе исследований этого дольмена в 2014–2016 гг. установлено, что насыпь над ним перекрыла более ранний курган высотой 2,5 м и диаметром 18 м. С учетом трех погребений, раскопанных Н. И. Веселовским, гробница под этим курганом была обозначена как погребение 4.

Конструкция гробницы

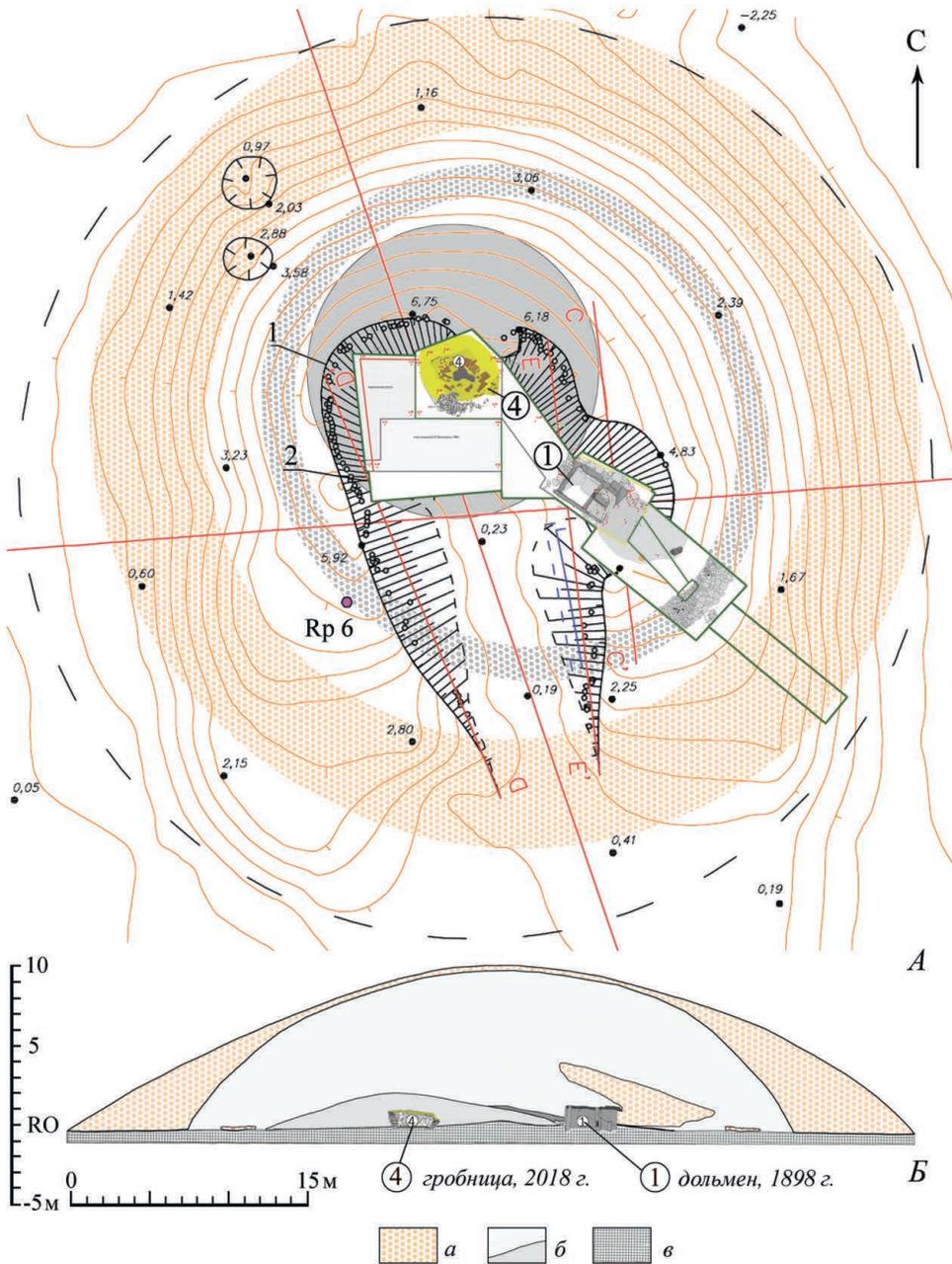
Гробница представляла собой наземное сооружение со сложенными из камня насухо стенами, мощенным галькой и обмазанным глиной полом с деревянными брусьями по периметру и глиняной крышей. Фасад с входом был оформлен в виде неглубокого портала, образованного выступающими торцами боковых стен и козырьком крыши. Общая длина и ширина сооружения снаружи – 3 м, высота – 1,4 м. Гробница ориентирована входом на ЮВ (рис. 2).

Из-за разрушения деревянной части перекрытия и деформации стен глиняная крыша просела внутрь погребальной камеры, однако удалось проследить ряд конструктивных деталей.

Крыша гробницы представляла собой слой глины (толщиной 20–25 см), уложенной поверх деревянного настила из планок шириной 10–18 см и толщиной 3–4 см. Планки были уложены продольно и поперечно, возможно – в два слоя. Их концы опирались на выровненную мелкими камнями и слоем глины верхнюю поверхность каменных стен и, может быть, поперечную балку над входом в погребальную камеру гробницы.

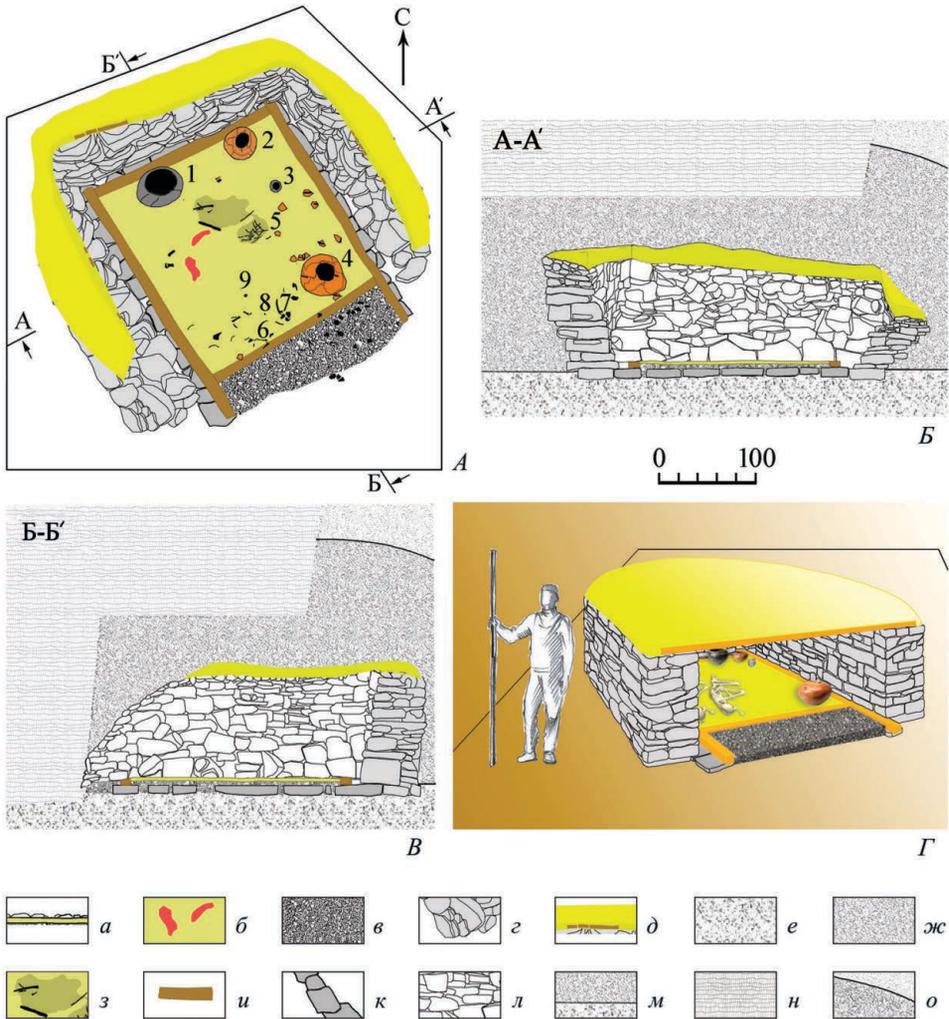
Боковые и задняя стены были сложены насухо из песчаникового обломочника, причем для кладки углов были отобраны камни относительно правильной четырехгранной формы, а сама кладка включала элементы перевязки. В ней преобладали камни 35–40 см в поперечнике. Толщина стен – 60–65 см, а их высота – 110 см. Каменной стены с ЮВ стороны гробницы не было.

Стены гробницы сложены на выровненном участке древней дневной поверхности без какого-либо фундамента. Размер камней в нижней части стен превышает средние размеры камней в верхней части кладки. Камни в нижней части

Могильник Клады (ст. Новосвободная – бывш. ст. Царская), курган 1, раскопки 1898 г., 2014–2018 гг. Реконструкция общего плана (А) и разреза (Б)

Условные обозначения: а – дольмен, 1898 г.; б – камни (кромлех, кирпич, заполнение двора дольмена); в – гробница, 2018 г.; г – земляные насыпи; д – погребенная почва, материк

Рис. 2. Могильник Клады (ст. Новосвободная – бывш. ст. Царская), курган 1, погребение 4 – наземная гробница с глиняной крышей

А – план погребения: 1–4 – керамика; 5, 6 – костяные булавки (?); 7 – кремневый вкладыш; 8 – кремневый наконечник стрелы; 9 – фрагмент бронзового предмета; *Б* – разрез А–А'. *В* – разрез Б–Б'. *Г* – реконструкция гробницы

Условные обозначения: *а* – глиняная обмазка пола; *б* – киноварь; *в* – галька; *г* – камни стен (разрез); *д* – деревянное и глиняное перекрытие; *е* – материк; *ж* – насыпь 1; *з* – кости и костный тлен; *и* – брус; *к* – плиты фундамента; *л* – камни стен (вид); *м* – древняя дневная поверхность; *н* – заполнение раскопа 1898 г.; *о* – насыпь 2

кладки более плоские, что придавало стенам дополнительную устойчивость к деформации под нагрузкой. Многие камни имеют следы окатанности и, вероятно, происходят из речных отложений.

Вдоль внутреннего периметра стен на одном уровне с их основанием из плоских плит песчаника (шириной 25 см, толщиной 3–5 см, длиной 40–70 см) выложен ленточный фундамент для рамы из деревянных брусьев. Его плиты уложены таким образом, что образуют прямоугольник с внутренним пространством длиной 2,05–2,1 м и шириной 1,68–1,78 м. Со стороны входа в гробницу плиты ленточного фундамента, выложенные вдоль ее длинных сторон, выходят за пределы поперечной кладки приблизительно на 40 см (рис. 2: А). Эта часть конструкции, возможно, была длиннее, но не сохранилась, так как была повреждена раскопом Н. И. Веселовского.

Внутреннее прямоугольное пространство, образованное ленточным фундаментом, было вымощено большими плоскими камнями размерами от 30 до 60 см в поперечнике.

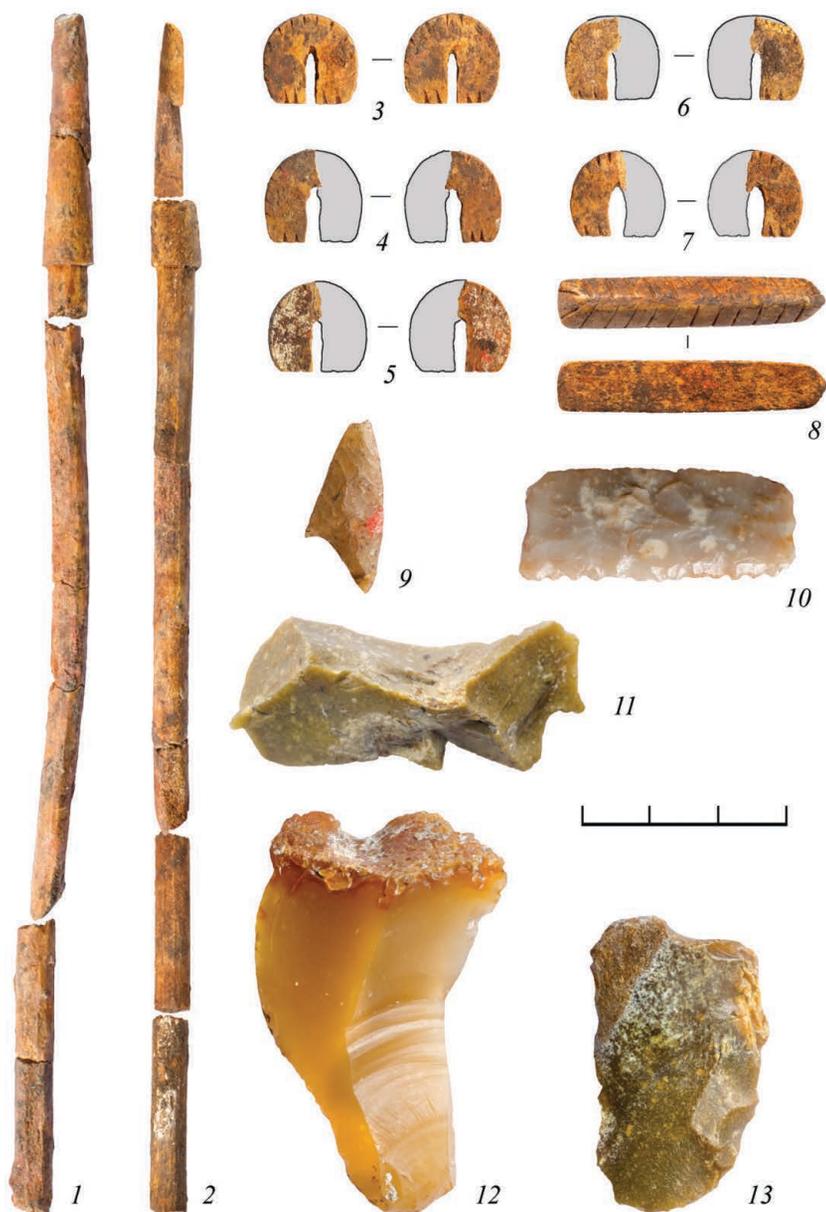
Пространство между камнями вымостки заполнено мелкой речной галькой. Слой такой же гальки толщиной 5–7 см перекрывал всю поверхность вымостки, оставаясь внутри пространства, образованного рамой из деревянных брусков, положенных на каменный ленточный фундамент. Галька была обнаружена и на земляном основании со стороны входа в гробницу – между продолжением ленточного фундамента вдоль боковых стен гробницы с ЮВ стороны. На этом участке каменной вымостки пола не было. В обеих частях гробницы галечная подсыпка была покрыта слоем глины толщиной 3 см. В этой конструкции деревянная рама из бруса (с поперечным сечением приблизительно 10 × 10 см) выполняла роль опалубки, удерживающей заполнение из гальки и глины от расползания.

Обряд погребения и инвентарь

Основная часть костей погребенных была разрушена и выброшена из погребальной камеры через ее вход при ограблении в древности, до обрушения крыши. По составу и положению оставшихся на первоначальном месте фрагментов костей рук, ног и грудной клетки можно определить, что тела двух взрослых человек лежали на растительных подстилках в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ. По заключению А. А. Казарницкого (МАЭ РАН), возраст одного из погребенных 25–35 лет, второго (мужчины) – около 35–45 лет.

Почти все небольшие предметы, помещенные в момент погребения рядом с телами или располагавшиеся на них, были смещены со своих мест в момент ограбления. Из украшений в районе грудной клетки одного из погребенных осталась только костяная булавка-застежка с коническим навершием, длиной 17,5 см (рис. 3: 1). Обломки второй булавки такой же формы были найдены переотложенными у входа в гробницу (рис. 3: 2). Обычно предмет такой формы интерпретируется как наконечник стрелы, что трудно согласуется с его длиной, большая часть которой (14 см) приходится на «черенок».

Кроме малоподходящих для наконечников стрел пропорций у этих предметов есть еще несколько особенностей, сближающих их с булавками-застежками.

Рис. 3. Могильник Клады, (ст. Новосвободная – бывш. ст. Царская) курган 1, погребение 4. Предметы из кости (1–8) и кремня (9–13)

1, 2 – булавки (?); 3–8 – набор игральные фишек (?); 9 – наконечник стрелы; 10 – вкладыш; 11 – обломок нуклеуса (?), 12, 13 – скребки

Как и серебряные посоховидные булавки-застежки, в погребениях могильника Клады они встречаются парами и располагаются на уровне груди (к. 28, п. 1) (Резепкин, 2012. С. 181, 183. Рис. 52: 1; 54: 2), при этом серебряные посоховидные и костяные (роговые) с коническим навершием булавки в одних и тех же комплексах не встречаются. Наличие золотых накладок на конусовидных навершиях двух подобных булавок из Нальчикской гробницы (Чеченов, 1973. Рис. 28: 13, 14) также говорит в пользу интерпретации костяных предметов с длинным цилиндрическим стержнем и конусовидным навершием как булавок-застежек, а не наконечников стрел.

При ограблении гробницы вместе с костями погребенных к ее входу были перемещены и оставлены грабителями без внимания следующие мелкие предметы из состава погребального инвентаря:

1. Костяные диски с боковой прорезью и насечками по периметру. Найден 1 целый диск и 4 в обломках. Это очень маленькие (диаметр – 14 мм, толщина – 3 мм), но аккуратно сделанные предметы. По форме они представляют собой почти правильный круг с удаленным сектором. От центра диска к его краю под прямым углом к середине линии хорды проходит прорезь шириной 1 мм; по периметру симметрично с обеих сторон нанесены неглубокие треугольные насечки (по 15 на каждом) длиной 1 мм. Поверхность дисков местами заполирована (рис. 3: 3–7). Назначение предметов неизвестно. Возможно, это игральные фишки.

2. Костяной брусок с рисками на боковых поверхностях длиной 38 мм. Как и «фишки», это маленький и аккуратно сделанный предмет. Один конец бруска слегка закруглен, противоположный заострен. Нижняя поверхность бруска заглажена, верхняя заполирована. На двух смежных продольных поверхностях перпендикулярно продольной оси нанесено по 11 симметрично расположенных рисок. На слегка закругленном торце бруска нанесено две риски, а на противоположном заостренном торце четыре – по две на смежных наклонных поверхностях. Назначение предмета неизвестно. Возможно, это игральная кость или фишка из того же комплекта, в который входили костяные диски (рис. 3: 8).

3. Кремневый асимметричный (флажковидный) наконечник стрелы длиной 2,5 см, относящийся к группе кремневых черенковых наконечников стрел с одним шипом. Асимметричность наконечника является результатом формирования шипа на одной из режущих кромок пера, из-за чего они располагаются под разным углом относительно продольной оси наконечника, которая проходит по линии между острием и заостренным окончанием черенка. Продольная ось наконечника совпадает с сечением по линии максимальной толщины наконечника. На поверхности, обработанной отжимной ретушью, сохранились пятна красного пигмента (киноварь) (рис. 3: 9). Чаще всего наконечники этого типа описывают как наконечники «...с асимметричной выемкой в основании» (Резепкин, 2012. С. 44, 204. Рис. 75: 11) и, соответственно, размещают на рисунках и фотографиях этим основанием параллельно горизонтальной плоскости. Такое описание и изображение подразумевают отсутствие черенка и крепление наконечника к древку именно в этой выемке в основании. В результате острие наконечника смещено от его вертикальной оси, а шип полностью теряет свою функциональность, так как оказывается прижатым к древку. Эти небольшие

неточности в описаниях и иллюстрациях ведут к ошибочной функциональной идентификации частей наконечников такой конструкции и их классификации. На самом деле такой наконечник крепился к древку с помощью треугольного черенка, расположенного на одной вертикальной оси с острием, именно для того, чтобы шип мог в полной мере выполнять в образовавшейся ране роль стопора обратного хода.

4. Кремневый вкладыш прямоугольной формы с пильчатой ретушью по одной из длинных сторон, обработанный с обеих сторон отжимной ретушью, длиной 4 см (рис. 3: 10);

5. Осколок (фрагмент нуклеуса) светло-коричневого кремня со следами снятия с него отщепов размерами $5,5 \times 2,5$ см. Один из плоских торцов осколка использовался как ударная площадка для отделения отщепов длиной 2,5 см и шириной 2 см (рис. 3: 11).

6. Скребок на кремневом отщепе размерами 6×3 см. На поверхности ударной площадки сохранилась природная корка. Закругленный конец скребка и его боковые стороны обработаны вертикальной притупляющей ретушью (рис. 3: 12).

7. Скребок на кремневом отщепе размерами $4,3 \times 2,5$ см. По периметру край отщепа обработан вертикальной ретушью. Один конец скребка закруглен, а противоположный ему имеет неглубокую выемку (рис. 3: 13).

8. Обломок верхней части четырехгранного черенка бронзового предмета, вероятнее всего, шила, длиной 4 см.

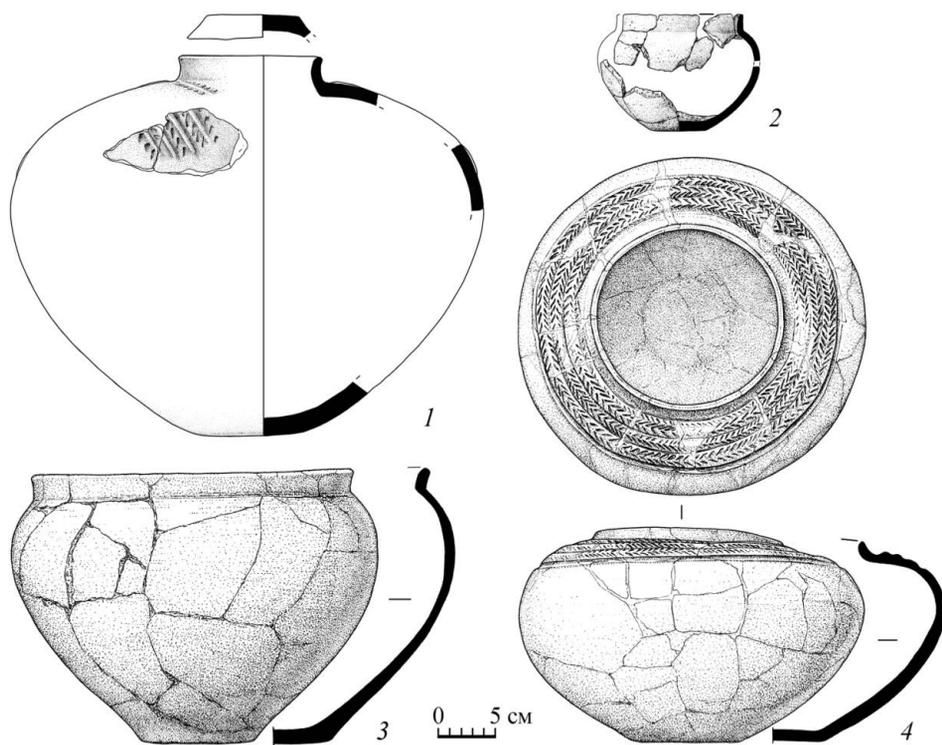
9. Резец парнокопытного животного длиной 4 см.

Вдоль северо-западной и северо-восточной стен погребальной камеры было расставлено 4 сосуда (рис. 2: А). Три из них остались не тронутыми грабителями. Поврежден был только четвертый сосуд, ближе других стоявший к входу в гробницу. Часть его фрагментов оказалась за пределами входа и, вероятно, была уничтожена раскопом Н. И. Веселовского. Восстановить этот сосуд не удалось.

Все сосуды разного размера, формы и цвета.

1. Орнаментированный сосуд с туловом неправильной сфероидной («реповидной») формы, низким и узким горлом и небольшим уплощенным дном, высотой 31 см. Максимальный диаметр тулова проходит на уровне верхней трети его высоты. Наружная и внутренняя поверхности кирпичного (темно-красного) цвета. Орнамент на плечиках в виде гладких параллельных валиков, расположенных под углом к основанию горла, пространство между которыми заполнено параллельными вдавлениями узкой линзовидной формы, нанесенными под углом к валикам. Полностью восстановить композицию орнамента из-за утрат невозможно. Судя по фрагментам, на отдельных участках валики, расположенные наклонно, примыкают к горизонтально расположенному валику под горлом (?), а наклонные вдавления вместе с валиками местами образуют елочную композицию. Среди обломков этого сосуда было обнаружено плоское дно с придонной частью другого сосуда. По цвету, составу теста, обжигу и качеству отделки поверхности этот фрагмент близок сосуду, для которого, вероятно, он служил крышкой (рис. 4: 1).

2. Неорнаментированный сосуд с низким широким горлом и прямым венчиком, узкими плечиками и небольшим плоским дном, высотой 10 см. Наружная поверхность темно-серого и черного цвета, хорошо заглажена и местами

Рис. 4. Могильник Клады (ст. Новосвободная – бывш. ст. Царская), курган 1, погребение 4. Керамика

залощена. По размерам и форме сосуд можно отнести к категории порционной столовой посуды (рис. 4: 2).

3. Неорнаментированный сосуд с широким коротким горлом, узкими покатыми плечиками и маленьким плоским дном высотой 23 см. Максимальный диаметр тулова проходит на уровне верхней трети его высоты. Наружная поверхность залощена, черного цвета. Под черным лощением светлая поверхность (рис. 4: 3).

4. Орнаментированный сосуд с туловом неправильной эллипсоидной формы, широкими плечиками, плоским дном, широким, прямым и очень низким горлом высотой 19 см. Цвет поверхности бежевых и бежево-красных оттенков. Поверхность залощена. На плечиках нанесены четыре концентрические каннелюры, разделенные тремя валиками, каждый из которых украшен расположенными «елочкой» узкими линзовидными вдавлениями. На валике, ближайшем к основанию горла, к двум рядам вдавлений «елочкой» добавлен третий ряд, превращающий угловой мотив в зигзагообразный (рис. 4: 4). Внутри сосуда был найден фрагмент кости животного.

Погребение 4 и стратиграфия кургана 1

Стратиграфический разрез между гробницей с глиняной крышей и дольменом, раскопанным Н. И. Веселовским, дает представление о последовательности сооружения кургана (рис. 1: *Б*). Сначала над гробницей с глиняной крышей была возведена земляная насыпь высотой 2,5 м и диаметром 18 м (рис. 1: *А*). В нее, вероятно, были впущены два погребения, раскопанные Н. И. Веселовским. Затем у края ЮВ полы этого кургана был построен дольмен с мощным галькой двором. Дольмен, двор и курган над погребением 4 был окружен кромлехом диаметром около 38 м по внешнему краю. Двор дольмена был завален камнями, а все сооружение перекрыто насыпью высотой 10 м и диаметром 42 м. В конце строительства подножие насыпи окружили каменной крепидой, а склоны покрыли панцирем из обломков светлого известняка. В результате общий диаметр кургана достиг 52–54 м.

Результаты радиоуглеродного датирования

Для учета возможных поправок для радиоуглеродного датирования было отобрано три образца: по одному от двух погребенных и фрагмент кости животного из сосуда.

Результаты измерений (табл. 1) хорошо согласуются между собой и указывают на отсутствие резервуарного эффекта. В итоге, с учетом суммарной вероятности результатов датирования, погребение 4 было совершено в период между 3300 и 3100 гг. до н. э. Это приблизительно за 100 лет до того, как на краю насыпи над гробницей с глиняной крышей был построен дольмен, раскопанный в 1898 г. Н. И. Веселовским (*Трифонов и др., 2017*).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного AMS-датирования OxCal 4.3 образцов из погребения 4 кургана 1 могильника Клады, ст. Новосвободная (бывш. Царская)

№	Контекст	Материал	Лаб. индекс	Дата BP	$\delta^{13}C$ (%)	$\delta^{15}N$ (%)	C%	N%	C/N	CalBC 68,2%	CalBC 95,4%
1	в сосуде	кость животн. <i>Ovis sp./</i> <i>Capra</i>	ОхА-36793	4490±30	-20,7	7,6	44,4	14,3	3,1	3330–3100	3350–3090
2	скелет 1	кость чел.	ОхА-36794	4508±30	-19,7	10,4	43,0	13,4	3,2	3340–3100	3350–3100
3	скелет 2	кость чел.	ОхА-36795	4484±31	-20,2	10,1	43,9	13,7	3,2	3331–3100	3345–3035

Заключение

Существует несколько причин считать открытие наземной гробницы с глиняной крышей существенным вкладом в изучение разнообразия погребальных сооружений майкопской культуры, их типологии и хронологической последовательности. Могильное сооружения такой конструкции не является уникальным

даже для могильника Клады. Возвращаясь к раскопкам прошлых лет, этот тип гробниц можно выявить среди погребений на древней дневной поверхности, полностью или частично перекрытых слоем материковой глины толщиной до 20 см. Вместе с остатками глиняных крыш в этих погребениях фрагментарно представлены и другие конструктивные элементы, в деталях прослеженные в погребении 4: каменные или деревянные стены, деревянные рамы опалубки для галечной или песчаной вымостки, наличие аванкамеры перед погребальной камерой (Резепкин, 2012. С. 145, 151, 194, 209. Рис 16: 2; 22: 2; 65: 1; 80: 6). В могильнике более 20 таких погребений, и все они стратиграфически предшествуют «новосвободненским» мегалитическим гробницам или дольменам, построенным из плит. Последние разделяют ряд общих конструктивных элементов с наземными гробницами из менее престижных и трудозатратных материалов – обломочника, гальки, дерева и глины. Характерно, что в ряде случаев каменные крыши гробниц были также покрыты толстым слоем глины (Там же. С. 29, 32), а в одном случае «новосвободненская» гробница из плит с галечной вымосткой в погребальной камере и входом в фасадной плите (Там же. С. 44, 209. Рис. 80: 1), вероятно, имела глиняное перекрытие.

Наземные гробницы майкопской культуры с каменными или деревянными стенами известны и за пределами могильника Клады (Бианки, Днепровский, 1988). Более того, конструкция погр. 4 демонстрирует, что типы майкопских погребений без ям – «на древней дневной поверхности», «на галечной вымостке», «в деревянной раме», «с каменной обкладкой» (Мунчаев, 1975; Корневский, 2004; Резепкин, 2012; 2017) – на самом деле представляют одну группу разрушенных или недостаточно полно исследованных наземных гробниц во всем ареале майкопской культуры.

Независимо от количества престижного инвентаря и разнообразия погребальных сооружений для майкопской культуры на всех этапах ее развития характерен один общий канон погребального обряда и два основных типа погребальных сооружений: ямы и наземные гробницы под курганами. При их строительстве в разном сочетании использовались дерево, камень, глина и, вероятно, сырец. Основные черты майкопской погребальной традиции разделяют и эталонные наземные мегалитические гробницы Царской/Новосвободной и Нальчика (Чеченов, 1973). Не исключено, что использование глиняного перекрытия в наземных гробницах связано с аналогичными приемами строительства жилых и хозяйственных построек в майкопской культуре. В целом результаты исследования наземной гробницы с глиняным перекрытием в кургане 1 могильника Клады позволяют пересмотреть общую траекторию развития погребального обряда не только в пределах новосвободненского варианта, но и майкопской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бианки А. М., Днепровский К. А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 71–78.
- Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 243 с.

- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 1975. 416 с.
ОАК за 1898 г. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1901. 197 с.
Попова Т. Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М.: ГИМ. 48 с. (Труды ГИМ; вып. 34.)
Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 344 с. (Труды ИИМК; вып. 37.)
Резепкин А. Д., 2017. Погребения эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 345–349.
Трифонов В. А., Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Фернандес Р., Хоммель П., 2017. Радиоуглеродная хронология дольменов эпохи ранней бронзы у ст. Царская, Северо-Западный Кавказ, 1898 г. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С.1042–1043. (DVD-ROM.)
Чеченов И. М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус. 68 с.

Сведения об авторах

Трифонов Виктор Анатольевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru;

Шишлина Наталия Ивановна, Государственный исторический музей, Красная пл., 1., Москва, 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Хоммель Питер, Школа археологии, Оксфордский университет, ул. Саут Парк Роуд, Оксфорд, OX13TG, Великобритания; e-mail: peter.hommel@arch.ox.ac.uk

V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, P. Hommel

NEW DATA ON MAYKOP FUNERARY CONSTRUCTIONS (KLADY CEMETERY, NORTHWESTERN CAUCASUS)

Abstract. The paper reports on the results of excavating an above-ground Maykop tomb of unknown type. This construction precedes the dolmen in kurgan 1 excavated by N. I. Veselovsky near the Tsarskaya village (northwestern Caucasus) in 1898. The tomb is an above-ground construction made of dry-stone walling, the floor paved with pebbles and covered with clay with wooden beams along the perimeter and a clay roof. The tomb façade with an entry aperture is made in the form of a shallow portal. The radiocarbon dating evidenced that a twin burial in the tomb had been made between 3300 and 3100 BC. The technical design of the tomb has some similarity not only with the Tsarskaya dolmens but also with Maykop burials made in pits and above-ground tombs. These data help clarify an overall development trajectory of the Maykop funerary ritual.

Keywords: Caucasus, Early Bronze Age, Maykop culture, funerary ritual, radiocarbon dates.

REFERENCES

- Bianki A. M., Dneprovskiy K. A., 1988. Ob odnom iz variantov pogrebal'nogo obryada maykopskoy kul'tury [On one variant of burial rite of Maykop culture]. *Voprosy arkhologii Adygei [Issues of archaeology of Adygea]*. Maykop, pp. 71–78.
Chechenov I. M., 1973. Nal'chikskaya podkurgannaya grobnitsa (III tys. do n. e.) [Nalchik kurgan tomb (III mill. BC)]. Nalchik: El'brus. 68 p.

- Korenevskiy S. N., 2004. Drevneyshiye zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost': problemy vnutrenney tipologii [Earliest farmers and stockbreeders of Fore Caucasus: Maykop-Novosvobodnaya entity: issues of internal chronology]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Munchayev R. M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 416 p.
- OAK za 1898 g. [OAK for 1898]. St. Petersburg: Imperatorskaya arkhеologicheskaya komissiya, 1901. 197 p.
- Popova T. B., 1963. Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy [Dolmens of Novosvobodnaya Cossack village]. Moscow: GIM. 48 p. (Trudy GIM, 34.)
- Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from cemetery «Klady»)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 344 p. (Trudy IIMK, 37.)
- Rezepkin A. D., 2017. Pogrebeniya epokhi ranney bronzy na Severnom Kavkaze [Early Bronze Age burials in North Caucasus]. *Trudy V(XXI) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s'yezda v Barnaule – Belokurikhe [Transactions of V(XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*, I. A. P. Derevyanko, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 345–349.
- Trifonov V. A., Shishlina N. I., van der Plikht Y., Fernandes R., Hommel P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya dol'menov epokhi ranney bronzy u st. Tsarskaya, S-Z Kavkaz, 1898 g. [Radiocarbon chronology of Early Bronze Age dolmens near Cossack village Tsarskaya, N-W Caucasus, 1898]. *V(XXI) Vserossiyskiy arkhеologicheskii s'yezd: sbornik nauchnykh trudov [V(XXI) All-Russian archaeological congress: collection of scientific works]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 1042–1043. (DVD-ROM.)

About the authors

Trifonov Viktor A., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru;

Shishlina Natalya I., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Hommel Peter, School of Archaeology, University of Oxford, 1 South Parks Road, Oxford OX13TG, GB; e-mail: peter.hommel@arch.ox.ac.uk

С. Н. Корневский

О ХРОНОЛОГИИ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ И ДИСКУССИЙ

Резюме. В статье проводится анализ радиоуглеродных дат майкопско-новосвободненской общности. Особо рассматриваются даты первой трети IV тыс. до н. э., которые связаны с ранними проявлениями майкопско-новосвободненской общности (МНО). Серия таких дат включает более десятка определений, выполненных в разных лабораториях по костям животных, людей и керамике. Далее в статье рассматривается схема А. А. Иессена, в которой в 1950 г. был поставлен вопрос о раннемайкопских и позднемайкопских памятниках. Схема А. А. Иессена основывалась на типологии изделий из бронзы. Деление по керамике сейчас позволяет выделить 4 типологических варианта майкопско-новосвободненской общности. Последняя схема сопоставляется со схемой А. А. Иессена и радиоуглеродными датами. В итоге представляется радиоуглеродная хронология для каждого варианта. Общий вывод статьи – МНО существовала долго, а ее ранний вариант был распространен в начале – середине IV тыс. до н. э. и доживал в отдельных местах до последних веков (34–32 вв. до н. э.) IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: майкопская культура, поселение, культурный слой, карбонатный горизонт, хронология, стратиграфия, радиоуглеродное датирование, комплекс, историография.

Датировка памятников круга Майкопского кургана и новосвободненских гробниц в начале XX в. была определена М. И. Ростовцевым как время, соответствующее протописьменному периоду Месопотамии (Rostovzev, 1920a; 1920b; 1922). Основанием для этого служила глубокая эрудиция российского ученого и знакомство его с произведениями Ближнего Востока в коллекциях европейских и американских музеев. Однако эта дата долгое время не принималась отечественной научной средой. Поворот в разработке темы наметился лишь в 1970-х гг., после прочтения В. С. Титовым фундаментального курса по археологии Передней Азии и Анатолии на кафедре археологии МГУ. М. В. Андреева (ученица В. С. Титова и Р. М. Мунчаева) предложила вернуться к точке зрения

М. И. Ростовцева о синхронности майкопских древностей протописьменному периоду в Месопотамии, подкрепив ее новыми материалами, причем на этот раз к сравнению были привлечены не только изображения, но и массовый археологический материал – керамические формы (Андреева, 1977; 1979).

Следующий шаг в датировке памятников майкопской культуры был сделан после публикации в 1993 г. первых дат поселений Галюгаевское I и III. Даты были выполнены в лаборатории Оксфорда и относили образцы Галюгаевского поселения I к 34–32 вв. до н. э. (ОхА-3777, 3355–3100 гг. ВС), затем позже в лаборатории Киева – к 33–32 вв. до н. э. (Ки-13022– 3240–3100 гг. ВС); а Галюгаевского III – к 37–34 и 40–37 вв. до н. э. (ОхА-3778, 3610–3354 гг. ВС; ОхА-3779, 3950–3650 гг. ВС); а также 39–36 вв. до н. э. (Ки-13021, 3800–3530 гг. ВС) соответственно. Примечательно, что даты были сделаны по костям животных и керамике, и их значения были очень близки. Совпадение дат по кости и керамике, полученных в разных лабораториях, лишний раз свидетельствует об их правомерности (Корневский, 1993. С. 100).

В дальнейшем начался быстрый рост числа радиоуглеродных определений, которые сейчас насчитывают более 100 значений. Данные радиоуглеродного анализа майкопских древностей подтвердили дендродатами германские коллеги (Канторович, Маслов, 2009. С. 115). Конечно, это не была некая радиоуглеродная революция, а скорее эволюция во взглядах на возраст майкопской культуры. Последняя удревнялась. Появились очень важные данные памятников позднего диапазона МНО, например – дата Нальчикской гробницы.

Такой процесс хорошо согласовывался с типологическими параллелями, в частности – с находками из слоя Арслантепе VII (3900–3350 гг. ВС) в Восточной Анатолии урукского времени, которые вошли в научный оборот вслед за данными более молодого слоя Арслантепе VIA эпохи Джемдет Наср (3350–3000 гг. ВС) (Корневский, 2011. С. 21–40; Vingnola et al., 2019).

Общий диапазон значений майкопских дат – от 40–37 вв. до 29–28 вв. до н. э. Новый размах хронологии породил недоверие у некоторых исследователей, сомневающихся в правомерности как определений дат, так и общих датировок майкопских поселений. Одной из статей на эту тему стала публикация М. Б. Рысина в журнале «Археологические вести» (Рысин, 2012, где он выразил сомнение в ранних датах МНО, полагая, что майкопский феномен определяется в основном втор. пол. IV тыс. до н. э. По его мнению, майкопская культура существовала короткое время, о чем свидетельствуют тонкие слои ее поселений (Там же. С. 215). В частности, даты Галюгаевских I и III поселений, выполненные в Оксфорде, у М. Б. Рысина вызвали недоумение, так как он не видел особых отличий в контексте их находок.

Взгляды М. Б. Рысина были отмечены в студенческой работе учащейся Свободного университета в Берлине М. Тыдо, издавшей очерк по историографии майкопской культуры Северо-Западного Кавказа при далеко не полном обзоре литературы по майкопской проблематике. Задача статьи, по замыслу автора, сводилась к знакомству зарубежного читателя с майкопской проблематикой, но автору, на мой взгляд, не удалось отразить особенности изучения памятников майкопско-новосвободненской общности в этом региона Предкавказья на современном этапе (Тыдо, 2017).

В связи с возникшей дискуссией о датах и периодизации майкопской культуры представляется целесообразным еще раз вернуться к этой теме при учете новых накопленных материалов.

С развитием радиоуглеродной хронологии майкопской культуры уже в начале этого века на основании статистики удалось установить три диапазона дат майкопских памятников: ранний (40–38/37 вв. до н. э.), средний (37/36–34 вв. до н. э.) и поздний 34–30 вв. до н. э. (Кореневский, 2011. С. 23). Сейчас уже возможно поставить вопрос и о позднейшем диапазоне – 29–28 вв. до н. э.

Наименее обеспечен датами был ранний диапазон. Памятники с округленным значением дат в интервалах 40–38/37 вв. до н. э. были зафиксированы в следующих случаях: 1) Брут, к. 3, п. 3 (40–38 вв. до н. э.); 2) Галюгаевское III пос. (40–37 и 39–36 вв. до н. э.); 3) Кудахурт, к. 1, яма 1 (39–37 вв. до н. э.); 4) Кудахурт, к. 1, п. 1 (38–37 вв. до н. э.); 5) Серегинское пос. (40–38 вв. до н. э.); 6) Манджикины, к. 14, п. 13 (38–37 вв. до н. э.); 7) Восточный Маныч, к. 17, п. 11 (40–38 вв. до н. э.); 8) Шарахалсун-6, к. 2, п. 12 (38–37 вв. до н. э.) (Там же. С. 27–32). В последние годы появились и другие даты столь же раннего диапазона: 9) Урванский курган (38–37 вв. до н. э.; Poz-51447: 4930 ± 35 BP, 3711–3658 гг. BC); 10) Марьинская-5, к. 1, п. 33 (38–37 вв. до н. э.; MAMS-11213: 4952 ± 26 BP, 3767–3698 гг. BC); 11) Курсавский, к. 3, п. 14 (37 в. до н. э.; Ki-14595: 4830 ± 50 BP, 3654–3537 гг. BC (?); 12) Мыштулагтылагат, пещера (38–36 вв. до н. э.; Ki-16744: 4850 ± 120 BP, 3757–3521 гг. BC) (керамика майкопской культуры); 13) Ногир, к. 3, п. 4 (40–38 вв. до н. э.; MAMS-29814: 4990 ± 23 BP, 3987–3704 гг. BC)¹ (Санаков, 2015; Wang, Naak et al., 2018).

Столь ранние определения были получены в разных лабораториях (Оксфорда, Гронингена, Познани, Киева, Москвы). Материалом для них послужили кости животных, дерево и керамика. В отдельных случаях даты для одного комплекса получали по разному материалу: например, по кости и керамике. Приведенная серия из 14 таких дат явно указывает, что они не являются случайными отклонениями.

Внутренняя типология комплексов майкопской культуры была намечена в трудах А. А. Иессена 1935, 1950 гг. (Иессен, 1935; 1950). В это время количество майкопских памятников было очень невелико (14 пунктов), сосредоточено главным образом в Закубанье, менее – в Терской области. Поселения майкопской культуры (кроме Долинского и Лугового) были практически неизвестны. Основной акцент

1 Погребение 4 кургана 3 у с. Ногир (Санаков, 2015) было разрушено. Оно было представлено крупной ямой удлиненных пропорций т. н. сунженского типа, где отмечены камни рухнувшей конструкции, кости двух людей, черепки охристых сосудов майкопского варианта. Дата второго (женского) скелета оказалась моложе даты мужского скелета – 3695–3545 гг. CalBC. Погребение 4, как и погр. 3 к-на 3 у с. Брут, было разграблено в древности с помощью ведущего к захоронению узкого лаза. Объяснить расхождение в датировке скелетов погребения 4 не представляется возможным, так как причин для этого могло быть несколько. Мы не исключаем правомерность даты мужского скелета в диапазоне 40–38 вв. до н. э., так как она полностью совпадает с датой погр. 3 к-на 3 у с. Брут. В любом случае даты курганов у с. Заманкул (к. 1, п. 70), Брут (к. 3, п. 3) и Ногир (к. 3, п. 4) с ямами сунженского типа свидетельствуют о присутствии майкопских племен в начале и в перв. пол. IV тыс. до н. э. и на территории Северной Осетии.

в типологии «больших кубанских курганов» был сделан на формы металлических предметов, конкретно – кинжалов (*Мессен*, 1962).

С 1985 г. начался новый этап в изучении майкопской культуры. Он был связан с открытием нескольких поселений, керамический контекст которых непосредственно находил аналогии в Майкопском кургане. Но самое главное – на этих поселениях были зафиксированы насыщенные инвентарем жилища. Таковыми поселениями были Галюгаевское I на Тереке и Серегинское в среднем Прикубанье. В предгорьях Адыгеи А. Д. Резепкин вскоре зафиксировал Новосвободненское поселение, непосредственно содержащее керамику, аналогичную посуде из Новосвободненских гробниц (*Резепкин*, 2012). С тех пор количество поселений майкопской культуры неизменно увеличивается. Анализ их керамического фонда и сопоставление его с погребальными комплексами позволили предложить в 2001–2004 гг. следующую внутреннюю типологию майкопской культуры, которая к тому времени получила название майкопско-новосвободненской общности (МНО) (*Корневский*, 2004а).

Для ее конкретизации были выделены такие типологические варианты, как галюгаевско-серегинский, или собственно майкопский, и близкий ему псекупский вариант. Оба этих варианта содержали круглодонную керамику, имеющую аналогии по составу формовочных масс в памятниках Северной Месопотамии. В майкопском варианте на этой керамике встречались прорезные знаки на верхней части тулова, о которых в псекупском варианте мало что известно. Территория майкопского варианта была связана с Центральным Предкавказьем и Прикубаньем, имея здесь некие локальные различия в керамике. Формы его металлических изделий находят аналогии в Майкопском кургане (*Корневский*, 2011).

Памятники псекупского варианта в Центральном Предкавказье sporadически известны сейчас только по курганным комплексам, а в основном они (и поселения, и погребальные комплексы) распространены в Западном Предкавказье и в причерноморской полосе Краснодарского края. Формы металлических изделий, найденных в погребениях и на поселениях псекупского варианта, находят аналогии в Майкопском кургане, а также в Новосвободненских гробницах и погребениях могильника Клады (*Корневский*, 2004а; 2018а).

В Центральном Предкавказье на территории, занимаемой некогда памятниками майкопского варианта, распространились памятники долинского варианта. Они отличались плоскодонными формами посуды, изготавливаемой из формовочных масс без минеральных примесей. На плоских доньях некоторых сосудов долинского варианта встречались следы от поворотного устройства и прорезные знаки. Формы металлических изделий близки к инвентарю Новосвободненских гробниц и гробниц могильника Клады, но имеют свою специфику как локальный участок металлообработки со своими особенностями мышьяково-никелевых бронз (*Корневский*, 2004а. С. 64–70; 2018а; *Рындина, Равич*, 2019). Распространение памятников долинского варианта в Центральном Предкавказье совпадает с резким расширением ассортимента металлических изделий в погребениях. По времени такое явление соотносится с распространением на Южном Кавказе и Дагестане памятников куро-араксской культуры, датируемых от середины IV тыс. до н. э. (3500–3000 гг. BC) (*Sagona*, 2014. P. 39. Fig. 9).

Памятники упомянутых выше вариантов МНО в основном были приурочены к равнинам и предгорьям, долинам рек, располагались на высотах около 200 м от уровня моря, а нередко и значительно ниже. В предгорной Адыгее на реках Фарс и Белая на высотах около 600 м над уровнем моря были отмечены комплексы погребений и поселения, которые стали связывать с особой новосвободненской группой памятников. А. Д. Резепкин выделил для нее два периода: ранний, включавший комплексы с керамикой местных форм и круглодонными сосудами то ли майкопского, то ли псекупского варианта (*Резепкин, 2012; Корневский, 2015; 2018а*), и поздний, характеризующийся совершенно иной керамикой и формами каменных гробниц с богатым инвентарем. Керамика этой группы хорошо представлена на Новосвободненском поселении. Металл из новосвободненских гробниц и иных ее богатых захоронений отражает местный локальный участок металлообработки и также соотносится по времени с расцветом куро-араксской культуры на Южном Кавказе (*Корневский, 2011*).

Особой темой в проблематике изучения МНО стало исследование подкурганых комплексов и поселения Константиновского в пределах ее северной территории, прилегающей к Кумо-Манычской впадине на Ставрополье, в Калмыкии и на Нижнем Дону (*Корневский, 2004а. С. 93*).

В начале 2010-х гг. произошло качественное изменение в восприятии культурных слоев майкопских поселений, которое повлекло за собой уточнение характеристик бытовых поселений, открытых ранее.

В публикациях, посвященных раскопкам Галюгаевского поселения I, было отмечено, что культурные слои майкопских поселений тонкие, образно выражаясь, «в один развал черепка» (Там же. С. 74)². То же самое было выявлено К. А. Днепровским при раскопках Серегинского поселения в среднем Прикубанье (*Днепровский, 1991*) и А. Д. Резепкиным на поселениях Закубанья, таких как Чишхо, Беляевское, Пхагуапе, Городской, Усть-Джегутинское (*Резепкин, Лионне, 2007; Резепкин, 2013*). Вместе с тем все эти поселения отражали устойчиво стационарный быт их обитателей и наличие наземных жилищ с турлучными конструкциями или без них. Несколько позже автором (*Корневский, 2004б*) было установлено, что хотя толщина культурных отложений майкопской культуры на поселении Чишхо составляет около 30 см, но определение находок комплексов с турлуком «в один развал черепка» по-прежнему правомерно.

Новые раскопки в Причерноморской зоне Краснодарского края дали своеобразные характеристики культурных слоев майкопских поселений. По керамическому контексту и формам глиняных приставок к очагам их можно отнести к псекупскому варианту МНО. Так, на поселении Тузла 15 на Таманском полуострове в 2012–2015 гг. проводились разведки культурного слоя, в ходе которых было найдено 4 жилища-полуземлянки. Культурный слой памятника составлял около 50–60 см. Выше располагался только слой распашки. В основании

² Такая интерпретация культурного слоя возникла из-за того, что слои жилищ не перекрывали друг друга и находились в разных местах. Создавалось впечатление одного уровня нахождения построек. Иная картина получалось при общем сопоставлении глубин залегания жилищ и при раскопках майкопского поселения широкими площадями.

культурного слоя находились карбонатные отложения в почве. От уровня поверхности его отделяла глубина около 1 м (*Корневский, Юдин, 2019*).

Та же самая картина наблюдалась в стратиграфии поселения Чекон в Анапском районе при раскопках В. В. Бочкового в 2011 г. (*Бочковой, 2013*), А. Д. Резепкина (*Резепкин, 2014*) и А. И. Юдина – в 2018 г. Вскрытая площадь – более 7 000 кв. м. Мощный культурный слой памятника, так же как и на пос. Тузла 15, отделяла от современной поверхности около 50 см. Территория памятника не распахивалась. Такие данные позволяют прийти к заключению, что культурный слой майкопских поселений мог накапливаться очень долгое время. В нем возможно наблюдать отдельные бытовые комплексы (развалы черепков, выкладки из турлука и камней) на разных глубинах и соответственно различной древности. Однако развалы майкопской керамики и артефактов не оставили локальных прослоек – «горизонтов». Их находки были сосредоточены в хозяйственных ямах и заброшенных постройках-полуземлянках. Датировка комплексов могла бы указывать на время впуска в культурный слой данного объекта. Но в толще культурного слоя она, как правило, не определялась. Видимо, поэтому возник большой разброс в диапазонах радиоуглеродных дат. Так, например, на поселении Чекон даты укладываются в поздний диапазон датировок МНО – 34–30 вв. до н. э. (3311–2918 гг. ВС) – и средний их диапазон – 37–34 вв. до н. э. (3660–3313 гг. ВС) (*Гей, Зазовская, 2013*). Но вопрос, как датируются находки самого древнего культурного слоя поселения Чекон, пока остается открытым, так как их датировки, скорее, должны были быть близки датам образования почвы непосредственно над карбонатным слоем.

На поселении Тузла 15 дата постройки 2015 г. – 29–28 вв. до н. э. (K1–19217: 4170 ± 30 ВР, 2876–2676 гг. ВС). Признаки впуска постройки были пойманы в культурном слое и выше уровня залегания карбонатов. Дата другой постройки (2013 г.) в целом соответствует диапазону 34–30 вв. до н. э. Обе эти даты могут быть существенно моложе времени образования карбонатных отложений (*Корневский, Юдин, 2019*).

Как в свете этих сведений сейчас может выглядеть стратиграфия поселения Галюгаевское I (*Корневский, 1995*)? Сопоставляя все данные о стратиграфии находок на этом поселении, можно сказать, что на нем есть находки, непосредственно лежащие у слоя карбонатов на глубине 1 м, и находки, обнаруженные существенно выше карбонатного слоя – на глубинах 50–60 см. 34–32 вв. до н. э. датировалась кость, взятая вблизи самого позднего строения 1991 г. раскопок. Как датируется на Галюгаевском I поселении уровень слоя карбонатов – вопрос остался открытым.

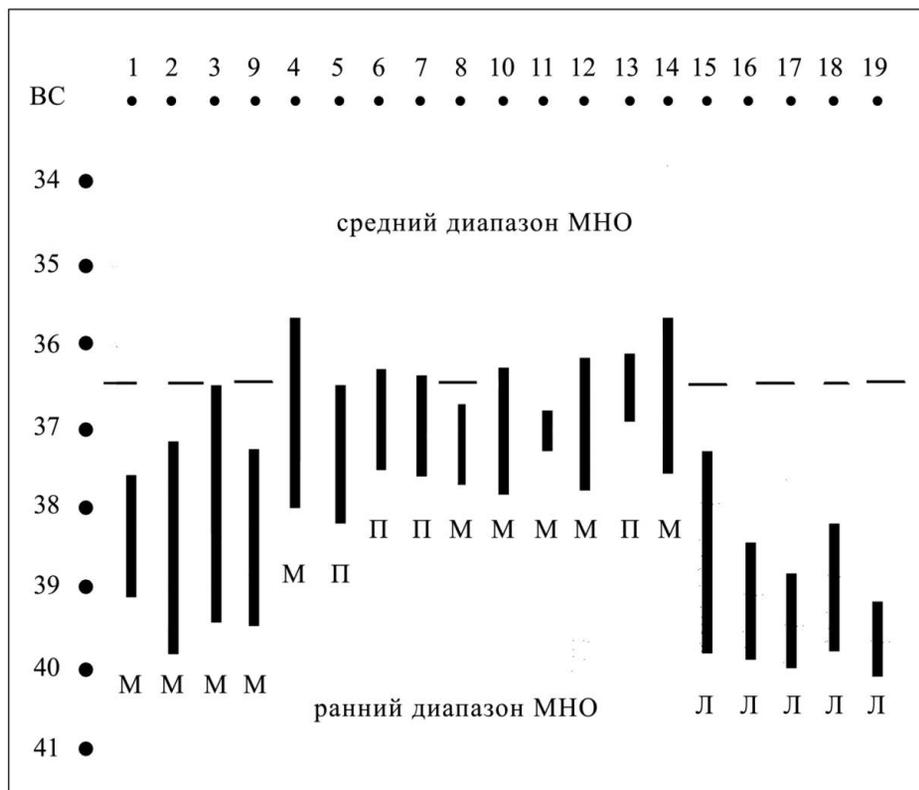
На поселении Галюгаевское III полученная в Оксфорде дата (по кости животного) оказалась существенно древнее – в диапазоне 40–37 вв. до н.э. (табл. 1, рис. 1). То есть она может указывать на более древнее время появления в данном месте носителей МНО, основавших иной памятник, не поселение Галюгаевское I. Позже ее подтвердила дата по керамике с этого же поселения (*Корневский, 2011. С. 27*).

Таким образом, сейчас можно считать, что существование носителей культуры МНО и ее раннего варианта в Предкавказье было долгим. Оно растянулось по времени с 40/37 до 34–30 вв. до н. э. и в некоторых местах до начала III тыс. до н. э.

Таблица 1. Даты раннего диапазона майкопско-новосвободненской общности и лейлаптинской культуры

№ п/п	Место находки	Материал	Шифр лаборатории	Диапазон дат	Дата ВР	Датировка ВС
1	Брут, к. 3, п. 3	кость чел.	ГИН-9037	40-38	5020±	3906-3776
2	Ноир, к. 3, п. 4	кость чел.	MAMS-29814	40-38	4990±23	3987-3704
3	Галюгаевское III пос.	кость жив.	ОхА-3779	40-37	4980±	3950-3650
4	Галюгаевское III пос.	керамика	Ki-13021	39-36	4920±	3800-3530
5	Кудухурт, к. 1, яма 1, тризна	кость жив.	Ki-12733	39-37	4980±80	3810-3660
6	Кудухурт, к. 1, п. 1	кость чел.	Ki-13009	38-37	4920±70	3773-3644
7	Кудухурт, к. 1, п. 1 (повтор)	кость чел.	Ki-13010	38-37	4930±60	3773-3650
8	Манджикины, к. 13, п. 13	кость чел.	GrA-19521	38-37	4950±45	3781-3693
9	Серегинское пос.	керамика	Ki-14226	40-38	5060±90	3970-3770
10	Шарахалсун-6, к. 2, п. 12	кость чел.	Ki-12709	38-37	4980±80	3780-3620
11	Урванский к-н	дерево	Poz-51447	38-37	4930±35	3711-3658
12	Марьинская-5, к. 1, п. 33	кость чел.	MAMS-11213	38-37	4952±26	3767-3698
13	Курсавский, к. 2, п. 14	кость чел.	Ki-14595	37	4830±50	3670-3660
14	Мыштулагтылагат	керамика	Ki-16744	38-36	4850±120	3757-3521
15	Лейлапте, пос.	керамика	Ki-14950	40-38	5040±100	3980-3750
16	Бериклдеби, слой V	уголь	Wk-35422	40-38	5070±37	3961-3786
17	Бериклдеби, слой V	уголь	Wk-35424	40-38	?	3963-3789
18	Бериклдеби, слой V	уголь	OZE-505	40-38	?	3960-3780
19	Алхантепе	уголь	Ki-16684	41-40	5180±70	4039-3957

Примечания: № 19 – приведена только одна, самая ранняя, дата из слоя памятника; вероятности: 68 % – № 1-10, 12, 13, 14, 19; 95 %: № 11, 16, 18

Рис. 1. Графическое отображение дат раннего диапозона майкопско-новосвободненской общности и лейлатепинской культуры

Примечание: М – майкопский вариант; П – псекупский вариант; Л – лейлатепинская культура

Появление майкопских племен происходило в условиях засушливого климата степей после формирования карбонатного горизонта в зонах каштановых почв. Следы такой стратиграфии найдены на Галюгаевском I поселении, поселениях Тузла 15 и Чекон (Корневский, 2018б). Важно подчеркнуть, что глобальные изменения климата в сторону засушливых условий во второй половине Атлантического периода голоцена нашли отражение в толще карбонатного слоя V на Турганинском поселении ямной культуры в Оренбуржье, за сотни километров от Предкавказья. Слой V также датируется IV тыс. до н. э., начиная с его начала. Он соотносится с контекстом ранней репинской культуры в диапазоне 4000–3500 гг. BC. Его толщина, как и толщина культурного слоя на поселениях Тузла 15 и Чекон, составляет около 50 см. Отложения карбонатов в слое O. С. Хохлова связывает с особенностями древнего климата (Моргунова и др., 2017. С. 12, 17, 227), который систематически менялся во время существования Турганинского поселения. Влияние климата времени IV тыс. до н. э. на отложения карбонатов

известно также по данным Большого Ипатовского кургана (*Александровский и др.*, 2004; *Корневский и др.*, 2007. С. 127).

Как предлагаемая модель согласуется со схемой А. А. Иессена, подразумевающей деление майкопской культуры на ранний майкопский и поздний новосвободненский этапы? Если рассматривать типологию бронзовых кинжалов, то его наблюдения остаются в силе. Кинжалы с бесчеренковой рукояткой являются более древним типом, чем кинжалы с черенковой рукояткой и ребрами на клинке. Они отражают связь с раннемайкопским этапом, по А. А. Иессену. Такой вывод подтверждается стратиграфией погребений кург. 1 Марьинской-5. Здесь кинжал раннемайкопского типа был найден в погр. 33, которое предшествовало погребениям № 12, 25 с черенковыми кинжалами (*Канторович и др.*, 2013. С. 95). Радиоуглеродная хронология (п. 33 – 3767–3698 гг. BC; п. 12 – 3348–3095 гг. BC; п. 25 – 3347–3095 гг. BC) полностью согласуется с такой стратиграфией. Но могли ли эти типы кинжалов какое-то время сосуществовать? Только на основании подкурганых находок решить это трудно.

В итоге можно прийти к заключению, что в связи с многократным увеличением источников по теме начала бронзового века в Предкавказье схема А. А. Иессена может теперь применяться в основном к динамике форм майкопских бронзовых изделий. Но для общей внутренней типологии нужны иные критерии, связанные с датами ^{14}C , типологией майкопских погребальных обрядов, вещей и керамики.

Заявление М. Б. Рысина о том, что внутри майкопской культуры ничего не менялось и ее артефакты только копируют некие южные образцы, выглядит голословным и оторванным от анализа материала. Например, не секрет, что именно носители раннего майкопского варианта создали на Кавказе архитектуру больших майкопских курганов (высотой от 5 до 25 м) над одним захоронением. Ранее было отмечено местное своеобразие майкопского металлокомплекса на позднем (по А. А. Иессену) этапе (*Мунчаев*, 1975). Этот вывод хорошо обоснован в исследовании Н. В. Рындиной и И. Г. Равич (*Рындина, Равич*, 2019). Местная металлообработка зафиксирована и у племен раннего варианта МНО (*Корневский*, 2011). Динамика типобразования хорошо выражена в различных формах глиняных приставок к очагам (*Корневский*, 2013). Изучение изменчивости форм майкопской керамики методически затруднено, так как внутренняя стратиграфия поселений МНО, отражающая такую динамику, часто неуловима.

Теперь попытаемся рассмотреть в самых общих чертах общую схему хронологии вариантов МНО на современном этапе ее изучения.

Майкопский (галюгаевско-серегинский) вариант имеет 14 дат раннего диапазона в интервалах 40–38/37 вв. до н. э. (табл. 1; рис. 1). Статистическое распределение дат при их линейном сравнении показывает две группировки диапазонов. Первая, более древняя, серия дат занимает промежуток времени примерно с 39 по 38 в. до н. э. Вторая соответствует диапазону 38–36 вв. до н. э. Наиболее обеспеченное датами время ранних майкопских курганов приходится на 38–37 вв. до н. э.

На Южном Кавказе с началом IV тыс. до н. э. ранний этап майкопского варианта соотносится с датами слоя V Бериклдееби и поселения Лейлатепе. Здесь ничего удивительного нет, так как керамический контекст этих культурных образований очень близок. Даты южнокавказских памятников сейчас уже известны

и укладываются в рамки 40–38 вв. до н. э.: Лейлатепе, Ki-14950: 5040 ± 100 ВР, 3980–3750 гг. ВС; Алхантепе (Ki-16684: 5180 ± 70 ВР, 4039–3957 гг. ВС; Берикл-дееби: wk-35422, 3961–3786 гг. ВС; wk-35424, 3963–3788 гг. ВС; OZE-505, 3963–3780 гг. ВС (Корневский, 2011. С. 33; Sagona, 2017. P. 192. Fig. 4.22). Эти значения хорошо соотносятся с первой группой дат раннего диапазона майкопского варианта и указывают на правомерность и неслучайность последних (табл. 1; рис. 1).

Ранний диапазон дат МНО, таким образом, связан в основном именно с памятниками майкопского варианта, который существовал долго (не одно столетие). Возможно думать, что самые первые памятники его еще радиоуглеродных дат не имеют, так как зафиксированные комплексы уже отражают вполне сложившуюся культуру с могилами знати, каменными гробницами из гальки и ритуалами воинских захоронений, удлинёнными ямами «сунженского типа» в Северной Осетии.

Ранние даты майкопского варианта имеют свою специфику в распространении, локализуясь в Центральном Предкавказье – от Северной Осетии и Кабардино-Балкарии до Калмыкии, куда вела водная трасса р. Калаус. Вряд ли это случайно. Территория Северной Осетии близка к наиболее удобным перевалам Большого Кавказа, которые могли лежать на трассе миграций населения с юга на север.

Есть одна ранняя дата для детского захоронения 1 из кург. 29 могильника Клады (3940–3640 гг. ВС) (Резепкин, 2012; Корневский, 2011. С. 27), которая, возможно, указывает на датировку раннего периода могильника Клады ранним или средним диапазоном дат МНО. Но правомерность ее хотелось бы подтвердить новыми определениями такого рода. Пока их нет.

М. Б. Рысин предлагает уточнять значения лат ^{14}C в зависимости от разной вероятности внутренних пиков развернутых графиков этих дат, но такой прием ошибочен и неправомерен с точки зрения теории вероятностей, так как внутри даты искомое время не является точкой, а представляет собой лишь некое непроверяемое вероятностное значение. Поэтому оперировать необходимо общим диапазоном даты в значениях 68 % или 95 % вероятности. Как правило, при сопоставлении серий дат используют графики линейных построений и сопоставлений (см.: табл. 1; рис. 1 или, например: Sagona, 2017. P. 302. Tabl. 7: 2) Также нет доказательств правомерности использования коррекции дат на основании речного резервуарного эффекта, о котором пишет М. Б. Рысин. Его реальность для Центрального Предкавказья не доказана.

Майкопский вариант МНО также связан со средним диапазоном майкопских дат. К нему, например, относятся Усть-Джегутинское поселение, п. 70 из Заманкульского кургана 1 с находкой бронзового топора, мотыги и бронзового сосуда – 37, 36 вв. до н. э. (3640–3500 гг. ВС). Это наиболее близкий комплекс Майкопскому кургану. В это время носители майкопской культуры проникают далеко на восток. Один из майкопских курганов, открытый у г. Гудермеса в Чечено-Ингушетии (Малашев и др., 2018), датируется 37–34 вв. до н. э. (Ki-19341: 4710 ± 80 ВР, 3655–3370 гг. ВС).

К позднему диапазону радиоуглеродных дат относится очень мало памятников майкопского варианта. Это верхние культурные отложения поселений

Галюгаевское I и Стодеревское (открытое недалеко от галюгаевских поселков в Курском районе Ставропольского края) (*Березин, 2008*). Дата его – 34–31 вв. до н. э. (Kі-16130: 4540 ± 80 ВР, 3370–3090 гг. ВС; Kі-16131: 4490 ± 90 ВР?, 3350–3080 гг. ВС). Такие даты позволяют думать, что носители майкопского варианта сохранились на окраинах его ареала вплоть до последних веков существования майкопского феномена – в конце IV тыс. до н. э. Смены памятников майкопского варианта иными проявления МНО в данном месте не наблюдается, в начале III тыс. до н. э. самые ранние захоронения в галюгаевских холмах оставили позднейшие племена.

Псекупский вариант во многом еще загадочен в отношении своего формирования и ранней территории распространения. Характерная для него керамика и раннемайкопские формы металла известны в предгорьях Кабардино-Балкарии (Кудахурт, к. 1, п. 1 и 3), где они существуют и в пределах среднего диапазона дат МНО. В основном его комплексы – это бытовые и погребальные памятники Западного Предкавказья с диапазонами дат 36–34 и 34–30 вв. до н. э. Когда же конкретно стали появляться здесь его носители, оставившие на поселениях слои, перекрывшие карбонатные, – вопрос, требующий дополнительных разработок.

Долинский вариант в Центральном Предкавказье (на Тереке) с его поселениями и погребальными памятниками в основном датируется средним (36–34 вв. до н. э.) и поздним диапазонами дат ¹⁴C (34–30/29 вв. до н. э. (*Корневский, 2011. С. 26–31*)).

Памятники новосвободненской группы раннего периода датируются средним диапазоном дат МНО. Они сосуществуют с памятниками псекупского варианта Западного Предкавказья (*Резепкин, 2012; Корневский, 2011. С. 26–31*).

Поздние памятники новосвободненской группы (так называемый горизонт гробниц) датируется в основном в рамках 36–34 и 34–30 вв. до н. э. Они сосуществуют с поздними памятниками псекупского и майкопского вариантов на Терекке (*Резепкин, 2012; Корневский, 2011; 2018а*).

Интересные исследования в предгорной Адыгее на поселении Мешоко проводят Е. А. Черленок и С. М. Осташинский. Они обнаружили здесь слой энеолитической культуры накольчатой жемчужной керамики, который они называют мешоковским, и слой с керамикой майкопской культуры. Слой майкопской культуры отделен от халколитического слоя стерильной прослойкой. Мешоковский слой датируется в интервале 3800–3600 гг. ВС. Авторы делают вывод о том, что майкопский слой не может датироваться ранее 3600 года, и эта дата, по-видимому, обозначает начало раннего бронзового века в Западном Предкавказье, связанное с появлением майкопской культуры (*Черленок, Осташинский, 2018. С. 78, 79*).

Датировка памятников культуры накольчатой жемчужной керамикой давно определяется втор. пол. V – началом IV тыс. до н. э. на основании радиоуглеродных определений поселений Мешоко, Ясенова Поляна, Замок, Свободное (*Корневский, 2012. С. 63–66*) и аналогий в рамках хронологии Триполья В1. То, что установили Е. А. Черленок и С. М. Осташинский, отражает локальный случай датирования. Он показывает, что носители культуры накольчатой жемчужной керамики могли там жить не только во втор. пол. V, но и в начале IV тыс. до н. э. Они сосуществовали с племенами раннего варианта майкопской

культуры, которые осваивали в конце перв. пол. IV тыс. до н. э. предгорья Адыгеи. Эти места были не характерной для них зоной обитания по высоте, а также образу жизни в пещерах и гротах.

Памятники Кумо-Маньчской периферии МНО нередко называют «степным майкопом», хотя такое название неправомерно. Специалистам хорошо известно, что все майкопские племена обитали в условиях степного ландшафта предгорий и возвышенностей Предкавказья (Корневский, 2004а. С. 12–21). Появление на Кумо-Маньчской периферии первых носителей майкопско-новосвободненской общности связано с ранним майкопским вариантом, которому здесь свойственны значения раннего диапазона дат МНО.

Очень ранним временем здесь датируются и крупные каменные ящики (Айгурский, к. 22, п. 8) – 38, 37 вв. до н. э. (3708–3655 гг. ВС), кромлехи из вертикально поставленных плит и погребения в катакомбах (Айгурский, к. 22, п. 9, 15, 16) (37–34 вв. до н. э.) Археологический контекст отражает смешение майкопской культуры с местными племенами юга Восточной Европы (Корневский, Калмыков, 2017).

В общем итоге вышеизложенного можно сказать, что МНО была неоднородным феноменом с общими аналогиями в керамике в круге северо-месопотамских культур Урукского периода и эпохи Джемдет Наср. Ее варианты существовали и доминировали на степных просторах долин и предгорий Кубани и Терека в IV тыс. до н. э. Каждый из них может рассматриваться при желании как отдельная культура со своими путями сложения, контактов, исторической судьбы и исчезновения. Ранний вариант МНО был не кратким эпизодом, а долгим явлением в ее формировании, положившим начало ее сложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. А., Хохлова О. С., Седов С. Н., 2004. Большой Ипатовский курган глазами почвоведов // РА. № 2. С. 61–70.
- Андреева М. В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1. С. 39–56.
- Андреева М. В., 1979. Об изображениях на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана // СА. № 1. С. 22–34.
- Березин С. Я., 2008. Отчет об археологических раскопках поселения Стодеревская-1, курганных могильников Шеватовский-1, Шеватовский-2 Шеватовский-3, Шеватовский-4, Стодеревская-14 Курсавского района Ставропольского края. Ставрополь. 2008 год // Архив ИА РАН.
- Бочковой В. В., 2013. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Чекон и кургана у с. Юровка в 2011 г.: в 6 т. Краснодар // Архив ИА РАН.
- Гей А. Н., Зазовская Э. П., 2013. Новые радиоуглеродные даты поселения Мысхако и майкопского поселения Чекон // Шестая Международная кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 81–84.
- Днепровский К. А., 1991. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. А. П. Абрамов. М. С. 2–17.
- Иессен А. А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120. С. 7–232.
- Иессен А. А., 1950. К хронологии «Больших Кубанских курганов» // СА. Вып. XII. С. 157–202.
- Иессен А. А., 1962. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.; Л.: АН СССР. С. 19–22.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станции Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь: Наследие. С. 83–124.

- Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2013. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская 5 // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли. С. 71–108.
- Корневский С. Н., 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.: Знание. 167 с.
- Корневский С. Н., 1995. Галюгай 1 – поселение майкопской культуры. М. 188 с.
- Корневский С. Н., 2004а. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 246 с.
- Корневский С. Н., 2004б. Отчет о командировке в Адыгею для сбора проб для палинологического анализа на поселении Чишко // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 28524.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Наука. 385 с.
- Корневский С. Н., 2012. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус. 245 с.
- Корневский С. Н., 2013. Культ жилища и очага у племен майкопско-новосвободненской общности (к проблеме символики обитаемого пространства) // *Stratum plus*. № 2. Обитаемое пространство в Европейской Преистории. Кишинев: С. 103–131.
- Корневский С. Н., 2015. Могильник «Клады» и дискуссия об интерпретации его материалов // *МИАСК*. Вып. 15. С. 5–39.
- Корневский С. Н., 2018а. На пороге цивилизации. Майкопско-новосвободненская общность Западный Кавказ (Обзор новых источников и проблема протоцивилизации) // *МИАСК*. Вып. 16. Армавир; Краснодар: Новация. С. 7–43.
- Корневский С. Н., 2018б. Общее представление о климатических переменах в равнинном Предкавказье в эпоху начала медно-бронзового века второй половины V–IV тыс. до н. э. // *Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия: материалы междисциплинарной науч. конф.* М.: ИА РАН. С. 89–91.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука. 230 р.
- Корневский С. Н., Калмыков А. А., 2017. Погребения древнеямной культуры и ямно-майкопского типа на могильнике Левогорлыкский-3 в Ставропольском крае // *АЭАЕ*. Т. 46. № 1. С. 86–99.
- Корневский С. Н., Юдин А. И., 2019. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла-15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфия // *Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.* (Оренбург, 16–19 апреля 2019 г.) / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. педагогический ун-т. С. 60–68.
- Малашев В. Ю., Вальчак С. В., Мамаев Х. М., 2018. Курган № 1 могильника Гудермесские 1 курганы (Чеченская Республика, Гудермесский район // *Города, селища, могильники. Раскопки 2017*. М.: ИА РАН С.180–185. (Материалы спасательных археологических исследований; вып. 25.)
- Моргунова Н. Л., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Файзуллин А. А., Хохлова О. С., 2017. Турганинское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т. 300 с.
- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.
- Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 342 с. (Труды ИИМК РАН; т. 37.)
- Резепкин А. Д., 2013. Поселение Усть-Джегутинское // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. XI: Археология, краеведение музееведение / Ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 39–70.
- Резепкин А. Д., 2014. Отчет о раскопках Майкопской экспедиции поселения Чекон в Анапском районе Краснодарского края // *Архив ИА РАН*. № 45582.
- Резепкин А. Д., Лионе Б., 2007. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани. // *Revista Arheologică. Seria noua*. Vol. III. No. 1–2. Chişinău. С. 5–73.
- Рындина Н. В., Равич И. Г., 2019. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.: КДУ. 236 с. (Труды исторического факультета МГУ, 128.) (Исторические исследования, 74.)

- Рысин М. Б., 2012. Проблемы хронологии и переодизации древних культур Кавказа (радиокарбонная «революция» и традиционная типология) // АВ. Вып. 18. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 204–231.
- Санакоев В.С., 2015. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок объекта археологического наследия, кургана 3 в с. Ногир, расположенного на ул. Ленина, в квартале между ул. Международная и ул. Харебова в с. Ногир Пригородного района Республики Северная Осетия – Алания. Владикавказ // Архив ИА РАН. Р-1. № 54634.
- Тыдо М., 2017. Майкопская культура Северо-Западного Кавказа: попытка критического обзора их изучения // Записки ИИМК РАН. № 15. С. 60–71.
- Черленок Е. А., Остаинский С. М., 2018. О дате начала бронзового века на Северо-Западном Кавказе (по материалам навеса Мешоко, раскопки 2011–2017) // Связи и взаимоотношения бронзового века циркумпонтийского региона. Новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола (3–5 декабря 2018 г.) / Ред. А. Н. Гей и др. М.: ИА РАН. С. 78–79.
- Rostovzev M., 1920a. L'age du cuivre dans le Caucase septentrional // Revue Archéologique. Vol. XII. P. 1–37.
- Rostovzev M., 1920b. The Sumerien Treasure of Astrabad // The Journal of Egyptan Archaeology. Vol. 6. No. 1. P. 4–27.
- Rostovzev M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press. 260 p.
- Sagona A., 2014. Rethinking the Kuro-Araxies. Genesis. // Paleorient. Vol. 40. No. 2. P. 23–46.
- Sagona A., 2017. Archaeology of Caucasus. Cambridge: Cambridge University Press. 542 p.
- Vingnola C., Marzaioli F., Balossi Restelli F., Di Nocera G. M., Frangipane M., Masi A., Passartello S., Sadori L., Terrasi F., 2019. Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.nimb.2019.01.033>
- Wang C.-C., Haak W. et al., 2018. The genetic prehistory of the Greater Caucasus [Electronic resource]. Access mode: <https://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2018/05/16/322347.full.pdf>. Access date: 29.05.2019.

Сведения об авторе

Корневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

S. N. Korenevskiy

CHRONOLOGY OF THE MAYKOP-NOVOSVOBODNAYA ENTITY
IN THE LIGHT OF NEW DATA AND DISCUSSIONS

Abstract. The paper analyzes radiocarbon data for the Maykop-Novosvobodnaya culture. A special focus is placed on the dates of the first third of IV millennium BC related with the earliest manifestations of the Maykop-Novosvobodnaya entity. This dating series includes over a dozen of dates obtained from animal and human bones as well as ceramic samples in various laboratories. The paper also reviews a chronological sequence suggested by A. A. Iessen in 1950 that raised an issue of early Maykop and late Maykop sites. This sequence was mainly based on bronze items. Today the sequence based on ceramics makes it possible to identify four typological variants of the Maykop-Novosvobodnaya culture. The latter column is compared with Iessen's sequence and radiocarbon dates. As a result, the radiocarbon chronology for each variants is presented. The research led the author to the conclusion that the Maykop-Novosvobodnaya culture existed for quite a long time, with the timeline of its earliest variant determined as

the beginning and the middle of IV mill. BC. In some places it survived until the last centuries of IV mill. BC (34th – 32nd centuries BC).

Keywords: Maykop culture, settlement, cultural deposit, carbonate horizon, chronology, stratigraphy, radiocarbon dating, assemblage, historiography.

REFERENCES

- Aleksandrovskiy A. A., Khokhlova O. S., Sedov S. N., 2004. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan glazami pochvovedov [Big Ipatovo kurgan through the eyes of soil scientists]. *RA*, 2, pp. 61–70.
- Andreyeva M. V., 1977. K voprosu o yuzhnykh svyazyakh maykopskoy kul'tury [On the issue of southern links of Maykop culture]. *SA*, 1, pp. 39–56.
- Andreyeva M. V., 1979. Ob izobrazheniyakh na serebryanykh maykopskikh sosudakh [On images on Maykop silver vessels]. *SA*, 1, pp. 22–34.
- Berezin S. Ya., 2008. Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh poseleniya Stoderevskaya-1, kurgannykh mogil'nikov Shevatovskiy-1, Shevatovskiy-2, Shevatovskiy-3, Shevatovskiy-4, Stoderevskaya-14 Kursavskogo rayona Stavropol'skogo kraya. Stavropol' 2008 god [Report on archaeological excavations of settlement Stoderevskaya-1, kurgan cemeteries Shevatovskiy-1, Shevatovskiy-2, Shevatovskiy-3, Shevatovskiy-4, Stoderevskaya-14, Kursavskiy district, Stavropol region. Stavropol, 2008]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkovoy V. V., 2013. Otchet Krasnodarskoy arkhologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh poseleniya Chekon i kurgana u s. Yurovka v 2011 g.: v 6 tomakh. Krasnodar [Report of Krasnodar archaeological expedition on excavations of settlement Chekon and kurgan near village Yurovka in 2011: 6 vols. Krasnodar]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Cherlenok E. A., Ostashinskiy S. M., 2018. O date nachala bronzovogo veka na Severo-Zapadnom Kavkaze (po materialam navesa Meshoko, raskopki 2011–2017) [On date of the beginning of Bronze Age in North-West Caucasus (based on materials of Meshoko rock shelter, 2011–2017 excavations)]. *Svyazi i vzaimootnosheniya bronzovogo veka Tsirkumpontiyanskogo regiona. Novyye dannyye i materialy [Relations and interactions in Bronze Age in Circumpontic region. New data and materials]*. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 78–79.
- Dneprovskiy K. A., 1991. Sereginskoye poseleniye epokhi ranney bronzy [Sereginskoye settlement of Early Bronze Age]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya [Antiquities of North Caucasus and Pontic region]*. A. P. Abramov, ed. Moscow, pp. 2–17.
- Gey A. N., Zazovskaya E. P., 2013. Novyye radiokarbonnyye daty poseleniya Myskhako i maykopskogo poseleniya Chekon [New radiocarbon dates from settlement Myskhako and Maykop settlement Chekon]. *Shestaya Mezhdunarodnaya kubanskaya arkhologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban archaeological conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 81–84.
- Iessen A. A., 1935. K voprosu o drevneyshey metallurgii medi na Kavkaze [On problem of earliest copper metallurgy in Caucasus]. *IGAIMK*, 120, pp. 7–237.
- Iessen A. A., 1950. K khronologii «Bol'shikh Kubanskikh kurganov» [On chronology of «Big Kuban kurgans»]. *SA*, XII, pp. 157–200.
- Iessen A. A., 1962. Maykopskaya kul'tura i eye datirovka [Maykop culture and its chronology]. *Tezisy dokladov na zasedaniyakh, posvyashchennykh itogam polevykh issledovaniy 1961 g. [Abstracts. Meetings devoted to results of field investigations in 1961]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 19–22.
- Kantorovich A. R., Maslov V. E., 2009. Raskopki pogrebeniya maykopskogo vozhdya v kurgane bliz stanitsy Mar'inskoy (predvaritel'naya publikatsiya) [Excavations of burial of Maykop chieftain in kurgan near village Mar'inskaya (preliminary publication)]. *Materialy po izucheniyu kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for studies of historical cultural heritage of North Caucasus]*, IX. Stavropol': Naslediye, pp. 83–124.
- Kantorovich A. R. Maslov V. E. Petrenko V. G., 2013. Pogrebeniya maykopskoy kul'tury kurgana 1 mogil'nika Mar'inskaya 5 [Maykop culture burials in kurgan 1 of cemetery Mar'inskaya 5]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for studies*

- of historical cultural heritage of North Caucasus*], XI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 71–108.
- Korenevskiy S. N., 1993. Drevneysheye osedloye naseleniye na srednem Tereke [Earliest settled population on Middle Terek]. Moscow: Znaniye. 167 p.
- Korenevskiy S. N., 1995. Galyugay 1 – poseleniye maykopskoy kul'tury [Galyugay 1 – settlement of Maykop culture]. Moscow. 188 p.
- Korenevskiy S. N., 2004a. Drevneyshiye zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya. Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrenney tipologii [Earliest farmers and stock-breeders of Fore-Caucasus: Maykop-Novosvobodnaya entity: problems of inner typology]. Moscow: Nauka. 246 p.
- Korenevskiy S. N., 2004b. Otchet o komandirovke v Adygeyu dlya sbora prob dlya palinologicheskogo analiza na poselenii Chishkho [Report on business travel to Adygea for collecting samples for palynological analysis at settlement Chishkho]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of Fore-Caucasus. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 385 p.
- Korenevskiy S. N., 2012. Rozhdeniye kurgana (pogrebal'nyye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya) [Birth of kurgan (burial sites of Eneolithic epoch in Fore-Caucasus and Volga-Don interfluvium)]. Moscow: Taus. 245 p.
- Korenevskiy S. N., 2013. Kult zhilishcha i ochaga u plemen maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti (k probleme simvoliki obitayemogo prostranstva) [Dwelling and hearth cult among tribes of Maykop-Novosvobodnaya entity (problem of symbolism of habitation area)]. *SP*, 2, pp. 103–131.
- Korenevskiy S. N., 2015. Mogil'nik «Klady» i diskussiya ob interpretatsii ego materialov [Cemetery «Klady» and discussion on interpretation of its materials]. *MIASK*, 15, pp. 5–39.
- Korenevskiy S. N., 2018a. Na poroge tsivilizatsii. Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Zapadnyy Kavkaz (Obzor novykh istochnikov i problema prototsivilizatsii) [On threshold of civilization. Maykop-Novosvobodnaya entity. West Caucasus (Review of new sources and problem of proto-civilization)]. *MIASK*, 16. Armavir; Krasnodar: Novatsiya, pp. 7–43.
- Korenevskiy S. N., 2018b. Obshcheye predstavleniye o klimaticheskikh peremenakh v ravninnom Predkavkaz'ye v epokhu nachala medno-bronzovogo veka vtoroy poloviny V–IV tys. do n. e. [General concept of climatic changes in plain Fore-Caucasus in the beginning of Copper-Bronze Age, second half of V–IV mill. BC]. *Arkheologiya i estestvennyye nauki v izuchenii kul'turnogo sloya ob'yektov arkheologicheskogo naslediya [Archaeology and natural sciences in studies of cultural deposit at objects of archaeological heritage]*. Moscow: IA RAN, pp. 89–91.
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'ye [Big Ipatovo kurgan in Stavropol region]. Moscow: Nauka. 230 p.
- Korenevskiy S. N., Kalmykov A. A., 2017. Pogrebeniya drevneyamnoy kul'tury i yamno-maykopskogo tipa na mogil'nike Levoyegorlyk'skiy-3 v Stavropol'skom kraye [Burials of Yamnaya culture and Yamnaya-Maykop type in cemetery Levoyegorlyk'skiy-3 in Stavropol]. *AEAE*, vol. 46, no. 1, pp. 86–99.
- Korenevskiy S. N., Yudin A. I., 2019. Poseleniya maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti Tuzla-15 i Chekon: osobennosti kul'turnogo sloya i stratigrafiya [Settlements of Maykop-Novosvobodnaya entity Tuzla-15 and Chekon: features of cultural layer and stratigraphy]. *Fenomeny kul'tur eneolita – rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V – III tys. do n. e. (Orenburg, 16–19 aprelya 2019 g.) [Phenomena of Chalcolithic – Early Bronze Age cultures of steppe and forest-steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in V–III mill. BC (Orenburg, April 16–19, 2019)]*. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 60–68.
- Malashev V. Yu., Val'chak S. V., Mamayev Kh. M., 2018. Kurgan № 1 mogil'nika Gudermesskiye 1 kurgany (Chechenskaya respublika, Gudermesskiy rayon) [Kurgan № 1 of cemetery Gudermes 1 kurgans (Chechen Republic, Gudermes district)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities, settlements, cemeteries. Excavations of 2017]*. Moscow: IA RAN, pp. 180–185. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)
- Morgunova N. L., Vasil'yeva I. N., Kul'kova M. A., Salugina N. P., Turetskiy M. A., Fayzullin A. A., Khokhlova O. S., 2017. Turganikskoye poseleniye v Orenburgskoy oblasti [Turganik settlement in Orenburg region]. Orenburg: Orenburgskiy gos. agrarnyy universitet. 300 p.
- Munchayev R. M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka. Neolit, eneolit, ranniyaya bronza [Caucasus at the dawn of Bronze Age. Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age]. Moscow: Nauka. 415 p.

- Ostashinskiy S. M., Cherlenok E. A., Loskutov I. G., 2016. Novyye dannyye o drevnem zemledelii Severo-Zapadnogo Kavkaza [New data on early farming of North-West Caucasus]. *AV*, 22. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 35–40.
- Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from «Klady» cemetery)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 342 p. (Trudy IIMK RAN, 37.)
- Rezepkin A. D., 2013. Poseleniye Ust'-Dzhegutinskoye [Settlement Ust'-Dzhegutinskoye]. Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for studies of historical cultural heritage of North Caucasus], XI. *Arkheologiya, krayevedeniye, muzeyevedeniye [Archaeology, local lore studies, museum studies]*. A. B. Belinskiy, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 39–70.
- Rezepkin A. D., 2014. Otchet o raskopkakh Maykopskoy ekspeditsii poseleniya Chekon v Anapskom rayone Krasnodarskogo kraya [Report on excavations of settlement Chekon in Anapa district, Krasnodar region by Maykop expedition]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Rezepkin A. D., Lionnet B., 2007. Poseleniya epokhi ranney bronzy na Kubani [Early Bronze Age settlements on the Kuban]. *Revista Arheologică. Seria noua*, vol. III, no. 1–2. Chişinău, pp. 5–73.
- Rostovzev M., 1920a. L'âge du cuivre dans le Caucase septentrional et les civilisations de Soumer et de l'Égypte protodynastique. *Revue Archéologique*, XII, pp. 1–37.
- Rostovzev M., 1920b. The Sumerian Treasure of Astrabad. *The Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 6, no. 1, pp. 4–27.
- Rostovzev M., 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press. 260 p.
- Ryndina N. V., Ravich I. G., 2019. Metall maykopskoy kultury Severnogo Kavkaza v svete analiticheskikh issledovaniy [Metal of Maykop culture of North Caucasus in the light of analytical investigations]. Moscow: KDU. 236 p. (Trudy Istoricheskogo fakulteta MGU, 128.) (Istoricheskiye issledovaniya, 74.)
- Rysin M. B., 2012. Problemy khronologii i pereodizatsii drevnikh kul'tur Kavkaza (radiokarbonnaya «revolyutsiya» i traditsionnaya tipologiya [Problems of chronology and periodization of Caucasus ancient cultures (radiocarbon «revolution» and traditional typology)]. *AV*, 18. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 204–231.
- Sagona A., 2014. Rethinking the Kura-Araxes Genesis. *Paleorient*, vol. 40, no. 2, pp. 23–46.
- Sagona A., 2017. *Archaeology of Caucasus*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 542 p.
- Sanakoyev V. S., 2015. Otchet o provedenii okhranno-spatatel'nykh raskopok ob'yekta arkheologicheskogo naslediya – kurgana 3 v s. Nogir, raspolozhennogo na ul. Lenina, v kvartale mezhdud ul. Mezhdunarodnaya i ul. Kharebova v s. Nogir Prigorodnogo rayona Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. Vladikavkaz [Report on performing protective-rescue excavations of object of archaeological heritage, kurgan 3 in settlement Nogir, located in Lenin str., in quarter between Mezhdunarodnaya str. and Kharebova str., settlement Nogir, Prigirodnyy district, Republic of North Ossetia – Alania. Vladikavkaz]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Tydo M., 2017. Maykopskaya kul'tura Severo-Zapadnogo Kavkaza: popytka kriticheskogo obzora ikh izucheniya [Maykop culture of North-West Caucasus: an attempt of critical review of their research]. *Zapiski IIMK RAN [Transactions of IIMK RAS]*, 15, pp. 60–71.
- Vingnola C., Marzaioli F., Balossi Restelli F., Di Nocera G. M., Frangipane M., Masi A., Passartello S., Sadori L., Terrasi F., 2019. Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B (Electronic resource). URL: <https://doi.org/10.1016/j.nimb.2019.01.033>
- Wang C.-C., Haak W. et al., 2018. The genetic prehistory of the Greater Caucasus (Electronic resource). URL: <https://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2018/05/16/322347.full.pdf>

About the author

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

Т. Н. Мишина, В. И. Балабина

ТЕЛЛЬ ЮНАЦИТЕ В СИСТЕМЕ БАЛКАНСКОЙ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Резюме. Многослойные поселения (телли) с длинной стратиграфической последовательностью культурных отложений при наличии четкой стратиграфии издавна являлись хорошим полигоном для построения относительных периодизаций. Для Болгарии известна «карановская колонка», созданная по материалам телля Караново и служившая основой периодизации целого ряда эпох от раннего неолита до эпохи ранней бронзы. С появлением радиоуглеродного датирования, возрастанием точности метода и постепенным увеличением количества дат ^{14}C на отдельно взятом многослойном памятнике значение теллей стало первостепенным уже для абсолютной хронологии.

Ключевые слова: Балканы, Болгария, абсолютная хронология, радиоуглеродное датирование (^{14}C), телль, халколит, РБВ, хиатус.

Многослойные поселения (телли) европейской части теллевой зоны (Болгария, Греция, Румыния, Сербия) с длинной стратиграфической последовательностью культурных отложений и с четкой стратиграфией издавна являлись хорошим полигоном для построения относительных периодизаций. Так, для Болгарии известна «карановская колонка» (*Георгиев*, 1960; *Georgiev*, 1961), служившая основой периодизации и культурной характеристики целого ряда эпох от раннего неолита до ранней бронзы, созданная по материалам телля Караново. В Сербии – это телль Винча (*Vaсuћ*, 1932–1936), где прослежены этапы от раннего неолита до эпохи бронзы включительно. С появлением радиоуглеродного датирования, введения калиброванных дат, а также постепенным увеличением количества дат ^{14}C значение теллей для абсолютной хронологии стало первостепенным. Однако возникают сложности в интерпретации ^{14}C дат и, безусловно, требуется критический анализ полученных серий дат и соотнесение их с археологическим контекстом (*Гайдарска*, 2011; *Boyadzhiev*, 2015).

В 90-х гг. прошлого столетия был продолжен проект, связанный с анализом имеющихся дат для многослойных поселений Болгарии с раннего неолита

до эпохи бронзы (*Görsdorf, Bojadžiev, 1996*). В этой публикации задействованы 467 дат, которые представляли 60 археологических объектов. Их распределение было весьма неравномерным, более 2/3 памятников имели по одной-две даты. Хотя имеющаяся серия дат значительная, проблема их в том, что на большинстве памятников они не представлены последовательностью датировок, а ведь телли дают такую возможность. Среди единичных дат затруднительно определить «выбросы» из последовательности, поскольку такой последовательности просто нет.

За последние четверть века произошел не только количественный, но и качественный скачок в накоплении информации. Введение метода ускорительной масс-спектрометрии – т. н. AMS (сверхчувствительный метод изотопного анализа вещества) – заметно помогает уточнить абсолютную хронологию для памятников типа теллей. Даты ^{14}C , полученные этим методом, имеют достоверные интервалы не более 30 лет, удобны и небольшие навески, требующиеся для проб.

В статье будут проанализированы данные радиоуглеродного датирования, полученные на протяжении последних 30–20 лет из двух многослойных поселений: Юнаците и Караново, а также даты 70-х гг. XX в. для телля Эзеро (рис. 1). Кроме того, используются опубликованные даты телля Магура Горгана у с. Пьетреле (Магура Горгана/Пьетреле), находящегося на левом берегу Дуная на территории Румынии. Эти данные позволяют еще раз обозначить завершение балканского халколита и начало эпохи ранней бронзы.

Телль Юнаците располагается в западной части Фракийской долины, на правом берегу западного рукава р. Тополница, недалеко от ее впадения в Марицу; с севера подступают отроги горного массива Средне гора, с юга – Родопы. Мощность его культурного слоя более 10 м, различаются пласты халколита, эпохи ранней бронзы, эпохи раннего железного века и Средневековья. В 2019 г. исполняется 80 лет со дня первых археологических раскопок на этом многослойном поселении: исследования памятника начались в 1939 г. Сотрудник Национального археологического музея в Софии В. Миков заложил раскоп в восточной поле телля, собрал первые данные о его стратиграфии, предложил относительную периодизацию, построенную на морфологии керамики: А – пласт халколита, Б – эпохи бронзы, В – раннего железного века (*Миков, 1940*). Сербский археолог Владимир Милойич в своей работе 1949 г. по хронологии Юго-Восточной Европы относил РБВ Юнаците к кон. III – II тыс. до н. э. (*Milojic, 1949*). Конец халколита он датировал 2350 г. до н. э., а культуру Коджадермен – Гумельница – Караново VI (КГК VI) во втор. пол. III тыс. до н. э. Тогда такие даты были нормой.

В 80-х гг. XX в. на телле Юнаците продолжила раскопки болгаро-советская/российская экспедиция под руководством Р. Катинчарова и Н. Я. Мерперта. Результатом работ стало уточнение стратиграфии памятника, выделение 16 ранне-бронзовых горизонтов (РБВ I, II, III).

Было начато изучение финального поселения халколита. Данный горизонт явил уникальную картину – разрушенный в результате жесткого конфликта поселок с останками людей под руинами сгоревших домов. Главным же достижением полевых исследований было обнаружение (впервые на теллях Болгарии)

Рис. 1. Памятники, рассматриваемые в статье, на карте Болгарии

погребенной почвы, которая разделяла отложения халколита и ранней бронзы (Мерперт и др., 2007) (рис. 2). Данный хиатус мощностью 20–40 см был зафиксирован на Юнаците как археологическими, так и физико-химическими методами и посредством ^{14}C датирования. Почвоведы определили характер этой погребенной почвы как типичный для степных грунтов (Александровский и др., 2011; 2019). Комплекс естественно-научных исследований, проводившихся на телле Юнаците, позволил установить, что к моменту гибели финального халколитического поселка климат был аридным (Киселева и др., 2005; Ковачева, Бояджиев, 2007). Последствия ухудшения природно-климатической обстановки сильнее всего проявились на Восточных и Центральных Балканах, где в последней четверти V тыс. до н. э. прекратили существование сотни поселений культур Коджадермен–Гумельница–Караново VI, Варна.

Для нижнедунайского региона и восточной части Балкан имеются представительные серии радиоуглеродных дат для ряда теллей – Пьетреле, Кашчиореле, Овчарово, Караново, Эзеро и др. Соотнесение именно серий последовательных дат из теллей, где кроме халколитических отложений имеются и раннебронзовые, особенно ценны для нашего исследования. В данной статье использовались серии дат для теллей Юнаците, Караново, Эзеро. Эти памятники дают сходную стратиграфическую картину: халколитические отложения

Рис. 2. Телль Юнаците. Центральный профиль. Участок погребенной почвы

перекрывает погребенная почва, имеются отложения РБВ, кроме того – даты ^{14}C представлены серийно.

Для Юнаците с 80-х гг. прошлого века по стратифицированным пробам, взятым в отложениях РБВ и халколита, неоднократно делались серии радиоуглеродных дат. Первые 25 дат (РБВ I–III) сделаны в Берлинской лаборатории, 12 дат (РБВ и халколит) – в радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН, 2 даты (из погребенной почвы хиатуса) – в Киевской лаборатории (*Чичагова и др.*, 2006; 2007; *Бояджиев*, 2007). Последняя серия из 8 дат эпох РБВ и халколита получена в Лионской лаборатории по проекту «Балканы 4000» (*Boyadzhiev*, 2015; *Boyadzhiev, Aslanis*, 2016). Таким образом, за 30 лет было накоплено 47 дат для исследованной толщи культурного слоя памятника (рис. 3). Сегодня эта серия уже не кажется большой, особенно если принимать во внимание, что даты распределены в напластованиях более семи метров. При построении графиков использована программа OxCal 4.3, позволяющая обрабатывать серии дат ^{14}C ¹.

Для определения возраста хиатуса и, соответственно его длительности, большое значение имеют даты из двух стратиграфических уровней узкого диапазона. Возраст завершения жизни в халколитическом поселке оценивается как 4100–4000 гг. CalBC. Первый поселок РБВ (горизонт XVI/XVII) появляется около

¹ Приносим благодарность Л. Б. Орловской за помощь в составлении графиков в программе OxCal 4.3.

3000 г. CalBC (Бояджиев, 2007; Александровский и др., 2011; Aleksandrovskij et al., 2018). Нижние даты получены из слоя разрушенного поселка эпохи халколита, длительность этих разрушений измеряется днями – разгром поселения был молниеносным. Датирование проводилось по углям, древесному тлену, зернам и по костям погибших обитателей Юнаците. Верхние даты получены по нижнему горизонту РБВ I (XVI/XVII), накопление которого длилось не более 50 лет (Бояджиев, 2007. Табл. 2). Длительность хиатуса составляет около 1000 лет (рис. 3; 7: 1).

Телль Караново, который находится в восточной части Фракийской долины, неоднократно раскапывался начиная с 1947 г. Траншея В. Микова прорезала холм с северо-восточной стороны, материалы именно оттуда легли в основу периодизационной «карановской колонки» (Georgiev, 1961). В дальнейшем раскопы чаще закладывались у подножия холма, поскольку интерес представляли отложения эпохи неолита. В начале 2000-х гг. для исследования отложений эпохи ранней бронзы был заложен раскоп в центральной части памятника. В нем зафиксирован 2-метровый слой РБВ I, была достигнута почва хиатуса (Hiller, Nikolov, 2002; Hiller et al., 2005). В продолжившихся работах 2009, 2011 гг. одной из задач стало ее детальное исследование, установлена мощность от 20 до 30 см. По своим характеристикам данная почва оказалась сходной с погребенной почвой на телле Юнаците (Николов, Петрова, 2013).

Подобный примененному на Юнаците способ оценки длительности хиатуса был использован и на телле Караново. Для его датирования имеется серия дат, взяты пробы угля и зерен. Из 16 дат 14 попадают в интервал, маркирующий завершающий этап жизни на халколитическом поселении и начальные фазы РБВ I (этап Эзеро А) (рис. 4). Прекращение жизни в халколите на телле Караново датируется примерно 4350 г. CalBC. Возникновение первого раннебронзового поселения датируется временем около 3310 г. CalBC. Перерыв жизни на телле – 1040 лет, что отражено на графиках (рис. 4; 7: 2).

Многослойное поселение Эзеро расположено в центре Фракийской долины. Памятник раскапывался в 1960–1970-е гг. болгаро-советской экспедицией. Основной задачей было изучение отложений РБВ, мощность исследуемого слоя составила более трех метров, выделено тринадцать стратиграфических горизонтов эпохи ранней бронзы. Халколитический пласт исследован в юго-западном раскопе, раннебронзовый пласт прослежен во всех трех раскопах. Отметим, что стратиграфически не выявлена погребенная почва, которая разделяла отложения халколита и ранней бронзы. Сами исследователи отмечают, что площадь халколитического поселка была небольшой и проявилась не во всех стратиграфических раскопах (Езеро..., 1979. С. 100). Однако в центральном и северо-восточном раскопах отчетливо зафиксирован хиатус, подстилающий культурные отложения РБВ (Там же. С. 57, 100. Обр. 30, 46). Кроме того, серия дат ^{14}C халколита и РБВ также демонстрируют временной перерыв.

В Эзеро для пласта РБВ имеется значительно больше дат, нежели для отложений халколита (рис. 5). Как видно на графике, последовательность этой серии для РБВ не очень четкая. На протяжении около 1000 лет они перекрывают друг друга, имеются и заметные «выбросы». Поскольку даты делались

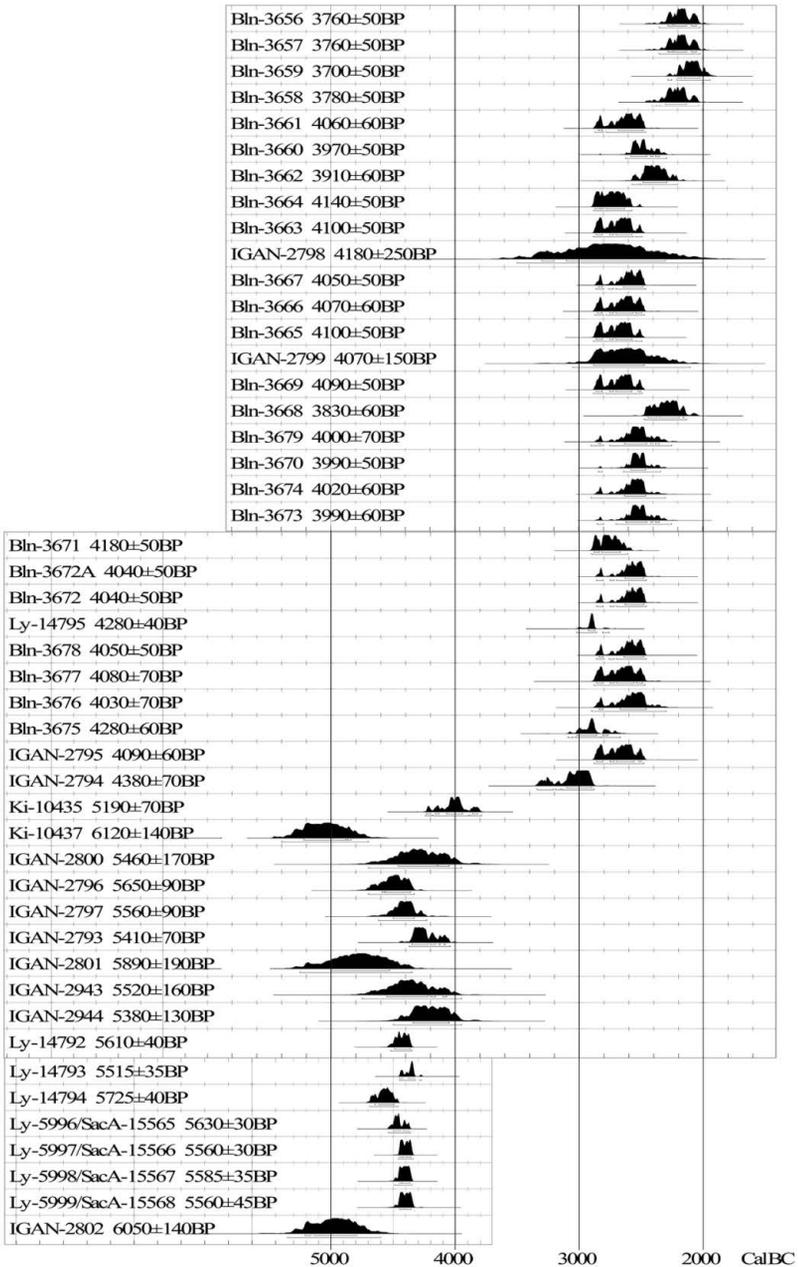

Рис. 3. Тель Юнаците.
 Список халколитических и раннебронзовых ¹⁴C дат

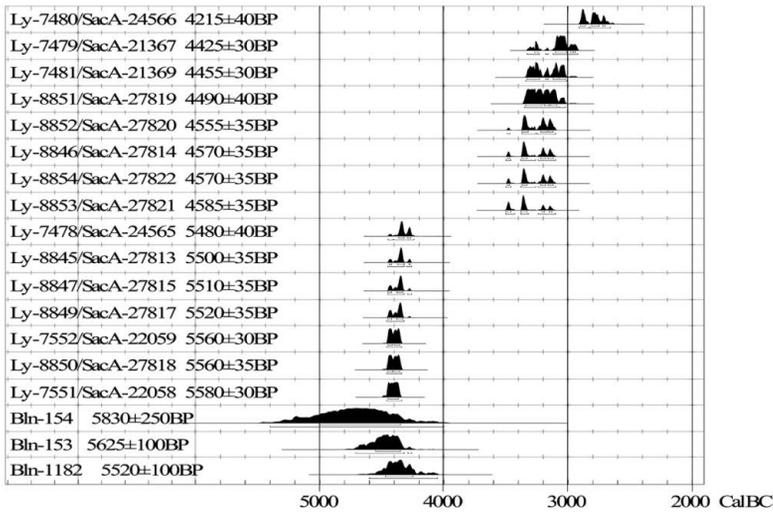

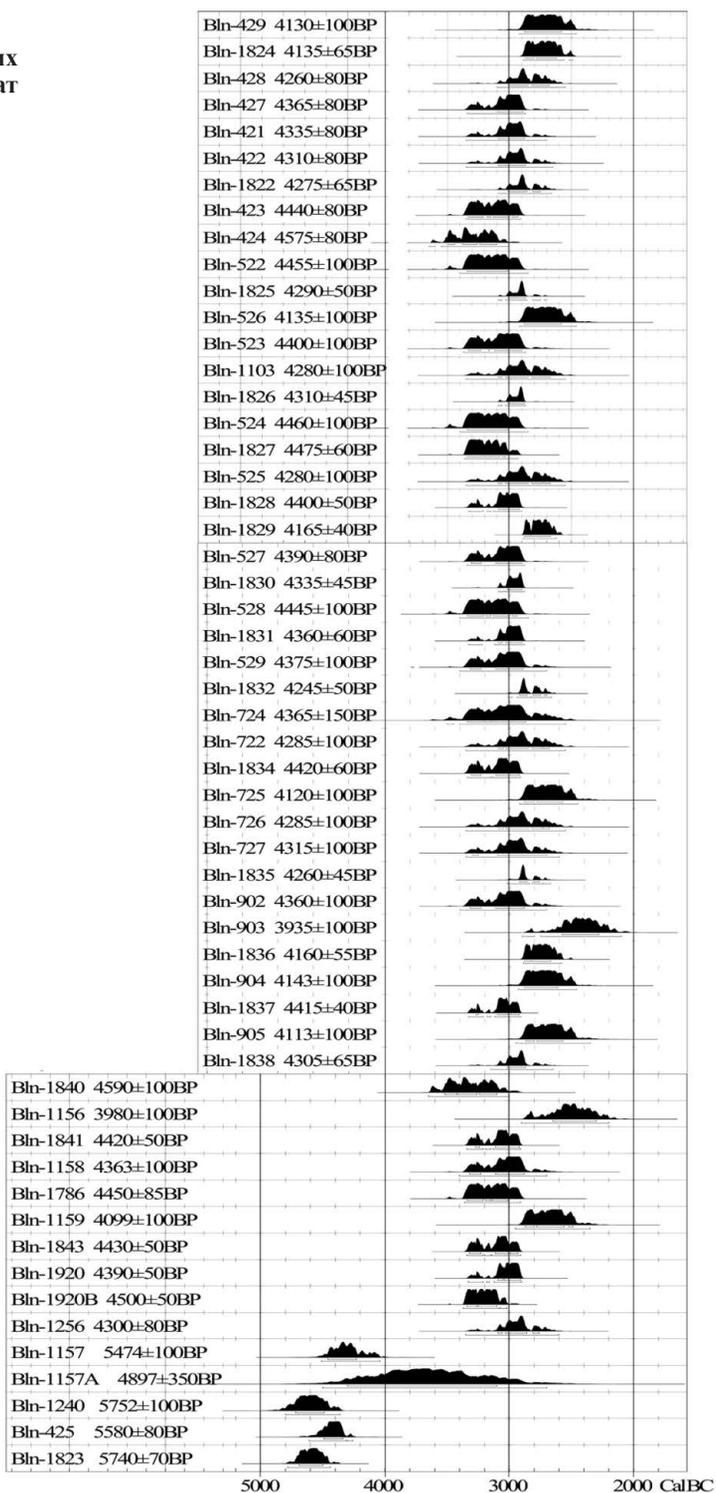
Рис. 4. Телль Караново.
Список халколитических и раннебронзовых ^{14}C дат

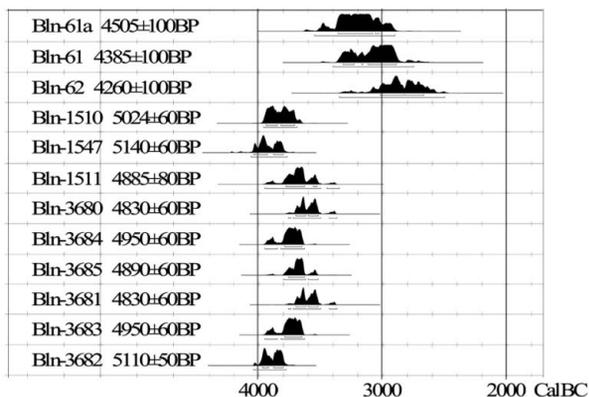
в 70-х гг. прошлого века, у многих из них поправки достигают 100 и даже 350 лет, что может повлиять на их невыразительную группировку. Халколитические даты выглядят более поздними по сравнению с сериями на уже рассмотренных памятниках, что также связано с большими (до 350 лет) доверительными интервалами. На основании серии имеющихся дат завершение жизни в халколите приходится приблизительно на 4200 г. CalBC, начало РБВ – около 3300–3200 гг. CalBC (рис. 5; 7: 3). Перерыв жизни на телле Эзеро – примерно 1000 лет.

Анализируя серии дат трех фракийских многослойных поселений, отметим, что завершение халколита на них приходится на конец V тыс., а появление обитателей в эпоху ранней бронзы случилось в конце IV тыс. до н. э.

Важно было привлечь данные еще одного памятника – телля Магура Горгана/Пьетреле, расположенного в низовьях Дуная в Румынии (*Hansen et al.*, 2011; *Хансен и др.*, 2011). На этом телле уже более 20 лет работает экспедиция Германского археологического института (DAI – Deutsches Archäologisches Institut). При помощи геофизических методов исследовалось не только телленое поселение, но и поселение у подножия телля, где выявилась чрезвычайно плотная застройка. На этом памятнике исследованы отложения халколита – культура КГК VI, сейчас работы ведутся на неолитических горизонтах. В отличие от теллей, о которых речь шла выше, Магура Горгана/Пьетреле не имеет отложений РБВ. Но есть и определенное сходство с Юнаците, авторы раскопок отмечают, что финальный халколитический поселок также погиб в результате пожара (*Хансен и др.*, 2011) и впоследствии жизнь на нем так и не возобновилась.

Рис. 5. Тель Эзеро.
Список халколитических
и раннебронзовых ^{14}C дат

Рис. 6. Культура Чернавода I. Список ^{14}C дат

Кроме того, для теля Пиетреле имеется представительная серия дат (около 50) для халколитических отложений, которые детально проанализированы А. Рейнгрубер (*Reingruber, 2015*). Ею было установлено, что около 4250 г. Cal BC поселение культуры КГК VI было заброшено. Анализируя даты для других поселений на Нижнем Дунае и в Северо-Восточной Болгарии, она делает справедливый вывод о том, что на всех этих телях фиксируется завершение жизни в халколите.

Хронологическая картина на Нижнем Дунае, в Северо-Восточной Болгарии и во Фракии оказалась сходной. Фракийский регион до финала халколита «живет» синхронно Северо-Восточным Балканам – середина и втор. пол. V тыс. до н. э., характеризуется расцветом раннеземледельческих культур Коджадермен–Гумельница–Караново VI и Варна. В конце V тыс. до н. э. данная культурно-историческая общность перестает существовать, и этим завершается здесь эпоха халколита.

За пределами Фракии, на территории Северо-Восточных Балкан уже во втор. четв. IV тыс. до н. э. фиксируются поселения культуры Чернавода I, известная по поселенческим памятникам. Радиоуглеродных дат для нее пока немного (*Görsdorf, Bojadžiev, 1996; Krauß u. a., 2016*), они ложатся в интервал 3700–3200 гг. Cal BC (рис. 6; 7: 4). Северо-западнее Фракии продолжает существовать культура Криводол (фаза IV) (*Boyadzhiev, 2015. Fig. 19*).

Во Фракии с конца V и IV тыс. до н. э. и до начала III тыс. до н. э. фиксируется перерыв в обитании. Здесь раннебронзовые поселения появятся почти через 1000 лет – снова возникнут поселки на телях Юнаците, Караново, Эзеро, маркируя начало эпохи ранней бронзы (рис. 3–5). На данной территории фиксируется общая динамика обитания и запустения: халколит – хиатус – РБВ.

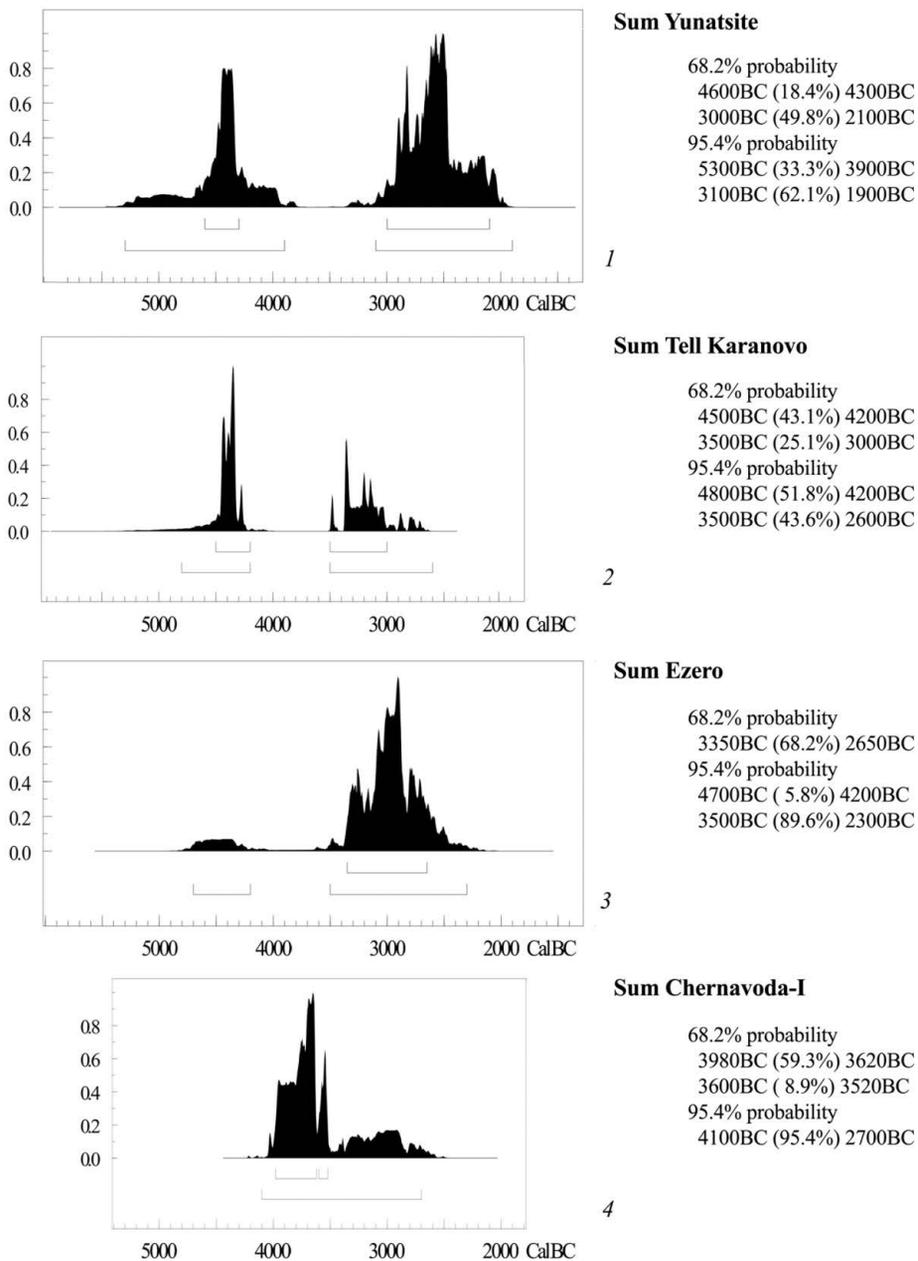

Рис. 7. Графики распределения ¹⁴C дат на теллях Юнаците (1), Караново (2), Эзеро (3) и в культуре Чернавода I (4)

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Седов С. Н.*, 2011. Телль Юнаците и поселение рядом с ним: сравнительный педологический анализ в контексте археологической стратиграфии // КСИА. Вып. 225. С. 189–205.
- Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Седов С. Н.*, 2019. Почвенно-седиментационная запись эволюции природной среды голоцена. Телль Юнаците, Болгария // Почвоведение. (В печати.)
- Бояджиев Я.*, 2007. Телль Юнаците – абсолютная хронология горизонтов эпохи ранней бронзы // Телль Юнаците. Т. II: Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 217–221.
- Васић М.*, 1932–1936. Преисториска Винча. Т. I–IV. Београд. 4 т.
- Гайдарска Б.*, 2011. А сега накъде? Абсолютни дати от Варненския халколитен некропол // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха / Ред.: Я. Бояджиев, С. Терзийска-Игнатова. София: Българска академия на науките. С. 93–105.
- Георгиев Г. И.*, 1960. Главни периоди от развитието на културата през неолита и медната епоха в България в светлината на най-новите археологически проучвания // Światowit. Т. XXIII. С. 309–339.
- Езеро. Ранобронзовото селище. София: Българската академия на науките, 1979. 547 с.
- Киселева Н. К., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Переладов А. М.*, 2005. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телля «Плоская могила» // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 113–145.
- Ковачева М., Бояджиев Я.*, 2007. Археомангнитное исследование горизонтов эпохи бронзы на телле Юнаците // Телль Юнаците. Т. II: Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 222–229.
- Мерперт Н. Я., Мацанова В., Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2007. Стратиграфия горизонтов раннего бронзового века // Телль Юнаците. Т. II: Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 125–145.
- Миков В.*, 1940. Селищна могила при с. Юнаците (Пазарджишко) // Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937/1939. Пловдив. С. 55–84.
- Николов В., Петрова В.*, 2013. Проучвания на тел Караново в контекста на проблема за продължителността на хиатуса между късния халколит и ранната бронзова епоха в Тракия // Археология. Год. LIV. Кн. 2. София. С. 7–24.
- Хансен С., Тодераш М, Райнгрубер А., Вундерlich Ю.*, 2011. Пьетреле. Поселение эпохи медного века на Нижнем Дунае // Stratum plus. № 2. С. 17–86.
- Чичагова О. А., Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П.*, 2006. Новая серия дат ¹⁴C для телля Юнаците // РА. № 2. С. 103–112.
- Чичагова О. А., Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П.*, 2007. Новая серия дат ¹⁴C для телля Юнаците // Телль Юнаците. Т. II: Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 232–238.
- Aleksandrovskij A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Sedov S. N.*, 2018. Tell Junacite und die daneben gelegene offene Siedlung Vergleichende pedologische Analyse im Kontext der archäologischen Stratigraphie // EA. Bd. 21 (2015). S. 1–20.
- Boyadzhiev Y.*, 2015. Tell Yunatsite: Development and Absolute Chronology of the Settlements from the Beginning of the Chalcolithic to the Early Bronze Age // Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. Bonn: Habelt. S. 381–393.
- Boyadzhiev Y., Aslanis I.*, 2016. Radiocarbon dates from tell Yunatsite // The human face of radiocarbon. Lyon: Maison de l’Orient et de la Méditerranée. P. 157–166. (Travaux de la Maison de l’Orient; 69.)
- Georgiev G. I.*, 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L’Europe à la fin de l’Âge de la pierre: Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague–Liblice–Brno 5–12 octobre 1959. Praha: Académie Tchecoslovaque des Sciences. S. 45–100.
- Görsdorf J., Bojadžiev Y.*, 1996. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // EA. Bd. 2. S. 105–173.
- Hansen Sv., Toderas M., Reingruber A., Nówacki D., Norgaard H., Spânu D., Wunderlich J.*, 2011. Die kupferzeitliche Siedlung Pietrele an der Unteren Donau // EA. Bd. 17 (2011). S. 45–120.

- Hiller S., Nikolov V., 2002. Tell Karanovo 2000–2001: Vorbericht über die 17 und 18. Kampagne der Österreichisch-Bulgarischen Ausgrabungen am Tell von Karanovo. Salzburg: Institut für Klassische Archäologie der Universität Salzburg. 25 S.
- Hiller S., Nikolov V., Lang F., 2005. Tell Karanovo 2002–2004: Vorbericht über die 19., 20. und 21. Kampagne der österreichisch-bulgarischen Ausgrabungen am Tell Karanovo. Salzburg: Institut für Klassische Archäologie der Universität Salzburg.
- Krauß R., Schmid C., Ciobotaru D., Slavchev V., 2016. Varna und die Folgen – Überlegungen zu den Ockergräbern zwischen Karpatenbecken und der nördlichen Ägäis // Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, etallurgie und Isenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH. S. 273–316. (Oriental and European Archaeology; vol. 3.)
- Milojčić V., 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin: Mann. 137 S.
- Reingruber A., 2015. Absolute and Relative Chronologies in the Lower Danube Area during the 5th Millennium BC. // Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. Bonn: Habelt. P. 301–324.

Сведения об авторах

Мишина Татьяна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: tnmishina@mail.ru;

Балабина Вера Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: balabina@mail.ru

T. N. Mishina, V. I. Balabina

TELL YUNATSITE IN THE SYSTEM
OF BALKAN RADIOCARBON CHRONOLOGY

Abstract. Multi-layer settlements (tells) with a long stratigraphic sequence of occupational deposits and a clear-cut stratigraphy became a good testing range for developing relative periodization. For example, in Bulgaria the so called Karanovo stratigraphic column constructed based on the Tell Karanovo materials was used for periodization and cultural attribution of a large number of periods from the Early Neolithic to the Early Bronze Age. With the advent of radiocarbon dating, higher precision of the method and a gradual increase in the number of ¹⁴C dates from separate multi-layer sites, values for tells are now of paramount importance for absolute chronology as well.

Keywords: Balkans, Bulgaria, absolute chronology, radiocarbon dating (¹⁴C), tell, Chalcolithic period, MBA, hiatus.

REFERENCES

- Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Sedov S. N., 2018. *Tell Junacite und die benachbarte offene Siedlung. Vergleichende pedologische Analyse im Kontext der archäologischen Stratigraphie. EA*, 21 (2015), pp. 1–20.
- Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Sedov S. N., 2011. Tell Yunatsite i poseleniye ryadom s nim: sravnitel'nyy pedologicheskiy analiz v kontekste arkhologicheskoy stratigrafii [Tell Yunatsite and nearby settlement – comparative pedological analysis in context of archaeological stratigraphy]. *KSIA*, 225, pp. 189–205.
- Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Sedov S. N., 2019. Pochvenno-sedimentatsionnaya zapis' evolyutsii prirodnoy sredy golotsena. Tell' Yunatsite, Bolgariya [Soil-sedimental sign of environment evolution in Holocene. Tell Yunatsite, Bulgaria]. *Pochvovedeniye [Soil science]*. (In print.)

- Boyadzhiev Y., 2015. Tell Yunatsite: Development and Absolute Chronology of the Settlements from the Beginning of the Chalcolithic to the Early Bronze Age. *Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. Bonn: Habelt, pp. 381–393.
- Boyadzhiev Y., Aslanis I., 2016. Radiocarbon dates from tell Yunatsite. *The human face of radiocarbon*. Lyon: Maison de l’Orient et de la Méditerranée, pp. 157–166. (Travaux de la Maison de l’Orient, 69.)
- Boyadzhiev Ya., 2007. Tell’ Yunatsite – absolyutnaya khronologiya gorizontov epokhi ranney bronzy [Tell Yunatsite – absolute chronology of Early Bronze Age horizons]. *Tell’ Yunatsite [Tell Yunatsite], II. Epokha bronzy [Bronze Age]*, 1. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 217–221.
- Chichagova O. A., Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Zazovskaya E. P., 2006. Novaya seriya dat ¹⁴C dlya tellya Yunatsite [New series of ¹⁴C dates for Tell Yunatsite]. *RA*, 2, pp. 103–112.
- Chichagova O. A., Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Zazovskaya E. P., 2007. Novaya seriya dat ¹⁴C dlya tellya Yunatsite [New series of ¹⁴C dates for Tell Yunatsite]. *Tell’ Yunatsite [Tell Yunatsite], II. Epokha bronzy [Bronze Age]*, 1. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 232–238.
- Ezero. Ranobronzovoto selishche [Ezero. Early Bronze Age settlement]. Sofia: B⁷Igarskata akademiya na naukite, 1979. 547 p.
- Gaydarska B., 2011. A sega nak’de? Absolyutni dati ot Varnenskiya khalkoliten nekropol [Where to now? Absolute dates of the Varna Chalcolithic necropolis]. *Zlatoto peto khilyadoletie. Trakiya i s’ sednite rayoni prez kamleno-mednata epokha [The Golden Fifth Millenium. Thrace and its Neighbour Areas in the Chalcolithic]*. Y. Boyadzhiev, S. Terziyska-Ignatova, eds. Sofia: B⁷Igarska akademiya na naukite, pp. 93–105.
- Georgiev G. I., 1960. Glavni periodi ot razvitiето na kulturata prez neolita i mednata epokha v B⁷Igariya v svetlinata na nay-novite arheologicheski prouchvaniya [Basic periods of cultural development during Neolithic and Copper Age in Bulgaria in light of newest archaeological studies]. *Światowit [Światowit]*, XXIII, pp. 309–339.
- Georgiev G. I., 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien). *L’Europe à la fin de l’Âge de la pierre: Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague–Liblice–Brno 5–12 octobre 1959*. Praha: Académie Tchecoslovaque des Sciences, pp. 45–100.
- Görsdorf J., Bojadžiev Y., 1996. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte. *EA*, 2, pp. 105–173.
- Hansen S., Toderas M., Reingruber A., Wunderlich J., 2011. P’yetrele. Poseleniye epokhi mednogo veka na Nizhnem Dunaye [Pietrele. Copper Age settlement on Lower Danube]. *SP*, 2, pp. 17–86.
- Hansen Sv., Toderas M., Reingruber A., Nówacki D., Norgaard H., Spänu D., Wunderlich J., 2012. Die kupferzeitliche Siedlung Pietrele an der Unteren Donau. *EA*, 17 (2011), pp. 45–120.
- Hiller S., Nikolov V., 2002. Tell Karanovo 2000–2001: Vorbericht über die 17. und 18. Kampagne der Österreichisch-Bulgarischen Ausgrabungen am Tell von Karanovo. Salzburg: Institut für Klassische Archäologie der Universität Salzburg. 25 S.
- Hiller S., Nikolov V., Lang F., 2005. Tell Karanovo 2002–2004. Vorbericht über die 19., 20. und 21. Kampagne der österreichisch-bulgarischen Ausgrabungen am Tell Karanovo. Salzburg: Institut für Klassische Archäologie der Universität Salzburg.
- Kiseleva N. K., Balabina V. I., Mishina T. N., Pereladov A. M., 2005. Osobennosti formirovaniya fitolitnogo i diatomovogo spektrov kul’turnogo sloya tellya «Ploskaya mogila» [Specific features of formation of phytolith and diatome spectra in cultural deposit of tell «Ploskaya mogila»]. *OPUS. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS. Interdisciplinary investigations in archaeology]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 113–145.
- Kovacheva M., Boyadzhiev Ya., 2007. Arkheomagnitnoye issledovaniye gorizontov epokhi bronzy na telle Yunatsite [Archaeomagnetic investigation of Bronze Age horizons at the tell Yunatsite]. *Tell’ Yunatsite [Tell Yunatsite], II. Epokha bronzy [Bronze Age]*, 1. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 222–229.
- Krauß R., Schmid C., Ciobotaru D., Slavchev V., 2016. Varna und die Folgen – Überlegungen zu den Ockergräbern zwischen Karpatenbecken und der nördlichen Ägäis. *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, etallurgie und Essenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka*. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, Ss. 273–316. (Oriental and European Archaeology, 3.)

- Merpert N. Ya., Matsanova V., Balabina V. I., Mishina T. N., 2007. Stratigrafiya gorizontov rannego bronzovogo veka [Stratigraphy of Early Bronze Age horizons]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite], II. Epokha bronzy [Bronze Age]*, 1. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 125–144.
- Mikov V., 1940. Selishchna mogila pri s. Yunatsite (Pazardzhishko) [Open settlement near village Yunatsite (Pazardzhik district)]. *Godishnik na Plovdivskata narodna biblioteka i muzey [Annual of Plovdiv people library and museum]*, 1937/1939. Plovdiv, pp. 55–84.
- Milojčić V., 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin: Mann. 137 S.
- Nikolov V., Petrova V., 2013. Prouchvaniya na tel Karanovo v konteksta na problema za prod"lzhitelnostta na khiatusa mezhdu k"sniya khalkolit i rannata bronzova epokha v Trakiya [Investigations at tell Karanovo in context of the problem of duration of hiatus between Late Chalcolithic and Early Bronze Age in Thrace]. *Arkheologiya [Archaeology]*. Sofia, LIV, 2, pp. 7–24.
- Reingruber A., 2015. Absolute and Relative Chronologies in the Lower Danube Area during the 5th Millennium BC. *Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE*. Bonn: Habelt, pp. 301–324.
- Vasić M., 1932–1936. Preistoriska Vinča [Prehistoric Vinča]. Beograd. 4 vols.

About the authors

Mishina Tat'yana N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: tmishina@mail.ru;

Balabina Vera I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: balabina@mail.ru

Е. В. Яровой

ЕЩЕ РАЗ О СТРАТИГРАФИИ ЯМНЫХ И КАТАКОМБНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме. В настоящее время территория Северо-Западного Причерноморья рассматривается как составная часть катакомбной культурно-исторической области. Первые же находки показали, что позднеямные и катакомбные племена сосуществовали в течение определенного времени. Тем не менее стратиграфически ямные погребения всегда предшествуют катакомбным. Подобная ситуация объясняется различными причинами: кастовой системой общества, распределением погребального пространства и планиграфией впускных погребений в кургане. Однако наиболее вероятной причиной линейной стратиграфии представляется вытеснение пришельцами местного ямного населения из некоторых районов СЗП и их совместное чересполосное проживание с катакомбными племенами.

Ключевые слова: ямная культура, катакомбная культура, культура многоваликовой керамики, Северо-Западное Причерноморье, культурно-историческая область, относительная хронология, стратиграфия курганов, линейная стратиграфия, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Длительное время вопрос о наличии памятников катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье (СЗП) оставался открытым. Несмотря на то что их единичные находки были отмечены еще в начале XX в. (*Городцов*, 1917), малочисленность катакомбных захоронений служила основанием для исключения этой территории из области распространения данной культуры. Работы Днестро-Дунайской экспедиции на Черноморском побережье привели к определенному расширению источниковедческой базы и позволили сделать вывод о влиянии (но не более того) катакомбных племен на местное позднеямное население (*Шмаглий, Черняков*, 1970. С. 103).

Однако широкое проведение новостроечных работ во втор. пол. XX в. привело к открытию значительного числа катакомбных захоронений в различных районах Днестро-Пруто-Дунайского междуречья (рис. 1), что позволило

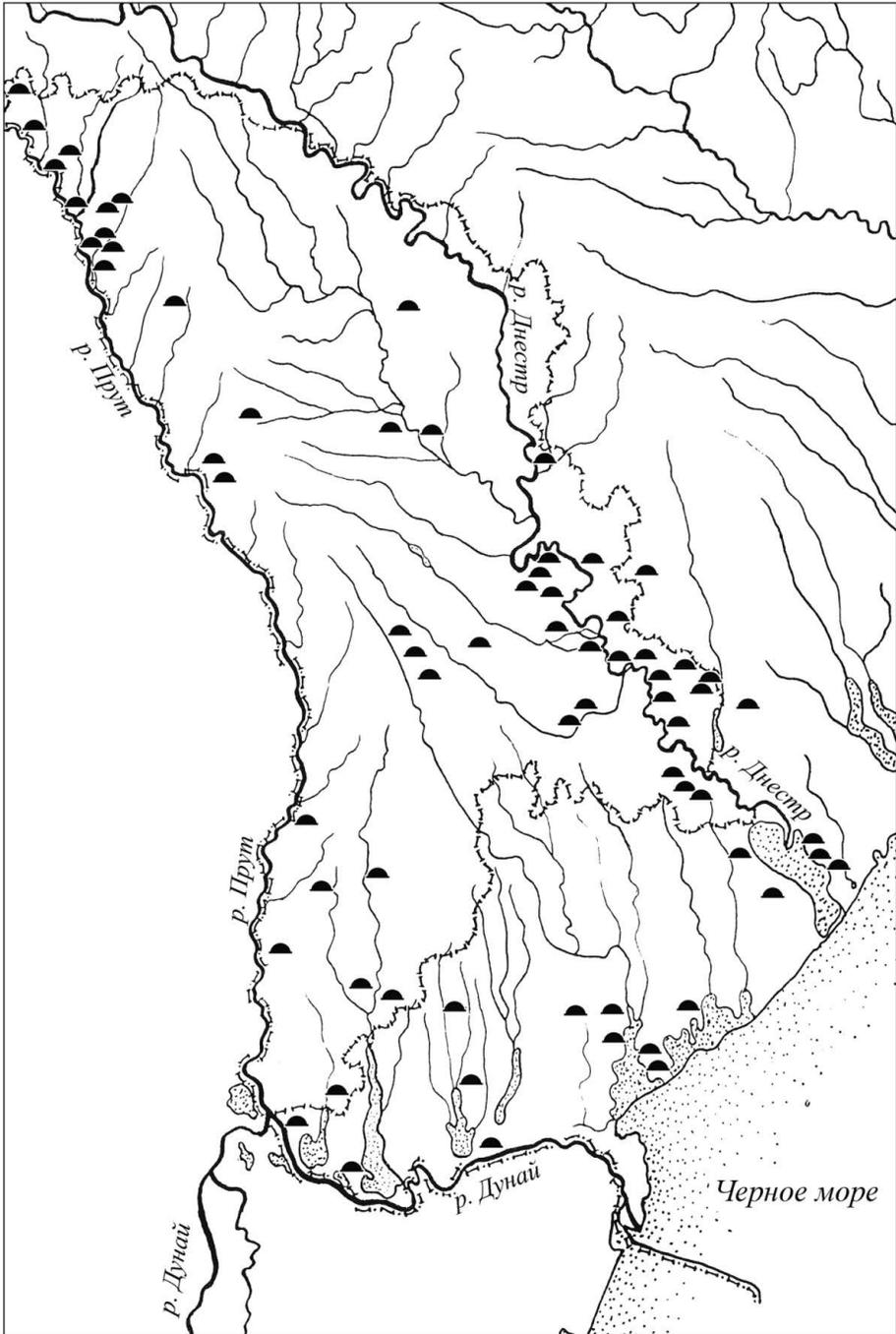

Рис. 1. Памятники катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье (2000 г.)

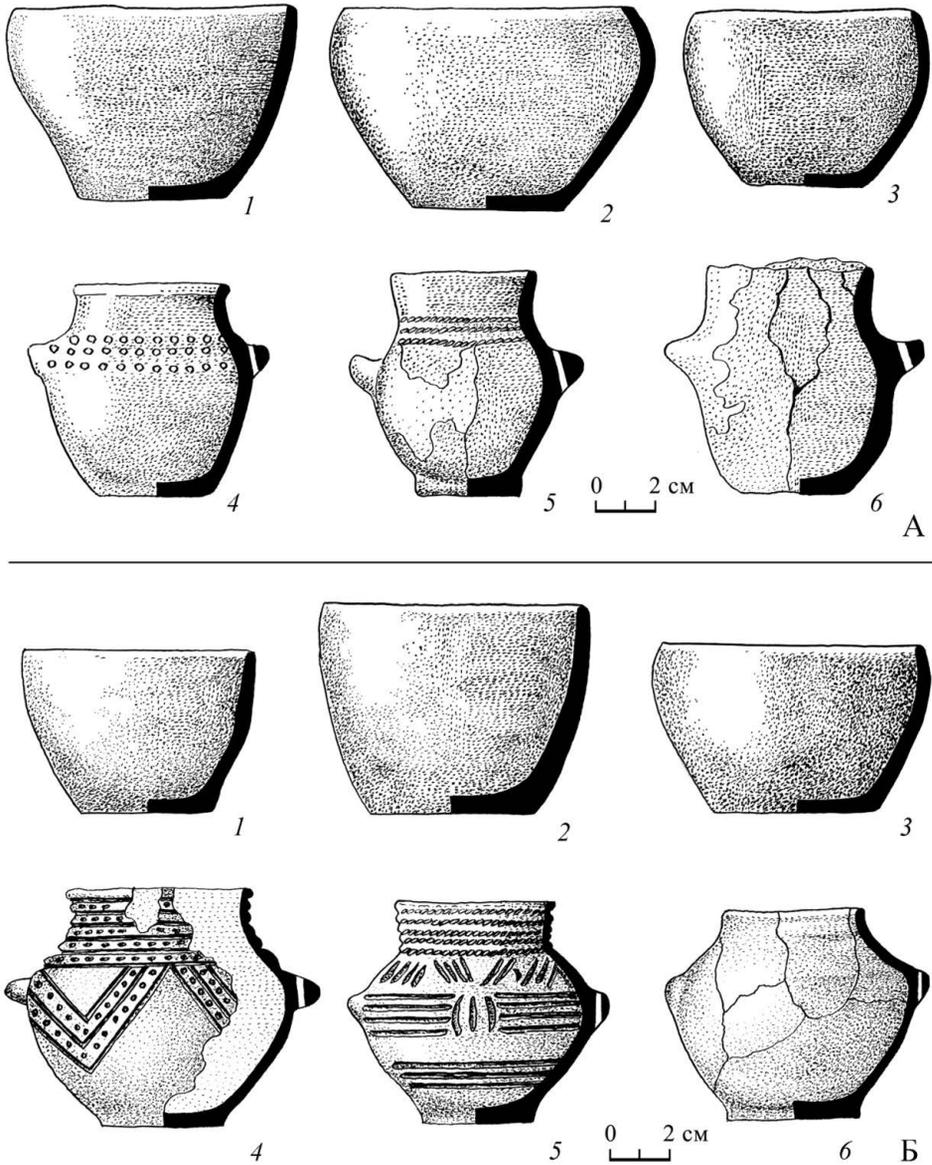
объективно доказать освоение этими племенами данной территории (Николаева, Сафронов, 1976; Тоцев, 1978; 1981; Дергачев, 1981; 1983; Яровой, 1984. С. 71, 72; 1990а; и др.). В настоящее время этот регион рассматривается как составная часть катакомбной культурно-исторической области (КИО). Мало того, сложилось мнение, что катакомбная культура СЗП представляла собой конгломерат различных племенных образований, костяк которых составляли позднекатакомбные племена ингульской культуры (Тоцев, 1981. С. 70). В него вошли также отдельные группы донецкой катакомбной культуры и остатки ямного и позднеямного населения (Дергачев, 1986. С. 88–110; Яровой, 2000. С. 27–34; Иванова, 2013; Иванова и др., 2012. С. 157–163; и др.).

Первые же находки показали, что позднеямные и катакомбные племена существовали вплоть до проникновения на эту территорию племен культуры многоваликовой керамики (КМК) (Березанская, Шапошникова, 1957; Клейн, 1962; Тоцев, 1979; 1991. С. 96; и др.). В первую очередь об этом недвусмысленно свидетельствует близость, если не идентичность, некоторых типов катакомбной и позднеямной керамики (чаши, горшки, миски и т. д.) (рис. 2), а также других категорий инвентаря (рис. 3). Таким образом, наблюдается взаимная культурная ассимиляция, проходившая, возможно, при доминирующем влиянии катакомбного населения.

О ямном компоненте в катакомбном населении могут свидетельствовать захоронения со скорченным на спине положением костяков, а также наличие погребальных конструкций в виде ям. Отмечены и находки позднеямных сосудов в катакомбных захоронениях и наоборот. В качестве наиболее яркого примера можно привести синкретическое погребение 1/18 у с. Траповка, совершенное в катакомбе. В нем была обнаружена керамика позднеямного типа: овоидная амфора и горшковидный сосуд вытянутых пропорций (Субботин и др., 1995. С. 18. Рис. 6: 2, 3). Однако и в трех ямных захоронениях у с. Новоградовка найдены характерной формы воронки, типичные для катакомбных памятников Приазовья, Волго-Маньчского междуречья и Калмыкии (Субботин, 1990. С. 52). За последние десятилетия число подобных комплексов значительно увеличилось. Но следует подчеркнуть, что уже первые антропологические исследования показали, что взаимные связи, общие элементы и смешанные формы в материальной культуре этих групп населения в СЗП явились результатом исторического сближения, но не генетического родства (Круц, 1972. С. 173).

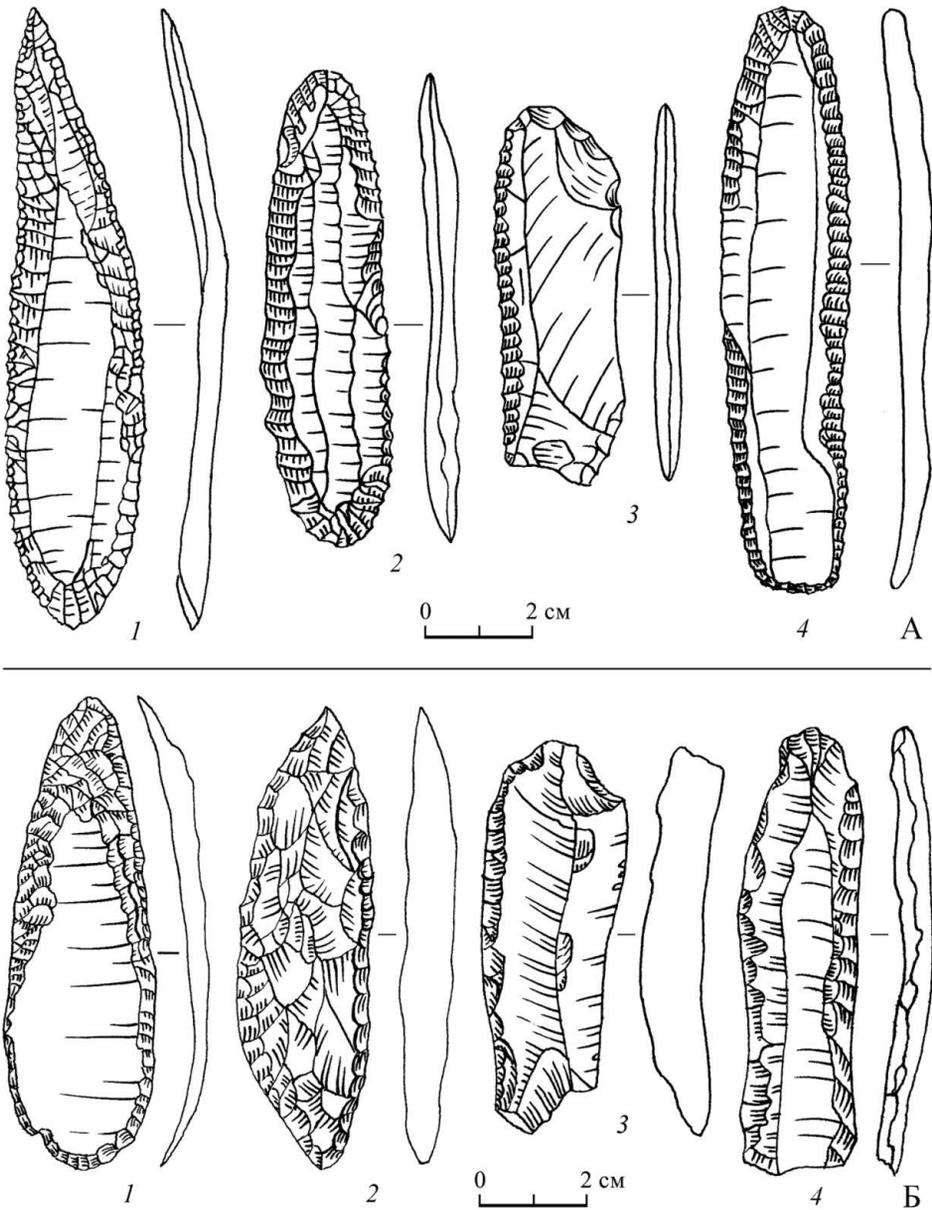
Прямое сосуществование указанных племен доказывают и находки катакомбных стрел в ямных захоронениях. Все они небольшого размера, тщательно обработаны мелкой заостряющей и отжимной ретушью и имеют выемку в основании. Но если в катакомбных комплексах они лежали рядом с погребенными, то в ямных захоронениях они находились в костяках. На основании этого можно сделать вывод о нестабильности отношений между этими племенами, нередко приводящими к боевым столкновениям.

В то же время, несмотря на большое количество косвенных фактов о взаимовлиянии ямной и катакомбной культур, прямых стратиграфических данных их сосуществования мы не имеем. Речь идет о случаях обратной стратиграфии. Относительная хронология этих культур в СЗП однолинейна, и всегда ямные и позднеямные погребальные комплексы являются более ранними. Это обстоя-

**Рис. 2. Керамика ямной и катакомбной культур:
чаши (А: 1-3; Б: 1-3), амфорки (А: 4-6; Б: 4-6)**

А. Ямная культура: 1 – Семеновка, 2/3; 2 – Холмское, 2/8; 3 – Холмское, 2/7; 4 – Слободзея, 4/1; 5 – Семеновка, 2/2; 6 – Урсоая, 9/насыпь; Б. Катакомбная культура: 1 – Вишневое, 11/2; 2 – Старые Беляры, 1/33; 3 – Траповка, 10/7; 4 – Старые Беляры, 1/насыпь; 5 – Коржеуць, 4/10; 6 – Светлый, 3/насыпь

Рис. 3. Кремневые ножи ямной и катакомбной культур

А. Катакомбная культура: 1 – Пуркары, 1/38; 2 – Безеда, 1/5; 3 – Тецканы, 3/22; 4 – Тецканы, 4/3; Б. Ямная культура: 1 – Холмское, 2/8; 2 – Бравичены, 16/6; 3 – Бравичены, 16/11; 4 – Старые Бедажи, 28/9

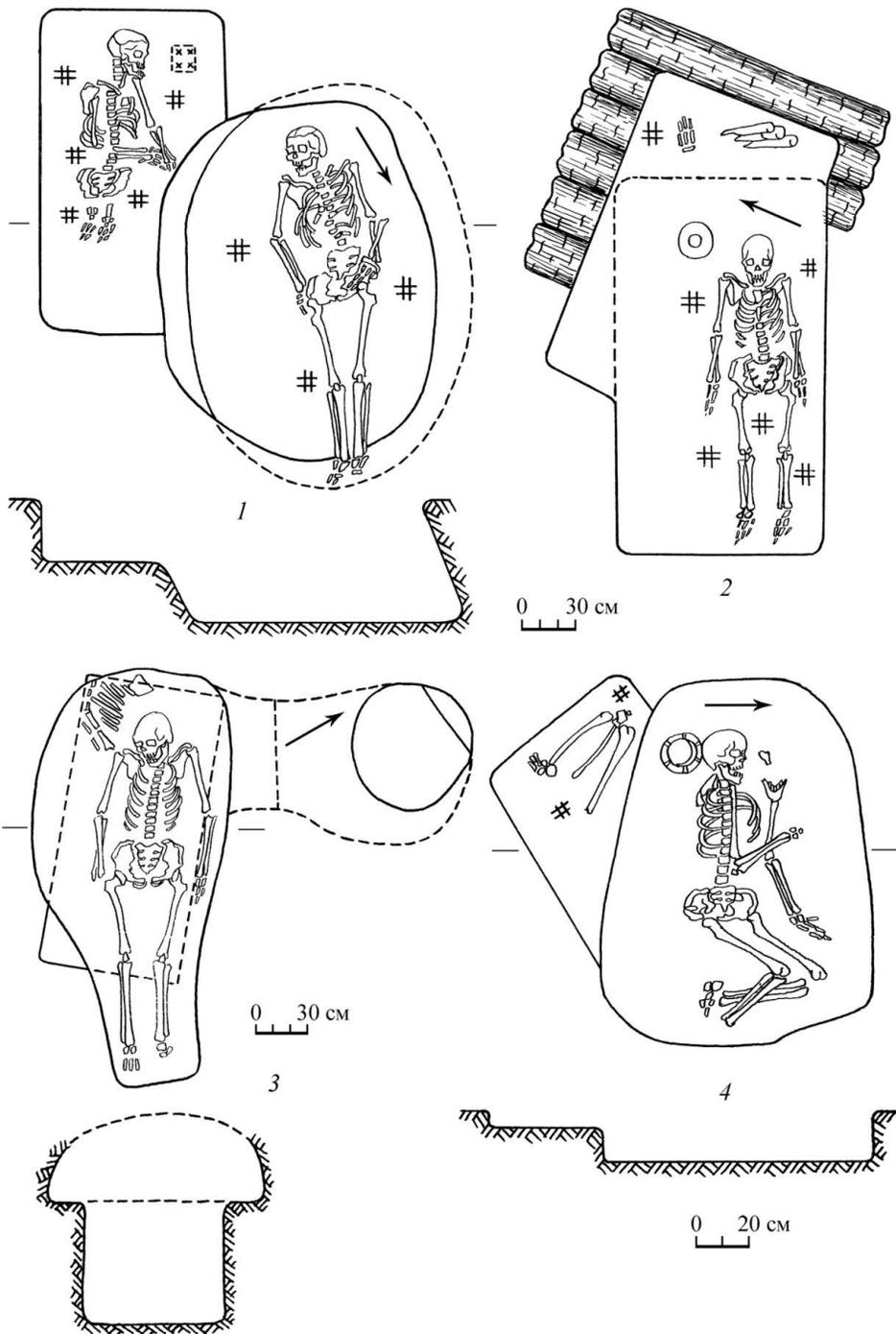
тельство позволило ряду исследователей, несмотря на очевидные факты, выступить против сосуществования этих культур (*Пустовалов*, 2000. С. 98).

Действительно, не столь частые случаи прямого наложения однозначно отражают частичное или полное разрушение ямных погребений катакомбными. Только при анализе 306 захоронений катакомбной культуры (*Яровой*, 2000. С. 27–34) было зафиксировано 11 подобных случаев. В результате почти каждое 30-е катакомбное погребение (3,5 %) нарушило ямное, костяки из которых или грубо уничтожались, или выбрасывались из погребальной камеры. Например, в ямных погребениях 1/6, 12 у с. Новые Раскаецы, 6/3А у с. Хаджилар-I, 9/4 у с. Красное и других костяки были почти полностью срезаны более поздними катакомбными погребениями (рис. 4). От них оставались лишь фрагменты ног или кости были грубо свалены в угол. Такое могло произойти только после полного разложения мягких тканей. Это наглядно подтверждается погребением 1/12 у с. Новые Раскаецы, где катакомба частично нарушила угол ямы. При этом бедренные и берцовые кости более раннего погребенного были просто выдернуты из стенки катакомбы, не нарушив первоначального положение его таза и пяточных костей (рис. 4: 1).

Но есть и другие факты. Так, при сооружении катакомбного погребения 15 в кургане 1 у с. Слободзея была использована более ранняя погребальная камера ямного захоронения 14, где вообще не осталось никаких следов погребенного (*Яровой*, 1993. Рис. 6). В данном случае можно предположить, что катакомбное захоронение было совершено до разложения тела предшественника, что позволило выбросить его из ямы. Таким образом, можно сделать вывод, что хронологический разрыв между захоронениями указанных культур в курганах СЗП может быть различным: от нескольких месяцев (возможно, и дней) до нескольких десятилетий.

Попытку доказать обратную стратиграфию на примере кургана 5 у с. Рошканы вряд ли можно признать убедительной. Опубликованные чертежи погребальных конструкций, несмотря на выводы авторов, позволили другим археологам трактовать данное наложение традиционным образом (*Дергачев*, 1986. С. 109; *Дергачев и др.*, 1989. С. 43, 46, 70. Рис. 15: 7, 8; *Субботин*, 2000. С. 375; *Отрощенко*, 2001. С. 33). Это же касается и упоминания о втором случае нарушения катакомбного захоронения ямным в кургане 2 у с. Холмское (*Субботин*, 1990. С. 51). Приведенный вывод полностью противоречит развернутой публикации этого памятника, где содержится противоположная относительная хронология (*Черняков и др.*, 1986. С. 77, 82).

Представляется, что все попытки найти и доказать сосуществование ямных и катакомбных племен при помощи обратной стратиграфии всегда закончатся безрезультатно только по одной причине: таких случаев просто не было. Новые публикации лишь подтверждают этот факт и вводят в научный оборот очередные факты прямого наложения (*Агульников*, 2011. С. 132, 133. Рис. 5: 1). Дело в том, что катакомбные племена практически не возводили курганные сооружения, используя для своих целей более древние насыпи. Эта традиция даже позволила говорить о «впускном» характере катакомбной культуры в целом, в отличие, например, от ямной (*Писларий*, 1988. С. 14, 15).

Рис. 4. Относительная хронология ямной и катакомбной культур

1, 2 – Новые Раскаецы, кург. 1 (по Е. В. Яровому); 3 – Хаджилар-I, кург. 6 (по Л. В. Субботину); 4 – Красное, кург. 9 (по Е. В. Яровому)

Как же в таком случае объяснить линейную стратиграфию данных памятников? По этому поводу существует несколько гипотез. Наиболее дискуссионным можно признать объяснение С. Ж. Пустовалова. По его мнению, сложившаяся ситуация обусловлена «наличием в обществе кастовой системы, предусматривавшей возможность повышения социального статуса людей путем военных подвигов или замужества не более чем на одну ступеньку в общественной иерархии в продолжение жизни. Человек, принадлежавший по рождению к ямному этносу, мог быть после смерти похоронен либо по ямному обряду, либо, если он сумел повысить свой социальный статус, по восточнокатакомбному обряду». Откуда такие сведения? Этот вывод вызывает массу вопросов, как и следующий пассаж: «Человек, принадлежавший к восточнокатакомбному этносу, в свою очередь, мог быть после смерти погребен либо по восточнокатакомбному же обряду, либо, при повышении статуса, по ингульскому обряду. Именно это правило и дает известную последовательность погребений в курганах. При снижении статуса член общества, принадлежавший по рождению к ингульскому этносу, должен был быть захоронен по восточнокатакомбному обряду, а принадлежавший к восточнокатакомбному – по ямному. Но снижение статуса во всех кастовых обществах сурово каралось... и исключения из правил были очень редки. Поэтому и не наблюдается обратная стратиграфия» (Пустовалов, 2000. С. 102). Можно лишь констатировать, что автор выступает в данном случае в качестве современника и свидетеля жизни древних скотоводов.

Более реальные объяснения дает Н. А. Рычков. Он рассмотрел соотношение почти двух тысяч захоронений указанных культур из 8 районов Украины и пришел к выводу, что в большинстве случаев они располагались в противоположных секторах кургана. Этим он и объяснил не только отсутствие обратной стратиграфии, но и малое число наложений катакомб на ямные захоронения (2,4 %, кстати, очень близкие к показателям в СЗП). Отсюда последовал вывод о распределении «погребального пространства» и, возможно, совместном проживании данных племен. При этом он не исключил еще две возможности: полного вытеснения ямных племен с их территории или их дальнейшего проживания рядом с пришельцами при отказе от курганного обряда захоронений. Одновременно он не исключил и возможности нахождения на поверхности курганов каких-либо опознавательных знаков над ямными погребениями, которые видели катакомбные племена (Рычков, 2002). Последнее предположение вполне вероятно, особенно если учитывать, что надмогильные сооружения были земляными и не сохранились до нашего времени. Однако гипотеза о переходе ямных племен к бескурганному обряду не имеет никаких доказательств.

Существует еще одна версия линейной стратиграфии. Так, С. Н. Братченко считал, что, несмотря на сходные принципы организации погребального пространства вокруг центра, радиус катакомбной окружности обычно был больше, что и привело к отсутствию наложений погребальных сооружений этих культур (Братченко, 2001). Действительно, в большинстве случаев это так, хотя никто и не делал точных подсчетов. В то же время это наблюдение не аксиома. Достаточно лишь указать на планиграфию большого количества насыпей, в которых радиусы ямных и катакомбных впускных захоронений совпадают (например, курганы: № 3 у с. Окница; 1, 4, 5 у с. Рошканы; 3 у с. Балабан; 1 у с. Новые Раскаецы;

1 у с. Никольское; 1 у с. Приморское; 52 у с. Вишневое и др. – и этот список можно легко продолжить).

В свете последних исследований из всех предложенных гипотез наиболее аргументированной представляется точка зрения о вытеснении позднейших племен катакомбными из определенных районов Днестро-Пруто-Дунайского междуречья (Тощев, 1992. С. 48; Яровой, 1999). Отмеченная в них нетипичная концентрация катакомбных захоронений, их количественное преобладание над ямными и отсутствие обратной стратиграфии, скорее всего, свидетельствуют о том, что эти районы контролировались племенами катакомбной культуры. Чересполосное распределение позднейших и катакомбных памятников в СЗП было справедливо отмечено еще 40 лет назад и объяснялось сосуществованием указанных культур (Тощев, 1979. С. 37). Подобные выводы нашли свое полное подтверждение при дальнейших раскопках в междуречье. В тех курганных группах, где наблюдается концентрация катакомбных захоронений, не отмечено преобладания над ними ямных. Этот феномен мог явиться объективным отражением той исторической ситуации, которая сложилась в степях региона в рассматриваемый период.

Наиболее вероятно, что, проникнув в Северо-Западное Причерноморье, катакомбные племена вытеснили из некоторых районов позднейшее население, хотя и проживали с ним по соседству. По установившейся традиции они сооружали свои погребения в ранее возведенных курганах, в том числе и ямной культуры. Так как ямные племена уже не контролировали эти территории, обратная стратиграфия была невозможна, что и отразилось в относительной хронологии этих культур.

В этом отношении характерно левобережье Среднего Прута, где в большинстве курганов катакомбные погребения встречаются исключительно редко и, как правило, в единичных случаях (рис. 1). Однако в курганных группах у сел Тецканы и Безеда их общее количество превышает ямные памятники (Яровой, 1990а). Аналогичная ситуация была отмечена и у сел Гура-Быкулуй на Нижнем Днестре, Кодру-Ноу на Реуте и в некоторых других курганных группах (Дергачев, 1984; Яровой, 1990б). Несмотря на хорошую изученность Левобережья Днестра, в районе Дубоссары-Григориополь неизвестны, за отдельными исключениями, захоронения катакомбной культуры, хотя они и встречаются на противоположном берегу (Мелюкова, 1974а; 1974б; Серова, Яровой, 1987. С. 131, 143; Кетрару, Серова, 1983; 1992).

На показательный в этом отношении регион совершенно справедливо указал Г. Н. Тощев. Он находится в своеобразном географическом «мешке», образованном между реками Дунай и Прут и озером Кагул. В этом ограниченном с трех сторон водными преградами пространстве многолетними исследованиями было изучено значительное количество курганных памятников. Однако среди множества открытых захоронений не было обнаружено ни одного катакомбного, а погребения бронзового века представлены лишь комплексами ямной культуры и КМК (Тощев, 1986. С. 68, 69; 1992. С. 48). Такая же ситуация наблюдается и в низовьях реки Кагул. Видимо, сохранившееся позднейшее население не допустило сюда катакомбные племена, сумев удержать относительно узкий проход в этот район (рис. 1).

За прошедшие годы было получено множество новых данных, свидетельствующих о сосуществовании на определенном этапе этих пастушеских племен. Скотоводы катакомбной культуры сыграли огромную роль в истории восточноевропейских степей, знаменуя ее новый период, ставший одновременно финальным в истории ямных племен. Все отмеченные археологические источники и, казалось бы, противоречащие им данные относительной хронологии подтверждают, что позднейшие и катакомбные племена сосуществовали вплоть до проникновения в СЗП племен КМК. Судя по полученным источникам, появление катакомбных племен не означало полную смену населения в регионе, а вылилось пусть и не в совсем мирное (катакомбные стрелы в костяках ямной культуры), но совместное и относительно длительное проживание двух скотоводческих этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С. М.*, 2011. Раскопки кургана 17 у с. Казакия в 1985 году // *Revista Archeologica. Seria noua. Vol. VII. No. 1–2. Chisinau. С. 129–156.*
- Березанская С. С., Шапошникова О. Г.*, 1957. Рец. на кн.: *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. М., 1955 // *СА. № 2. С. 271–272.*
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу // Луганськ: Шлях. 196 с.
- Городцов В. А.*, 1917. Классификация погребений Одесского кургана // Отчет исторического музея в Москве за 1915 год. М. С. 117–142.
- Дергачев В. А.*, 1981. Раскопки в Данчанах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры // АИМ 1974–1976 гг. Кишинев: Штиинца С. 35–45.
- Дергачев В. А.*, 1983. Катакомбная культура в Днестровско-Прутском междуречье // Первобытные древности Молдавии. Кишинев: Штиинца. С. 120–151.
- Дергачев В. А.*, 1984. Курганы у с. Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии / Отв. ред. И. И. Артеменко. Кишинев: Штиинца. С. 3–36.
- Дергачев В. А.*, 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы // Кишинев: Штиинца. 222 с.
- Дергачев В. А., Борзияк И. А., Манзура И. В.*, 1989. Рошканские курганы. Кишинев: Штиинца. 75 с.
- Иванова С. И.*, 2013. Катакомбные культуры // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Одесский археологический музей. С. 255–275.
- Иванова С. И., Островерхов А. С., Савельев О. К., Остапенко П. В.*, 2012. Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья. Киев: КНТ. 300 с.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л.*, 1983. Курганный группа у с. Красное // АИМ 1979–1980 гг. Кишинев: Штиинца С. 137–151.
- Кетрару Н. А., Серова Н. Л.*, 1992. Исследование курганов в Дубэсарском районе // АИМ 1986 г. Кишинев: Штиинца. С. 141–171.
- Клейн Л. С.*, 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // Вестник Ленинградского государственного университета. № 2. С. 74–87.
- Круц С. И.*, 1972. Население территории Украины эпохи меди-бронзы // Киев: Наукова думка. 192 с.
- Мелюкова А. И.*, 1974а. Работы Западно-Скифской экспедиции // АИМ 1973 г. Кишинев: Штиинца. С. 53–78.
- Мелюкова А. И.*, 1974б. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // АИМ 1972 г. Кишинев: Штиинца. С. 77–95.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1976. Курганы у с. Думяны Рышканского района // АО 1975 г. М.: Наука. С. 472–473.
- Отроценко В. В.*, 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАНУ. 290 с.
- Писларий И. А.*, 1988. Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. Перевальск. С. 12–15.

- Пустовалов С. Ж.*, 2000. Ямная общность и катакомбная общность: последовательная смена во времени или сосуществование // Проблемы археологии Подніпров'я. Вип. 3. Дніпропетровськ. С. 95–105.
- Рычков Н. А.*, 2002. К вопросу о сосуществовании носителей ямной и катакомбной культур // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Тирасполь. С. 120–122.
- Серова Н. Л., Яровой Е. В.*, 1987. Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца. 154 с.
- Субботин Л. В.*, 1990. О взаимовлиянии позднеямных и катакомбных племен в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Ч. 1. Херсон. С. 51–53.
- Субботин Л. В.*, 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. № 2. С. 350–387.
- Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н.*, 1995. Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка и Новоселица. Одесса: Гермес. 134 с.
- Тоцев Г. Н.*, 1978. О памятниках катакомбного времени на территории Северо-Западного Причерноморья // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Ужгород. С. 43–44.
- Тоцев Г. Н.*, 1979. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 36–37.
- Тоцев Г. Н.*, 1981. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 63–71.
- Тоцев Г. Н.*, 1986. Средний период бронзового века Юго-Запада СССР. Запорожье. 227 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 19.06.87, N 29903.
- Тоцев Г. Н.*, 1991. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья / Отв. ред. С. Н. Братченко. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины. С. 85–100.
- Тоцев Г. Н.*, 1992. Курганы эпохи бронзы межозерья Ялпуга и Кагула. Запорожье: Запорожский гос. ун-т. 50 с.
- Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В.*, 1986. Холмские курганы // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 53–96.
- Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.*, 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Т. 6. Одесса: Маяк. С. 5–115.
- Яровой Е. В.*, 1984. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута // Курганы в зонах новостроек в Молдавии. Кишинев: Штиинца. С. 37–75.
- Яровой Е. В.*, 1990а. К вопросу о западной границе катакомбной культурно-исторической области // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Запорожье: Запорожский гос. ун-т. С. 114–116.
- Яровой Е. В.*, 1990б. Катакомбные погребения лесостепной Молдавии // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Запорожье: Запорожский гос. ун-т. С. 116–119.
- Яровой Е. В.*, 1993. Отчет о полевых исследованиях Днестровской археологической экспедиции ПГКУ в 1992 г. // Архив НИО Приднестровского государственного университета. Тирасполь. 45 с.
- Яровой Е. В.*, 1999. К вопросу о стратиграфии ямных и катакомбных памятников в курганах Северо-Западного Причерноморья // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М. С. 122–124.
- Яровой Е. В.*, 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 48 с.

Сведения об авторе

Яровой Евгений Васильевич, Московский государственный областной университет, ул. Радио, 10а, Москва, 105005, Россия; e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

E. V. Yarovoy
 THE STRATIGRAPHY OF THE YAMNAYA
 AND CATACOMB CULTURE GRAVES
 IN THE NORTHWESTERN PONTIC REGION REVISITED

Abstract. Currently the Northwestern Pontic region is thought to have been an integral part of the Catacomb culture area. However, the first finds demonstrated that the Late Yamnaya (Pit-grave) and Catacomb populations had co-existed for some time. Nonetheless, stratigraphically, the Pit-grave burials always precede the Catacomb burials. There are various reasons that explain this situation such as a caste system of society, allocation of the burial space and the spatial structuring of dug-in graves in the kurgan. However, the most likely reason of linear stratigraphy is that the local Yamnaya population was ousted from some areas of the northwestern Black Sea region by the newcomers and that the Late Yamnaya and Catacomb populations lived side by side.

Keywords: Late Yamnaya (Pit-grave) culture, Catacomb culture, Multi-ribbed ware culture, archaeological culture, relative chronology, kurgan stratigraphy, linear stratigraphy, funerary rite, funerary offerings.

REFERENCES

- Agul'nikov S. M., 2011. Raskopki kurgana 17 u s. Kazakliya v 1985 godu [Excavations of kurgan 17 near village Kazakliya in 1985]. *Revista Archeologica. Seria noua*. Vol. VII, no. 1–2. Chisinau, pp. 129–156.
- Berezanskaya S. S., Shaposhnikova O. G., 1957. Retsenziya na knigu: Popova T. B. Plemena katakombnoy kul'tury. Moscow, 1955 [Review of the book: Popova T. B. Tribes of Catacomb culture. Moscow, 1955]. *SA*, 2, pp. 271–272.
- Bratchenko S. N., 2001. Donets'ka katakombna kul'tura rann'ogo etapu [Donets Catacomb culture, early stage]. Lugansk: Shlyakh. 196 p.
- Chernyakov I. T., Stanko V. N., Gudkova A. V., 1986. Kholmkiye kurgany [Kholm kurgans]. *Novyye issledovaniya po arkhologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [New investigation in archaeology of Northwestern Pontic region]. Kiev: Naukova dumka, pp. 53–96.
- Dergachev V. A., 1981. Raskopki v Danchenakh i nekotoryye voprosy izucheniya pamyatnikov pozdnego Tripol'ya i katakombnoy kul'tury [Excavations in Dancheny and some issues of study of Late Tripolye sites and Catacomb culture]. *AIM 1974–1976*, pp. 35–45.
- Dergachev V. A., 1983. Katakombnaya kul'tura v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'ye [Catacomb culture in Dniester-Prut interfluve]. *Pervobytnyye drevnosti Moldavii* [Prehistoric antiquities of Moldavia]. Kishinev: Shtiintsa, pp. 120–151.
- Dergachev V. A., 1984. Kurgany u sela Gura-Bykuluy [Kurgans near village Gura-Bykuluy]. *Kurgany v zonakh novostroyek Moldavii* [Kurgans in construction zones of Moldavia]. I. I. Artemenko, ed. Kishinev: Shtiintsa, pp. 3–36.
- Dergachev V. A., 1986. Moldaviya i sosedniye territorii v epokhu bronzy [Moldavia and adjacent territories in Bronze Age]. Kishinev: Shtiintsa. 222 p.
- Dergachev V. A., Borziyak I. A., Manzura I. V., 1989. Roshkanskiye kurgany [Roshkan kurgans]. Kishinev: Shtiintsa. 75 p.
- Gorodtsov V. A., 1917. Klassifikatsiya pogrebeniy Odesskogo kurgana [Classification of burials of Odessa kurgan]. *Otchet istoricheskogo muzeya v Moskve za 1915 god* [Report of Historic museum in Moscow for 1915]. Moscow, pp. 117–142.
- Ivanova S. I., 2013. Katakombnyye kul'tury [Catacomb cultures]. *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Ancient cultures of Northwestern Pontic region]. Odessa: Odesskiy arkhologicheskii muzey, pp. 255–275.

- Ivanova S. I., Ostroverkhov A. S., Savel'yev O. K., Ostapenko P. V., 2012. Ocherki istorii i arkeologii Dnestro-Bugskogo mezhdurech'ya [Essays on history and archaeology of Dniester-Bug interfluvium]. Kiev: KNT. 300 p.
- Ketraru N. A., Serova N. L., 1983. Kurgannaya gruppa u s. Krasnoye [Kurgan group near village Krasnoye]. *AIM 1979–1980*, pp. 137–151.
- Ketraru N. A., Serova N. L., 1992. Issledovaniye kurganov v Dubesarskom rayone [Investigation of kurgans in Dubesary district]. *AIM 1986*, pp. 141–171.
- Klein L. S., 1962. Kratkoye obosnovaniye migratsionnoy gipotezy o proiskhozhdenii katakombnoy kul'tury [Brief ground of migration hypothesis on origin of Catacomb culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Leningrad state university]*, 2, pp. 74–87.
- Kruts S. I., 1972. Naseleniye territorii Ukrainy epokhi medi-bronzy [Population of Ukraine territory in Copper-Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 192 p.
- Melyukova A. I., 1974a. Raboty Zapadno-Skifskoy ekspeditsii [Works of West-Scythian expedition]. *AIM 1973*. Kishinev: Shtiintsa, pp. 53–78.
- Melyukova A. I., 1974b. Raskopki kurganov u s. Butory Grigoriopol'skogo rayona [Excavations of kurgans near village Butory Grigoriopol district]. *AIM 1972*, pp. 77–95.
- Nikolayeva N. A., Safronov V. A., 1976. Kurgany u s. Dumyany Ryshkanskykh rayona [Kurgan near village Dumyany, Ryshkany district]. *AO 1975*. Moscow: Nauka, pp. 472–473.
- Otroshchenko V. V., 2001. Problemy periodyzatsii kul'tur sredn'oi ta pizn'oi bronzy pivdnyia Skhidnoi Evropy (kul'turno-stratygrafichni zistavlennia) [Problems of periodization of cultures of Middle and Late Bronze Age in the South of Eastern Europe (cultural-stratigraphic comparisons)]. Kyiv: IA NANU. 290 p.
- Pislariy I. A., 1988. Problemy izucheniya kurgannogo obryada v epokhu bronzy na territorii Donbassa [Problems of study of kurgan rite in Bronze Age in Donbass territory]. *Aktual'nyye problemy okhrany i issledovaniy arkheologicheskikh pamyatnikov v Tsentral'nom Donbasse [Topical problems of protection and studies of archaeological sites in central Donbass]*. Pereval'sk, pp. 12–15.
- Pustovalov S. Zh., 2000. Yamnaya obshchnost' i katakombnaya obshchnost': posledovatel'naya smena vo vremeni ili sosushchestvovaniye [Yamnaya entity and Catacomb entity: sequential change in time or coexistence]. *Problemy arkheologii Podniprovia [Problems of archaeology of Dnieper region]*, 3. Dnipropetrovsk, pp. 95–105.
- Rychkov N. A., 2002. K voprosu o sosushchestvovanii nositeley yamnoy i katakombnoy kul'tur [On issue of coexistence of Yamnaya and Catacomb cultures bearers]. *Drevneyshiy obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n. e. – V v. n. e.) [Earliest entities of farmers and stock-breeders in North Pontic region (V mill. BC – V c. AD)]*. Tiraspol', pp. 120–122.
- Serova N. L., Yarovoy E. V., 1987. Grigoriopol'skiye kurgany [Grigoriopol kurgans]. Kishinev: Shtiintsa. 154 p.
- Shmagliy N. M., Chernyakov I. T., 1970. Kurgany stepnoy chasti mezhdurech'ya Dunaya i Dnestra (1964–1966 gg.) [Kurgans of steppe part of Danube and Dniester interfluvium (1964–1966)]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Materials on archaeology of North Pontic region]*, 6. Odessa: Mayak, pp. 5–11590.
- Subbotin L. V., 1990. O vzaimovliyanii pozdneyamnykh i katakombnykh plemen v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye [On mutual influence of Late Yamnaya and Catacomb tribes in North Pontic region]. *Problemy pervobytnoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Problems of prehistoric archaeology of North Pontic region]*, 1. Kherson, pp. 51–53.
- Subbotin L. V., 2000. Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye v epokhu ranney i sredney bronzy [Northwestern Pontic region in Early and Middle Bronze Age]. *Stratum plus*, 2, pp. 350–387.
- Subbotin L. V., Ostroverkhov A. S., Dzigovskiy A. N., 1995. Arkheologicheskiye drevnosti Budzhaka. Kurgany u s. Trapovka i Novoselitsa [Archaeological antiquities of of Budzhak. Kurgans near villages Trapovka and Novoselitsa]. Odessa: Germes. 134 p.
- Toshchev G. N., 1978. O pamyatnikakh katakombnogo vremeni na territorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On sites of Catacomb time in territory of Northwestern Pontic region]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1976–1977 gg. [Archaeological investigations in Ukraine in 1976–1977]*. Uzhgorod, pp. 43–44.
- Toshchev G. N., 1979. O kul'turno-khronologicheskom sootnoshenii yamnykh i katakombnykh pogrebeniy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On cultural chronological relation of Yamnaya and

- Catacomb burials of Northwestern Pontic region]. *Problemy epokhi bronzы yuga Vostochnoy Evropy [Problems of Bronze Age in the South of Eastern Europe]*. A. A. Moruzhenko, ed. Donetsk: Donetskii gos. universitet, pp. 36–37.
- Toshchev G. N., 1981. O pamyatnikakh katakombnoy kul'tury na territorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On Catacomb culture sites in territory of Northwestern Pontic region]. *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Antiquities of Northwestern Pontic region]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 63–71.
- Toshchev G. N., 1986. Sredniy period bronzovogo veka Yugo-Zapada SSSR [Middle stage of Bronze Age in the South-west of the USSR]. Zaporozh'ye. 227 p.
- Toshchev G. N., 1991. Zapadnyy areal pamyatnikov katakombnoy kul'tury [West area of Catacomb culture sites]. *Katakombnyye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya [Catacomb cultures of North Pontic region]*. S. N. Bratchenko, ed. Kiev: Respublikanskaya assotsiatsiya molodykh uchenykh i spetsialistov AN Ukrainy, pp. 85–100.
- Toshchev G. N., 1992. Kurgany epokhi bronzы v mezhozer'ye Yalpuga i Kagula [Bronze Age kurgans in area between Yalpuh and Kagul lakes]. Zaporozh'ye: Zaporozhskiy gos. universitet. 50 p.
- Yarovoy E. V., 1984. Pogrebal'nyy obryad nekotorykh skotovodcheskikh plemen Srednego Pruta [Burial rite of some stock-breeding tribes on Middle Prut]. *Kurgany v zonakh novostroyek v Moldavii [Kurgans in construction zones of Moldavia]*. Kishinev: Shtiintsa, pp. 37–75.
- Yarovoy E. V., 1990a. K voprosu o zapadnoy granitse katakombnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti [On issue of western border of Catacomb cultural historical area]. *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Problems of study of Catacomb cultural historical entity]*. Zaporozh'ye: Zaporozhskiy gos. universitet, pp. 114–116.
- Yarovoy E. V., 1990b. Katakombnyye pogrebeniya lesostepnoy Moldavii [Catacomb burials of forest-steppe Moldavia]. *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Problems of study of Catacomb cultural historical entity]*. Zaporozh'ye: Zaporozhskiy gos. universitet, pp. 116–119.
- Yarovoy E. V., 1993. Otchet o polevykh issledovaniyakh Dnestrovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii PGKU v 1992 g. [Report on field investigations of Dniester archaeological expedition PGKU in 1992]. *Arkhiv NIO Pridnestrovskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of NIO of Pridnestrovskiy state university]*. Tiraspol'. 45 p.
- Yarovoy E. V., 1999. K voprosu o stratigrafii yamnykh i katakombnykh pamyatnikov v kurganakh Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On issue of stratigraphy of Yamnaya and Catacomb sites in kurgans of Northwestern Pontic region]. *60 let kafedre arkheologii MGU imeni M. V. Lomonosova [60 years of Chair of Archaeology of Lomonosov Moscow state university]*. Moscow, pp. 122–124.
- Yarovoy E. V., 2000. Skotovodcheskoye naseleniye Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya epokhi rannego metalla: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Stock-breeding population of Northwestern Pontic region in early metal period: Thesis for a Doctor's degree Abstrac]. Moscow. 48 p.

About the author

Yarovoy Evgeniy V., Moscow State regional university, ul. Radio, 10a, Moscow, 105055, Russian Federation; e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Л. В. Купцова, В. И. Мухаметдинов

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ПРЕДУРАЛЬЕ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ:
ПРИЗНАКИ КОНТАКТОВ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Резюме. В настоящей статье представлены обобщенные результаты изучения срубных памятников Предуралья, в погребальном обряде или инвентаре которых проявляются инокультурные (алакульские или федоровские) признаки. Всего проанализировано 252 погребения из восьми некрополей и керамические коллекции двух поселений (рис. 1). Показано, что в срубных памятниках степного Предуралья инокультурные элементы проявляются в основном в керамической посуде (рис. 2), которая чаще выявляется в женских захоронениях, расположенных на периферии подкурганной площадки и, как правило, лишенных избыточного инвентаря. Определено, что керамика с алакульскими или федоровскими чертами может выступать косвенным хронологическим маркером очередности сооружения насыпей в некрополях позднего бронзового века Предуралья. Так, наиболее ранними на этой территории являются курганы, в погребениях которых содержалась исключительно срубная посуда. Затем появляются насыпи, в захоронениях которых фиксируется алакульская и срубно-алакульская керамика. Наиболее позднюю хронологическую позицию занимают курганы, где найдена керамика с гончарными признаками федоровской культуры.

Ключевые слова: срубная культура, алакульская культура, межкультурное взаимодействие, погребальный обряд, керамика, технико-технологический анализ керамики.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40031 «Древности» – «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона»; при финансовой поддержке Госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № 33.1389.2017/ПЧ.

Введение

В эпоху поздней бронзы на территории степного Предуралья происходило активное взаимодействие срубных племен и их восточных соседей. В большинстве случаев это были контакты с представителями западно-алакульской культуры, реже фиксируются связи с носителями федоровской культурной традиции. Изучение контактной зоны на Южном Урале имеет длительную историю (*Сальников*, 1967. С. 280; *Рутто*, 2003. С. 5–30; *Алаева*, 2015. С. 9). В то же время накопление новых данных и расширение возможностей интерпретации археологического источника позволяют несколько дополнить полученные ранее выводы.

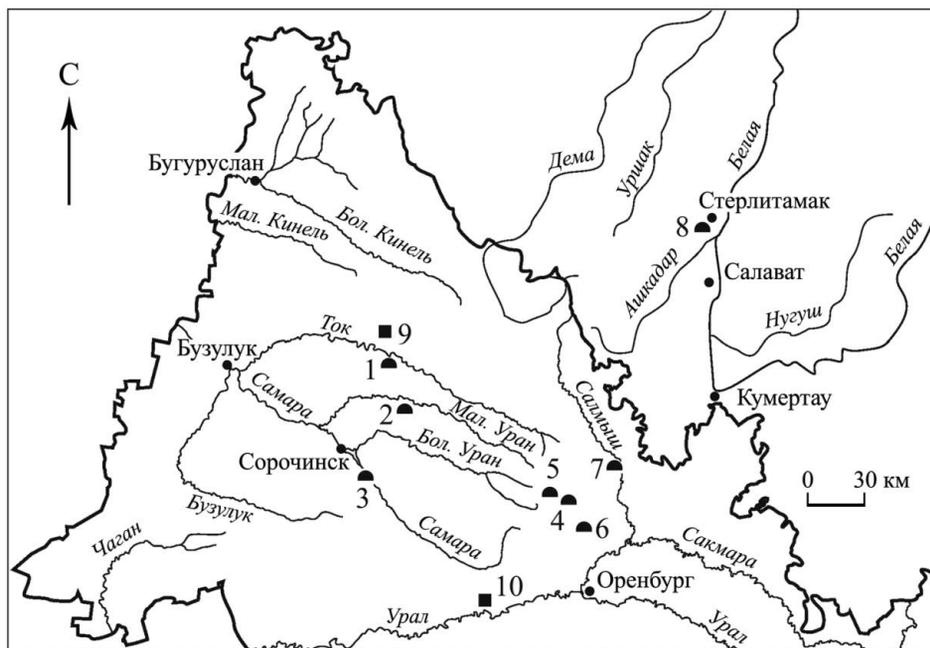
Для написания данной работы были привлечены материалы восьми некрополей, характеризующихся наличием (помимо собственно срубных) срубно-алакульских захоронений и комплексов с федоровскими признаками в погребальном обряде и инвентаре. В общей сложности проанализировано 252 погребения. В статье также представлены результаты технико-технологического анализа керамики, который проводился для Боголюбовского и II Плешановского курганных могильников, Родникового и Малоюлдашевского поселений (*Моргунова и др.*, 2014. С. 131–159; *Мухаметдинов*, 2012а; 2012б; *Евгеньев и др.*, 2016. С. 151–159).

Все рассматриваемые могильники и поселения располагались к западу от Уральского хребта, в основном в степной части Оренбуржья, и принадлежали бассейнам рек Урал (его правых притоков) и Самара (*Зудина*, *Кузьмина*, 1978; *Рутто*, 1982; *Моргунова*, 1999; *Богданов*, 2005а; 2005б; *Крюкова и др.*, 2012; *Кушцова*, *Файзуллин*, 2012; *Моргунова и др.*, 2014; *Евгеньев и др.*, 2016) (рис. 1). Исключение представляет Николаевский курганный могильник, расположенный в Бельско-Уральском междуречье – на территории лесостепной Башкирии (*Исмагил и др.*, 2009) (рис. 1). Отметим, что четыре некрополя из восьми рассматриваемых (Першинский, Уранбашский, Комиссаровский, Биккуловский) располагались в непосредственной близости от Каргалинских медных рудников – именно для этих памятников характерно наибольшее число синкретических захоронений.

Признаки межкультурных контактов

Погребальный обряд. В погребальном обряде абсолютно преобладают признаки срубной культуры, что определяется по размерам и характеру насыпей, планиграфии подкурганного пространства, положению и ориентировке костяков (*Кушцова*, 2016. С. 10–13). Говоря об особенностях погребального обряда срубной культуры в Оренбургском Предуралье, следует акцентировать внимание на том, что здесь в большом количестве известны могильники, в которых погребения перекрывались каменными плитами. В общей сложности перекрыто 55 % захоронений (из числа могильников, где фиксируются каменные перекрытия). Каменными плитами перекрывались могилы индивидов всех половозрастных категорий.

Долгое время считалось, что каменные перекрытия являются элементом, отражающим влияние алакульской обрядности (*Горбунов*, *Морозов*, 1991. С. 91; *Зудина*, 1981. С. 103; *Обыденнов*, *Обыденнова*, 1991. С. 146). Между тем детальное

Рис. 1. Срубные памятники степного Предуралья с включением инокультурных элементов

1 – II Плешановский кург. м-к; 2 – Боголюбовский кург. м-к; 3 – Бурдыгинский кург. м-к; 4 – Комиссаровский кург. м-к; 5 – Першинский кург. м-к; 6 – Уранбашский кург. м-к; 7 – Биккуловский кург. м-к; 8 – Николаевский кург. м-к; 9 – пос. Малоюлдашево I; 10 – пос. Родниковое

изучение памятников срубной культуры региона в последнем десятилетии показало, что заклады из каменных плит над погребением – это локальная особенность срубной культуры Оренбургского Предуралья, не имеющая отношения к влиянию алакульских традиций (Купцова, 2016. С. 12, 13). Об этом свидетельствуют следующие данные:

1. Малая представленность каменных перекрытий в собственно алакульских памятниках. В Зауралье данная особенность обряда встречена лишь в 13 % случаев, и большая их часть связана с детскими и младенческими захоронениями (Алаева, 2008. С. 512). В Башкирском Приуралье камнем также перекрыты, как правило, немногочисленные детские могилы (Чаплыгин, Морозов, 2014. С. 219). Во многих западно-алакульских памятниках Оренбургского Приуралья надмогильные перекрытия из камня не известны вовсе (Халятин, 2001; Моргунова и др., 2017. С. 144–158).

2. Погребальный обряд захоронений под каменными плитами типично срубный, алакульские элементы отсутствуют.

3. Заклады из каменных плит над погребениями срубной культуры Оренбургского Предуралья появляются на ее раннем этапе, в насыпях, где в погре-

бальном обряде и инвентаре ни алакульские, ни федоровские признаки не проявляются (Купцова, 2014а. С. 70; 2014б. С. 192).

4. Помещение в могилу алакульских и срубно-алакульских сосудов редко соотносилось с каменными перекрытиями. Как правило, керамика с инокультурными чертами помещалась в захоронения без перекрытий (Там же. С. 185).

С инокультурным происхождением можно связать только редко встречающиеся в Предуралье каменные ящики и оградки (так как данные сооружения характерны для федоровского погребального обряда), и только в том случае, если они сочетаются с федоровской керамикой или обрядом трупосожжения, как, например, в курганном могильнике у с. Боголюбовка (Моргунова и др., 2014. С. 101).

Инвентарь. Данные технико-технологического анализа керамики

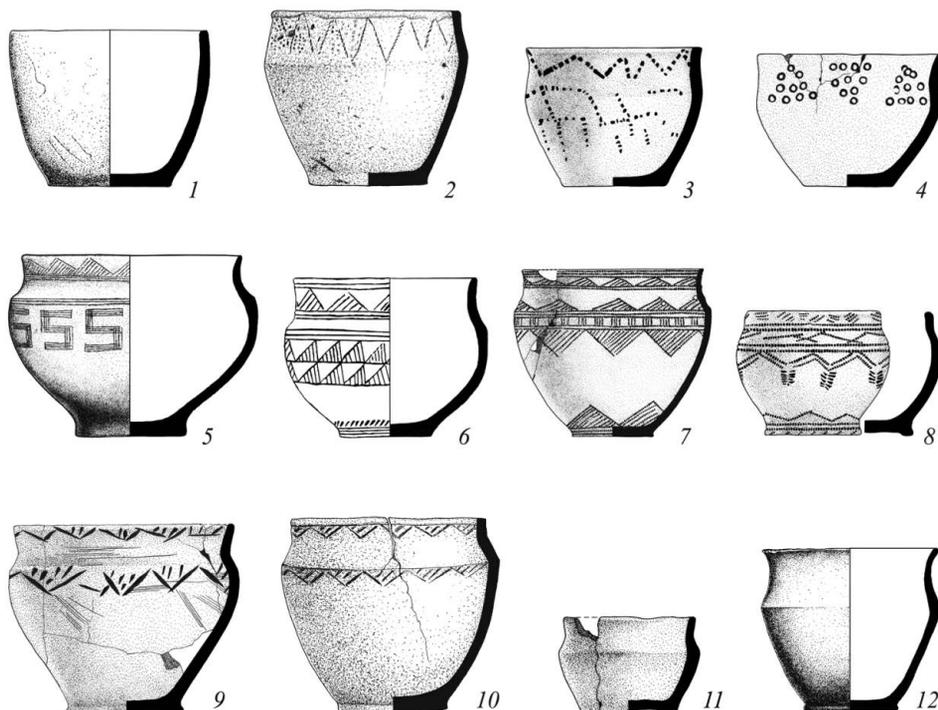
Предметы, отражающие сферу металлопроизводства в основном тяготеют к срубному очагу металлообработки. Алакульский импорт в памятниках позднего бронзового века Предуралья немногочислен и в основном представлен украшениями (Морозов, 1982. С. 9–11; Горбунов, 2006. С. 75).

На настоящий момент практически единственным материалом, по которому можно судить о межкультурных взаимодействиях на данной территории, является керамика.

В анализируемых погребальных памятниках представлена керамика, характеризующаяся срубной и алакульской морфологией, и сосуды со смешанными признаками, которые определяются наличием комбинированных срубных и алакульских (реже – федоровских) элементов в форме и орнаментации (Мухаметдинов, 2013. С. 198, 199; Купцова, 2014б. С. 182–184) (рис. 2). Посуда срубного облика преобладает на всех могильниках и поселениях. Интересно, что инокультурная посуда и керамика со смешанными признаками чаще встречается в некрополях, территориально приуроченных к Каргалинским медным рудникам. Поселение Горный, расположенное в центре этой зоны, также изобилует фрагментами алакульской и федоровской керамики (Луньков, 2004. С. 28–49, 70).

Сравнение гончарных традиций, в соответствии с которыми изготавливались срубные и смешанные сосуды, показывает, что их качественный состав во многом совпадал. В обеих группах использовался одинаковый набор видов исходного пластичного сырья: как глиноподобное сырье (илы и илестые глины), так и природные глины. Начины подавляющего большинства сосудов изготавливались по донно-емкостной программе. В качестве элементов конструирования применялись жгуты или лоскуты. Использование лоскутов незначительно преобладало при изготовлении срубно-алакульской посуды. Два срубно-федоровских сосуда из Боголюбовского могильника, присутствующих в выборке, изготовлены при помощи спирально-жгутового налепа. Можно отметить большую неоднородность традиций изготовления синкретичной керамики, выражающуюся в более широком спектре технологических схем конструирования и в распространенности смешанных рецептов формовочных масс (Купцова, Мухаметдинов, 2017. С. 128–134).

Кроме того, в редких случаях, по срубно-алакульской посуде выделяются традиции, не характерные для срубного гончарства – например, использование

Рис. 2. Керамика срубного (1–4), алакульского (5–8) и срубно-алакульского (9–12) облика из погребальных памятников степного Предуралья

1 – Першинский кург. м-к, 3/7; 2 – II Плешановский кург. м-к, 1/3; 3 – Боголюбовский кург. м-к, 1/5; 4 – Боголюбовский кург. м-к, 1/9; 5 – Комиссаровский кург. м-к, 1/3; 6 – Комиссаровский кург. м-к, 1/7; 7 – Боголюбовский кург. м-к, 3/5; 8 – Боголюбовский кург. м-к, 1/25; 9 – Боголюбовский кург. м-к, 1/31; 10 – II Плешановский кург. м-к, 3/4; 11 – II Плешановский кург. м-к, 2/8; 12 – Першинский кург. м-к, 3/8

тальковой или иной дресвы. Условно к таким традициям можно отнести добавление раковины как компонента формовочных масс. Данная примесь характерна для срубной культуры, особенно на раннем этапе (Салугина, 2014. С. 644). Однако в степном Предуралье наиболее широко она представлена в раннеалакульской и срубно-алакульской посуде, а в срубной только эпизодически. Вероятно, это можно отнести к локальной особенности региона (Купцова, Мухаметдинов, 2017. С. 142).

Лощение и обваривание (чернение) поверхности – технологические приемы, мало распространенные в срубном ареале – также часто использовались не только при изготовлении смешанной посуды, но и срубной с тех же памятников.

Таким образом, главным индикатором межкультурных связей в Оренбургском Предуралье выступает керамика. Сосуды отличаются друг от друга в первую очередь по морфологическим признакам, в меньшей степени – по технологическим. Срубные традиции изготовления посуды в анализируемом регионе преобладают.

Хронологический аспект межкультурных контактов

Соответственно культурной атрибуции помещаемых в захоронения сосудов все погребения были поделены на две большие группы (табл. 1): 1) могильные ямы, куда помещалась только срубная керамика (группа I – 56 %); 2) могильные ямы, включающие керамический материал, характеризующийся алакульским компонентом (группа II – 24,8 %)¹.

Таблица 1. Распределение срубной, алакульской и срубно-алакульской керамики в погребениях некрополей Оренбургского Предуралья

Погребения I группы		Погребения II группы										Погребения без керамики		Погребения с неопределимой керамикой	
Кол-во	%	II.1		II.2		II.3		II.4		II.5		Кол-во	%	Кол-во	%
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%				
141	56	17	6,7	19	7,5	12	4,7	14	5,5	1	0,4	46	18,4	2	0,8
		Общее количество погребений II группы					% погребений II группы (от общего числа)								
		63					24,8								
ВСЕГО ПОГРЕБЕНИЙ															
252										100 %					

Примечания: I группа – исключительно срубная керамика; II группа (керамика с алакульскими признаками) и ее подгруппы: II.1 – только алакульская керамика; II.2 – только срубно-алакульская; II.3 – срубная и алакульская; II.4 – срубная и срубно-алакульская; II.5 – алакульская и срубно-алакульская

Вторая группа погребений представлена следующими подгруппами: только с алакульской керамикой (подгруппа II.1 – 6,7 %); только со срубно-алакульской керамикой (подгруппа II.2 – 7,5 %); содержавшие срубные и алакульские сосуды (подгруппа II.3 – 4,7 %); содержавшие срубные и срубно-алакульские сосуды (подгруппа II.4 – 5,5 %); содержавшие алакульские и срубно-алакульские сосуды (подгруппа II.5 – 0,4 %). Важно отметить, что большая часть могильных ям, керамика из которых отнесена к подгруппе II.1, выявлена в некрополях, тяготеющих к Каргалинским медным рудникам (16 ям из 17).

Кроме того, выделены захоронения без посуды (18,4 %) и погребения, где находилась неопределимая керамика (0,8 %). Захоронения без сосудов, судя по основным признакам погребального обряда (положение костяка – скорченно, на левом боку, ориентировка головой на север, северо-восток или восток), с большой долей вероятности характерны для срубной культуры. Доля погребений

¹ В анализируемом массиве памятников также присутствуют два захоронения из Боголюбовского курганного могильника, в которых находилась керамика с федоровскими чертами, эти комплексы анализировались отдельно и в представленную статистику не включены.

с неопределимой керамикой ничтожна, поэтому не может повлиять на общую картину подсчета.

В отдельных курганах некрополей выделенные группы погребений распределены неравномерно (табл. 2). Так, выделяются насыпи с погребениями 1) с керамикой исключительно срубного облика (17 %); 2) со срубной и алакульской керамикой (10 %); 3) с алакульской и смешанной посудой (3 % – единственный случай: курган 1 Биккуловского могильника); 4) со срубной, алакульской и смешанной посудой (27 %); 5) со срубной и смешанной посудой (37 %); 6) со срубной посудой и керамикой с признаками федоровского гончарства (6 %: курганы № 10 и 13 Боголюбовского могильника). Вероятно, данный факт может быть связан с тем, что насыпи некрополей формировались неодновременно. Анализ с использованием комплексного подхода (радиоуглеродного датирования, палеопочвенных исследований и изучения технологии изготовления керамики) насыпей Боголюбовского курганного могильника показал, что наиболее ранним здесь является курган, в котором находились погребения с керамикой исключительно срубного облика. Позже появляются насыпи, содержавшие срубные и алакульские сосуды (керамика со смешанными признаками не выявляется). Вслед насыпаются курганы, где в некоторые погребения помещается срубно-алакульская посуда. Последними созданы насыпи, в которых помимо срубной находилась керамика с федоровскими гончарными признаками (*Моргунова и др.*, 2014. С. 100–102).

Таблица 2. Распределение погребений с сосудами, характеризующимися различными культурными признаками, по отдельным курганам некрополей

Группы насыпей с погребениями:	кол-во	%
1. Только со срубной посудой	5	17
2. Со срубной и алакульской посудой	3	10
3. С алакульской и срубно-алакульской посудой	1	3
4. Со срубной, алакульской и срубно-алакульской посудой	8	27
5. Со срубной и срубно-алакульской посудой	11	37
6. Со срубной посудой и керамикой с признаками федоровского гончарства	2	6
Всего насыпей:	30	100

Данные, полученные по материалам Боголюбовского некрополя, позволяют предположить, что срубные племена появляются на территории Предуралья раньше алакульских, притом что срубно-алакульские связи отмечаются уже на покровском этапе развития срубной культуры (*Купцова и др.*, 2018. С. 103–105). Связи с носителями федоровских гончарных традиций фиксируются на заключительном этапе существования срубной культуры в регионе (Там же. С. 105, 106). Однако для подтверждения данных фактов требуется дополнительное изучение смешанных некрополей с применением методов естественных наук.

Социальные аспекты межкультурных контактов

Для того чтобы говорить о распределении срубных сосудов и посуды с инокультурными признаками по погребениям, учитывая их половозрастную принадлежность, первоначально следует охарактеризовать общую картину по данному признаку (табл. 3). Пол и возраст костяков определялись в основном антропологами², реже – по помещенному в погребения инвентарю. В общей сложности выявлено: 18 одиночных мужских могил, 40 женских (из них 35 одиночных, в одной находились два женских скелета, в четырех – женщины и ребенка), в 39 случаях пол и возраст взрослых индивидов не определены, 34 подростковых (одна из них двойная), 97 детских (из них одна двойная). Кроме того, зафиксировано 3 парных комплекса (мужчина и женщина лицом друг к другу). Доминирующий способ захоронения – ингумация (230 погр.). Известно также 14 кенотафов и 8 кремаций (для кремации только в комплексе 7/1³ Николаевского могильника определен пол сожженного – мужской).

В одиночные мужские захоронения в большинстве случаев помещали керамику исключительно срубного облика (11 погребений из 18 – 61 %), в трех мужских захоронениях сосуды отсутствуют (17 %), посуда алакульского облика выявлена в двух ямах (11 %), как и керамика со смешанными признаками (11 %).

В женских захоронениях в 10 случаях посуда отсутствует (25 %), в 12 погребениях зафиксирована исключительно срубная керамика (30 %), а в 16 комплексах – посуда алакульского и смешанного облика (40 %), в оставшихся случаях культурная принадлежность сосудов не установлена. Важно отметить, что в женских захоронениях несмешанная алакульская керамика встречается чаще, чем в остальных. Таким образом, в Предуралье среди женских захоронений несколько преобладают те, куда помещали сосуды с признаками алакульского гончарства.

Все парные захоронения в изученной выборке обязательно сопровождались срубно-алакульскими или алакульскими сосудами, что подтверждает высказанное Я. В. Рафиковой мнение о том, что обряд погребения мужчины и женщины лицом к лицу имеет алакульское происхождение (Рафикова, 2008. С. 6, 11).

² Говоря об определении пола и возраста костяков, следует акцентировать внимание на том, что в кург. № 3 Першинского могильника центральное погребение взрослого индивида (погр. № 1), окруженное детскими могилами, было определено как мужское (Бужилова, 2005. С. 129). Также как мужские определены погребения 1/3, 1/4, 1/9, 2/1 Комиссаровского могильника, в которых содержался «женский» инвентарь (височные подвески в 1,5 оборота, желобчатые браслеты, бусы) (Там же. С. 136). На наш взгляд, в определении пола и возраста этих скелетов Першинского и Комиссаровского некрополей могла закрасться ошибка, так как и инвентарь комиссаровских захоронений, и окружение центрального захоронения першинского кург. № 3 детскими могилами, скорее, свидетельствуют о том, что они принадлежали женщинам. Возникшее противоречие между определением антрополога и археологическим контекстом указанных комплексов может решить только генетический анализ. В нашей работе эти погребения определяются как женские, так как, даже если допустить, что биологически эти индивиды являлись мужчинами, в обществе они, судя по контексту погребального обряда, явно выполняли «женскую» роль.

³ Здесь и далее – в числителе номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

Таблица 3. Половозрастная характеристика погребения. Способы погребения

Пол, возраст, количество погребенных в могиле	Количество погребений по выделенным группам						Способ погребения					
	погребения группы I		погребения группы II		либо без керамики, либо культурная принадлежность посуды не определена		ингумация		кремация		кенотаф	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Мужчины: одиночные – 18	11	61	4	22	3	17	17	94	1	6		
Женщины: одиночные – 35; двойные – 1; женщина и ребенок – 4	12	30	16	40	12	30	40	100				
Взрослые (пол не определен): одиночные – 38; двойные – 1	19	49	7	18	13	33	39	100				
Парные: мужчина и женщина – 3			3	100			3	100				
Подростковые: одиночные – 33, двойные – 1	18	53	10	30	6	17	34	100				
Детские: одиночные – 96, двойные – 1	68	71	18	18	11	11	97	100				
Признаки «пол, возраст» отсутствуют	11	79	1	7	2	14					14	100
Кремации: мужские – 1; признаки «пол, возраст» не определяются – 7	3	37	3	37	2	26			8	100		

В подростковых и детских комплексах ситуация выглядит примерно одинаково: большинство из них относится к первой группе (54 % подростковых и 70 % детских), меньше – ко второй (30 % подростковых и 18 % детских). В оставшихся случаях керамику в детские и подростковые могилы не помещали. Для могил взрослых индивидов, пол которых не определен, ситуация выглядит следующим образом: в 27 % ям посуды не было, в 45 % случаев выявлена исключительно срубная керамика, в 18 % случаев в могилах находилась керамика с признаками алакульского гончарства, в остальных культурная принадлежность сосудов не определяется.

Интересная ситуация зафиксирована для кенотафов. Всего их выявлено четырнадцать, причем десять происходят из Уранбашского курганного могильника. В двух случаях посуда в кенотафах отсутствует, в одиннадцати погребениях находилась керамика срубного облика и только в одной яме (Уранбашский могильник 8/15) были обнаружены срубный и срубно-алакульский сосуды. Н. Л. Моргунова считает, что уранбашские кенотафы могли символизировать захоронения пропавших при добыче руды горняков (Моргунова, 1999. С. 46). Техничко-технологическое исследование Н. П. Салугиной керамики некрополя показало, что

в кенотафы помещали треть сосудов со шлаками в составе формовочных масс, а вот в женских могилах такая керамика не встречена совсем; кроме того, преимущественно в кенотафах фиксируется посуда, содержащая в составе формовочной массы кость. Исследователь предположила, что включение в состав формовочной массы шлаков и кости может являться маркером принадлежности захороненных к профессиональному слою рудокопов и металлургов (Салугина, 2012. С. 66, 67), что, вероятно, также можно считать признаком принадлежности кенотафов к «мужским» погребениям. Следовательно, тенденция помещения в мужские захоронения в основном сосудов срубного облика сохраняется и в данном случае.

По кремациям выявляется следующая картина: в представленной выборке их восемь, причем пять происходят из Боголюбовского могильника, три – из Николаевского. В Боголюбовском могильнике кремации однозначно являются свидетельством влияния федоровской погребальной традиции: это подтверждается, во-первых, тем, что в некоторые захоронения помещалась керамика с федоровскими чертами, во-вторых, часть могил была оборудована каменными ящиками и оградкой, т. е. конструкциями, не характерными для погребального обряда срубной культуры (Моргунова и др., 2014. С. 97, 102). Судить о культурных истоках кремации в Николаевском могильнике затруднительно, так как подобный способ захоронения неоднократно встречается в «несмешанных» срубных некрополях (Моргунова и др., 2009. С. 31; Кабанова, Овчинникова, 1999. С. 66). Известно, что в данном некрополе в одну яму с остатками трупосожжения были помещены срубный и срубно-алакульские сосуды, в две ямы – посуда исключительно срубного облика (как отмечалось выше, в одной из двух кремаций со срубной керамикой определяются останки мужчины).

Говоря о размещении могил групп I и II на подкурганной площадке, следует отметить, что какой-либо закономерности по этому параметру не наблюдается; и это, вероятно, свидетельствует о восприятии коллективом всех захороненных под насыпью индивидов как равноправных его представителей. В то же время фиксируется одна любопытная деталь: в пяти курганах (из двадцати пяти), где есть погребения с алакульской и срубно-алакульской керамикой, эти комплексы располагались рядом, что может являться косвенным признаком родственной связи захороненных. Также следует отметить распределение керамики в центральных ямах курганов: в 50 % случаев фиксировались исключительно срубные сосуды, в 37 % – керамика отсутствовала, в 23 % – обнаружена посуда срубно-алакульского облика и только в 10 % случаев – западно-алакульского. Причем керамика с инокультурными чертами в центральных могилах характерна в основном для некрополей зоны Каргалинских рудников.

Затрагивая социальный аспект взаимоотношений срубного и андроновского населения, следует также обратить внимание на дополнительный инвентарь, помещаемый в захоронения I и II групп. В представленной выборке инсигнии власти, а также орудия труда в комплексы, характеризующиеся наличием западно-алакульских элементов, не помещались. В единственном случае в захоронение, совершенное по обряду кремации с сосудами с элементами федоровского гончарства, было помещено костяное навершие плети (Моргунова и др., 2014. С. 57). В женских могилах (как I, так и II группы) довольно часты украшения (браслеты, подвески в 1,5 оборота, изделия из бисера). Данная категори

я инвентаря отмечена в двадцати шести погребениях из сорока трех (в I группе и в группе погребений без керамики – составляет по 66 % соответственно; во II группе – 75 %). Причем большинство металлических украшений из смешанных памятников были плакированы золотой фольгой или целиком сделаны из золота. Этот технологический прием использовался, как правило, алакульскими мастерами. Для срубной культуры данная традиция менее характерна (Кузьминых, 1983. С. 123–139; Бочкарев, 2013. С. 77).

Заключение

В Оренбургском Предуралье в позднем бронзовом веке происходили активные контакты срубных и алакульских племен. Реже фиксируются свидетельства взаимоотношений с носителями федоровских культурных стереотипов. Связи с инокультурными племенами устанавливаются, как правило, по находкам в погребальных и поселенческих комплексах алакульской или федоровской посуды и керамики со смешанными признаками. Отличия между сосудами разных культур устанавливаются в основном по морфологическим признакам и реже – по технологическим.

На сегодняшний день, с известной долей осторожности, можно проследить этапы заселения Предуралья в срубно-алакульскую эпоху. Первоначально на этой территории появляются представители срубной культуры, что подтверждается отсутствием керамики с алакульскими признаками в самых ранних курганах смешанных некрополей. В несколько более поздних насыпях некрополей появляются погребения с западно-алакульскими сосудами, а вслед за ними насыпаются курганы, содержащие уже керамику синкретического облика. Насыпи, в которых найдены сосуды с федоровскими гончарными признаками, появляются на заключительном этапе существования срубной культуры в регионе.

Керамику с инокультурными признаками редко помещали в центральные могилы, и, как правило, она не сопровождалась дополнительным инвентарем (за исключением украшений). Алакульская и срубно-алакульская посуда чаще всего фиксируется в женских захоронениях и практически отсутствует в мужских. Вероятно, данный факт может быть обусловлен несколькими причинами.

Несмотря на то что в Предуралье известны ранние срубные памятники, в его восточной части срубные племена являлись пришлыми. По всей видимости, на восток региона добиралось в основном более подвижное мужское население, специализирующееся на добыче руды и отгоне скота. Недостаток женщин в коллективе восполнялся за счет браков с западно-алакульскими соседями. Особенно отчетливо это заметно на некрополях, близко расположенных к Каргалинским медным рудникам, что и логично: добыча руды – исключительно мужское занятие, а потому срубный «женский» компонент был здесь явно недостаточен. Возможно, в зоне Каргалинских рудников процессы межкультурного взаимодействия носили более сложный характер, и их детальное выяснение требует изучения дополнительных материалов. Кроме того, присутствие алакульской и срубно-алакульской керамики в основном в женских погребениях при почти полном ее отсутствии в мужских комплексах, возможно, соответствовало ритуальным

обычаям: для мужчин как носителей «срубных» традиций форма помещаемой в могилу утвари должна была быть привычно «срубной». В то время как в женской среде, скорее всего, дольше сохранялись материнские традиции изготовления посуды. Не последнее место в распределении керамики той или иной морфологии по «мужским» и «женским» захоронениям могли играть и тенденции моды. Вероятно, в срубной среде многие сосуды с синкретическими признаками могли являться подражанием более красивой с эстетической точки зрения алакульской керамике. Неудивительно, что наиболее чувствительным в плане модных направлений являлось взрослое женское население.

ЛИТЕРАТУРА

- Алаева И. П.*, 2008. Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья // ПИФК. № 21. С. 507–524.
- Алаева И. П.*, 2015. Территориальная группа памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. № 14. С. 9–15.
- Богданов С. В.*, 2005а. Комиссаровский некрополь // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 70–99.
- Богданов С. В.*, 2005б. Першинский некрополь: курганы № 3 и 4 // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 49–69.
- Бочкарев В. С.*, 2013. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 75–83.
- Бужилова А. П.*, 2005. Изученные палеоантропологические материалы // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 126–133.
- Горбунов В. С.*, 2006. Срубная общность Восточной Европы. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т. 192 с.
- Горбунов В. С., Морозов Ю. А.*, 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. кн. изд-во. 160 с.
- Евгеньев А. А., Кушцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А.*, 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т. 196 с.
- Зудина В. Н.*, 1981. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 88–107.
- Зудина В. Н., Кузьмина О. В.*, 1978. Работы в зоне строительства Сорочинского водохранилища // АО 1977 г. М.: Наука. С. 173–174.
- Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С.*, 2009. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис. 240 с.
- Кабанова Е. В., Овчинникова Н. Г.*, 1999. Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе Оренбургской области // АПО. Вып. 3 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Димур. С. 65–74.
- Крюкова Е. А., Евгеньев А. А., Кушцова Л. В., Матюшко И. В.*, 2012. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // АПО. Вып. 10 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 112–134.
- Кузьминых С. В.*, 1983. Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 123–139.
- Кушцова Л. В.*, 2014а. К вопросу о каменных конструкциях в погребальном обряде раннесрубной культуры Западного Оренбуржья на примере Боголюбовского курганного могильника //

- Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы междунар. науч. конф. (12–14 мая 2014 г.) / Отв. ред. П. Ф. Кузнецов. Самара: Поволжская гос. соц.-гуманитар. акад. С. 65–74.
- Купцова Л. В., 2014б. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // АПО. Вып. 11 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Университет. С. 177–196.
- Купцова Л. В., 2016. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук. СПб. 21 с.
- Купцова Л. В., Моргунова Н. Л., Салугина Н. П., Хохлова О. С., 2018. Периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // АЭАЕ. Т. 46. № 1. С. 100–107.
- Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., 2017. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории степного Приуралья (по материалам погребальных памятников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. № 2. С. 128–149. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/14_2_2017.html. Дата обращения: 03.10.2019.
- Купцова Л. В., Файзуллин И. А., 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // АПО. Вып. 10 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 70–100.
- Луньков В. Ю., 2004. Керамические изделия // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 22–75.
- Моргунова Н. Л., 1999. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // АПО. Вып. 3 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Димур. С. 40–64.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 98 с.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Хохлов А. А., Хохлова О. С., 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 172 с.
- Моргунова Н. Л., Купцова Л. В., Купцов Е. А., Краева Л. А., Файзуллин И. А., Крюкова Е. А., Мухаметдинов В. И., 2017. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у с. Нижняя Павловка // АПО. Вып. 13 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т. С. 140–190.
- Морозов Ю. А., 1982. Срубные памятники Приуралья (вопросы периодизации и хронологии) // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: Башкирский филиал АН СССР. С. 3–19.
- Мухаметдинов В. И., 2012а. Техничко-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // АПО. Вып. 10 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 134–139.
- Мухаметдинов В. И., 2012б. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // АПО. Вып. 10 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 101–111.
- Мухаметдинов В. И., 2013. К вопросу о морфологии керамики срубно-алакульского круга памятников // От древности к Новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. 20 / Отв. ред. Е. А. Круглов. Уфа: Башкирский гос. ун-т. С. 195–200.
- Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т., 1991. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Самарский филиал Саратовского ун-та. 174 с.
- Рафикова Я. В., 2008. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». № 18. С. 5–13.
- Рутто Н. Г., 1982. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В. А. Иванов, А. Х. Пшеничник. Уфа: Башкирский филиал АН СССР. С. 20–29.

- Рутто Н. Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем. 212 с.
- Салугина Н. П., 2012. Керамические традиции как показатель социального статуса (по материалам могильника Уранбаш) // АПО. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 62–70.
- Салугина Н. П., 2014. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1 / Отв. ред.: А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 643–646.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.
- Халытин М. В., 2001. Раннеалакульский курган у с. Васильевка на юге Оренбургской области // АПО. Вып. 5 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 49–74.
- Чаплыгин М. С., Морозов Ю. А., 2014. Погребальные памятники срубной культуры в Башкирском Приуралье // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой / Ред. К. Э. Разлогов. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 213–227.

Сведения об авторах

Купцова Лидия Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: orelin.84@mail.ru;

Мухаметдинов Вадим Ильдарович, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, Уфа, 450076, Республика Башкортостан, Россия; e-mail: vadimufa4@rambler.ru

L. V. Kuptsova, V. I. Mukhametdinov

INTERCULTURAL LINKS IN THE WESTERN PIEDMONT
OF THE URAL MOUNTAINS DURING THE LATE BRONZE AGE:
ATTRIBUTES OF THE SRUBNAYA – ANDRONOVO CONTACTS,
CHRONOLOGICAL AND SOCIAL ASPECTS OF INTERACTION

Abstract. The paper summarizes results of the studies related to the Srubnaya (Timber-grave) – Andronovo sites located in the western piedmont of the Ural mountains conducted in the past ten years. The total number of the excavated graves from eight cemeteries reaches 252; besides, ceramic collections from two settlements were analyzed (Fig. 1). The paper shows that the Andronovo elements largely manifest themselves in clay vessels (Fig. 2) retrieved from Srubnaya sites in the steppe western piedmont of the Urals mountains; such vessels occur more often in female graves located on the periphery of the area covered by the mound which usually do not have too many funerary offerings. It was found that the clay vessels exhibiting Andronovo characteristics from the Srubnaya – Andronovo graves can be used as an indirect chronological indicator of sequence in which mounds were constructed in cemeteries. Thus, the mounds with the burials containing only Srubnaya vessels are the earliest. The mounds with graves with Alakul' and the Srubnaya – Alakul' clay vessels were built later. The latest chronological position is occupied by the mounds containing vessels with pottery characteristics of the Fedorovka culture.

Keywords: Srubnaya culture, Alakul' culture, Srubnaya – Andronovo contacts, funerary rite, ceramics, technical and technological analysis of ceramic vessels.

REFERENCES

- Alayeva I. P., 2008. Pogrebal'nyye pamyatniki alakul'skoy kul'tury stepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [Burial sites of Alakul culture in steppes of Southern Trans-Urals]. *PIFK*, 21, pp. 507–524.
- Alayeva I. P., 2015. Territorial'naya gruppa pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka v stepnoy chasti Yuzhnogo Zaural'ya [Territorial group of Late Bronze Age sites in steppe part of Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk state university]*, 14, pp. 9–15.
- Bochkarev V. S., 2013. Srubno-alakul'skaya zona metalloproduktivnosti epokhi pozdney bronzy [Srubnaya-Alakul zone of metal production in Late Bronze Age]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe]*, 10. V. A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gos. universitet, pp. 75–83.
- Bogdanov S. V., 2005a. Komissarovskiy nekropol' [Komissarov necropolis]. *Kargaly [Kargaly]*, IV. *Nekropoli na Kargalakh; naseleniye Kargalov: paleoantropologicheskiye issledovaniya [Necropolises at Kargaly; Kargaly population: palaeoanthropological research]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 70–99.
- Bogdanov S. V., 2005b. Pershinskiy nekropol': kurgany № 3 i 4 [Pershin necropolis: kurgans 3 and 4]. *Kargaly [Kargaly]*, IV. *Nekropoli na Kargalakh; naseleniye Kargalov: paleoantropologicheskiye issledovaniya [Necropolises at Kargaly; Kargaly population: palaeoanthropological research]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 49–69.
- Buzhilova A. P., 2005. Izuchennyye paleoantropologicheskiye materialy [Studied palaeoanthropological materials]. *Kargaly [Kargaly]*, IV. *Nekropoli na Kargalakh; naseleniye Kargalov: paleoantropologicheskiye issledovaniya [Necropolises at Kargaly; Kargaly population: palaeoanthropological research]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 126–133.
- Chaplygin M. S., Morozov Yu. A., 2014. Pogrebal'nyye pamyatniki srubnoy kul'tury v Bashkirskom Priural'ye [Burial sites of Srubnaya culture in Bashkir Cis-Urals]. *Arii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sbornik pamyati E. E. Kuz'minoy [The Aryans of the steppes of Eurasia: from Bronze Age and Early Iron Age in the steppes of Eurasia and adjacent territories: collected articles in memory of E. E. Kuz'mina]*. K. E. Razlogov, ed. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 213–227.
- Evgen'yev A. A., Kuptsova L. V., Mukhametdinov V. I., Roslyakova N. V., Usachuk A. N., Fayzullin I. A., Khokhlov A. A., 2016. Poseleniye Maloyuldashevo I epokhi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzh'ye [Settlement Maloyuldashevo I of Neolithic and Late Bronze Ages in Western Orenburg region]. Orenburg: Orenburgskiy gos. agrarnyy universitet. 196 p.
- Gorbunov V. S., 2006. Srubnaya obschnost' Vostochnoy Evropy [Timber-grave community of Eastern Europe]. Ufa: Bashkirskiy gos. pedagogicheskii universitet. 192 p.
- Gorbunov V. S., Morozov Yu. A., 1991. Nekropol' epokhi bronzy Priural'ya [Bronze Age necropolis in Southern Cis-Urals]. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo. 160 p.
- Ismagil R., Morozov Yu. A., Chaplygin M. S., 2009. Nikolayevskiy kurgan («Elena») na reke Sterlya v Bashkortostane [Nikolaev kurgans («Elena») on Sterlya river in Bashkortostan]. V. S. Gorbunov, ed. Ufa: DizaynPoligrafServis. 240 p.
- Kabanova E. V., Ovchinnikova N. G., 1999. Issledovaniye kurgana srubnoy kul'tury v Buguruslanskom rayone Orenburgskoy oblasti [Investigations of kurgan of Timber-grave culture in Buguruslan district, Orenburg region]. *APO*, 3. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Dimur, pp. 65–74.
- Khalyapin M. V., 2001. Rannealakul'skiy kurgan u s. Vasil'yevka na yuge Orenburgskoy oblasti [Early Alakul kurgan by village Vasil'yevka in the South of Orenburg region]. *APO*, 5. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 49–74.
- Kryukova E. A., Evgen'yev A. A., Kuptsova L. V., Matyushko I. V., 2012. Kompleksy pozdnego bronzovogo veka Pleshanskovskogo II kurgannogo mogil'nika [Complexes of Late Bronze Age in Pleshanov II kurgan cemetery]. *APO*, 10. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 112–134.
- Kuptsova L. V., 2014. K voprosu o kamennykh konstruksiyakh v pogrebal'nom obryade rannesrubnoy kul'tury Zapadnogo Orenburzh'ya na primere Bogolyubovskogo kurgannogo mogil'nika [On the issue of stone structures in funeral rite early Timber-grave culture of the Western Orenburg region based on Bogoliubov kurgan cemetery]. *Protess kul'turogeneza nachal'noy pory pozdnego*

- bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 12–14 maya 2014 goda [Process of cultural genesis on the early stage of Late Bronze Age in the Volga–Ural region (chronology, periodization, historiography): proceedings of the international scientific conference, May 12–14, 2014]. P. F. Kuznetsov, ed. Samara: Povolzhskaya gos. sotsial'no-gumanitarnaya akademiya, pp. 65–74.
- Kuptsova L. V., 2014b. Pogrebal'nyye pamyatniki srubnoy kul'tury Zapadnogo Orenburzh'ya s primeneni- niyem kamnya: spetsifika, kul'turnyye svyazi, periodizatsiya i radiokarbonnaya khronologiya [Burial sites of Timber-grave culture in Western Orenburg region with use of stone: specifics, cultural relations, periodization and radiocarbon chronology]. *APO*, 11. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Universitet, pp. 177–196.
- Kuptsova L. V., 2016. Srubnaya kul'tura Orenburgskogo Predural'ya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Timber-grave culture of the Orenburg Cis-Urals (based on materials of burial sites): PhD Thesis Abstract]. St. Petersburg. 21 p.
- Kuptsova L. V., Fayzullin I. A., 2012. Rodnikovoye poseleniye pozdnego bronzovogo veka v Zapadnom Orenburzh'ye [Late Bronze Age settlement Rodnikovo in Western Orenburg region]. *APO*, 10. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 70–100.
- Kuptsova L. V., Morgunova N. L., Salugina N. P., Khokhlova O. S., 2018. Periodizatsiya srubnoy kul'tury Zapadnogo Orenburzh'ya po arkheologicheskim i estestvenno-nauchnym dannym [Periodization of Timber-grave culture of the Western Orenburg region according to archaeological and natural-scientific data]. *AEAE*, vol. 46, no. 1, pp. 100–107.
- Kuptsova L. V., Mukhametdinov V. I., 2017. Osobennosti srubno-andronovskogo vzaimodeystviya na territorii stepnogo Priural'ya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) (Elektronnyy resurs) [Features of Timber-grave-Andronovo interaction in the territory of steppe Urals (based on materials of burial sites) (Electronic resource)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Bulletin of Orenburg state pedagogical University. Online scientific journal]*, 2, pp. 128–149. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/14_2_2017.html
- Kuz'minykh S. V., 1983. Andronovskiye importy v Priural'ye (na primere zhenskogo zakhroneniya iz Novo-Yabalaklinskogo mogil'nika) [Andronovo imports in Cis-Urals (on example of female burial from iz Novo-Yabalaklinskoy cemetery)]. *Kul'tury bronzovogo veka Vostochnoy Evropy [Bronze Age cultures of Eastern Europe]*. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 123–139.
- Lun'kov V. Yu., 2004. Keramicheskiye izdeliya [Ceramic artefacts]. *Kargaly [Kargaly]*, III. *Selishche Gornyy: Arkheologicheskiye materialy; Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva; Arkheobiologicheskiye issledovaniya [Open settlement Gornyy: Archaeological materials; Technology of mining and metallurgical production; Archaeological investigations]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 22–75.
- Morgunova N. L., 1999. Kurgany u s. Uranbash na Kargalinskikh rudnikakh [Kurgans near village Uranbash at Kargaly mines]. *APO*, 3. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Dimur, pp. 40–64.
- Morgunova N. L., Gol'yeva A. A., Evgen'yev A. A., Kitov E. P., Kuptsova L. V., Salugina N. P., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., 2009. Labazovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury [Labazov kurgan cemetery of Timber-grave culture]. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 98 p.
- Morgunova N. L., Gol'yeva A. A., Evgen'yev A. A., Kryukova E. A., Kuptsova L. V., Roslyakova N. V., Salugina N. P., Turetskiy M. A., Khokhlov A. A., Khokhlova O. S., 2014. Bogolyubovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury v Orenburgskoy oblasti [Bogolyubov kurgan cemetery of Timber-grave culture in Orenburg region]. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 172 p.
- Morgunova N. L., Kuptsova L. V., Kuptsov E. A., Krayeva L. A., Fayzullin I. A., Kryukova E. A., Mukhametdinov V. I., 2017. Arkheologicheskiye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zhelezno- go veka u s. Nizhnaya Pavlovka [Archaeological sites of Bronze and Early Iron Ages by Nizhnaya Pavlovka village]. *APO*, 13. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. agrarnyy universitet, pp. 140–190.
- Morozov Yu. A., 1982. Srubnyye pamyatniki Priural'ya (voprosy periodizatsii i khronologii) [Timber-grave sites of Cis-Urals (issues of periodization and chronology)]. *Priural'ye v epokhu bronzy i rannego zheleza [Cis-Urals in the Bronze and Early Iron Ages]*. Ufa: Bashkirskiy filial AN SSSR, pp. 3–19.

- Mukhametdinov V. I., 2012a. Tekhniko-tehnologicheskii analiz keramiki Pleshanovskogo II kurgan-nogo mogil'nika [Technical and technological analysis of ceramics from Pleshanovo II kurgan cemetery]. *APO*, 10. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 134–139.
- Mukhametdinov V. I., 2012b. Tekhniko-tehnologicheskii analiz keramiki Rodnikovogo poseleniya epokhi bronzy [Technical and technological analysis of ceramics of the Bronze Age Rodnikovo settlement]. *APO*, 10. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 101–111.
- Mukhametdinov V. I., 2013. K voprosu o morfologii keramiki srubno-alakul'skogo kruga pamyatnikov [On the issue of morphology of ceramics of Timber-grave-Alakul sites circle]. *Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arkheologii)* [From antiquity to the New Time (issues of history and archaeology)], 20. E. A. Kruglov, ed. Ufa: Bashkirskiy gos. universitet, pp. 195–200.
- Obydenov M. F., Obydenova G. T., 1991. Severo-vostochnaya periferiya srubnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Northeastern periphery of the Timber-grave cultural-historical community]. A. Kh. Khalikov, ed. Samara: Samarskiy filial Saratovskogo universiteta. 174 p.
- Rafikova Ya. V., 2008. Parnyye pogrebeniya srubno-alakul'skoy kontaktnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [Double burials of the Timber-grave-Alakul contact zone in southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»* [Bulletin of Chelyabinsk state university. Ser. «History»]. No. 18, pp. 5–13.
- Rutto N. G., 1982. Novyye srubno-alakul'skiye pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya [New Timber-grave-Alakul sites of Southern Cis-Urals]. *Priural'ye v epokhu bronzy i rannego zheleza* [Cis-Urals in the Bronze and Early Iron Ages]. V. A. Ivanov, A. Kh. Pshenichnyuk, eds. Ufa: Bashkirskiy filial AN SSSR, pp. 20–29.
- Rutto N. G., 2003. Srubno-alakul'skiye svyazi na Yuzhnom Urale [Timber-grave-Alakul relations in South Urals]. Ufa: Gilem. 212 p.
- Sal'nikov K. V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Essays on ancient history of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 408 p.
- Salugina N. P., 2012. Keramicheskiye traditsii kak pokazatel' sotsial'nogo statusa (po materialam mogil'nika Uranbash) [Ceramic traditions as indicator of social status (based on materials of burial ground Uranbash)]. *APO*, 10. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 62–70.
- Salugina N. P., 2014. Goncharstvo naseleniya pozdnego bronzovogo veka: k probleme kul'turogeneza [Pottery-making of Late Bronze Age population: on the issue of cultural genesis]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan'], 1. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 643–646.
- Zudina V. N., 1981. Andronovskiye elementy v srubnoy kul'ture Kuybyshevskogo Zavolzh'ya [Andronovo elements in the Timber-grave culture of the Kuybyshev Trans-Volga region]. *Drevniye i srednevekovyye kul'tury Povolzh'ya* [Prehisotric and medieval cultures of the Volga region]. G. I. Matveyeva, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 88–107.
- Zudina V. N., Kuz'mina O. V., 1978. Raboty v zone stroitel'stva Sorochinskogo vodokhranilishcha [Research in the construction zone of Sorochinskoe reservoir]. *AO 1977*. Moscow: Nauka, pp. 173–174.

About the authors

Kuptsova Lidiya V., Orenburg State Pedagogical University, ul. Sovetskaya, 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: orelin.84@mail.ru;

Mukhametdinov Vadim I., Bashkir State University, ul. Zaki Validi, 32, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: vadimufa4@rambler.ru

О. Н. Загородняя

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРУДИЙ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ КАРТАМЫШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА)

Резюме. Археологические источники свидетельствуют, что в тех или иных обществах могли быть сосредоточены как все технологические процессы металлопроизводства, так и лишь отдельные из них (добыча, обогащение руды, металлургия и металлообработка). В качестве объектов изучения выступают, прежде всего, металлические изделия, различные категории орудий труда, а также древние рудники, которые представляют собой разновидность следов – видоизменений естественной структуры геологических напластований и ландшафта. Долгое время внимание исследователей было направлено преимущественно на изучение металлических изделий и литейных форм. Орудия попадали в поле зрения в зависимости от археологического контекста, указывающего на возможность их соотнесения с металлопроизводством. Ситуация изменилась с появлением методики, выявляющей и объясняющей характер и природу деформаций изготовления и изнашивания. Исследование включает систематизацию материалов из горных пород, кости и керамики из Картамышского археологического микрорайона в Донбассе БМСК позднебронзового века. Источниковая база составляет 1091 предмет. Для их изучения применены структурно-сырьевой, технологический, функциональный и контекстуальный анализы. Наиболее представительная серия металлопроизводственных орудий: горнодобывающие (мотыги, кайла, молоты) (рис. 1: 4–11), горно-обогачительные (песты-терочки, рудодробильные/рудотерочные плиты, орудия из кости, применяемые в процессе гравитации, совки), металлообрабатывающие (литейные формы, молотки, наковальни, абразивы, скребок) (рис. 2: 4–19). Выделен новый тип орудий из кости для гравитационного обогащения руды (рис. 3: 1–10). Следы на артефактах идентичны полученным в ходе экспериментов по сухому обогащению руды, гравитации и металлообработке следам.

Ключевые слова: позднебронзовый век, бережновско-маевская срубная культура, орудия из камня и кости, металлопроизводство, функциональный анализ, эксперимент.

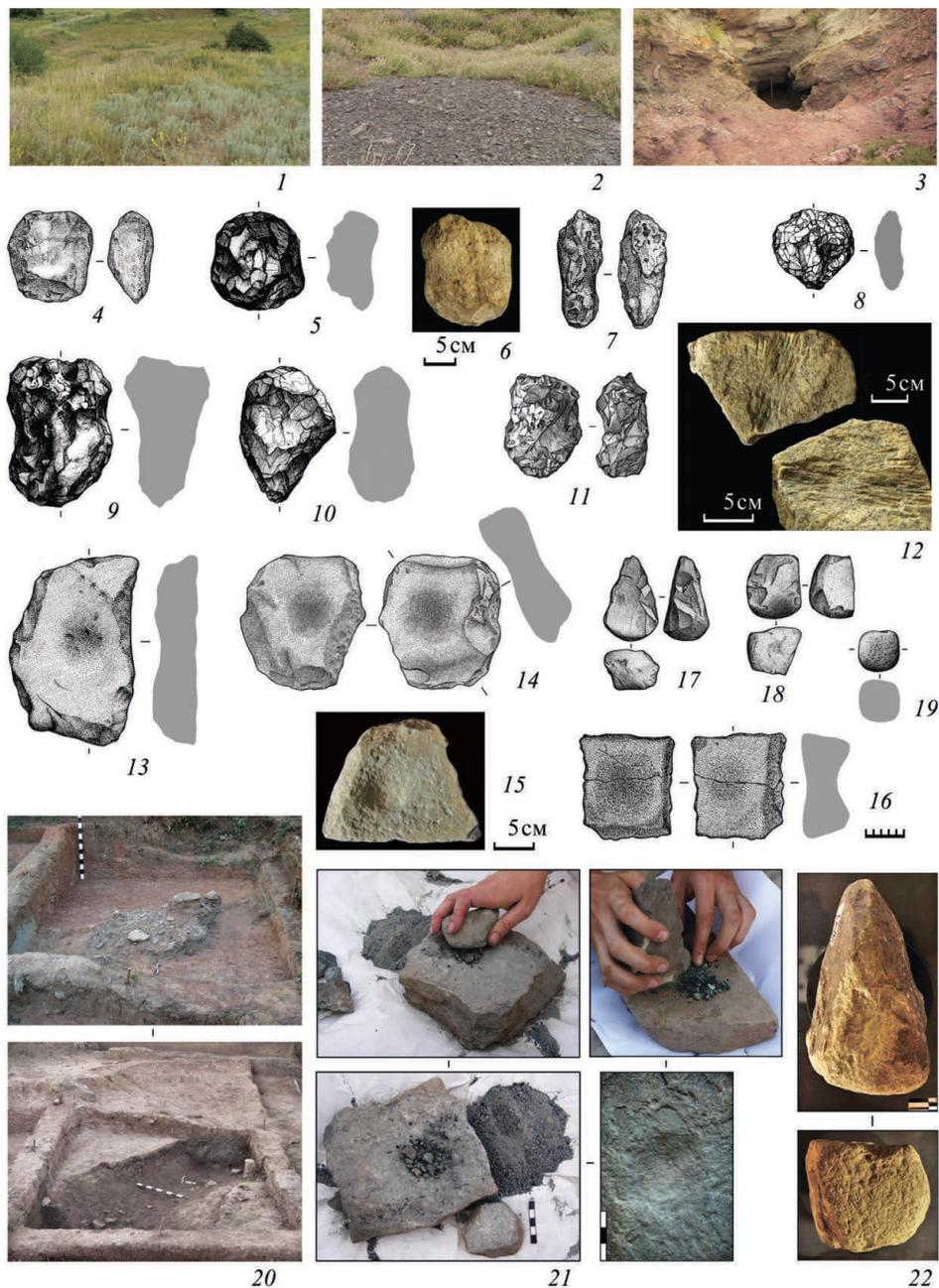
Горное дело и металлургия в эпоху палеометалла определяли генеральную линию технического прогресса, направления культурно-экономических связей и уровень социального развития древних обществ. В технологическом плане металлопроизводство предполагает несколько этапов: добычу руды, ее обогащение, металлургию и металлообработку. Для степных культур Северного Причерноморья бронзового века долгое время предполагалось существование исключительно металлообработки, зависимой от импортного металлургического сырья – балканского (в энеолите), кавказского (РБВ и СБВ), волго-уральского (ПБВ) (Черных, 1976), хотя вероятность разработки донецких медных рудопроявлений не исключалась. Совместные с геологами изыскания С. И. Татарина на территории Донецкого кряжа привели к открытию древних медных рудников со свидетельствами их эксплуатации в позднебронзовом веке (Татаринов, 1977), что изменило господствующую прежде в научной литературе точку зрения о «безрудной зоне» Северного Причерноморья.

С тех пор появилась проблема функциональной типологии металлопроизводственных орудий и приспособлений из горных пород, кости и керамики, которые сейчас относят к бережновско-маевской срубной культуре (БМСК) (XVI–XIII вв. BC). Исследование проблемы на основе больших коллекций материалов и современных методов функционального анализа до недавнего времени не проводилось. Оно активизировалось на фоне изучения Картамышского археологического микрорайона (КАМ) с его подземными и открытыми рудниками (рис. 1: 1–3), участками сортировки и обогащения руды, поселениями (рис. 2: 1–3) (Бровендер, 2012). В 2001–2010 гг. украинско-российской экспедицией Института археологии НАН Украины, Донбасским государственным техническим университетом и Воронежским государственным университетом России на территории Картамышского рудопроявления в Донбассе осуществлялись стационарные полевые работы. Общая исследованная площадь – 1290 кв. м.

Коллекция артефактов из раскопок трех памятников КАМ (техногенного участка рудника Червонэ озеро-I, поселений Червонэ озеро-1 и 3) составляет 1091 единицу (Загородняя, 2014а). Среди них 926 – целые орудия и их фрагменты. Для 811 установлена функциональная принадлежность (инвентарь, приспособления, аксессуары, оружие), для 115 – признаки обработки или изнашивания. Обломков со следами обработки и/или утилизации, большинство из которых являются технологическими отходами, – 165 экз. Для изготовления орудий использовались горные породы (597 экз.), кость (484 экз.) и глина (10 экз.).

На основании данных функционального анализа была разработана классификация орудий труда. Подавляющее большинство орудий – металлопроизводственные. Среди них выделены функциональные группы – горнодобывающая (мотыги, кайла, молоты); горно-обогащительная (песты-терочники, рудодробильные/рудотерочные плиты, орудия из кости, применяемые в процессе гравитации, совки); металлургическая (совок); металлообрабатывающая (литейные формы, молотки, наковальни, абразивы, скребок).

Наблюдение следов обработки и использования осуществлено с помощью МБС-10; металлографического микроскопа «Olympus» с модулем дифференциально-интерференционного контраста и увеличением до $\times 500$. Участки износа

Рис. 1. Картамышский археологический микрорайон. Рудники (1–3, 20), горные (4–11) и горно-обогатительные (12–17) орудия, результаты экспериментов (21, 22)

1 – карьер рудника Червоное озеро-I; 2, 3 – горные выработки рудника Червоное озеро-IV; 4–6 – мотыги; 7, 8 – кайла; 9–11 – молоты; 12 – плита песчаника со следами ударов металлическим орудием; 13–16 – рудодробильные плиты; 17–19 – песты-терочники; 20 – траншея (ручей) на техногенном участке рудника Червоное озеро-I; 21 – эксперимент по обогащению руды; 22 – экспериментальный пест, следы сработанности

зафиксированы микрофотографированием. При этом резкость итогового изображения достигалась путем сведения частично сфокусированных снимков в программе Helicon Focus.

Орудия из камня

Для изготовления большинства орудий использовались породы местного происхождения: песчаник, кварцит, глинистые сланцы, в меньшей степени – гранит, кремь. Поиски сырья не были сложными, поскольку большинство пород камня местами выходят на поверхность. Заготовки подвергались минимальной обработке, подбирались соответствующее по параметрам сырье.

Группа *горнодобывающих орудий* (29 экз.).

Трапециевидные и подпрямоугольные *мотыги* из кварцитовидного (21 экз.) (рис. 1: 4–6) и медистого песчаника (2 экз.) использовались при вскрышных работах на рудниках. Их вес – от 1,2 до 2,6 кг; размеры – от $10,4 \times 10,2 \times 3,4$ до $15 \times 12,5 \times 6,5$ см. Изготовление орудий не требовало больших усилий. С помощью нескольких ударов отбойником формировалось широкое в плане рабочее лезвие (налопатник), в профиле – скошенное на одну сторону. Ширина рабочей части – в пределах 7–10 см. На боковых гранях пикетажем выполнялись желобки для ремней, которые крепились на Г-образной рукояти так, что лезвие мотыги располагалось перпендикулярно ей. Орудия отличаются различной степенью сработанности рабочей части. На тупой лезвийной части фиксируются выщербины и мелкие сколы. Микрокартина прилегающих к рабочей кромке поверхностей характеризуется двусторонним изнашиванием, выраженным в истертости выступающих участков, причем более интенсивно на одной из плоскостей – внешней. В совокупности наблюдения указывают на кинематику работы, свойственную мотыгам – землекопным орудиям. Сравнение износа рабочих поверхностей археологических и экспериментальных мотыг, использовавшихся при разборке выходов рудной жилы, известных по работам С. А. Семенова (Валентин-перешек..., 1987. С. 106–108. Рис. 38), показало их идентичность.

Кругло-уплощенные или подпрямоугольные с удлиненными пропорциями *кайла* сделаны из кварцитовидного песчаника (17 экз.) (рис. 1: 7, 8). Вес орудий – до 2 кг; размеры – от $7 \times 7 \times 4,5$ до $15,6 \times 6 \times 6$ см. Обработка заготовок включала в себя формирование заостренного рабочего окончания путем направляющих сколов со стороны боковых граней. Картина изнашивания поверхности характеризуется рельефным выкрашиванием, наличием многочисленных крупных сколов, истертостью выступающих участков с крупными зернами кварца на прилегающих к рабочему краю боковых гранях. Четыре орудия имеют две противоположные рабочие поверхности: одна из них – заостренная клиновидная, вторая имеет тупое окончание. Сравнительно небольшой вес орудий и наличие следов привязывания позволяют говорить об использовании кайл, закрепленных в муфту, реже – в комплексе с Т-образной рукоятью, для усиления нагрузки. Более легкий вес кайл в сравнении с молотами объясняется функциональной необходимостью – скалывание пустой породы требовало меньше усилий, чем

разработка рудной жилы. Применение кайл при добыче руды для скалывания сопутствующей ей породы также подтверждают исследователи Мосоловского поселения (*Килейников, 1984*) и рудника Михайло-Овсянка в Поволжье (*Горащук, Колев, 2004*).

Массивные *молоты* (48 экз.) (рис. 1: 9–11) из кварцитовидного песчаника использовались в процессе добычи руды. Всего 44 целых орудия и 4 обломка. Их вес – 1,1–3,5 кг; размеры – от $10 \times 8,5 \times 8,5$ см до $20,8 \times 12,8 \times 6,8$ см. Типичной являлась трапециевидная либо подпрямоугольная форма заготовок. Они подвергались минимальной обработке – с помощью оббивки формировали клювообразный в профиле рабочий край. Противоположная сторона обычно уплощена. Иногда в качестве рабочих использовались естественные поверхности заготовок. В своем большинстве молоты (36 экз.) имеют сформированные пикетажем желобки для привязывания. При этом в двух случаях они зафиксированы полностью по периметру центральной части орудий, а в других – лишь подработаны выступающие ребра. На широкой боковой грани имеется уплощенная площадка для упора рукояти. Для 12 орудий отмечен ручной способ использования, они имеют несколько рабочих поверхностей. По сравнению с привязными размерами и вес ручных молотов значительно меньше (1,1–1,5 кг).

Рабочие участки имеют многочисленные следы от ударов. Микрокартина сработанности выражается в наличии глубокого микрорельефа рабочих плоскостей и деформации зерен, уплощенности, свойственных орудиям ударного воздействия о твердый материал. Очевидно, привязные молоты использовались как в процессе горной проходки, так и для дробления крупных кусков руды в процессе ее добычи и первичного расщепления. Подобные горнодобывающие орудия отмечены в материалах памятников эпохи бронзы на огромной территории – от Тувы на востоке до Великобритании на западе (поселение Горный (*Черных, Вальков, 2004*), рудник Михайло-Овсянка (*Горащук, Колев, 2004*), древние медные рудники Хакасии, Тувы, Казахстана, Кавказа (*Сунчугашев, 1993*), Великий Орм (Great Orme) в Великобритании (*Pickin, 1990*), Малый Штурац, гора Рудник (Mali Šturac, Rudnik Mountain) в Сербии (*Bogosavljević, 1995*), Миттерберг (Mitterberg) в Австрии (*Gale, 1995*)).

В процессе раскопок не найдено ни одного бронзового орудия, имевшего отношение к горному делу. Однако это вовсе не означает, что древние горняки не применяли их в процессе добычных работ. Поскольку металл представлял собой большую ценность, горняки, оставляя выработки, могли унести с собой и бронзовые предметы. Косвенными свидетельствами в пользу применения металлических орудий в горном деле является обнаружение следов от ударов металлическим инструментом на куске горной породы из техногенного участка рудника Червонэ озеро-I и плита из песчаника с регулярными следами соответствующего металлического ударного инструмента (рис. 1: 12).

Группа *горно-обогачительных* орудий наиболее многочисленна – 205 экз.

Песты-терочники (163 экз.) (рис. 1: 17–19) – активные орудия из мелкозернистого песчаника размерами от $6 \times 4,2 \times 3$ см до $13 \times 7,5 \times 5$ см. В основном – ручного действия, за исключением одного привязного песта. Орудия подокруглой, подпрямоугольной, трапециевидной формы, удлинённых пропорций, рабочие поверхности огранены. Чаще всего использовались подходящие

по форме куски песчаника без предварительной обработки, лишь в единичных случаях зафиксированы следы оббивки. При длительном использовании проследить изначальную форму заготовки не представляется возможным. Рабочие участки имеют следы в виде выщербин и характерных углублений, образовавшиеся в результате мелких ударов по твердому материалу, а также редкие сохранившиеся линейные следы в виде глубоких и мелких бороздок, появившихся в результате растирания. Необходимо отметить, что на мелкозернистом песчанике вследствие выкрашивания зерен линейные следы не сохраняются (или они невыразительны), не образуются сплошные зоны заполировок, как на более однородных породах (Загородняя, Степанова, 2012). Заметные на макроуровне следы информативны для установления кинематики движения.

Рудодробильные/рудотерочные плиты (42 экз.) (рис. 1: 13–16) – массивные орудия из песчаника неустойчивой формы. Размеры: от $8 \times 7 \times 2,5$ до $49,6 \times 20,8 \times 16$ см. Следов предварительной обработки не зафиксировано. Типологически можно выделить орудия с одной рабочей поверхностью (27 экз.) и двумя (15 экз.). Характерной особенностью сработанности является наличие лунковидных углублений (диаметром от 3 до 10 см) либо в центральной части орудия, либо несколько смещенных от центра, появившихся в результате сильного истирания поверхности в процессе работы (рис. 1: 15). Рабочая поверхность в большинстве случаев по всей площади испещрена мелкими выбоинами – следами ударов, а также характеризуется наличием рельефных линий различных направлений и пришлифовки. Для орудий на начальной стадии утилизации характерны слегка намечающиеся углубления.

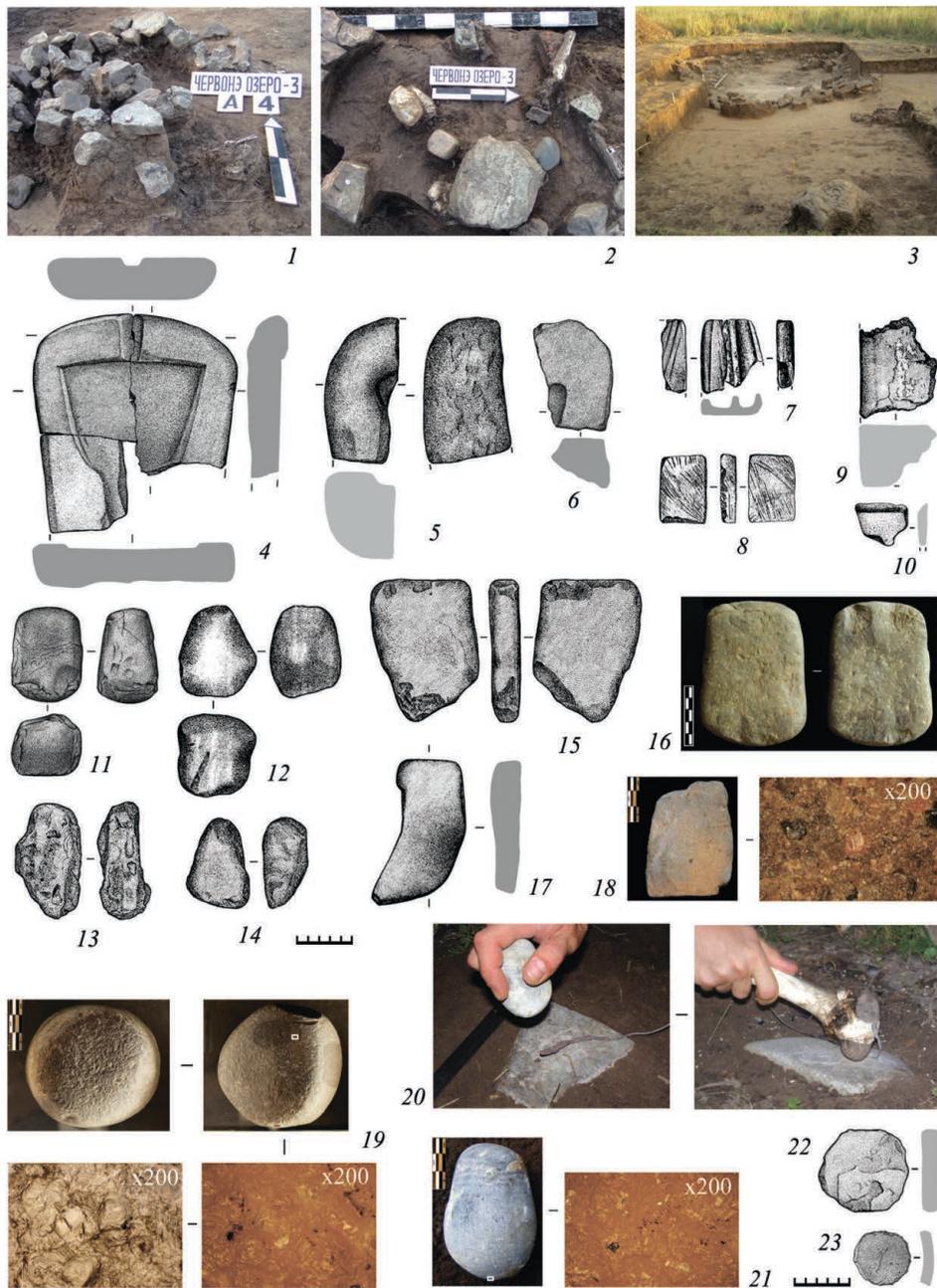
На основании трасологических наблюдений на макро- и микроуровне можно сделать вывод о сочетании ударных и терочных операций, осуществляемых на поверхности плит с помощью пестов-терочников в ходе дробления и растирания медной руды. Проведение эксперимента по дроблению и растиранию рудных минералов на плитах-основах из медистого песчаника с помощью пестов показало аналогичные следы сработанности (рис. 1: 22).

О наличии *металлургического производства* на памятниках КАМ свидетельствует 211 находок. Это шлак – 23 экз., ошлакованный камень – 62 экз., ошлакованная керамика – 20 экз. (из них 5 – фрагменты днищ плавильных чаш высотой до 6 см), штейн – 19 экз., обожженная глина – 84 экз. Кроме того, в пределах производственных построек были выявлены остатки двух металлургических печей (рис. 2: 1).

Используемые в металлургии приспособления представлены двумя типами – *совком и приочажными камнями*. *Совок* (1 экз.) – плитка глинистого сланца изогнутого профиля, применялась для сгребания отходов, возможно, и металлургических. *Камни-опоры* для очагов (3 экз.) – массивные подпрямоугольные предметы. На одной из торцевых граней каждого изделия имеется выполненный пикетажем желобок.

Металлообрабатывающие орудия и приспособления (55 экз.) составляют 7,3 % от общего количества металлопроизводственного инструментария.

Литейные формы и заготовки (20 экз.) выполнены из медистого песчаника (11 экз.), талька (5 экз.) и глины (4 экз.). Все они фрагментированы. В качестве заготовок выбирали подходящие по форме бруски *песчаника*. Затем с помощью

**Рис. 2. Картамьшский археологический микрорайон.
Металлопроизводственные орудия и приспособления**

1, 2 – остатки металлургической печи и металлообрабатывающие орудия (пос. Червонэ озеро 3); 3 – остатки постройки и жертвенного камня (пос. Червонэ озеро 1); 4–9 – литейные формы из песчаника (4–6), талька (7, 8) и глины (9); 10 – скребок; 11–14 – молотки; 15, 16 – наковальни; 17, 18 – абразивы; 19 – молоток, следы использования, увел. $\times 200$; 20 – эксперимент по металлообработке; 21 – экспериментальный молоток, следы сработанности, увел. $\times 200$; 22 – каменный диск; 23 – керамический диск

техники пикетажа и последующей шлифовки поверхности выравнивали. Следы точечной выбитости сохранились на боковых гранях нескольких орудий. Техника пикетажа применялась и при выбивании негатива, поверхность которого впоследствии шлифовалась. Не исключено, что при оформлении негативов древние мастера использовали металлические инструменты. На трех фрагментах негативы частично сохранились (рис. 2: 4–6). На поверхностях трех обломков прослеживается негатив втульчатого орудия (рис. 2: 4). В верхней части формы находится литниковый канал шириной 1,5 см, переходящий в негатив. Вся поверхность прокрашена до кирпичного цвета, а на боковой грани сохранились остатки прикипевшего шлака.

Литейные формы из *талька* (рис. 2: 7, 8) представлены одним обломком завершенного изделия, одной заготовкой, имеющей прямоугольную форму, и тремя обломками заготовок. Во всех случаях зафиксированы одинаковые приемы обработки – бруски-заготовки получены с помощью резания с последующей шлифовкой поверхностей. На боковых гранях прослежены однонаправленные царапины, оставленные металлическим лезвием при аккуратном разрезании сырьевых заготовок. Очевидно, для этого применялось механическое устройство. В одной из тальковых матриц отливали конусообразные стержни (рис. 2: 7). На обратной стороне уцелели три негатива для отливки игл.

Источником хлорит-тальковых пород на основании минералого-петрографического исследования определена зона Среднего Поднепровья (*Нікітенко*, 2011). Фрагменты тальковых литейных форм примерно таких же размеров присутствуют и в материалах других поселений СКИО Среднего Подонцовья (Капитаново-1, Среднетеплое).

Литейные формы из глины сохранились в обломках (рис. 2: 9). Два из них оказались фрагментами крышек со следами нагара на поверхности у одного и тонкого слоя белой каолиновой глины – у другого. Нанесение слоя каолиновой глины способствовало предупреждению прилипания металлического изделия к матрице, а также перегревания.

Молотки (7 экз.) (рис. 2: 11–14) изготовлены из пироксенита, метадолерита, гальки неопределенного происхождения, кварцитовидного песчаника. Четыре из них использовались с рукоятями, свидетельством чему могут служить технологические следы сделанных в технике пикетажа выемок на боковых ребрах и углублений (для упора рукоятей) на одной из широких плоскостей. Орудия имеют одну или две рабочие поверхности на торцах. Первая – широкая в плане, приостренная в профиле, вторая – округлая на зауженном торце орудия. Более широкая часть имеет линзовидную в сечении форму, уплощенную пикетажной и абразивной техникой. Один молоток – с одной рабочей поверхностью на зауженном торце. На рабочих поверхностях наблюдаются точечные микроуглубления, заходящие на округлые боковые грани, шлифовка и интенсивный металлический блеск, прикипевшие окислы меди. По краям читается линейная направленность шлифовки. На зауженной части сработанность локализуется на ограниченном участке в центре и выражена слегка рельефными выщербинами от точечных ударов. Подобная картина сработанности была получена и экспериментальным путем (рис. 2: 19, 20, 21) (*Загородняя, Буденко*, 2011).

Наковальни (5 экз.) (рис. 2: 15, 16) – плитки подпрямоугольной и трапециевидной формы из песчаника. Боковые грани сформированы техникой пикетажа, широкие плоскости тщательно отшлифованы с помощью абразивной техники. Орудия имеют одну (1 экз.) или две (4 экз.) рабочие поверхности с гладкой заполированностью, глубоким микрорельефом и наличием многочисленных следов от точечных ударов. Последние локализуются преимущественно в центре плоскости. На некоторых участках, в большей степени по периметру, читается линейная направленность сработанности, что может указывать на применение наковален и в качестве орудий для первичной заточки металлических изделий. На поверхностях двух орудий зафиксированы окислы меди.

Абразивы (22 экз.) – плитки песчаника различной формы, толщиной 1,5–3,0 см, для заточки и подправки металлических изделий (рис. 2: 17, 18). Характерной особенностью является наличие одной или двух рабочих поверхностей, на которых видны следы пришлифовки, выраженные желобчатым микрорельефом. На микроуровне отмечается деформация зерен песчаника и общая нивелировка рабочих зон. На поверхностях нескольких орудий имеются окислы меди.

Скребок (обломок стенки сосуда) (рис. 2: 10). Две его стороны в профиле сточены под острым углом, рабочие поверхности ровные, заглаженные. Микрокартина сработанности характеризуется истиранием песчинок, общей нивелировкой поверхности, наличием линейных следов продольной направленности – параллельно рабочей кромке. Могли применяться как для заточки металлических изделий, так и в обработке поверхностей литейных форм. Аналогичные предметы известны в материалах памятников срубной общности как Подонцовья, так и сопредельных территорий – Лесостепного Подонья, Приазовья, Поднепровья (Килейников, 1984).

В целом же орудия, связанные с кузнечной операцией, имеют стандартный облик и аналогии на других памятниках СКИО, материалы которых отражают специфику производственной деятельности. Заготовки подвергались минимальной обработке: выбиралось подходящее по параметрам сырье, а главные роли принадлежали оббивке, пикетажу и пришлифовке.

Среди функционально неопределенных изделий выделяется группа так называемых *дисков* (77 экз.) (рис. 2: 22, 23): 70 – из плиток медистого песчаника, 2 – из кварцитовидного песчаника, 5 – из фрагментов боковин и донцев керамических сосудов. Они имеют округлую или подовальную форму. Диаметр – от 4 до 12 см, толщина – 0,7–2,5 см. По периметру боковых граней каменных дисков выявлены технологические следы оббивки, в некоторых случаях – оббивки с последующей пришлифовкой поверхностей. Боковые грани четырех керамических дисков оббиты, одного – отшлифованы. Признаки утилизации отсутствуют. Можно предположить их использование в качестве крышек или пробок для емкостей.

Орудия из кости

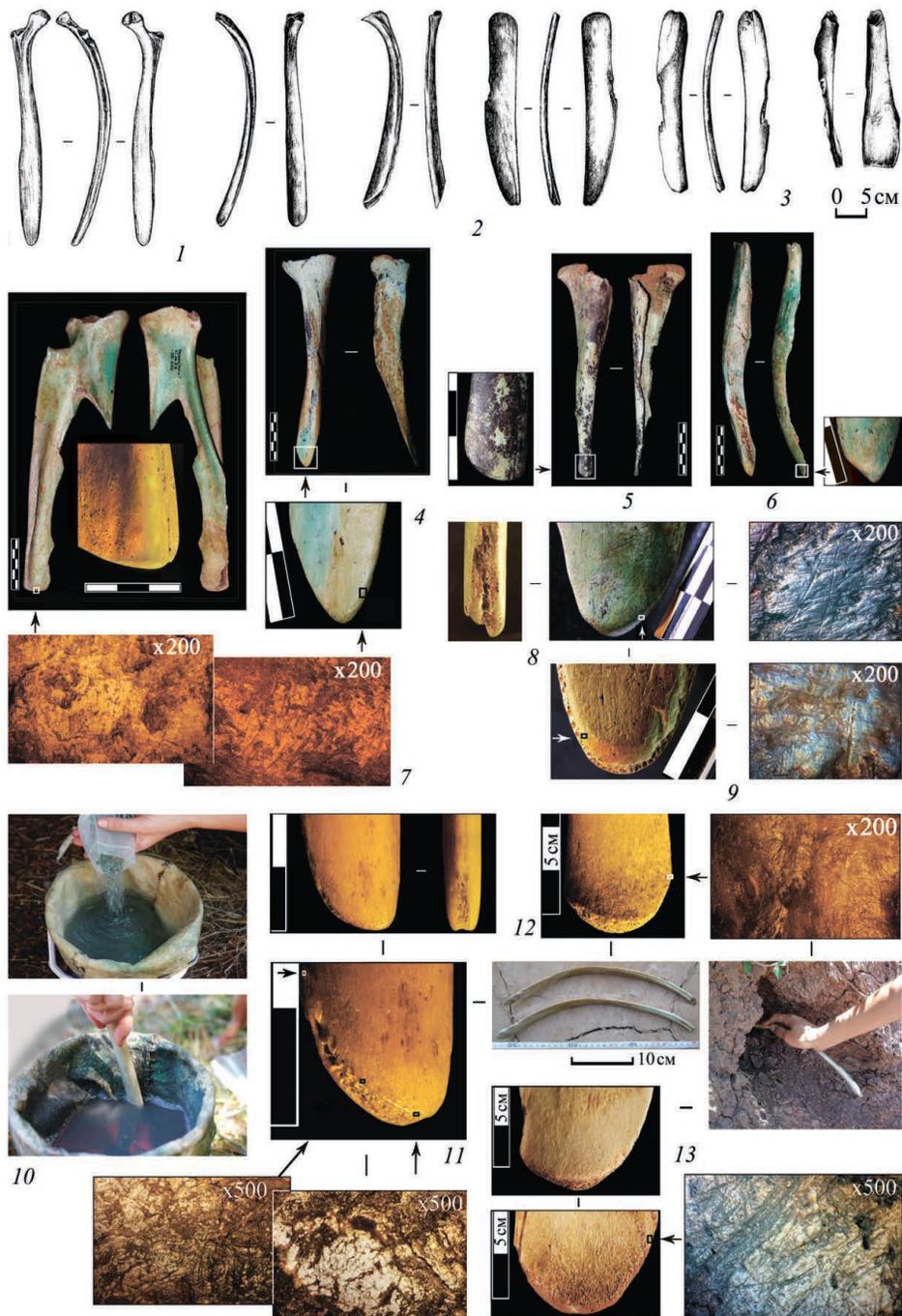
Среди остеологической коллекции памятников КАМ выявлена серия орудий и изделий (484 экз.). Видовая принадлежность костей животных определена О. П. Журавлевым (ИА НАНУ). Основная масса предметов выполнена из ребер

животных (370 экз.), лопаток (50 экз.). Наименьшую группу составляют орудия из длинных трубчатых, нижнечелюстных и тазовых костей. Сохранность коллекции достаточно хорошая. Повреждения зафиксированы на костях, происходящих из слоя красной глины (переотложенного нижнепермского аргиллита).

Трасологическое изучение 15 костяных орудий рудника Червонэ озеро-I в первые годы разведывательных исследований было начато В. В. Килейниковым. Изготовленные из ребер и лопаток животных, они были интерпретированы как рудодобывающие копалки и землекопные совки (Килейников, 1997). Поскольку следы сработанности на орудиях из ребер отличались от следов копания, позднее были высказаны предположения о возможности их использования в ходе скобления медистого песчаника с целью извлечения руды, т. е. в качестве горно-обогачительных (Панковський, 2005). Впоследствии на основе комплексного изучения всей коллекции, включающего структурно-сырьевой, техникоморфологический, трасологический анализ и эксперимент, выделены функциональные группы: горно-обогачительная, кожевенная, землекопная (Загородняя, 2014б). Единичные находки представляют фурнитуру, утварь, оружие. 443 экз. функционально определены как орудия и изделия. Неопределенные обломки со следами обработки и/или утилизации – 41 экз.

В результате выделен новый функциональный тип – *орудия для размешивания руды в процессе гравитации*. К нему отнесено 398 экз. (из ребер – 349, лопаток – 38, нижнечелюстной кости – 4, длинных трубчатых – 7) (рис. 3: 1–8). Для большинства орудий характерно равномерное окрашивание в зеленый оттенок их поверхностей. Наличие подобных микровключений, очевидно, является результатом воздействия среды, поскольку они залегали в слое перетертого медистого песчаника в площади производственного участка по обогащению руды. Хотя, безусловно, эти обстоятельства не исключают и функционального загрязнения.

Несмотря на некоторые различия расположения рабочих поверхностей и рукояти, среди них целесообразно выделить орудия из ребер с одним рабочим краем (278 экз.) (рис. 3: 1); с двумя противоположными рабочими краями (рис. 3: 2); обломки со следами утилизации, где не сохранились рабочие торцы. Как показали макронаблюдения поверхностей, расположение и форма рабочего края полностью зависели от способа предварительного членения ребра. Естественный грудинный конец в процессе использования приобретал либо округлую, либо слегка приостренную (симметрично или асимметрично) форму. Прямой или скошенный рабочий край наблюдается на орудиях, подработанных рубкой или пилением. Причем форма рабочего края и характер сработанности довольно устойчивы. На микроуровне следы использования фиксируются на торце, обеих плоскостях, продольных краях. На продольных краях – перпендикулярные или расположенные под углом к линии кромки линейные следы в виде пересекающихся поверхностных царапин. Похожие следы наблюдаются на рабочем торце (грудинном или позвоночном окончании). На медиальной и латеральной плоскостях отмечены линейные следы в виде поверхностных царапин различной длины и фактуры, группирующиеся или единичные. Расположены они перпендикулярно или под небольшим углом к оси тела ребра. Подобный износ мог сформироваться от абразивного воздействия на кость мелкодисперсного материала. Округлость кромки и наличие яркой полировки, расположенной по всему

Рис. 3. Картамышский археологический микрорайон. Орудия из кости (1–9) и результаты экспериментов (10–13)

1, 2, 8 – из ребер; 3, 5 – трубчатых; 4 – лопатки; 6 – челюсти; 7, 9 – следы использования, увел. $\times 200$; 10 – эксперимент по гравитационному обогащению; 11, 12 – экспериментальные орудия, следы использования, увел. $\times 200$, $\times 500$; 13 – эксперимент по проходке горной породы

рельефу поверхности, указывают на контакт с мягким эластичным материалом, т. е. кожей. Следы утилизации на орудиях из лопаток, нижних челюстей и трубчатых аналогичны вышеописанным.

С целью верификации функции костяных орудий автором в течение 2007–2011 гг. проводились эксперименты с использованием аналогичных реплик в различных операциях. Результаты этих исследований опубликованы (Загородняя, 2014б). Следы на артефактах (рис. 3: 7, 9) были сопоставлены со следами на экспериментальных орудиях, задействованных в проходке горной породы – аргиллита (рис. 3: 13); рыхлении слоя измельченного медного песчаника; обогащении медной руды (халькозина) путем промывки ее мелкой фракции в кожаной емкости с водой (гравитационный процесс) (рис. 3: 10). И только эксперимент по промывке, осуществленный на базе экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН, подтвердил использование инструментов для размешивания медной руды в процессе водного обогащения (рис. 3: 11, 12). Зафиксированы следы, отличные от копания, но соответствующие износу от работы по коже и абразивного воздействия мелких частиц на кость. Не противоречит этому наличие в площади техногенного участка рудника Червоно́ озеро-1 отходов производства в виде мощного слоя перетертого медистого песчаника, а также преобладание среди каменных орудий горно-обогатительных. Обращает на себя внимание, что орудия из кости являются редким явлением на поселениях Червоно́ озеро-1 (20 экз.) и Червоно́ озеро-3 (15 экз.) в отличие от техногенного участка рудника Червоно́ озеро-1 (374 экз.), в пределах которого осуществлялись процессы обогащения.

Орудия из ребер и лопаток присутствуют и в материалах рудника позднего бронзового века близ Михайло-Овсянки (Самарская область, Россия) (Горащук, Колев, 2004. С. 92, 93) и каргалинских памятников на Урале (поселение Горный) (Антипина, 2004. С. 225). По морфологическим признакам они аналогичны картамышским. Предварительное знакомство с некоторыми образцами это подтверждает и дает основание для функционального пересмотра коллекций.

Заключение

Каменные орудия из Картамышя и других известных евразийских древних рудников в целом похожи. Источниками сырья для них были окатанные гальки и желваки, как модифицированные, так и немодифицированные. Выбор сырья для орудий из кости был обусловлен самим скотоводческим хозяйством носителей БМСК, которое постоянно предоставляло материал для заготовок. Их незначительно обрабатывали, а ребра и лопатки часто не требовали и этого, ведь их природные формы вполне пригодны к определенным операциям. Различия можно констатировать лишь на уровне совокупности различных типов инструментов. В частности, на памятниках Востока Украины отсутствуют довольно своеобразные клинья из трубчатых костей, которых немало на рудниках, освоенных носителями ПМСК Приуралья (Антипина, 2004). Обогачительные орудия присутствуют исключительно в материалах памятников СКИО, основой производственной организации которых являлось горное дело – Картамыш, Михайло-Овсянка, Горный, и отсутствуют на поселениях, в материалах которых

преобладают свидетельства металлургии и металлообработки (Мосоловское, Усово озеро).

По данным функционального анализа орудий на примере памятников КАМ осуществлена реконструкция металлопроизводства БМСК. Исследованное оснащение представляет все его технологические процессы – от добычи руды до изготовления и обработки готовых изделий. Но немногочисленность литейных форм и металлообрабатывающих инструментов (по сравнению с количеством орудий горного дела – добычи и обогащения (техногенный участок рудника Червонэ озеро-1 – 533 экз., Червонэ озеро-1 – 84 экз., Червонэ озеро-3 – 85 экз.)) при колоссальных объемах добытой на рудниках медной руды дает основание считать, что металлургия и металлообработка на указанных поселениях обеспечивали лишь потребности их обитателей. Основная же масса руды в виде порошкообразного концентрата транспортировалась на отдаленные территории в долинах рек, более богатые необходимым для выплавки меди лесом. На других рудниках и поселениях Донецкого кряжа (Пилипчатино-1, 2, Клиновое-1, 2, Выскривка, Медная Руда) также зафиксирован полный процесс металлопроизводства. Как и в Картамыше, горно-обогачительные орудия преобладают над металлообрабатывающими. То есть в эпоху поздней бронзы существовала достаточно сложная производственная система, которая включала в себя рудники и непосредственно связанные с ними производственные места – поселения со свидетельствами всех этапов металлопроизводства и значительное количество поселений с единичными свидетельствами металлургии и металлообработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е.*, 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы; Технология горно-металлургического производства; Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.
- Бровендер Ю. М.*, 2012. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. Луганськ. С. 551–556.
- Валентин-перешеек – поселок древних рудокопов / Отв. ред. Н. Н. Диков. М.: Наука, 1987. 248 с.
- Горащук И. В., Колев Ю. И.*, 2004. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский ун-т. С. 89–104.
- Загородня О. М.*, 2014а. Знряддя металовиробництва бережнівсько-маївської зрубної культури: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Алчевськ: Донбаський державний технічний університет. 15 с.
- Загородня О. М.*, 2014б. Про призначення однієї з категорій кістяних знарядь Картамишу // Археологія. № 1. С. 15–28.
- Загородня О. Н., Буденко С. В.*, 2011. Некоторые итоги экспериментально-трасологического анализа орудий древней металлообработки // Проблеми гірничої археології: матеріали VIII-го міжнародного Картамыського польового археологічного семінару. Алчевськ: Донбаський державний технічний університет. С. 111–123.
- Загородня О. Н., Степанова К. Н.*, 2012. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // РА. № 2. С. 67–71.
- Килейников В. В.*, 1984. Каменные горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 108–123.

- Килейников В. В.*, 1997. Костяные орудия труда с рудника Червоноэ озеро Картамышского рудопроявления // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 128–135.
- Нікітенко І. С.*, 2011. Про матеріал кам'яних знарядь Картамиського археологічного мікрорайону, виготовлених з привізної сировини // Проблеми гірничої археології: матеріали VIII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ: Донбаський державний технічний університет. С. 100–111.
- Панковський В. Б.*, 2005. Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного озера-I // Проблеми гірничої археології: матеріали II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ: Донбаський державний технічний університет. С. 189–192.
- Сунчугашев Я. И.*, 1993. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакас. кн. изд-во. 112 с.
- Татаринов С. И.*, 1977. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. № 4. С. 192–207.
- Черных Е. Н.*, 1976. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука. 302 с.
- Черных Е. Н., Вальков Д. В.*, 2004. Каменные изделия: молотки, наковальни, рудотерки // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 157–181.
- Bogosavljević V.*, 1995. Mining hammerstones of Prljuša Mali Šturac site // Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium. Belgrade. P. 37–44.
- Gale D.*, 1995. A comparative study of the Earliest European copper mining tools // Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium. Belgrade. P. 47–53.
- Pickin J.*, 1990. Stone tools and early metal mining in England and Wales // Early Mining in the British Isles. № 1. Snowdonia. P. 39–42.

Сведения об авторе

Загородняя Ольга Николаевна, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; e-mail: olgaza@ukr.net

O. N. Zagorodnyaya

FUNCTIONAL ANALYSIS OF METAL PRODUCTION TOOLS
OF THE LATE BRONZE AGE

(CASE STUDY OF THE KARTAMYSH ARCHAEOLOGICAL MICROREGION)

Abstract. The paper reports on the studies of metalworking tools from the Kartamysh archaeological microregion. Archaeological sources demonstrate that both the complete production cycle (extraction, ore processing, metallurgy and metalworking) and the incomplete production cycle could be used by various communities. Metal goods, various types of tools, ancient pits were examined. The latter are represented by a variety of traces such as changes of the natural structure of the geological depositions and the landscape. The research includes systematization of the artifacts made from rocks, bone and ceramics from the Kartamysh archaeological microregion in Donbass (Berezhnovka-Maevka Timber-grave culture of the Late Bronze Age). The collection consisting of 1091 items was subjected to the structural/raw material, technological, functional and contextual analyses. The paper publishes a series of metal production tools such as mining tools (mattocks, hacks, hammers – Fig. 1: 4–11), ore processing tools (pestles/grinding stones,

mortars/grinding slabs), metalworking instruments (moulds, hammers, anvils, abrasives, a scraper) (Fig. 2: 4–19). Bone tools for gravitational ore processing were singled out (Fig. 3: 1–10). Traces on the artifacts were compared with the traces obtained during experiments on dry ore processing, gravitation and metalworking.

Keywords: Late Bronze Age, Berezhnovka-Maevka Timber-grave culture, bone tools, stone tools, metal production, functional analysis, experiment, Kartamysh.

REFERENCES

- Antipina E. E., 2004. Arkheozoologicheskiye materialy [Archaeozoological materials]. *Kargaly [Kargaly], III. Selishche Gornyy: Arkheologicheskiye materialy; Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva; Arkheobiologicheskiye issledovaniya [Open settlement Gornyy: Archaeological materials; Technology of mining-metallurgical production; Archaeobiological studies]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 182–239.
- Bogosavljević V., 1995. Mining hammerstones of Prlijuša Mali Šturac site. *Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium*. Belgrade, pp. 37–44.
- Brovender Yu. M., 2012. Itogi issledovaniy kompleksa gorno-metallurgicheskikh pamyatnikov na Kartamyshskom mednom rudoproyavlenii Donbassa [Results of investigations of complex of mining-metallurgical sites in Kartamysh copper ore deposit in Donbass]. *Problemy doslidzhennya pam'yatok arkeologii Shkhidnoi Ukraïny [Problems of studies of archaeological sites in Eastern Ukraine]*. Lugansk, pp. 551–556.
- Chernykh E. N., 1976. Drevnyaya metalloobrabotka na yugo-zapade SSSR [Early metalworking in South-West of the USSR]. Moscow: Nauka. 302 p.
- Chernykh E. N., Val'kov D. V., 2004. Kamennyye izdeliya: molotki, nakoval'ni, rudoterki [The stone artifacts: hammer, anvils, ore mills]. *Kargaly [Kargaly], III. Selishche Gornyy: Arkheologicheskiye materialy; Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva; Arkheobiologicheskiye issledovaniya [Open settlement Gornyy: Archaeological materials; Technology of mining-metallurgical production; Archaeobiological studies]*. E. N. Chernykh, comp., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 157–181.
- Gale D., 1995. A comparative study of the Earliest European copper mining tools. *Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium*. Belgrade, pp. 47–53.
- Gorashchuk I. V., Kolev Yu. I., 2004. Kamennyye i kostyanyye orudiya s rudnika bronzovogo veka Mikhaylo-Ovsyanka v Samarskoy oblasti [Stone and bone tools from the Bronze Age mine Mikhaylo-Ovsyanka in Samara region]. *Voprosy arkeologii Urala i Povolzh'ya [Issues of archaeology of the Urals and Volga region]*, 2. Samara: Samarskiy universitet, pp. 89–104.
- Kileynikov V. V., 1984. Kamennyye gorno-metallurgicheskiye i metalloobratyvyayushchiye orudiya Mosolovskogo poseleniya [Stone mining-metallurgical and metalworking tools of Mosolovka settlement]. *Epokha bronzy Vostochno-evropeyskoy lesostepi [Bronze Age of East European forest-steppe]*. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 108–123.
- Kileynikov V. V., 1997. Kostyanyye orudiya truda s rudnika Chervone ozero Kartamyshskogo rudoproyavleniya [Bone working tools from mine chervone ozero in Kartamysh ore deposit]. *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi [Archaeology of East European forest-steppe]*, 10. *Pyat' desyat polevykh sezonov arkeologov Voronezhskogo universiteta [Fifty field seasons of archaeologists from Voronezh university]*. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 128–135.
- Nikitenko I. S., 2011. Pro material kam'yanykh znaryad' Kartamis'kogo arkheologichnogo mikrorayonu, vygotovlenykh z priviznoi syrovyny [On material of stone tools of Kartamysh archaeological microregion made of imported raw materials]. *Problemy girnychoi arkeologii: materialy VIII-go mizhnarodnogo Kartamys'kogo pol'ovogo arkheologichnogo seminaru [Problems of mining archaeology: proceedings of VIII international Kartamysh field archaeological seminar]*. Alchevs'k: Donbas'kyy derzhavnyy tekhnichnyy universytet, pp. 100–111.
- Pankovs'kyy V. B., 2005. Deyaki rezul'taty tekhnologichnogo ta funktsional'nogo analizu kistyanykh znaryad' Chervonogo ozera-I [Some results of technological and functional analysis of bone tools from Chervone ozero-I]. *Problemy girnychoi arkeologii: materialy II-go mizhnarodnogo*

- Kartamys'kogo pol'ovogo arkeologichnogo seminaru [Problems of mining archaeology: proceedings of II international Kartamys'k field archaeological seminar]*. Alchevs'k: Donbaskyy derzhavnyy tekhnichnyy universytet, pp. 189–192.
- Pickin J., 1990. Stone tools and early metal mining in England and Wales. *Early Mining in the British Isles*, 1. Snowdonia, pp. 39–42.
- Sunchugashev Ya. I., 1993. Pamyatniki gornogo dela i metallurgii drevney Khakasii [Monuments of mining and metallurgy of ancient Khakasia]. Abakan: Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo. 112 p.
- Tatarinov S. I., 1977. O gorno-metallurgicheskom tsentre epokhi bronzy v Donbasse [On mining and metallurgical centre in Donbass]. *SA*, 4, pp. 192–207.
- Valentin-peresheyek – poselok drevnikh rudokopov [Valentin-peresheyek – early miners' settlement]. N. N. Dikov, ed. Moscow: Nauka, 1987. 248 p.
- Zagorodnia O. M., 2014a. Znaryaddya metalovyrobnytstva berezhnivs'ko-maivs'koï zrubnoï kul'tury: avtoreferat disertatsii ... kandydata istorychnykh nauk [Metalworking tools of Berezhnovka-Maevka Srubnaya culture ... PhD Abstract]. Alchevs'k: Donbas'kiy derzhavnyy tekhnichnyy universytet. 15 p.
- Zagorodnia O. M., 2014b. Pro pryznachennya odnei z kategoriy kistyanykh znaryad' Kartamys'k [On function of one category of bone tools from Kartamys'k]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 15–28.
- Zagorodnia O. N., Budenko S. V., 2011. Nekotoryye itogi eksperimental'no-trasologicheskogo analiza orudiy drevney metalloobrabotki [Some results of experimental trace-wear analysis of ancient metalworking tools]. *Problemy girnychoï arkheologii: materialy VIII-go mizhnarodnogo Kartamys'kogo pol'ovogo arkeologichnogo seminaru [Problems of mining archaeology: proceedings of VIII international Kartamys'k field archaeological seminar]*. Alchevs'k: Donbas'kiy derzhavnyy tekhnichnyy universytet, pp. 111–123.
- Zagorodnia O. N., Stepanova K. N., 2012. Vozmozhnosti mikrotrasologicheskogo analiza orudiy iz zernistykh i kristallicheskikh porod [The use of microtraceology in analyzing tools of granular and crystalline rocks]. *RA*, 2, pp. 67–71.

About the author

Zagorodnia Olga N., Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine, av. Geroyev Stalingrada, 12, Kiev, 04210, Ukraine; e-mail: olgaza@ukr.net

Ю. В. Лунькова, В. Ю. Луньков

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ СРУБНОЙ КИО (ПО ДАННЫМ ГИС-АНАЛИЗА)

Резюме. Статья посвящена изучению погребального обряда грунтовых могильников срубной КИО. Полученные результаты пространственного анализа рассматриваемой категории могильников, основанные на данных статистического анализа имеющейся выборки, позволили выявить ряд тенденций в распределении памятников по всей территории их распространения на всем протяжении развития культуры.

Ключевые слова: срубная культурно-историческая общность, грунтовые могильники, погребальный обряд, статистический анализ, пространственный анализ.

Комплексное изучение погребального обряда носителей срубной КИО невозможно без привлечения материалов из грунтовых могильников. Наряду с ростом численности исследованных погребальных памятников этой категории расширяется и круг аналитических работ по данной тематике. Это проявляется как в анализе материалов конкретных могильников (*Ивашов, Мельников, 2009; Колев, 2003; Лопатин, 2010; Пятых, 1991; Тихонов, 1996; и др.*), так и попытках их обобщения (*Колев, Седова, 1987; Синюк, 1999; Лунькова, Луньков, 2014*). Уже отмечалось, что одной из особенностей грунтовых могильников является сложность их нахождения. Как правило, сведения удается получить из разрушающихся памятников, что не может не отразиться на полноте и достоверности фиксируемых данных. Но, несмотря на это, результативность анализа погребений из грунтовых могильников достаточно высока (*Лунькова, Луньков, 2014; 2018*). Так, были получены основные характеристики погребального обряда, позволившие обоснованно говорить о выявлении устойчивых его традиций, регламентированных четкой системой мировоззренческих представлений у носителей срубной культуры (*Лунькова, Луньков, 2014. С. 57*).

Новым этапом в изучении данного массива может стать включение в аналитическую процедуру методов пространственного анализа археологического материала на основе использования ГИС-технологий.

Перспективность использования ГИС-систем в изучении археологических памятников уже неоднократно демонстрировалась рядом исследователей (краткий обзор ГИС-систем см., например: *Макаров и др.*, 2015. С. 9, 10). Очевидно, что спектр применения этого метода очень широк: от прикладного значения – составления свода археологических памятников (в первую очередь, систематизация и учет памятников) – до решения задач, связанных с историческим и геоландшафтным моделированием, а также от изучения характера распространения памятников до размещения инвентаря в отдельно взятом комплексе.

Выбор грунтовых могильников в качестве объекта анализа на начальном этапе исследования обусловлен двумя моментами. С одной стороны, имеющимися в нашем распоряжении детальными характеристиками обряда, полученными в процессе статистического анализа. С другой – не столь большой выборкой (336 погребений из 21 могильника) в сравнении с курганными могильниками, что позволит наиболее детально проработать механизм использования методов ГИС-анализа для материалов срубной КИО. С нашей точки зрения, это будет способствовать не только визуализации ранее полученных результатов статистического анализа, но и изучению пространственного распределения как отдельных могильников, так и конкретных обрядовых групп погребений, выделенных по ряду признаков.

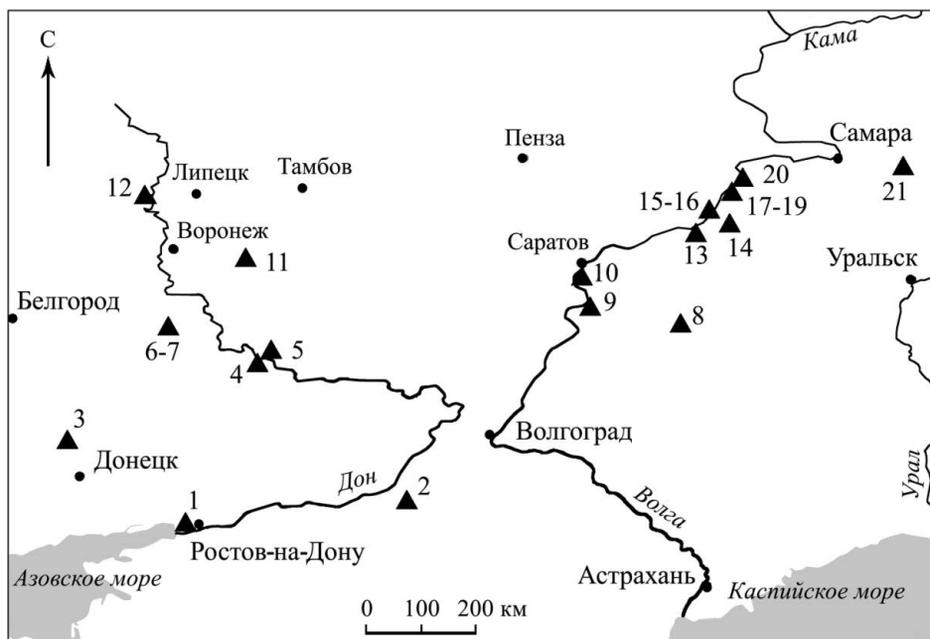
Как уже отмечалось, в нашем распоряжении имеется выборка, состоящая из 336 погребений, происходящих из 21 грунтового могильника (рис. 1). Практически все грунтовые могильники занимали отдельную площадь, в большинстве случаев расположенную недалеко от водных артерий. Возможно, стоит отметить, что данное замечание носит пока условный характер, так как во многих случаях обнаружение памятника связано именно с разрушением береговой линии.

Опираясь на полученные ранее детальные характеристики обряда, а также учитывая взаимосвязи и взаимозависимости групп признаков, описывающих весь массив погребений из грунтовых могильников (более 300 элементов), для проведения пространственного анализа¹ решено было привлечь следующие группы признаков: площадь могильной ямы (там, где это удалось зафиксировать), состав керамического инвентаря, расположение сосудов в могильной яме, некерамический инвентарь, наличие или отсутствие костей животных, а также минеральных или органических остатков.

Для проведения корректного анализа по выделенным выше группам признаков решено было привлечь репрезентативные могильники, т. е. те, в которых численность срубных погребений составляет 10 и более. В данную группу попали следующие памятники: Алексеевский левобережный (*Васильева*, 1974; *Ватазина*, 1976; *Пестрикова*, 1975), Дружковский (*Горбов*, *Усачук*, 1993),

---

¹ Стоит отметить, что работа основывается на статистическом анализе имеющейся базы данных с привлечением пространственного метода на основе использования ГИС-технологий определенных групп погребений, сформированных по одному или несколькими «определяющим» признакам.

Рис. 1. Карта-схема расположения грунтовых могильников срубной КИО

1 – Ливенцовка I; 2 – Захаровский; 3 – Дружковский; 4 – Терешковский Вал; 5 – Петропавловский; 6 – Новохарьковский; 7 – Самтоевский; 8 – Алексашкинский; 9 – Ново-Привольное; 10 – Смеловский; 11 – Мосоловский; 12 – Никольский; 13 – Солнечный; 14 – Калач I; 15 – Алексеевский левобережный; 16 – Алексеевский II; 17 – Екатериновский I; 18 – Екатериновский II; 19 – Екатериновский III; 20 – Федоровский; 21 – Съезжее

Екатериновский II (Зудина, Крамарев, 1993), Калач I (Тихонов, 1996), Ливенцовка I, Ново-Привольное, Самтоевский (Синюк, 1999), Съезжее (Колев, 2003). Кратко остановимся на основных полученных результатах.

Размер могильной ямы. «Крупные» и «малые» могильные ямы достаточно равномерно распределены между могильниками, и выделить какие-либо яркие комплексы не представляется возможным.

Типологический состав керамического инвентаря. Основным типом керамики, встречаемой в рассматриваемых могильниках, является баночный, процент которого на порядок превосходит все другие типы. Но в материалах могильников Алексеевский левобережный, Дружковский, Екатериновский-II, Съезжее увеличивается доля горшковидных сосудов, а для керамики Самтоевского могильника процент остросереберных горшков до 20 %.

Расположение керамики в могильной яме. Рассматривалось по отношению к погребенному, когда же это не удавалось проследить, – по отношению к стенкам могильной ямы. В погребениях с одним сосудом в 68,1 % он находился перед костяком (около черепа – 35,6 %, около костей рук – 16 %, около грудной клетки – 4,3 %), за костяком керамика встречена в 7 % (за черепом – 5,9 %, за позвоночником – 1,1 %).

В погребениях с двумя сосудами вариабельность размещения сосудов значительна. В качестве основных позиций можно выделить: около черепа – 14,6 %, около лицевого отдела черепа – около костей рук – 8,3 %, около черепа – за черепом – 6,3 %.

Некерамический инвентарь. Встречен в 10,4 % погребений и представлен 65 предметами, среди которых подвески составляют 24,6 %, браслеты – 23,1 %, альчики-бабки-астрагалы – 15,4 %, пронизи (бронзовые) – 9,2 %, бусы – 6,2 %, подвески из раковины – 6,2 % и др.

Кости животных в могильных ямах. Встречены в 3 % погребений и представлены в основном костями мелкого рогатого скота.

Растительные и минеральные остатки. Зафиксированы в 6 % погребений. Доминируют остатки растительного происхождения.

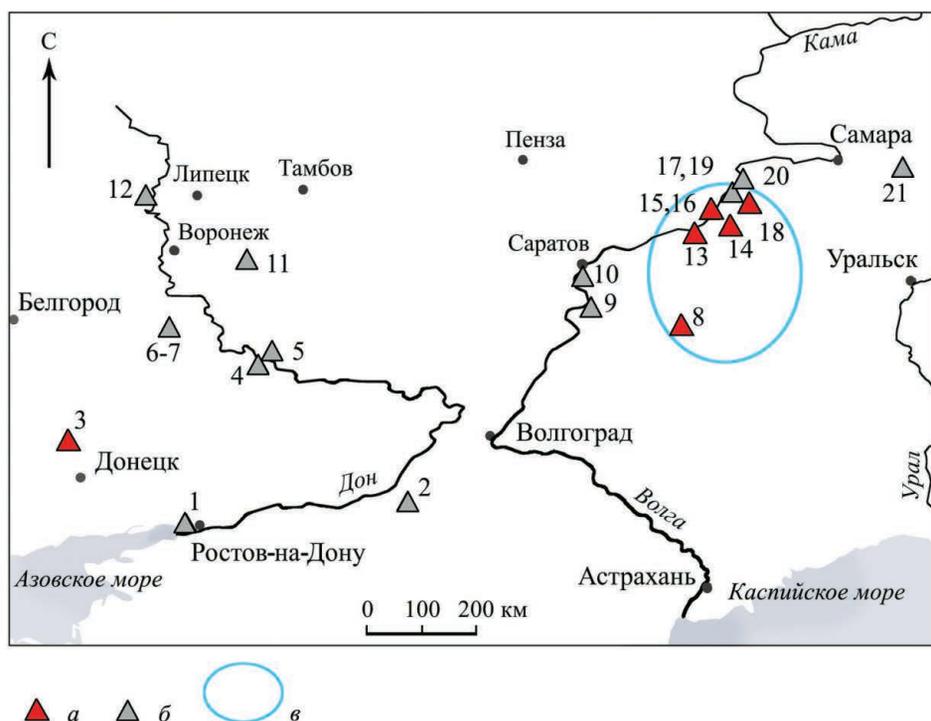
На следующем этапе был проведен пространственный анализ полученных данных, результаты которого позволили прийти к ряду заключений. Фиксируются близкие тенденции распределения значений всех групп признаков по памятникам. Выявить четкие локальные групп могильников, отражающие разные этапы существования срубной культуры на данной территории, пока не представляется возможным. Развитие основных характеристик, по имеющимся в настоящее время представлениям, происходило достаточно равномерно на всей площади рассматриваемого региона. И в то же время можно предположить некоторую динамику в их развитии. По ряду признаков наметилось некоторое обособление небольших групп: 1) могильники Алексеевский левобережный, Екатериновский-II, Калач I раннего периода (Лунькова, Луньков, 2014. С. 59) срубной КИО и 2) могильники Ливенцовка-I, Самотоевский и Съезжее развитого периода (Там же).

Особое место занимает Дружковский могильник. Обнаруженный там керамический материал, а также свидетельства совершения ритуальных церемоний позволяют рассматривать его как яркий культовый комплекс, занимающий особое место в системе погребальных памятников срубной КИО.

Кроме этого, необходимо отметить наметившееся по анализу содержащих металлические предметы грунтовых могильников усиление тенденций в концентрации этих памятников в районе северной части Нижнего Поволжья (рис. 2: в). Возможно, здесь существовал определенный круг памятников (Алексашкинский, Солнечный, Калач I, Алексеевский левобережный, Алексеевский II, Екатериновский II), в характеристиках обряда которых отмечены некоторые «отклонения» от существующих «стандартов» (Лунькова, 2002).

Также стоит упомянуть и выявленную ранее, на основе статистического анализа, и подтвержденную сейчас тенденцию к локализации памятников по соотношению количества погребений предшествующих культур и погребений, относящихся к срубной культуре. В большинстве случаев те памятники, в которых есть захоронения ранних (по отношению к срубной) культур, а непосредственно численность срубных погребений не превышает 15, тяготеют к бассейну реки Дон. В аналогичной ситуации, но при наличии более 15 срубных погребений – к бассейну Волги.

Таким образом, изучение грунтовых могильников, синхронных курганам, представляет значительный интерес как в плане исследования особенностей

Рис. 2. Карта-схема распределения грунтовых могильников срубной КИО, содержащих (а, в) и не содержащих (б) металлические предметы

1 – Ливенцовка I; 2 – Захаровский; 3 – Дружковский; 4 – Терешковский Вал; 5 – Петропавловский; 6 – Новохарьковский; 7 – Самогоевский; 8 – Алексашкинский; 9 – Ново-Привольное; 10 – Смеловский; 11 – Мосоловский; 12 – Никольский; 13 – Солнечный; 14 – Калач I; 15 – Алексеевский левобережный; 16 – Алексеевский II; 17 – Екатериновский I; 18 – Екатериновский II; 19 – Екатериновский III; 20 – Федоровский; 21 – Съезжее

погребальной обрядности, так и решения вопросов социальной структуры, демографии и этнокультурных взаимодействий оставившего их населения. Особую актуальность данному исследованию придает применение методов ГИС-анализа.

Полученные результаты пространственного анализа грунтовых могильников, основанные на данных статистического анализа имеющейся базы данных, с одной стороны, позволяют говорить о достаточно равномерном распределении памятников на рассматриваемой территории на всем протяжении развития культуры. С другой стороны, по сочетанию количества срубных погребений в могильнике и наличия или отсутствия погребений предшествующих культур удалось зафиксировать тенденцию к выделению двух групп памятников, тяготеющих к бассейнам разных рек: Дона и Волги. Также подтверждается возможность выделения особого круга памятников в районе северной части Нижнего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И. Б.*, 1974. Отчет о работах II отряда Средневожской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5426, 5426а.
- Ватазина А. П.*, 1976. Отчет о раскопках в Хвалынском районе Саратовской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6778, 6778а.
- Горбов В. Н., Усачук А. Н.*, 1993. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен // Археологический альманах. Вып. 2 / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Донеччина. С. 115–132.
- Зудина В. Н., Крамарев А. И.*, 1993. Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье: Межвуз. сб. ст. / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Самара: Самарский гос. ун-т. С. 128–156.
- Ивашиов М. В., Мельников Е. Н.*, 2009. Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья // РА. № 2. С. 122–134.
- Колев Ю. И.*, 2003. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке / Ред. Ю. И. Колев, П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 88–111.
- Колев Ю. И., Седова М. В.*, 1987. Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Заволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 68–86.
- Лопатин В. А.*, 2010. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.) / Ред. Н. М. Малов. Саратов: Наука. 244 с.
- Лунькова Ю. В.*, 2002. К изучению погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья // РА. № 4. С. 143–149.
- Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.*, 2014. Грунтовые могильники срубной КИО (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 236. С. 55–60.
- Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.*, 2018. Погребения с металлическими предметами из грунтовых могильников срубной КИО // КСИА. Вып. 253. С. 110–119.
- Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., Черников А. П.*, 2015. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: Методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. Вып. 237. С. 7–19.
- Пестрикова В. И.*, 1975. Отчет о разведках в Приволжском районе Куйбышевской области и работах в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5847.
- Пятых Г. Г.*, 1991. Алексашкинский бескурганый могильник и его место среди однотипных памятников // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов: Саратовский ун-т. С. 94–103.
- Синюк А. Т.*, 1999. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона: Сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 56–72.
- Тихонов В. В.*, 1996. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1 / Науч. ред. А. И. Юдин. Саратов: Орион. С. 37–53.

Сведения об авторах

Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlunkov@rambler.ru

Yu. V. Lunkova, V. Yu. Lunkov

GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF TIMBER-GRAVE GROUND
CEMETERIES (GIS ANALYSIS DATA)

Abstract. The paper explores the burial rite of the ground cemeteries attributed to the Timber-grave (Srubnaya) culture. The results of spatial analysis of this type of cemeteries based on statistical analysis of the existing database helped identify a number of trends in the distribution of the sites across the entire area where they are found throughout the period of the Srubnaya culture development.

Keywords: Timber-grave culture, ground cemeteries, funerary rite, statistical analysis, spatial analysis.

REFERENCES

- Gorbov V. N., Usachuk A. N., 1993. Druzhkovskiy mogil'nik i nekotoryye voprosy mirovozzreniya srubnykh plemen [Druzhkovskiy cemetery and some issues of Timber-grave tribes world outlook]. *Arkheologicheskyy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 2. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donechchina, pp. 115–132.
- Ivashov M. V., Mel'nikov E. N., 2009. Gruntovye zakhoroneniya epokhi bronzy na territorii Verkhnego Podon'ya [Bronze Age ground burials in territory of Upper Don region]. *RA*, 2, pp. 122–134.
- Kolev Yu. I., 2003. Gruntovyy mogil'nik srubnoy kul'tury S'yevzhee II (materialy raskopok) [Ground cemetery of Timber-grave culture S'yevzhee II (materials from excavations)]. *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke [Material culture of population of Samara river basin in Bronze Age]*. Yu. I. Kolev, P. F. Kuznetsov, O. D. Mochalov, eds. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 88–111.
- Kolev Yu. I., Sedova M. V., 1987. Gruntovyye mogil'niki srubnoy kul'tury na territorii Kuybyshevskogo Zavolzh'ya [Ground cemeteries of Timber-grave culture in territory of Kuybyshev Trans-Volga region]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Srednem Povolzh'ye [Archaeological investigations in Middle Volga region]*. G. I. Matveyeva, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 68–86.
- Lopatin V. A., 2010. Smelovskiy mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'ye (seredina II tys. do n. e.) [Smelovskiy cemetery: model of local cultural genesis in Trans-Volga steppe region (mid II mill. BC)]. N. M. Malov, ed. Saratov: Nauka. 244 p.
- Lun'kova Yu. V., 2002. K izucheniyu pogrebal'nogo obryada srubnoy kul'tury Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [On studies of burial rite of Timber-grave culture in Volga and Don interfluvium]. *RA*, 4, pp. 143–149.
- Lun'kova Yu. V., Lun'kov V. Yu., 2014. Gruntovyye mogil'niki srubnoy KIO (predvaritel'noe soobshchenie) [Ground cemeteries of Timber-grave cultural-historical entity (preliminary information)]. *KSIA*, 236, pp. 55–60.
- Lun'kova Yu. V., Lun'kov V. Yu., 2018. Pogrebeniya s metallicheskimy predmetami iz gruntovykh mogil'nikov srubnoy KIO [Burials with metal items from ground cemeteries of Timber-grave cultural historical entity]. *KSIA*, 253, pp. 110–119.
- Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N., Chernikov A. P., 2015. Geoinformatsionnaya sistema «Arkheologicheskiye pamyatniki Rossii»: metodicheskiye podkhody k razrabotke i pervyye rezul'taty napolneniya [Geo-information system «Archaeological Sites of Russia»: methodic approaches for its elaboration and the first results obtained]. *KSIA*, 237, pp. 7–19.
- Pestrikova V. I., 1975. Otchet o razvedkakh v Privolzhskom rayone Kuybyshevskoy obalsti i rabotakh v Khvalynskom rayone Saratovskoy oblasti v 1975 godu [Report on field surveys in Privolzhskiy district, Kuibyshev region and works in Khvalynsk district, Saratov region in 1975]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Pyatykh G. G., 1991. Aleksashkinskiy beskurgannyi mogil'nik i ego mesto sredi odnotipnykh pamyatnikov [Aleksashinskiy ground cemetery and its place among similar sites]. *Arkheologiya*

Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe], 2. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 94–103.

Sinyuk A. T., 1999. O gruntovykh mogil'nikakh epokhi bronzy na Donu [On Bronze Age ground cemeteries on the Don]. *Problemy arkheologii basseyna Dona [Problems of archaeology of the Don basin]*. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 56–72.

Tikhonov V. V., 1996. Gruntovoy mogil'nik Kalach v Saratovskom Zavolzh'ye [Ground cemetery Kalach in Saratov Trans-Volga region]. *Okhrana i issledovanie pamyatnikov arkheologii Saratovskoy oblasti v 1995 godu [Protection and research of archaeological sites in Saratov region in 1995]*, 1. A. I. Yudin, ed., Saratov: Orion, pp. 37–53.

Vasil'ev I. B., 1974. Otchet o rabotakh II otryada Srednevolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1974 godu [Report on work of group II of Middle Volga archaeological expedition in 1974]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Vatazina A. P., 1976. Otchet o raskopkakh v Khvalynskom rayone Saratovskoy oblasti v 1976 g. [Report on excavations in Khvalynsk district, Saratov region in 1976]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Zudina V. N., Kramarev A. I., 1993. Mogil'nik epokhi bronzy u s. Ekaterinovka [Bronze Age cemetery near village of Ekaterinovka]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Povolzh'ye [Archaeological investigations in Volga region]*. G. I. Matveeva, ed. Samara: Samarskiy gos. universitet, pp. 128–156.

About the authors

Lunkova Yuliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Lunkov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vlunkov@rambler.ru

Л. В. Конькова

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Резюме. Статья посвящена исследованию одной из малоизученных проблем механизмов распространения металла из центров его получения/изготовления на периферию. В Центральной Азии металл появляется с III тыс. до н. э. Далее на восток (Забайкалье, Приморье, Якутия, Манчжурия, Корея) металлические вещи проникают в конце II – начале I тыс. до н. э. Территории Саяно-Алтая, Монголии и Забайкалья богаты месторождениями металлов. Далее к востоку богатые металлами районы входят в Тихоокеанский металлогенический пояс. Описаны имитации металлического оружия (копий и кинжалов), изготовленные из местного сланца. Выделены три хронологические группы: предметы сейминско-турбинского облика, карасукского облика и кинжалы тагарского типа. Результаты спектрального и металлографического исследования металлических изделий с территории юга Дальнего Востока России указывают на развитые традиции металлообработки, не имеющие местных корней. Изучение изотопов свинца показало, что металл изделий происходит с территории Восточных Саян или из Западного Прибайкалья. Предложен вывод о том, что длительное взаимодействие групп населения, пришедших на Дальний Восток с запада и обладавших металлом, с местным населением не привело к кардинальным изменениям в технологическом развитии дальневосточных племен, несмотря на наличие богатых рудных ресурсов.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Восточная Евразия, Тихоокеанский металлогенический пояс, бронзовый век, металлические изделия, каменные имитации, спектральный анализ, металлография, свинцово-изотопный анализ, происхождение металла.

В изучении раннего металла одной из интересных и малоизученных проблем является выявление механизмов распространения металла из центров его получения/изготовления на периферию. Под получением металла мы понимаем его выплавку из руды, тогда как изготовление предполагает получение изделий из готового металла.

В ходе развития технологии получения металла разрыв между его источниками и центрами обработки постепенно увеличивается. Получение меди – наиболее раннего рабочего металла – зависит от наличия ее месторождений. Меднорудные месторождения распространены в Евразии неравномерно, что связано чаще всего с их приуроченностью к горным районам на стыках тектонических плит. Количество месторождений меди, доступных с начала знакомства человека с металлом, в том числе с самородным, ограничено.

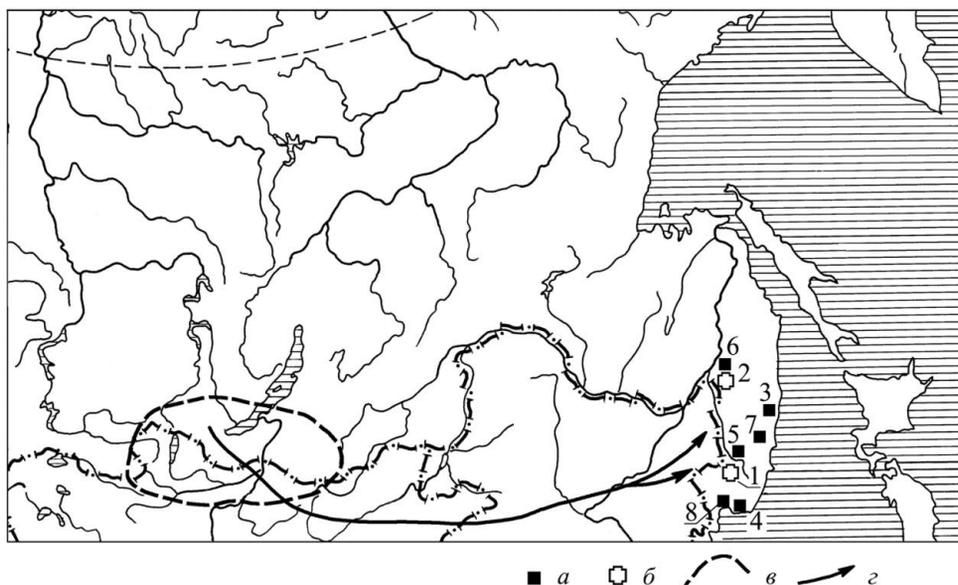
Первоначально осваивались территории предгорных районов Ближнего Востока (с VIII–VII тыс. до н. э.), Кавказа и Балкан (с V тыс. до н. э.), позднее Урала и Саяно-Алтая (с III тыс. до н. э.). Изготовление древнейших изделий из металла в Центральной Азии отмечается с III тыс. до н. э. Далее на восток металлические вещи проникают в конце II – начале I тыс. до н. э. Находки фиксируются в Забайкалье, Приморье, Якутии, Манчжурии, Корее. Эти территории входят в восточную оконечность Евразийского степного коридора, который связывал Дунайские и Причерноморские степи со степными районами Дальнего Востока вплоть до Тихого океана (*Cernych*, 1983).

Дальний Восток (Северо-Восточная оконечность Азии) разделен на две большие части – северную и южную. Граница между этими территориями образуется системой идущих в широтном направлении горных хребтов, где водоразделом является Становой хребет. К северу от него располагается зона северной тайги и тундры. Природные условия здесь способствовали сохранению пережиточных форм неолитического хозяйства с морским зверобойным промыслом и оленеводством вплоть до XVIII в.

К югу от Станового хребта находится обширная территория бассейна Амура, включающая Приамурье, Приморье и Манчжурию. Эта зона не подверглась воздействию ледников и сохранила богатый растительный и животный мир (*Никольская*, 1962). На этих землях в течение длительного времени бытовали архаические формы хозяйства, основанные на рыболовстве, охоте и собирательстве. Именно такой хозяйственный тип застали в этих районах пришедшие сюда в XVII в. казахи отряды.

С началом освоения южной части Дальнего Востока в XIX в. неожиданно была зафиксирована достаточно сложная археологическая картина. В густой тайге были обнаружены древние поселения, городища, крепости, дороги, монастыри и др. С середины XIX в. на Амуре работает экспедиция Российской академии наук под руководством А. Ф. Миддендорфа, в Уссурийском крае (Приморье) – экспедиция под руководством М. И. Венюкова и известного географа Р. К. Маака. Во втором пол. XIX в. Русское географическое общество направляет на Дальний Восток несколько экспедиций. Их участники обнаружили многочисленные остатки древних сооружений, тщательно их обследовали и описали. В 1884 г. было образовано Общество изучения Амурского края, которое продолжило археологические исследования. Члены Общества, знакомые с европейской археологией, с удивлением констатировали наличие большого количества находок, связанных с каменным веком: отщепов, нуклеусов, шлифованных каменных орудий. Кроме того, было найдено множество железных изделий средневекового времени и более ранних. При этом совершенно не были представлены изделия из бронзы. Эти факты привели исследователей к выводу о том, что на данной территории бронзовый век отсутствовал.

В действительности картина оказалась сложнее. В середине XX в. были сделаны находки отдельных бронзовых предметов, в том числе меча, кельтов, наконечников копий (рис. 1). К сожалению, в настоящее время большая часть этих вещей оказалась утраченной. Тогда же исследователи обратили внимание на находки каменных имитаций металлических предметов. Чаще всего имитировали оружие – кинжалы, копья, мечи (рис. 2).

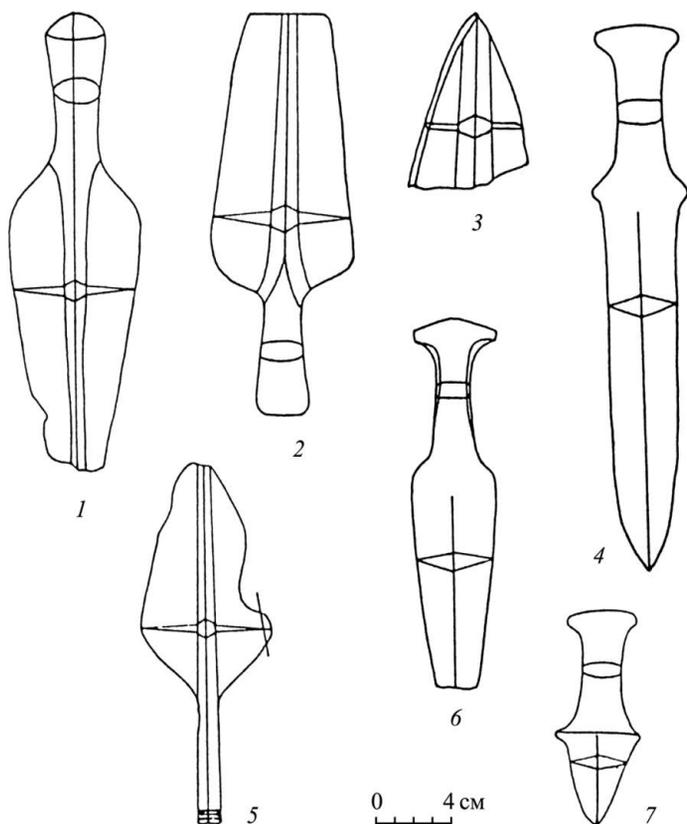
Рис. 1. Дальний Восток. Карта распространения раннего металла и каменных имитаций металлических изделий

1 – Синий Гай; 2 – берег р. Усури; 3 – Лидовка; 4 – колхоз им. Чапаева; 5 – Спасское; 6 – Корсаковский р-н; 7 – Приморский край; 8 – мыс Седловинный

a – металлические находки; *b* – каменные имитации; *v* – предполагаемый район добычи меди (по данным свинцово-изотопного анализа); *z* – направление распространения металла

Все это породило мнение об отсутствии бронзового века на Дальнем Востоке (Окладников, 1959; Дьяков, 1979). В качестве причин этого явления предлагалось рассматривать отсутствие источников цветного металла.

Однако в 70-е гг. XX в. были обнаружены две археологические культуры, относящиеся к эпохе раннего металла: Синегайская и Лидовская. С поселения Лидовка получена серия радиоуглеродных дат, в соответствии с которыми Лидовская культура датируется втор. пол. VII – перв. пол. VI в. до н. э. (Дьяков, 1989). Культура занимает восточные склоны Сихотэ-Алиня, обращенные к Тихому океану. В памятниках этой культуры в археологическом контексте обнаружены каменные имитации металлических предметов (Дьяков, Конькова, 1981). Во многих других случаях каменные имитации представляют собой случайные находки. Автором настоящей статьи собрано ок. 100 находок такого

Рис. 2. Каменные имитации бронзовых изделий

1 – Спасское; 2 – Корсаковский р-н; 3 – Лидовка; 4 – колхоз им. Чапаева; 5 – берег р. Усури; 6 – Приморский край; 7 – мыс Седловинный

1–4, 6, 7 – сланец; 5 – бронза

типа с территории Приморья. Подобные вещи встречаются в Манчжурии, Северной Корее и Японии (Окладников, 1959; Конькова, 1989).

С памятников Синегайской культуры происходит серия металлических находок. На поселении Синий Гай впервые в археологическом слое был обнаружен комплекс изделий из медных сплавов (21 экз.). Предметы представляют собой комплекс единого культурно-хронологического облика (рис. 3). Культура датируется автором раскопок X–VIII вв. до н. э. на основании широкого круга аналогий из Манчжурии, Внутренней Монголии и Забайкалья, прежде всего – «хвостатых» ножей карасукского облика (Бродянский, 1972; 1982).

Синегайская культура локализуется в юго-западном Приморье, вблизи оз. Ханка (Бродянский, 1975). В этот район выходит восточная оконечность Евразийского степного коридора, которая позволяет проникать через Манчжурию в Монголию, Забайкалье, Саяно-Алтай и далее на запад (Черных, Кузьминых, 1989).

К западу от Дальнего Востока на территории Саяно-Алтая, Монголии и Забайкалья расположены очень богатые месторождениями металлов. Далее к востоку имеются еще более богатые металлами районы, которые входят в Тихоокеанский металлогенический пояс, протянувшийся от Чукотки и Аляски до Австралии (Смирнов, 1946; Радкевич, 1976).

Территория Северо-Восточной Азии (или Русский Дальний Восток), входящая в богатую рудопоявлениями зону Тихоокеанского металлогенического пояса, не участвовала в процессе раннего освоения металлов. Интересно, что в этих восточных районах особенно много коренного и рассыпного золота в долинах большинства рек. Однако в древности местное население не использовало этот металл.

Детальные исследования геолога Э. Анерта, проведенные в начале XX в. в Уссурийском крае, показали наличие большого числа месторождений различных руд, в том числе медных, оловянных, полиметаллических (Анерт, 1916; 1928). С точки зрения современной промышленности часть этих месторождений не представляет интереса, но в древности они могли разрабатываться, в особенности при наличии самородной меди. Руды часто были сложны для добычи, поскольку представлены сульфидными соединениями, включенными в кварцевые породы. Уровень технологии древнего населения этих территорий не позволял использовать руды такого типа.

Археологическое изучение ранних периодов освоения металла на юге Дальнего Востока России показало, что прослеживается три хронологических горизонта освоения металла. Особенность Дальнего Востока состоит в том, что наиболее отчетливо эти этапы документируются каменными имитациями металлических изделий. Первый этап относится к концу II тыс. до н. э. и представлен случайными находками листовидных копий сейминско-турбинского типа (рис. 2: 1–3). Второй этап представлен каменными изделиями карасукского типа, чаще всего кинжалами вытянутых пропорций (рис. 2: 4, 6, 7). Следует упомянуть также находку бляшки карасукского типа с петлей, изготовленную из камня (Членова, 1972; Новгородова, 1970; Гришин, 1975). Третий этап связан с серединой I тыс. до н. э., для него характерны многочисленные кинжалы тагарского типа (Окладников, 1959). Возможно, что каменные копии воспроизводили не только бронзовые, но и железные предметы.

Своеобразие дальневосточной ситуации заключается в преобладании каменных копий металлических изделий над собственно металлическими артефактами. Характерно также, что в регионе имеются значительные запасы руд различных металлов, при этом отсутствуют следы ранней добычи этих руд. Все перечисленное диктует необходимость обращения к ранее полученным автором данной работы аналитическим данным с тем, чтобы проанализировать ситуацию с позиций современных подходов к изучению процессов освоения металла (Авилова, 2008; 2018; Черных, 2013).

Обратимся к конкретным материалам. Одно из ранних бронзовых листовидных копий – случайная находка с берега р. Уссури – сохранилось и было подвергнуто аналитическому исследованию (рис. 2: 5). Спектральный анализ выполнен в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (табл. 1). Металлографическое исследование проведено автором в лаборатории структурного

Таблица 1. Результаты спектрального анализа металлических изделий конца II – начала I тыс. до н. э.

№ п/п	Предмет	№ металлограф.	№ спектра	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	нож	660	21457	2,5	0,06	0,001	0,015	0,01	0,05	0,15	0,007	0,005	0,001	0,001
2	пуговица	661	21458	> 10,0	0,25	0,006	0,005	0,0001	–	–	0,07	< 0,0001	?	< 0,001
3	бляшка	662	21459	7,0	0,06	0,01	0,008	0,0001	0,05	0,09	0,3	0,01	0,001	< 0,001
4	шило	663	21460	2,5	0,2	0,015	0,04	0,01	0,03	0,9	0,09	0,01	0,008	0,001
5	неопред. предмет	664	21461	6,0	0,1	0,001	0,03	0,01	0,06	0,15	0,01	0,005	0,0008	0,003
6	обкладка	665	21462	> 10,0	0,3	0,001	0,025	0,01	0,01	0,15	0,008	0,01	0,004	0,001
7	бляшка	666	21463	9,0	0,15	0,006	0,3	0,1	0,009	0,2	0,005	0,03	0,003	0,006
8	пуговица	667	21464	6,0	0,2	0,006	0,3	0,1	0,008	0,15	0,004	0,04	0,008	0,003–0,01
9	лапчатая подвеска	668	21465	0,9	0,06	0,003	0,008	0,05	0,06	0,3	0,007	0,04	0,004	0,003
10	двучленная бляшка	669	21466	2,0	0,25	0,003	0,08	0,01	0,05	0,1	0,005	0,002	?	0,001
11	лапчатая подвеска	670	21467	0,07	0,25	< 0,001	0,03	0,5	0,4	1,0	0,002	0,003	0,003	< 0,001
12	трехчленная бляшка	671	21468	6,0	0,06	< 0,001	0,15	0,001	0,05	0,3	0,003	0,002	0,0008	< 0,001
13	двучленная бляшка	672	21469	2,5	0,06	0,001	0,07	0,003	0,006	0,02	0,005	0,004	?	< 0,001
14	наконечник копья	674	21474	0,9	0,3	< 0,001	0,025	0,1	0,07	1,0	0,002	0,01	0,001	0,03–0,01

I–13 – поселение Синий Гай (хран. в Дальневосточном государственном университете); I4 – случ. находка с берега р. Усури (Хабаровский музей)

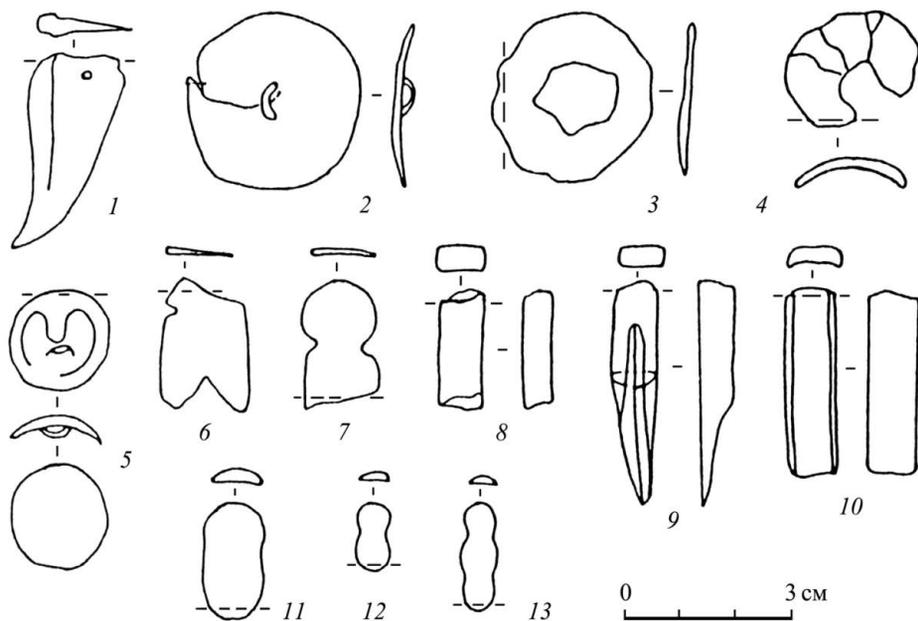
анализа при кафедре археологии МГУ. В результате оказалось, что предмет изготовлен из медного сплава с небольшим количеством примесей в виде олова (0,9 %) и мышьяка (1 %) с незначительным присутствием свинца (0,3 %) и серебра (0,1 %). Приведенные качественные и количественные характеристики металла позволяют предположить его связь с металлом из Забайкалья, где широко использовались сульфидные, в том числе блеклые, руды из полиметаллических месторождений (Сергеева, 1981). Морфологически предмет связан с трансконтинентальным кругом Сейма-Турбино (Черных, Кузьминых, 1989).

Техника изготовления данного копья соответствует высоким технологическим стандартам производства качественного оружия с тонким режущим краем. Качество проковки, проведенной в холодную, высокое. Несомненно, предмет изготовлен в одном из центров развитой металлообработки.

Коллекция изделий начала I тыс. до н. э. из поселения Синий Гай изготовлена из металла, сходного по составу с описанным копьем (табл. 1). Технологическое исследование данной коллекции, состоявшей в основном из простых по форме предметов (бляшки, нашивки), показало, что для изготовления каждой конкретной вещи была применена соответствующая ее назначению оптимальная технологическая схема. Так, шило было сделано из литой заготовки с последующим упрочнением; бляшки и нашивки отлиты без дополнительной обработки. Данные показатели свидетельствуют, что перед нами не первичный этап освоения металлообработки, а продукция стабильного металлопроизводства с устоявшимися технологическими традициями.

Однако приведенных данных по составу и технологии производства древнего металла было недостаточно для окончательного решения вопроса о происхождении дальневосточных коллекций. Для более углубленного анализа сложной ситуации автор обратился к методу изотопного анализа свинца в дальневосточных бронзах. Аналитическое изучение находок было проведено на базе лаборатории изотопных исследований в Институте земной коры СО РАН (г. Иркутск) (Фефелов и др., 1989; Kon'kova et al., 1990).

Была исследована серия находок из Синего Гая (рис. 3: 1, 2, 5, 8, 9) и наконечник копья с берега р. Усури (рис. 2: 5). В качестве сравнительного фона были привлечены находки раннего железного века и средневековья. Все изделия исследовались на предмет соотношения изотопов свинца $Pb^{206/204}$, $Pb^{207/204}$ и $Pb^{208/204}$. Хронологически ранние вещи дали информацию о наиболее примитивном соотношении изученных изотопов, в частности отношение $Pb^{206/204}$ составляло 17,29–17,86. Соотношение $Pb^{207/204}$ дает цифры 15,45–15,47; соотношение $Pb^{208/204}$ показало 37,36–37,86. Такое содержание изотопов свинца соответствует палеозойским месторождениям. В соответствии с банком изотопных данных свинца Института земной коры СО РАН (г. Иркутск) подобные месторождения связаны с краем Сибирской платформы: Кузнецкое Алатау, р-н Красноярска, Восточные Саяны, Западное Забайкалье. Таким образом, вещи «сибирского» типа на Дальнем Востоке были изготовлены из сибирского металла, месторождения которого приурочены к краю Сибирской платформы. В результате можно констатировать, что данные о составе металла дальневосточных находок и изотопные показатели свинца в металле совпадают в отношении происхождения металла с находками с территории, близкой к Байкалу (рис. 1: в). Специализированный характер

Рис. 3. Бронзовые предметы из поселения Синий Гай

1 – нож; 2–4 – бляшки; 5 – пуговица; 6, 7 – лапчатые подвески; 8 – обломок шила; 9 – неопределенный предмет; 10 – обкладка; 11, 12 – двучленные бляшки; 13 – трехчленная бляшка

технологических приемов изготовления дальневосточных изделий также подтверждает этот тезис.

Изотопные показатели для более поздних предметов совпали с характеристиками более молодых руд Тихоокеанского металлогенического пояса, т. е. с конца I тыс. до н. э. и в более позднее время для получения металла использовались местные дальневосточные руды.

Заключение. В работе предпринята попытка дать обобщенную картину сложного момента перехода от эпохи камня к эпохе металла на востоке Евразии. С этой целью привлечены проведенные в разное время автором исследования древнейших находок из металла на юге Дальнего Востока России методами спектрального, металлографического и свинцово-изотопного анализов. Это дает возможность вновь обратиться к проблеме различия сценариев освоения металла древним населением в разных географических условиях и с разной сырьевой базой. Подчеркнем, что Дальний Восток при этом выглядит как очень сложный регион с неоднозначно протекавшими культурными процессами. Имеющаяся здесь богатая сырьевая база в силу специфики местных условий практически не была задействована. Одной из вероятных причин этого необычайного явления могли быть природные богатства территории. Здесь имелись колоссальные пищевые ресурсы в виде лососевых пород рыб, разнообразных видов лесной дичи, богатых растительных ресурсов – орехов, ягод и плодов. И это не стимулировало технологический прогресс.

В такой ситуации группы населения, приходившие из Центральной Азии на юг Дальнего Востока и пользовавшиеся металлом, существовали в своего рода параллельном мире по отношению к аборигенному населению. Представители местных племен в течение длительного периода (около тысячи лет) имели возможность видеть металлические изделия и, возможно, ценили их как престижные предметы. Вероятно, именно с этим связана своеобразная практика копирования металла в камне, причем в мельчайших деталях, вплоть до подбора цвета камня, соответствующего оттенкам патины бронзы. Цели копирования остаются неясными. Глинистый сланец, который использовался в этих целях, достаточно хрупкий и не может служить оружием. В отсутствие находок имитаций в погребальных комплексах нет оснований считать, что их изготавливали для целей погребения. Данный вопрос остается открытым.

На рубеже II–I тыс. до н. э. на восточной оконечности Евразийского континента кроме находок отдельных металлических предметов (коллекция из поселения Синий Гай и др.) имеются многочисленные (более 100 экз.) каменные имитации металлического оружия (в основном копий и кинжалов), изготовленные из местного сланца, совпадающего по цвету с окисленной бронзой. Морфологически выделяются три хронологические группы: предметы сейминско-турбинского облика (листовидные копья), карасукского облика (кинжалы, бляшки), а также кинжалы тагарского типа. Очевидно, что контакты были длительными.

Значительная часть вещей – случайные находки без археологического контекста. Незначительная часть предметов найдена на поселениях.

До настоящего времени нет однозначной интерпретации этого явления. Возможно, мы имеем дело с результатами культурных контактов сообществ разного уровня развития. Группы, пришедшие по Евразийскому степному коридору на восток, принесли с собой готовые металлические вещи. Свинцово-изотопный анализ металла из Синего Гая показал, что он происходит из Саяно-Алтая, а не с Дальнего Востока. Местное население воспроизводило внешний облик металлических изделий (прежде всего оружия) в камне. Качество копирования разное – от очень точных имитаций, неотличимых от металлических прототипов, до условных реплик. Это может указывать на различную степень близости контактов и значительную разницу в культурном развитии местного и пришлого населения (вплоть до непонимания специфики металла как материала).

Таким образом, длительное взаимодействие групп населения, пришедших на Дальний Восток с запада и обладавших металлом, с местным населением не привело к кардинальным изменениям в технологическом развитии дальневосточных племен, несмотря на наличие богатых рудных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И.*, 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.
- Авилова Л. И.*, 2018. Анатолийские клады металлических изделий: Очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с.
- Анерт Э. Э.*, 1916. Заметка о рудных и угольных месторождениях южной части Сихота-Алина // Известия Геологической комиссии. Т. 34. С. 788–793.
- Анерт Э. Э.*, 1928. Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело. 938 с.

- Бродянский Д. Л.*, 1972. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье // АО 1971 г. М.: Наука. С. 270.
- Бродянский Д. Л.*, 1975. Приамурско-Манчжурская археологическая провинция в IV–I тыс. до н. э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск. С. 179–185.
- Бродянский Д. Л.*, 1982. Бронзовый век Приморья (Синегайская культура) // *Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л.* Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток: Дальневосточный ун-т. С. 82–87.
- Гришин Ю. С.*, 1975. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.: Наука. 134 с.
- Дьяков В. И.*, 1979. Был ли на Дальнем Востоке бронзовый век? // *Природа*. № 10. С. 82–87.
- Дьяков В. И.*, 1989. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Дальневосточный ун-т. 238 с.
- Дьяков В. И., Конькова Л. В.*, 1981. Функциональное, хронологическое и культурное значение каменных «кинжалов» с односторонней противолежащей заточкой клинка // *Материалы по археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: Дальневосточный науч. центр АН СССР. С. 35–43.
- Конькова Л. В.*, 1989. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II–I тыс. до н. э. – XIII век н. э. Л.: Наука. 124 с.
- Никольская В. В.*, 1962. Дальний Восток. М.: Географгиз. 215 с.
- Новгородова Э. А.*, 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука. 191 с.
- Окладников А. П.*, 1959. Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Приморское кн. изд-во. 292 с.
- Радкевич Е. А.*, 1976. Очерк металлогении Тихоокеанского рудного пояса. М.: 95 с.
- Сергеева Н. Ф.*, 1981. Древнейшая металлургия меди в Юго-Восточной Сибири. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Смирнов С. С.*, 1946. О Тихоокеанском рудном поясе // *Известия АН СССР. Серия Геология*. № 2. С. 13–28.
- Фефелов Н. Н., Конькова Л. В., Заруднева Н. В.*, 1989. Изотопный состав свинца и возможные источники древнейших бронз юга Дальнего Востока СССР // *Доклады АН СССР*. Т. 308. № 1. С. 172–175.
- Черных Е. Н.*, 2013. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Языки славянской культуры. 2 т. (368 + 429 с.)
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.*, 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука. 320 с.
- Членова Н.Л.*, 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука. 245 с.
- Cernyч E. N.*, 1983. Frühmetallurgische Kontakte in Eurasien // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Bd. 5. S. 19–34.
- Kon'kova L. V., Fefelov N. N., Zarudneva N. V.*, 1990. The isotope composition of lead in bronzes from archaeological sites in the South of the Soviet Far East // *Bulletin of the Metals museum*. Sendai. Vol. 15. P. 41–44.

Сведения об авторе

Конькова Людмила Викторовна, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; e-mail: lkonkova@mail.ru

L. V. Kon'kova

THE EARLY METAL AGE IN EASTERN EURASIA.
THE ISSUE OF CULTURAL RELATIONSHIPS

Abstract. The paper explores one of the understudied issues related to the spread of metal from extraction/production centers to the periphery. Metal appeared in Central Asia in III mill. BC. Subsequently, metal items penetrated the eastern regions (Trans-Baikal region, Primor'ye, Yakutia, Manchuria, and Korea) at the end of II – early I mill. BC.

The Sayan-Altai region, Mongolia and the Trans-Baikal region are rich in metal deposits. The regions rich with metals located further to the east form part of the Pacific metallogenic belt. The paper describes imitations of metal weapons (spearheads and daggers) made from local shale rock. Three chronological groups of such replicas were singled out: items of the Seyma-Turbino type, items of the Karasuk type, and daggers of the Tagar type. The spectral and metallographic studies of metal artifacts from the southern Far East of Russia demonstrate developed traditions of metalworking that do not have local origin. In accordance with the data of lead isotope analysis, the metal the artifacts were made from, originated from the eastern Sayan Mountains or the western Baikal region. We may reasonably infer from this analysis that the population groups bringing metal had come to the Far East from the west. Yet long-term relations between them and the local population did not lead to drastic changes in the technological development of the Far East peoples despite abundance of rich ore deposits.

Keywords: Russian Far East, eastern Eurasia, Pacific metallogenic belt, Bronze Age, metal artifacts, stone replicas, spectral analysis, metallography, lead isotope analysis, metal origin.

REFERENCES

- Anert E. E., 1916. Zametka o rudnykh i ugol'nykh mestorozhdeniyakh yuzhnoy chasti Sikhota-Alina [Note on ore and coal deposits of southern part of Sikhote-Alin]. *Izvestiya Geologicheskoy komissii* [Bulletin of Geological commission], 34, pp. 788–793.
- Anert E. E., 1928. Bogatstva nedr Dal'nego Vostoka [Mineral wealth of the Far East]. Khabarovsk; Vladivostok: Knizhnoye delo. 938 p.
- Avilova L. I., 2008. Metall Blizhnego Vostoka. Modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke [Metal of the Near East. Models of production in the Eneolithic, Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 227 p.
- Avilova L. I., 2018. Anatoliyskiye klady metallicheskih izdeliy: Ocherki metalloproizvodstva i kul'turnogo konteksta [Anatolian metalwork hoards (Essays on metal production and cultural contexts)]. Moscow: IA RAN. 248 p.
- Brodyanskiy D. L., 1972. Raskopki u s. Siniy Gay v Primor'ye [Excavations near village Siniy Gay in Primor'ye]. *AO 1971*. Moscow: Nauka, p. 270.
- Brodyanskiy D. L., 1975. Priamursko-Manchzhurskaya arkheologicheskaya provintsiya v IV–I tys. do n. e. [Amaur-Manchur archaeological province in IV–I mill. BC]. *Sootnosheniye drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territoriy* [Correlation of ancient Siberia cultures with cultures of adjacent territories]. A. P. Derevyanko, ed. Novosibirsk, pp. 179–185.
- Brodyanskiy D. L., 1982. Bronzovyy vek Primor'ya (sinegayskaya kul'tura) [Bronze Age of Primor'ye (Siniy Gay culture)]. *Aleksandrov A. V., Arutyunov S. A., Brodyanskiy D. L. Paleometall severo-zapadnoy chasti Tikhogo okeana* [Palaeometal of northwestern part of the Pacific]. Vladivostok: Dal'nevostochnyy universitet, pp. 82–87.
- Cernych E. N., 1983. Frühmetallurgische Kontakte in Eurasien. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 5, Ss. 19–34.
- Chernykh E. N., 2013. Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira [Culture of nomads in mega-structure of Eurasian world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2 vols. (368 + 429 p.)
- Chernykh E. N., Kuz'minykh S. V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii [Early metallurgy of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Chlenova N. L., 1972. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi [Chronology of sites of Karasuk epoch]. Moscow: Nauka. 245 p.
- D'yakov V. I., 1979. Byl li na Dal'nem Vostoke bronzovyy vek? [Was there Bronze Age in the Far East?]. *Priroda* [Nature], 10, pp. 82–87.

- D'yakov V. I., 1989. Primor'ye v epokhu bronzy [Primor'ye in Bronze Age]. Vladivostok: Dal'nevostochnyy universitet. 238 p.
- D'yakov V. I., Kon'kova L. V., 1981. Funktsional'noye, khronologicheskoye i kul'turnoye znachenie kamennykh «kinzhalov» s odnostoronney protivolezhashchey zatochkoy klinka [Functional, chronological and cultural meaning of stone «daggers» with one-sided opposite blade sharpening]. *Materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR [Materials on archaeology of Far East of the USSR]*. Vladivostok: Dal'nevostochnyy nauchnyy tsentr AN SSSR, pp. 35–42.
- Fefelov N. N., Kon'kova L. V., Zarudneva N. V., 1989. Izotopnyy sostav svintsa i vozmozhnyye istochniki drevneyshikh bronz yuga Dal'nego Vostoka SSSR [Isotopic composition of lead and possible sources of earliest bronzes of the South of the Far East of the USSR]. *Doklady AN SSSR [Reports of AS USSR]*, vol. 308, no. 1, pp. 172–175.
- Grishin Yu. S., 1975. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Vostochnogo Zabaykal'ya [of Bronze and Early Iron Age of Eastern Transbaikalia]. Moscow: Nauka. 134 p.
- Kon'kova L. V., 1989. Bronzoliteynoye proizvodstvo na yuge Dal'nego Vostoka SSSR. Rubezh II–I tys. do n. e. – XIII vek n. e. [Bronze-casting production in the South of the Far East of the USSR. Turn of II–I mill. BC – XIII century AD]. Leningrad: Nauka. 124 p.
- Kon'kova L. V., Fefelov N. N., Zarudneva N. V., 1990. The isotope composition of lead in bronzes from archaeological sites in the South of the Soviet Far East. *Bulletin of the Metals museum*. Sendai, 15, pp. 41–44.
- Nicol'skaya V. V., 1962. Dal'niy Vostok [Far East]. Moscow: Geografiz. 215 p.
- Novgorodova E. A., 1970. Tsentral'naya Aziya i karasukskaya problema [Central Asia and Karasuk problem]. Moscow: Nauka. 191 p.
- Okladnikov A. P., 1959. Dalekoye proshloye Primor'ya [Remote past of Primor'ye]. Vladivostok: Primorskoye knizhnoye izdatel'stvo. 292 p.
- Radkevich E. A., 1976. Ocherk metallogenii Tikhookeanskogo rudnogo poyasa [An outline of the metallogeny of Pacific ore belt]. Moscow: Nauka. 95 p.
- Sergeyeva N. F., 1981. Drevneyshaya metallurgiya medi v Yugo-Vostochnoy Sibiri [Earliest copper metallurgy in South-Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Smirnov S. S., 1946. O Tikhookeanskom rudnom poyase [On Pacific ore belt]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya Geologiya [Bulletin of AS USSR. Ser. Geology]*, 2, pp. 13–28.

About the author

Kon'kova Ludmila V., Russian State University for The Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: lkonkova@mail.ru

А. С. Балахванцев, Н. В. Завойкина

НОВЫЕ ДРЕВНЕИРАНСКИЕ ИМЕНА ИЗ РАННЕЙ ФАНАГОРИИ

Резюме. В статье публикуются два новых владельческих граффити из раскопок Фанагории 2015 г. Первое граффито Ἀράτριος ἡ κύλιξ – килик Аратрия – датируется концом первой четверти V в. до н. э. Имя Аратрий встречено впервые в антропонимии Древнего мира. Оно обнаруживает явные параллели с этниконом *аратрии*, зафиксированным в «Перипле Эритрейского моря» неизвестного автора 50–75 гг. н. э. Племя аратриев локализуется на западе современного Пакистана. Вероятно, имя Аратрий относится к юго-восточной подгруппе восточноиранских языков. К этой же группе языков, как предполагается, относится и скифский язык. Поэтому предложено рассматривать имя Аратрий как принадлежащее к скифской этнокультурной общности. Второе граффито: Ἀρπατρις – Арпатрий. Оно датируется концом VI – первой третью V в. до н. э. Имя Арпатрий также впервые встречается в антропонимии Древнего мира. Предполагается, что Арпатрий является композитным именем, имеет скифское происхождение и переводится как «хранитель огня».

Ключевые слова: античность, раннеклассическая эпоха, надписи на керамике, скифы, Боспор, Фанагория.

В ходе археологических исследований слоев позднеархаического и раннеклассического времени в Фанагории были обнаружены два владельческих граффити с негреческими именами, краткая информация о которых уже появилась в печати (Завойкина, 2016. С. 44, 45). Однако содержащиеся в граффити имена имеют настолько важное значение для характеристики этнического состава населения Азиатского Боспора, что их новая публикация с подробным комментарием стала безусловно необходимой.

1. Поддон чернолакового килика, Аттика, последняя четверть VI – первая четверть V в. до н. э. (Sparkes et al., 1970. P. 91; 1970a. Pl. 19. № 402). Найден в 2015 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона тонко и слабо процарапано двухстрочное граффито (рис. 1). Слова расположены неровно, буквы разновеликие. В первом слове сегменты *po* (вторая и пятая буквы)

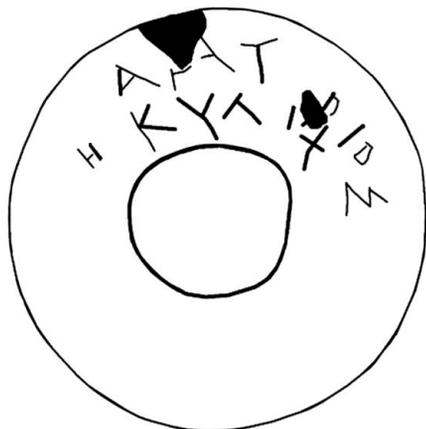

Рис. 1. Граффито Аратрия

частично утрачены, вторая *альфа* с правой стороны уничтожена сколом. Палеография надписи отличается сочетанием архаических и классических форм букв. К формам архаического времени близки «остроугольная» *альфа*, *rho* – с маленьким подтреугольной формы сегментом, *ksi* в форме креста. К развитому V в. до н. э. относятся *сигма* с почти с равными сегментами и расположенными по-разному внешними гастами; *ипсилон* «традиционной формы». Таким образом, надпись может датироваться концом первой четверти V в. до н. э.

Надпись: Ἀράτριος ἡ κύλιξ – килик Аратрия.

Грамматическая структура надписи показывает, что имя владельца стоит в *gen. sing.*, поэтому *nom. sing.* должен выглядеть как Ἀράτρις. Имя Аратрий является не греческим и ни разу не встречается ни в самой Элладе, ни в греческих городах Северного Причерноморья (LGPN I 56, II 49, IIIA 52, IIIB 49, IV 40). Не засвидетельствовано это имя и среди дошедших до нас скифских слов (Абаев, 1979. С. 279; Кулланда, 2016. С. 52, 53). Данный антропоним не был зафиксирован и среди огромного количества древнеиранских имен авестийского и ахеменидского периода (Mayrhofer, 1973. S. 128, 157, 320; 1979. S. I/20 – I/21, II/11 – II/13; Naveh, Shaked, 2006. P. 58, 59; Tavernier, 2007. P. 46, 70–73, 107, 108, 120–123). Но совершенно неожиданно полная аналогия ему обнаруживается в написанном в 50–75 гг. н. э. (Балахванцев, 1998. С. 158) «Перипле Эритрейского моря», анонимный автор которого упоминает народ аратриев (PME 47). Этноним упоминается в *gen. pl.* Ἀρατρίων, что в *nom. pl.* дает Ἀράτριοι.

Обратимся теперь к вопросу, где обитало племя аратриев и что можно сказать о его языковой принадлежности. Многие авторы (Casson, 1989. P. 204 (с предшествующей литературой); Вигасин, 2007. С. 229) понимают под ними народ *ārāštra* / *āraṭta*, который локализуется в Пенджабе. М. Д. Бухарин выдвинул альтернативную версию, по которой аратрии отождествляются с оратами (*Oratae*), упомянутыми у Плиния Старшего (Plin. NH. VI. 75) и живущими в Гуджарате (Бухарин, 2007. С. 144).

Однако высказанные мнения представляются нам ошибочными. В самом деле, автор перипла отмечает, что к северу¹ от Баригазы (Камбейский залив) в глубине материка проживают аратрии, арахусии, гандарайи, проклаиды и очень воинственный народ бактриан (PME 47). Арахусии – это жители расположенной вокруг современного Кандагара области Арахосии, границы которой достигали

¹ Северное направление, о котором нет прямого упоминания в тексте перипла, вытекает из того, что ниже (PME 50) отдельно говорится об областях, лежащих в глубине материка к востоку от залива Баригазы и тянущегося на юг побережья.

на севере Гиндукуша, а на востоке – Инда (Strab. XI. 10. 1; Ptol. VI. 20. 1). Область Гандарайя (Гандхара) простиралась от низовьев реки Сват на западе и захватывала на востоке земли на левом берегу Инда, включая и Таксилу (Herzfeld, 1968. P. 336). Область Проклаида (или Певкелаотида) занимала часть долины реки Кабул (Агг. Anab. IV. 22. 6–7), очевидно, ниже Джелалабада, а ее столица Певкелаотида локализуется возле современной Чарсады, недалеко от места слияния Кабула и Свата (Bosworth, 1995. P. 149; Вигасин, 2007. С. 194). Под воинственными бактрианами явно имеются в виду кушаны, ядром империи которых была Бактрия, располагавшаяся к северу от Гиндукуша (Там же. С. 229).

Поэтому можно сделать вывод, что автор перипла перечисляет упоминаемые им народы в определенной последовательности, в общем следуя с юго-запада на северо-восток. Очевидно, что арарии в таком случае никак не могут оказаться в Пенджабе, т. к. они не закрывают, а открывают весь список. Уже из самого порядка перечисления с неизбежностью вытекает, что арариев следует искать к югу или юго-западу от Арахосии.

Но могли ли они быть жителями Гуджарата? Против предположения о данной локализации свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, как уже было показано выше, все названные автором перипла народы граничат друг с другом. Следовательно, арарии должны быть непосредственными южными соседями арахусиев, но даже северные районы Гуджарата отстоят от Кандагара на девятьсот километров. Во-вторых, как отмечает сам автор перипла, от побережья залива Баригаза начинается страна Ариака, приморская часть которой называется Сюнрастрена (п-ов Катхиявар), а лежащие в глубине материка области – Аберией (РМЕ 41). Судя по тому, что именно Аберия, а не Сюнрастрена граничила со Скифией (РМЕ 41), только первая область доходила до реки Синт (Инд) и отнюдь не в нижнем ее течении (Балахванцев, 1998. С. 158). Особо подчеркнем, что наш анонимный автор в Аберии арариев не знает и явно выносит их за пределы последней. Из всего этого можно сделать вывод, что в I в. н. э. арарии обитали на территории современного Пакистана, где-то между Калатом и Кветтой на востоке и нынешней границей с Ираном на западе.

Как было убедительно продемонстрировано Э. А. Грантовским, уже в VII–VI вв. до н. э. восточноиранские племена, говорившие на языках юго-восточной подгруппы, заселяли горные районы к юго-востоку от Кабула и Газни до восточных склонов Сулеймановых гор (Грантовский, 1963а. С. 17, 21–23, 29; 1963б. С. 92–93, 95–96). К их числу можно отнести и орейтов, занимавших в 325 г. до н. э. побережье Аравийского моря между рекой Хаб (к западу от Карачи) и мысом Малан (Агг. Ind. 21. 8, 25. 1), а также владевших обширными территориями внутри страны (Diod. XVII. 104. 5–6; Агг. Anab. VI. 21. 3–22. 3). Спутники Александра Македонского отмечали, что орейты, живущие во внутренних областях материка, по языку, установлениям и законам отличны от индийцев (Агг. Ind. 25. 2). Учитывая эти обстоятельства и локализацию арариев, можно вполне обоснованно предположить, что они также говорили на одном из восточноиранских языков юго-восточной подгруппы.

Каким же образом житель Фанагории был наречен именем, полностью совпадающим² с этнонимом одного из говоривших на юговосточноиранских языках племен, которое локализуется на границах с Индией? На этот вопрос трудно ответить, если оставить без внимания то, что, по предположению С. В. Кулланды, к числу восточноиранских языков юго-восточной подгруппы относится и скифский (Кулланда, 2016. С. 114, 115). Поэтому будет наиболее вероятным считать данное имя скифским, хотя это необязательно делает скифом его носителя.

2. Нижняя часть чернофигурного скифоса, Аттика, конец VI – первая половина V в. до н. э. Она была найдена в 2015 г. при исследовании Верхнего города. На внешней стороне поддона процарапано граффито (рис. 2). Высота букв 1,1–1,2 см. Форма букв характерна для надписей Боспора конца VI – первой трети V в. до н. э.: *альфа* с небольшим наклоном центральной перекладки; *пи* с укороченной правой гостой; *ро* с подтреугольным сегментом на длинной ножке; узкая, вытянутая по вертикали *сигма* с несколько укороченной верхней гостой.

Надпись: Арпатрис – Арпатрий.

Рис. 2. Граффито Арпатрия

² О том, что данное совпадение не является случайным, свидетельствует, на наш взгляд, пример с восточноиранским этнонимом *kamboja*. Он известен не только в Арахосии (Грантовский, 1963б. С. 72–77), но был также знаком и древним персам, у которых существовал производный от этого этнонима антропоним Камбиз = *Kambūjiya* (Абаев, 1971. С. 266–268). Аналогичные хороним (*Καμβουσηνή*) и гидроним (*Καμβόσης*), также происходящие от этнонима *kamboja*, зафиксированы и в Восточном Закавказье (Алиев, Погребова, 1981. С. 129, 134. Прим. 14). Скорее всего, вся эта цепочка названий, протянувшаяся от Кавказа до Гиндукуша, маркирует движение иранских племен конца II – начала I тыс. до н. э., а сам этноним восходит еще ко временам общеиранского единства.

Аратрис – имя владельца чаши, написано в *nom. sing.* Такая падежная форма является необычной для владельческих маркировок, которые, как правило, ставились в *gen. sing.* Можно осторожно предположить, что варварское имя было написано носителем древнегреческого языка, возможно, жителем Фанагории, на слух так, как произнес его обладатель.

Так же как и Аратрий, антропоним Арпатрий до сих пор не фиксировался среди греческих, скифских и древнеиранских имен (LGPN I 81, II 65, IIIA 71, IIIB 67, IV 48; *Абаев*, 1979. С. 279; *Кулланда*, 2016. С. 52–53; *Mayrhofer*, 1973. S. 128, 155, 320; 1979. S. I/20 – I/21, II/11 – II/13; *Naveh, Shaked*, 2006. P. 58, 59; *Tavernier*, 2007. P. 46, 70–73, 107, 108, 120–123). Однако оба элемента этого имени уже встречались в составе других антропонимов. Первая часть *Arp-* присутствует в имени Арпокся (Αρπόξαις), среднего сына прародителя скифов Таргитая (Hdt. IV. 5. 2). Ее значению посвящена обширная литература (*Кулланда*, 2016. С. 53, 54), и к нему мы вернемся чуть ниже. Второй элемент имени *Аtr-* означает божество огня и часто используется в древнеиранских именах, однако всегда, за одним лишь исключением (*Vahyātrva*), стоит на первом месте (*Tavernier*, 2007. P. 442). Учитывая значение второго элемента, представляется, что первую часть имени *Arp-* можно понимать как «устанавливающий, утверждающий» (*Кулланда*, 2016. С. 53) или «охраняющий, стерегущий» (Там же. С. 54), что в целом дает нам «Утверждающий огонь» или «Охраняющий огонь»³.

Подводя итог сказанному, отметим, что имена Аратрий и Арпатрий, скорее всего, были скифскими. Учитывая, что в VI–IV вв. до н. э. скифы населяли земли Центрального Предкавказья (*Канторович, Маслов*, 2017. С. 133)⁴ и восточного Крыма (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 204–222; *Алексеев*, 2003. С. 209, 210; *Виноградов*, 2009. С. 67–72), совершая из последнего зимние походы на Таманский полуостров, в землю синдов (Hdt. IV. 28. 1), присутствие носителей скифских имен в Фанагории⁵ является вполне объяснимым.

Аратрий и Арпатрий принадлежали, по всей видимости, к свободнорожденным жителям города. Это предположение основывается на том, что рабы-варвары не могли владеть чернолаковыми чашами для вина с именными подписями.

³ Этимология данного имени позволяет предположить, что в картине мира его носителей, в отличие от других иранских народов, огонь играл хотя и важную, но отнюдь не решающую роль: он не защищал, но сам нуждался в защите.

⁴ Заявление авторов статьи (*Канторович, Маслов*, 2017. С. 133) о том, что полученные ими при исследовании могильника Новозаведенное-III данные, свидетельствующие о сохранении скифской культуры в Центральном Предкавказье, доказывают неточность высказывания Геродота о Танаисе как о крайнем пределе Скифии (Hdt. IV. 21), порождено некорректным прочтением источника. Действительно, в данном месте своего труда Геродот говорит лишь о начинающейся за Танаисом (Доном) земле савроматов, простирающейся на север на протяжении пятнадцати дней пути. При этом «отец истории» вовсе не касается вопроса о том, какие народы обитали к востоку от Меотиды или в Центральном Предкавказье, где, собственно, и находится могильник Новозаведенное-III.

⁵ О присутствии скифов на Северном Кавказе в начале V в. до н. э. косвенным образом свидетельствует и их неосуществленное намерение: заключив союз со спартамцами, вторгнуться в Мидию по течению Фасиса – Аракса (Hdt. VI. 84).

Это мнение коррелируется, казалось бы, с обычаем у скифов носить чаши с собой. Геродот пересказывает предание, что Геракл оставил своим сыновьям Агафирсу, Гелону и Скифу, который стал впоследствии родоначальником всех скифских племен, лук и пояс, на конце которого весела золотая чаша, и в память о золотой чаше Геракла скифы носят чаши на поясе (Hdt. IV. 10). С другой стороны, многочисленные находки из разных древнегреческих полисов чаш для питья, преимущественно второй половины VI – IV в. до н. э., с владельческими надписями на древнегреческом языке на их поддонах говорят в пользу того, что предполагаемые скифы в ранней Фанагории переняли эллинскую традицию подписывать личными именами чаши. Следовательно, носители рассматриваемых имен в Фанагории, по всей видимости, относились к эллинизированной части варваров, проживавших в городе.

Четвертый логос Геродота предоставляет информацию о возможных путях проникновения свободных скифов⁶ в полисы Северного Причерноморья. Такого рода сведения сохранились в рассказах Геродота о просвещенном скифе Анахарсисе и скифском царе Скиле (Hdt. IV. 76–80). Скифы, преимущественно представители мужской части этого этноса, появлялись в греческих городах в ходе перемещений, в основе которых лежали различные причины, в частности торговые связи с полисами Боспора, или в результате межэтнических браков (Str. XI.2.3; *Виноградов*, 2009. С. 52, 63, 64).

Данных о сравнительной доле варваров среди населения различных полисов Северного Причерноморья в конце VI – V в. до н. э. сохранилось крайне мало. В частности, корпус по антропонимии ранней Фанагории включает 24 имени (*Завойкина*, 2013. С. 290, 291; 2019. С. 30–41). Фиксируется достаточно пестрый этнический состав жителей города, но преобладают в нем эллинские имена. Среди варварских имен встречены преимущественно имена из западных и юго-западных областей Анатолии. Теперь в числе варварских имен Фанагории следует указать и два новых древнеиранских (скифских) имени: Аратрий и Арпатрий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.*, 1971. Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры / Б. Г. Гафуров (ред.). М.: Наука. С. 262–276.
- Абаев В. И.*, 1979. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки / Ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука. С. 272–364.
- Алексеев А. Ю.*, 2003. Хронография европейской Скифии. СПб.: Изд-во ГЭ. 416 с.
- Алиев И., Погребова М. Н.*, 1981. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II – начале I тысячелетия до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) / Ред.: М. С. Асимов, Б. А. Литвинский, Л. И. Мирошников, Д. С. Раевский. М.: Наука. С. 126–137.
- Балахванцев А. С.*, 1998. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. № 2. С. 152–160.
- Бухарин М. Д.*, 2007. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.: Алетей. 440 с.
- Вигасин А. А.*, 2007. Древняя Индия: от источника к истории. М.: Восточная литература. 392 с.

⁶ Вопрос о рабах-варварах в полисах Северного Причерноморья оставляем в стороне, поскольку он не связан с предметом исследования.

- Виноградов Ю. А.*, 2009. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XXII: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра. С. 5–90.
- Грантовский Э. А.*, 1963а. Из истории восточноиранских племен на границах Индии // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 61. С. 8–30.
- Грантовский Э. А.*, 1963б. Племенное объединение Paṅṅu-Paṅṅava у Панини // История и культура Древней Индии / Ред. В. В. Струве. М.: Изд-во вост. лит. С. 68–100.
- Завойкина Н. В.*, 2013. Фанагорийское общество // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 240–313. (Фанагория; т. 1.)
- Завойкина Н. В.*, 2016. Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: материалы международного круглого стола (7–8 июня 2016 г.) / Ред.: Д. В. Журавлев, У. Шлотцхауер. М.: ГИМ. С. 42–46.
- Завойкина Н. В.*, 2019. Материалы к истории фанагорийского общества доэллинистического времени // ПИФК. № 4 (66). С. 29–45.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 379 с.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е.*, 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V – IV в. до н. э. // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. № 8. С. 107–139.
- Кулланда С. В.*, 2016. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 232 с.
- Bosworth A. B.*, 1995. A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Oxford: Clarendon Press. 400 p.
- Casson L.*, 1989. The Periplus Maris Erythraei: text with introduction, translation, and commentary. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 320 p.
- Herzfeld E.*, 1968. The Persian Empire. Wiesbaden: F. Steiner. 392 p.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names. Vols. I – Vb / P. M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford.
- Mayrhofer M.*, 1973. Onomastica Persepolitana. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. 358 S.
- Mayrhofer M.*, 1979. Die altiranischen Namen. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. 177 S.
- Naveh J., Shaked S.*, 2006. Ancient Aramaic Documents from Bactria. 288 p.
- Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.*, 1970. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1: Text. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 382 p. (The Athenian Agora; vol. 12)
- Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.*, 1970a. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 2: Index and illustrations. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 468 p. (The Athenian Agora; vol. 12.1.)
- Tavernier J.*, 2007. Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts. Leuven: Peeters. 850 p. (Orientalia Lovaniensia Analecta; 158.)

Сведения об авторах

Балахванцев Арчил Савелич, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; e-mail: balakhvantsev@gmail.com;

Завойкина Наталья Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: zavoykina@mail.ru

Balakhvantsev A.S., Zavoykina N.V.
NEW ANCIENT IRANIAN NAMES FROM EARLY PHANAGORIA

Abstract. The paper publishes two new owners' graffiti from the excavations carried out in Phanagoria in 2015. The first graffiti – Ἀράτριος ἡ κύλιξ – is a kylix of Aratrius dating to the end of the first quarter of the 5th century BC. The name Aratrius appears for the first time in the anthroponymy of the ancient world. It has clear parallels with the gentilic form of the 'Aratrii' population recorded in the Periplus of the Erythraean Sea, a book of an unknown author written in 50–75 AD. The Aratrii population is localized in the western part of modern Pakistan. Most likely, the name Aratrius is attributed to the southeastern subgroup of the eastern Iranian languages. The Scythian language appears to refer to this group of languages as well. For that reason, it is proposed to attribute the name Aratrius to the Scythian ethnic community. The second graffiti – Ἀρπατρις – means Arpatrius. It dates to the end of the 6th – first third of the 5th centuries BC. The name Arpatrius appears for the first time in the anthroponymy of the ancient world as well. Arpatrius is believed to be a composite name of the Scythian origin and is translated as the «firekeeper».

Keywords: Antiquity, early Classical period, inscriptions on pottery, Scythians, Bosporan Kingdom, Phanagoria.

REFERENCES

- Abayev V. I., 1971. Iz iranskoj onomastiki [From Iranian onomastics]. *Istoriya iranskogo gosudarstva i kultury [History of Iranian state and culture]*. B. G. Gafurov, ed. Moscow: Nauka, pp. 262–276.
- Abayev V. I., 1979. Skifo-sarmatskiye narechiya [Scythian-Sarmatian dialects]. *Osnovy iranskogo yazykoznanija: Drevneiranskiye yazyki [Fundamentals of Iranian linguistics: Ancient Iranian languages]*. V. S. Rastorguyeva, ed. Moscow: Nauka, pp. 272–364.
- Alekseyev A. Yu., 2003. Khronografiya evropeyskoj Skifii [Chronography of European Scythia]. St. Petersburg: GE. 416 p.
- Aliyev I., Pogrebova M. N., 1981. Ob etnicheskikh processakh v oblastiakh Vostochnogo Zakavkaz'ya i Zapadnogo Irana v kontse II – nachale I tysyacheletiya do n. e. [On ethnic processes in regions of East Transcaucasia and West Iran in the end of II – beginning of I millennium B.C. *Etnicheskiye problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti (II tysyacheletiya do n. e. [Ethnic problems in history of Central Asia in antiquity (II millennium BC)]*. M. S. Asimov, B. A. Litvinskiy, L. I. Miroshnikov, D. S. Rayevskiy, eds. Moscow: Nauka, pp. 126–137.
- Balakhvantsev A. S., 1998. Dakhi i arii u Tatsita [Dakhi and Aryans in Tacitus]. *VDI*, 2, pp. 152–160.
- Bosworth A. B., 1995. A historical commentary on Arrian's History of Alexander, II. Oxford: Clarendon Press. 400 p.
- Bukharin M. D., 2007. Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreyskogo morya»: tekst, perevod, kommentariy, issledovaniya [The unknown author of «The Periple of the Eritrean sea»: text, translation, commentary, research]. St. Petersburg: Aletyya. 440 p.
- Casson L., 1989. The Periplus Maris Erythraei: text with introduction, translation, and commentary. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 320 p.
- Grantovskiy E. A., 1963a. Iz istorii vostochnoiranskikh plemen na granitsakh Indii [From history of East Iranian tribes on borders of India]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta narodov Azii [Brief communications of Institute of Asian peoples]*, 61, pp. 8–30.
- Grantovskiy E. A., 1963b. Plemennoye ob'yedineniye Parçu-Parçava u Panini [Tribal unit Parçu-Parçava in Panini]. *Istoriya i kul'tura Drevney Indii [History and culture of Ancient India]*. V. V. Struve, ed. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, pp. 68–100.
- Herzfeld E., 1968. The Persian Empire. Wiesbaden: F. Steiner. 392 p.
- Il'inskaya V. A., Terenozhkin A. I., 1983. Skifiya VII–IV vv. do n. e. [Scythia of VII–IV cc. BC]. Kiev: Naukova dumka. 379 p.

- Kantorovich A. R., Maslov V. E., 2017. Mogil'nik Novozavedennoye-III kak svidetel'stvo prebyvaniya skifov v Tsentral'nom Predkavkaz'ye v kontse V – IV v. do n. e. [Cemetery Novozavedennoye-III as evidence of presence of the Scythians in Central Fore-Caucasus in late V – IV cc. BC]. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU [Historical investigations. Journal of History Faculty, MSU]*. No. 8, pp. 107–139.
- Kullanda S. V., 2016. Skify: yazyk i etnogenez [The Scythians: language and ethnic origins]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 232 p.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names. Vols. I – Vb / P. M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford.
- Mayrhofer M., 1973. *Onomastica Persepolitana*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. 358 p.
- Mayrhofer M., 1979. *Die altiranischen Namen*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. 177 p.
- Naveh J., Shaked S., 2006. *Ancient Aramaic Documents from Bactria*. 288 p.
- Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A., 1970. *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1. Text*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 382 p. (The Athenian Agora, 12.)
- Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A., 1970a. *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 2. Index and illustrations*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 468 p. (The Athenian Agora, 12.1.)
- Tavernier J., 2007. *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven: Peeters. 850 p. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, 158.)
- Vigasin A. A., 2007. *Drevnyaya Indiya: ot istochnika k istorii [Ancient India: from data source to history]*. Moscow: Vostochnaya literatura. 392 p.
- Vinogradov Yu. A., 2009. Migratsii kochevnikov Evrazii i nekotoryye osobennosti istoricheskogo razvitiya Bospora Kimmeriyskogo [Migrations of Eurasia nomads and some features of historical development of Cimmerian Bosphorus]. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporus studies]*, XXII. *Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo [Steppes of Eurasia and history of Cimmerian Bosphorus]*. V. N. Zin'ko, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 5–90.
- Zavoykina N. V., 2013. Fanagoriyskoye obshchestvo [Phanagoria society]. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 240–313. (Fanagoriya, 1.)
- Zavoykina N. V., 2016. Graffiti na keramike pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii [Graffiti on ceramics of late Archaic time from Phanagoria]. *Aziatskiy Bospor i Prikuban'ye v dorimskoye vremya [Asiatic Bosporus and Kuban region in pre-Roman time]*. D. V. Zhuravlev, U. Schlottshauer, eds. Moscow: GIM, pp. 42–46.
- Zavoykina N.V., 2019. Materialy k istorii fanagoriyskogo obshchestva doellinisticheskogo vremeni [Materials for the history of Phanagorian society in Pre-Hellenistic time], *PIFK*, 4 (66), pp. 29–45.

About the authors

Balakhvantsev Archil S., Institute for Oriental Studies Russian Academy of Sciences, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: balakhvantsev@gmail.com;

Zavoykina Natalia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zavoykina@mail.ru

С. С. Горланов, А. А. Малышев, Т. В. Мирошина

КОМПЛЕКС ЗАХОРОНЕНИЙ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА ИЗ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ У ПОСЕЛКА КУЧУРУГЫ

Резюме. В статье вводится в научный оборот комплекс погребальных сооружений, обнаруженных в ходе археологических раскопок в 1984–1985 гг. под одной из насыпей курганной группы в 2,1 км от Азовского побережья (в 1,2 км к ЮВ от пос. Кучуругы). Незначительное количество неопределенных кальцинированных костей не позволяет интерпретировать один из объектов (погребение 1) как кремацию на месте. Остальные (3) представляли собой впущенные в материковую глину погребальные камеры с входными ямами трапециевидной формы. Объекты представляют собой единый культурно-хронологический комплекс захоронений. Бытование комплекса может быть датировано в пределах эллинистической эпохи – III–II вв. до н. э. Рассмотренные материалы, в частности, набор палестрита, обряд «обол Харона», комплекс культовых терракотовых статуэток, реконструируют типичные для обширной античной ойкумены эллинские традиции. Отсутствие следов осквернения могил и предметов вооружения свидетельствует о стабильной, не омраченной военной тревогой жизни боспорских греков.

Ключевые слова: некрополь, эпоха эллинизма, склеп, погребальный обряд, набор палестрита, азиатский Боспор, обол Харона.

Археологические памятники Таманского полуострова, азиатской территории Боспорского государства, – это и античная система расселения на Таманском полуострове, которая достигает в этот период по площади и своему совершенству, пожалуй, наивысшего развития (*Гарбузов*, 2010. С. 252), и памятники погребальной культуры, – свидетельствуют о его процветании в эллинистическую эпоху (IV–II вв. до н. э.). Как правило, грунтовые и курганные некрополи расположены в непосредственной близости от поселений и городских центров, вдоль главных древних дорог. Особенная активность строительства курганных некрополей, бывших усыпальницами богатых и знатных граждан, на Таманском полуострове приходится на конец V – II в. до н. э. (*Блаватский*, 1961. С. 210, 211).

Несмотря на то что некрополи Таманского полуострова издавна привлекали внимание исследователей, их изученность крайне неравномерна. До середины XX в., когда были проведены работы экспедиции ЛГПИ им. А. И. Герцена под руководством М. М. Кубланова в окрестностях Кучугур и района Киммерийского вала, территория Фонталовского полуострова являлась своеобразным белым пятном. Очередным этапом в изучении этого региона стали исследования отрядов Таманской экспедиции ИА АН СССР.

В частности, в 1984–1985 гг. Ю. М. Десятчиковым и Т. М. Мирошиной проведены раскопки насыпей курганной группы в 2,1 км от Азовского побережья (в 1,2 км к ЮВ от пос. Кучугуры). На южном склоне возвышенности расположены 15 распаханых до уровня светло-коричневых пятен грунта курганных насыпей могильника, протяженностью с СЗ на ЮВ 520 м (*Десятчиков, 1984; Мирошина, 1985*).

Насыпи высотой от 0,2 до 1,5 м образовывали две группы: северо-западную и юго-восточную. Работы производились преимущественно в северо-западной группе, в центре которой возвышался двухметровый курган № 1, который полукольцом был окружен четырьмя курганными насыпями (№ 4–7), раскопанными в 1985 г. (рис. 1: II).

К сожалению, с момента их раскопок в полноценный научный оборот оказался введен лишь комплекс терракотовых статуэток из одного склепового захоронения под насыпью кургана № 7 (*Мирошина, Сазанов, 1990. С. 73–78*). В данной статье предлагается систематизированная публикация комплекса захоронений под одной насыпью, а также хронологическая и культурно-этническая характеристика погребального инвентаря.

Насыпь представляла собой сильно распаханное всхолмление высотой 0,7 м. Диаметр кургана около 40 м. Его форму нельзя назвать строго конической: если северная и западная полы понижаются довольно круто, то южная и восточная – пологие. Насыпь кургана образована светлой серо-коричневой слабо гумусированной супесью мощностью 0,8 м (рис. 1: III). Обнаруженные в насыпи фрагменты керамики и черепицы, датирующиеся второй половиной IV – II вв. до н. э., свидетельствуют об антропогенном происхождении насыпи. Ниже залегал слой светло-коричневой супеси (погребенная почва – ?). Материк – глина-белоглазка с известняковыми включениями – зафиксирован на глубине 1,3–1,5 м. На 0,5–1 м ниже выявлен пронизанный известняковыми потеками слой желтой супеси.

Как отметили исследователи, эта возвышенность была названа курганом условно (Там же. С. 73). Насыщенная эллинистической керамикой насыпь, по всей видимости, образована материковым грунтом, который был получен при строительстве трех камер склепов, очередные захоронения приводили к его неоднократному перемещению.

Под насыпью исследовано четыре погребальных комплекса. Погребальный обряд представлен двумя основными видами – кремацией (?) на месте и тремя комплексами захоронений в земляных склепах.

В северо-западном секторе полы на метровой глубине выявлено пятно грунта, прокаленного до оранжевого оттенка и насыщенного фрагментами кальцинированных костей и обугленных деревянных плах, ориентированное по линии СВ – ЮЗ. Плахи сохранились в виде удлинённых темно-серых (или черных)

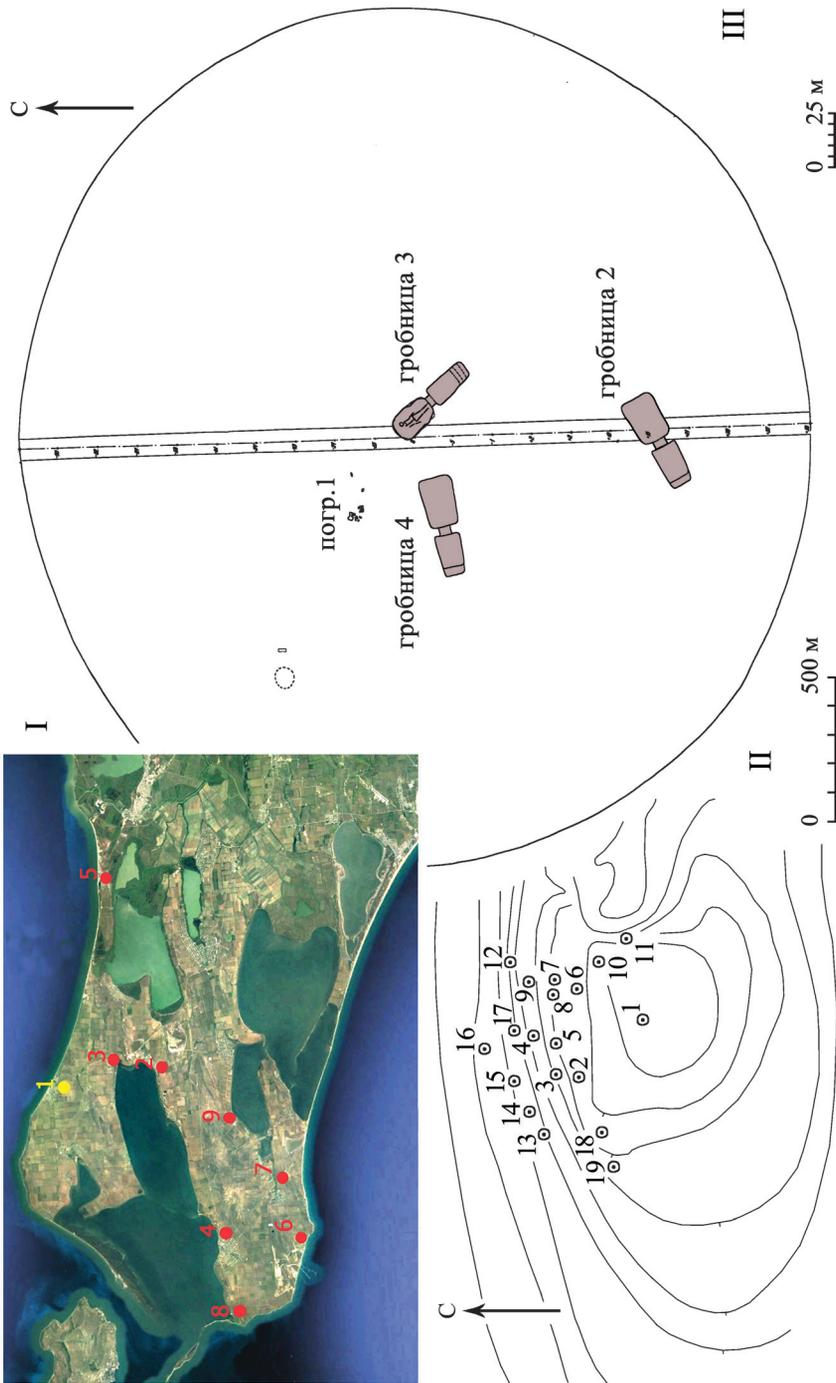

Рис. 1

I – Некрополи Таманского полуострова: 1 – у пос. Кучугуры; 2 – Фанагори; 3 – Ке; 4 – Гермонассы; 5 – Тирамбы; 6 – Волна 1; 7 – Артющенко-2; 8 – Тузлинский; 9 – Виноградное-7; II – план некрополя Кучугуры; III – курган № 7, план объектов под курганной насыпью

углистых пятен с оранжевыми контурами прокала, судя по углистым составляющим, они лежали двумя рядами, причем южный край, как правило, ниже северного. Фрагменты кальцинированных человеческих (?) костей зафиксированы в разных частях кострища.

Обнаруженные керамические сосуды являются остатками поминальной тризны: небольшая миска, декорированная черной краской, два кувшина и уложенные одна в другую миска с отогнутым наружу бортиком и покрытая снаружи черной краской лекана. Отсутствие следов прокала на поверхности сосудов свидетельствует, что они оказались в комплексе после совершения сожжения.

Несмотря на распространенность обряда трупосожжения на азиатском Боспоре в эпоху эллинизма (Сударев, 2005. С. 118), расположение трупосожжения (погребение 1) в непосредственной близости от двух склепов (погребения 3 и 4) и немногочисленность неопределенных кальцинированных костей позволяют интерпретировать их как остатки погребальной тризны.

Под насыпью кургана было открыто три земляных склепа: в центральной части насыпи располагались гробницы 3 и 4, склеп 2 – в южном секторе насыпи (рис. 1: III; 2; 3).

Входные ямы, как правило, имеют трапециевидную форму и не превышают в длину два метра. Ступени вырублены в материке, в гробницах их насчитывается от одной до трех. Вход в небольшой ($0,4 \times 0,6$ м) дромос перегороден каменным закладом.

Погребальные камеры ориентированы по общей с входной ямой и дромосом оси: две (№ 2 и 3) – по оси ВСВ – ЗЮЗ, а одна (№ 4) – ССЗ – ЮЮВ. Размеры камер около $1,5 \times 2$ м при высоте до 1,5 м, причем на этом уровне фиксируется сужение стенок на $0,2-0,25$ м. Таким образом, уровень свода камеры вряд ли превышал два метра (рис. 2; 3) (табл. 1).

В камерах выявлены от двух до семи захоронений. В результате многократных подзахоронений антропологический порядок костей зачастую нарушен, кости сдвигали к восточной стороне камеры. Следы грабительских ям не выявлены, однако незначительное количество изделий из металлов в склепах 2 и 3 позволяет предположить, что подобные проникновения все-таки были возможны еще в античную эпоху.

Для погребенных обычна поза на спине, руки и ноги свободно вдоль туловища, ориентировка: гробницы 2 и 4 – ВСВ, гробница – 3 – СЗ. Характерно наличие камки (гробница 2), в некоторых погребениях (гробница 4) под и над скелетами, а также под сосудами отмечен коричневый органический тлен. Во всех склепах зафиксированы вырубленные в дне погребальной камеры, в ЮЗ углу, «тайники» (жертвенники) размером около $0,4 \times 0,4 \times 0,8$ м. В них обнаружена многочисленная посуда, украшения и предметы быта (рис. 2; 3).

Расположение инвентаря во всех склепах практически идентично: основная масса керамического материала находилась вдоль стен камер, украшения и нумизматический материал обнаружены среди костных останков, в тайниках сосредоточены столовая посуда и предметы быта. Значительным по богатству и ассортименту оказался тайник в склепе погребения 4, где обнаружено зеркало, набор палестрита (стригиль, детали погребального венка, флаконы).

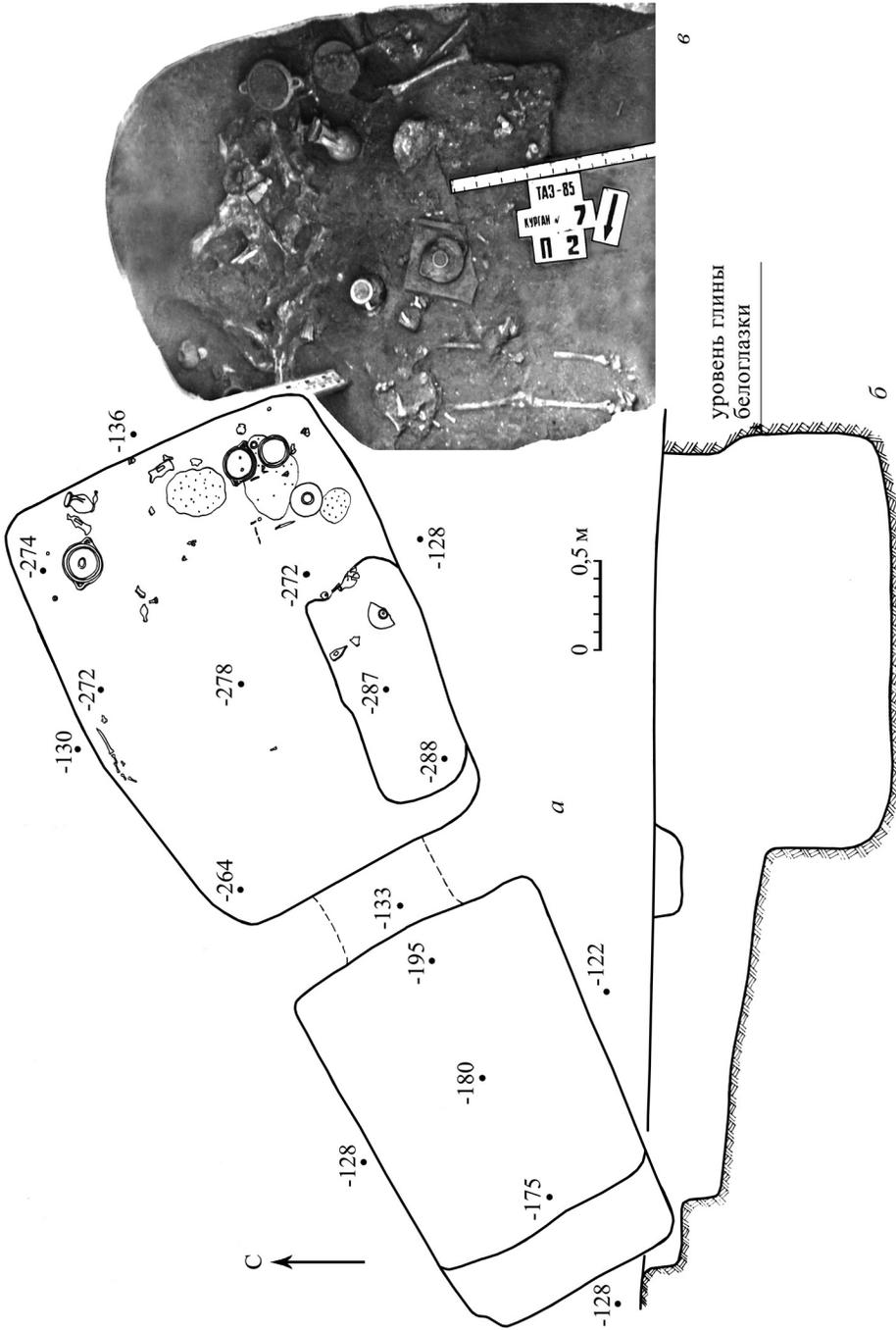
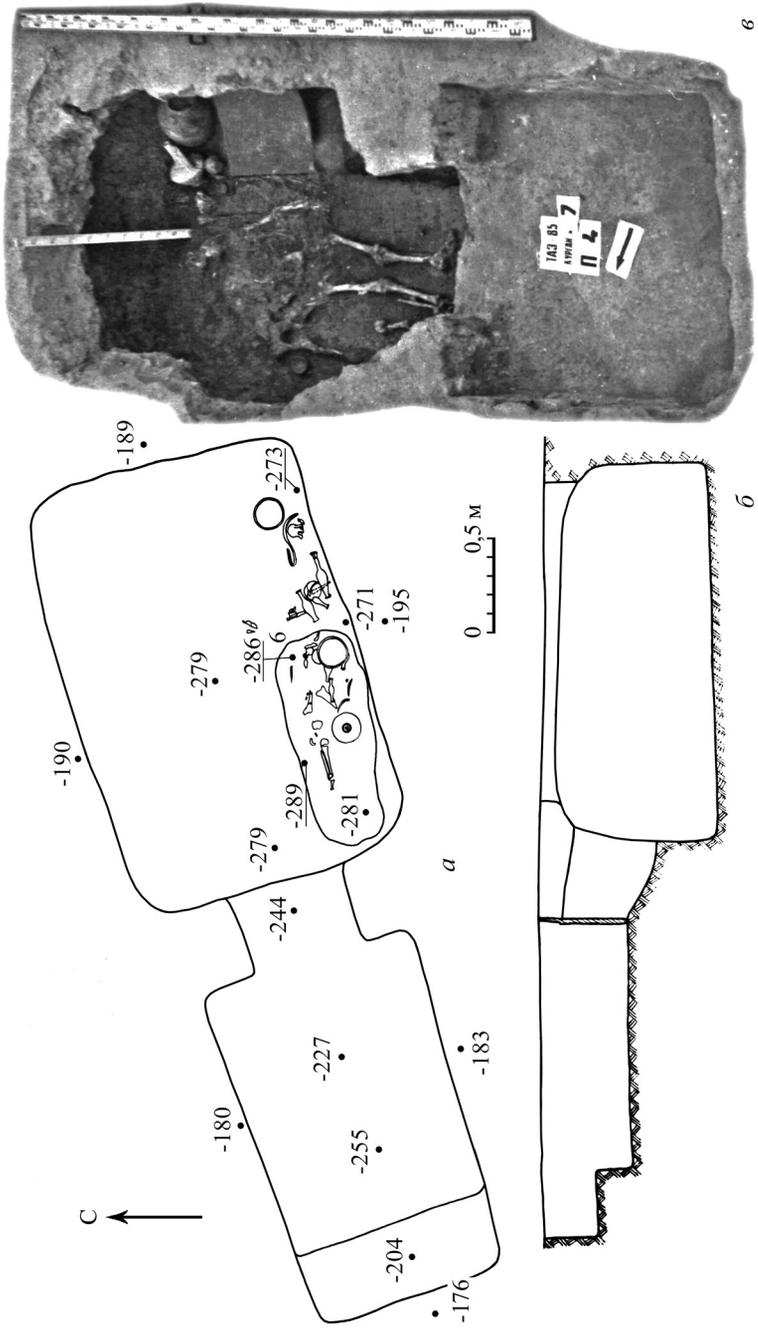

Рис. 2. Гробница 2

а — план; б — профиль; в — фото

Рис. 3. Гробница 4
а – план; б – профиль; в – фото

Таблица 1. Склепы

Погр. №	Входная яма	Дромос			Камера
	Размеры*, (м)	Размеры*, (м)	Заклад, (длина/ширина/толщина)	Ступеньки**, (м)	Размеры*, (м)
2	1,91 × 1,06–1,13 × 1,22–1,28	0,48 × 0,62 × 1,33	0,61 × 0,92 × 0,08	1 (0,35 × 1,52)	2,3 × 1,75 × 2,72–2,78
3	2,18 × 0,7–0,98 × 1,56–1,59	0,3 × 0,6 × 2,33	0,68 × 0,8 × 0,05	3 (0,2–0,23 × 1,87; 1,96; 2,12)	2,05 × 1,28 × 2,82–2,95
4	1,48 × 0,5 × 1,75–1,8	0,43 × 0,58 × 2,27–2,44	0,6 × 0,47 × 0,05	1 (0,48 × 2,04)	2,23 × 1,56 × 2,79

* Длина/ширина/высота

** Кол-во/ширина/глубина

Морфология и хронология предметов из погребальных комплексов (табл. 2)

1. Керамические изделия

1.1. Сосуды. Закрытые формы.

1.1.1. Пелика¹ (кольцевой поддон, диаметр – 7–8 см) (рис. 4: 1–3; погр. 2–4). Высота – 15–23 см, тулово овоидное, плечи покатые, незаметно переходит в стенки горла, на кольцевом поддоне, венчик – сложнопрофилированное продолжение раструбообразного горла. Линзовидные в сечении ручки имеют арочный изгиб, верхний корень крепится под венчиком, нижний – на переломе плечика к горлу (Марченко, 1956. Рис. 2: 6; Цветаева, 1966. Табл. 23: 8; Коровина, 1987. С. 88, 89; Античные государства..., 1984. Табл. XXXIX: 9 – IV–III вв. до н. э.). На тулове и горле сохранились следы довольно схематичной акварельной росписи – отдаленные реплики росписей сосудов керамики «Западного склона» (*West slope ware*), бытующие начиная с классической до раннеримской эпохи (гирлянды, пальметты и т. п.: Rotroff, 1997. P. 44–53) (рис. 4: 1–3).

1.1.2. Кубки (канфары). Ручки арочной формы, венчик в виде раструбообразно отогнутой наружу стенки горла. Прототипом этой формы являются аттические канфары (Ibid. № 267–270: конец III в. до н. э.), местные ее реплики широко известны на азиатском Боспоре (Античные государства..., 1984. Табл. XXXIX: 6; Марченко, 1956. Рис. 2: 7; Мальшев, 2007. Рис. 100: 34, 46).

1.1.2.1. Канфар (уплощенный поддон, диаметр – 3,6 см) (рис. 4: 5; погр. 4). Высота – 10 см, над короткими плечиками тулова – раструбообразно расширяющееся горло, верхний край, диаметр – 7,4 см, не профилирован.

1.1.2.2. Канфар (кольцевой поддон, диаметр – 5,5 см) (рис. 4: 4; погр. 4), высота – 16,5 см, удлиненные плечи тулова плавно переходят в короткое раструбообразно расширяющееся горло, верхний край, диаметр – 8 см, не профилирован. Тулово украшено росписью в виде стилизованной гирлянды в стиле керамики «Западного склона» (Rotroff, 1997. Fig. 20: 216).

¹ Вся описанная посуда изготовлена на круге, за исключением импортной (1.1.3.3), из оранжевой, довольно грубой глины с примесью песка.

Таблица 2. Погребальный инвентарь

№ п/п	№ погребения	1. Изделия из керамики										2. Изделия из металла										3. Бусы								
		1.1 Закрытые формы										1.2 Открытые формы			2.1 Изделия из цветных металлов			2.2 Изделия из железа				3.1. Паста, стекло	3.2. Камень							
1	1	1.1.1 Пеллика		1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.3.1	1.1.3.2	1.1.3.3	1.1.3.4	1.1.3.5	1.1.4 Корчага		1.1.5 Флакон		1.1.6 Горшок		1.2.1 Лекана	1.2.2 Миска	1.2.3 Солонка	1.2.4 Чаша	1.3. Кровельная черепица			1.4 Терракота		1.5 Пряслице		1.6. Дельта венка		
		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	2	1.1.1 Пеллика		1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.3.1	1.1.3.2	1.1.3.3	1.1.3.4	1.1.3.5	1.1.4 Корчага		1.1.5 Флакон		1.1.6 Горшок		1.2.1 Лекана	1.2.2 Миска	1.2.3 Солонка	1.2.4 Чаша	1.3. Кровельная черепица			1.4 Терракота		1.5 Пряслице		1.6. Дельта венка		
		7	7	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
3	3	1.1.1 Пеллика		1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.3.1	1.1.3.2	1.1.3.3	1.1.3.4	1.1.3.5	1.1.4 Корчага		1.1.5 Флакон		1.1.6 Горшок		1.2.1 Лекана	1.2.2 Миска	1.2.3 Солонка	1.2.4 Чаша	1.3. Кровельная черепица			1.4 Терракота		1.5 Пряслице		1.6. Дельта венка		
									1																					
4	4	1.1.1 Пеллика		1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.3.1	1.1.3.2	1.1.3.3	1.1.3.4	1.1.3.5	1.1.4 Корчага		1.1.5 Флакон		1.1.6 Горшок		1.2.1 Лекана	1.2.2 Миска	1.2.3 Солонка	1.2.4 Чаша	1.3. Кровельная черепица			1.4 Терракота		1.5 Пряслице		1.6. Дельта венка		
		2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
5	всего	1.1.1 Пеллика		1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.3.1	1.1.3.2	1.1.3.3	1.1.3.4	1.1.3.5	1.1.4 Корчага		1.1.5 Флакон		1.1.6 Горшок		1.2.1 Лекана	1.2.2 Миска	1.2.3 Солонка	1.2.4 Чаша	1.3. Кровельная черепица			1.4 Терракота		1.5 Пряслице		1.6. Дельта венка		
		10	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		3.1. Паста, стекло		2.1 Изделия из цветных металлов										2.2 Изделия из железа				3.1. Паста, стекло	3.2. Камень											
		3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		3.1. Паста, стекло		2.1 Изделия из цветных металлов										2.2 Изделия из железа				3.1. Паста, стекло	3.2. Камень											
		89	25	4	8	70	74	134	201	134	74	70	101	101	70	70	101	101	70	101	101	70	101	101	70	101	101	70	101	101

1.1.3. Сосуды с одной ручкой (кувшины).

1.1.3.1. Кувшин (уплощенный, слабо выделенный поддон, диаметр – 6 см) (рис. 4: 6; погр. 4). Высота – 16,5 см, тулово овоидное, венчик – продолжение стенок раструбообразного горла, к которому крепится верхний корень массивной ручки, овальной в сечении.

1.1.3.2. Кувшин серой глины, кольцевой слабо выделенный поддон, диаметр – 7 см (погр. 2). Высота – 14,5 см, тулово овоидное, на кольцевом поддоне, утолщенный верхний край – продолжение горла цилиндрической формы – слегка отогнут наружу.

1.1.3.3. Кувшин (уплощенный, выделенный поддон, диаметр – 4,5 см) (погр. 2). Высота – 13,8 см, тулово овоидное с покатыми плечами, которые незаметно переходят в стенки раструбообразного горла, верхний край, диаметр – 5,8 см, отогнут наружу, не профилирован. Ручка, овальная в сечении, изогнута почти под прямым углом.

1.1.3.4. Кувшин (кольцевой поддон, диаметр – 5 см) (рис. 4: 12; погр. 3). Высота – 14,5 см, тулово овоидное, переход в цилиндрическое горло четко очерчен, верхний край горла, диаметр – 7,2 см, заметно отогнут наружу. Ручка, овальная в сечении, изогнута почти под прямым углом.

1.1.3.3. Лагинос (кольцевой поддон, диаметр – 8,1 см) (рис. 4: 13; погр. 4), высота – 27,5 см, венчика – 3,5 см, с узким высоким горлом и широким приземистым туловом. Сосуды, по всей видимости, ионийского производства (Хиос и т. п.), датируются второй половиной II – началом I в. до н. э. (Ibid. № 1550, 1554).

1.1.4. Корчага серой глины, с овоидной формой тулова, на котором имеются следы лощения (погр. 2).

1.1.5. Флаконы (унгвентарии).

1.1.5.1. С довольно широким, близким к овоидному туловом, зачастую покрытым пятнами черного лака (Ibid. Cathegory 1–2: Fig. 62) (рис. 4: 7–10; погр. 2, 4). Дата в пределах конца IV – начала II в. до н. э. (Ibid. P. 150, 151).

1.1.5.2. Веретенообразной формы с выраженным максимальным диаметром тулова (Ibid. Cathegory 3–4: Fig. 63) (рис. 4: 14, 15; погр. 2, 4). Подобные флаконы бытуют в пределах конца III – середины II в. до н. э. (Ibid. P. 150, 151).

1.1.5.3. Узкой веретенообразной формы (Ibid. Cathegory 5: Fig. 64) (рис. 4: 16; погр. 2–4). Дата в пределах второй четверти II – начала I в. до н. э. (Ibid. P. 150, 151).

1.1.6. Горшочек красной глины с бежевым ангобом (рис. 4: 7–11; погр. 2), высота – 4,4 см, удлиненные плечи тулова плавно переходят в короткое раструбообразно расширяющееся горло, верхний край, диаметр – 3,5 см, оформлен в виде отогнутого наружу полувалика.

1.2. Открытые формы.

1.2.1. Лекана (кольцевой, выделенный поддон, диаметр – 6,2–7,6 см), высота – 6,4–8,2 см (рис. 5: 1, 3–5; погр. 1–4). Чаще всего тулово имеет высокий, украшенный росписью вертикальный бортик, на широком верхнем крае предусмотрен выступ – упор для крышки. Реже верхний край слегка загнут внутрь, иногда внешняя поверхность тулова украшена двумя валиками. Две горизонтальные петельчатые ручки профилированы желобками. На наружной поверхности прослежены следы красно-коричневого лакообразного покрытия, тулово

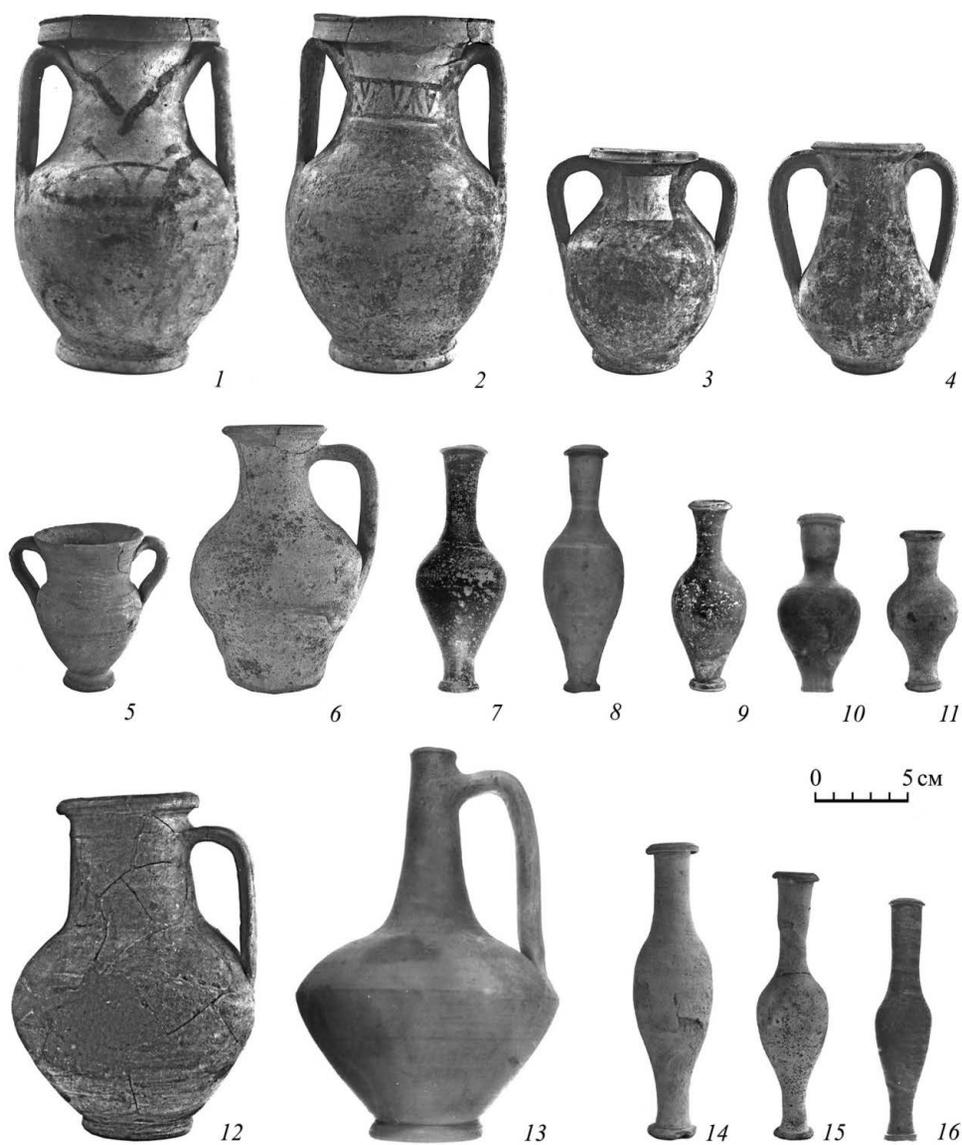

Рис. 4. Инвентарь захоронений. Закрытые сосуды

Рис. 5. Инвентарь захоронений. Открытые сосуды

украшено акварельной росписью однотонной черной краской в виде или горизонтальной гирлянды растительного (?) орнамента (рис. 5: 5), или примитивных полуов (рис. 5: 1, 3, 4). Как правило, лекана имела крышку, диаметр – 14,4–17,5 см, с центральной ручкой, напоминающей кольцевой поддон (рис. 5: 2). Поверхность украшена концентрическими кругами или расположенными крестообразно окружностями и трилистником.

Подобная форма – типичная находка для эллинистических комплексов некрополей азиатского Боспора III–II вв. до н. э. (*Кобылина*, 1951. С. 245. Рис. 1: 2–4; *Марченко*, 1956. Рис. 2: 11; *Античные государства...*, 1984. Табл. XXXIX: 8, 9).

1.2.2. Миска (уплощенный поддон, диаметр – 5,5 см) (рис. 5: 6; погр. 2), высота – 6 см, верхний край, диаметр – 16,5 см, загнут внутрь.

1.2.3. Солонка (кольцевой поддон, диаметр – 3,7 см) (рис. 5: 7; погр. 4), высота – 2,8 см, верхний край загнут внутрь (*Rotroff*, 1997. № 996. P. 341. Fig. 63: ок. 300 г. до н. э.).

1.2.4. Чаша полусферической формы (слабо выделенный кольцевой поддон, диаметр – 2,5 см) (рис. 5: 8; погр. 4), высота – 5,5 см, верхний край слегка отогнут наружу. Она напоминает эллинистические штампованные чаши (*Rotroff*, 1982. № 187, 324 332), однако на внешней поверхности между прорезными

поясками нанесены две горизонтальные полосы нарезного орнамента (*Mayet*, 1975. Forme 33. P. 69–71. № 256–274: первая треть I в. до н. э.).

1.3. Кровельная черепица (солен) (погр. 2, 4). Очертания боковых бортиков под прямым углом (ср.: *Цветаева*, 1966. Табл. 40: 5).

1.4. Терракотовые статуэтки (одиночные и групповые) (погр. 2, 4) (*Мирошина*, *Сазанов*, 1990. С. 74).

1.4.1. Группа из двух женских фигур: одна из женщин в остроконечном уборе и длинном хитоне, задрапированная в гиматий, поддерживает другую женщину без чувств, также в длинном хитоне и пеплосе, наброшенном на голову. Местами сохранилась бурая краска (в разных местах). Терракота полая внутри. Высота – 14,4 см.

1.4.2. Сидящий в кресле гермафродит (хитон и гиматий слабопрофилирован); в левой руке яблоко или гранат, правая согнута и лежит на круглом неясном предмете; особенно подчеркнут живот. Низ терракоты оббит, глина коричнево-красная, сверху – бежеватый ангоб. Сохранившаяся высота около 8 см.

1.4.3. Терракотовая женская фигура. Стоит, опираясь на правую ногу (левая чуть согнута в колене), в длинном хитоне. Гиматий перекручен и придерживается левой рукой, правая рука заложена за спину. Терракота полая, со следами бурой краски. Высота – 15,6 см.

1.4.4. Женская фигура в длинном хитоне и гиматии, который она придерживает левой рукой. Вся фигура и голова склонены вправо, на голове остроконечный убор. На поверхности сохранились следы ангоба. Статуэтка полая внутри, высота – 13,8 см. Глина светло-коричневая.

1.4.5. Женская фигура в длинном хитоне и гиматии, переброшенном через левое плечо. Правая рука опущена. Терракота полая. Следы светлого ангоба. Высота – 15,8 см. Глина светло-коричневая.

1.4.6. Сидящий на троне Эрот с обломанными крыльями, в длинном хитоне и гиматии, закрученном на левой руке. Глина коричнево-красная, небольшие следы светлого ангоба. Высота – 11,6 см. В левой руке – яблоко (?), в правой – утка с длинной шеей (?).

1.4.7. Группа из стоящей женской фигуры в длинном, высоко подпоясанном хитоне. Риматий обернут и переброшен вокруг тулова.левой рукой она прижимает к себе девочку, которая рукой держится за ворот хитона женщины. В правой руке женщина держит бородатую протому Сатира. Глина светло-коричневая со следами белого ангоба, статуэтка полая внутри. Высота – 14,4 см.

1.4.8. Группа из стоящей женской фигуры в длинном, высоко подпоясанном хитоне и девочки, которую она прижимает к себе сбоку левой рукой, оттиснутая в той же форме, что и № 7, со следами бурой краски, но несколько крупнее. Высота – 14,6 см.

Все статуэтки отнесены к заключительному этапу танагрской коропластики – середина III – середина II в. до н. э., две из них изготовлены в одной мастерской, судя по глине, боспорской (*Мирошина*, *Сазанов*, 1990. С. 78).

1.5. Пряслице серой глины, усеченно-коническое (погр. 2), нижнее основание – диаметр – 2,35 см, верхнее – диаметр – 1 см, отверстие – диаметр – 0,45 см (*Сымонович*, 1983. Табл. XXIII: 30).

1.6. Деталь венка в виде «плодов» (маслина?) из глины с тонкой позолотой (погр. 4), сохранились отверстие и бронзовая проволочка крепления. Подобный декор известен в III в. до н. э. (*Младенова*, 1963. Обр. 102. С. 291. Табл. 157. № 884).

2. Изделия из металла.

2.1. Изделия из цветных металлов.

2.1.1. Монеты².

2.1.1.1. Боспор. ав.: лук стрела ПАН; rev.: молодой Пан в венке (9 экз.) с обрубленными литиками по ободку (*Зограф*, 1951. Табл. XLI: 5: третья четверть III в. до н. э.; *Шелов*, 1956. Табл. VI: 66: первая половина III в. до н. э.) (рис. 6: 8, 10; погр. 3, 4).

2.1.1.2. Боспор. ав.: лук стрела ПАН; rev.: молодой Пан в венке с обрубленными листиками по ободку (*Зограф*, 1951. Табл. XLII: 9; *Шелов*, 1956. VI: 66: первая половина III в. до н. э.) (погр. 4).

2.1.2. Зеркало литое бронзовое, диаметр 9 × 8,8 см, с выделенной площадкой подтреугольной формы с двумя отверстиями для крепления атташа. В центральной части, между отверстиями – вписанные друг в друга круги, под которыми трилистник (рис. 6: 9; погр. 4) (*Pianu*, 1990. Tav. LXXII: 1. P. 177: последняя треть IV в. до н. э.).

Изделие бронзовое (ручка зеркала?) (литье, ковка, гравировка), длина – 11 см, ширина – 3,1 см (рис. 6: 11; погр. 4). Большая часть изделия оформлена в виде двустороннего лезвия, с другой стороны – в виде тонкого штыря (ручка). Оба конца завершаются двузубцем, который позволял вставить их в детали из органических материалов (оформление ручки и атташа). Лицевым, таким образом, оставался узкий, покрытый орнаментом из поперечных и диагональных бороздок участок изделия.

2.1.3.1. Перстни со стремявидной тонкой шинкой и узким выступающим или уплощенным щитком, украшенным вставкой или врезанным изображением (рис. 6: 3, 4; погр. 4). Находки перстней подобной формы известны только в некрополе Фанагории, что позволило исследователям высказать предположение об их производстве на азиатском Боспоре (*Кобылина*, 1951. С. 245, 246. Рис. 4: 4, 5; *Марченко*, 1956. С. 116, 117. Рис. 3: 25).

2.1.3.2. Перстни бронзовые (рис. 6: 2; погр. 3) массивные, стремявидной формы с широкой линзовидной в сечении шинкой и большим овальным щитком (*Неверов*, 1984. Табл. CLX: 21: III–II вв. до н. э.). Наиболее ярким их вариантом являются «птолемеевские» массивные перстни с портретными изображениями (*Boardman*, 1970. P. 214).

2.1.4.1. Серьги с напаянным на проволоку украшением (золото) – с довольно схематичным односторонним изображением фигурки человека во весь рост, высота – 1,7 см. Руки слегка согнуты в локтях, кисти рук на поясе (рис. 6: 6; погр. 4). Крупная голова закутана, на груди, на уровне плеч, два вертикальных выступа (*Мордвинцева*, 2010. Тип 2. С. 16: 6, 1. 6, 2. Рис. 10: II в. до н. э. – I в. н. э.).

² Определения выполнены к. и. н. В. К. Голенко.

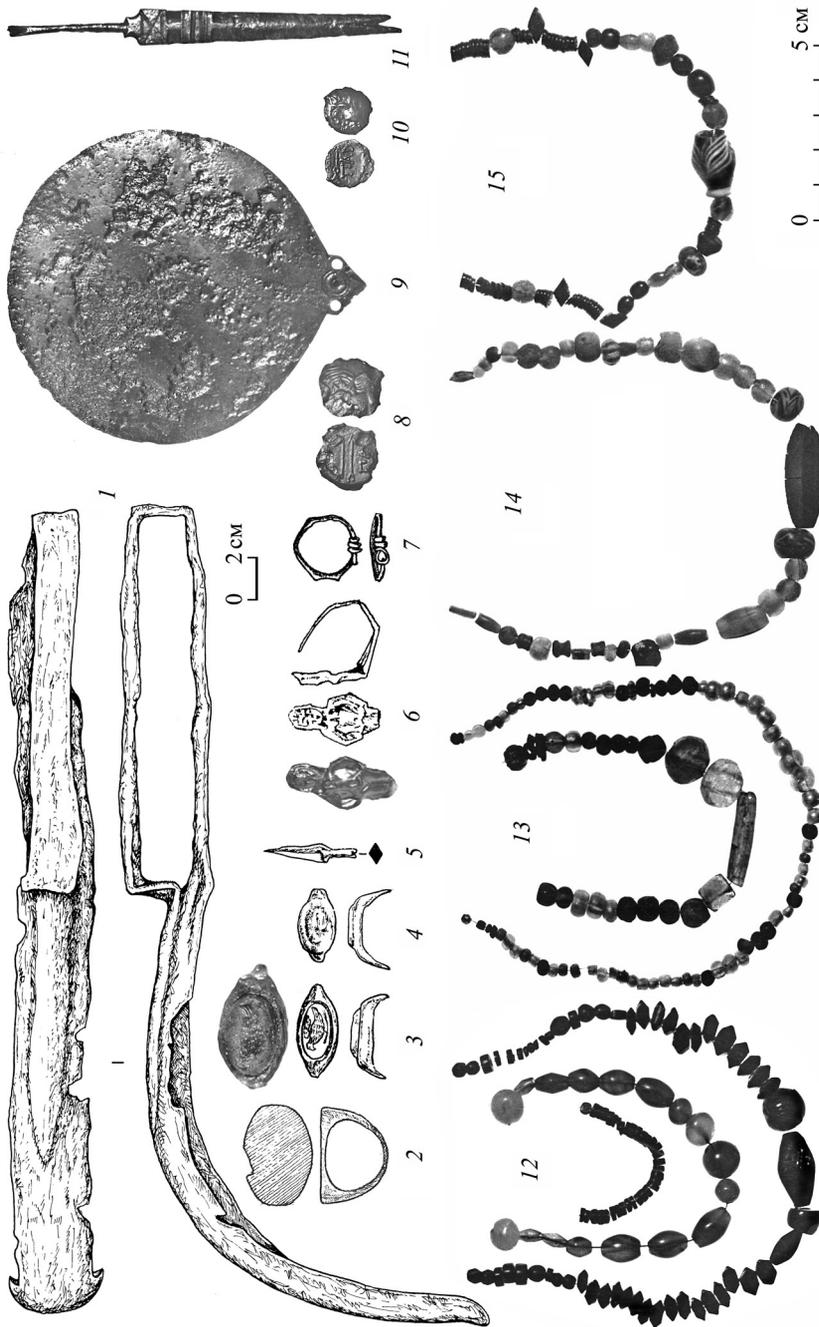

Рис. 6. Инвентарь захоронений

1 – стригиль (погр. 4); 2 – перстень (погр. 3); 3, 4 – перстни (погр. 4); 5 – наконечник стрелы (погр. 4); 6 – серьга (погр. 4); 7 – серьги (погр. 3); 8, 10 – монеты (погр. 4); 9 – диск зеркала (погр. 4); 11 – ручка (?) зеркала (?) (погр. 4); 12 – шпатель (?) (погр. 4); 13, 14 – наборы бус (погр. 2); 15, 16 – наборы бус (погр. 4)

2.1.4.2. Серьга бронзовая круглопроволочная (рис. 6: 7; погр. 2, 3), диаметр около 1,8 см, с креплением замка «петля-крючок» (Там же. Тип 2. С. 16: 6,1, 6,2. Рис. 10: II в. до н. э.).

2.1.5. Детали венка бронзовые с позолотой: лавролистные, длина – 4,3 см, ширина – до 2,1 см, с округлыми вырезами сбоку и у основания (для крепления?) (погр. 4). Важный элемент социальной практики древних греков, несвойственный быту варварского окружения античных центров Северного Причерноморья (Там же. С. 10–11).

2.1.6. Изделие из серебра (?) (шпатель?) (рис. 6: 12; погр. 4), общей длиной – 7,2 см. Рабочая часть, длина – 4 см, раскована, ланцетовидной формы. Ручка круглопроволочная, имеет утолщение в торце, а в средней части – три поперечных утолщения разной ширины. По всей видимости, либо медицинский, либо косметический инструмент (*Hempel*, 2001. Taf. 24).

2.2. Изделия из железа.

2.2.1. Стригиль (рис. 6: 1; погр. 4), длиной 15 см, изготовлен из одной полочки металла. Скребок имеет мягкий арочный изгиб, конец слегка отогнут, сечение скребка арочной формы. Рукоять, длиной 11 см, выкована в виде прямоугольной в сечении рамки из полоски металла, один конец которой – скребок, второй – заострен и припаян к внешней стороне скребка в качестве ребра жесткости. Стригиль (часть набора палестрита) – неотъемлемая составляющая эллинского быта как в Средиземноморье, так и в Причерноморье V–III вв. до н. э. (см. сводку: *Трейстер*, 2008. С. 106, 107).

2.2.2. Ножи с прямым и косым обушком, длина – 7–11 см (погр. 2, 4).

2.2.3. Игла (погр. 2,4), сохранившаяся длина – 1,8 см, диаметр – 0,3–0,15 см.

2.2.4. Наконечник стрелы железный, длина – 3 см, втульчатый, жало короткое, ромбическое в сечении (рис. 6: 5; погр. 4), бытуют в пределах II хронологической группы (Группа А, тип III: *Марченко*, 1996. Рис. 15, 34. С. 338 – вторая четверть III – середина II в. до н. э.).

В комплексах погребений № 2 (рис. 6: 13, 14) и № 4 (рис. 6: 15, 16) обнаружены довольно представительные наборы бус. Их анализ, как и комплекс терракот, должен стать объектом самостоятельного исследования.

Таким образом, рассмотренные выше объекты представляют собой единый культурно-хронологический комплекс захоронений. Бытование комплекса может быть датировано в пределах эллинистической эпохи – III–II вв. до н. э. Рассмотренные материалы, в частности набор палестрита (стригиль и сосуды для благовоний), комплекс культовых терракотовых статуэток, распространение обряда «обол Харона», отражают типичные для обширной античной ойкумены эллинские традиции. В керамическом комплексе не обнаружена лепная посуда, доля импортных изделий (главным образом унгентарии), невелика, явно доминируют местные реплики средиземноморской керамики (леканы, кубки-канфары, пелики). Отсутствие следов осквернения могил и предметов вооружения свидетельствует о стабильной, не омраченной военной тревогой жизни боспорских греков.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. 392 с. (Археология СССР.)
- Блатовский В. Д., 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР. 230 с.
- Гарбузов Г. П., 2010. Землепользование // Античное наследие Кубани. Т. 2 / Ред.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов, Е. И. Соломатина. М.: Наука. С. 236–256.
- Десятчиков Ю. М. Отчет о исследовании курганов у пос. Кучугуры 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10752, № 14070.
- Зограф А. Н., 1951. Античные монеты. М.; Л.: АН СССР. 264 с. (МИА; № 16.)
- Кобылина М. М., 1951. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 236–241. (МИА; № 19.)
- Коровина А. К., 1987. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып. 8. С. 71–109.
- Мальшев А. А., 2007. Погребальный инвентарь Раевского некрополя: керамические сосуды, оружие, предметы быта и украшения // Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя. М.: ИА РАН; Тула: Гриф и К. (Некрополи Черноморья; т. I.)
- Марченко И. Д., 1956. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 102–127. (МИА; № 57.)
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 336 с.
- Мирошина Т. В. Отчет о работе Кучугурского отряда Таманской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10752, № 10752б, № 10752в.
- Мирошина Т. В., Сазанов А. В., 1990. Терракоты из некрополя у пос. Кучугуры // КСИА. Вып. 197. С. 73–78.
- Младенова Я., 1963. Погребальные венцы от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947–1949. София: Българската академия на науките. С. 287–292.
- Мордвинова В. И., 2010. Предметы торевтики и ювелирные украшения Прикубанья (по материалам КГИАМЗ) // Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум. С. 9–50. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; вып. 4.)
- Неверов О. Я., 1984. Металлические перстни и печати // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 239–240.
- Сударев Н. И., 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства: (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка. 174 с.
- Трейстер М. Ю., 2008. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трехбратние курганы. Курганный группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь; Бонн: Универсум. С. 105–122.
- Цветашева Г. А., 1966. Боспор // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / Отв. ред. И. Б. Зеест. М.: Наука. С. 11–21. (САИ; вып. Г1-20.)
- Шелов Д. Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: АН СССР. 221 с.
- Boardman J., 1970. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. Thames&Hudson, London.
- Hempel G. H., 2001. Die Nekropole von Tarent im 2. und 1. Jahrhundert v. Chr. Studien zur materiellen Kultur. Taranto: Scorpione. 314 S.
- Mayet F., 1975. Les ceramiques a parois fines dans la Peninsule Iberique. Paris: De Boccard. 190 p.
- Pianu G., 1990. La necropoli meridionale di Eraclea. 1: Le tombe di secolo IV e III a.C. Roma. 337 p.
- Rotroff S. L., 1982. Hellenistic pottery. Athenian and imported moldmade bowls. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 136 p. (The Athenian Agora; vol. XXII.)

Rotroff S. L., 1997. Hellenistic pottery athenian and imported wheelmade table ware and related material. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 2 vols. (The Athenian Agora; vol. XXIX.)

Сведения об авторах

Горланов Сергей Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: gsstraur@mail.ru;

Малышев Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: маа64@mail.ru;

Мирошина Татьяна Васильевна – независимый исследователь

S. S. Gorlanov, A. A. Malyshev, T. V. Miroshina

THE GRAVE ASSEMBLAGE OF THE HELLENISTIC PERIOD
FROM THE KURGAN CEMETERY NEAR THE VILLAGE OF KUCHUGURY

Abstract. The paper introduces into scientific discourse an assemblage of funerary constructions discovered by archaeological excavations under one of the mounds of a kurgan group located 2.1 km from the coast of the Sea of Azov (1.2 km southeast of the village of Kuchugury) in 1984–1985. Indeterminate calcined bones that are few in number do not make it possible to interpret one of the finds (burial 1) as cremation *in situ*. The remainder three burials are secondary burial chambers with trapezoidal entry pits made in native clay. These burials form part of a single cultural and chronological assemblage of graves. The assemblage can be dated to the Hellenistic Period, i.e. the 3rd–2nd centuries BC. The examined materials, in particular, a set of palaestrite, the Charon's obol rite, an assemblage of cult terracotta statuettes reconstruct Hellenistic traditions typical for the vast Ancient Greek oecumene. Absence of grave desecration signs and weaponry is an evidence of Bosporan Greeks' stable life not shadowed by military concerns.

Keywords: cemetery, Hellenistic period, vault, funerary rite, set of palaestrite, Asian Bosporan Kingdom Charon's obol.

REFERENCES

- Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Classical states of North Pontic region] / G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, 1984. 392 p. (Arkhеologiya SSSR.)
- Blavatskiy V. D., 1961. Antichnaya arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya [Antique archaeology of North Pontic region]. Moscow: AN SSSR. 230 p.
- Boardman J., 1970. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. Thames&Hudson, London.
- Desyatchikov Yu. M. Otchet o issledovanii kurganov u pos. Kuchugury 1984 g. [Report on investigations of kurgans near settlement Kuchugury, 1984]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Garbuzov G. P., 2010. Zemlepol'zovaniye [Land use]. *Antichnoye naslediyе Kubani [Classical heritage of Kuban]*, 2. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznetsov, E. I. Solomatina, eds. Moscow: Nauka, pp. 236–256.
- Hempel G. H., 2001. Die Nekropole von Tarent im 2. und 1. Jahrhundert v. Chr. Studien zur materiellen Kultur. Taranto: Scorpione. 314 p.

- Kobylyina M. M., 1951. Raskopki «Yuzhnogo» nekropolya Fanagorii v 1947 g. [Excavations of «Southern» necropolis of Phanagoria in 1947]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on archaeology of North Pontic region in Classical epoch]*, 1. Moscow: AN SSSR, pp. 236–241. (MIA, 19.)
- Korovina A. K., 1987. Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964–1965) [Necropolis of Phanagoria (excavations of 1964–1965)]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina [Communications of Pushkin State museum of fine arts]*, 8, pp. 71–109.
- Malyshev A. A., 2007. Pogrebal'nyy inventar' Rayevskogo nekropolya: keramicheskiye sosudy, vooruzheniye, predmety byta i ukrasheniya [Funerary gifts of Rayevskiy necropolis: ceramic vessels, weaponry, objects of everyday use and ornaments]. *Yugo-Vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoye vremya: po materialam Rayevskogo nekropolya [South-Eastern periphery of Bosporus in Hellenistic time: based on materials from Rayevskiy necropolis]*. Moscow: IA RAN; Tula: Grif i K. (Nekropoli Chernomor'ya, I.)
- Marchenko I. D., 1956. Raskopki Vostochnogo nekropolya Fanagorii v 1950–1951 gg. [Excavations of Eastern necropolis of Phanagoria in 1950–1951]. *Fanagoriya [Phanagoria]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 102–127. (MIA, 57.)
- Marchenko I. I., 1996. Siraki Kubani [The Siraks on Kuban]. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet. 336 p.
- Mayet F., 1975. Les ceramiques a parois fines dans la Peninsule Iberique. Paris: De Boccard. 190 p.
- Miroshina T. V. Otchet o rabote Kuchugurskogo otryada Tamanskoy ekspeditsii v 1985 g. [Report on Kuchugury group of Taman expedition in 1985]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Miroshina T. V., Sazanov A. V., 1990. Terrakoty iz nekropolya u pos. Kuchugury [Terracottas from necropolis near settlement Kuchugury]. *KSIA*, 197, pp. 73–78.
- Mladenova Ya., 1963. Pogrebalnite ventsi ot nekropola na Apoloniya [Burial headbands from necropolis of Apollonia]. *Apoloniya. Razkopkite v nekropola na Apoloniya prez 1947–1949 [Apollonia. Excavations in necropolis of Apollonia in 1947–1949]*. Sofia: B'lgarskata akademiya na naukite, pp. 287–292.
- Mordvintseva V. I., 2010. Predmety torevtiki i yuvelirnyye ukrasheniya Prikuban'ya (po materialam KGIAMZ) [Items of toreutics and jewelry ornaments from Kuban region (based on KGIAMZ materials)]. *Sokrovishcha drevney Kubani [Treasures of ancient Kuban]*. Simferopol; Krasnodar: Universum, pp. 9–50. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope, 4.)
- Neverov O. Ya., 1984. Metallicheskiye perstni i pechati [Metal finger-rings and seals]. *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Antique states of North Pontic region]*. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 239–240.
- Pianu G., 1990. La necropoli meridionale di Eraclea, 1. Le tombe di secolo IV e III a.C. Roma. 337 p.
- Rotroff S. L., 1982. Hellenistic pottery. Athenian and imported moldmade bowls. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 136 p. (The Athenian Agora, XXII.)
- Rotroff S. L., 1997. Hellenistic pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related material. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 2 vols. (The Athenian Agora, XXIX.)
- Shelov D. B. 1956. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e. [coin minting of Bosporus, VI–II cc. Bc]. Moscow: AN SSSR. 221 p.
- Sudarev N. I., 2005. Gruntovyye nekropoli bosporskikh gorodov VI–II vv. do n. e. kak istoricheskiy istochnik: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ground necropolises of Bosporan cities of VI–II cc. BC as historical source: PhD thesis]. Moscow. 26 p.
- Symonovich E. A., 1983. Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva: (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo) [Population of capital city of late Scythian kingdom: (based on materials of Eastern cemetery of Neapolis Scythian)]. Kiev: Naukova dumka. 174 p.
- Treyster M. Yu., 2008. Izdeliya iz bronzy, kosti i ukrasheniya [Artifacts of bronze, bone and ornaments]. *Trekhratniye kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV – III vv. do n. e. v Vostochnom Krymu [Trekhratniye kurgans. Kurgan group of second half of V – III cc. BC in Eastern Crimea]*. Simferopol; Bonn: Universum, pp. 105–122.
- Tsvetayeva G. A., 1966. Bospor [Bosporus]. *Keramicheskoye proizvodstvo i antichnyye keramicheskiye stroitel'nyye materialy [Ceramic production and antique ceramic building materials]*. I. B. Zeyest, ed. Moscow: Nauka, pp. 11–21. (SAI.)
- Zograf A. N., 1951. Antichnyye monety [Antique coins]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 264 p. (MIA, 16.)

About the authors

Gorlanov Sergey S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: gsstraur@mail.ru;

Malyshev Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maa64@mail.ru;

Miroshina Tatyana V. – independent researcher

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова

ТАЙНИК В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ СКЛЕПЕ ФАНАГОРИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Резюме. Статья посвящена предварительной публикации тайника из позднеантичного склепа Фанагории. Глубокий грунтовый склеп конца IV – первой половины V в. н. э. был исследован на Восточном некрополе в 2019 г. Он имел две погребальные камеры, одна из которых сохранилась в первоначальном виде. В ней обнаружено семь захоронений в деревянных гробах, сопровождавшихся богатым погребальным инвентарем, в том числе золотыми украшениями. В полу камеры склепа был открыт тайник. В нем обнаружен длинный всаднический меч с золотым навершием на длинной деревянной рукояти. Рядом с мечом лежали элементы снаряжения воина. Престижное оружие имеет восточное происхождение и принадлежит к группе иранских мечей ранней сасанидской традиции с характерным навершием. Подобные мечи с очень длинными рукоятями известны на изображениях сасанидских царей. Экземпляр оружия из тайника уникален для Азиатского Боспора эпохи Великого переселения народов. Самые близкие аналогии найдены в тайнике склепа 145 из некрополя Пантикапея. Похожее оружие происходит из памятников Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Приуралья. Меч из Фанагории является очередным свидетельством культурных связей Боспорского царства не только с Восточной Римской Империей, но и с Державой Сасанидов.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, позднеантичный период, эпоха Великого переселения народов, некрополь, склеп, тайник, всадник, оружие, меч.

История позднеантичного Боспора до сих пор во многом остается «загадочным» периодом, завершающим античную эпоху на берегах Боспора Киммерийского. За более чем столетнюю историю раскопок этих древностей в Северном Причерноморье накоплен большой массив археологических материалов. Самые яркие находки обнаружены, конечно, в погребальных памятниках эпохи Великого переселения народов. К сожалению, многие из наиболее интересных для исследователей древностей этого времени происходят из ранних раскопок начала XX в. (*Засецкая*, 1993). Археологический контекст этих предметов зачастую

весьма размыт отсутствием важных для этой науки деталей. В некоторых случаях новые открытия в поле дают ученым возможность увидеть давно известные материалы в другом ракурсе, иногда переосмыслить их, получив в совокупности принципиально новую информацию. Именно поэтому результаты современных полевых исследований приобретают особенную актуальность для изучения позднеантичного Боспора.

Значимое в этом отношении открытие сделано Фанагорийской экспедицией ИА РАН в сезоне 2019 г. У древней дороги на Восточном некрополе столицы Азиатского Боспора была исследована глубокая гробница позднеантичного времени. Грунтовые склепы являются самыми престижными погребальными сооружениями Фанагории этого времени (Ворошилов, Ворошилова, 2015. С. 17, 18), многие из них, даже ограбленные в древности, содержат богатый и разнообразный погребальный инвентарь (Ворошилова, 2013). Большой грунтовый склеп 315/2019 имел две погребальные камеры, одна из которых сохранилась в первоизданном виде, не пострадав от действий грабителей. Подобная сохранность усыпальницы – редкое явление. В подавляющем большинстве случаев грунтовые гробницы попадают в руки ученых уже полностью разоренными. Зачастую грабители проникали в склепы спустя непродолжительное время после совершения захоронений, иногда не один раз. Одной из возможных причин феноменальной сохранности склепа могла быть эпидемия, жертвами которой стали погребенные люди. Боязнь заразиться от умерших членов семьи, которой принадлежал склеп, могла остановить грабителей от вторжения в усыпальницу. Хотя нельзя исключать и другого сценария развития событий, спасшего часть гробницы от разорения.

В каждой из двух погребальных камер склепа обнаружено по семь человек, почти две трети из них принадлежат детям разного возраста. В интересующей нас северной камере помимо захоронений в деревянных гробах и многочисленного погребального инвентаря, установленного между ними и в коридоре перед камерой, был обнаружен тайник, которому и посвящена публикация. Сама по себе находка тайника в античных склепах Боспора Киммерийского явление не частое, а обнаружение древнего схрона с полностью уцелевшим содержимым – действительно редкое событие.

Прежде чем описывать сам тайник, стоит сказать несколько слов о контексте, в котором он был обнаружен. Не вызывает сомнений, что склеп 315/2019, в котором был обнаружен тайник, принадлежал не рядовой семье жителей Фанагории. На состоятельность и высокий социальный статус владельцев усыпальницы указывает не только монументальность глубокого погребального сооружения, но и многочисленный богатый погребальный инвентарь. Его предварительный анализ позволяет датировать гробницу концом IV – первой половиной V в. н. э.

Из всех деревянных гробов северной камеры только два принадлежали взрослым людям – мужчине и женщине, умершим в возрасте около пятидесяти лет¹. Гробы этой пары располагались в восточной половине камеры, они были установлены вплотную друг к другу, умершие лежали головой на юг – ко входу (рис. 1: 1). Гроб мужчины был установлен первым – к восточной

¹ Антропологические определения сделаны заведующей лабораторией контекстуальной антропологии ИА РАН д. и. н. М. В. Добровольской.

1

2

Рис. 1. Склеп 315 из раскопок Фанагории в 2019 г.

1 – северная погребальная камера после расчистки верхнего уровня захоронений; 2 – тайник в полу погребальной камеры после расчистки

продольной стене усыпальницы. Гроб с телом его спутницы занесли позже – он обнаружен стоящим непосредственно перед входом в погребальное пространство. Не останавливаясь на описании женского захоронения с великолепным золотым убранством², характерным прежде всего для населения позднеантичного Боспора (Мастыкова, 2014. С. 147), кратко обратимся к погребению мужчины, которое играет ключевую роль для рассмотрения непосредственно тайника склепа. Мужчина, ушедший из жизни в зрелом для своего времени возрасте, достоверно был воином-всадником. На это недвусмысленно указывают серебряные элементы ременных гарнитуров, обнаруженные на останках человека, – поясная, портупейная и обувные пряжки с наконечниками ремней. Все эти элементы являются атрибутами всаднической культуры эпохи Великого переселения народов. Следует отметить, что портупейная пряжка основательно сработана, она имеет следы частого использования, свидетельствующие в пользу того, что мужчина мог быть профессиональным воином, часто носившим (использовавшим?) свое оружие, крепившееся к портупее. Находка меча была ожидаемым событием, так как при расчистке дромоса у каменной плиты, закрывавшей вход в северную камеру, была обнаружена верхняя часть его ножен. Однако при воине оружия не оказалось.

После фиксации и снятия всех находок в северной погребальной камере был достигнут уровень пола. При разборе отпечатков нижних досок гробов в глине было выявлено пятно углубления, засыпанного чуть более темным, чем материк, суглинком. Дальнейшая расчистка открыла хорошо спрятанный тайник (рис. 1: 2).

После полной расчистки стало понятно, что тайник появился в склепе еще до того, как в камеру внесли гроб с телом мужчины. Погребению воина предшествовало ритуальное захоронение его оружия – длинного всаднического меча. Для этого в плоском ровном полу погребальной комнаты было сделано длинное углубление. Изготовить его не представляло особого труда, так как склеп был вырублен в слое плотного пластичного суглинка. Тайник был выкопан по размеру содержимого довольно небрежно – в его конфигурации нет прямых линий и вертикальных стенок. По сути дела, это была ямка в полу камеры склепа глубиной около 10 см и примерно той же ширины с пологими стенками. В нее положили обнаженный железный меч, острие которого было обращено в сторону входа. После этого тайник засыпали тем же грунтом, что был извлечен при выкапывании углубления, а затем утрамбовали, чтобы вернуть поверхности пола ее первоначальный облик. Рядом с рукоятью меча, на полу камеры, в месте, куда позже установили гробы мужчины и женщины, положили нижнюю половину деревянных ножен меча с ремнями и элементами их крепления. Здесь же обнаружен массивный железный нож/кинжал в деревянных ножнах и бронзовый ключ от шкатулки, вероятно, крепившиеся к ремням портупее. Только после этого в камеру установили гроб с воином, а затем с его спутницей. После этого тайник оказался надежно закрыт женским погребением.

Меч, скрытый в тайнике, представляет собой массивный экземпляр длинного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов (рис. 2: 1). Общая

---

² Этому комплексу украшений будет посвящена специальная работа.

1

2

3

Рис. 2. Меч в тайнике *in situ*

1 – меч; 2 – рукоять меча; 3 – золотое навершие рукояти

длина оружия достигает 110 см, при этом около 30 см приходится на длинную деревянную рукоять. Устройство оружия не предусматривало металлической гарды (рис. 2: 2). Длинный и довольно широкий железный клинок имеет параллельные лезвия. Он удобен для нанесения рубящего удара с коня. Верхняя часть деревянной рукояти была украшена золотым полусферическим навершием грибовидной формы, отделенным от рукояти перехватом (рис. 2: 3).

Престижное оружие фанагорийского воина относится к довольно редкому типу мечей позднеантичной эпохи, декорированных в восточной традиции. Группа этого оружия, происходящая с юга Восточной Европы, была рассмотрена в недавней работе М. М. Казанского (2019). Автору удалось сделать несколько весьма ценных для нас наблюдений. В частности, он экстраполировал на материалы интересующего нас региона выводы И. Бона (*Bóna*, 2002. P. 199), который, сопоставив иконографические материалы с археологическими реалиями Барбарикума, убедительно идентифицировал группу клинкового оружия ранней сасанидской традиции как иранские мечи с характерным навершием. Прототипы этого оружия известны на Ближнем Востоке. В Центральной и Западной Европе «иранские» мечи пока неизвестны. Кроме того, Казанский пришел к выводу, что престижное оружие иранской традиции, к которому относится рассматриваемый меч, концентрируется на Кавказе, что может являться не только отражением вкусов, но и политической ориентации местных элит (*Казанский*, 2019. С. 118–120). Похожее оружие происходит из памятников Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Приуралья. Еще одной особенностью меча из фанагорийского тайника, характерной для восточного оружия, является очень длинная рукоять, подобная тем, что изображены у сасанидских царей (Там же. С. 120).

Наиболее близкими (территориально, типологически и хронологически) аналогиями навершию фанагорийского меча являются находки, сделанные на территории Европейского Боспора. Это три золотых навершия, происходящие из позднеантичного некрополя Пантикапея (*Засецкая*, 1993. С. 47. Табл. 17. Кат. 47а-в). Особого внимания заслуживает тот факт, что эти элементы мечей найдены в 1904 г. В. В. Шкорпиллом при раскопках 145-го склепа и происходят из тайника, устроенного аналогично публикуемому тайнику из Фанагории (Там же. С. 36, 37, 42). Это обстоятельство свидетельствует в пользу определенной монолитности культуры воинской элиты по обоим берегам Боспора Киммерийского в позднеантичную эпоху.

Пока не совсем ясно, каким образом найденный в тайнике сасанидский меч попал в позднеантичную Фанагорию, воины которой использовали позднеримское клинковое оружие. Не исключено, что этот образец дорогого вооружения мог быть частью дипломатических даров с востока или завидным трофеем. В любом случае для Азиатского Боспора и его столицы Фанагории эта находка уникальна. На сегодняшний день исчерпывающе объяснить причины появления этого редкого образца престижного оружия у фанагорийского воина не представляется возможным. Вероятно, пограничное положение Боспорского царства в сферах влияния Восточной Римской Империи и Державы Сасанидов способствовало проникновению в его культуру различных компонентов как с запада, так и с востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.*, 2015. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Мاستыкова. М.: ИА РАН. С. 16–19.
- Ворошилова О. М.*, 2013. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // *Stratum plus*. № 4. С. 123–131.
- Засецкая И. П.*, 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 23–105.
- Казанский М.*, 2019. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // *Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова* / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская типография. С. 113–124.
- Мастыкова А. В.*, 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. Вып. 232. С. 136–150.
- Bóna I.*, 2002. *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe – Ve siècles)*. Paris: Errance. 239 p.

Сведения об авторах

Ворошилов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru;

Ворошилова Ольга Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: helga-mir@yandex.ru

A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova

THE CACHE IN A LATE CLASSICAL VAULT IN PHANAGORIA

Abstract. The paper contains a preliminary report on a cache from the Late Classical vault in Phanagoria. A deep ground vault dating from the end of the 4th – first half of the 5th centuries was excavated in the Eastern cemetery in 2019. It had two burial chambers one of which was preserved intact. It yielded seven burials in wooden coffins with rich funerary assemblages including gold jewelry. A hiding place was found beneath the floor of a vault chamber. It contained a long horse rider's sword with a gold pommel on a long wooden hilt. There were elements of warrior's armor lying near the sword. This prestigious weapon with a typical pommel has an oriental origin and belongs to the group of Iranian swords of the early Sasanid tradition. Such swords with very long hilts can be seen on the paintings of Sasanid rulers. The weapon from this cache is unique for the Asian Bosphoran Kingdom of the Migration Period. The closest analogies have been found in a hiding place of vault 145 in the Panticapaeum cemetery. Similar weapons come from the sites located in the northern Black Sea region, the northern Caucasus, and the Urals region. The Phanagoria sword is another evidence of cultural links that the Bosphoran Kingdom maintained not only with the Eastern Roman Empire but also with the Sasanid Empire.

Keywords: Bosphoran Kingdom, Phanagoria, Late Classical period, Migration Period, necropolis, vault, cache, rider, weapon, sword.

REFERENCES

- Bóna I., 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe – Ve siècles). Paris: Errance. 239 p.
- Kazanskiy M., 2019. O dvukh traditsiyakh dekora klinkovogo oruzhiya epokhi Velikogo pereseleniya narodov na yuge Vostochnoy Evropy [On two traditions of decoration of blade weapons of Migration period in the South of Eastern Europe]. *Zemlya nasha velika i obil'na: sbornik statey, posvyashchenny 90-letiyu A. N. Kirpichnikova [Our land is large and abundant: collected articles devoted to 90th anniversary of A. N. Kirpichnikov]*. S. V. Beletskiy, ed. St. Petersburg: Nevskaya tipografiya, pp. 113–124.
- Mastykova A. V., 2014. «Knyazheskiy» kostyum s zolotymi applikatsiyami v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [«Princely» costume with gold appliques during the period of the Great Migration of the peoples]. *KSLA*, 232, pp. 136–150.
- Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., 2015. Naseleniye Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria according to materials of late Classical necropolis]. *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ya: arkhologicheskiye dannyye [Social stratification of population of the Caucasus in the end of Classical period and early Middle Ages: archaeological data]*. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IAN RAN, pp. 16–19.
- Voroshilova O. M., 2013. Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [Burial vault of late Classical time from excavations in Phanagoria, 2011]. *SP*, 4, pp. 123–131.
- Zasetskaya I. P., 1993. Materialy bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV – pervoy poloviny V vv. n. e. [Materials from Bosphorus necropolis of second half of IV – first half of V cc. AD]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, III. A. I. Aybabin, ed. Simferopol: Tavriya, pp. 23–105.

About the authors

Voroshilov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: voroshilov.aleksey@yandex.ru;

Voroshilova Olga M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: helga-mir@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Ю. Д. Разуваев

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ВЕРХНЕЕ КАЗАЧЬЕ НА ОСТРОЙ ЛУКЕ ДОНА*

Резюме. Излучина Верхнего Дона в округе г. Задонска Липецкой области насыщена поселениями второй четверти I тыс. н. э. Статья включает в их число городище у с. Верхнее Казачье, недавно исследованное на площади 1299 кв. м. В ней анализируются стратиграфические данные и результаты радиоуглеродного датирования, рассматриваются фортификационные и бытовые сооружения, характеризуются керамический и вещевой комплексы.

Площадку городища с разных сторон ограничивают две линии укреплений, созданных в скифо-сарматскую эпоху. В той и другой имелось, судя по керамике в заполнении, три рва, сооруженных в гуннское время. В раскопах выявлены три наземных жилища (их местоположение указали очаги), 34 столбовые и хозяйственные ямы. Найдено свыше 10 тыс. фрагментов кухонных и столовых глиняных сосудов (как лепных, заглаженных или лощеных, так и, в подавляюще меньшем числе, круговых), а также более 120 орудий труда и предметов быта из металлов, глины, камня и кости.

Аналогии найденным материалам дают возможность датировать памятник концом IV – V в. н. э. С его исследованием пополнилось количество городищ, известных ранее в лесостепной части бассейна Дона в числе четырех.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, гуннское время, городище, укрепления, жилые и хозяйственные сооружения, керамика, вещи.

Благодаря исследованиям последних двух десятилетий участок долины Дона в округе г. Задонска Липецкой обл. стал хорошо известен как сосредоточение бытовых и погребальных памятников второй четверти I тыс. н. э. (Острая Лука..., 2005; 2015). После недавних раскопок совместной экспедиции Воронежского государственного педагогического университета и общественной организации

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках проекта № 18-49-360001.

«Фонд научного краеведения Липецкой области» в их число вошло и городище у с. Верхнее Казачье, известное с 1962 г. (*Левенок, 1962*), но долго остававшееся недатированным. Как оказалось, это поселение относится к эпохе бронзы, разным периодам раннего железного века и славяно-русскому времени. Представительные материалы гуннского времени были получены в 2015 г. и в значительной мере уже введены в научный оборот (*Разуваев, Козмирчук, 2017*). Однако в следующем году вскрытая площадь была доведена до 1299 кв. м, существенно увеличилось число находок и, главное, удалось определиться с наличием фортификаций. В связи с этим появилась необходимость обобщить имеющиеся данные в новой публикации.

Поселение гуннского времени занимает весь мыс левого берега Дона, располагающийся на северо-восточной окраине села. Часть его территории, возвышающаяся над поймой на 47–51 м и с двух сторон ограниченная валами и рвами, и является собственно городищем площадью около 6600 кв. м (рис. 1: 1, 2).

Остатков защитных сооружений второй четверти I тыс. в городищенских валах не выявлено. Но благодаря находкам в заполнении к тому периоду можно отнести некоторые из рвов.

Наиболее выразительные материалы получены при исследовании укреплений, отделяющих городищенскую площадку от более низкой оконечности мыса, ныне разрушенной карьером. Раскопом 5, представлявшим собой траншею 34 × 2 м, там были разрезаны два вала и два рва (рис. 1: 3).

Внутренний вал, сложенный в основном из насыщенного угольками золистого грунта, перекрывал канавки и столбовые ямки, оставшиеся от уничтоженных пожарами деревоземляных конструкций начала скифской эпохи (*Разуваев, 2018а*). На его внешнем склоне лежал глинистый выкид из первого рва, сооруженного, вероятнее всего, в скифское время. Этот ров на уровне материка имел ширину примерно 5 м, глубину – почти 2 м. У него довольно пологие стенки и плоское дно шириной до 1,3 м. Заполнение, мощность которого составляла 1,6 м, на расстоянии 0,5–0,7 м от дна разделяла углистая прослойка толщиной 0,05 м. Ниже нее находок не было. В вышележащих же напластованиях обнаружены фрагменты керамики скифского (23 экз.), сарматского (10 экз.) и гуннского (155 экз.) периодов раннего железного века, а также древнерусского времени (2 экз.). Похоже, что все они попали в ров при оплывании главным образом насыпи внутреннего вала,верху которого имеются культурные отложения соответствующих поселений.

Второй, внешний, ров конфигурацией отличался от первого. При ширине 7–8 м и глубине более 2 м он имел сверху пологие стенки, внизу же – круто спускающиеся к плоскому дну, ширина которого не превышала 0,8 м (рис. 2: 1). Двухметровое супесчаное и суглинистое заполнение рва делилось надвое прослойкой темно-серой супеси толщиной до 0,15 м. Выше нее, в напластованиях заплывшего с валов грунта, встречались фрагменты керамики скифского (выше 60 экз.) и гуннского (более 130 экз., причем треть от одного лощеного сосуда) времени. В нижней же части рва найдены 16 черепков скифо-сарматской эпохи, а также керамика второй четверти I тыс. н. э.: два венчика на самом дне, а в 0,4–0,6 м выше него – 30 обломков лепных сосудов, в том числе двух частично реконструированных (рис. 4: 1, 2).

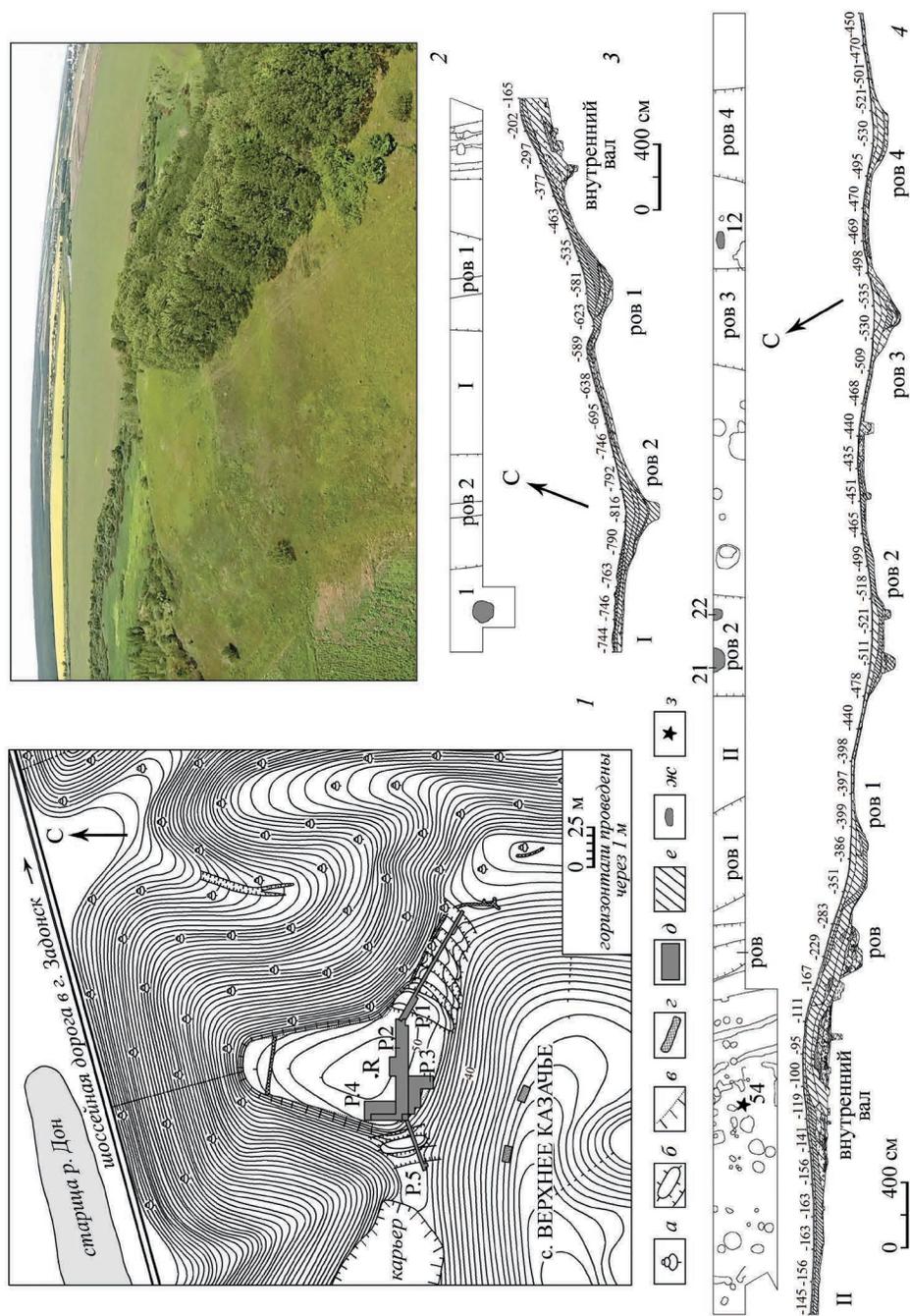
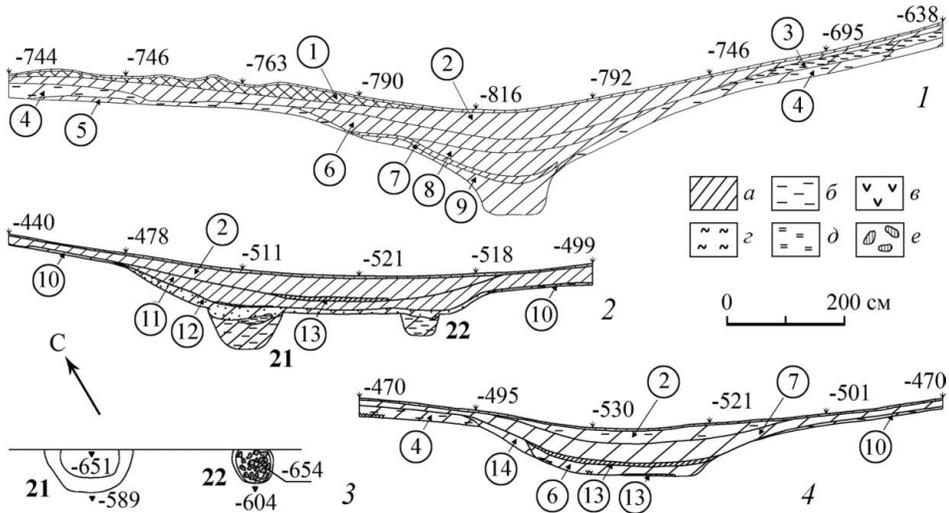

Рис. 1. Городище у с. Верхнее Казачье

I – план; 2 – вид сверху с юго-востока; 3 – план и профиль раскопа 5; 4 – план и профиль раскопа I
 а – лес; б – ров и вал; в – эскарп; г – траншея военного времени; д – раскоп; е – гумусированная почва; ж – яма гуннского времени;
 з – очаг

Рис. 2. Рвы гуннского времени на дополнительной (1) и основной (2–4) линиях обороны городища. 1 – ров 2; 2, 3 – ров 2; 4 – ров 4

a – гумусированная почва; *б* – глина; *в* – уголь; *г* – зола; *д* – обожженная почва; *е* – известняковые камни

1 – глинистый выкид из карьера; 2 – коричнево-серый суглинок; 3 – желтая глина с серым суглинком; 4 – серый суглинок с желтой глиной; 5 – серый суглинок; 6 – серая супесь; 7 – темно-серая супесь; 8 – серая супесь с желтым песком; 9 – светло-серая супесь с песком; 10 – желто-серая глинистая почва (предматерик); 11 – темно-серый суглинок; 12 – светло-серая песчанистая почва; 13 – черная углистая почва; 14 – светло-серая супесь

Правда, в придонном заполнении был найден крупный уголь, для которого в изотопном центре РГПУ им. А. И. Герцена получена радиоуглеродная дата (SPb_2592) 2373 ± 35 BP, калиброванная в интервалах 488–397 гг. до н. э. (вероятность 68,2 %), 728–694 г. до н. э. (вероятность 3,8 %) и 542–387 гг. до н. э. (вероятность 91,6 %). Однако в данном случае не он, а керамические материалы определяют датировку рва. Попавший в ров отдельный обломок горелого дерева принадлежал располагавшимся неподалеку оборонительным сооружениям начала скифской эпохи. Ясно, что к гуннскому времени относился и вал, занимавший пространство между рвами шириной 8 м, но к настоящему времени почти разрушенный эрозией.

Основная линия укреплений городища пересекает узкий перешеек мыса, ведущий на плато. Здесь раскопом 1 на протяжении 80 м были разрезаны четыре вала и рва (рис. 1: 4). В основании внутреннего вала, в современном состоянии имеющего длину 40 м, ширину 16 м и высоту от материка 1,7 м, лежат остатки деревоземляных сооружений начала скифской эпохи. Их вместе с древнейшим

рвом перекрывает насыпь IV–III вв. до н. э.¹ От трех других городищенских валов мало что осталось.

В нижней части первого, считая от внутреннего вала, рва находки отсутствовали. В профилях раскопа зафиксировано, что придонное заполнение толщиной 0,2–0,4 м сформировалось за счет сползания почвы с верха вала. От вышележащих напластований мощностью порядка 1 м ее отделяла тонкая углистая прослойка. На уровне последней и выше были обнаружены, наряду с черепками бронзового века (7 экз.) и скифо-сарматской эпохи (31 экз.), немногим более 20 обломков сосудов гуннского времени, а также фрагмент древнерусского горшка. Керамика попала в ров, скорее всего, вместе с грунтом, оплывшим с внутреннего вала, верх которого насыщен культурными отложениями соответствующих поселений.

Во втором рве, заполнение которого достигало толщины 0,8 м, кроме керамики ранних эпох (20 экз.) было найдено более 30 черепков гуннского времени, встречавшихся вплоть до дна, что дает достаточно оснований для датировки сооружения.

Третий ров самый глубокий из четырех. У него узкое уступчатое дно, а не широкое плоское, как у других. Заполнение, максимальная толщина которого превышала 1,6 м, на глубине 0,8 м разделяла углистая прослойка. Для взятого из нее угля получена радиоуглеродная дата (SPb_2589) 2045 ± 30 BP, калиброванная в интервалах 95 г. до н. э. – 2 г. н. э. (вероятность 68,2 %) и 165–24 гг. н. э. (вероятность 95,4 %). Таким образом, третий ров был сооружен на рубеже н. э. Впрочем, из него происходит преимущественно керамика скифской эпохи (13 экз.). Черепок сарматского времени был найден лишь один, да и то вверх. Фрагменты же сосудов гуннского времени в количестве семи были обнаружены только в верхней части заполнения этого рва, куда попали с заплывами почвы.

Четвертый ров имел заполнение мощностью около 1 м, также разделенное углистой прослойкой на высоте 0,2–0,4 м от дна. В нем найдено 13 керамических обломков скифской эпохи, но также и пять фрагментов гуннского времени, два из которых размещались в придонной части и тем самым датировали ров.

Таким образом, ко второй четверти I тыс. н. э. следует относить второй и четвертый рвы, отстоящие друг от друга примерно на 25 м и близкие по параметрам.

Второй ров на уровне материка имел ширину 6 м и глубину в материке до 0,7 м (рис. 2: 2). Вал при нем если существовал, то был небольшим и с течением времени оказался разрушенным. У рва пологие стенки, плавно переходящие в плоское дно шириной 3–4 м. Внизу заполнения зафиксирована линза углистой почвы толщиной 0,16 м.

На дне располагались две оказавшиеся наполовину вне раскопа округлые ямы (рис. 2: 2, 3), судя по стратиграфии, сооруженные вместе со рвом. Одна из них (объект 21), углубленная на 0,7 м и расчищенная на участке $1,5 \times 0,7$ м, имела стенки, полого сходящиеся к плоскому дну. Сверху до глубины 0,2 м

¹ Дату определяют материалы наземной постройки, размещавшейся во внутренней поле вала (Разуваев, 2018б).

в яме лежала светло-серая песчаная почва, аналогичная той, что составляла придонную часть заполнения рва. Ниже размещалась небольшая линза желтой глины, а у дна – серый суглинок с включениями желтой глины. Другая яма (объект 22), глубиной 0,5 м, имела слегка наклонные стенки и плоское дно. Размеры расчищенной ее части 0,70 × 0,58 м. До глубины 0,1 м яму заполняла светло-серая песчаная почва, перекрывавшая все дно рва. Внизу залегал серый суглинок, включавший желтую глину. На дне находились известняковые камни.

Внешний, четвертый по счету, ров был шириной порядка 6 м и глубиной около 1 м (рис. 2: 4). У него также пологие стенки и плоское дно шириной около 2 м. На дне имела прослойка углистой почвы толщиной 0,03 м и отдельные угольки, почва возле которых в ряде случаев оказалась слегка прокаленной. В заполнении рва в 0,4 м выше дна залегала углистая прослойка толщиной от 0,03 до 0,10 м. Остатки примыкающего к этому рву вала сохранились в виде насыпи из перемешанного с глиной суглинка шириной по основанию 5 м, возвышающейся над материком на 0,4 м.

Приведенные данные доказывают, что часть поселения гуннского времени была защищена фортификационными сооружениями, надо полагать, не только земляными. Насыщенные продуктами горения прослойки в заполнениях рвов как будто свидетельствуют о располагавшихся рядом и сгоревших деревянных конструкциях. Кстати, как свидетельство пожара вполне можно рассматривать и вторично обожженные черепки, неоднократно попадавшиеся в городищенском слое.

Неясно, использовался ли для защиты основной вал городища. Но, судя по стратиграфии, ни он, ни примыкающие рвы, как, впрочем, и третий ров главной оборонительной линии, не перестраивались.

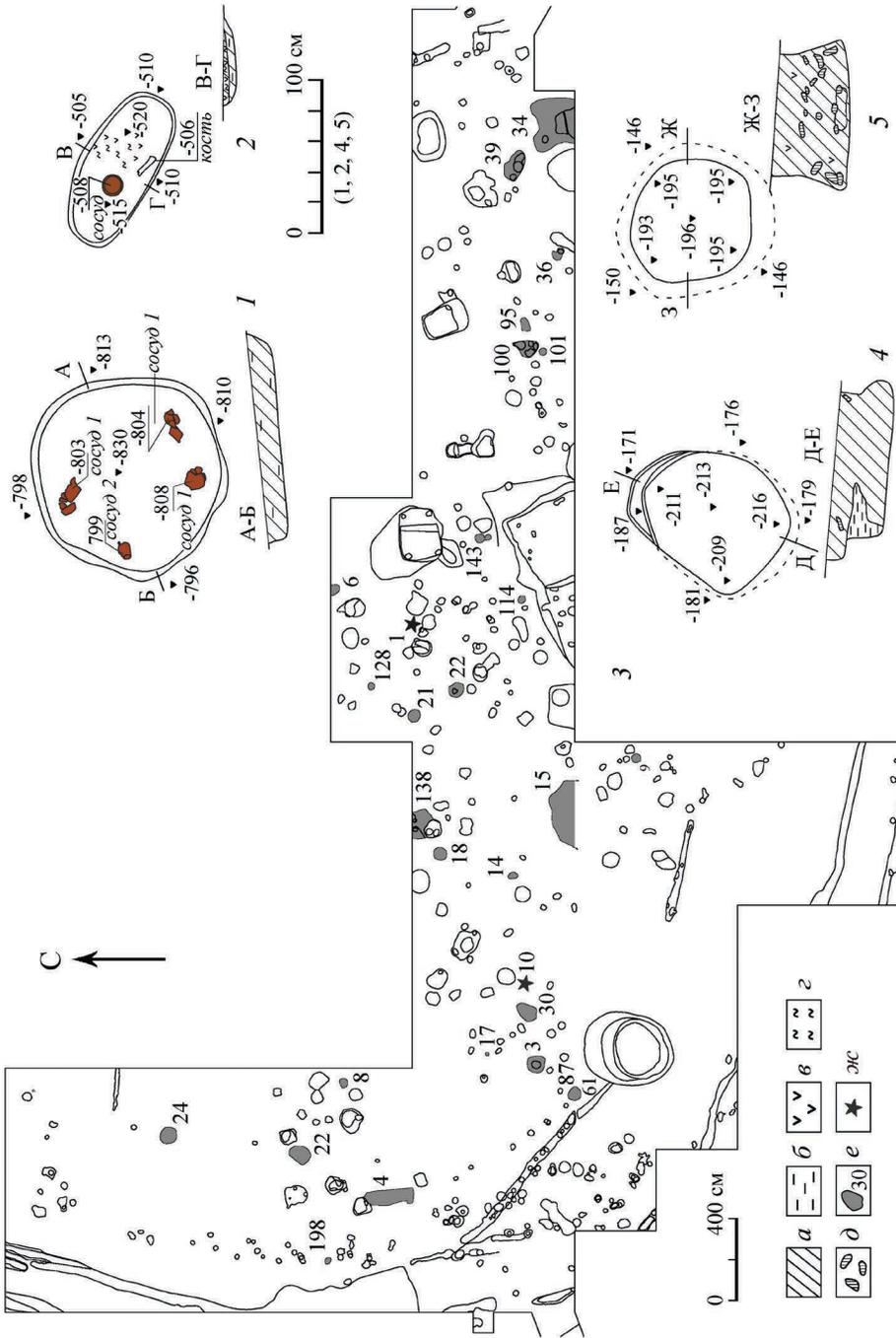
Заметим, что схожая ситуация выявлена на городище у с. Мухино, расположенном всего лишь километрах в шести южнее. Там оборонительная стена и ров гуннского времени размещались на некотором удалении от основных укреплений (*Земцов и др.*, 2017. С. 287).

Раскопами исследована едва ли пятая часть городища. Бытовых и хозяйственных сооружений в культурном слое (его толщина составляла 0,25–0,50 м, а к краю площадки увеличивалась до 2 м) и в глинистом материке выявлено немало – в основном это ямы различного назначения. Более-менее уверенно соотнести со второй четвертью I тыс. н. э. удалось 34 объекта. Другие остались либо недатированными, либо принадлежали иным эпохам.

Две ямы, которые следует, видимо, интерпретировать как хозяйственные, располагались за пределами городищенской площадки.

Одна из них (объект 1) была обнаружена в раскопе 5 перед внешним рвом. Она округлой формы, имела размеры по верху 1,35 × 1,24 м, глубину в материке до 0,34 м (рис. 3: 1). Стенки ямы немного наклонные, дно плоское. У западной стенки размещался вниз горловиной практически целый неорнаментированный горшок (рис. 4: 3), а в заполнении порознь лежали части сосуда, орнаментированного валиком и резными линиями (рис. 4: 4).

Под насыпью четвертого, внешнего, вала в раскопе 1 выявлена яма овальной формы (объект 12), имевшая размеры 1,05 × 0,5 м, глубину 0,1–0,2 м (рис. 3: 2). Ее суглинистое заполнение по центру перекрывала прослойка серой почвы

Рис. 3. Сооружения гуннского времени

1 – объект 1 в раскопе 5; 2 – объект 12 в раскопе 1; 3 – объекты на площадке городища; 4, 5 – объекты 22 и 24 в раскопе 4
а – гумусированная почва; б – глина; в – уголь; г – зола; д – известняковые камни; е – яма гуннского времени; ж – очаг

Рис. 4. Керамика гуннского времени из раскопов на укреплениях городища

с вкраплениями золы и углей. Вверху ямы находился обломок трубчатой кости крупного животного, а на дне – лепной лощеный сосуд (рис. 4: 5).

На площадке городища размещались 27 ям (рис. 3: 3). Из них по меньшей мере 13 являлись столбовыми. Над одной из таких ям (объект 128), имевшей размеры $0,22 \times 0,19$ м и глубину в материке $0,16$ м, лежал развал лепного сосуда (рис. 5: 2).

Среди хозяйственных ям находками были насыщены две.

Одна из них (объект 22) имела в плане подовальную форму размерами $0,80 \times 1,06$ м и была углублена в материк на $0,42$ м (рис. 3: 4). У нее немного наклонные

Рис. 5. Керамика гуннского времени из раскопов на площадке городища

стенки и ровное дно, понижающееся в юго-западном направлении. С северо-восточной стороны в яме имелась ступенька шириной 0,32 м и глубиной 0,16 м, а с других сторон в стенках у дна был устроен небольшой подбой. В суглинстом заполнении помимо 27 костей животных были найдены несколько ранних черепков и более 40 фрагментов керамики гуннского времени, из которых частично удалось реконструировать два лепных сосуда, в том числе один – на полный профиль (рис. 5: 3).

Другая яма (объект 24) была почти округлой формы (рис. 3: 5). Ее диаметр – 0,80 м, максимальная глубина – 0,54 м. Яма вверху имела вертикальные стенки, а внизу за счет подбоя расширялась до диаметра 1,0 м. Дно было немного волнующее. Заполнение состояло из суглинка и включало отдельные угли и камни. В нем найдено более десятка черепков скифо-сарматской эпохи, 22 обломка костей животных и 43 фрагмента керамики гуннского времени, в основном принадлежавшие одному сосуду. Кроме того, из ямы происходят три обломка глиняных грузил, наконечник стрелы (рис. 6: 2) и сломанная проколка (рис. 6: 11), изготовленные из кости.

Углубленных в материк котлованов жилых построек на городище не обнаружено. Надо полагать, что все строения такого рода были наземными. Местоположение трех локализуется по очагам, открытым в слое и в насыпи вала.

Один очаг (объект 1) был выявлен на глубине 0,2 м от дневной поверхности. Он представлял собой площадку обожженной глины подпрямоугольных очертаний, ориентированную длинной осью по линии ССЗ – ЮЮВ. Размеры площадки – 0,95 × 0,85 м, толщина пласта прокаленной и растрескавшейся глины – 0,02–0,03 м. На самом очаге и западнее, занимая пространство 1,5 × 0,9 м, лежало около 130 обломков лепных сосудов (часть принадлежала двум довольно крупным горшкам), каменный пест (рис. 6: 21), обломок железного ножа, два глиняных грузила гуннского времени.

Второй очаг (объект 10) располагался примерно в 18 м к западу - юго-западу от первого, в 0,1 м выше материка. Это в плане напоминающая трапецию площадка обожженной и растрескавшейся глины размерами 0,70 × 0,67 м и толщиной около 0,02 м.

Третий очаг (объект 54) отстоял от первого метров на 40 к юго-востоку и находился во внутренней поле основного вала на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности. Представлял собой скопление двух десятков известняковых камней разного размера (из них четыре обожжены), составлявших овальную площадку размерами 0,56 × 0,34 м. Неподалеку лежали лишь несколько черепков гуннского времени, но ниже по склону вала таковые исчислялись несколькими сотнями. Кроме того, на удалении около метра от очага лежали обломки трех глиняных грузил и железного ножа. Доминирование этих находок над материалами иных эпох и позволяет соответствующим образом датировать жилище, устроенное в поле вала.

К сожалению, стратиграфически это сооружение не прослежено. Но в качестве аналогии самому строительному приему имеет смысл упомянуть строение второй четверти I тыс. н. э., вкопанное в насыпь вала на одном из городищ донской лесостепи (*Козмирчук, Разуваев, 2001. С. 78*).

В раскопах на площадке и укреплениях городища найдено в общей сложности более 10 тыс. фрагментов глиняной посуды гуннского времени, что составляет около 35 % от всего объема керамических материалов. Преимущественно это обломки лепных, как правило, неорнаментированных горшков или, редко, кувшинов, внешняя поверхность которых заглажена, зачастую довольно небрежно (рис. 5: 1, 4–8). В глиняном тесте сосудов имеется примесь шамота, иногда – дресвы. Эта разновидность посуды представлена обломками порядка 1000 венчиков и 500 днищ. Кроме них было найдено около 750 фрагментов (в том числе более 110 венчиков и 40 днищ) лепных сосудов, покрытых черным

Рис. 6. Изделия гуннского времени из железа (1, 4–10), кости (2, 11), бронзы (3), глины (12–20) и камня (21)

или коричневым лощением (рис. 5: 9–11). Несколько десятков черепков принадлежали круговым изделиям (рис. 5: 12).

Вещевые находки в количественном отношении гораздо более скромные. За два года раскопок получено 124 хронологически идентифицированных предмета. Металлических изделий среди них немного, что неудивительно после многолетней деятельности на городище кладоискателей.

Из оружия найдены только два наконечника стрел: железный черешковый трехлопастной (рис. 6: 1) и костяной одношпильный (рис. 6: 2).

Немногим больше предметов бытового назначения. Прежде всего, это бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула с узкой ножкой и широким кольцом для удержания оси пружины (рис. 6: 3), имеющая аналогии в древностях гуннской эпохи (Амброз, 1966. С. 68). Той же категории находок принадлежат следующие железные предметы: поясной крючок (рис. 6: 4), рамка (рис. 6: 5) и два язычка (рис. 6: 6) от пряжек, обломанный колокольчик пирамидальной формы (рис. 6: 7).

Более многочисленны орудия труда. Найдено по меньшей мере одиннадцать железных ножей с прямой спинкой (рис. 6: 8, 9), одна железная бритва (рис. 6: 10). Заведомо к гуннскому времени относится костяная проколка (рис. 6: 11).

В количестве 51, правда, в основном в обломках, найдены глиняные конусовидные грузила со сквозным отверстием в средней части (рис. 6: 12).

Из слоя и хозяйственных ям происходят 50 грузиков-пряслиц, вылепленных из глины и имеющих тщательно заглаженную либо залощенную поверхность, а также изготовленных из керамических черепков (рис. 6: 13–20). Форма большинства изделий усеченно-биконическая, но есть шаровидные и усеченно-конические. Отдельные экземпляры украшены прочерченными линиями, насечками, ямками.

В комплексах гуннского времени обнаружены два каменных орудия: пест (рис. 6: 21) и крупная зернотерка или наковальня.

Керамические и вещевые материалы городища в целом аналогичны тем, что обнаружены на других поселениях Острой Луки Дона, для которых А. М. Обломским обоснована датировка в рамках конца IV – V в. н. э. (Острая Лука..., 2015. С. 291–205). По имевшимся данным, в лесостепной части бассейна Дона из немалого числа поселений гуннского времени всего четыре обладали укреплениями (Бирюков, Акимов, 2008; Земцов и др., 2017). Раскопки у с. Верхнее Казачье пополнили количество известных городищ, что принципиально важно для оценки исторической ситуации, сложившейся в регионе на рубеже древности и Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 142 с. (САИ; вып. Д1-30.)
- Бирюков И. Е., Акимов Д. В., 2008. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 130–141.
- Земцов Г. Л., Разуваев Ю. Д., Уваркин С. В., 2017. Городище скифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона // Европа от Латена до Средневековья: варварский

- мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 285–297. (PCM; вып. 19.)
- Козмирчук И. А., Разуваев Ю. Д., 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо. С. 71–88.
- Левенок В. П., 1962. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2552, 2552а.
- Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с. (PCM; вып. 16.)
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 330 с. (PCM; вып. 6.)
- Разуваев Ю. Д., 2018а. Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону // РА. № 1. С. 93–104.
- Разуваев Ю. Д., 2018б. Постройка IV–III вв. до н. э. с бронзолитейным комплексом на верхнедонском городище у с. Верхнее Казачье // КСИА. Вып. 251. С. 181–192.
- Разуваев Ю. Д., Козмирчук И. А., 2017. Материалы гуннского времени с городища у с. Верхнее Казачье на Острой Луке Дона (раскопки 2015 г.) // Верхнедонской археологический сборник / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т. С. 156–161.

Сведения об авторе

Разуваев Юрий Дмитриевич, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: razuvaevyud@mail.ru

Yu. D. Razuvayev

THE FORTIFIED SETTLEMENT OF THE HUN PERIOD NEAR THE VERKHNEYE KAZACHYE VILLAGE AT THE DON OSTRAYA LUKA BEND

Abstract. The bend of the Upper Don near the town of Zadonsk in the Lipetsk region is rich with settlements dating to the second fourth of I millennium AD. This paper refers a settlement near the Verkhneye Kazachye village where 1299 m² have been recently excavated to this group. It analyzes stratigraphic data and radiocarbon dating results, examines fortification constructions and household dwellings and characterizes ceramic and artifact assemblages. The settlement site is bound from various sides by two fortification lines built during the Scythian and Sarmatian period. Judging by the ceramics in the fills, both lines had three ditches were made during the Hun period. Three above-ground dwellings (their location was identified on the basis of hearths), 34 postholes and refuse pits were identified in the excavation trenches. More than 10,000 fragments of kitchen and table clay pots (both hand-made, with smoothed and burnished surface and wheel-made, though in smaller quantities) were found. Tools and implements are represented by more than 120 finds made from metal, clay, stone and bone. Analogies to the retrieved materials date the site to the late 4th–5th centuries AD. The excavation of this settlement has enlarged the list of fortified sites discovered earlier in the forest-steppe belt of the Don region to four.

Keywords: Upper Don region, Hun period, fortified settlement, fortifications, residential and support buildings, ceramics, artifacts.

REFERENCES

- Ambroz A. K., 1966. Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of the South of European part of the USSR. II c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka. 142 p. (SAI.)
- Biryukov I. E., Akimov D. V., 2008. Oboronitel'nyye sooruzheniya gorodishch gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu [Defensive constructions of Hun time hillforts on Upper Don]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in Roman influences and Migration epochs]*, 1. A. N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 130–141.
- Kozmirchuk I. A., Razuvayev Yu. D., 2001. Gorodishche «Malyy Lipyag» u s. Krutogor'ye na Verkhnem Donu [Hillfort «Malyy Lipyag» near village Krutogor'ye on Upper Don]. *Verkhnedonskoy arkhelogicheskoy sbornik [Upper Don archaeological annual]*, 2. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Uspek-Info, pp. 71–88.
- Levenok V. P., 1962. Otchet o polevykh rabotakh Verkhne-Donskoy arkhelogicheskoy ekspeditsii LOIA AN SSSR i Lipetskogo oblastnogo kravevedcheskogo muzeya v 1962 g. [Report on field works of Upper Don archaeological expedition of LOIA AN SSSR and Lipetsk regional museum of local lore in 1962]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskyy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV–V v.) [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Ksizovo archaeological complex of Hun time (late IV–V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, 2015. 660 p. (RSM, 16.)
- Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkhelogicheskyy kompleks gunnskogo vremeni [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Zamyatino archaeological complex of Hun time]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, 2005. 330 p. (RSM, 6.)
- Razuvayev Yu. D., 2018a. Novyye poselencheskkiye materialy nachala rannego zheleznogo veka na Verkhnem Donu [New materials from Upper Don settlements of the beginning of the Early Iron Age]. *RA*, 1, pp. 93–104.
- Razuvayev Yu. D., 2018b. Postroyka IV–III vv. do n. e. s bronzoliteynym kompleksom na verkhnedonskom gorodishche u s. Verkhneye Kazach'ye [Building of 4th – 3rd centuries BC with bronze casting assemblage in the Upper Don fortified settlement near village of Verkhnee Kazachye]. *KSIA*, 251, pp. 181–192.
- Razuvayev Yu. D., Kozmirchuk I. A., 2017. Materialy gunnskogo vremeni s gorodishcha u s. Verkhneye Kazach'ye na Ostroy Luke Dona (raskopki 2015 g.) [Hun time materials from hillfort near village Verkhneye Kazachye at Don Ostraya Luka bend (excavations of 2015)]. *Verkhnedonskoy arkhelogicheskoy sbornik [Upper Don archaeological annual]*. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. pedagogicheskyy universitet, pp. 156–161.
- Zemtsov G. L., Razuvayev Yu. D., Uvarin S. V., 2017. Gorodishche skifskogo i gunnskogo vremeni u s. Mukhino v pravoberezh'ye Verkhnego Dona [Hillfort of Scythian and Hun time near village Mukhino on Upper Don right bank]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdeniye slavyanskikh kul'tur: K 60-letiyu A. M. Oblomskogo [Europe from La Tene to Middle Ages: barbarian world and birth of Slavic cultures: to 60th anniversary of A. M. Oblomskiy]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rummyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 285–297. (RSM, 19.)

About the author

Razuvayev Yuriy D., Voronezh State pedagogical university, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: razuvaevyd@mail.ru

А. А. Трошина

ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИЕ И ПОСТДЬЯКОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ: ОСОБЕННОСТИ ТОПОГРАФИИ И СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ*

Резюме. В статье рассматриваются памятники позднедьяковского и постдьяковского времени на Средней Оке (участок течения между устьем р. Протвы и устьем р. Москвы) с точки зрения их топографии. Анализ архивных данных позволил выделить несколько хронологических групп памятников в рамках I тыс. на данной территории и определить ряд особенностей системы расселения в это время. Для селищ I тыс. н. э. характерно мысовое расположение. Расселение в пойме и вдоль реки чаще встречается во второй половине I тыс. н. э. Отмечена тенденция к возрастанию количества известных памятников от начала к концу I тыс. н. э.

Ключевые слова: позднедьяковская культура, Среднее Поочье, система расселения, I тысячелетие н. э.

Позднедьяковское и постдьяковское время в Подмосковье остаются слабо изученными периодами. На памятниках Москворечья на рубеже эр происходит трансформация дьяковской культуры в новое явление, получившее наименование «позднедьяковская культура» (Кренке, 2019. С.64). Одной из важных черт этой трансформации был выход из употребления текстильной керамики и замена ее гладкостенными сосудами. На южной периферии позднедьяковского ареала (коломенская группа памятников) в это время наблюдается лишь смена типа отпечатка: нитчатая керамика сменяется профилированными сосудами с рябчатым отпечатком (Сыроватко, 2009. Табл. 13). Позднедьяковский период как время преобладания гладкостенной посуды наступает здесь лишь в III в. н. э. После V в. и на Москве-реке, и на Оке отмечается кризис и спад жизненной активности. Постдьяковские комплексы (VI–VII вв.) в Подмосковье встречаются еще реже и в основном

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-39-00079 мол_а «Становление культурных ландшафтов среднего течения Оки в I тыс. н. э.».

на периферии ареала (*Кренке*, 2016. С. 283). На Средней Оке в последнее время исследован ряд памятников второй половины I тыс. н. э. (могильники и селища Соколовой Пустыни и Щурово, могильник Лужки Е, селище Сосновка IV). Редкость и яркий характер этих памятников ставят вопрос о целенаправленном обследовании региона с целью поиска других поселений и могильников.

Задача настоящей работы – выявление и учет по архивным данным памятников с лепной керамикой I тыс. н. э. на Средней Оке, определение закономерностей системы расселения в этот период и ее изменений во времени. Основным источником в работе являются материалы разведок и раскопок, опубликованные в археологических отчетах. В ходе рассмотрения архивной документации удалось собрать сведения о 48 памятниках (табл. 1), которые датируются в рамках I тыс. н. э. (33 селища, 9 городищ и 6 могильников). Среди этих памятников стационарное исследование в разное время проводилось на 18 объектах, еще на 17 поселениях были заложены шурфы. Остальные памятники охарактеризованы по данным подъемного материала.

Чаще всего основанием для датировки памятников позднедьяковского и постдьяковского времени служат находки керамики. Данные о лепной керамике I тыс. н. э. на Средней Оке можно свести к следующим представлениям. Для памятников финала дьяковской культуры (I–III вв.) характерны профилированные сосуды с отогнутым венчиком и рябчатым отпечатком, в т. ч. и на внутренней стороне (рис. 1: 1). Этот тип керамики О. А. Лопатина называет «поздняя профилированная текстильная керамика» (ППТК) (*Лопатина, Тавлинцева*, 2017)¹. Во второй четверти I тыс. н. э. в комплексах появляется лощеная керамика мошинского круга. Следующий этап развития керамического комплекса можно связать с распространением характерного типа керамики с высоким венчиком и с «уступом» при переходе от венчика к тулову, венчик при этом имеет приостренную форму (рис. 1: 2). В качестве основной примеси к тесту используется дресва. Такая керамика характерна для комплексов третьей четверти I тыс. н. э. (*Кренке*, 2016. С. 282). Памятники рубежа I–II тыс. н. э. довольно надежно выделяются по присутствию обломков керамики роменско-боршевского облика преимущественно с примесью шамота, защипами по краю венчика и орнаментом типа «веревочка на палочке» (рис. 1: 3–5). Очевидно, что некоторая размытость датировок и их взаимное перекрытие часто препятствуют точному определению возраста памятника, особенно когда раскопки на нем не производились. Определенная сложность при исследовании была связана с качеством полевой документации прошлых лет. Во многих отчетах присутствует лишь словесное описание керамики без фотографий и прорисовок. Кроме того, необходимо отметить, что

¹ Формирование данного комплекса произошло на рубеже эр – I в. н. э. Этот тип керамики в основном был распространен в бассейне нижней Москвы-реки и на Средней Оке (до городища Ростиславль включительно). О. А. Лопатина относит ППТК к позднедьяковской культуре согласно «москворецкой хронологии», в то время как А. С. Сыроватко (2009) для коломенской группы памятников предлагает иную хронологию, связанную с особенностями местного керамического комплекса и временем перехода от сетчатой керамики к гладкостенной (после III в. н. э.). В данной работе мы будем придерживаться периодизации А. С. Сыроватко.

Таблица 1. Памятники с лепной керамикой на Средней Оке

Название памятника	Группа	Тип	Высота над рекой	Площадь	Мощность слоя	Датировка
Городищи	городище	мысовой	10 м	4800 кв. м	до 1 м	I–III вв.
Колтово 2	городище	мысовой	10–11 м	300 кв. м	до 0,6 м	IX–X вв.
Коробчеево	городище	мысовой	12 м	5400 кв. м	0,6 м	первая пол., IX–X вв.
Корыстово I	городище	мысовой	8 м	3000 кв. м	до 0,6 м	первая пол.
Настасьино	городище	мысовой	5–7 м	3200 кв. м	0,4 м	первая четв.
Подмоклово	городище	мысовой	10 м	3500 кв. м	0,2–1,0 м	I–VII, IX вв.
Протопопово	городище	мысовой	25 м	1600 кв. м	до 1,5 м	первая пол.
Пушино 2	городище	мысовой (останец)	15 м	1000 кв. м	0,3–1,0 м	вторая-третья четв.
Ростиславль	городище	мысовой	30–35 м	1500 кв. м	0,3–1,5 м	первая пол. X в.
Лужки Д	могильник	приречный	8–10 м	3500 кв. м	0,1–0,3 м	третья четв.
Лужки Е	могильник	приречный	8–10 м	3000 кв. м	0,1–0,15 м	X в.
Соколова Пустынь	могильник	дюнный, терраса?	5–7 м	500 кв. м	0,2 м	вторая-третья четв.
Соколова Пустынь	могильник	приречный	3–5 м	600 кв. м	0,2 м	X в.
Шурово	могильник	останец	11–14 м	1500 кв. м	–	VI–VII вв.
Шурово	могильник	приречный	8–14 м	7000 кв. м	0,15 м	IX–X вв.
Берхино I	селище	приречный?	7–10 м	2400 кв. м	0,15–0,2 м	вторая пол.
Блюдечко	селище	мысовой	25 м	5000 кв. м	до 0,8 м	I–III вв., вторая пол.
Городна II	селище	мысовой (излучина)	36–40 м	25000 кв. м	0,1–0,5 м	VIII–X вв.
Грызово	селище	мысовой	4–6 м	2000 кв. м	0,3–0,5 м	IX–X вв.

Продолжение табл. 1

Название памятника	Группа	Тип	Высота над рекой	Площадь	Мощность слоя	Датировка
Дракино	селище	мысовой	10 м	5000 кв. м	до 0,5 м	IX-X вв.
Колотово 8	селище	приречный	20 м	2000 кв. м	до 1 м	первая пол.
Колотово 9	селище	мысовой	5-15 м	2000 кв. м	0,3-1 м	первая пол.
Колотово 2	селище	мысовой	4-6 м	450 кв. м	0,5-0,7 м	вторая пол.
Кордон	селище	мысовой (излучина)	-	2800 кв. м	-	IX-X вв.
Кременье	селище	ПНТ 500 м от Оки	10-14 м	300 кв. м	-	IX-X вв.
Ледово	селище	мысовой	6-9 м	2600 кв. м	до 0,4 м	конец I тыс.
Лиды	селище	приречный	5-7 м	7000 кв. м	0,4-0,5 м	вторая-третья четв., IX-X вв.
Лужки 11	селище	приречный	10 м	ширина 40 м, длина не определена	0,15-0,3 м	вторая пол.
Лужки А	селище	мысовой	5-8 м	8000 кв. м	0,28-0,35 м	вторая-третья четв., IX-X вв.
Лужки Г	селище	приречный	6-8 м	10000 кв. м	0,1-0,3 м	вторая-третья четв.
Лужки Д	селище	приречный	8-10 м	3500 кв. м	0,1-0,3 м	третья четв.
Лужники I	селище	приречный (пойма?)	0,5 м над озером	3600 кв. м	-	X-XI в.
Малое Колычево	селище	мысовой	15 м	-	0,4 м	вторая-третья четв.?
Малюшина Дача	селище	останец террасы, перекрытый дюной	12-14 м	-	0,2-0,3 м	X-XI в.
Новоселки 1	селище	мысовой	12-14 м	5100 кв. м	0,4 м	IX-XI в.
Новоселки 2	селище	мысовой	17-19 м	9000 кв. м	0,4 м	IX-XI в.
Пушино 3	селище	мысовой	-	7500 кв. м	0,3 м	вторая-третья четв.

Окончание табл. 1

Название памятника	Группа	Тип	Высота над рекой	Площадь	Мощность слоя	Датировка
Свиридоново II	селище	мысовой	10–24 м	10000 кв. м	0,1–0,4 м	I–III в., кон. I тыс.
Селино	селище	приречный (у старицы)	–	10000 кв. м	–	первая пол.
Соколова Пустынь (Лесосплав)	селище	мысовой?	4–7 м	300 кв. м	0,6–0,8 м	вторая-третья четв.
Соколова Пустынь 2	селище	приречный	6–8 м	500 кв. м	0,2–0,4 м	вторая пол.
Сосновка IV	селище	приречный (склон в пойму)	10–20 м	20000 кв. м	0,25–0,45 м	первая пол., третья четв., VIII–X вв.
Сосновка VII	селище	пойменный?	4–5 м	9500 кв. м	0,15–0,22 м	X–XI в.
Сосновка X	селище	мысовой	25–29 м	5200 кв. м	–	X в.
Турово	селище	дюнный	2–4 м	20000 кв. м	0,3 м	X–XIII в.
Усть-Матыра I	селище	мысовой	12–14 м	16000 кв. м	0,3–0,4 м	первая пол.
Щурово 1	селище	останец	11–14 м	2000 кв. м	0,2 м	I–III, IV–V вв.
Щурово 2	селище	пойменный	4–7 м	10000 кв. м	0,2 м	третья четв.

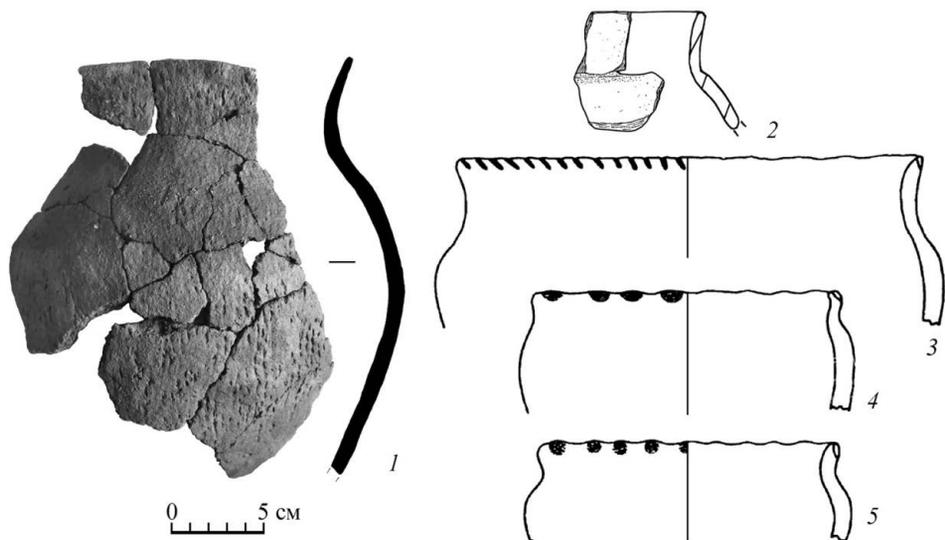

Рис. 1. Лепная керамика I тыс. н. э. в Пooчье

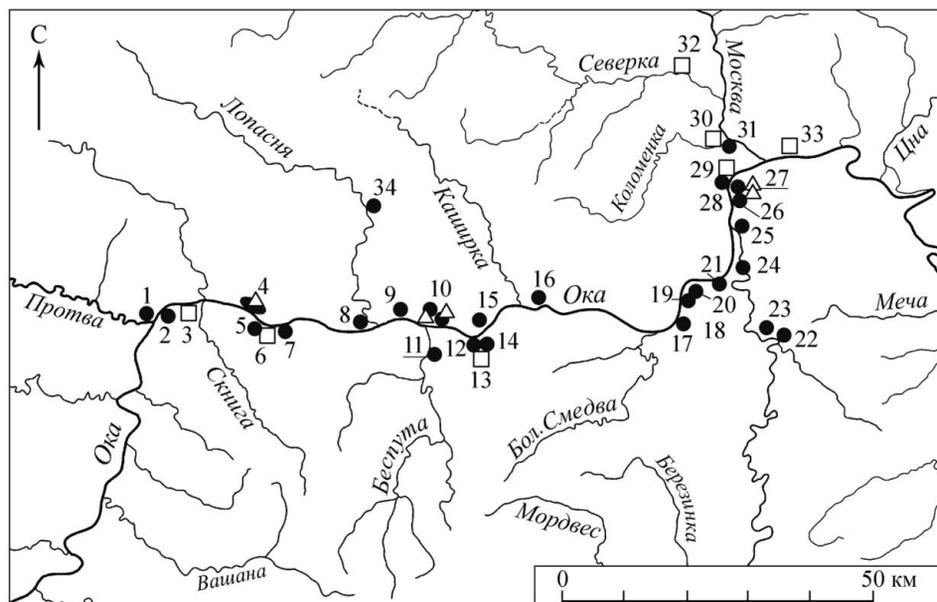
1 – селище Шурово (раскопки А. С. Сыроватко); 2 – поселение Соколова Пустынь (по: Потемкина, 2009); 3–5 – поселение Городна 2 (по: Коваль, 2001)

отнесение гладкостенной керамики к позднедьяковской культуре в отчетах первой половины XX в., вероятно, было ошибочным (Сыроватко, 2001). Эта керамика, по всей видимости, относилась к раннеславянскому времени. Несмотря на определенную слабость источниковой базы, была предпринята попытка дифференцировать имеющийся материал исходя из характерных для керамических комплексов признаков. Учет и систематизация имеющихся данных необходимы для определения стратегии дальнейшего развития исследований.

Наиболее надежно выделяются группа поселений с сетчатой керамикой (ППТК) I–III вв. и раннеславянские памятники конца I тыс. н. э. Наличие на памятниках лощеной керамики мощинского облика позволяет отнести их ко второй четверти I тыс. н. э. Менее определенной остается группа памятников с неорнаментированной керамикой с дресвой, предположительно, второй-третьей четверти I тыс. н. э. На ряде поселений и могильников, где проводились площадные раскопки, эту датировку можно сузить.

Большая часть учтенных в работе памятников приурочена к берегам р. Оки (рис. 2). Лишь шесть поселений расположены на ее притоках (р. Лопасня, Беспуга и Осетр). Три памятника относятся к бассейну нижнего течения Москвы-реки, располагаясь на ее правых притоках (р. Северка и Коломенка).

Для рассмотрения топографии, т. е. расположения поселений и могильников на местности, было выделено четыре типа памятников: мысовой, приречный, дюнный и пойменный (табл. 1). При этом к мысовому типу условно отнесены также памятники на останцах террас, выдающихся в пойму, и в излучинах рек. Среди селищ I тыс. н. э. отмечены все типы топографической приуроченности,

Рис. 2. Карта памятников с лепной керамикой I тыс. н. э. на Средней Оке

□ – городище; ● – селище; ▲ – могильник. 1 – Дракино; 2 – Подмоклово (селище); 3 – Подмоклово (городище); 4 – Лужки (комплекс памятников: Лужки 11, А, Г, Д, Е); 5 – Селино; 6 – Пушино 2; 7 – Пушино 3; 8 – Турово; 9 – Малоюшина Дача; 10 – Соколова Пустынь (могильники 1 и 2, селище и поселение Лесосплав); 11 – Ледово; 12 – Колтово (комплекс памятников: городище Колтово 2, селища Колтово 2, 8, 9); 13 – Корыстово 1; 14 – Лиды; 15 – Лужники 1; 16 – Кременье; 17 – Свиридоново II; 18 – Ростславль; 19 – Сосновка X; 20 – Сосновка IV; 21 – Сосновка VII; 22 – Новоселки 1; 23 – Новоселки 2; 24 – Берхино 1; 25 – Городна 2; 26 – Усть-Матыра 1; 27 – Щурово (селища 1 и 2, могильники 1 и 2); 28 – Малое Кольчево; 29 – Протопопово; 30 – Городищи; 31 – «Блюдечко»; 32 – Настасьино; 33 – Коробчеево; 34 – Грызлово

однако большинство составляют мысовые поселения (23 памятника). 14 селищ относятся к приречному типу, 2 – к пойменному, еще одно поселение расположено на дюне (табл. 2). Интересно отметить, что пойменное и дюнное расположения памятников характерны только для второй половины рассматриваемого периода.

Расположение могильников также различно: четыре памятника отнесено к приречному типу, один из Щуровских могильников (курганы с оградками VI–VII вв.) расположен на останце террасы. Синхронный ему могильник в Соколовой Пустыни приурочен к террасе, осложненной донным рельефом.

Рассмотрим классификацию памятников согласно их хронологии². К поселениям I–III вв. н. э. с крупноячеистой рямчатой керамикой профилированных

² Хронология памятников устанавливалась по материалам отчетов и публикаций. Уточнение датировок проводилось в тех случаях, когда это было возможно и необходимо (при наличии рисунков керамики в отчетах).

Таблица 2. Типы селищ I тыс. н. э.

	Мысовой	Приречный	Пойменный	Дюнный
I–III вв.	3	0	0	0
Первая половина	3	3	0	0
Вторая-третья четверти	4	4	1	0
Вторая половина	2	3	0	0
Конец I тыс.	11	4	1	1
	23	14	2	1

форм отнесено девять памятников. Среди них городища Подмоклово, Ростиславль, Протопопово, Городищи, Настасьино и селища Сосновка IV, Свиридоново II, Щурово и «Блюдечко». Все эти памятники, за исключением Сосновки IV, относятся к мысовому типу.

К расширенной группе первой половины I тыс. н. э. отнесено 15 памятников (при этом установлено, что поселения Городищи, Настасьино, «Блюдечко» и Свиридоново II перестали существовать к III в. н. э., т. е. максимальное количество памятников второй четверти равно 11). Среди селищ этого времени к мысовому и приречному типу отнесено по три поселения.

Группа позднедьяковских памятников второй-третьей четверти I тыс. н. э. дополнена также памятниками, которые имеют датировку – вторая половина I тыс. н. э. В эту группу попали памятники, на которых найдена гладкостенная керамика с дресвой, а также лощеная керамика. Таким образом, в эту группу входят памятники достаточно широкого хронологического диапазона. Дифференцировать этот материал, располагая имеющимися данными, пока не представляется возможным. Здесь учтено 14 памятников второй-третьей четверти и пять поселений второй половины I тыс. н. э. На этом этапе отмечено два городища (Подмоклово и Пушино 2) и три могильника (Щурово, Соколова Пустынь и Лужки Д). Для селищ этого времени характерны мысовой (6 памятников) и приречный (7 поселений) типы расселения.

Материалы IX–X вв. отмечены на 23 памятниках, три из которых были укрепленными. В группе селищ 11 памятников отнесены к мысовому типу, четыре – к приречному, по одному памятнику расположено в пойме и на дюне. В эту хронологическую группу также входят могильники с кремациями IX–X вв. (Лужки Е, Соколова Пустынь, Щурово), относящиеся к приречному типу.

По высоте над урезом воды в реке наиболее предпочтительными для всех периодов оказались группы высот 5–10 м и 10–20 м. Такие высоты занимают более 70 % памятников в каждой хронологической группе. Приуроченные к низким отметкам (0,5–5 м) памятники редки, но характерно, что такое расселение свойственно в основном для поселений конца I тыс. н. э. Возможно, определенную роль здесь сыграл климатический фактор³. Также немногочисленны

³ Известно, что для конца I тыс. н. э. характерны теплые и сухие условия (Сычева, 2011) и снижение паводковой активности (Benito et al., 2015).

поселения, приуроченные к высоким точкам рельефа (20–40 м). Это городища Ростиславль и Протопопово, селища Колтово 8, Городна II, Малое Колычево и «Блюдечко».

По результатам анализа топографии позднедьяковских и постдьяковских памятников Средней Оки можно выделить ряд особенностей, присущих поселениям и могильникам этого периода. На протяжении I тыс. н. э. отмечено постепенное снижение доли укрепленных поселений, которые характерны в основном для финала дьяковской культуры и позднедьяковского периода. Для неукрепленных поселений более распространено мысовое расположение. Доля приречных памятников на протяжении I тыс. н. э. колеблется от 20 до 37 %, при этом они более характерны для второй половины рассматриваемого периода. То же касается памятников пойменного и донного типа – среди памятников первой половины I тыс. н. э. они не отмечены. В целом для I тыс. н. э. наблюдается постепенное увеличение плотности памятников от начала к концу рассматриваемого периода. В то же время в исследуемом регионе пока не зафиксированы достоверные древности VIII в., что могло быть связано с перерывом в освоении территории.

Таким образом, в ходе анализа архивных данных выявлен массив памятников с материалами I тыс. н. э. и определены некоторые закономерности в системе расселения в это время. Южная периферия позднедьяковского ареала имела ряд черт, отличающих эту территорию от москворецких памятников (отличия в керамическом комплексе и истории освоения). Результаты показывают, что освоенность региона в позднедьяковское и постдьяковское время была достаточно плотной. Дальнейшие исследования этих материалов позволят уточнить датировку поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Коваль В. Ю.*, 2001. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. Вып. 212. С. 59–67.
- Кренке Н. А.*, 2016. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН. С. 261–332. (ПСМ; вып. 17.)
- Кренке Н. А.*, 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток. 392 с.
- Лопатина О. А., Тавлинцева Е. Ю.*, 2017. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред.: Л. А. Беляев, М. И. Гоняный. М.; Смоленск: Свиток. С. 345–361.
- Потемкина О. Ю.*, 2009. История и первые итоги изучения селища Соколова Пустынь в Ступинском районе Московской области // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: Сб. материалов Второй регион. науч.-практ. конф. (Ступино, 18 февраля 2009 г.) / Отв. ред. Э. Э. Фомченко. М.: ЗЭО «ММТК-Строй». С. 55–59.
- Сыроватко А. С.*, 2001. О позднедьяковских памятниках в устье реки Москвы // Краеведческие записки: Сб. науч. тр. Коломенского краеведческого музея. Коломна. С. 21–24.
- Сыроватко А. С.*, 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБуК. 351 с.
- Сычева С. А.*, 2011. Малый климатический оптимум голоцена и малый ледниковый период в памяти почв и отложений пойм рек Русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 79–93.

Benito G., Macklin M. G., Panin A., Rossato S., Fontana A., Jones A. F., Machado M. J., Matlakhova E., Mozzi P., Zielhofer C., 2015. Recurring flood distribution patterns related to short-term Holocene climatic variability // *Scientific Reports*. 5, 16398. С. 1–8.

Сведения об авторе

Трошина Алла Андреевна, Коломенский археологический центр, ул. Кремлевская, д. 5, г. Коломна, 140400, Россия; e-mail: allatroshina89@gmail.com

A. A. Troshina

LATE D'YAKOVO AND POST-D'YAKOVO SITES
IN THE MIDDLE OKA REGION: SPECIFIC FEATURES
OF TOPOGRAPHY AND SETTLEMENT SYSTEMS

Abstract. The paper examines sites dated to the late D'yakovo and post-D'yakovo period in the Middle Oka region (the stream section between the mouth of the Protva river and the Moskva river) from the point of view of their topography. Analysis of archival data enabled the author to single out several chronological groups of sites in this region dating to I millennium AD and determine a number of settlement system characteristics typical for that time. Location in the promontory was typical for unfortified settlements dating to I millennium whereas settlement in the low-lying flood-prone areas and location along the river were more frequent in the second half of I millennium. It should be noted that the number of known sites dating to the period from early I to the end of I millennium has increased.

Keywords: late D'yakovo culture, Oka river region, settlement system, I millennium AD.

REFERENCES

- Benito G., Macklin M. G., Panin A., Rossato S., Fontana A., Jones A. F., Machado M. J., Matlakhova E., Mozzi P., Zielhofer C., 2015. Recurring flood distribution patterns related to short-term Holocene climatic variability. *Scientific Reports*, 5, 16398, pp. 1–8.
- Koval V. Yu., 2001. Poseleniye v ust'ye Osetra bliz Kolomny [Settlement in Osetra estuary near Kolomna]. *KSLA*, 212, pp. 59–67.
- Krenke N. A., 2016. Pozdned'yakovskaya kul'tura na territorii basseyna Moskvyy-reki [Late D'yakovo culture in territory of Moskva river basin]. *Rannesrednevekovyye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. Moscow: IA RAN, pp. 261–332. (RSM, 17.)
- Krenke N. A., 2019. Drevnosti basseyna Moskvyy-reki ot neolita do Srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovaniye proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta [Antiquities of Moskva river basin from Neolithic to Middle Ages: stages of cultural development, formation of producing economy and anthropogenic landscape]. Moscow; Smolensk: Svitok. 392 p.
- Lopatina O. A., Tavlintseva E. Yu., 2017. Pozdnyaya profilirovannaya «tekstil'naya» keramika gorodishcha Rostislavl' [Late profiled «textile» ceramics from hillfort Rostislavl']. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N. A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: collected articles to 60th anniversary of N. A. Krenke]*. L. A. Belyayev, M. I. Gonyanyy, eds. Moscow; Smolensk: Svitok, pp. 345–361.
- Potemkina O. Yu., 2009. Istoriya i pervyye itogi izucheniya selishcha Sokolova-Pustyn' v Stupinskom rayone Moskovskoy oblasti [History and first results of research of open settlement Sokolova-Pustyn' in Stupinskoye region of Moscow region].

in Stupino district, Moscow region]. *Oki svyazuyushchaya nit': arkeologiya Srednego Pooch'ya [Oka connecting thread: archaeology of Middle Oka region]*. E. E. Fomchenko, ed. Moscow: MMTK-Stroy, pp. 55–59.

Sycheva S. A., 2011. Malyy klimaticheskyy optimum golotsena i malyy lednikovyy period v pamyati pochv i otlozheniy poym rek Russkoy ravniny [Minor climatic optimum in Holocene and minor glacial age in memory of soils and sediments in floodplains of Russian plain rivers]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Bulletin of RAS. Geographical series]*, 1, pp. 79–93.

Syrovatko A. S., 2001. O pozdned'yakovskikh pamyatnikakh v ust'ye reki Moskvy [On late D'yakovo sites in Moskva river estuary]. *Krayevedcheskiye zapiski: sbornik nauchnykh trudov Kolomenskogo krayevedcheskogo muzeya [Local lore notes: collection of scientific works of Kolomna museum of local lore]*. Kolomna, pp. 21–24.

Syrovatko A. S., 2009. Yugo-vostochnoye Podmoskov'ye v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [Southeastern part of Moscow region in Iron Age: to characteristic of local variants of D'yakovo culture]. Moscow: CheBuk. 351 p.

About the author

Troshina Alla A., Kolomna archaeological centre, ul. Kremlevskaya, 5, Kolomna, 140400, Russian Federation; e-mail: allatroshina89@gmail.com

И. В. Исланова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИЧЕСКИХ НАБОРОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРОДОК 1 И ЮРЬЕВСКАЯ ГОРКА

Резюме. В статье по единой классификационной схеме были проанализированы наборы керамики известных селищ Городок 1 и Юрьевская Горка, расположенных в бассейне Верхней Мсты. Оба поселения датируются третьей четвертью I тыс. н. э. Городок 1 относится к культуре псковских длинных курганов. Мнение о принадлежности поселения Юрьевская Горка к иным древностям поддержано не всеми исследователями.

Проведенное сопоставление позволило наиболее отчетливо выявить несхожесть поселений по массовому материалу. На селище Городок 1 преобладает посуда типа 11, на селище Юрьевская Горка – типов 7 и 8. Это позволяет обоснованно говорить об имеющихся различиях в культурной принадлежности данных памятников и, следовательно, о разном населении, их оставившем. Схожее присутствие на обоих селищах керамики типов 6, 10 и форм 2 и 3, видимо, связано с общей местной подосновой.

Ключевые слова: лепная керамика, культура псковских длинных курганов, предсочные памятники, удомельская группа.

Проблемы культурной принадлежности раннесредневековых древностей Северо-Запада Восточной Европы продолжают оставаться предметом пристального изучения. Наличие иных типов памятников помимо культуры псковских длинных курганов (КПДК), в том числе и удомельской группы, принято не всеми исследователями (см., например: *Казанский*, 2010. С. 75–79).

Основным культурным индикатором остается раннесредневековая лепная керамика. Такая посуда, как правило, не являлась предметом импорта и позволяет судить и о возможной культурной принадлежности, и о культурных влияниях, и о передвижениях групп населения. После разведочных работ конца XX –

начала XXI в. археологическая карта бассейна Верхней Мсты была существенно дополнена новыми выявленными раннесредневековыми памятниками, однако крупных раскопок на объектах в это время не проводилось. Почти не добавилось и массового керамического материала.

Основной источниковой базой продолжают оставаться коллекции с памятников третьей четверти I тыс. н. э. – селища КПДК Городок 1 и предсопочного селища удомельской группы Юрьевская Горка. Первое исследовалось в первой половине 90-х гг. XX в.; второе – во второй половине 80-х гг. XX в. Оба поселения расположены в бассейне Верхней Мсты: Городок 1 – на р. Шлине, Юрьевская Горка – на р. Съеже. Основные материалы этих поселений опубликованы (Исланова, 1997б. С. 21–55; 2006а. С. 66–73, 85–93). На Городке 1 стационарно исследовано 400 кв. м, на Юрьевской Горке – 1309 кв. м. На последнем поселении после рекогносцировочных работ 2005 и 2011 гг. произошло лишь небольшое увеличение артефактов (Исланова, 2006б; Исланова и др., 2015).

Сопоставление посуды, бытовавшей на селище КПДК Городок 1 и предсопочном селище Юрьевская Горка, первоначально было проведено по шести обобщенным формам сосудов: баночным, округлобоким, ребристым, слабопрофилированным, чашевидным, мисковидным (Исланова, 1997б. С. 77–87). Выяснилось, что на селище Городок 1 употреблялось больше баночных и слабопрофилированных горшков, а на Юрьевской Горке – округлобоких сосудов. Ребристая керамика обоих поселений была схожа только по формальному признаку – наличию ребра. Тогда высказано предположение, что прототипами ребристых горшков Городка 1 могла быть т. н. керамика мощинского круга. Для обоих памятников была отмечена близость округлобоких горшков сосудам пражской культуры. Также подчеркнута и особенность керамики КПДК региона – наличие сосудов с «приплюснутой» небольшой шейкой.

Посуда этих же поселений неоднократно рассматривалась и Н. В. Лопатиным (Лопатин, 2003. С. 55; Лопатин, Фурасьев, 2007а. С. 93, 100; 2007б. С. 279, 280). Керамика селища Городок 1 была включена в набор 4 (тип Съезжее), а керамика селища Юрьевская Горка – в набор 5 (Удомельский тип) Мстинско-Валдайского региона (Лопатин, Фурасьев, 2007а. С. 73, 100). В керамике Городка 1 отмечено преобладание типа 11, а отличие керамического набора ЮГ «от предыдущих (особенно от набора 4) еще предстоит проверять» (Там же. С. 100).

При анализе раннесредневековой керамики лесной зоны Восточной Европы исследователи, как правило, разрабатывают для отдельных конкретных памятников свою классификационную схему (в каждом случае с особыми типами, вариантами и т. п.). Многообразие подобных схем существенно затрудняет возможности сопоставления древностей разных территорий и типов.

Корректное сравнение наборов лепной раннесредневековой посуды разных памятников можно провести, используя единую классификационную схему. Подобная схема была предложена Н. В. Лопатиным (Лопатин, 2003; Лопатин, Фурасьев, 2007а. С. 30–48). После анализа керамики исследуемой территории эта схема была дополнена. Из-за фрагментированности материалов с поселений приходится опираться в основном не на целые объекты, а преимущественно на форму «верхней части сосудов, до перегиба тулова или несколько выше».

Подобный подход уже был апробирован исследователями раннесредневековых древностей (*Лопатин, Фурасьев, 2007а. С. 32*).

Дифференциация керамики селищ Городок 1 и Юрьевская Горка (без мелкой детализации) проведена по 13 типам. Для 10 типов сохранена нумерация Н. В. Лопатина (Там же. С. 36, 41). Классификация дополнена еще несколькими типами. Чтобы не менять общую схему, им дан условный термин «форма».

Тип 6 – «сосуды с загнутым внутрь краем». На рассматриваемой территории подобная посуда могла иметь прототипы в дьяковских древностях, где известны сходные формы (*Исланова, 1997б. Рис. 7: 6–9*).

Тип 7 – «сосуды закрытые, с расширением в верхней трети, плавно сужающиеся к слабо намеченной шейке, с плавно отогнутым коротким венчиком».

Тип 8 – «сосуды плавного S-образного профиля», имеют «симметричное расширение в обе стороны от шейки».

Тип 9 – «сосуды раскрытые, очень слабо профилированные, ...но все же с намеченной шейкой».

Керамика типов 7, 8, 9, по предположению Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева, могла являться «продуктами развития» сосудов деснинского варианта киевской культуры (*Лопатин, Фурасьев, 2007а. С. 36*).

Тип 10 – хорошо профилированные S-видные сосуды с отогнутым венчиком; однако они не имеют полного сходства с керамикой конца I тыс. н. э., плечо которых более крутое.

Тип 11 – раскрытые S-видные сосуды, у которых верхняя часть сильно «сжата», в результате чего S-видный изгиб профиля более короткий и резкий, а край венчика утолщен.

Тип P1 – «сосуды с ребристым перегибом в верхней трети».

Тип P2 – «сосуды с ребристым перегибом в средней трети и сужающимися кверху стенками» (биконические).

Тип P4 – ребристые сосуды; ребро может быть оттянутое или в виде округлого в сечении валика. Подобные сосуды широко встречаются на памятниках поздней киевской, колочинской и пеньковской культур (Там же. С. 41).

Форма 1 – сосуды малых форм (миниатюрные) без шейки и плечика (т. н. плоски, стопки). Схожая посуда хорошо известна на поселениях раннедьяковской и позднедьяковской культур, в том числе на территории анализируемого региона (*Исланова, 1997б. Рис. 7: 1–4*).

Форма 2 – баночные сосуды с пологим коротким плечом и со слабо сужающимся ко дну туловом. Схожая форма посуды хорошо известна в лесной зоне Восточной Европы, в том числе в дьяковских древностях и на памятниках конца I тыс. н. э. бассейна Верхней Мсты (*Исланова, 1997б. Рис. 9: 1, 2; 97: 17–19; 158: 5*).

Форма 3 – сосуды с прямой или слабо отогнутой шейкой, сужающейся к краю венчика. Прототипы такой посуды известны в местных древностях раннего железного века (*Исланова, 1997б. Рис. 32: 8*).

Форма 4 – сосуды с прямой шейкой и конусовидно сужающимся туловом; при переходе к тулову ребра нет. По всей видимости, такая керамика является «развитием» местных форм посуды. Подобная посуда известна на памятниках раннего железного века (*Розенфельдт, 1974. Рис. 10: 14; 22: 1*).

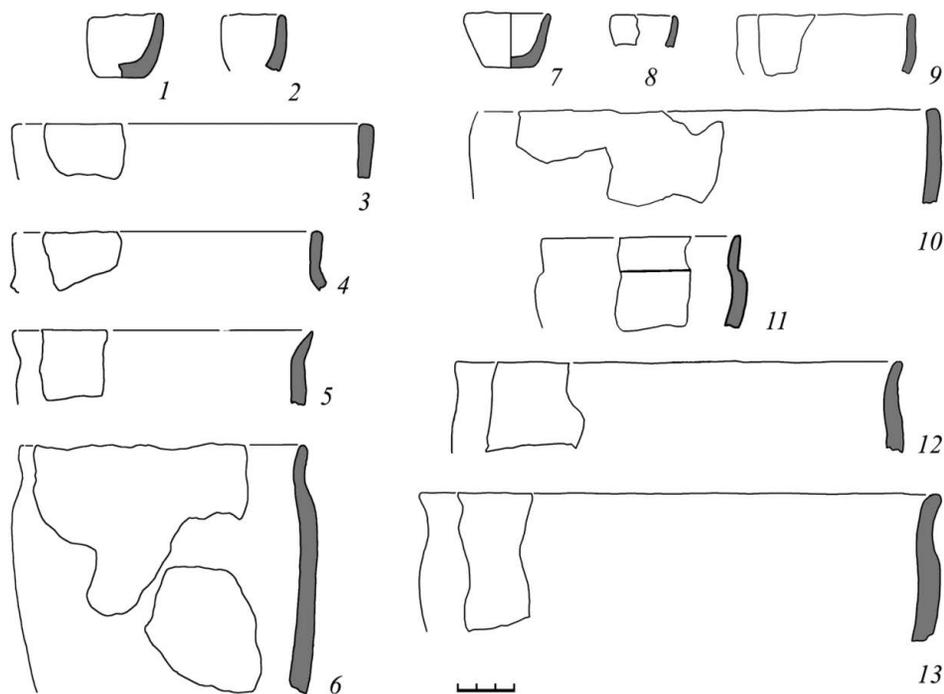
Сосуды, схожие с керамикой мощинской культуры, но не идентичные ей, ниже рассматриваются суммарно как «форма М» (в данном случае керамика этой формы не является типом). Это горшки и мисковидные сосуды с высокой прямой или слабо отогнутой шейкой, крутым плечом или уступом в месте плеча, бороздкой при переходе от шейки к плечу. Керамика с аналогичным оформлением верхней части известна на памятниках мощинской культуры – типы IV, V, по А. М. Воронцову (*Воронцов, 2013. С. 24*), а также на позднедьяковских поселениях Верхней Волги и на поселении Мстинско-Моложской группы Троица 1 (*Исланова и др., 2017. Рис. 5*).

Для характеристики керамики селища Городок 1 привлечены крупные фрагменты верхних частей от 113 сосудов, селища Юрьевская Горка – фрагменты от 76 сосудов (табл. 1; рис. 1–3). Сравнение наборов посуды по процентному соотношению разных типов позволяет рельефно увидеть общее и особенное керамических комплексов анализируемых памятников.

На поселениях встречены почти все анализируемые типы и формы. Исключением является тип Р4 и форма 4, соответственно, отсутствующие на селище Юрьевская Горка и Городок 1. На обоих поселениях малочисленна (менее 4 %) следующая керамика: типы 6, Р2 и форма 3. Относительно часто и там, и там бытуют сосуды типа 10 (12,7 % – Городок и 13,1 % – Юрьевская Горка) и баночные горшки формы 2 (соответственно 17,3 % и 13,2 %). Причем на селище Городок 1 последних несколько больше. Не исключено, что присутствующие типы 6, 10 и форм 2 и 3 отражают схожую местную подоснову в регионе.

Таблица 1. Соотношение керамических наборов селищ Городок 1 и Юрьевская Горка

Памятник	Городок 1		Юрьевская Горка	
	количество	%	количество	%
Тип 6	3	2,7	1	1,4
Тип 7	6	5,5	27	22,4
Тип 8	6	5,5	8	10,5
Тип 9	8	7,3	4	5,3
Тип 10	14	12,7	10	13,1
Тип 11	30	27	2	2,6
Тип Р1	5	4,5	8	11,8
Тип Р2	3	2,7	1	1,4
Тип Р4	1	0,9	–	–
Форма 1	12	10,9	2	2,6
Форма 2	19	17,3	10	13,2
Форма 3	2	1,8	3	3,9
Форма 4	–	–	2	2,6
Форма М	1	0,9	7	9,2

Рис. 1. Тип и формы керамики селищ Городок 1 и Юрьевская Горка

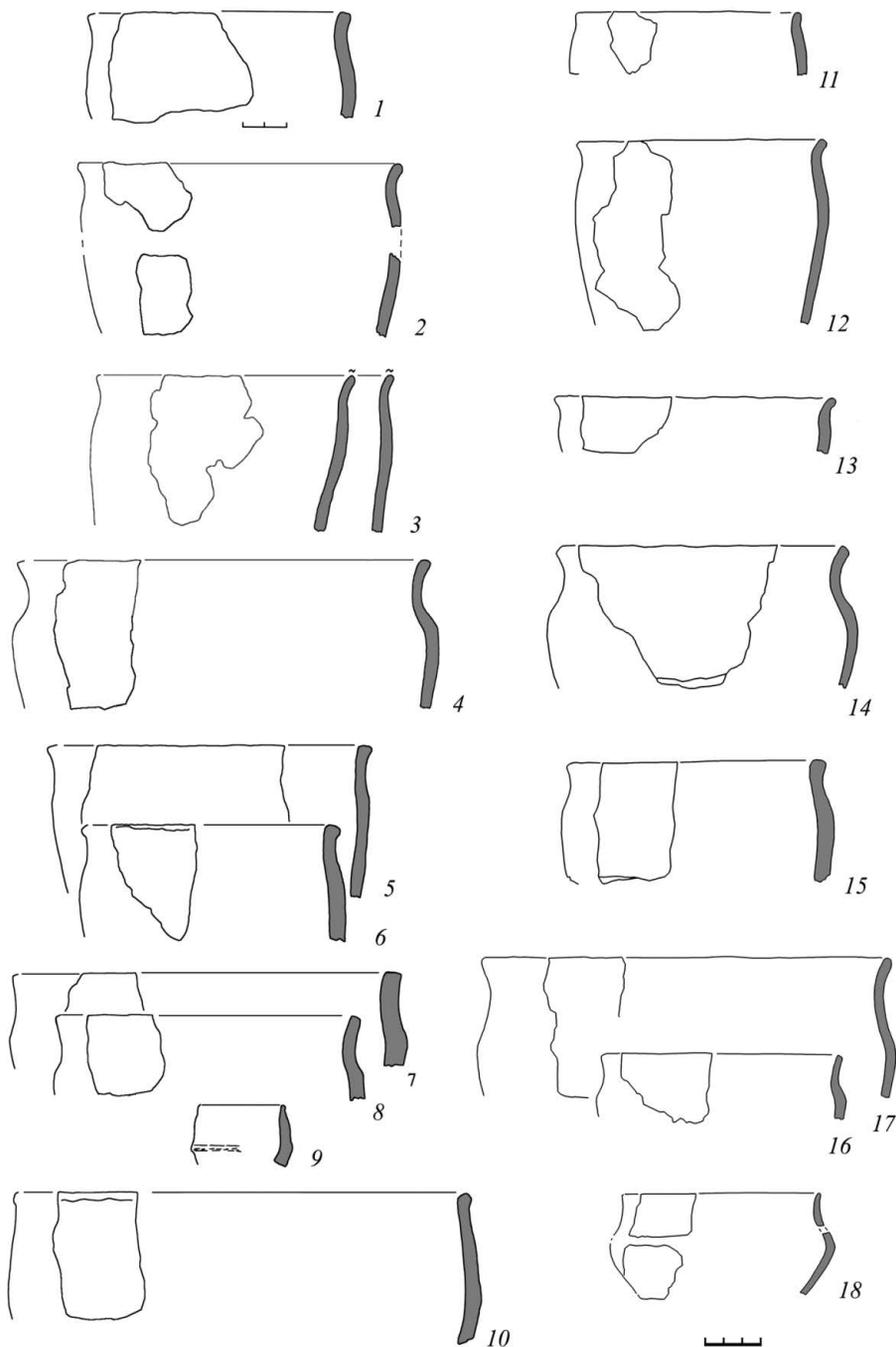
1–6 – керамика селища Городок 1; 7–13 – керамика селища Юрьевская Горка

1, 2, 7, 8 – форма 1; 3, 10 – тип 6; 9 – форма 4; 4, 11 – форма М; 5, 12 – форма 3; 6, 13 – форма 2

Основные различия между наборами керамики фиксируются по присутствию наиболее представленных типов. На Городке 1 преобладают горшки типа 11 (27 %). На Юрьевской Горке подобные сосуды единичны (2,6 %). Однако на последнем поселении почти в три раза больше керамики типов 7 и 8 (суммарно 32,9 %), чем на памятнике КПДК. Такие сосуды не имеют прототипов в древностях предшествующих периодов и, видимо, изготовлены на этой территории новым населением или при культурном влиянии нового населения.

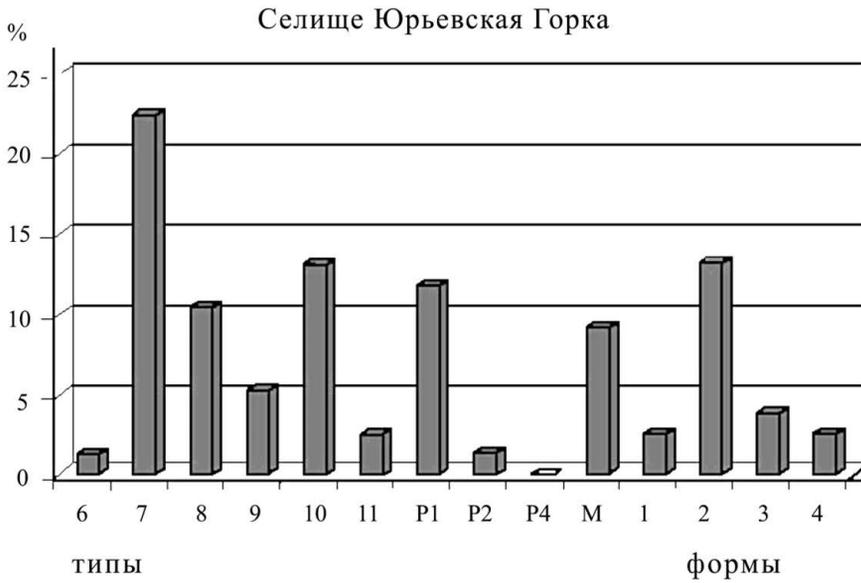
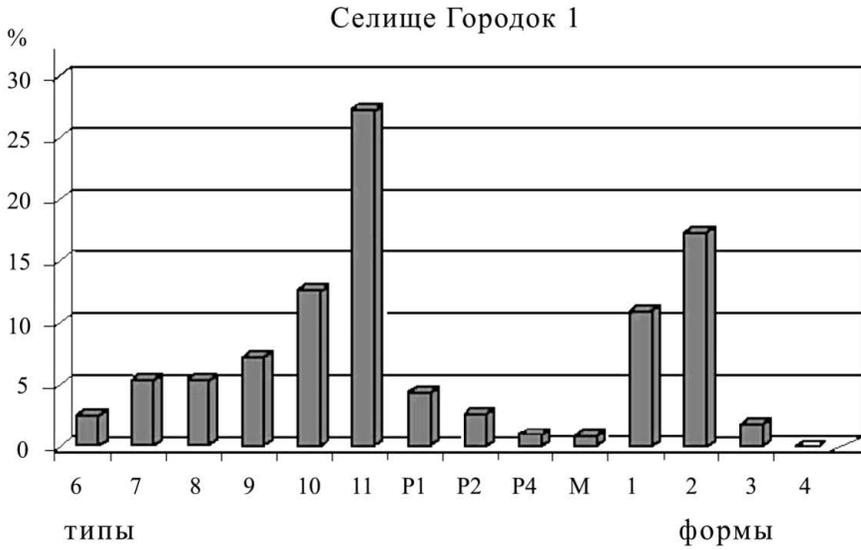
Посуда с ребром в месте перехода от плеча к тулову отнесена (несколько формально) суммарно к типу Р1. На Городке 1 она составляет 4,5 %, на Юрьевской Горке – 11,8 %. В отличие от поселения удомельской группы керамика на селище КПДК имеет ярко выраженное ребро в верхней четверти сосуда и короткое плечо. Наличие относительно большого числа посуды формы М (т. н. керамика мощинского круга) на Юрьевской Горке (9,2 %), видимо, связано с непосредственными контактами с населением, жившим на селище Троица 1, которое было расположено поблизости – в 2,5 км.

Проведенное сопоставление отчетливо выявило несхожесть поселений по массовому материалу, прежде всего по наиболее представленным типам сосудов

Рис. 2. Типы керамики селищ Городок 1 и Юрьевская Горка

1–10 – керамика селища Городок 1; *11–18* – керамика селища Юрьевская Горка; *1, 11* – тип 7; *2, 12* – тип 8; *3, 10* – тип 9; *4, 14* – тип 10; *5, 6, 15* – тип 11; *7, 8, 16, 17* – тип P1; *9* – тип P4; *10, 18* – тип P2

Рис. 3. Распределение керамики селищ Городок 1 и Юрьевская Горка по типам и формам

(тип 11 для КПДК и типы 7 и 8 для удомельской группы). Это позволяет говорить об имеющихся различиях в культурной принадлежности этих памятников и, видимо, о разном населении, их оставившем.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцов А. М.*, 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Ред. И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с. (Историко-археологические исследования региона Куликова поля; вып. 1.)
- Исланова И. В.*, 1997а. Древности V–VIII вв. бассейна Верхней Мсты // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Фонд археологии. С. 77–87.
- Исланова И. В.*, 1997б. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.
- Исланова И. В.*, 2006а. Верхнее Помостье в раннем Средневековье. М.: Тверской гос. ун-т. 286 с.
- Исланова И. В.*, 2006б. Работы в Тверской области и в Твери // АО 2005 г. М.: Наука. С. 155–156.
- Исланова И. В., Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В.*, 2017. Поселение эпохи Великого переселения народов Троица 1 на озере Удомля (по материалам 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. № 3. С. 124–134.
- Исланова И. В., Олейников О. М., Оруджев Р. А., Сапрыкина И. А., Суворов Д. И.*, 2015. Работы в Тверской области и городах Тверь, Торопец и Ржев // АО 2010–2013 гг. М.: Наука. С. 193.
- Казанский М. М.*, 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. № 4. С. 1–111.
- Лопатин Н. В.*, 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.*, 2007а. Северные рубежи славянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. 251 с. (PCM; вып. 8.)
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.*, 2007б. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 276–300. (PCM; вып. 9.)
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–197.

Сведения об авторе

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, 117292, Россия, e-mail: ivisl@mail.ru

I. V. Islanova

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CERAMICS SETS
FROM EARLY MEDIEVAL SETTLEMENTS
OF GORODOK 1 AND YURYEVSAYA GORKA

Abstract. The paper analyzes ceramics sets from the well-known unfortified settlements of Gorodok 1 and Yuryevskaya Gorka located in the Msta Upstream region, using the same classification scheme. Both settlements are dated to the third quarter of I millennium. Gorodok 1 is attributed to the Pskov long barrows culture. Not all researchers share the view that Yuryevskaya Gorka belongs to a different historical period. The present comparison provides an opportunity to reveal a lack of similarity between these two

settlements based on frequent finds. Ceramic vessels of type 11 predominate at Gorodok 1, while Yuryevskaya Gorka has mostly yielded vessels of types 7 and 8. These results allow us to talk with fair confidence about differences in their cultural affiliation and, therefore, different population groups that left behind these settlements. Similar presence of ceramics of types 6, 10 and shapes 2 and 3 is apparently linked to common local background.

Keywords: hand-made ceramics, Pskov long barrows culture, sites dating earlier than the sopka-type burials, Udomlya group.

REFERENCES

- Islanova I. V., 1997a. Drevnosti V–VIII vv. basseyna Verkhney Msty [Antiquities of V–VIII cc. of Upper Msta basin]. *Etnogenez i etnokul'turnyye kontakty slavyan. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkhologii [Ethnic origin and ethnocultural contacts of the Slavs. Transactions of VI International Congress of Slavic archaeology]*, 3. V. V. Sedov, ed. Moscow: Fond arkhologii, pp. 77–87.
- Islanova I. V., 1997b. Udomel'skoye Poozer'ye v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [Udomlya lake region in Iron Age and early Middle Ages]. Moscow: Editorial URSS. 302 p.
- Islanova I. V., 2006a. Verkhneye Pomost'ye v rannem srednevekov'ye [Upper Pomost'ye in early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gos. universitet. 286 p.
- Islanova I. V., 2006b. Raboty v Tverskoy oblasti i v Tveri [Works in Tver' region and Tver']. *AO 2005*. Moscow: Nauka, pp. 155–156.
- Islanova I. V., Lagutkina E. V., Lagutkin A. V., 2017. Poseleniye epokhi Velikogo pereseleniya narodov Troitsa 1 na ozere Udomlya (po materialam 1984, 1985, 1987, 2002 i 2003 gg.) [Settlement of Migration period Troitsa 1 on Udomlya lake (based on materials of 1984, 1985, 1987, 2002 and 2003 rr.)]. *RA*, 3, pp. 124–134.
- Islanova I. V., Oleynikov O. M., Orudzhev R. A., Saprykina I. A., Suvorov D. I., 2015. Raboty v Tverskoy oblasti i gorodakh Tver', Toropets i Rzhev [Works in Tver' region and cities of Tver', Toropets and Rzhev]. *AO 2010–2013*. Moscow: Nauka, p. 193.
- Kazanskiy M. M., 2010. Skandinavskaya mekhovaya trgovlya i «Vostochnyy put'» v epokhu pereseleniya narodov [Scandinavian fur trade and «Eastern route» in migration period]. *Stratum plus*, 4, pp. 1–111.
- Lopatin N. V., 2003. O proiskhozhdenii i lokal'noy spetsifike keramicheskikh naborov kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [On origin and local specifics of pottery sets of culture of long kurgans of Pskov type]. *KSLA*, 214, pp. 43–58.
- Lopatin N. V., Furas'yev A. G., 2007a. Severnyye rubezhi slavyanskogo mira v III–V vekakh n. e. [Northern borders of Slavic world in III–V centuries AD]. Moscow: IA RAN. 251 p. (RSM, 8.)
- Lopatin N. V., Furas'yev A. G., 2007b. Severo-Zapad Rossii i Sever Belorussii [Russia North-West Byelorussia North]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 276–300. (RSM, 9.)
- Rozenfeldt I. G., 1974. Keramika d'yakovskoy kul'tury [Ceramics of D'yakovo culture]. *D'yakovskaya kul'tura D'yakovo culture*. Moscow: Nauka, pp. 90–197.
- Vorontsov A. M., 2013. Kul'turno-khronologicheskiye gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Don'skogo vodorazdela [Cultural-chronological horizons of sites of II–V centuries in territory of Oka-Don watershed]. I. O. Gavritukhin, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo Pole». 173 p. (Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya regiona Kulikova Poly, 1.)

About the author

Islanova Inna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ivisl@mail.ru

Р. Н. Модин, М. Г. Иванова, И. В. Журбин

ХРОНОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ КУШМАНСКОГО ГОРОДИЩА УЧКАКАР

Резюме. Статья посвящена хронологии внутренней части Кушманского городища Учкакар, относящегося к чепецкой археологической культуре эпохи Средневековья (IX–XIII вв.). Рассматривается хронология двух основных стратиграфических горизонтов культурного слоя (ранний горизонт I, этапы Па-б, Пв, Пг позднего горизонта II). В статье проведен хронологический анализ принадлежащих им вещевых комплексов, для чего были привлечены многочисленные аналогии. В результате исследования установлено, что ранний горизонт I, относящийся ко времени функционирования внутренней линии обороны, может быть датирован в пределах IX–X вв. Поздний горизонт II, напластования которого перекрывают руины ранних оборонительных сооружений, датируется второй половиной X – рубежом XII–XIII вв. Временные границы его этапов могут быть определены следующим образом: этапы Па-б – вторая половина X – середина XI в.; этап Пв – середина XI – начало XII в.; этап Пг – XII – конец XII в. / рубеж XII–XIII вв.

Ключевые слова: городище, горизонт, этап, хронология, находки, комплекс, аналогии, культурный слой.

Кушманское городище Учкакар находится в Ярском районе Удмуртской Республики, в 1,6 км к ЗЮЗ от нежилой д. Кушман, в 6,2 км к ЮВ от д. Озерки. Городище знакомо исследователям с конца XIX в. (*Спицын*, 1893. С. 74; *Первухин*, 1896. С. 83–86). В 1930 г. здесь провел раскопки А. П. Смирнов (*Иванова*, 1976. С. 105, 106). В 2011–2017 гг. городище и его округа исследованы комплексной археолого-геофизической экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН и Физико-технического института Уральского отделения РАН. Результаты этих исследований опубликованы в отдельной монографии (*Журбин и др.*, 2018).

Памятник расположен на правом берегу р. Чепцы, на мысу, ограниченном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – оврагом, по которому протекает ручей Каршур (*городищенская речка – удм.*). Ориентированная по линии СЗ – ЮВ,

площадка имеет подтреугольную форму. На ней визуально прослеживаются две линии обороны. Внешний вал дугообразной формы имеет длину 170 м, ширину основания до 18 м, высоту около 1 м. Ширина рва достигает 10 м. Вторая линия обороны находится на расстоянии 112 м к юго-западу. Длина вала здесь составляет 98 м, ширина основания до 14 м. Ров шириной 10–15 м прослеживается ближе к краям площадки. Третья, наиболее ранняя, линия фортификационных сооружений выявлена геофизическими методами и исследована раскопками 2013–2016 гг. (Модин и др., 2018). Она была разрушена и сnivelирована еще в древности, а ее руины перекрыты более поздним культурным слоем, поэтому на поверхности она не прослеживается.

Таким образом, в планиграфической структуре городища выделяются четыре условные части, разделенные оборонительными сооружениями: внутренняя, средняя, внешняя и напольная. В 2011–2017 гг. на каждой из них проведены раскопки (Журбин и др., 2018). По их результатам в культурном слое памятника выделено два больших хронологических горизонта (рис. 1). Ранние напластования (Горизонт I) относятся ко времени возведения и функционирования наиболее древней внутренней линии обороны. К позднему хронологическому горизонту (Горизонт II) принадлежат напластования, возникшие после прекращения функционирования внутренней линии обороны. Оба горизонта зафиксированы только на внутренней площадке. Их граница определяется здесь достаточно четко, так как их разделяет слой руин внутренней линии обороны. Напластования позднего горизонта начали откладываться на внутренней площадке уже с поверхности этого слоя. Датировка внутренней линии обороны, защищавшей раннее поселение, опирается на находки со дна рва и из подстилающей вал погребенной почвы (округлая синяя стеклянная бусина, многочастная синяя стеклянная пронизка, сердцевидная бляха), определена нами IX–X вв. (рис. 2: 1–3) (Модин и др., 2018. С. 92, 93. Рис. 6). Горизонт I исследован на площади всего 50 кв. м, на участке, примыкающем к оборонительным сооружениям. Находки из него немногочисленны. Датировочным может служить фрагмент перстня со вставкой из синего стекла, подтверждающий ранее сделанный вывод о датировке внутренней линии обороны и, следовательно, раннего поселения (рис. 2: 4). Подобные перстни встречаются в могильниках IX–X вв. в Прикамье и сопредельных территориях. Они найдены в Варнинском могильнике VIII–X вв. (Семенов, 1980. Рис. 10: 219); погр. № 6 Качкашурского I могильника, которое датировано IX в. (Иванов, 1991. С. 152, 156. Рис. 5: 16); погр. № 10 IX в. Веселовского могильника (Никитина, 2012. С. 73, 137. Рис. 31: 10, 11); в комплексах IX в. Агафоновского II могильника (Голдина, Ютина, 2012. С. 448, 468. Рис. 4: 14). К сожалению, имеющийся на данный момент вещевой материал ограничивает возможности для более узкой датировки горизонта I. Это связано с тем, что раскопками затронут совсем небольшой участок культурного слоя раннего поселения, из-за чего в коллекции не представлена сколь-либо значительная серия хронологически показательных находок.

В составе позднего горизонта II выделено четыре этапа (IIa, IIб, IIв, IIг), каждому из которых соответствуют те или иные сооружения (Журбин и др., 2018. С. 61–63. Табл. 2). Хронологические рамки горизонта были обозначены нами в пределах второй половины X – первой половины XIII в. (Там же. С. 100). Датировка

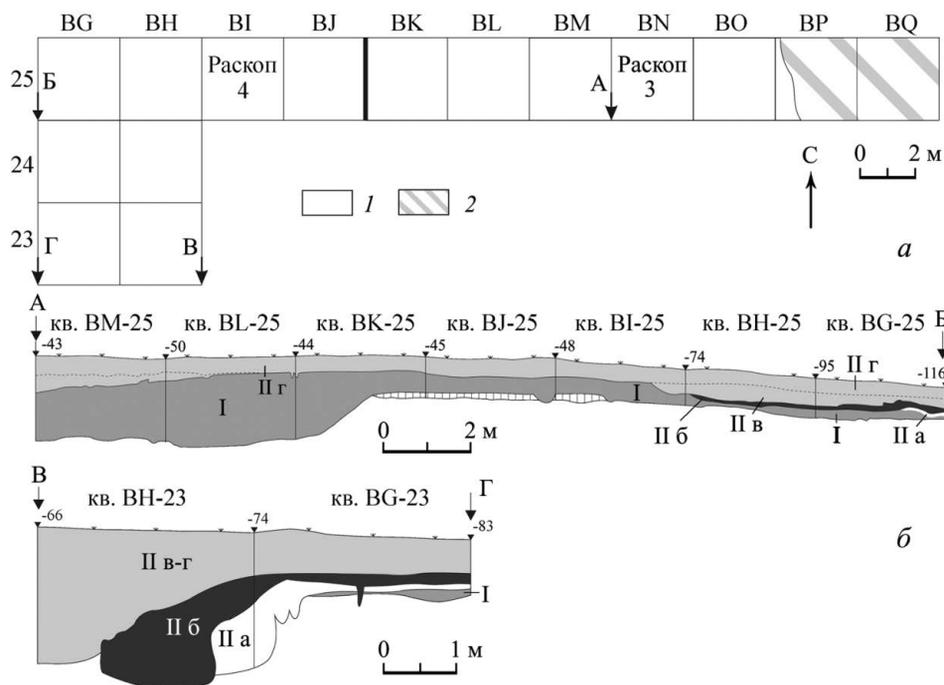

Рис. 1. Схема раскопов 3–4 на внутренней части Кушманского городища Учцакар (а) и стратиграфические схемы хронологических горизонтов на профилях раскопов (б)

I – внутренняя часть городища, *2* – средняя часть городища

составляющих его этапов на внутренней части городища рассматривается в данной работе. Особенность этой структурной части памятника заключается в том, что только здесь зафиксированы напластования обоих стратиграфических горизонтов и всех этапов горизонта II.

В процессе решения поставленной задачи возникают две основные проблемы. Во-первых, в коллекции отсутствуют большие серии изделий, имеющих узкую датировку. Многие находки, как правило, могут быть широко датированы временными рамками горизонта либо еще шире. Некоторые из них в больших количествах найдены в прослойках всех этапов. К таковым, например, относятся костяные наконечники стрел, костяные копоушки, каменные и костяные пряслица, железные ножи и др. Вторая проблема, традиционная для поселенческой археологии, заключается в том, что вычлняемые в составе культурного слоя структурные единицы (в нашем случае – этапы) не являются закрытыми комплексами. На территории поселения в период его функционирования постоянно производилась хозяйственная деятельность, сопровождающаяся перекопами более ранних напластований, которые не всегда удается проследить. Это приводит к тому, что находки из прослоек более ранних этапов оказываются в более поздних прослойках и наоборот, что с учетом первой проблемы особенно актуально в нашем случае. Это также относится к вещевым комплексам из выявленных

**Рис. 2. Находки из раннего горизонта I (а),
этапов Па-б (б) и Пв (в) позднего горизонта II**

1, 2, 7–10 – бусины; 3 – сердцевидная бляха; 4 – фрагмент перстня со вставкой; 5, 6, 11 – шумящие подвески; 12 – лировидная пряжка; 13–15 – накладки; 16–18 – коньковые и биконьковая подвески

1, 2, 7–10 – стекло; 3, 5, 6, 11–15 – цв. металл; 16–18 – кость

в культурном слое сооружений. Большинство из них наземные либо заглублены в нижележащий слой, а потому находки из их заполнения далеко не всегда относятся к времени бытования сооружения. А котлованы тех сооружений, которые заглублены в материк, как правило, заполнены грунтом, относящимся к более позднему времени. Ко времени их бытования с достаточно высокой степенью вероятности могут быть отнесены находки только с их дна или придонных прослоек, сформировавшихся в период функционирования сооружения.

Для определения хронологических рамок этапов в вещевом комплексе каждого из них выбраны изделия, которые по известным аналогиям имеют относительно неширокую датировку. В качестве аналогий мы в первую очередь привлекали находки из хорошо датированных закрытых комплексов, к которым прежде всего относятся погребения и клады. И только в случае отсутствия таких привлекались аналогии из других комплексов. При отборе вещей для решения поставленной задачи отбрасывались те из них, которые залежали в культурном слое в районе явных перекопов, так как их принадлежность тому или иному этапу вызывает сомнения. Кроме того, в более поздних напластованиях встречались откровенно ранние вещи, которые тоже не рассматривались. Все это привело к тому, что для каждого этапа есть совсем немного вещей, пригодных для его датирования. Также не рассматривались вещи из заполнения внутреннего рва, так как грунт, его составляющий, неоднократно был переотложен в разные хронологические периоды (при возведении оборонительной стены, при ее разрушении, при последующих планировках поверхности).

Нижняя часть горизонта II представлена напластованиями этапов Па и Пб, которые характеризуют первоначальный период жизни на городище после разрушения внутренней линии обороны и отражают две его стадии. В это время на месте оборонительной стены располагался небольшой вал, образовавшийся после ее разрушения, а ров частично засыпан грунтом из заполнения срубов-городен. Первое время, на этапе Па, границы поселения не выходили за старые пределы и ограничивались руинами оборонительных сооружений. Судя по фрагментарности и малой мощности напластований (в среднем 10 см), это был довольно короткий промежуток времени. В слоях, соответствующих этапу Па, отсутствуют находки, имеющие узкую датировку. Поэтому хронологические рамки именно этого этапа достоверно не выделяются, а датировка ранних этапов горизонта II оценивается укрупненно – для этапов Па-б. На этапе Пб началось постепенное освоение пространства за пределами внутреннего вала (средняя часть). Наиболее выразительными находками из этих напластований являются шумящие подвески в виде двух умбововидных спиралей, соединенных сверху петлей и тремя петлями, к которым прикреплены привески в форме изогнутой лапки (рис. 2: 5, 6). Подобные изделия находят много аналогий в хорошо датированных погребальных комплексах как на территории Прикамья, так и за ее пределами. Они найдены в марийских могильниках Черемисское кладбище (погр. 1 рубежа VIII–IX вв.; погр. 13 X в.), Нижняя Стрелка (погр. 25 IX в.; жертвенный комплекс 4 второй половины X в.), Веселовский (погр. 4 X в., погр. 17–18 последней четверти X в., жертвенный комплекс 20 X в.), Юмский (погр. 4, 5 VIII–X вв.) (Никитина, 2012. С. 73. Рис. 92: 3, 9; 102: 1, 2; 176: 3; 198: 5; 16: 3, 4; 52: 20; 56: 11; 120: 11; 122: 2). В Агафоновском II могильнике они встречены в комплексах X в. (Голдина, Ютина, 2012. С. 469.

Рис. 5: 38). В могильнике Мыдлань-Шай подобные подвески найдены в погр. 10, 15, датированных второй половиной VIII – первой половиной IX в. (*Генинг*, 1962. Табл. VI: 2). В Рождественском могильнике эти украшения включены в группу изделий X–XI вв. (*Крыласова*, 2013. Рис. 1: 1, 2). Приведенные аналогии говорят о том, что основное время распространения подвесок этого типа приходится на IX–X вв. Они продолжают встречаться и в XI–XII в., но в отличие от более ранних имеют привески в виде круглых бубенчиков с высокой шейкой (Качкашурский I могильник, погр. 35, 36; Веселовский могильник, погр. 22, ритуальный комплекс 21 середины – второй половины XI в., погр. 29 XI в.; погр. 14 Выжумского III могильника) (*Иванов*, 1991. Рис. 7: 10, 11; *Никитина*, 2012. С. 73. Рис. 58: 3; 61: 12; 73: 2; *Архинов*, 1986. Рис. 24: 7; *Голдина*, *Кананин*, 1989. Рис. 72: 15).

К датирующим для этапов Па-б могут быть отнесены находки граненых бусин (рис. 2: 7–9). Две из них бирюзовые из заглуженного стекла, еще одна синяя. Подобные бусины встречены в I Поломском могильнике (*Львова*, 1973. С. 96. Рис. 2: 59, 61), Огурдинском могильнике рубежа X–XI – второй половины XI в. (*Белавин*, *Крыласова*, 2012. Цв. вкл. Д: 69, 70), Тольенском могильнике IX – начала X в. (*Семенов*, 1988. Рис. 1: 41). На территории Верхнего Прикамья подобные бусы встречаются во второй половине X – первой половине XI в. (*Абдулова*, 2009. С. 6, 7. Рис. 1). В Старой Ладоге они известны в слоях IX–X вв. (*Львова*, 1968. С. 82, 90. Рис. 4, 45, 66). В этих же прослойках найдена овальная бусина из заглуженного стекла синего цвета (рис. 2: 10). В Приуралье подобные бусы встречены в Поломском I могильнике (конец VI – начало X в.), а также на памятниках ломоватовской культуры, где датируются концом VIII – IX в. (*Львова*, 1973. С. 94, 95; 92. Рис. 2: 25–28; *Голдина*, *Королева*, 1983. С. 40–69. Цв. вкл.).

Таким образом, вышеописанные находки позволяют наметить хронологические рамки этапов Па-б, соответствующих раннему периоду жизни поселения после разрушения внутренней линии обороны, в пределах второй половины X – середины XI в. Остальные находки из прослоек этапов Па-б либо невыразительны, либо датируются широко.

На этапе Пв границы хозяйственного освоения внутренней площадки расширились. Грунт, составляющий руины ранней оборонительной стены, был перемещен в ров, а поверхность на этом месте выровнена. Незасыпанной оставалась восточная часть рва, вероятно, использовавшаяся в качестве места для сброса мусора. Из напластований этого этапа происходят следующие находки, которые, на наш взгляд, могут служить для датировки этапа.

Подвеска с умбовидной основой и тремя привесками-лапками (рис. 2: 11). Подобные подвески начинают встречаться еще с IX в. (*Голдина*, *Кананин*, 1989. Рис. 70: 29), но большинство находок относится к более позднему времени. Известны разные варианты этих изделий, вероятно, имеющие территориальные и хронологические различия (например: *Белавин*, *Крыласова*, 2012. С. 130; *Семенов*, 1985. Рис. 4: 7, 8, 10; *Голубева*, 1962. Рис. 4: 8; *Крыласова*, 2013. Рис. 1: 4, и др.). Подвеска с Уччакара имеет три привески, умбон украшен псевдозерненным орнаментом в центре и треугольниками псевдозерни по краю. Похожие изделия встречены в комплексах XI–XII вв.: Огурдинский могильник рубежа X–XI – второй половины XI в. (*Белавин*, *Крыласова*, 2012. Рис. 58: 2, 3); могильник Нижняя Стрелка, погр. 5, рубежа XI–XII вв. (*Никитина*, 2012. С. 73. Рис. 143: 25); погр. 16

Руткинского могильника XII – первой половины XIII в (*Архипов*, 1986. Рис. 23, 25). В Чепецком бассейне похожая подвеска найден в погр. 43 Качкашурского могильника. Это погребение находится в северо-восточной части памятника, где расположены наиболее поздние захоронения (*Иванов*, 1991. С. 153. Рис. 7: 4). На Кичилькосском I могильнике на р. Вычегде похожая подвеска найдена в погр. 2 вместе с германской монетой XI в. (*Савельева*, 1987. С. 153, 154. Рис. 30, 28).

Аналогии бронзовой лировидной пряжке с овальной рамкой и «лилиевидным» завершением широко представлены на памятниках X–XII вв. (рис. 2: 12). Они известны на Руси, Волжской Булгарии, в Саркеле, в Средней Азии и т. д. (*Седова*, 1981. С. 144; *Казаков*, 1991. С. 128, 129). Находки подобных изделий из могильников Прикамья встречены в основном на памятниках XI–XII вв.: Огурдинский могильник (*Белавин*, *Крыласова*, 2012. Рис. 64: 4), комплексы XI в. Рождественского могильника (*Крыласова*, 2013. Рис. 1: 34), Кузьминский могильник (*Иванова*, 1992. Рис. 17: 7), комплексы XII в. Агафоновогo II могильника (*Голдина*, *Ютина*, 2012. Рис. 7: 134). В марийских могильниках они происходят их погр. 23, 24 Веселовского могильника (вторая половина – конец XI в.), погр. 19 Дубовского могильника (рубеж XI–XII вв.) (*Никитина*, 2012. С. 73. Рис. 62: 1; 64: 1; 229: 5).

Необычна сердцевидная бронзовая накладка с тремя прорезями (рис. 2: 13). Похожие по стилистике изделия известны в могильниках оглахтинского периода малиновского этапа аскизской культуры (середина XI – начало XII в.) (*Кызласов*, 1983. Табл. XXXIII).

Среди деталей поясного набора выделяются десять накладок прямоугольной формы с прорезью у основания. В культурном слое они залегали компактно на небольшом участке, что не исключает их принадлежности одному поясному набору. Большинство из них происходит непосредственно из напластований этапа Пв, остальные найдены на контакте современной пашни и непотревоженного культурного слоя, где граница между напластованиями этапов Iv–г прослеживается слабо. Несколько накладок имеют «растительный» орнамент в виде трилистника и побегов (рис. 2: 14). Изделия с похожим орнаментом в финно-угорских могильниках Поволжья и Прикамья встречаются в основном в X–XI вв. Они найдены на могильнике Нижняя Стрелка (погр. 22 – вторая половина XI в., погр. 28), Дубовском могильнике (погр. 8, 36 – рубеж XI–XII вв., погр. 73 – X–XI вв.), Веселовском могильнике (погр. 13 – конец X – XI в.) (*Никитина*, 2012. С. 69, 73. Рис. 40: 7; 171: 6; 179: 5; 219: 4; 241: 13; 269: 8, 9; 277: 11), могильнике Черемисское кладбище (погр. XV–XVI из раскопок 1908 г., датирующиеся X в.) (*Архипов*, 1973. С. 68. Рис. 43: 12, 72). На территории Пермского Приуралья подобные накладки происходят из могильника IX–XI вв. Степаново Плотбище (*Данич*, 2013. Рис. 1: 13), Рождественского могильника, где включены в состав материалов второй половины X – первой половины XI в. (*Крыласова*, 2013. Рис. 1а: 105). Кроме того, известны аналогии в мордовском Крюково-Кужновском могильнике (Материалы..., 1952. Табл. XXXI: 2), Вотчинском могильнике, материалы которого относятся в основном к X–XI вв. (*Истомина*, 1999. С. 97. Рис. 10: 19), погр. 66 второй половины X – начала XI в. могильника Минино II (Археология севернорусской..., 2007. С. 308. Рис. 81) и др. На территории чепецкой культуры похожая накладка известна в Омутницком могильнике IX–XI вв. (*Семенов*, 1985. Рис. 5: 17–19).

Накладка с изображением личины находит многочисленные аналогии в комплексах X–XI вв. (рис. 2: 15). Подобные изделия встречены в Огурдинском могильнике рубежа X–XI – второй половины XI в. (Белафин, Крыласова, 2012. Рис. 66: 31), на Питерском могильнике (Степаново Плотбище) IX–XI вв. (Данич, 2013. Рис. 1: 47), в Веселовском могильнике (погр. 12 – X–XI вв.) (Никитина, 2012. Рис. 37: 7), Вотчинском могильнике X–XI вв. (Истомина, 1999. Рис. 10: 14). Верхняя дата этих накладок может заходить в XII в. Три таких накладки найдены в погр. 36 Дубовского могильника. Несмотря на то что в нем найдены болгарские монеты середины X в., остальной инвентарь имеет более позднюю датировку, вплоть до начала XII в. (Никитина, 2012. С. 72, 73. Рис. 296: 24–26).

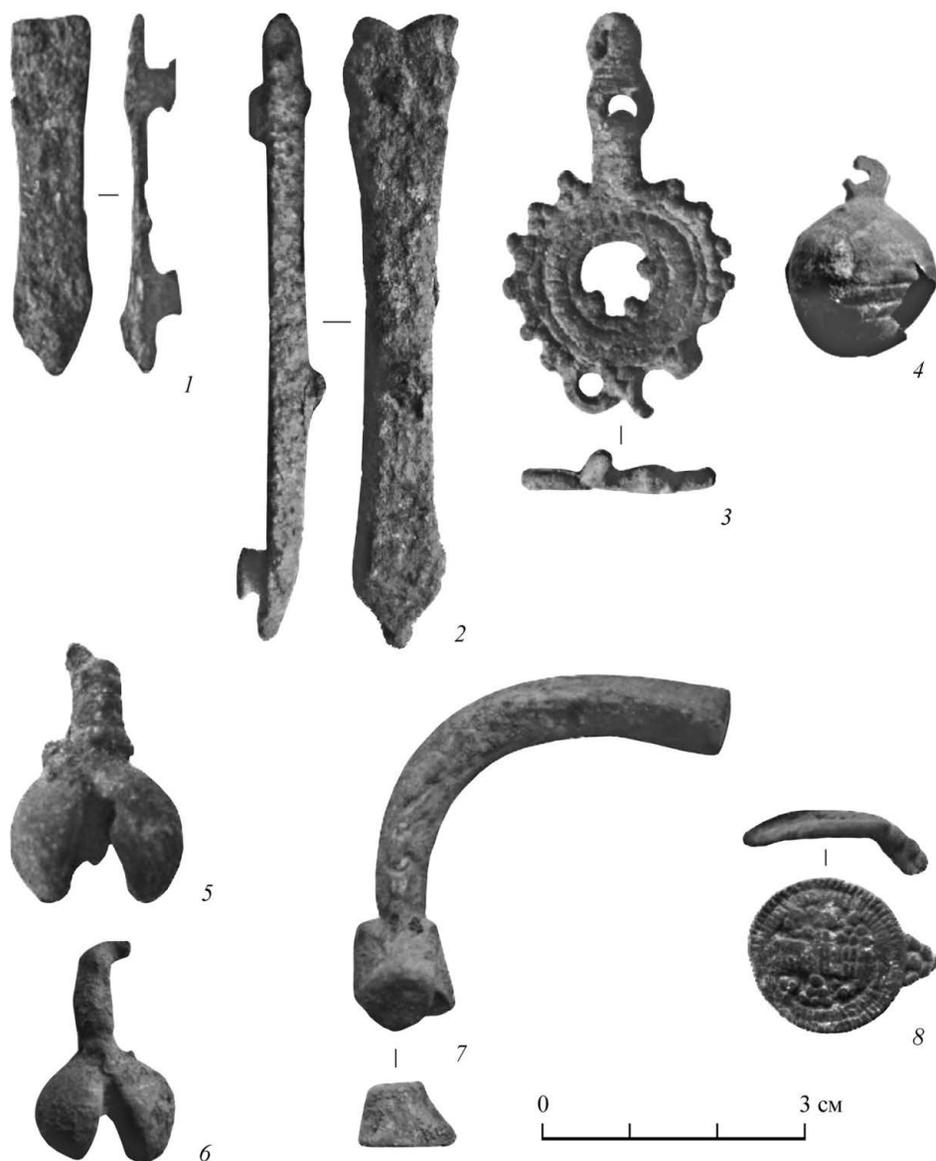
С этапом Пв связаны находки двух костяных коньковых и одной биконьковой подвесок (рис. 2: 16–18). Их типология разработана Л. А. Голубевой. Эти подвески были распространены у мари, муромы, мордвы и удмуртов в X–XI вв. и к концу последнего выходят из употребления (Голубева, 1979. С. 58).

Таким образом, анализ времени распространения перечисленных вещей позволяет наметить временные рамки комплекса этапа Пв в пределах середины XI – начала XII в.

Для наиболее позднего этапа Пг наиболее характерными датированными находками могут служить железные накладки аскизского типа (рис. 3: 1, 2). На чепецких памятниках подобные изделия появляются в конце XI – начале XII в. (Иванова, 1992. С. 51, 52). К. А. Руденко на основе анализа изделий аскизского круга с территории Поволжья и Приуралья пришел к выводу о том, что найденные в бассейне р. Чепцы железные пряжки и накладки местного изготовления и были в употреблении с конца XI до конца XII в. (Руденко, 2001б. С. 63–65).

Из напластований этапа Пг происходит кольцевидная шумящая подвеска (рис. 3: 3). Внутри кольца и по его контуру расположены треугольники псевдозерни. К петле прикреплено щитковое звено от цепочки. Аналогии подобным подвескам известны на Огурдинском могильнике рубежа X–XI – второй половины XI в. (Белафин, Крыласова, 2012. Рис. 58: 11), в комплексах конца XI в. Рождественского могильника (Крыласова, 2013. Рис. 1а, 96). Похожие подвески, но без треугольников псевдозерни по центру, происходят из жертвенного комплекса 6 марийского могильника Нижняя Стрелка (Никитина, 2012. Рис. 199: 7) и погр. 23 могильника Барсова Гора на Оби (Арне, 2005. С. 67. Рис. 62). Для датировки подвески с Уччакара важное значение имеет наличие щиткового звена цепочки. Подобные цепочки получили распространение с середины XI в., их использовали на шумящих украшениях до XIV в. (Белафин, Крыласова, 2012. С. 130). По классификации А. В. Вострокнутова для звеньев цепи шумящих украшений, изделию с Уччакара наиболее близок вариант d группы I, датированный автором исследования XII–XIII вв. (Вострокнутов, 2013. С. 6–10. Рис. 4).

К числу поздних находок относится шаровидая бронзовая привеска-бубенчик, опоясанная по центру линейным орнаментом (рис. 3: 4). Подобные привески встречаются на марийских могильниках XII–XIII вв. (погр. 7, 23 Руткинского могильника, погр. 6 Починковского могильника) (Архипов, 1986. Рис. 17: 8; 23: 11, 14), в комплексах XII в. вымских могильников (Савельева, 1987. Рис. 37: 70), в Озельском могильнике рубежа XII–XIII – первой половины XIII в. на р. Вычегде (Кленов, 1999. Рис. 3: 12). На чепецких могильниках

Рис. 3. Находки этапа Пг позднего горизонта II

1, 2 – накладки аскизского типа, 3 – кольцевидная шумящая подвеска; 4 – привеска-бубенчик; 5, 6 – привески-бубенчики с высокой шейкой; 7 – фрагмент подковообразной фибулы; 8 – щиток перстня

1, 2 – железо; 3–7 – цв. металл; 8 – серебро

такие привески известны среди комплексов XII в. Кузьминского могильника (Иванова, 1992. Рис. 47: 26).

Привески-бубенчики с прорезью и высокой шейкой (рис. 3: 5, 6) находят аналогии в могильниках XI–XIII вв. Встречаются их находки как в составе шумящих подвесок (см. выше), так и отдельно. Они известны на марийских могильниках XI–XIII вв. (погр. 22, 26 – вторая половина XI в. – Веселовского могильника; погр. 17 Руткинского могильника) (Никитина, 2012. Рис. 61: 12; 68: 1; Архипов, 1986. Рис. 23: 8), в Озельском могильнике (Кленов, 1999. Рис. 3: 15, 16), среди верхокамских древностей XI–XII вв. (Голдина, Кананин, 2012. Табл. 7: 2). В чепецких древностях подобные привески известны в комплексах XI–XII вв. Кузьминского, Маловенижского, Качкашурского и др. могильников (Иванова, 1992. Рис. 13: 33; 37: 19; Иванов, 1991. Рис. 7: 10, 11).

К импортным предметам, несомненно, относится фрагмент подковообразной фибулы с пирамидальной головкой (рис. 3: 7). На памятниках Северо-Восточной Руси подобные фибулы встречаются в XI–XIII вв., но наиболее распространены в XII в. (Мальм, 1967. С. 166, 167). В Новгороде подобные изделия встречаются в слоях конца X – конца XIV в. (Седова, 1981. С. 86, 87). Аналогичные изделия встречаются в верхокамских древностях XI–XII вв. (Голдина, Кананин, 2012. Табл. 7: 11). На чепецких памятниках такая фибула найдена в погр. 42 Маловенижского могильника, функционировавшего в середине XI – XII в. (Иванова, 1992. С. 66. Рис. 37: 7).

К предметам болгарского импорта относится щиток серебряного перстня с щитком, украшенным сканью и зернеными треугольниками (рис. 3: 8). На территории Прикамья два аналогичных перстня найдены на Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 182: 12). По классификации К. А. Руденко, подобные перстни относятся к типу I и датируются второй половиной X – XII в. Они найдены на Остолоповском селище и в Спасском кладе (Руденко, 2015. С. 160, 386). Время выпадения последнего относится к XIII в., а входящие в его состав украшения изготовлялись во второй половине XII – первой трети XIII в. (Руденко, 2001а. С. 331).

Комплексе перечисленных находок, происходящих из напластований этапа Пг, в целом укладывается в пределы XII – первой половины XIII в. Анализ состава бус позволяет уточнить верхнюю дату горизонта II на внутренней части городища. Подавляющее большинство бус найдено в напластованиях, относящихся к этапам Пв и Пг. К первому из них относится 75 бусин (в т. ч. 32 экз. бисера и одна лимоновидная бусина в составе ожерелья). Абсолютно преобладают (72 экз.) бусы четырех групп. Равным количеством представлены одноцветные бусы из заглушенного стекла, гладкие глазчатые бусы, лимоновидные одно- и двухчастные (14, 13 и 13 экз. соответственно). Еще 32 экз. – бисер, который представлен исключительно в составе одного ожерелья. Бусы этих же групп преобладают и на этапе Пг (47 экз. из 55). Однако их соотношение несколько изменилось. Доминируют гладкие глазчатые бусины (22 экз.) и одноцветные бусины из заглушенного стекла (14 экз.). Ранее проводился анализ распределения бус по хронологическим комплексам чепецких могильников XI–XIII вв. (Иванова, 1992. С. 62–67). Абсолютное преобладание бус из заглушенного стекла и гладких глазчатых бус характерно для погребений середины XI – XII в., в частности,

для Маловенижского могильника и ранних комплексов Кузьминского могильника. В погребениях XIII в. (поздние комплексы Кузьминского могильника, Чиргинский могильник) преобладают бусы из полупрозрачного стекла, которые на Кузьминском могильнике появляются еще в XII в. В Маловенижском могильнике, хронологические рамки которого не выходят за пределы XII в., бусы из полупрозрачного стекла отсутствуют (*Иванова*, 1992. С. 63, 66). В поздних напластованиях внутренней части Кушманского городища бусины из полупрозрачного стекла представлены всего тремя экземплярами. Единичны их находки и на других структурных частях городища. Это обстоятельство позволяет ограничить верхнюю дату позднего этапа внутренней части Кушманского городища концом XII или рубежом XII–XIII вв.

Таким образом, анализ комплексов хронологически показательных находок, соответствующих структурным частям культурного слоя, позволяет определить временные рамки основных периодов функционирования внутренней части Кушманского городища. Ранний горизонт I, который относится ко времени функционирования внутренней линии обороны, может быть датирован в пределах IX–X вв. Поздний горизонт II, напластования которого перекрывают руины ранних оборонительных сооружений, датируется второй половиной X – рубежом XII–XIII вв. Временные границы его этапов могут быть определены следующим образом: этапы Па-б – вторая половина X – середина XI в.; этап Пв – середина XI – начало XII в.; этап Пг – XII – конец XII в. / рубеж XII–XIII вв. Хронологический разрыв между горизонтами I и II, а также между этапами горизонта II не прослеживается, что свидетельствует о непрерывном развитии поселения на протяжении нескольких столетий. После разрушения внутренней линии обороны на внутренней части городища некоторое время наблюдается заметный спад хозяйственной активности. Напластования этапов Па-б, характеризующие этот период, имеют небольшую мощность и мало насыщены находками. В это время на месте оборонительной стены располагался небольшой вал (руины), а ров оставался в полусасыпанном состоянии. На этапе Пв произошел резкий всплеск хозяйственной активности. Руины внутренней оборонительной стены были сдвинуты в ров, а поверхность выровнена. Напластования этого и последующего этапа имеют большую мощность и содержат богатый вещевой материал.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулова С. И.*, 2009. Хронология бус могильников Верхнего Прикамья VIII–XIV веков // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 33. С. 5–12.
- Арне Т. Й.*, 2005. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург: Сургут: Уральский рабочий. 182 с.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Архипов Г. А.*, 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 198 с.
- Архипов Г. А.*, 1986. Марийцы XII–XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 160 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б.*, 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т. 603 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б.*, 2012. Огурдинский могильник. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т. 259 с.

- Вострокнутов А. В.*, 2013. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 55. С. 5–12.
- Генинг В. Ф.*, 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 7–112.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А.*, 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 216 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А.*, 2012. Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): Хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. С. 427–446. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 25.)
- Голдина Р. Д., Королева О. П.*, 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. С. 40–71.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К.*, 2012. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): Хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. С. 447–472. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 25.)
- Голубева Л. А.*, 1962. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука. 112 с.
- Голубева Л. А.*, 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с. (САИ; вып. Е1-59.)
- Данич А. В.*, 2013. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1. С. 181–196.
- Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В.*, 2018. Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: Таус. 248 с.
- Иванов А. Г.*, 1991. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред.: М. Г. Иванова, Н. И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. С. 140–180.
- Иванова М. Г.*, 1976. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка. С. 93–106.
- Иванова М. Г.*, 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. 184 с.
- Истомина Т. В.*, 1999. Вотчинский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра Уральского отделения РАН. С. 76–102.
- Казаков Е. П.*, 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во. 176 с.
- Кленов М. В.*, 1999. Озельский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра Уральского отделения РАН. С. 103–114.
- Крыласова Н. Б.*, 2013. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (21). С. 104–115.
- Кызласов И. Л.*, 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука. 128 с. (САИ; вып. Е3-18.)
- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Изд-во ГЭ. С. 63–94.
- Львова З. А.*, 1973. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. Л.: Изд-во ГЭ. С. 83–104.
- Мальм В. А.*, 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–190. (Труды ГИМ; вып. 43.)
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. / Под. ред. А. П. Смирнова. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
- Модин Р. Н., Журбин И. В., Иванова М. Г.*, 2018. Междисциплинарные исследования и реконструкция оборонительных сооружений финно-угорских средневековых поселений (Кушманское городище Уччакар) // РА. № 2. С. 83–97.
- Никитина Т. Б.*, 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Ин-т истории АН Республики Татарстан. 408 с.

- Первухин Н. Г.*, 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // *Материалы по археологии восточных губерний России*. Вып. II. М. С. 13–121.
- Руденко К. А.*, 2001а. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке XI–XIV вв.) // *Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. науч. конф. (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.)* / Отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. С. 322–348.
- Руденко К. А.*, 2001б. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман. 256 с.
- Руденко К. А.*, 2015. Булгарское серебро. Казань: Заман. 528 с. (Древности Биляра; т. 2.)
- Савельева Э. А.*, 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ. 200 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Семёнов В. А.*, 1980. Варнинский могильник // *Новый памятник поломской культуры* / Ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: НИИ. С. 5–135.
- Семёнов В. А.*, 1985. Омутницкий могильник // *Материалы средневековых памятников Удмуртии* / Отв. ред. М. Г. Иванова. Устинов: Удмуртский НИИ. С. 92–118.
- Семёнов В. А.*, 1988. Тольёнский могильник IX – начала X вв. // *Новые исследования по древней истории Удмуртии* / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. С. 25–58.
- Спицын А. А.*, 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М. XIII, 192 с. (Материалы по археологии восточных губерний России; вып. I.)

Сведения об авторах

Модин Роман Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: modin.roman@mail.ru;

Иванова Маргарита Григорьевна, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, ул. Т. Барамзиной, д. 34, г. Ижевск, 426067, Удмуртская Республика, Россия; e-mail: margrig45@mail.ru;

Журбин Игорь Витальевич, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, ул. Т. Барамзиной, д. 34, г. Ижевск, 426067, Удмуртская Республика, Россия; e-mail: zhurbn@udm.ru

R. N. Modin, M. G. Ivanova, I. V. Zhurbn

CHRONOLOGY OF THE INTERIOR PART OF THE KUSHMANSKOYE FORTIFIED SETTLEMENT (UCHKAKAR)

Abstract. The paper reports on the chronology of the Kushmanskoye fortified settlement (Uchkakar) attributed to the Cheptsya culture dating to the Middle Ages (9th – 13th centuries). It examines chronology of two main stratigraphic horizons of the occupation layer (early horizon I; stages II a-b, II c, II d of later horizon II). The paper provides chronological analysis of artifact assemblages with the use of numerous analogies. The studies established that early horizon II dating to the period when the internal defensive line was in operation can be dated to the 9th – 10th centuries. Subsequent horizon II where the layers overlie the ruins of the earlier defensive constructions dates to the second half of the 10th – turn of the 13th centuries. Timeline of its stages may be defined as follows: stages II a-b as the second half of the 10th – mid-11th centuries; stage II c as mid-11th – early 12th centuries; stage II d as the 12th – late 11th century/turn of the 13th century.

Keywords: fortified settlement, horizon, stage, chronology, finds, assemblage, analogies, cultural deposit.

REFERENCES

- Abdulova S. I., 2009. Khronologiya bus mogil'nikov Verkhnego Prikam'ya VIII–XIV vekov [Chronology of beads from cemeteries of VIII–XIV centuries of Upper Kama region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State university. History]*, 33, pp. 5–12.
- Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskoy ozere [Archaeology of North Russian village of X–XIII centuries: medieval settlements and cemeteries on the Kubenskoye Lake], I. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, 2007. 374 p.
- Arkhipov G. A., 1973. Mariytsy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda [The Mari in IX–XI cc. On the issue of the people's origins]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 198 p.
- Arkhipov G. A., 1986. Mariytsy XII–XIII vekov (K etnokul'turnoy istorii Povetluzh'ya) [The Mari in XII–XIII centuries (On ethnocultural history of Vetluga region)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 160 p.
- Arne T. Y., 2005. Barsov gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznoy veka [Barsov gorodok. West Siberian Iron Age cemetery]. Yekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy. 182 p.
- Belavin A. M., Krylasova N. B., 2008. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskiy kompleks u s. Rozhdstvensk [Ancient Afkula: archaeological complex near village Rozhdstvensk]. Perm': Permskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 603 p.
- Belavin A. M., Krylasova N. B., 2012. Ogurdinskiy mogil'nik [Ogurdinskiy cemetery]. Perm': Permskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 259 p.
- Danich A. V., 2013. Poyasnyye nakladki Piterskogo (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika [Belt plates of Piterskoye (Stepanovo Plotbishche) cemetery]. *Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]*. Kazan', 1, pp. 181–196.
- Gening V. F., 1962. Mydlan'-Shay – udmurtskiy mogil'nik VIII–IX vv. [Mydlan'-Shay – Udmurt cemetery of VIII–IX cc.]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural archaeology]*, 3. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet, pp. 7–112.
- Goldina R. D., Kananin V. A., 1989. Srednevekovyye pamyatniki verkhov'yev Kamy [Medieval sites of Kama upper reaches]. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet. 216 p.
- Goldina R. D., Kananin V. A., 2012. Khronologiya verkhokamskikh drevnostey VI–XIV vv. [Chronology of Upper Kama antiquities of VI–XIV cc.]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): Khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of Kama region of Iron Age (VI c. BC – XV c. AD): Chronological attribution]*. R. D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet, pp. 427–446. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 25.)
- Goldina R. D., Koroleva O. P., 1983. Busy srednevekovykh mogil'nikov Verkhnego Prikam'ya [Beads from medieval cemeteries of Upper Kama region]. *Etnicheskiye protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu [Ethnic processes in the Urals and Siberia in prehistoric epoch]*. V. E. Vladynkin, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet, pp. 40–71.
- Goldina R. D., Yutina T. K., 2012. O datirovke i khronologii pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo mogil'nika (IX–XII vv.) [On dating and chronology of burial complexes of Agafonovskiy cemetery (IX–XII cc.)]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): Khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of Kama region of Iron Age (VI c. BC – XV c. AD): Chronological attribution]*. R. D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet, pp. 447–472. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 25.)
- Golubeva L. A., 1962. Zoomorfnyye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugrians]. Moscow: Nauka, 112 p. (SAI.)
- Golubeva L. A., 1979. Zoomorfnyye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugrians]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI.)
- Istomina T. V., 1999. Votchinskiy mogil'nik [Votchinskiy cemetery]. *Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka [Materials for archaeology of European North-East]*, 16. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skoye otdeleniye RAN [Uralian Branch of RAS], pp. 76–102.
- Ivanov A. G., 1991. Kachkashurskiy mogil'nik IX–XIII vv. v bassejne r. Chepsy [Kachkashurskiy cemetery of IX–XIII cc. in Chepsa river basin]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov [Materials on the Udmurts' burial rite]*. M. G. Ivanova, N. I. Shutova, eds. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skoye otdeleniye RAN [Institute for history, language and literature Uralian Branch of RAS], pp. 140–180.

- Ivanova M. G., 1976. Kushmanskoye gorodishche [Kushmanskoye hillfort]. *Voprosy arkeologii Udmurtii [Issues of archaeology of Udmurtia]*. V. E. Vladykin, ed. Izhevsk: Udmurtskiy Nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, ekonomiki, yazyka i literatury [Scientific research institute for history, economy, language and literature], pp. 93–106.
- Ivanova M. G., 1992. [Pogrebal'nyye pamyatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. [Burial sites of the north Udmurts, XI–XIII cc.]]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skoe otdeleniye RAN [Institute for history, language and literature Uralian Branch of RAS]. 184 p.
- Kazakov E. P., 1991. Bulgarskoye selo X–XIII vekov nizoviy Kamy [Bulgar village of X–XIII centuries in Kama lower reaches]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 176 p.
- Klenov M. V., 1999. Ozel'skiy mogil'nik [Ozel'skiy cemetery]. *Materialy po arkeologii Evropeyskogo Severo-Vostoka [Materials for archaeology of European North-East]*, 16. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skoe otdeleniye RAN [Uralian Branch of RAS], pp. 103–114.
- Krylasova N. B., 2013. Khronologicheskiye osobennosti material'noy kul'tury X–XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom kraye) [Chronological features of material culture of X–XI cc. (based on materials of Rozhdestvenskiy cemetery in Perm' land)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm' university. History]*, 1 (21), pp. 104–115.
- Kyzlasov I. L., 1983. Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. [Askiz culture of South Siberia, X–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 128 p. (SAI.)
- L'vova Z. A., 1968. Steklyannyye busy Staroy Ladogi [Glass beads of Staraya Ladoga], I. Sposoby izgotovleniya, areal i vremya rasprostraneniya [Production modes, area and time of spread]. *ASGE*, 10. Leningrad: GE, pp. 63–94.
- L'vova Z. A., 1973. Busy I Polomskogo mogil'nika [Beads of I Polomskiy cemetery]. *ASGE*, 15. Leningrad: GE, pp. 83–104.
- Mal'm V. A., 1967. Podkovoobraznyye i kol'tsevidnyye zastezhki-fibuly [Horse-shoe shaped and ring-shaped fastenings-fibulae]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village of X–XIII cc.]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 149–190. (Trudy GIM, 43.)
- Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. [Materials on the Mordva history, VIII–XI cc.]. A. P. Smirnov, ed. Morshansk: Morshanskiy krayevedcheskiy muzey, 1952. 232 p.
- Modin R. N., Zhurbini I. V., Ivanova M. G., 2018. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya i rekonstruktsiya oboronitel'nykh sooruzheniy finno-ugorskikh srednevekovykh poseleniy (Kushmanskoye gorodishche Uchkakar) [Interdisciplinary studies and reconstruction of the defenses at Finno-Ugrian medieval settlements (Kushman Uchkakar fortified settlement)]. *RA*, 2, pp. 83–97.
- Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nyye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of X–XI cc. in Vetluga-Vyatka interfluve]. Kazan': Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 408 p.
- Pervukhin N. G., 1896. Opyt arkeologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uyezda Vyatskoy gubernii [Experience of archaeological research of Glazov uyezd, Vyatka province]. *Materialy po arkeologii vostochnykh guberniy Rossii [Materials on archaeology of Russia eastern provinces]*, II. Moscow, pp. 13–121.
- Rudenko K. A., 2001a. Bulgarskiye klady (k voprosu o bulgarskoy metalloobrabotke XI–XIV vv.) [Bulgar hoards (on the issue of Bulgar metalworking in XI–XIV cc.)]. *Drevniye remeslenniki Priural'ya [Early craftsmen of Cis-Urals]*. V. I. Zav'yalov, ed. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skoe otdeleniye RAN [Institute for history, language and literature Uralian Branch of RAS], pp. 322–348.
- Rudenko K. A., 2001b. Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'ye v XI–XIV vv. Izdeliya askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye. Issledovaniye i katalog [Turkic world and Volga-Kama region in XI–XIV cc. Items of Askiz circle in Middle Volga region. Research and catalogue]. Kazan': Zaman. 256 p.
- Rudenko K. A., 2015. Bulgarskoye srebro [Bulgar silver]. Kazan': Zaman. 528 p. (Drevnosti Bilyara, 2.)
- Savel'yeva E. A., 1987. Vymskiye mogil'niki XI–XIV vv. [Vym cemeteries of XI–XIV cc.]. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet. 200 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry items of ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Semenov V. A., 1980. Varninskiy mogil'nik [Varninskiy cemetery]. *Novyy pamyatnik polomskoy kul'tury [New site of Polom culture]*. V. F. Gening, ed. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 5–135.

- Semenov V. A., 1985. Omutnitskiy mogil'nik [Omutnitskiy cemetery]. *Materialy srednevekovykh pamyatnikov Udmurtii [Materials from medieval sites of Udmurtia]*. M. G. Ivanova, ed. Ustinov: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 92–118.
- Semenov V. A., 1988. Tol'yenskiy mogil'nik IX – nachala X vv. [Tol'yenskiy cemetery of IX – early X cc.]. *Novyye issledovaniya po drevney istorii Udmurtii [New investigations on ancient history of Udmurtia]*. M. G. Ivanova, ed. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skoe otdeleniye RAN [Institute for history, language and literature Uralian Branch of RAS], pp. 25–58.
- Spitsyn A. A., 1893. Priural'skiy kray. Arkheologicheskiye rozyskaniya o drevneyshikh obitatel'yakh Vyatskoy gubernii [Cis-Uralian land. Archaeological research on earliest inhabitants of Vyatka province]. Moscow. XIII, 192 p. (Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii, I.)
- Vostroknutov A. V., 2013. Zven'ya tsepi i shumyashchiye priveski ukrasheniya rodanovskoy kul'tury Verkhnego Prikam'ya kak datiruyushchiy element [Chain links and jingling pendants in ornaments of Rodanovskaya culture of Upper Kama region as chronological element]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk state university. History]*, 55, pp. 5–12.
- Zhurbin I. V., Antipina E. E., Ivanova M. G., Lebedeva E. Yu., Modin R. N., Sergeev A. Yu., Yavorskaya L. V., 2018. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza [Interdisciplinary investigations of Kushman hillfort Uchkakar, IX–XIII cc.: methods of complex analysis]. Moscow: Taus. 248 p.

About the authors

Modin Roman N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: modin.roman@mail.ru;

Ivanova Margarita G., Udmurt Federal research centre Uralian Branch of RAS, ul. Baramzinoy, 34, Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation; e-mail: margrig45@mail.ru;

Zhurbin Igor V., Udmurt Federal research centre Uralian Branch of RAS, ul. Baramzinoy, 34, Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation; e-mail: zhurbin@udm.ru

Д. Ю. Бадеев, Б. И. Гареев, Г. А. Баталин

МАСТЕРСКАЯ ПО ОБРАБОТКЕ ЯНТАРЯ С ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БОЛГАРА

Резюме. В ходе археологических работ 2017–2018 гг. на Болгарском городище была локализована и исследована мастерская, которая занималась обработкой янтаря. С площадки усадьбы происходит весь спектр находок, характерных для ремесленной мастерской: сырье (куски янтаря-сырца), заготовки, готовые изделия и отходы производства – всего 2391 экз. Мастерская специализировалась на производстве бус битрапецеидного сечения, а также подвесок с ромбовидными, конусовидными и каплевидными завершениями. Мастерская располагалась на территории городской усадьбы «Е», которая датируется второй половиной XIII – началом XIV в. Среди находок присутствуют и инструменты ремесленника. Мастера, которые проживали на данной усадьбе, являлись выходцами с территории древнерусских земель. На это указывают керамический комплекс с наличием древнерусской керамики, нательные кресты (3 экз.), своеобразие пищевого рациона. Проведенные исследования микроэлементного состава янтаря с мастерской указывают на его сходство с прибалтийскими образцами.

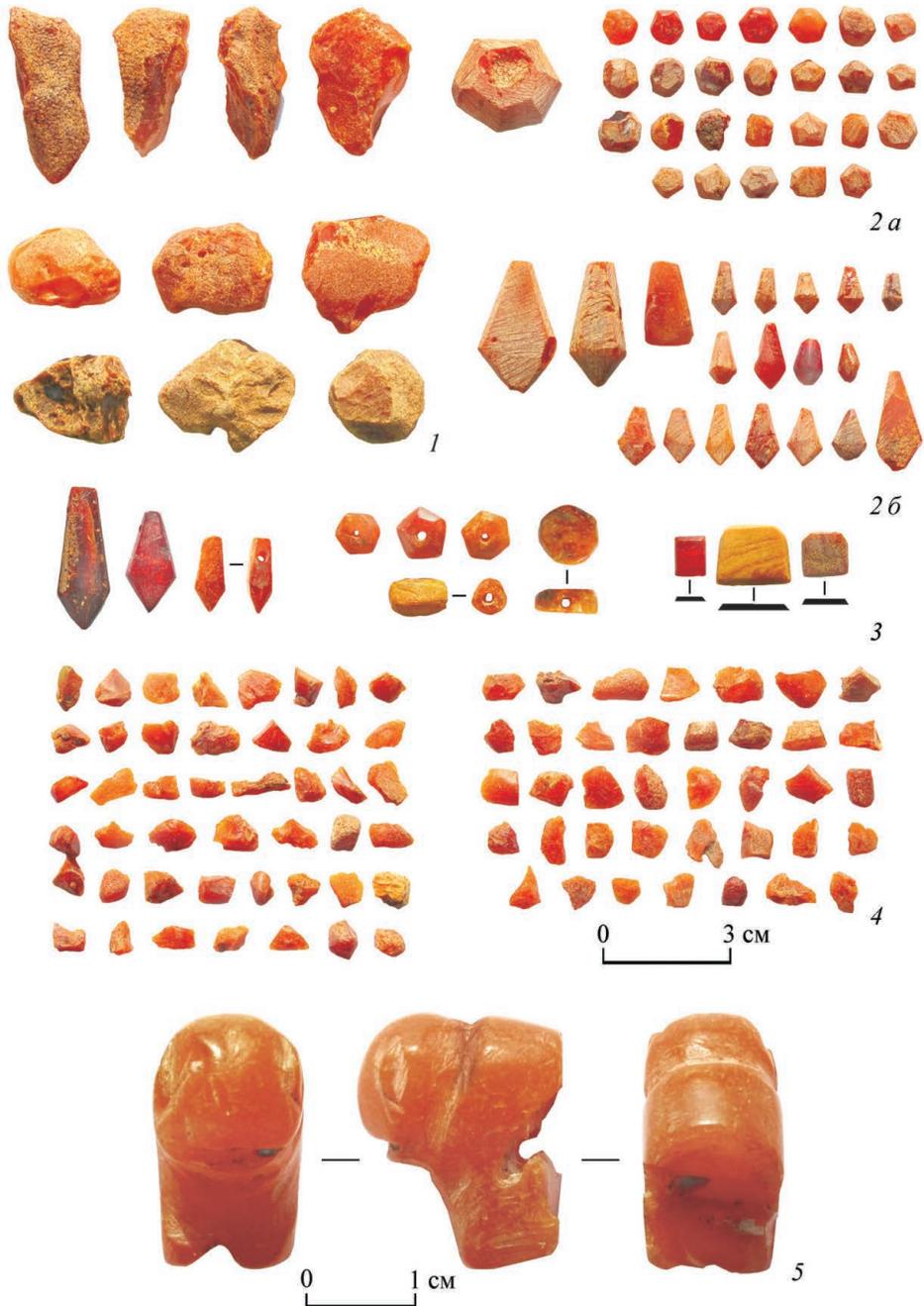
Ключевые слова: средневековый город, ремесло, янтарь, Золотая Орда, городская усадьба.

В последние годы археологических работ на Болгарском городище одним из интереснейших участков исследования являлась площадка в 120–180 м к юго-западу от Соборной мечети. Уже после первых лет археологических работ на городище за этим участком закрепилась характеристика ремесленного района, который сформировался на начальной стадии развития города и просуществовал вплоть до его угасания в XV в. Здесь зафиксированы усадьбы с металлургическим, ювелирным, косторезным, стеклообрабатывающим ремесленными производствами, а в середине XIV в. возникает здание городского базара, которое просуществовало непродолжительный период (Бадеев, Коваль, 2018). В зону исследования попала территория как минимум 9 дворовладений, средняя площадь которых 640 кв. м. Усадьбы располагались вплотную друг к другу, вдоль

городских улиц, которые проходили в направлении запад-северо-запад – восток-северо-восток.

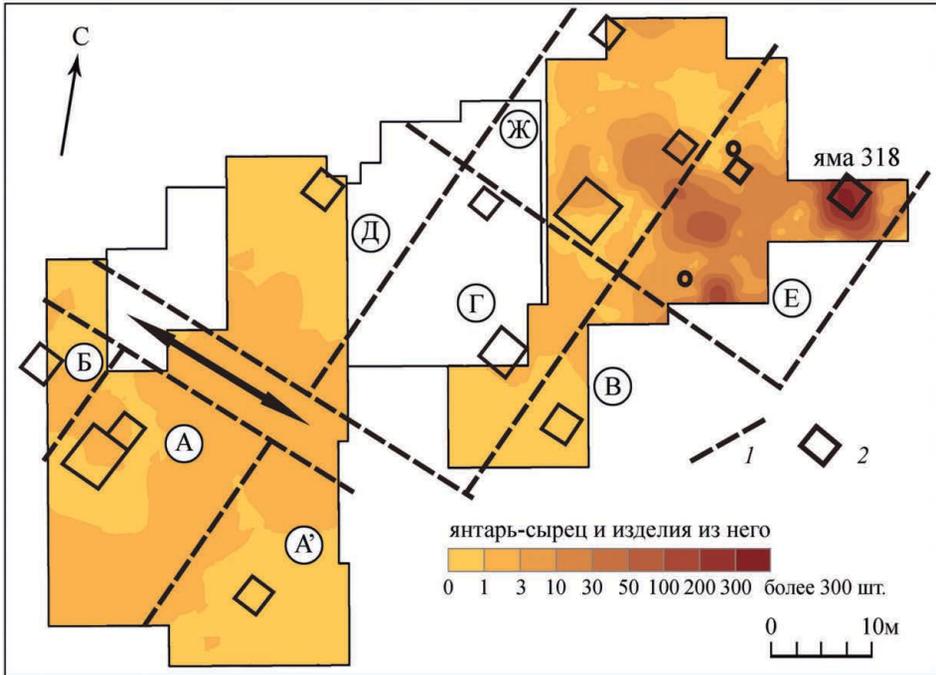
Работами 2017–2018 гг. в раскопе СХСII была исследована территория усадьбы «Е» (предполагаемая площадь которой около 600 кв. м), где одной из массовых категорий находок в рамках напластований и объектов золотоордынского времени стали изделия из янтаря и обломки янтаря-сырца – не менее 2000 единиц. Находки из янтаря демонстрировали всю линию производственного процесса: 1 – сырье было представлено целыми кусками ископаемой смолы, размеры которых редко превышали 4 см, окраска янтаря от желтого до темно-красного цвета (рис. 1: 1); 2 – заготовки изделий определялись исходя из степени их незавершенности, в большинстве случаев устанавливались по отсутствию сквозного отверстия для таких категорий изделий, как бусы и привески (рис. 1: 2а, 2б); 3 – готовые изделия были представлены тремя крупными категориями предметов: бусы, подвески, вставки (рис. 1: 3); 4 – к производственному браку были отнесены изделия, которые имели частичную утрату; 5 – отходы производства были представлены обломками янтаря, чьи размеры не превышали 2 см и имели характерные сколы (рис. 1: 4). Все это не оставляет сомнений в том, что находки были связаны с ремесленным комплексом – мастерской, специализировавшейся на обработке янтаря. Распределение янтарных находок как по стратиграфической шкале, так и по их планиграфической локализации (рис. 2) наглядно показывает, что они были связаны с территорией усадьбы «Е» 70–80 гг. XIII – начала XIV в. Неисследованными на данный момент остались северо-восточная и юго-восточная части усадьбы «Е», что составляет около 50 % от общей площади двора.

Мастерская специализировалась на производстве бус (139 шт.), подвесок (107 шт.), вставок (5 шт.) и, возможно, перстней с прямоугольным щитком (3 шт.). Наибольшее количество бус и их заготовок относилось к граненым бусам битрапецеидного сечения без «пояска» – плоской грани по периметру центральной части бусины. Данный тип бус повторял собой форму сердоликовых бус, которые имели широкое распространение в Восточной Европе, в том числе на Руси и Средней Волге, на протяжении X–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 176. Рис. 1: 46; *Халиков*, 1979. С. 20. Табл. VII: 1, 2). Аналогичной формы бусы, выполненные как из сердолика, так и из янтаря, встречаются в золотоордынских городских центрах второй половины XIII – XIV в. (*Полубояринова*, 1991. С. 28, 29, 43, 44. Рис. 1: 17, 18; 3: 20). Размеры значительной части бус этого типа с территории мастерской в поперечном сечении не превышали 0,8–1 см. Хотя встречались единичные экземпляры (заготовки), чьи размеры достигали 2 см. По их неумелому исполнению, отсутствию симметрии и несоблюдению пропорций можно предположить, что они принадлежали руке ученика. Другие типы бус, заметно в меньшем количестве, были представлены цилиндрическими, монетообразными, гранеными в виде призмы с усеченными углами у оснований и шаровидными. Подвески по форме их завершения можно разделить на 4 типа: ромбовидные (преобладающий тип подвесок), конусовидные, каплевидные и прямоугольные. Размеры подвесок также отличались широким спектром – от миниатюрных, длиной не более 0,8 см, до 2,3–2,5 см. Отверстия для подвешивания размещались в верхней части изделия на его боковых гранях. Вставки были представлены

Рис. 1. Комплекс находок из янтаря с территории усадьбы «Е»

1 – янтарь-сырец; 2а – заготовки бус; 2б – заготовки подвесок; 3 – готовые изделия (подвески, бусы, вставки); 4 – янтаря обломки (отходы производства); 5 – обломок подвески зооморфной

Рис. 2. Раскопы CLXII, CLXXIX, CXСII.
Распределение изделий из янтaря. Планиграфия
 1 – границы усадеб; 2 – заглубленные объекты (подвалы)

2 типами: первые (2 экз.) в основе имели прямоугольную форму небольших размеров $1 \times 0,7$ см; вторые (3 экз.) – трапециевидную форму со скошенными верхними углами. Они имели определенное сходство с подвесками-панделок домонгольского периода (Губайдуллина, 2017. С. 98. Рис. 3: 18). Однако у изделий с территории болгарской мастерской отсутствовало сквозное отверстие для подвешивания, поэтому мы и рассматриваем эти изделия в качестве вставок, хотя нельзя исключать, что это заготовки подвесок-панделок. К уникальным изделиям из янтaря можно отнести обломок подвески зооморфной формы: голова округлой формы, с прорезанными глазами и пастью, переходит в туловище с двумя сохранившимися передними лапами (рис. 1: 5). Отверстие для подвешивания располагалось в центральной части фигурки, по нему и произошел скол. Элементы фигуры плохо детализированы, что позволяет предположить ее незавершенность либо работу ученика. К единичным находкам относились обломок усеченно-конической, круглой в плане пуговицы и обломок, по-видимому, четырехконечного нательного креста с почти прямыми, чуть расширяющимися к краям лопастями. Кресты из янтaря подобной формы по аналогиям из Великого Новгорода (тип В) датируются второй половиной XIII – началом XV в. (Шаповалов, 2000. Табл. 1).

С болгарской усадьбой «Е» связано как минимум 4 заглубленных объекта, дневная поверхность которых относилась к верхней части раннего золотоордынского слоя (последняя четверть XIII – начало XIV в.). Хозяйственные постройки были представлены 3 ямами (№ 100а, 100б, 164), лишь одна – яма № 318 – являлась остатками крупного подвала с деревянными конструкциями внутри, засыпкой пазух между ними и стенами котлована. Яма в плане имела прямоугольную форму размерами 320 × 290 см, ориентирована по оси северо-запад – юго-восток, глубина ямы около 1,5 м. Размеры деревянной конструкции внутри ямы – 250 × 240 см. Конструкция была представлена полосками обугленных деревянных досок (горбылей?) шириной не более 5–6 см. Доски уложены на ребре, горизонтально. Способ крепления углов деревянных стенок не установлен из-за плохой сохранности обугленных конструкций. К строительным особенностям данного подвала следует отнести заполнение его пазух сырцовыми блоками, которые после частичного разрушения деревянной обшивки попали и в заполнение ямы. Однако нельзя исключать и того, что над этим подвалом могла располагаться наземная постройка, сложенная из крупных сырцовых блоков, которая, как и подвал, погибла в результате локального пожара начала XIV в. Монетный материал из заполнения подвала был представлен 3 находками: медным «пулом» и 2 серебряными «дирхемами» – все монеты датируются 70–80 гг. XIII в. (определение монетного материала производилось к. и. н. Д. Г. Мухаметшиным). Здесь же была найдена серебряная монетовидная подвеска, которая, по определению к. и. н. А. А. Гомзина, представляет собой копию золотого динара середины XIII в. С придонной части ямы № 318 происходило 700 г янтаря-сырца, а также производственные отходы (обрезки), заготовки и сами изделия – всего 1122 экземпляра. После гибели построек последней четверти XIII – начала XIV в., которые были связаны с обработкой янтаря, вплоть до середины XIV в. на усадьбе «Е» функционировала ювелирная мастерская по изготовлению изделий из цветных металлов. Именно с площадки усадьбы «Е» и прилегающей территории из прослоек, объектов позднего золотоордынского слоя происходит наибольшее количество створок каменных литейных форм с территории средневекового Болгара – 86 экземпляров (Бадеев, Коваль, 2018. С. 280, 281. Рис. 6).

Среди находок из заполнения указанного подвала присутствовали предметы, которые можно отнести к инструментам мастера-резчика: небольшого размера долото [2018 – № 689]¹, резец [2018 – № 710] и напильник квадратного сечения [2018 – № 685], а также характерный нож [2018 – № 684], лезвие которого резко поднято над осью, проведенной через центр черешка (тип Б-1-1), как полагает ряд исследователей, подобной формы ножи применялись резчиками по кости (Савченко, 1996. С. 27). Нельзя исключать того, что подобной формы ножи применялись и для обработки янтаря. Еще один нож относится к универсальным бытовым ножам [2018 – № 833].

Стадии обработки янтаря и изготовления из него изделий хорошо представлены и разобраны на материалах ремесленных мастерских Великого Новгорода: сортировка, раскройка, обрезка, шлифование, сверление, огранка, полирование

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указаны год раскопа и номер находки полевой описи.

(Розенфельдт, 1978. С. 200; Шаповалов, 1998). Все эти механические процедуры прослеживаются и на материалах мастерской из Болгара. Применялась мастерами из болгарской мастерской и операция закалки (отпуска) янтаря, о чем свидетельствует насыщенный рубиновый цвет некоторых изделий (бус, привесок), а также их заготовок. Процесс закалки, или «томления засыпанного песком янтаря в глиняных горшках», был необходим для копирования не только форм изделий из сердолика, но и как можно более точной передачи их цвета (Розенфельдт, 1978. С. 198). Наличие «прокаленных» заготовок бус и подвесок позволяет предположить, что эта процедура (как минимум для какой-то партии изделий) происходила на стадии обработки заготовок, в которых еще предстояло проделать отверстие. Выглядит такая последовательность в изготовлении бус и подвесок несколько странной и нелогичной, так как термическая обработка янтаря заметно уменьшала его прочность, а соответственно, увеличивала возможность разрушения в процессе последующей стадии сверления.

С территорией усадьбы «Е» и прилегающих участков связано значительное количество находок, позволяющих судить об этноконфессиональной принадлежности проживавших на усадьбе мастеров. Прежде всего в керамическом комплексе среди керамики этнокультурных групп доминирует керамика XIV группы, т. н. русская керамика. Ее процент в комплексах с территории усадьбы «Е» колебался от 9 до 21 % от общего числа керамики. Из заполнения объектов происходят и целые формы красноглиняных и белоглиняных сосудов XIV группы. Так, в одном из таких объектов (яма № 100б) были найдены 2 развала горшков, один из которых был изготовлен из беложгущейся глины, прошел полный окислительный обжиг и происходил из Рязанской земли, возможно, из Старой Рязани (рис. 3: 1). На это указывает не только использование нежелезненной глины с примесью мелкого песка в формовочной массе (характерное именно для данного региона), но прежде всего профилировка сосуда (с черновым краем, завернутым наружу), появляющаяся в Старой Рязани в середине XIII в., а затем постепенно уходящая из бытования (Стрикалов, 2003. С. 377–378. Рис. 4). Характерным для Рязанщины является и линейный декор горшка, нанесенный многозубым гребнем по спирали. В Болгар такой горшок мог попасть во второй половине XIII в. или начале XIV в. Второй горшок не менее показателен – он изготовлен из ожелезненной (красножгущейся) глины также с примесью мелкого песка, но прошел восстановительный обжиг и приобрел серый цвет черепка и черный – поверхности. Дно сосуда, сформованное на зольной подсыпке, содержало остатки рельефного клейма в виде небольшой окружности. Однако особенно интересна профилировка венчика этого горшка, повторяющая формы домонгольской посуды, с выразительной профилировкой и крупным валиком от заворота черного края внутрь (рис. 3: 2). Такие формы еще встречаются во второй половине XIII в., но уже в XIV в. полностью выходят из употребления. Таким образом, целые формы русских импортных сосудов позволяют относить комплекс ямы № 100б к раннему золотоордынскому периоду. В отличие от ямы № 100б, в комплексе ямы № 318а, которая сменяла подвал с максимальным количеством янтаря (яма № 318), встречен развал горшка из ожелезненной глины без видимых примесей (кроме очень мелкого, пылевидного, песка), который

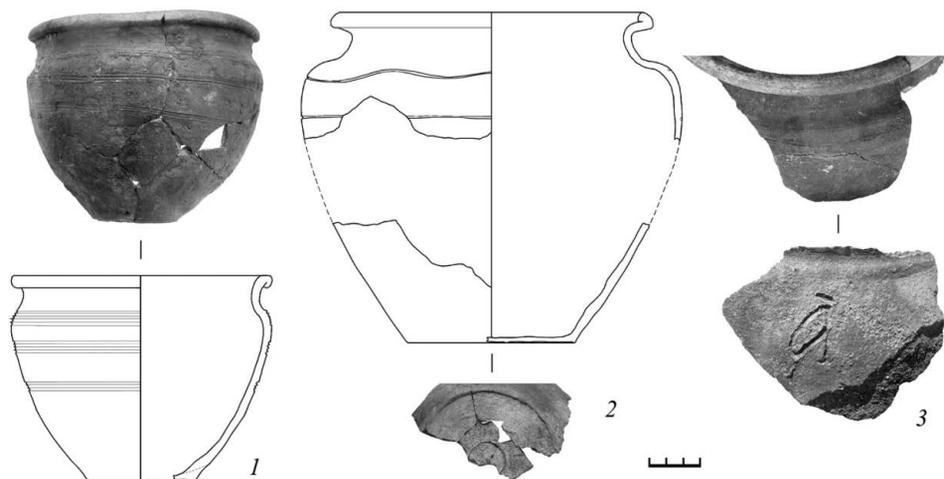

Рис. 3. Керамика XIV группы с усадьбы «Е» и прилегающей территории

не имел декора, но обладал венчиком с валиком на внешней стороне, имитировавшим профилировку поокских горшков [2018 – № 874]. Этот сосуд был изготовлен, вероятно, уже в Болгаре, но по образцу поокских горшков второй половины XIII – начала XIV в.²

Один из обломков корчаги XIV группы, который был найден на прилегающей к усадьбе территории, содержал кириллическую букву «Аз», процарапанную до обжига сосуда (рис. 3: 3). Также в заполнении хозяйственных объектов, располагавшихся на территории усадьбы, было найдено 2 каменных нательных креста и 1 крест медного сплава, с внешней стороны которого располагалось крестообразное углубление, покрытое глазурью желтоватого цвета (Бадеев, 2018. С. 209. Рис. 3: 2–4). Основная масса крестов данного типа с территории древнерусских городов датируется XIV–XV вв., в качестве центра их производства рассматривается Тверь (Беленькая, 1993. С. 17). Кроме того, среди кухонных остатков, отложившихся в заполнении хозяйственных объектов, были широко представлены кости рыб и свиней (определение остеологического материала выполнено к. и. н. Л. В. Яворской). Подобный рацион более характерен для христианского населения, чем для местного мусульманского. Весь представленный материал не вызывает сомнений в том, что в работе мастерской принимали активное участие выходцы из русских земель, где обработка янтаря и производство из него бус, подвесок, вставок и нательных крестов получили значительное распространение, особенно в домонгольский период. Мастерские по обработке янтаря, а также объекты, связанные с хранением больших партий сырья, были выявлены не только в крупных древнерусских городах (Новгород, Киев, Владимир,

² Выражаем благодарность за помощь в определении и описании керамики к. и. н. В. Ю. Ковалю.

Ростов, Старая Рязань, Волковыск, Старая Ладога, Плоцк, Белоозеро, Муром), но и на сельских поселениях (*Розенфельдт*, 1978. С. 198–200; *Готун и др.*, 2010).

Схожий с болгарским комплексом характер находок, связанных с выходами из русских земель, мы можем наблюдать еще в одной «мастерской» по обработке янтаря, но уже с территории домонгольского Биляра. Именно с этим комплексом была связана находка свинцовой вислой княжеской печати. Датировалась билярская «мастерская» авторами раскопок в рамках второй половины XII в. Общая масса янтаря-сырца из заполнения 2 заглубленных объектов – подполий (размерами 425 × 430, 400 × 480 см) – составила около 9 кг. Преобладали среди находок необработанные куски янтаря. Немногочисленные изделия были представлены подвесками каплевидной и подтреугольной форм, а также шаровидными бусами и без дополнительной обработки (*Хузин, Валиуллина*, 1986. С. 98–103. Рис. 2). Небольшое количество изделий и отсутствие заготовок позволяет видеть в комплексе из Биляра скорее склад сырья, чем мастерскую. Важно отметить, что топографическое расположение усадеб, связанных с янтарем, его хранением и обработкой, в обоих случаях связано с центральными частями городов, где они были обнаружены.

Актуальным как для Волжской Булгарии, так и для соседней территории Руси является вопрос, откуда ввозился янтарь – из Прибалтики или Приднепровья (известные месторождения янтаря). Существуют две основные версии поступления и использования янтаря на Руси: по первой – в домонгольский период преобладало использование приднепровского янтаря, который распространялся по торговому пути «из варяг в греки», а в золотоордынское время, в связи с прекращением функционирования упомянутого выше торгового пути, начинает преобладать янтарь из Прибалтики (*Рыбина*, 2001. С. 71–77; *Зоценко*, 1985. С. 141); по второй – и в домонгольский, и в золотоордынский периоды применялся прибалтийский янтарь, так как вплоть до XIX в. активная разработка приднепровских месторождений не велась (*Розенфельдт*, 1978. С. 197). В последнее время для выявления источника поставки янтаря в археологии начинают применяться методы естественнонаучных исследований – флуоресцентный и спектральный анализы (*Зеленцова и др.*, 2011; *Хамайко и др.*, 2014).

Для установления места происхождения сырья (янтаря), которое было использовано в мастерской из Болгара, в научно-исследовательском центре «Гео-Лаб» Казанского федерального университета было осуществлено исследование элементного состава. Работы производились на рентгенофлуоресцентном волнодисперсионном спектрометре S8 Tiger (Bruker, Германия), который позволяет определять элементный состав твердых, порошкообразных и жидких образцов в диапазоне от В до U в вакууме или атмосфере гелия. Прибор оснащен родиевой рентгеновской трубкой мощностью 4 кВт. Образцы из Болгара были отобраны со дна подвала (яма № 318), где была отмечена максимальная концентрация находок янтаря. Из 5 образцов 2 были представлены кусками янтаря, которые были покрыты корочкой выветривания (массой 2,98 г и 3,48 г), еще 3 – скопления мелких обломков – отходов производства (массой 4,28 г, 4,19 г и 4,05 г). Кроме того, для исследования было предоставлено 5 образцов – небольшие куски янтаря с корочкой выветривания (с массой в диапазоне от 1,34 до 1,94 г), которые происходили с Билярского городища (раскоп XLI – 1998 г.) из заполнения домонгольского

объекта (яма № 18)³. Образец помещался в размольную garnитуру планетарной шаровой мельницы, размол проводился в течение 5 минут для достижения необходимых размеров частиц менее 50 мкм. Далее исследуемый образец помещался в пластиковую кювету, на ее дно натянута майларовая полимерная пленка толщиной 3 мкм, далее кювета помещалась в спектрометр, где в атмосфере гелия проходит анализ стандартизированной методикой Geoquant. После навеска каждого образца 0,5 г помещалась в керамический тигель и прокаливалась при 1100 °С в течение двух часов для определения потерь при прокаливании (ППП). Полученный спектр обрабатывался методом фундаментальных параметров, удалялись ошибки автоматического распознавания, паразитные пики, учитывались дифракционные явления и матричные эффекты, для учета неопределяемых элементов использовалась величина PPP. Пробоподготовка и измерения велись в соответствии с указаниями к руководству пользователя спектрометра, а также метрологическими и техническими характеристиками, указанными в Приложении к свидетельству № 46767 об утверждении типа средств измерения. В качестве сравнения использовались результаты элементного состава образцов янтаря с территории Прибалтики и Приднепровья, которые были получены в ходе исследований склада янтаря (около 200 кг) первой половины XIII в. из Владимира (Зеленцова и др., 2011. С. 79, 80. Рис. 4). Низкое содержание серы в балтийском сукцините (не более 0,55 %) по сравнению с приднепровским янтарем (от 0,59 до 1,45 %) отмечалось и ранее другими исследованиями (Сребродольский, 1984. С. 66–68). Проведенные исследования элементного состава образцов янтаря с территории мастерской золотоордынского Болгара, а также домонгольского Биляра (табл. 1) показывают, что сырьевым центром выступали районы добычи в Южной Прибалтике, о чем свидетельствует низкое (менее 0,5 %) содержание в них серы (S) и полное отсутствие селена (Se) – примеси, отмеченной в Клесовском месторождении на территории Украины.

Обнаружение мастерской по обработке янтаря позволяет рассматривать Болгар как один из центров производства изделий из этого поделочного материала, а не их находки в комплексах золотоордынского периода исключительно как импорт готовых изделий (Полубояринова, 2008. С. 49, 50). Исходя из продолжительности деятельности мастерской (не более 30–40 лет) и количества найденных материалов, можно предположить, что мастерская работала на обеспечение Болгара и его ближайшей округи. Болгарская мастерская по обработке янтаря является одной из первых, которая возникла после установления монополии (янтарной регалии) на добычу и торговлю янтарем Тевтонским орденом в XIII в. В этот же период заканчивается продолжительный конфликт Новгорода и Тевтонского ордена. Увеличение поставок янтаря к началу XIV в. отмечается и по археологическим материалам Новгорода (Рыбина, 1978. С. 62). Сам янтарь, как и налаженные поставки европейского сукна, можно рассматривать в качестве западного импорта конца XIII – XIV в., который осуществлялся по северо-западному торговому маршруту. Данный торговый маршрут между Золотой Ордой и Западной Европой сформировался во второй половине XIII в.

³ Выражаем благодарность за предоставленные образцы янтаря с территории Билярского городища (раскоп XLI – 1998 г.) к. и. н. С. И. Валиулиной.

Таблица 1. Микроэлементный состав янтара с территории золотоордынского Болгара (№ 1–5) и домонгольского Болгара (№ 6–10)

№ образцов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ППП (%)	99,602	99,933	99,674	99,5068	99,7343	99,3868	99,4118	99,303	99,978	99,739
Mg	0,0023	0,0004		0,0016						0,0014
Al	0,011	0,0009	0,0035	0,0033	0,002	0,0094	0,0023	0,0051		0,0028
Si	0,0407	0,0035	0,0183	0,0192	0,0108	0,039	0,0078	0,0278	0,0006	0,0134
P	0,0525	0,0091	0,0388	0,0454	0,0299	0,1034	0,0623	0,1345	0,0023	0,0405
S	0,0961	0,029	0,1248	0,2226	0,1319	0,1589	0,3694	0,2691	0,0125	0,1055
K	0,0069	0,0018	0,016	0,0224	0,0118	0,0122	0,0029	0,0153	0,0003	0,0069
Ca	0,0982	0,0114	0,059	0,0609	0,0386	0,1136	0,0681	0,1258	0,0023	0,0387
Ti	0,0029		0,0018		0,0022	0,006	0,0038		0,0001	0,002
Mn			0,0017	0,0013	0,0009					
Fe	0,0735	0,0094	0,0549	0,1088	0,0313	0,1557	0,0582	0,0919	0,0034	0,0419
Ni	0,0023				0,0014	0,0035	0,0025	0,0039	0,0001	0,0014
Cu	0,0055	0,001	0,0035	0,0042	0,0026	0,0115	0,0076	0,0156	0,0002	0,0043
Zn	0,0064	0,0006	0,0039	0,0035	0,0023		0,0034	0,0081	0,0001	0,0023
Химические элементы (%)										

Значительная его часть проходила через русские земли, что и потребовало составления особого договора между ордынским ханом Менгу-Тимуром и Великим князем владимирским Ярославом Ярославовичем, о чем свидетельствует датированная 1266–1272 гг. «грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей, по Менгу-Темирову слову» (Грамоты..., 1949. С. 57). Ярослав Ярославович непродолжительный период времени – с 1255 по 1256 г. и с 1266 по 1267 г. – являлся новгородским князем и, судя по всему, активно вмешивался в дела Новгорода.

Маркерами связей по северо-западному маршруту выступают уникальные образцы северогерманской столовой поливной керамики. С площадки исследования, на которой располагалась мастерская по обработке янтаря (раскоп СХСII), из комплексов, датированных первой половиной XIV в., происходят 3 обломка [2017 – № 1873; 2018 – № 896, 897], принадлежавшие, вероятно, одному кувшину со сфероидальным туловом и характерным для германских сосудов фестончатым поддоном, оформленным пальцевыми защипами. С Болгарского городища известен еще лишь 1 фрагмент подобной керамики (раскоп CLXXIX). Основные признаки этого сосуда – плотное серое тесто («каменная масса» в европейской терминологии) и несколько ошершавленная поверхность, покрытая тонким слоем коричневой солевой глазури, – характерны для самой ранней разновидности германской поливной керамики, получившей наименование «прото-штайнцойг» (нем. “*steinzeug*”, англ. “*stoneware*”), появившейся еще в середине XII в., но начавшей распространяться во второй половине XIII – первой половине XIV в. (Gaimster, 1997. С. 34). Места производства такой керамики достоверно не определены, предполагается, что она могла производиться на Рейне (в т. ч. в Лангеревезе), Лимбурге, Нижней Саксонии, других районах Северной Германии (Ibid.; *Reineking von Bock*, 1971. С. 70), быстро распространившись по всей Германии и соседним странам. В дальнейшем (в XV–XVIII вв.) именно Западная Германия (Рейнская область с Сибургом, Кёльном и Вестевальдом) стала главным центром производства немецкой «каменной посуды». Благодаря ганзейским купцам эта керамика попадала в страны на берегах Балтики, известна она в Великом Новгороде в слоях XIV–XV вв. (Рыбина, 2009. С. 135, 202. Рис. 19). Однако в других городах Руси ее находки пока неизвестны, не было до сих пор ничего известно и о каких-либо находках такой керамики на территории Золотой Орды. Очевидно, что такие раритетные бытовые сосуды не могли выступать в качестве самостоятельного товара на рынке Болгара, но вполне могли быть имуществом немецкого купца, прибывшего сюда с партией товара (например, фламандского сукна – вспомним о западноевропейских свинцовых пломбах). Немецким купцам могли принадлежать и своеобразные гирьки-разновесы в виде полых усеченных конусов, найденные при раскопках здания базара (Коваль, 2013. С. 16. Рис. 5). Все это не исключает того, что торговлю западноевропейскими товарами на рынке Болгара могли вести и русские, например, новгородские купцы, которые имели тесные связи с европейскими торговыми объединениями.

Таким образом, данные письменных и археологических источников, подтвержденные методами научно-естественных исследований, показывают прибалтийское происхождение поделочного янтаря как минимум в двух городских

центрах на территории Волжской Булгарии: домонгольском Биляре и золотоордынском Болгаре. Торговля и обработка янтаря в средневожских городах оказываются тесно связанными с деятельностью выходцев из древнерусских земель, а со второй половины XIII в. и с западноевропейскими купцами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадеев Д. Ю.*, 2018. Христианские древности с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 205–211.
- Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю.*, 2018. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2 (24). С. 270–289.
- Беленькая Д. А.*, 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.
- Готун І. А., Сухонос А. М., Казимір О. М.*, 2010. Майстерня з обробки бурштину на давньоруському селищі Ходосівка-Рославське // Археологія. № 1. С. 112–126.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Губайдуллина А. В.*, 2017. Украшения из поделочного камня в коллекции Билярского музея // Археология евразийских степей. № 1. Казань: Казанская недвижимость. С. 92–103.
- Зеленцова О. В., Кузина И. Н., С. И. Милованов, Черненко В. В.*, 2011. Янтарь из раскопок в древнейшей части Владимира-на-Клязьме // Балтийский янтарь: Наука. Культура. Экономика: материалы международного научного симпозиума «Добыча и обработка янтаря на Самбии» (Калининград, 12–14 мая 2010 г.) / Под ред. З. В. Костяшова. Калининград: Калининградский музей янтаря. С. 75–81.
- Зоценко В. Н.*, 1985. О происхождении и использовании янтаря в Киеве (X – первая половина XIII в.) // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 137–142.
- Коваль В. Ю.*, 2013. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. № 4. С. 9–33.
- Полубояринова М. Д.*, 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР. 112 с.
- Полубояринова М. Д.*, 2008. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука. С. 26–102.
- Розенфельд Р. Л.*, 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В. В. Кропоткин и др. М.: Наука. С. 197–208.
- Рыбина Е. А.*, 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во МГУ. 168 с.
- Рыбина Е. А.*, 2001. Торговля средневекового Новгорода. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 390 с.
- Рыбина Е. А.*, 2009. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 320 с.
- Савченкова Л. Л.*, 1996. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во Ин-та языка, литературы и искусства. С. 6–87.
- Сребродольский Б. И.*, 1984. Янтарь. М.: Наука. 112 с.
- Стрикалов И. Ю.*, 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округа // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 372–381.
- Фехнер М. В.*, 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 149–224. (Труды ГИМ; вып. 33.)
- Халиков А. Х.*, 1979. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: АН СССР. С. 11–20.
- Хамайко Н. В., Колтовой М. О., Журухина О. Ю.*, 2014. Бурштин з археологічних розкопок Київського Подолу 2008 р. // Вісник Національного науково-природничого музею. Т. 12. С. 12–17.

- Хузин Ф. Ш., Валцулина С. И., 1986. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Под ред. А. Х. Халикова. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства. С. 97–116.
- Шаповалов Р. Г., 1998. Обработка янтаря в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12 / Сост.: П. Г. Гайдуков, Т. Н. Казармщикова. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 109–120.
- Шаповалов Р. Г., 2000. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14 / Сост. П. Г. Гайдуков. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 149–165.
- Gaimster D., 1997. German Stoneware 1200–1900. Archaeology and cultural history. London: British Museum Press. 430 p.
- Reineking von Bock G., 1971. Steinzeug. Köln: Bachem. 99 S.

Сведения об авторах

Бадеев Денис Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: denisbadeev@mail.ru;

Гареев Булат Ирекович, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия; e-mail: bulat@gareev.net;

Баталин Георгий Александрович, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия; e-mail: g@batalin.com

D. Yu. Badeyev, B. I. Gareyev, G. A. Batalin

THE AMBER PROCESSING WORKSHOP FROM GOLDEN HORDE BOLGAR

Abstract. During archaeological excavations of 2017–2018, a workshop specializing in amber working was localized and excavated. The area of the workshop yielded a whole range of finds typical of a workshop such as raw material (pieces of raw amber), blanks, finished pieces and production waste – totally 2391 items. The workshop specialized in production of beads of bitrapezoidal cross-section as well as pendants with lozenge-, cone-, and drop-shaped ends (Fig. 1). The workshop was located within the compound of town mansion E (Fig. 2) dating to the second half of the 13th – early 14th centuries. Among the finds there are craft tools. The artisans who lived in the mansion had come from Medieval Russia regions as evidenced by a ceramics assemblage that includes Medieval Russia pots (Fig. 3), pendant crosses (3 specimens) and distinctive diet. The study of the trace element composition of the amber from the mansion (Table 1) indicates its similarity with Baltic samples.

Keywords: medieval town, crafts, amber, Golden Horde, town mansion.

REFERENCES

- Badeev D. Yu., 2018. Khristianskiye drevnosti s territorii remeslenno-torgovogo rayona zolotoordynskogo Bolgara [Christian antiquities from territory of craft-trade area of Golden Horde Bolgar]. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A. E. Leont'yeva [Past destiny of the native land... Toward jubilee of A. E. Leont'yev]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 205–211.
- Badeev D. Yu., Koval' V. Yu., 2018. Issledovaniya remeslenno-torgovogo rayona srednevekovogo Bolgara [Investigations of craft-trade area of medieval Bolgar]. *PA*, 2 (24), pp. 270–289.

- Belen'kaya D. A., 1993. Mednaya plastika gorodov Moskovskoy Rusi (XIII–XV vv.) [Copper miniature sculpture from cities of Muscovite Russia (XIII–XV cc.)]. *KSIA*, 208, pp. 11–19.
- Fekhner M. V., 1959. K voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh drevnerusskoy derevni [On issue of economic relations of ancient Russian village]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village, X–XIII cc.]*. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 149–224. (Trudy GIM, 33.)
- Gaimster D., 1997. German Stoneware 1200–1900. Archaeology and cultural history. London: British Museum Press. 430 p.
- Gotun I. A., Sukhonos A. M., Kazimir O. M., 2010. Maysternya z obrobki burshtinu na davn'orus'komu selishchi Khodosivka-Roslavs'ke [Amber-working workshop at ancient Russian open settlement Khodosivka-Roslavske]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 112–126.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Velikiy Novgorod and Pskov]. S. N. Valk, ed. Moscow: AN SSSR, 1949. 408 p.
- Gubaydullina A. V., 2017. Ukrasheniya iz podelochnogo kamnya v kolleksii Bilyarskogo muzeya [Ornaments of semi-precious stones in collection of Bilyar museum]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]*, 1. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost', pp. 92–103.
- Khalikov A. Kh., 1979. Kirpichnoye zdaniye na XVII raskope [Brick construction in excavation trench XVII]. *Novoye v arkhologii Povolzh'ya [New in archaeology of Volga region]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan': AN SSSR, pp. 11–20.
- Khamayko N. V., Koltovoy M. O., Zhurukhina O. Yu., 2014. Burshtin z arkhelogichnikh rozkopok Kiivs'kogo Podolu 2008 r. [Amber from archaeological excavations of Kiev Podol, 2008]. *Visnik Natsional'nogo naukovoprivodnogo muzeyu [Bulletin of National scientific-natural museum]*, 12, pp. 12–17.
- Khuzin F. Sh., Valiullina S. I., 1986. Slavyano-russkiye materialy v Bilyare [Slavic-Russian materials in Bilyar]. *Volzhskaya Bulgariya i Rus' (k 1000-letiyu russko-bulgarskogo dogovora) [Volga Bulgaria and Rus (thousand years of Russian-Bulgarian agreement)]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan': IYaLI, pp. 97–116.
- Koval' V. Yu., 2013. Torgovyy inventar' iz raskopok bazara serediny XIV veka v Bolgare [Trade implements from excavations of bazaar mid XIV century in Bolgar]. *PA*, 4, pp. 9–33.
- Poluboyarinoва M. D., 1991. Ukrasheniya iz tsvetnykh kamney Bolgara i Zolotoy Ordy Ornaments made of color stones from Bolgar and Golden Horde]. Moscow: IA AN SSSR. 112 p.
- Poluboyarinoва M. D., 2008. Torgovlya Bolgara [Bolgar trade]. *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, trgovlya [City of Bolgar: culture, arts, trade]*. P. N. Starostin, ed. Moscow: Nauka, pp. 26–102.
- Reineking von Bock G., 1971. Steinzeug. Köln: Bachem. 99 p.
- Rozenfeldt R. L., 1978. Yantar' na Rusi (X–XIII vv.) [Amber in Rus (X–XIII cc.)]. *Problemy sovetskoy arkhologii [Issues of Soviet archaeology]*. V. V. Kropotkin, ed. Moscow: Nauka, pp. 197–208.
- Rybina E. A., 1978. Arkheologicheskiye ocherki istorii novgorodskoy trgovli X–XIV vv. [Archaeological essays on history of Novgorod trade in X–XIV cc.]. Moscow: MGU. 168 p.
- Rybina E. A., 2001. Torgovlya srednevekovogo Novgoroda [Trade in medieval Novgorod]. Novgorod: Novgorodskiy gos. universitet imeni Yaroslava Mudrogo. 390 p.
- Rybina E. A., 2009. Novgorod i Ganza [Novgorod and Hanza]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. 320 p.
- Savchenkova L. L., 1996. Chernyy metall Bolgara. Tipologiya [Ferrous metal of Bolgar. Typology]. *Gorod Bolgar: remeslo metallurov, kuznetsov, liteyshchikov [City of Bolgar: craft of metallurgists, blacksmiths, casters]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Kazan': IYaLI, pp. 6–87.
- Shapovalov R. G., 1998. Obrabotka yantarya v srednevekovom Novgorode [Amber-working in medieval Novgorod]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 12. P. G. Gaydukov, T. N. Kazarmshchikova, eds. Novgorod: Novgorodskiy gos. ob'yedinenny muzey-zapovednik, pp. 109–120.
- Shapovalov R. G., 2000. Klassifikatsiya i khronologiya izdeliy iz yantarya Nerevskogo raskopa [Classification and chronology of items made of amber from Nerevskiy excavation trench]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 14. P. G. Gaydukov, ed. Novgorod: Novgorodskiy gos. ob'yedinenny muzey-zapovednik, pp. 149–165.
- Srebrolod'skiy B. I., 1984. Yantar' [Amber]. Moscow: Nauka. 112 p.

- Strikalov I. Yu., 2003. Drevnerusskaya keramika XIII v. Staroy Ryazani i eye okrugy [Ancient Russian ceramics of XIII c. from Staraya Ryazan and its vicinity]. *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni [Rus in XIII century: Antiquities of the dark ages]*. N. A. Makarov, A. V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 372–381.
- Zelentsova O. V., Kuzina I. N., Milovanov S. I., Chernenko V. V., 2011. Yantar' iz raskopok v drevneyshey chasti Vladimira-na-Klyaz'me [Amber from excavations in earliest part of Vladimir-na-Klyaz'me]. *Baltiyskiy yantar': Nauka. Kul'tura. Ekonomika: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Dobycha i obrabotka yantarya na Sambii» [Baltic amber: Science. Culture. Economy: transactions of international scientific symposium «Extraction and working of amber in Sambia»]*. Z. V. Kostyashov, ed. Kaliningrad: Kaliningradskiy muzey yantarya, pp. 75–81.
- Zotsenko V. N., 1985. O proiskhozhdenii i ispol'zovanii yantarya v Kiyeve (X – pervaya polovina XIII v.) [On origin and using amber in Kiev (X – first half of XIII c.)]. *Arkheologicheskiye issledovaniya Kiyeva 1978–1983 gg. [Archaeological investigations of Kiev 1978–1983]*. P. P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 137–142.

About the authors

Badeev Denis Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: denisbadeev@mail.ru;

Gareev Bulat I., Kazan' Federal university, ul. Kremlevskaya, 18, Kazan', 420008, Russian Federation; e-mail: bulat@gareev.net;

Batalin Georgii A., Kazan' Federal university, ul. Kremlevskaya, 18, Kazan', 420008, Russian Federation; e-mail: g@batalin.com

Н. Н. Грибов

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРИЗОНТ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Резюме. В статье публикуются предварительные результаты изучения культурных отложений, вскрытых раскопками в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника в кремле г. Нижнего Новгорода в 2018 г. Охарактеризован механизм формирования стратифицированного «сухого» культурного слоя на оползневой террасе в пределах берегового склона. Средневековый горизонт датирован XIII – началом XV в. В нем выделено пять разновременных слоев с археологическими находками, отделенными друг от друга стерильными склоновыми отложениями. Отмечена смена характера использования исследованного участка после завершения средневекового периода. Позднейший этап освоения (конец XV – начало XVIII в.) связан с функционированием монастырского некрополя.

Ключевые слова: Нижегородский кремль, стратифицированный культурный слой, делловий, склоновые отложения, археологические раскопки, храм Святого Симеона Столпника, оползень, русская средневековая керамика, береговой склон, средневековая застройка.

При обзоре материалов раскопок Нижнего Новгорода складывается впечатление, что сохранившийся от кратковременного средневекового отрезка истории города нижний горизонт культурного слоя – источник малоинформативный (Грибов, 2018. С. 21). Действительно, на современном этапе изучения памятника следы жизни средневековых нижегородцев прослеживаются почти исключительно по заполнениям материковых ям. Слои протяженного простираения XIII – начала XV в. – маломощны, лишены какой-либо структуры и фрагментированы позднейшими перекопами. Характерная мощность средневекового горизонта за пределами углубленных сооружений редко превосходит 10–15 см. Его нестратифицированность вынуждает при хронологических разработках обращаться к методам сравнительного изучения комплексов находок из котлованов

средневековых подполий, погребов и подпечных ям, исключая возможность изучения эволюции вещевых наборов, местной керамической посуды с опорой на стратиграфические наблюдения (Грибов, 2006).

Отмеченные особенности культурных отложений в значительной степени обусловлены геоморфологией местности, в которой проходило их формирование. Все сколько-нибудь масштабные раскопы в черте средневекового Нижнего Новгорода до недавнего времени тяготели исключительно к возвышенному плато правого волжского берега с низким уровнем стояния грунтовых вод и обедненным органическими включениями маломощным «сухим» слоем. Отсутствие сколько-нибудь выраженной структуры у нижнего горизонта культурных отложений, вероятно, объясняется непрерывным характером городской жизни в средневековый период, по крайней мере, до первого тотального разорения города конницей Мамай и мордвой в 1377–1378 гг.

Вместе с тем городская селитебная территория в средневековый период охватывала участки и с другими формами рельефа – существенно отличными по условиям «осадконакопления» (седиментации) от возвышенного плато Волго-Окского Правобережья. Прежде всего это Подол – сравнительно узкая полоска правобережной поймы р. Волги шириной 150–200 м, отделяющая подошву уступа ее правого коренного берега от русла реки. Из-за повышенной влажности грунтов, подтопляемых разгрузкой водонесущих горизонтов, культурный слой в этом районе обладает повышенной консервирующей способностью. Однако следы присутствия средневековых отложений здесь были зафиксированы пока только при изучении одного искусственного обнажения (во дворе д. 24 по ул. Рождественская; см.: Гусева, 1993). Археологическими раскопками органосодержащий культурный слой Нижнего посада прослежен на двух небольших площадках только до уровня залегания горизонта рубежа XVII–XVIII вв. (Грибов, 2018. С. 236).

В 2018 г. начались масштабные археологические исследования на участке с еще одной специфической геоморфологической обстановкой – на склоне коренного волжского берега. Работы первого полевого сезона привели к обнаружению здесь «сухого», но стратифицированного средневекового слоя. Настоящая публикация посвящена обзору предварительных результатов его изучения.

Исследования, о которых пойдет речь, проводились в нижней части Нижегородского кремля. Территория, которую охватывают стены этой кирпично-каменной крепости, возведенной по указу Василия III на рубеже первых двух десятилетий XVI в., включает в себя не только площадку на нагорном плато, где располагались древнейшие нижегородские соборы и дерево-земляные укрепления «города Юрия Всеволодовича» 1221 г., но и значительный участок волжского косогора (рис. 1). Нижняя часть кремлевской территории располагается на древней оползневой террасе, «осложняющей» береговой склон на высоте 35–37 м над уровнем воды в р. Волге. Абсолютные отметки современной дневной поверхности террасы – 99–101 м, а бровки коренного волжского берега над ней – 137 м (в Балтийской системе высот). Ее абрис напоминает продолговатый овал длиной 200 м и шириной до 80 м. Терраса вытянута поперек склона (по линии ЗЮЗ–ВСВ) между двумя оврагами, прорезающими коренной волжский берег, – Ивановским и Почаинским. Почти по линии ее бровки проходит прясло кремлевской стены между Ивановской и Белой башнями.

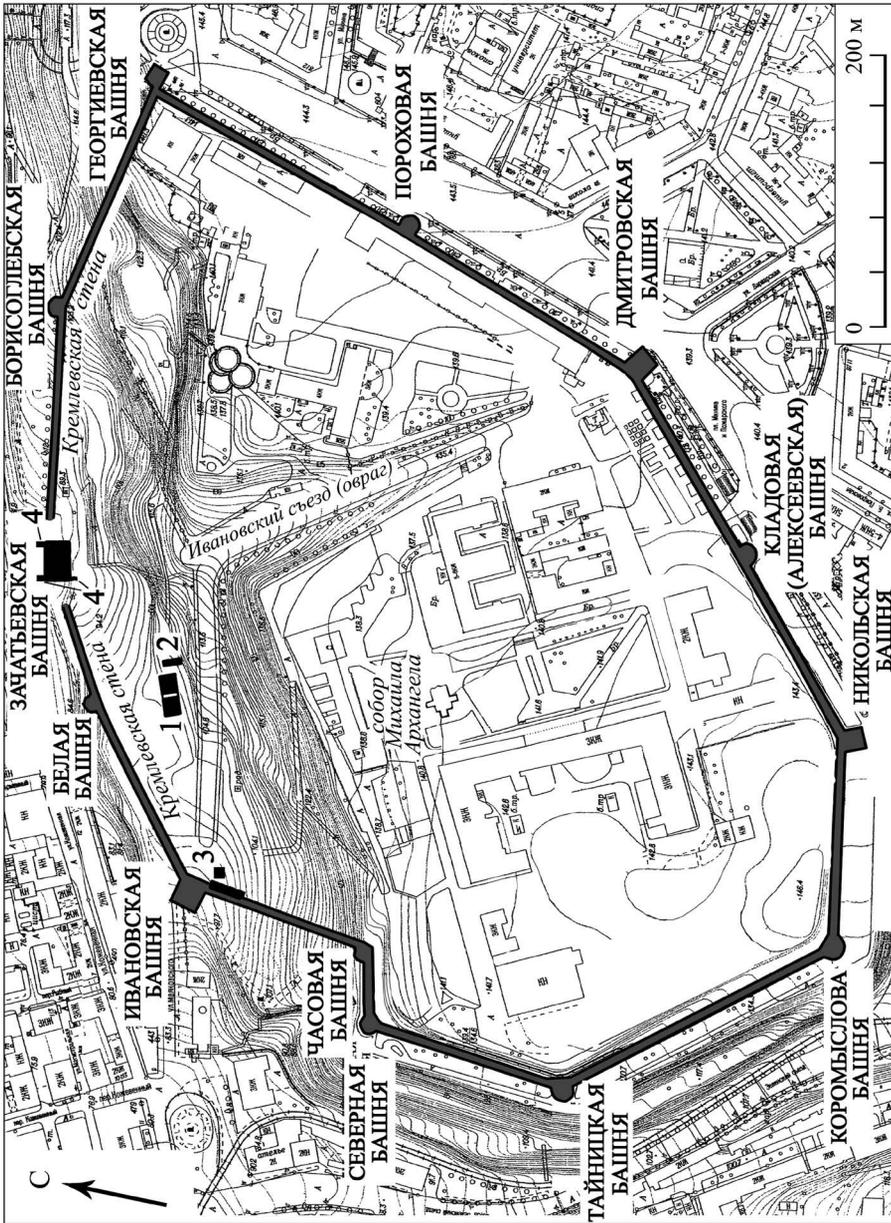

Рис. 1. Топографический план Нижегородского кремля. Сечение горизонтали 1 м
1 – раскопы 1 и 2 2018 г.; 2 – шурф Е. И. Бакулина 2012 г.; 3 – шурф А. И. Королева 2011 г.
4 – раскопы 1 и 2 2018 г.; 2 – шурф Е. И. Бакулина 2012 г.; 3 – шурф А. И. Королева 2011 г.

В настоящее время естественный рельеф в этой части кремля изменен. Ее современная поверхность выположена и субгоризонтальна. Область тылового шва оползневой террасы (ее юго-восточная периферия) перекрыта насыпью Ивановского съезда.

Уступ волжского откоса выше оползневой террасы сложен пачками красноцветных позднепалеозойских пород татарского отдела пермской системы (Фридман и др., 1972). Это пестроцветные мергели, аргилитоподобные глины, песчаники и алевроиты северодвинского яруса. В их толще выделены два слабонапорных водоносных горизонта, тяготеющих к абсолютным отметкам 98 и 115 м в Балтийской системе высот. Палеозойские отложения перекрыты чехлом бурых лессовидных четвертичных суглинков, мощностью около 25 м. Склон имеет северо-западную экспозицию, он – прямой, короткий и крутой, с углом наклона 34°. Заметные на его задернованной поверхности старые оползни-оплывины частично спланированы, а их гребнеобразные выступы использованы в качестве оснований для прокладки пешеходных дорожек.

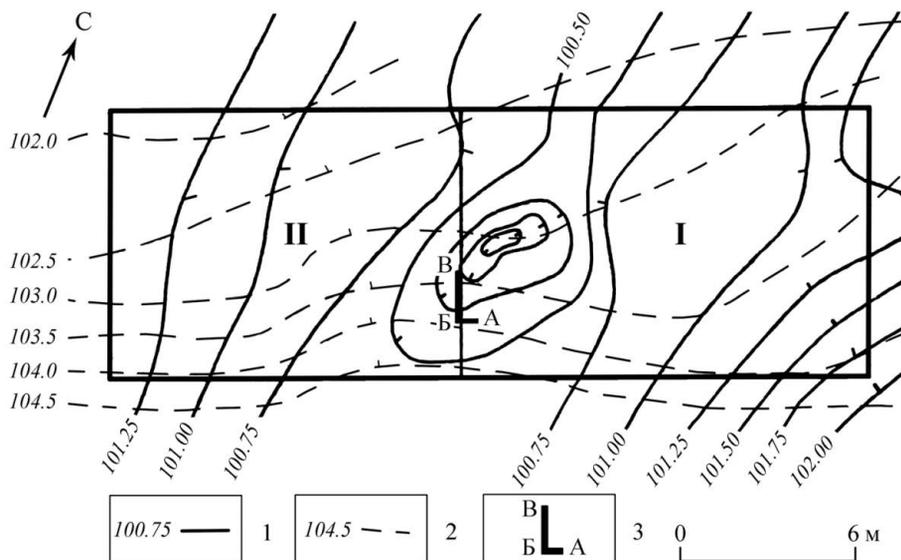
До последнего времени нижняя часть территории кремля оставалась археологически слабо изученной. Первая обнаруженная здесь средневековая находка представляет собой клад серебряных золотоордынских монет, выкопанный при земляных работах на Ивановском съезде в 1913 г. (Петров, 1997. С. 9). Археологические вскрытия до 2018 г. ограничивались четырьмя шурфами, заложенными у двух кремлевских башен – Ивановской (4 кв. м, см.: Бакулин, 2012) и Зачатьевской (40 кв. м, см.: Королев, 2011). По результатам этих работ сложно судить о характере освоения этого района в средневековый период. В единственном шурфе, заложенном у Ивановской башни, слой с единичной средневековой находкой – фрагментом сосуда из китайского селадона – сохранился фрагментарно и не получил хронологической атрибуции. Изучение шурфов у Зачатьевской башни с привлечением специалиста-почвоведов показало, что обнаруженные здесь отложения с инвентарем XIII–XV вв. «... не являются культурными слоями в общепринятой терминологии, а представляют собой следы смыва напластований с территории верхней площадки кремля...» (Там же. Л. 69). При шурфовке в нижней части кремля не удалось зафиксировать и каких-либо следов застройки, предшествующей возведению кремлевской стены.

Исследования, начатые в этом районе в 2018 г., были приурочены к зоне воссоздания кирпичного храма Святого Симеона Столпника, взорванного в 1928 г. Первое упоминание о Симеоновской церкви в Нижегородском кремле встречается в Писцовой книге 20-х гг. XVII в. (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 26). Тогда это было деревянное сооружение – главный храм небольшого Симеоновского монастыря. 25 июня 1715 г. деревянная Симеоновская церковь со всей утварью и колоколами сгорела в большом пожаре, охватившем большую часть Нижнего Новгорода (Новый Нижегородский летописец, С. 647). После этого происшествия обитель, вероятно, была упразднена, а в 1743 г. на месте ее главного храма была построена кирпичная Симеоновская церковь (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4. Д. 1546. Л. 1 об.), закрытая и разрушенная в начале советского периода.

Церковное здание предполагается воссоздать точно по месту расположения утраченного кирпичного строения. Последнее с юго-восточной стороны примы-

кало к откосу Ивановского съезда, занимая участок древней оползневой террасы в 20 м от ее тылового шва и в 50–60 м от ее бровки.

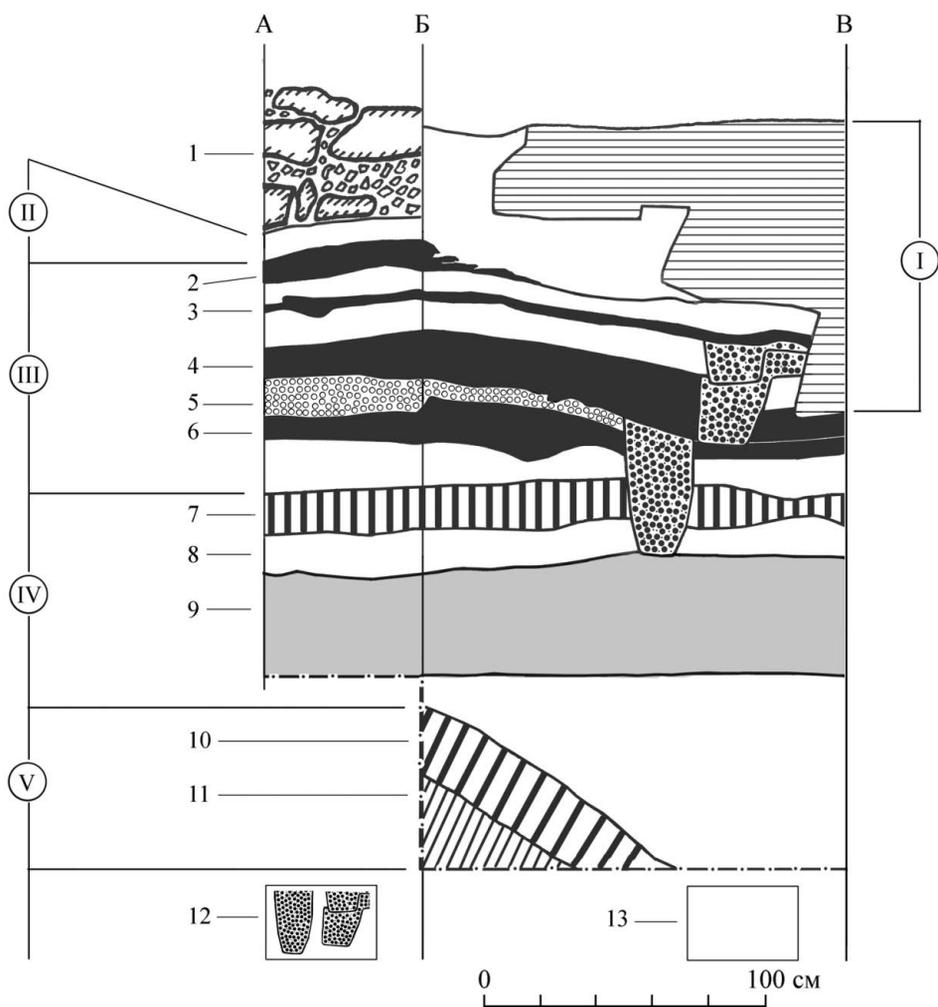
В обводах будущего строительного котлована исследован один шурф (10 кв. м) и два раскопа общей площадью около 240 кв. м. Раскопы примыкали друг к другу и почти полностью покрывали фундамент южной стены разрушенного храма (рис. 2). Раскопки начались после расчистки площадки до уровня нижних отметок залегания глыб раздробленной взрывом цементной стяжки пола кирпичной церкви. Вскрытые отложения разделяются на пять горизонтов (рис. 3).

Рис. 2. Нижегородский кремль. Рельеф поверхности древнего оползня на раскопах 2018 г. Высоты указаны в Балтийской системе

I – горизонтали и их отметки на поверхности древнего оползня; *2* – горизонтали и их отметки на дневной поверхности площадки раскопов 1 и 2 до начала работ; *3* – место расположения стратиграфического разреза

Первый (верхний) горизонт представляет собой слой монастырского некрополя мощностью 80–90 см. Он сложен крапчатым серовато-темно-коричневым легким суглинком. В толще слоя расчищены многочисленные грунтовые захоронения, как правило, без отчетливых следов могильных ям (302 погребения 306 индивидуумов). Часть из них перерезана фундаментом храма 1743 г. Среди массовых находок – керамика XVI–XVIII вв., представленная образцами чернолощеных (преобладающих), белоглиняных гладких и краснолощеных сосудов; фрагменты посуды XIII – начала XV в. достаточно редки. Монетные находки разделяются на два периода. Наиболее ранние датируются XIV – началом XV в. Это медный пул Золотой Орды чеканки хана Хызра (761 г. х.) и медное

Рис. 3. Нижегородский кремль. Раскоп 1 в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника. Стратиграфический разрез

I, II, III, IV, V – горизонты I–V

1 – фундамент храма; *2* – слой 7а; *3* – слой 7б; *4* – слой 7в; *5* – стерильный деструктурированный грунт палеозойских отложений; *6* – слой 9а; горизонты погребенной почвы: *7* – гумусово-аккумулятивный; *8* – переходный слегка оподзоленный (A1A2); *9* – иллювиальный; горизонты почвенного профиля, сохранившиеся в верхней части блоков древнего оползня: *10* – гумусово-аккумулятивный; *11* – переходный к почвообразующему бурому покровному суглинку; *12* – разрезы одновременных частокольных канавок; *13* – стерильный суглинистый грунт делювиального происхождения

анэпиграфное пуло нижегородской чеканки периода правления Василия Дмитриевича московского (с равносторонним крестом на одной стороне и перекрещенными овалами – на оборотной, см.: *Грибов*, 2018. С. 155. Рис. 1). Основная масса найденных монет выпущена в промежутке конца XV – XVII в. Среди них самые ранние – «облегченные» медные пулы гг. Москвы и Твери, чеканка которых началась в 90-х гг. XV в.; **серебряная денга Ивана IV. Связанные с погребениями бронзовые нательные кресты стилистически разнообразны.** Наиболее ранние формы представлены односторонними удлиненными изделиями с укороченной горизонтальной осью, клинообразно расширенным окончанием нижней лопасти и с изображением восьмиконечного креста на лицевой стороне. Наиболее поздние кресты-тельники отличают «барочные» черты в оформлении («лучи» в средокрестии). Вскрытая часть монастырского некрополя может быть датирована в пределах конца XV – начала XVIII в.

Второй горизонт – стерильный желтовато-светло-коричневый нерегулярно тонкослоистый пылеватый легкий (близкий к супеси) суглинок делювиального происхождения. С уровня кровли второго горизонта зафиксированы врезки наиболее ранних могил монастырского некрополя. Мощностерильного горизонта возрастала по направлению к береговому склону и на участках, не пострадавших от могильных ям, достигала 57 см.

Третий (средневековый) горизонт представлен пачкой гумусированных слоев с массовым включением углей и средневекового инвентаря, перемежаемых стерильными склоновыми отложениями. На большей части раскопанной площади данный горизонт слабо нарушен могильными ямами, его максимальная мощность 95 см. Большинство слоев с археологическими находками подстилается светлым стерильным легкосуглинистым грунтом с редкими включениями комков бурого четвертичного суглинка. Их мощность варьировала от 5 до 26 см. Вблизи границ однородность грунта, образующего стерильные прослойки, как правило, нарушалась тонкой нерегулярной слоистостью, свойственной следам эрозионных размывов. Их переходы в темные угленасыщенные слои с археологическим материалом – резкие и слабоволнистые. Один из гумусированных слоев (третий сверху) лежал на линзе деструктурированных палеозойских отложений, состоящих из дресвы и мелкого щебня пестроцветных мергелей и плотных каменистых глин. В порах и на гранях структурных отдельностей этого грунта был замечен коричневатый песок, отложившийся из-за фильтрации грунта водой, насыщенной взмученными пелитообразными частицами. Максимальная мощность линзы – 56 см. Связанное с ней продолговатое, вытянутое поперек склона геологическое тело (12 × 6 м) почти полностью вошло на раскопанную площадь. Его можно интерпретировать как оплывину – небольшой оползень, вызванный переувлажнением рыхлых склоновых отложений.

При удалении от склона стерильные прослойки, перемежающие слои с археологическим материалом, постепенно выклинивались, а верхняя часть средневекового горизонта обнаруживала все более глубокие следы эрозионной переработки.

Четвертый горизонт образован погребенной почвой, сформированной на светло-коричневом делювиальном суглинке, смытом с верхней части берегового склона. Почвенный профиль отчетливо дифференцирован. Его верхняя

часть представлена маломощным со следами эрозионного размыва гумусово-аккумулятивным горизонтом (5–12 см), средний – слегка оподзоленным переходным (горизонт А1А2, 12 см), нижний – буровато-светло-коричневым иллювиальным горизонтом (20–25 см). С уровня верхней поверхности этой погребенной почвы на восточной половине раскопанного участка зафиксирована врезка русла неглубокой эрозионной борозды.

Материнской породой для почвообразовательных процессов служил светло-коричневый делювиальный суглинок. Его нижняя граница – резкая, мощность около 40 см. На большей части изученной площади он перекрывал поверхность древнего блочного оползня, раздробленного на отдельные пакеты с сохранением структуры почвенного покрова, который когда-то был свойственен прибрежной части нагорного плато. Грунт этого оползня выделен в качестве пятого стратиграфического горизонта. Вероятно, именно им сложена оползневая терраса в нижней части территории Нижегородского кремля.

Вскрытая на раскопах поверхность древнего оползня осложнена многочисленными уступами и прощелинами, вызванными разрывами сплошности оползшего массива. Его дробление на слегка разориентированные блоки легко прослеживалось по разному наклону древнего гумусово-аккумулятивного почвенного горизонта в их кровлях. По морфологическим признакам почву, обнаруженную в верхних частях блоков древнего оползня, можно связать с одним из местных реликтовых почвенных горизонтов, образовавшихся в условиях лесостепного ландшафта около 4000 лет назад (*Юртаев*, 2005. С. 128, 129). Она сложена темно-серым (черным во влажном состоянии) легкосуглинистым тонкопористым грунтом с ореховатой структурой мощностью около 20–25 см. Переход в подстилающий бурый суглинок – затеками, толщина переходного участка около 15 см.

Реконструкция микрорельефа верхней площадки оползня в границах исследованного участка выявила древнюю депрессию, вытянутую по меридиану от волжского откоса к волжскому руслу (рис. 2). Борты понижения покаты и не имеют выраженных бровок. Его ширина по уровню отметки 101,25 м (в Балтийской системе высот) – 18 м, глубина – около 1 м. На дне расчищена врезка небольшой водоемы, заполненной сизовато-серым влажным оглееным суглинком. Образование депрессии, скорее всего, можно объяснить неравномерностью просадки отдельных частей оползшего грунтового массива. В случае русловой эрозии на ее дне в верхних частях оползших блоков вряд ли бы сохранился древний почвенный покров.

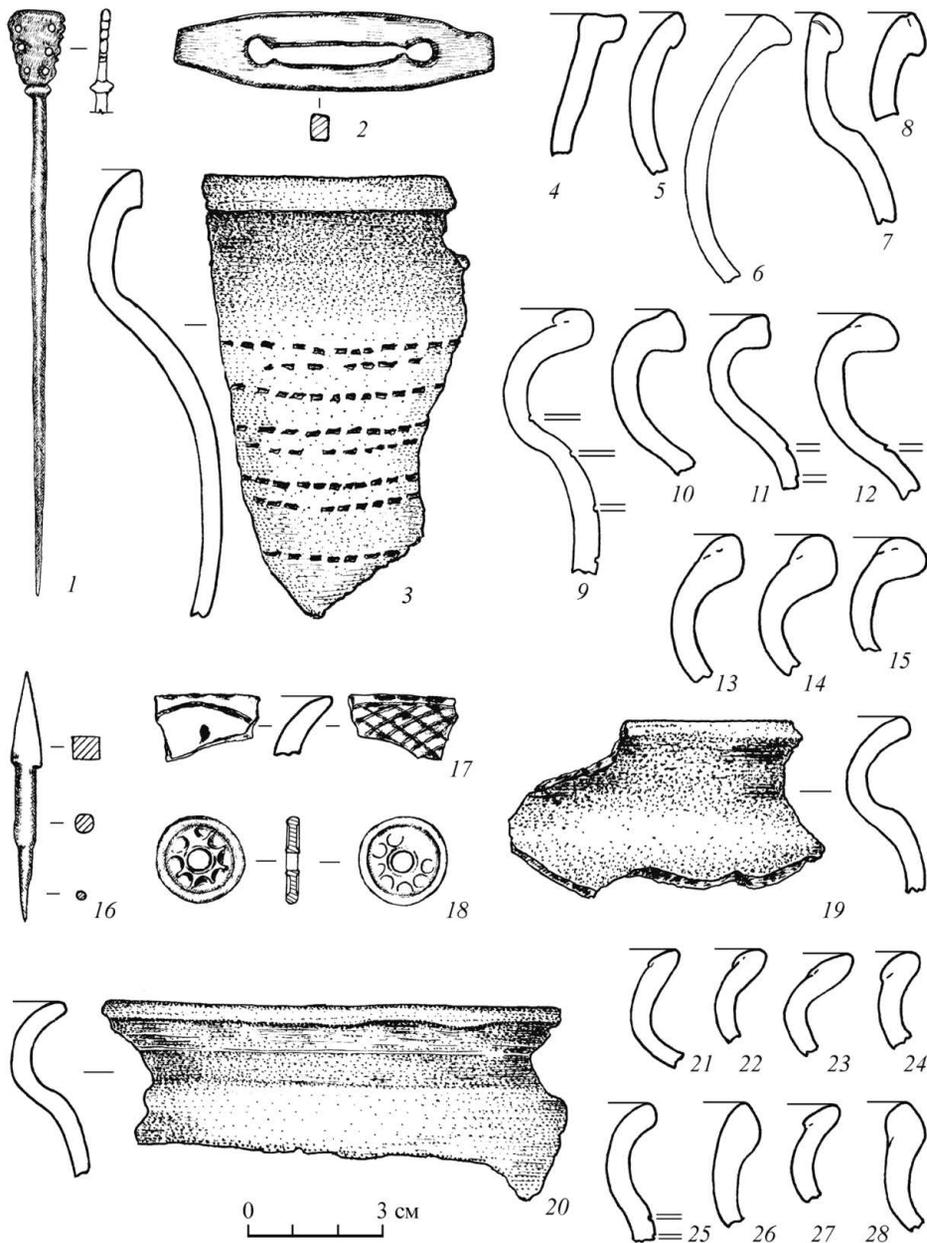
Выположенность оползневой площадки существенным образом замедляла скорость временных водотоков, размывающих береговой склон во время дождей и снеготаяния. Выявленная на раскопанном участке депрессия стала одним из мест наиболее интенсивной аккумуляции осадочного материала. После того как ее углубление было заполнено приблизительно на половину объема, прирост делювия существенно замедлился и на его основе началось формирование почвенного покрова (выделенного в качестве четвертого стратиграфического горизонта). Строительство города на верхней площадке нагорного плато в первой половине XIII в., очевидно, способствовало активизации склоновых процессов, что отразилось в перемежаемости культурных отложений стерильным грунтом, периодически смываемым с верхней части берегового склона.

В толще средневекового горизонта зафиксировано пять слоев с археологическими находками. Мощность каждого из них не превышала 12–18 см. Самый нижний слой (9б) был расчищен на небольшой площади у самого южного борта раскопанного участка. Еще один (слой 7б) отличался небольшой мощностью и слабой насыщенностью включениями. Таким образом, основной массив археологического материала средневекового горизонта происходит из трех слоев: самого верхнего (7а), кровля которого через эрозионный размыв переходит в стерильный суглинок второго горизонта; среднего (7в), наиболее мощного, состоящего (при внимательном рассмотрении разреза) из 3–4 гумусированных прослоев, перемежаемых тонкими слоями светлого пылеватого суглиника; нижнего (9а), перекрытого деструктурированным грунтом небольшого оползня-оплывины (рис. 3).

По датировкам вещевых находок и набору форм венчиков керамических сосудов средний и нижний слои (7в и 9а) заметно отличаются от верхнего слоя (7а) и близки друг другу. Время начала их формирования можно очертить пределами XIII столетия и связать с начальным этапом истории города. На это указывают встреченные в них венчики горшков «общерусского типа» – резко отогнутые наружу с характерным внутренним краевым утолщением различных очертаний (рис. 4: 9–12), а также фрагменты верхних частей сосудов с относительно высокой раструбообразной или близкой к цилиндру горловиной (рис. 4: 4–6). Отмеченные разновидности являются надежными индикаторами русской керамики XII–XIII вв. (*Коваль*, 1996. С. 107, 108) (ХИВ-1, ХИВ-2). Датированный инвентарь из этих слоев представлен железным писалом с фигурной вытянутой лопаточкой треугольной формы с зубчиками по краям (близко к типам 4 и 11 Великого Новгорода, исчезающим к середине – концу XIII в., см.: *Медынцева*, 1997. С. 150, 151); большим количеством фрагментов стеклянных браслетов, в том числе – рифленых и украшенных цветными эмалями; цилиндрическим замком типа В1 (в Великом Новгороде появляются в начале XIII в., см.: *Кудрявцев*, 2012. С. 124); железным овальным удлинённым кресалом с округлыми отверстиями по углам внутреннего выреза, которое датируется промежутком начала XII – середины XIII в. (*Колчин*, 1959. С. 101).

С нижним слоем (9а) связаны следы разнообразной производственной деятельности. К ним относятся десятки обрезков лосиного рога со спилами, небольшой необработанный штупф янтаря, железные кузнечные шлаки, железный пробойник. Особый интерес представляет перекрытая развалом глинобитной печи, стратиграфически приуроченная к слою 9а яма, с которой, предположительно, можно связать производство поливной посуды. На это указывают обнаруженные в ее заполнении крупные фрагменты слегка переобоженных керамических сосудов с потеками и каплями желто-зеленой поливы. Находки, свидетельствующие о деятельности городских ремесленников за чертой нижегородского детинца еще до получения городом статуса удельной столицы (до середины XIV в.), встречены впервые.

Формирование верхнего слоя средневекового горизонта (7а), с большой долей вероятности, началось уже в период политической самостоятельности великого Суздальско-Нижегородского княжества (в середине XIV в.) и завершилось в начале XV в. В слое 7а и в заполнениях связанных с ним ям обнаружены

Рис. 4. Нижегородский кремль.

Раскоп 1 в зоне воссоздания храма Святого Симеона Столпника

Находки: 1 – писало железное; 2 – кресало железное; 16 – железный наконечник стрелы; 17 – венчик поливного сосуда из кашина; 18 – грузик свинцовый; 3–15, 20–28 – характерные формы венчиков керамических горшков

Слой 7в и 9а: 1–15; слой 7а и связанные с ними ямы: 16–28

1 – кв. 5, пл. 8; 2 – кв. 1, пл. 6; 16, 18 – яма 2; 17 – кв. 12, пл. 7; 3 – кв. 9, пл. 7; 4, 5, 8 – кв. 18, пл. 9; 6 – кв. 4, пл. 8; 7 – кв. 9, пл. 6; 9 – кв. 16, пл. 5; 10–12 – кв. 10, пл. 7; 13–15 – кв. 14, пл. 9; 19, 25–28 – кв. 10, пл. 5; 20–22 – кв. 11, пл. 7; 23, 24 – яма 2

осколки поливной кашинной посуды, произведенной в мастерских поволжских городов Золотой Орды (рис. 4: 17); уплощенный орнаментированный свинцовый грузик конца XIV–XV в. (Седова, 1981. С. 158) (рис. 4: 18), железный бронебойный наконечник стрелы с удлиненной шейкой и квадратным сечением головки эпохи Золотой Орды (тип 89 по А. Ф. Медведеву, см.: Медведев, 1966. С. 82) (рис. 4: 16). В керамическом комплексе присутствуют верхние части сравнительно тонкостенных горшков со слегка отогнутыми наружу короткими, переходящими через уступ в плечико венчиками (рис. 4: 19, 20). Их краевое окончание – без заметного утолщения; как правило, оно «скошено» заглаживанием внутрь сосуда и по форме сечения напоминает треугольник или овал. Горшки с подобной профилировкой горловины и «подтреугольным краем» в Москве и на памятниках Среднего Поочья появляются только во второй половине XIV в. (Коваль, 1996. С. 84; Бойцов, 1991. С. 39).

С каждым средневековым слоем (кроме самого нижнего слоя 9б) связаны ямы и следы оград в виде плетней или частоколов (рис. 3). Это обстоятельство делает несостоятельным предположение об образовании отложений со средневековым инвентарем путем «смыва культурных напластований с территории верхней площадки кремля». Изученный фрагмент средневековой застройки носит усадебный характер. Вероятно, он представлял собой часть Нижнего городского посада, наименее удаленную от укрепленного центра городской территории. Близость к детинцу, очевидно, являлась решающим обстоятельством при выборе раскопанного участка как селитебного места – весьма неудобного по совокупности природных факторов для проживания.

Перекрытие средневекового горизонта мощным чехлом стерильных делювиальных отложений указывает на запустение исследованной площадки на достаточно продолжительное время. Временные рамки «периода запустения» можно ориентировочно очертить в широких пределах от рубежа XIV–XV до промежутка конца XV – первой половины XVI в. Новый этап освоения раскопанного участка ознаменовался иным характером его использования. Если в средневековое время его покрывала усадебная застройка со следами присутствия различных ремесленных производств, то в промежутке конца XV – первой половины XVI в. раскопанная площадка превратилась в один из городских некрополей.

Результаты раскопок в историческом центре Нижнего Новгорода 2018 г. представляют несомненный интерес для понимания одного из механизмов стратификации «сухого» культурного слоя. Стратифицированные культурные отложения могут формироваться в пределах береговых склонов в пришовных зонах освоенных человеком оползневых террас по местам интенсивной аккумуляции склоновых отложений. Эволюция набора посудной керамики, прослеженная при сравнении материалов из нижних и верхнего культурных слоев средневекового горизонта, в целом подтверждает выводы, сделанные ранее по материалам из заполнений разновременных углубленных в материк сооружений (см.: Грибов, 2006). Впервые в истории археологического изучения Нижнего Новгорода следы средневековой застройки зафиксированы в нижней части территории кремля.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакулин Е. И.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях в г. Н. Новгороде на участках строительства в г. Н. Новгороде на набережной Гребного канала у д. 8 (кадастровые номера участков 52:18:006028, 52:18:060218:0004), прокладки КЛ-0,4 кВ от ТП-229, расположенного на территории кремля, корп. 3, корп. 5, корп. 1А, корп. 11, по ул. Рождественской, д. 1-3, д. 5, д. 7, д. 9, по Зеленскому съезду, д. 10, по ул. Ильинской, д. 1, д. 3, д. 5, д. 7, д. 9, д. 14, по набережной Федоровского, д. 13, строительства транспортной развязки по ул. Должанской в Канавинском районе г. Н. Новгорода в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 33952, 33953.
- Бойцов И. А.*, 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // *Московская керамика: новые данные по хронологии* / Отв. ред.: С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР. С. 33–40.
- Грибов Н. Н.*, 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // *Нижегородские исследования по краеведению и археологии*. Вып. 10 / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 62–91.
- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. 592 с.
- Гусева Т. В.*, 1993. Отчет о полевых археологических исследованиях Нижегородской археологической службы в 1993 г. Т. II // Архив ИА РАН. Р-1.
- Коваль В. Ю.*, 1996. Керамика Ростислава Рязанского: вопросы хронологии // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья* / Сост.: Л. А. Беляев, А. Г. Векслер, Т. В. Скоробогатова. М.: Музей истории города Москвы. С. 103–133. (Труды Музея истории города Москвы; вып. 9.)
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // *Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. II / Отв. ред.: А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: АН СССР. С. 7–120. (МИА; № 65.)
- Королев А. И.*, 2011. Архитектурно-археологические исследования Зачатской башни Нижегородского кремля в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40757, 40758.
- Кудрявцев А. А.*, 2012. Хронология ключей и замков средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // *РА*. № 4. С. 119–124.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метальное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 182 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Медынцева А. А.*, 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // *Древняя Русь. Быт и культура* / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 140–152. (Археология.)
- Новый Нижегородский летописец // *Гацисский А. С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 2001. С. 644–661.
- Петров П. Н.*, 1997. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // *Древности Нижегородского Поволжья: сб. ст.* Вып. 2: Нумизматический сборник. Т. I / Отв. ред. П. Н. Петров. Нижний Новгород: Конвек. С. 9–24.
- Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб.: Синод. тип., 1896. 338 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Фридман Б. И., Балунец З. Б., Шишкова Т. А., Морозов А. А., Зубова Л. М.*, 1972. Геологическое строение и гидрологические условия района слияния рек Оки и Волги. Т. 1. Рукопись // Территориальный фонд геологической информации по Приволжскому федеральному округу. № 12594.
- Юртаев А. А.*, 2005. Реликтовые горизонты почв Нижегородской области как объект природного наследия // *Этнокультурные и геодемографические проблемы регионов России: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию создания кафедры экономической, социальной, политической географии и методики обучения географии (15–16 марта 2005 г.)*. Вып. II / Отв. ред. К. П. Сергеева. Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т. С. 126–130.

Сведения об авторе

Грибов Николай Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nnhora@yandex.ru

N. N. Gribov

THE STRATIFIED MEDIEVAL HORIZON
IN THE NIZHNIY NOVGOROD KREMLIN:
FORMATION CONDITIONS AND PRELIMINARY CHARACTERISTICS

Abstract. The paper reports on preliminary results of examining the occupational deposits discovered by the 2018 excavations conducted on the site where the Cathedral of St. Simeon Stylite in the Nizhny Novgorod Kremlin will be rebuilt. The paper characterizes the formation mechanism of the stratified ‘dry’ occupation layer on the landslip terrace within the bank slope. The medieval horizon dates to the 13th – early 15th centuries. Five layers with archaeological finds separated by sterile slope detritus dating to different periods are singled out. It is noted that after the medieval period the examined site was used for a different purpose. The latest stage of its occupation (late 15th – early 18th centuries) is related to the operation of a monastery necropolis.

Keywords: Nizhny Novgorod Kremlin, stratified occupation layer, diluvium, slope detritus, archaeological excavations, Cathedral of St. Simeon Stylite, landslide, Russian medieval ceramics, bank slope, medieval housing construction.

REFERENCES

- Bakulin E. I., 2012. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v g. N. Novgorode na uchastkakh stroitel'stva v g. N. Novgorode na naberezhnoy Grebnogo kanala u d. 8 (kadastrovyye nomera uchastkov 52:18:006028, 52:18:060218:0004), prokladki KL-0,4 kV ot TP-229, raspolozhennogo na territorii Kremlya, korp. 3, korp. 5, korp. 1A, korp. 11, po ul. Rozhdestvenskoy, d. 1-3, d. 5, d. 7, d. 9, po Zelenskomu s'yezdu, d. 10, po ul. Il'inskoy, d. 1, d. 3, d. 5, d. 7, d. 9, d. 14, po naberezhnoy Fedorovskogo, d. 13, stroitel'stva transportnoy razvyazki po ul. Dolzhanskoy v Kanavinskom rayone g. N. Novgoroda v 2012 g. [Report on archaeological investigations in N. Novgorod in construction sites in N. Novgorod on the embankment of Grebnoy kanal, 8 (cadastral numbers of sites 52:18:006028, 52:18:060218:0004), laying KL-0.4 kV from TP-229, located in the territory of the Kremlin, bld. 3, bld. 5, bld. 1A, bld. 11, at Rozhdestvenskaya str., 1-3, 5, 7, 9, along Zelenskiy ramp, 10, in Il'inskaya str., 1, 3, 5, 7, 9, 14, in Fedorovskiy quay, 13, construction of transport interchanges in Dolzhanskaya str, Kanavinskiy district of N. Novgorod in 2012]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Boytsov I. A., 1991. Moskovskaya krasnoglinyanaya keramika XIV – nachala XVI vv. i vozniknoveniye Goncharnoy slobody v Moskve [Moscow red-clay ceramics of XIV – early XVI cc. and emergence of Goncharnaya sloboda in Moscow]. *Moskovskaya keramika: novyye dannyye po khronologii [Moscow ceramics: new data on chronology]*. S. Z. Chernov, M. D. Poluboyarinova, eds. Moscow: IA AN SSSR, pp. 33–40.
- Fridman B. I., Balunets Z. B., Shishkova T. A., Morozov A. A., Zubova L. M., 1972. Geologicheskoye stroyeniye i gidrologicheskkiye usloviya rayona sliyaniya rek Oki i Volgi. Tom 1. Rukopis' [Geological structure and hydrological conditions of confluence of Oka and Volga rivers. Vol. 1. Manuscript]. *Territorial'nyy fond geologicheskoy informatsii po Privolzhskomu federal'nomu okrugu [Territorial bank of geological information on the Volga Federal district]*, *Archive of the Volga Federal district.* (In Russian, unpublished.)
- Gribov N. N., 2006. Khronologiya keramicheskikh kompleksov russkikh poseleniy epokhi Zolotoy Ordy (po materialam pamyatnikov rayona ust'ya r. Oki) [Chronology of ceramic complexes of Russian settlements of Golden Horde epoch (based on materials from sites in Oka river estuary)]. *Nizhegorodskiyе issledovaniya po krayevedeniyu i arkhеologii [Nizhniy Novgorod investigations on local lore and archaeology]*, 10. E. A. Molev, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gos. universitet, pp. 62–91.

- Gribov N. N., 2018. Nizhniy Novgorod v XV veke: poiski utrachennogo goroda [Nizhniy Novgorod in XV century: searching the lost city]. Moscow: IA RAN. 592 p.
- Guseva T. V., 1993. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Nizhegorodskoy arkheologicheskoy sluzhby v 1993 g. T. II [Report on field archaeological investigations of Nizhniy Novgorod archaeological service in 1993. Vol. II]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kolchin B. A., 1959. Zhelezoobratatyvayushcheye remeslo Novgoroda Velikogo [Ironworking craft in Novgorod Velikiy]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Novgorod archaeological expedition]*. Vol. II. A. V. Artsikhovskiy, B. A. Kolchin, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 7–120. (MIA, 65.)
- Korolëv A. I., 2011. Arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya Zachatskoy bashni Nizhegorodskogo kremlya v 2011 g. [Architectural-archaeological investigations of Zachatskaya tower in Nizhniy Novgorod Kremlin in 2011]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Koval V. Yu., 1996. Keramika Rostislavlya Ryazanskogo: voprosy khronologii [Ceramics of Rostislav' Ryazanskiy: problems of chronology]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Moskvyy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and Moscow region]*. L. A. Belyayev, A. G. Veksler, T. V. Skorobogatova, comp. Moscow: Muzei istorii goroda Moskvyy, pp. 103–133. (Trudy Muzeya istorii goroda Moskvyy, 9.)
- Kudryavtsev A. A., 2012. Khronologiya klyuchey i zamkov srednevekovogo Novgoroda (po materialam Nerevskogo raskopa) [Chronology of locks and keys from medieval Novgorod (based on the materials from Nerevsky excavation site)]. *RA*, 4, pp. 119–124.
- Medvedev A. F., 1966. Ruchnoye metatel'noye oruzhiye (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand throwing weapons (Bow and arrows, mechanical bow) VIII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 182 p. (SAI.)
- Medyntseva A. A., 1997. Epigrafika, pisala (stili) i tsery [Epigraphic, writing stems (styli) and waxed tablets]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Russia. Everyday life and culture]*. B. A. Kolchin, T. I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 140–152. (Arkheologiya.)
- Novyy Nizhegorodskiy letopisets [New Nizhniy Novgorod chronicler]. *Gatsisskiy A. S. Nizhegorodskiy letopisets [Nizhniy Novgorod chronicler]*. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya yarmarka, 2001, pp. 644–661.
- Petrov P. N., 1997. Nakhodki dzhuchidskikh monet na territorii Nizhegorodskoy oblasti [Finds of Jochid coins in territory of Nizhniy Novgorod region]. *Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Antiquities of Nizhniy Novgorod region in Volga basin]*, 2. *Numizmaticheskii sbornik [Numismatic annual]*, I. P. N. Petrov, ed. Nizhniy Novgorod: Konvek, pp. 9–24.
- Pistsovaya i perepisnaya knigi XVII veka po Nizhnemu Novgorodu [Scribe and census books of XVII century for Nizhniy Novgorod]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1896. 338 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry items of ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Yurtayev A. A., 2005. Reliktovyye gorizonty pochv Nizhegorodskoy oblasti kak ob'ekt prirodnoogo naslediya [Relic horizons of soils of Nizhny Novgorod region as an object of natural heritage]. *Etnokul'turnyye i geodemograficheskiye problemy regionov Rossii [Ethnocultural and geodemographic problems of Russia regions]*, II. K. P. Sergeyeva, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 126–130.

About the author

Gribov Nikolaj N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nnhora@yandex.ru

А. В. Вяземский, Т. А. Левыкина

КОМПЛЕКС ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ТВЕРСКОГО КЛАДА 2011 г. («РАСКОП ТРУДОЛЮБИЯ-2»)

Резюме. В статье рассматривается клад, датируемый концом XVI – началом XVII в., зафиксированный в 2011 г. в ходе проведения спасательных археологических работ на территории строительства по адресу: г. Тверь, пер. Трудолюбия, д. 2. Комплекс состоит из текстильных изделий и набора женских ювелирных украшений, характерных для обозначенного хронологического периода. Описаны особенности технологических приемов, с помощью которых выполнены ювелирные изделия. Помимо этого приведены результаты культурологического анализа и естественно-научных исследований. Подобная находка наглядно характеризует стилистические и технологические особенности ювелирного дела XVI–XVII вв. на территории Руси, в том числе его «Новгородскую традицию».

Ключевые слова: Средневековье, Тверь, ювелирные изделия, крест-тельник, серьга-одинец, серьга-голубец, скань, зернь, XVI–XVII вв.

Территория, занимаемая Затьмацким посадом к XVII в., вписана в своеобразный треугольник с вершинами, соответствующими Афанасьевскому, или Софийскому, монастырю (ныне ц. Покрова у Центрального рынка), основанному в 1293 г. (Гадалова, 2011. С. 85, 181, 182), Федоровскому монастырю, основанному на острове в устье р. Тьмаки до 1317 г. (Рикман, 1953. С. 47) (на данный момент район часовни Михаила Тверского), и Крестовоздвиженскому монастырю, основанному на правом берегу р. Тьмаки в конце XIV – начале XV в. (Персов, Солдатенкова, 2011. С. 138–154).

Древнейшие культурные напластования, датируемые находками стеклянных браслетов, приурочены к левому берегу р. Тьмаки и распространены вглубь посада на 0,65 км. Некоторые участки культурного слоя левого берега Тьмаки могут относиться к догородским поселениям домонгольского периода. В городской посад территория Затьмачья превращается к 1375 г., когда впервые упоминаются

Тмацкие ворота кремля и мост, связывающий Тверской кремль с Затьмачьем (ПСРЛ, 1897. Т. 11 С. 23). Под 1405 г. в Никоновской летописи фиксируется за Тьмакой 100 сгоревших дворов и храм Иоанна Предтечи, располагавшийся в районе современного суворовского училища (*Щенков*, 1980. С. 36).

Раскоп автономной некоммерческой организации «Новоторжская археологическая экспедиция» в начале переулка Трудолюбия находится на территории земель монастыря Григория Богослова, упомянутого впервые в Тверской летописи под 1446 г. (ПСРЛ, 1863. Т. 15. С. 15; *Щенков*, 1980. С. 30, 35). В XVII в. монастырь упоминается как бывший (Там же. С. 30; *Малыгин*, 1991. С. 92) (рис. 1).

Клад найден на участке 2 раскопа под условным названием «Трудолюбия-2». Раскоп площадью около 1000 кв. м исследовался под руководством Алексея Анатольевича Фролова в 2011 г.¹ (рис. 2).

Находка зафиксирована в южной части раскопа в кв. 40 в траншее № 1, связываемой исследователем с остатками острожного рва, проходившего по территории Затьмацкого посада. Клад найден на глубине 161 см от дневной поверхности (271 см от условного нулевого репера), в заполнении траншеи практически на материке.

Клад состоял из 10 предметов: двух нательных крестов; двух серег-одинцов с крупными металлическими бусинами; двух серег-одинцов с гранеными бусинами из горного хрусталя; двух серег-одинцов с гранатами и двух серег-голубцов, декорированных стеклами, альмандином и перламутром. Помимо этого, при первичной разборке клада зафиксированы фрагменты текстиля с золотным шитьем.

На данном этапе нами рассмотрены изделия из цветного металла.

В процессе изучения клада был проведен визуальный осмотр находок, рентгено-флюоресцентный анализ (РФА) поверхности металла, получены консультации у специалистов кафедры Реставрации художественного металла Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова (МГХПА).

Малый килевидный крест-тельник из белого металла выполнен в технике литья. Он четырехконечный, прямолинейный, с утолщениями у верхнего и нижнего концов (рис. 3: а). На лицевой стороне изображен Голгофский крест с терновым венцом и надписями на концах среднего перекрестья: «IC XC» (монограмма Иисуса Христа). При сравнении с аналогами можно реконструировать надпись в верхней части креста: «ЦРЬ» (Царь), внизу – «НИК...» (Победитель)². На месте головы Адама, под нижним перекрестьем просматриваются очертания орнаментального мотива «плетенки», который как элемент древнерусской орнаментики дольше всего сохраняла новгородская художественная традиция.

¹ Благодарим Алексея Анатольевича Фролова за предоставление возможности работы и подготовки к публикации данного клада.

² Отдел драгоценных металлов ГИМ. Инв. № ГИМ ОК 10720 <http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1701382?query=%D0%9E%D0%9A%2010720&index=0>

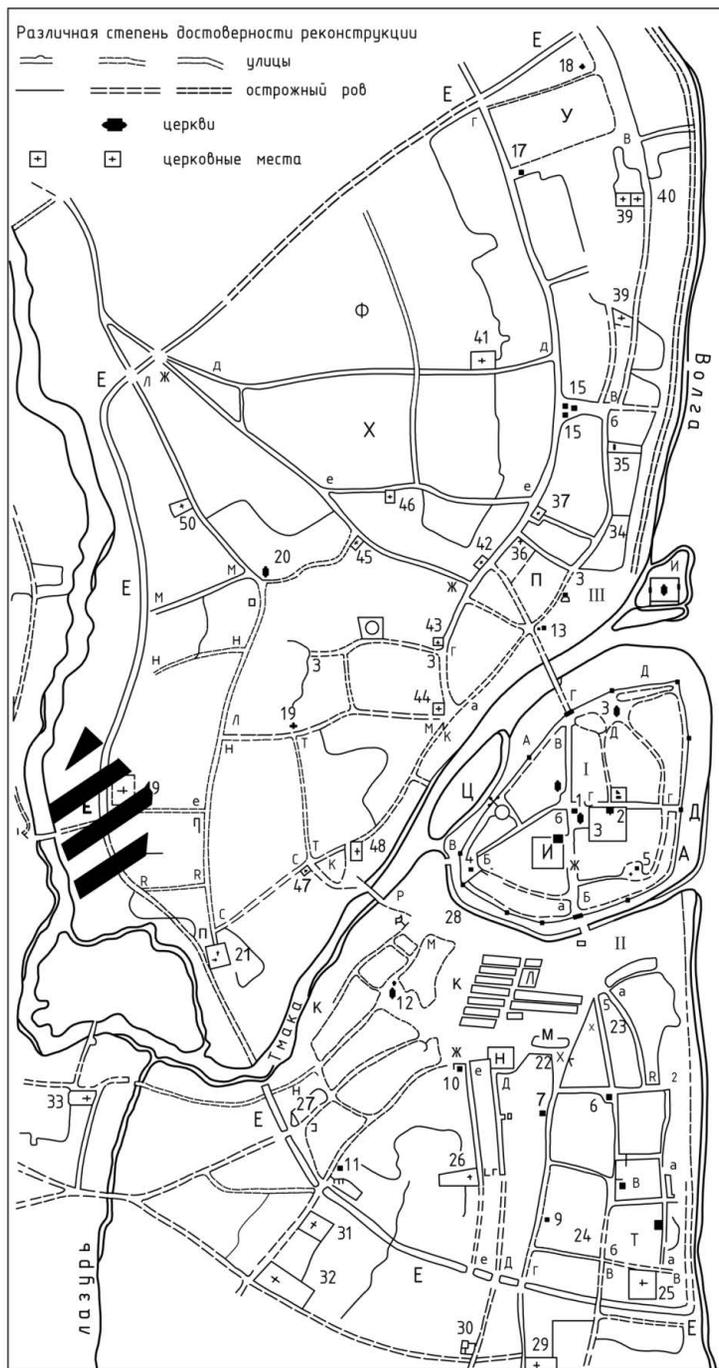

Рис. 1. План Твери конца XVII в. с указанием местонахождения раскопа «Трудолубия-2» 2011 г. (по: Щенков, 1980)

РФА на анализаторе «МетЭксперт» в режиме «ЮВ» (ювелирный) показал, что крест выполнен из серебряного сплава следующего состава: Cu 10,926 %, Ag 87,024 %, Au 0,872 %, Pb 1,178 %. Наличие небольшого процентного содержания золота на поверхности металла дает возможность предположить, что изначально крест был позолочен. Со временем позолота была полностью утрачена.

Аналогичный крест хранится в Отделе драгоценных металлов ГИМ. Музейный памятник датирован XVII в. Учитывая визуальное сходство, можно предположить, что данные кресты-гельмики были созданы в одно время.

Второй четырехконечный килевидный крест, с расширенными и заостренными верхним и нижним концами, серебряный, позолоченный, литой (рис. 3: б). На лицевой стороне рельефное изображение Благославляющего Христа. На среднем перекрестье в круглых медальонах помещены надписи: «IC» «XC» (монограмма Иисуса Христа), в верхней части и в килевидном завершении: «NI» «KA» (Победитель). Обратная сторона креста гладкая.

РФА поверхности предмета показал сплав металла следующего состава: Cu 7,244 %, Ag 90,241 %, Au 2,170 %, Pb 0,345 %. Так же как и в предыдущем случае, наличие золота на поверхности металла говорит о том, что предмет, предположительно, был позолочен.

При сопоставлении показаний РФА двух рассматриваемых крестов видно, что составы сплавов металлов очень близки, предположительно, эти предметы были изготовлены в одно время и в одном месте.

Основная часть клада представлена серьгами. Этим ювелирным украшением всегда уделялось особое внимание. Их изготавливали в таком количестве, что в XVI и XVII вв. из среды серебряников выделяются специальные мастера-сережники. Серьги имели несколько типов художественного решения. Разнообразие их достигалось вариациями общего силуэта, орнамента, различными цветовыми сочетаниями (*Медведева и др.*, 1987. С. 15, 16).

Серьги в виде прикрепленных к толстой проволоочной мочке одного, двух или трех стерженьков (спней) с нанизанными на них в различных вариантах стеклянными и серебряными бусинками, сверленными камнями, кораллами, жемчужинками носили название «единцы», «двойчатки» или «тройчатки» (в зависимости от количества стерженьков). Такой тип серег известен еще в XV в. и утвердился в русской художественной традиции XVI–XVII вв. Так, в духовной грамоте великого князя Василия Ивановича 1509 г. значатся «серьги тройни, яхонты сини, и лалцы з зерны з Гурмышскими и с Новгородскими» (Собрание государственных грамот и договоров, 1813. С. 406).

Серьги-единцы с крупными металлическими бусинами выполнены из серебра (рис. 3: в). Каждая серьга состоит из массивного проволоочного несомкнутого кольца, переходящего в стержень с нанизанными на него столбиками зерни и маленькими полыми металлическими бусинами, обрамляющими с двух сторон крупную металлическую бусину, декорированную орнаментальной косичкой. Конец стержня завершается спиралью, фиксирующей бусины на стержне.

РФА поверхности предмета проводился в нескольких точках. Были сняты показания с поверхности металла кольца, завершающей спирали, столбика зерни и крупной металлической бусины. Анализ проходил в режиме «ЮВ – все элементы».

Рис. 2. Предметы из клада

а – малый килевидный крест-тельник; *б* – четырехконечный килевидный крест; *в* – серьга-одинец с крупной металлической бусиной; *г* – серьга-одинец с гранатом; *д* – серьга-одинец с хрусталем; *е, ж* – серьги-голубцы

Результаты анализа выявили:

поверхность металла кольца: Cu 1,623 %, Ag 49,172 %, Au 29,331 %, Hg 19,874 %;

поверхность спирали: Si 1,693 %, Cl 1,581 %, Cu 3,586 %, Ag 76,190 %, Au 6,824 %, Hg 9,779 %, Pb 0,347 %;

столбик зерни: Cl 7,987 %, Cu 2,177 %, Ag 75,041 %, Au 9,059 %, Hg 5,736 %;

металлическая бусина: Cl 12,069 %, Fe 0,195 %, Cu 0,691 %, Ag 52,956 %, Au 25,916 %, Hg 8,174 %.

Достаточно высокое содержание ртути и золота указывает на то, что серьги полностью были позолочены с помощью огневого золочения. Присутствие хлора на поверхности металла говорит о процессах разрушения предмета и необходимости его консервации. Небольшое присутствие железа на поверхности бусины свидетельствует о ее обработке стальным инструментом.

Крупные бусины серег выполнены в техниках выколотки, скани, монтировки и огневого золочения. Каждая бусина состоит из двух полусфер и пояса с орнаментальной косичкой, обрамленной двумя рядами сканных жгутиков (по два с каждой стороны). Подобные декоративные приемы встречаются на серьгах-голубцах. В собрании ГИМ находятся три пары серег-голубцов с подобным декоративным решением: серьги-голубцы с амальдинами XVI–XVII вв.³; маленькие серьги-голубцы конца XVI – начала XVII в.⁴ и серьги-голубцы с пропиленной сканью и эмалью XVII в.⁵ Боковое ребро корпуса всех трех пар серег декорировано аналогичной орнаментальной косичкой (*Левыкина*. В печати).

Далее были рассмотрены серебряные серьги-одинцы с гранатами (рис. 3: з). Швенцы серег выполнены в виде массивных несомкнутых колец. К каждому кольцу с помощью проволочного узла крепится стержень с узелком зерни на конце. На каждый стержень нанизан сверленный камень темного бордового цвета, который обрамлен столбиками зерни и полыми металлическими бусинами. На камнях наблюдаются мягкие грани.

РФА поверхности предмета был проведен на нескольких точках. Показания сняты с поверхности металла кольца, узла по месту крепления стержня к кольцу и зерни. Анализ проходил в режиме «ЮВ – все элементы».

Результаты анализа выявили:

поверхность металла кольца: Cu 5,077 %, Ag 83,547 %, Au 5,286 %, Hg 6,090 %;

поверхность узла: Cl 4,169 %, Cu 3,080 %, Ag 75,829 %, Au 11,291 %, Hg 5,630 %;

поверхность зерни: Cl 2,494 %, Cu 1,518 %, Ag 51,088 %, Au 28,183 %, Hg 16,717 %.

Содержание ртути и золота указывает на то, что серьги были позолочены. Присутствие хлора на поверхности металла, как и в предыдущем случае, говорит о процессах разрушения предметов и необходимости проведения их консервации.

³ Отдел драгоценных металлов ГИМ. Инв. № ОК 16245/1, 2. <http://catalog.shm.ru/cross-search?query=16245>

⁴ Там же. Инв. № ОК 16249/1, 2. <http://catalog.shm.ru/cross-search?query=16249>

⁵ Отдел драгоценных металлов ГИМ. Инв. № ОК 14861/1, 2. <http://catalog.shm.ru/cross-search?query=14861>

Изначально камни серег были обозначены как рубины, но при визуальном изучении возникли сомнения в том, что камни, которыми они декорированы, являются рубинами, так как были замечены характерные для гранатов включения. В этой связи было решено обратиться за консультацией к специалисту-геммологу, профессору кафедры Реставрации художественного металла МГХПА Крылову Анатолию Порфирьевичу. С ним проводились наблюдения за образцами в UV-лучах, в поляризованном свете, и был измерен коэффициент преломления камней. При направлении UV-лучей на рубин камень начинает светиться красным люминесцентным светом, в то время как камни рассматриваемых серег оставались темными. В неподвижном поляризованном свете кристаллы рубина меняют свой цвет к более темному в зависимости от угла зрения. На изучаемых образцах это явление не наблюдалось. Измерение коэффициента преломления на рефрактометре показало, что он равен 1,79. Это является показателем преломления света для граната. Таким образом, было установлено, что камни наших серег являются гранатами.

Серьги-одинцы с хрусталем серебряные (рис. 3: д). Швенцы выполнены в виде массивных несомкнутых колец, переходящих в стержни, с нанизанными на них столбиками зерни и маленькими металлическими полыми бусинами, обрамляющими с двух сторон крупные граненые бусины из горного хрусталя.

РФА поверхности предмета также проводился в нескольких точках. Были сняты показания с поверхности металла кольца, поверхности зерни, маленькой поллой бусины и с поверхности завершающей спирали. Анализ проходил в режиме «ЮВ – все элементы».

Результаты анализа выявили:

поверхность металла кольца: Cu 5,213 %, Ag 94,473 %, Au 0,314 %;

поверхность зерни: Cu 5,524 %, Ag 93,958 %, Au 0,518 %;

поверхность бусины: Cu 0,974 %, Ag 98,805 %, Fe 0,221 %;

поверхность спирали: Cl 6,267 %, Cu 4,360 %, Zn 0,241 %, Ag 89,132 %.

Низкий процент содержания золота говорит о том, что ранее данные серьги были позолочены. Присутствие цинка на поверхности металла нехарактерно для данного времени. Возможно, произошло соприкосновение поверхности предмета с цинком в процессе раскопок либо при хранении находки.

Серьги-голубцы имеют индивидуальный характер. По своему силуэту они напоминают стилизованную фигурку птицы с развернутыми крыльями. Данные украшения встречаются в Новгороде XVI–XVII вв. О новгородском происхождении «голубцов» говорят художественные элементы, используемые в декоре серег, – мелкие колечки, покрывающие всю поверхность серег, жгутики скани, положенные в два или три ряда по контуру, сердцевидный орнамент, а также типичная для Новгорода расцветка эмали (черная, зеленая, синяя) (*Стерлигова*, 2008. С. 610–614). Место производства серег-голубцов подтверждается тем, что они имелись во множестве в новгородских церквях и монастырях, куда поступали как вклады (*Медведева и др.*, 1987. С. 15).

На первый взгляд серьги-голубцы из клада образуют пару. Но при более подробном рассмотрении становится очевидным, что это две разные серьги.

Серебряная, позолоченная серьга-голубец выполнена в виде стилизованной птицы с широко развернутыми крыльями (рис. 3: е, ж). У птицы крупная головка

с маленьким клювом. Крылья птицы раскинута широко, сужаются к концам. Корпус серьги полый внутри. Технологические отверстия закрыты спнями с жемчужинами и бусинами. Серьга декорирована мелкими сканными колечками из скрученной проволоки и спиралевидными завитками глади. Корпус украшен четырьмя глухими кастами. С одной стороны в большой круглый каст вставлен алмадин, в маленький каст – перламутр. С другой стороны в большой каст вставлено стекло (стекло разрушается), в маленький – алмадин. Касты декорированы двойным сканным «ленивцем». По низу серьги – три подвески-стержня с жемчугом и зернеными бусинами. Стержни завершаются узелками зерни. Подвески укреплены на корпус петлями. Боковое ребро корпуса серег декорировано двойным ленивцем. Швенза выполнена в виде небольшого несомкнутого кольца, соединенного с основным подвесом-шарниром.

РФА поверхности предмета был проведен на кольце, скани, зерни. Анализ проходил в режиме «ЮВ – все элементы».

Результаты анализа выявили:

поверхность металла кольца: Cl 4,533 %, Cu 1,028 %, Ge 1,294 %, Ag 35,894 %, Au 57,251 %;

поверхность зерни: Fe 0,365 %, Cu 4,855 %, Ge 3,555 %, Ag 12,296 %, Au 78,930 %;

фрагмент скани: Cl 4,409 %, Ar 9,038 %, Cu 7,629 %, Ag 24,140 %, Au 44,344 %, Hg 10,439 %.

Вторая серьга также выполнена из серебра, позолочена и своим очертанием повторяет птицу (изображение серьги отсутствует в связи с невозможностью фотосъемки по причине ее плохой сохранности и проводимыми в данный момент реставрационными работами). Но силуэт выполнен с небольшой головкой с крупным клювом, крылья раскинута не широко. Корпус серьги полый внутри. Технологические отверстия закрыты спнями с жемчужинами и бусинами. Серьга декорирована мелкими сканными колечками из скрученной проволоки и спиралевидными завитками глади. Серьга украшена четырьмя глухими кастами. С одной стороны в большой овальный каст вставлено ограненное синее стекло, в маленький каст – резаный перламутр. С другой стороны в большом круглом касте видны остатки распада стекла, на дне каста вложена небольшая пластинка слюды, в маленьком касте – деструктурированное стекло. Касты декорированы двойным сканным «ленивцем». По низу серьги — три подвески-стержня с жемчугом и зернеными бусинами. Стержни завершаются узелками зерни. Подвески укреплены на корпус петлями. Боковое ребро корпуса серег декорировано двойным ленивцем. Родная швенза серьги утрачена, вместо нее вмонтировано массивное несомкнутое кольцо с помощью узла из проволоки.

Были сняты показания РФА на поверхности металла кольца, скани и зерни. Анализ проходил в режиме в режиме «ЮВ». Результаты анализа выявили:

поверхность металла кольца: Cu 3,645 %, Ag 94,840 %, Au 1,147 %, Pb 0,367 %;

поверхность зерни: Cu 4,838 %, Ag 93,058 %, Au 1,753 %, Pb 0,351 %;

фрагмент скани: Cu 1,647 %, Ag 51,349 %, Au 47,003 %.

По результатам анализа можно предположить, что массивная, ранее позолоченная швенза была взята от другой серьги.

Определить датировку данных серег-голубцов достаточно сложно, так как мы имеем дело с самой распространенной их формой. В Отделе драгоценных металлов ГИМ есть два очень близких аналога изучаемым серьгам. Одна серьга датирована XVI (?) столетием⁶. Она представляет собой серебряную, позолоченную двустороннюю серьгу в форме стилизованной птицы. Корпус серьги покрыт тонким сканным орнаментом мелких колец и спиралей, украшен четырьмя глухими кастами с голубым стеклом, алмандином и темно-красным стеклом. На ребре серьги расположен орнамент из двойного сканного ленивца. Подвески утрачены. Мочка в виде проволочного кольца. На голубом стекле наблюдаются следы деструкции, аналогичные исследуемым серьгам, но в данном случае они не такие интенсивные (т. к. аналог не является археологическим памятником). Это говорит нам о близком составе стекла, используемого для декорирования изучаемых серег-голубцов и их близких музейных аналогов XVI (?) и, возможно, начала XVII в. Эту датировку подтверждает второй аналог из музейной коллекции, который датирован концом XVI – началом XVII в. Это серебряная позолоченная серьга-«голубец» в виде стилизованной птицы с орнаментом мелких сканных колец и завитков, украшенная четырьмя глухими кастами с темно-бордовым стеклом и перламутром с одной стороны и синим и желтым стеклом с другой⁷. На ребре орнамент из двойного сканного ленивца. Подвески утрачены. Мочка в виде проволочного кольца.

Близость изучаемых предметов к музейным аналогам с определившейся датировкой XVI – начала XVII в. и XVII в., а также хронологическая синхронность фрагментов керамических сосудов (тип XI, XII по: *Малыгин*, 1991. С. 198–216), зафиксированных в тех же напластованиях культурного слоя, что и описываемые в статье ювелирные изделия, делает возможным датировать их этим рубежным периодом средневекового искусства. Серьги выполнены в стилистике, характерной для Новгородской земли. Они отразили образные и художественно-технологические искания русского золотого и серебряного дела через сохранившиеся древнерусские традиции.

В данный момент комплекс украшений находится на реставрации и последующей консервации. Для дальнейшего хранения рассматриваются фонды Тверского государственного объединенного музея.

ЛИТЕРАТУРА

- Гадалова Г. С.*, 2011. Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь: Герменевтика. 224 с.
Добровольский И. И., 1901. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь: Типо-лит. С. Ф. Муравьева. 251 с.
Левыкина Т. А. Изучение художественно-стилистических особенностей серег и их строения на примере серег-голубцов конца XVII в. из коллекции ГИМ // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии. (В печати.)

⁶ Отдел драгоценных металлов ГИМ. Инв. № ОК 14852. <http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1706360?query=%D0%9E%D0%9A%2014852&index=0>

⁷ Там же. Инв. №. ОК 16254. <http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1706359?query=16254&index=0>

- Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990. М. С. 198–216.
- Медведева Г. М., Платонова Н. Г., Постникова-Лосева М. М., Смотодинова Г. Г., Тропольская Н. Г., 1987. Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного ордена Ленина исторического музея. М.: Советский художник. 344 с.
- Персов Н. Е., Солдатенкова В. В., 2011. Новые данные о домонгольской Твери (по материалам раскопов тверского Затьмачья) // *АП*. Вып. 7 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 138–154.
- ПСРЛ. Т. 11: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. СПб.: Археографическая комиссия, 1897. VII, 254 с.
- ПСРЛ. Т. 15: *Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью*. СПб.: Археографическая комиссия, 1863. VII с., 506 стб.
- Рикман Э. А., 1953. Новые материалы по топографии Древней Твери // *КСИИМК*. Вып. 49. С. 39–50. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. 533 с.
- Стерлигова И. А., 2008. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М.: Северный паломник. 912 с.
- Щенков А. С., 1980. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // *Архитектурное наследие*. Вып. 28. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре. С. 29–36.

Сведения об авторах

Вяземский Алексей Вячеславович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vjazemskiy@icloud.com;

Левыкина Татьяна Алексеевна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: tanya.levykina@gmail.com

A. V. Vyazemskiy, T. A. Levykina

THE ASSEMBLAGE OF FEMALE JEWELRY
FROM THE TVER' HOARD OF 2011
(TRUDOLYUBIYA-2 EXCAVATION TRENCH)

Abstract. The paper reports on the hoard dating to the end of the 16th – early 17th centuries discovered during rescue archaeological works on the construction site at Trudolyubiya side street 2, Tver', in 2011. The assemblage consists of textile goods and a set of female jewelry typical for this chronological period. It describes specific features of techniques used to make these jewelry pieces. The paper also contains results of the culturological analysis and scientific studies. This find is a good illustration of stylistic and technological features of jewelry production in the 16th – 17th centuries in Medieval Russia, including its Novgorod tradition.

Keywords: medieval period, Tver', jewelry, pendant cross, types of pendants, filigree, granulation, 16th – 17th centuries.

REFERENCES

- Dobrovolskiy I. I., 1901. *Tverskoy eparkhial'nyy statisticheskiy sbornik [Tver' diocesan statistical annual]*. Tver': Tipo-litografiya S. F. Murav'yeva. 251 p.
- Gadalova G. S., 2011. *Blagovernaya velikaya knyaginya Kseniya Tverskaya [Blessed Grand Princess Ksenia of Tver']*. Tver': Germenevtika. 224 p.
- Levykina T. A. *Izucheniye khudozhestvenno-stilisticheskikh osobennostey sereg i ikh stroyeniya na primere sereg-golubtsov kontsa XVII v. iz kollektzii GIM [Study of artistic and stylistic features*

- of earrings and their structure on the example of golubtsi-earrings of late XVII c. from GIM collection]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii [Decorative art and artefact-spatial environment. Bulletin of Moscow state Academy of arts and industry]*. (In print.)
- Malygin P. D., 1991. Tipologiya i khronologiya novotorzhskoy keramiki XI–XIV vv. [Typology and chronology of Novyy Torg ceramics of XI–XIV cc.]. *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli [Materials on archaeology of Novgorod land]*, 1990. Moscow, pp. 198–216.
- Medvedeva G. M., Platonova N. G., Postnikova-Loseva M. M., Smotodinova G. G., Troyepol'skaya N. G., 1987. Russkiye yuvelirnnyye ukrasheniya 16–20 vekov iz sobraniya Gosudarstvennogo ordena Lenina Istoricheskogo muzeya [Russian jewelry of 16-20 centuries from collection of State order of Lenin Historical Museum]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. 344 p.
- Persov N. E., Soldatenkova V. V., 2011. Novyye dannyye o domongol'skoy Tveri (po materialam raskopov tverskogo Zat'mach'ya) [New data on pre-Mongol Tver' (based on materials of excavation trenches in Zat'maka Tver' region)]. *AP*, 7. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 138–154.
- PSRL, 11. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle manuscript called Patriarshaya or Nikonovskaya chronicle]. St.Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1897. VII, 254 p.
- PSRL, 15. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Tverskoyu letopis'yu [Chronicle manuscript called Tverskaya chronicle]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1863. VII p., 506 col.
- Rikman E. A., 1953. Novyye materialy po topografii drevney Tveri [New materials on topography of ancient Tver']. *KSIIMK*, 49, pp. 39–50.
- Shchenkov A. S., 1980. Opyt rekonstruktsii plana Tveri kontsa XVII v. [Experience of reconstruction of Tver' plan of late XVII c.]. *Arkhiturnoye nasledstvo [Architectural heritage]*, 28. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, pp. 29–36.
- Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov [Collection of state charters and treaties]. Moscow, 1813. 522 p.
- Sterligova I. A., 2008. Dekorativno-prikladnoye iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyy metall XI–XV vv. [Decorative and applied art of Velikiy Novgorod. Artistic metal of XI–XV cc.]. Moscow: Severnyy palomnik. 912 p.

About the authors

Vyazemskiy Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vjazemskiy@icloud.com

Levykina Tatyana A., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: tanya.levykina@gmail.com

О. М. Олейников

НОВЫЕ НАХОДКИ КОПИЙ ПАЛОМНИЧЕСКИХ РЕЛИКВИЙ В НОВГОРОДЕ

Резюме. В статье представлены новые находки миниатюрных накладок киотовидной формы с рельефным поясным изображением святого, датирующихся XII – началом XIII в., атрибутированные как новгородские копии западноевропейских реликвий, косвенно связанных с паломнической культурой. Одна накладка несет исключительно редкое, не характерное для восточнохристианской традиции рельефное изображение святого (?), от головы которого отходят рога. Такая своеобразная иконография позволяет предположить, что здесь изображен пророк Моисей.

Ключевые слова: Великий Новгород, паломническая культура, накладки, XII – начало XIII в., св. Николай, пророк Моисей.

Среди новгородских древностей домонгольского времени выделяется целый пласт археологических находок, относящихся к паломнической культуре.

Предметом настоящей статьи стали артефакты, связанные с паломничеством косвенно. Речь идет о серии однотипных миниатюрных накладок характерной киотовидной формы с рельефным поясным изображением святого (рис. 1; 2). Общий контур всех без исключения предметов этой категории (прямоугольная нижняя и округлая верхняя части, разделенные небольшими горизонтальными плечиками) повторяет силуэт поясного изображения святого.

К настоящему времени опубликовано 12 артефактов, из которых 2 накладки найдены на Неревском раскопе в слое 70–80-х гг. XII в. (рис. 2: 1, 2) (Седова, 1981. С. 62. Рис. 20: 5, 6; 21); 1 накладка – на Федоровском раскопе (датировка по стратиграфии – середина 30-х гг. XII – начало XIII в.) (рис. 2: 3) и 2 накладки XIII в. – на Никольском раскопе (рис. 2: 4, 5). С территории Поозерья происходит еще 7 накладок, которые представляют случайный подъемный материал, обнаруженный вне стратиграфического слоя (рис. 2: 6–12) (Мусин, 2009. С. 254–256. Цв. илл. XX. Рис. 14).

Рис. 1. Новгородские подражания паломническим инсигниям. Фото автора

1, 3, 4 – раскоп Десятинный-1; 2 – раскоп Знаменский, 15
1–4 – свинцово-оловянный сплав

Рис. 2 (с. 275). Паломнические инсигнии св. Николая и их новгородские имитации XII–XIII вв. (по: Мусин, 2009. Цв. илл. XX)

1–12 – подражания паломническим инсигниям: 1, 2 – Новгород, Неревский раскоп, 70–80 гг. XII в.; 3 – Новгород, Федоровский раскоп, середина 30-х гг. XII – начало XIII в.; 4, 5 – Новгород, Никольский раскоп, XIII в.; 6–12 – Новгород, Поозерье, случайные находки

13, 14 – паломнические инсигнии св. Николая (Бари, Италия), конец XIII в.: 13 – Лунд (Швеция); 14 – Гроссето (Италия). Музей археологии и искусства Маремма

1, 2 – билон; 3–12 – свинцово-оловянный сплав; 13, 14 – свинец

Археологические работы, проведенные хоздоговорным отрядом ИА РАН в северо-западной части Людина конца на Софийской стороне (раскоп Десятинный-1, 2008 г.) и в центральной части Торговой стороны Новгорода (раскоп Знаменский, 15, 2018 г.), пополнили эту категорию 4 находками, обнаруженными в слоях первой половины XII – начала XIII в. (рис. 1). Таким образом, выпадение в слой серии миниатюрных накладок киотовидной формы с поясным изображением святого произошло в течение довольно узкого промежутка времени, определяемого периодом первой половины XII – начала XIII в.

подавляющее большинство предметов этой категории (14 экз.) изготовлены из легкоплавких свинцово-оловянных сплавов, причем практически все изделия характеризуются невысоким качеством литья. Исключение составляют 2 накладки, обнаруженные на Неревском раскопе, они выполнены из «билонового» листа с использованием техники тиснения (Седова, 1981).

Новгородские изделия сопоставимы с паломническими инсигниями св. Николая (Бари, Италия)¹, «обычно датируемыми XIII в.» (рис. 2: 13, 14). Стилистическая близость позволила всю серию новгородских накладок рассматривать как местные копии этих реликвий, имитирующих паломническую культуру (Мусин, 2009. С. 256).

На новгородских экземплярах в отличие от оригинальных предметов, отсутствуют какие-либо надписи, идентифицирующие святых. Тем не менее отдельные характерные иконографические детали позволяют говорить, что на накладках изображены святые как минимум трех чинов (ликов) святости, почитание которых в христианстве принято разделять в зависимости от трудов их святой земной жизни.

Святители. Архиереи, прославившиеся праведной жизнью и пастырской деятельностью, по канону изображаются с благословляющей правой рукой и с Евангелием в левой руке.

Мученики. Люди, принявшие насильственную смерть за свою веру, – с крестом в руках.

Пророки. Люди, упомянутые в Библии, возвещающие народу волю Бога и проповедовавшие на территории древних Израиля и Иудеи.

В отличие от подлинных инсигний, которые крепились к некой поверхности ушками-петельками, расположенными с внешней стороны по углам прямоугольной части накладки, все новгородские экземпляры имеют сквозные отверстия диаметром 1–2 мм. На большей части предметов пробиты 3 отверстия, 2 из которых расположены по углам нижнего края прямоугольной части, 1 – либо в центре верхнего полукруглого завершения, либо чуть сбоку, на уровне лба святого. Остальные накладки имеют 4 отверстия, расположенные по углам прямоугольной формы, или 5 отверстий (с дополнительным проколом в центральной части округлого завершения). Все отверстия пробивались на готовом изделии с лицевой стороны и, судя по небрежному исполнению, «на глаз». Хорошо видно, что контуры

¹ Две такие реликвии опубликованы А. Е. Мусиным. Одна из них находится в настоящее время в Лунде (Швеция), другая – в Археологическом музее в Гроссето (Италия) (Мусин, 2009. Цв. табл. XX. Рис. 14: 6, 7).

всех отверстий неровные, с выступами металла на оборотной стороне, а парные отверстия, расположенные в нижней части накладки, лежат не на одной прямой.

Публикуя накладки Неревского раскопа, М. В. Седова предположила, что эти предметы могли прибываться тонкими гвоздями к некоему деревянному предмету (Седова, 1981. С. 62), например посоху, что представляется вполне логичным.

Размеры всех новгородских находок укладываются в диапазон 1–1,7 см по ширине и 1,7–3 см по высоте. Вес около 1 г. Оригинальные инсигнии, опубликованные А. Е. Мусиным (Мусин, 2009. С. 256. Цв. табл. XX: 6, 7), имеют чуть большие размеры (3 × 4 см).

Находки, происходящие с Десятинного-1 и Знаменского, 15 раскопов, публикуются впервые. Ниже приводим их краткое описание. При общей морфологической схожести изображения святых на всех четырех накладках отличаются.

3 накладки (рис. 1: 1–3) идентичны экземплярам, обнаруженным в Новгороде ранее.

Рис. 1: 1. Самой древней является накладка (Дес-1/4-189)², обнаруженная на Десятинном-1 раскопе в слое первой половины XII в. (16-й ярус) на мостовой средневековой Волосовой улицы (кв. А-16, гл. -187 см). Изображение неидентифицируемого святителя выполнено схематично, без проработки деталей. Омофор, спускающийся на грудь одним концом (*великий омофор?*), передан тремя мягкими линиями. Размер накладки: 1,6 × 1,15 × 0,2 см. Вес 0,92 г.

Отливка получилась невысокого качества – излишки металла «выпрямили» часть контура округлого завершения. Кайма, подчеркивающая контур накладки, разнородная. Верхняя часть украшена жгутом, «плечики» ровные, основание и одна из вертикальных граней выделены шариками ложной зерни. Орнаментальная кайма на другой вертикальной грани полностью отсутствует. Это могло произойти в результате использования в качестве модели для оттиска оригинала с частичными утратами изображения.

Свинцово-оловянный сплав, из которого изготовлена накладка, достаточно мягкий, в силу чего легко царапается и истирается при длительном использовании. Однако находка имеет довольно хорошую сохранность. Этот факт позволяет сблизить время изготовления вещи и выпадение ее в слой.

Рис. 1: 2. Накладка (Знам, 15/-2878) обнаружена на раскопе Знаменский, 15 в слое конца XII – начала XIII в. Она отличается несколько большим размером (2,2 × 1,5 × 0,2 см) и наличием 5 отверстий для крепления. На накладке изображен святой мученик. Правая рука святого с мученическим крестом (сохранился фрагментарно) мягко согнута в локте и прижата к груди. Четко выражены складки одежды, выполненные вертикальными линиями, и фрагмент плаща, накинутого на правое плечо. Фрагментарно сохранились нимб и кудрявые волосы у правого виска. Контур накладки подчеркнут рубчатым орнаментом. Эта находка также несет следы литейного брака (недоливы металла в виде двух отверстий овальной формы, неровный контур верхнего завершения, разная длина (12 и 14 мм) вертикальных граней прямоугольной части).

² Шифр находки означает: раскоп/участок-номер по описи.

Рис. 1: 3. Накладка (Дес-1/2-399) довольно сильно истерта, что позволяет говорить о длительном периоде ее использования. Происходит из слоя конца XII – начала XIII в. (17-й ярус) и обнаружена на усадьбе «Б» (кв. Е-5, гл. -155 см). По технике исполнения (в частности, по «срезанной» части округлого завершения) напоминает накладку (Дес-1/4-189). Размер ее составляет $1,6 \times 1,05 \times 0,2$ см.

Рис. 1: 4. Четвертая накладка (Дес-1/7-21) единственная в своем роде. Обнаружена, как и предыдущий экземпляр, на Десятинном-1 раскопе в слое конца XII – начала XIII в. на усадьбе «Б» (кв. 3-6, гл. -157 см). Размер ее: $1,7 \times 1,15 \times 0,2$ см. Имеет такую же киотовидную форму, контур которой подчеркнут тонкой рубчатой каймой по периметру и более широкой линией ложной зерни в основании. Но образ, представленный на этом предмете, вполне можно охарактеризовать как уникальный.

Накладка несет изображение полуфигуры с зооморфной головой с рогами. Обе руки, выполненные тонкими прямыми линиями с раскрытыми пальцами, прижаты к груди; эта деталь близка изображению на накладках Неревского раскопа (рис. 2: 1, 2). По аналогии с остальными киотовидными накладками с изображением святых, можно предположить, что этот предмет также несет рельефное изображение святого. Но «отрисовка» образа святого, от головы которого отходят рога, – явление исключительное и нехарактерное для восточно-христианской традиции. Подобная иконография встречается на Западе и связана с ветхозаветным пророком Моисеем.

В новгородских археологических материалах такое изображение встречено впервые, исключительность которого требует дать более подробный комментарий.

Рог был одной из древнейших метафор земной и божественной власти, которая в библейском тексте относится не только к различным царствам³, но и к самому Господу: «Вознесет рог людей Своих» (Псал. 148:14), и «вознесет рог Христа Своего» (1 Цар. 2:10). Влиятельный богослов и энциклопедист Исидор Севильский (ок. 560–636) сравнил с двумя рогами две части Писания – Старый и Новый Завет.

По самой распространенной версии, источником иконографической «ошибки» стал неверный латинский перевод слова *луч* как *roga* в Вульгате (IV в. н. э.), осуществленный в 390–405 гг. одним из отцов христианской церкви Иеронимом Стридонским (Евсевий Софроний Иероним; 342 г., Стридон, Далмация, Римская империя – 419 или 420 гг., Вифлеем, Иудея, Византийская империя). Авторитет Иеронима имел огромное значение для западного христианского мира, где он был провозглашен святым покровителем экзегетов (толкователей библейских текстов, смысл которых затруднен вследствие их недостаточной сохранности или давности).

³ В ветхозаветной Книге пророка Даниила (8:3–22) описывается явленное ему видение: на берегу реки появился овен с двумя рогами разного размера и козел с единственным рогом. Козел сломал овну оба рога, но после победы его собственный огромный рог превратился в четыре меньших. Архангел Гавриил разъяснил смысл откровения. Большой рог овна означает Персидское царство, малый – Мидийское. Рог козла – это царь Греции, чья держава потом распадется на четыре не таких сильных государства.

Как рассказывается в Книге Исход, Моисей поднимался на гору Синай дважды. В первый раз Господь вручил ему две скрижали с заповедями. Однако, спустившись вниз, пророк обнаружил, что его народ впал в идолопоклонство и стал почитать золотого тельца. Тогда он «воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою» (Исх. 39:19)⁴. После этого он, по велению Господа, сам изготовил две каменные таблички и с ними во второй раз поднялся на Синай, где Господь вновь продиктовал ему заповеди, которым должен был следовать народ Израилев. Пробыв на горе 40 дней и 40 ночей, Моисей, осененный божественной благодатью, спустился вниз.

В русском синодальном переводе, сделанном в XIX в., читаем, что «когда сходил Моисей с горы Синая и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним» (Исх. 34:29). Но в латинском переводе (Вульгате) Иеронима это место записано иначе: Моисей «не знал, что лицо его стало рогато («*cornuta*»)». В более раннем, греческом переводе Ветхого Завета, Септуагинте (III–I вв. до н. э.), с которой потом был сделан церковнославянский перевод (а потом и современный русский), в этом месте упоминания рогов нет.

Иерониму, безусловно, был знаком греческий перевод Книги Исход. Тогда возникает вопрос, мог ли Иероним допустить такую ошибку?

«Многие считают, что Иероним перепутал похожие слова “сияние” и “рога”. Но это не совсем так. В древнееврейском тексте в этом спорном месте стоит глагол “каран” (*crn*), образованный от существительного “керен” – «рог» (слово “каран” позже стали толковать как “сияние”).

Вероятно, стремясь более точно описать Божью славу, осенившую Моисея после того как он второй раз вернулся с Синая, Иероним осознанно остановился на слове “рог”. И его перевод, по сути, оказался более точным, чем Септуагинта» (Зотов и др., 2018. С. 128–137).

Первые образы Моисея с рогами возникают в XI в. До этого христианские мастера не разделяли первое и второе восхождение Моисея на Синай и никак не выделяли преображение, случившееся с ним во время второго восхождения.

В Германии древнейшее изображение Моисея с рогами относится к первой четверти XI в. – сцена Преображения Господня из Евангелиария Уты (ок. 1025 г.) (рис. 3: 1).

В Англии самый древний пример рогов Моисея появляется во второй четверти XI в. – на иллюстрациях к одной из рукописей Шестикнижия, англосаксонского переложения первых шести книг Ветхого Завета (рис. 3: 2, 3).

С XII в. рога превратились в стандартный атрибут и устойчивый символ избранности Моисея, к которому на горе Синай обратился сам Господь. В этот период рога стали настолько характерным атрибутом пророка, что утратили жесткую сюжетную привязку к преображению на Синае и стали появляться в сценах, где по соответствующему иллюстрации тексту никаких рогов еще не было (рис. 3: 2). Рога воспроизводились на очень многих миниатюрах:

⁴ Вспомним замечательную работу Рембрандта «Моисей, разбивающий скрижали Завета» (1659 г., Берлинская картинная галерея).

в Винчестерской псалтири середины XII – второй половины XIII в. (рис. 3: 4), псалтири XII в. из Шефтсбери, Великобритания (рис. 3: 5)⁵.

Ситуация стала меняться на исходе Средневековья, когда художники, стремясь исправить «ошибку» Иеронима, стали изображать рога как лучи (рис. 4: 1) либо заменяли рога на вихры волос (рис. 4: 2). Многие средневековые мастера пытались совместить рога и лучи (рис. 4: 3, 4) (*Зотов и др.*, 2018. С. 133–137).

В восточнохристианской традиции Моисей с рогами как символом власти и силы не изображался. Принимая во внимание, что накладка представляет собой местную копию западноевропейского образца, можно предположить, что мастер, не знакомый с западной иконографией пророка Моисея, доработал отливку (исправил ошибку), исходя из собственного опыта и знаний. Возможно, поэтому получилась не человеческая голова с отходящими рогами, а зооморфная. Таким образом, можно предположить, что накладка (Дес-1/7-21) представляет собой неточную копию западноевропейского предмета с изображением пророка Моисея с рогами.

Работа с этой накладкой в плане уточнения интерпретации изображения продолжается.

На данном этапе серия однотипных миниатюрных накладок характерной киотовидной формы с поясным изображением святого, датирующихся первой половиной XII – началом XIII в., атрибутирована как новгородские копии западноевропейских реликвий и представляет категорию находок, косвенно связанных с паломнической культурой.

Рис. 3 (с. 280). Изображения пророка Моисея с рогами на миниатюрах XI–XII вв.
(по: *Зотов и др.*, 2018. С. 132–137)

1 – изображение пророка Моисея с одним длинным рогом (по правую руку Спасителя). Миниатюра Преображение Христа. Евангелиарий Уты. Регенсбург (Германия, ок. 1025 г.). (München. Bayerische Staatsbibliothek. Ms. Clm 13601. Fol. 89 v.)

2 – небольшие черные рожки, дорисованные на миниатюре позднее. Эльфрик Грамматик. Изложение Шестикнижия. Кентербери (Великобритания), XI–XII вв. (London. British Library. Ms. Cotton Claudius B IV. Fol. 78 v)

3 – рога Моисея напоминают рогатый головной убор. Эльфрик Грамматик. Изложение Шестикнижия. Кентербери (Великобритания), вторая четверть XI в. (London. British Library. Ms. Cotton Claudius B IV. Fol. 136 v)

4 – Винчестерская псалтирь. Винчестер (Великобритания), середина XII – вторая половина XIII в. (London. British Library. Ms. Cotton Nero C IV. Fol. 4 v)

5 – Псалтирь из Шефтсбери. Великобритания, XII в. (London. British Library. Ms. Lansdowne 38. Fol. 15 r)

---

⁵ Традиция изображения Моисея с рогами сохранялась в течение очень долгого времени. Достаточно вспомнить и знаменитую мраморную статую Микеланджело Буонарроти в римской базилике Сан-Пьетро ин Винколи (1513–1515 гг.).

Рис. 4. Изображения пророка Моисея в лучах света, похожих на рога, на миниатюрах XI–XII вв.

1 – изображение Моисея в сиянии с двумя острыми «пиками», напоминающими рога. Зальцбургский служебник. Т. 3. Зальцбург (Австрия), XV в. (München. Bayerische Staatsbibliothek. Ms. Clm 15710. Fol. 3r)

2 – интерпретация рогов в виде небольших завитков волос, доказывающих, что настоящих рогов у пророка Моисея не было. Часослов семьи Спинола. Нидерланды, ок. 1510–1520 гг. (Los Angeles. The J. Paul Getty Museum. Ms. Ludwig IX 18. Fol. 93)

3 – две миниатюры, размещенные на одном листе. В сцене общения Моисея с Господом (слева) пророк изображен с рогами; Моисей, протягивающий скрижали с десятью заповедями израильтянам, показан с языками пламени вокруг головы. Рудольф Эмский. Всемирная хроника. Германия, 1402 г. (New York. Spenser Collection. Ms. 38. Fol. 100 v)

4 – совмещение рогов и лучей в изображении Моисея. Рудольф Эмский. Всемирная хроника. Регенсбург (Германия), ок. 1400–1410 гг. (Los Angeles. The J. Paul Getty Museum. Ms. 33. Fol. 89 v)

ЛИТЕРАТУРА

- Зотов С., Майзульс М., Харман Д., 2018. Страдающее средневековье. Парадоксы христианской иконографии. М.: АСТ. 416 с.
- Мусин А. Е., 2009. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / Ред. Л. А. Беляев. М.: Индрик. С. 231–272.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Сведения об авторе

Олейников Олег Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru

O. M. Oleynikov

NEW FINDS OF PILGRIM RELICS COPIES IN NOVGOROD

Abstract. The paper reports on new finds of diminutive plates shaped as icon-cases featuring a relief bust-length image of a saint dating to the 12th – early 13th centuries. These items have been attributed to the group of Novgorod copies of western European relics implicitly linked to the pilgrimage culture. One plate displays an exceptionally rare image which is not typical for the eastern Christian tradition, it is a relief image of a saint (?), with the horns on his head. This peculiar iconography suggests that it is the image of the prophet Moses.

Keywords: Veliky Novgorod, pilgrimage culture, plates, the 12th – early 13th centuries, St. Nicholas, prophet Moses.

REFERENCES

- Musin A. E., 2009. Palomnichestvo v Drevney Rusi: istoricheskiye kontseptsii i arkhologicheskiye realii [Pilgrimage in Ancient Russia: historical concepts and archaeological realities]. *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Research in archaeology and artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam]. L. A. Belyayev, ed. Moscow: Indrik, pp. 231–272.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry items of ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Zotov S., Mayzul's M., Kharman D., 2018. Stradayushcheye srednevekov'ye. Paradokсы khristianskoy ikonografii [Suffering Middle Ages. Paradoxes of Christian iconography]. Moscow: AST. 416 p.

About the author

Oleynikov Oleg M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russia; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru

И. А. Дружинина, И. И. Елкина

ТКАНИ ИЗ ЭЛИТАРНОГО ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВОИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ПСЕКУПСКАЯ – 3/1 (РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ)

Резюме. В статье представлен анализ текстильных остатков, выявленных в погребении адыгского воина второй половины XV – начала XVI в. из курганной группы Псекупская – 3, располагавшейся на южном берегу Краснодарского водохранилища, близ аула Ново-Вочепший Теучежского района Республики Адыгея.

Ключевые слова: Закубанье, курганы, адыги, археологический текстиль.

В 2010 г. Адыгейская экспедиция ИА РАН провела раскопки двух поздне-средневековых курганов группы Псекупская – 3, располагавшейся на южном берегу Краснодарского водохранилища, на мысу, в 3,6 км к северу от аула Ново-Вочепший Теучежского района Республики Адыгея.

В кургане 1 (высота по западному склону – 0,71 м, восточному – 2,65 м, южному – 2,08 м, северному – 1,05 м; диаметр: по оси ЗВ – 18 м, по оси СЮ – 20 м) было исследовано одиночное погребение адыгского воина с престижным набором вещей, датируемое второй половиной XV – началом XVI в. (*Дружинина, Чаидзе, 2012. С. 319, 320*). Данная работа посвящена анализу выявленных в погребении фрагментов текстиля¹.

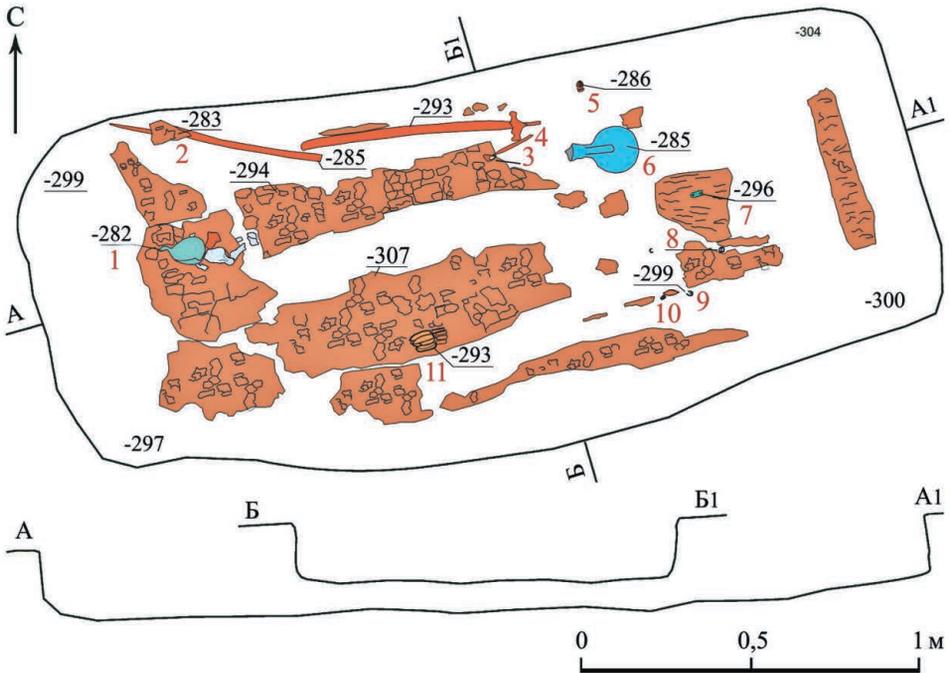
Погребение 1 (рис. 1) открыто на глубине 2,85 м от Ro, ориентировано по линии ЮЗ – СВ. В могильной яме (2,7 × 1,1 × 0,2), подпрямоугольной в плане с закругленными углами и прямыми стенками, выявлены плахи некогда массивного деревянного гроба. На фрагменте доски от крышки гроба, в западной части погребения, находился серебряный с позолотой ковш (рис. 1: 1).

Погребение содержало останки взрослого мужчины², ориентированного головой на юго-запад. Кости скелета почти не сохранились: выявлено лишь

---

¹ Полная публикация комплекса готовится к печати.

² Определение заведующей лабораторией контекстуальной антропологии ИА РАН д.и.н. М. В. Добровольской.

Рис. 1. План погребения Псекупская – 3/1

1 – ковш; 2 – фрагменты сабли; 3 – кресало; 4 – нож в кожаных ножнах; 5, 8–10 – пряжки; 6 – кувшин; 7 – обувная застежка; 11 – наконечники стрел

несколько небольших фрагментов лобных костей черепа и нижней челюсти, а также костный тлен, который указывал на положение умершего – вытянуто на спине.

Слева от погребенного перекрестием к ногам лежала сабля, расколовшаяся на три фрагмента (рис. 1: 2), вероятно, при обрушении выступающего края крышки гроба. По-видимому, сабля, как и поясной ковш, была положена поверх гроба. Вдоль правого бедра погребенного обнаружены детали колчана (фрагменты кожи и пряжки), а также 34 наконечника стрел (рис. 1: 10, 11). В ногах выявлены железная и серебряные пряжки (рис. 1: 5, 8, 9), а также обувная застежка (рис. 1: 7), справа, в районе бедра погребенного – железное кресало и нож в деревянных обтянутых кожей ножнах (рис. 1: 3, 4). В ногах погребенного обнаружен поливной кувшин (рис. 1: 6).

На ковше, кресале, ременной пряжке и фрагменте кожи от колчана (?) сохранились остатки различных тканей.

Остатки текстиля на ковше (на его внешней и внутренней стороне, а также на ручке) зафиксировали металлические окислы, проникшие в органические волокна и заместившие их. Окислы частично отразили структуру тонкой ткани (*Ткань 1*) чехла (?), в котором ковш был помещен в погребение. Ткань 1 (рис. 2: 1, 2) практически полностью замещена металлическими окислами.

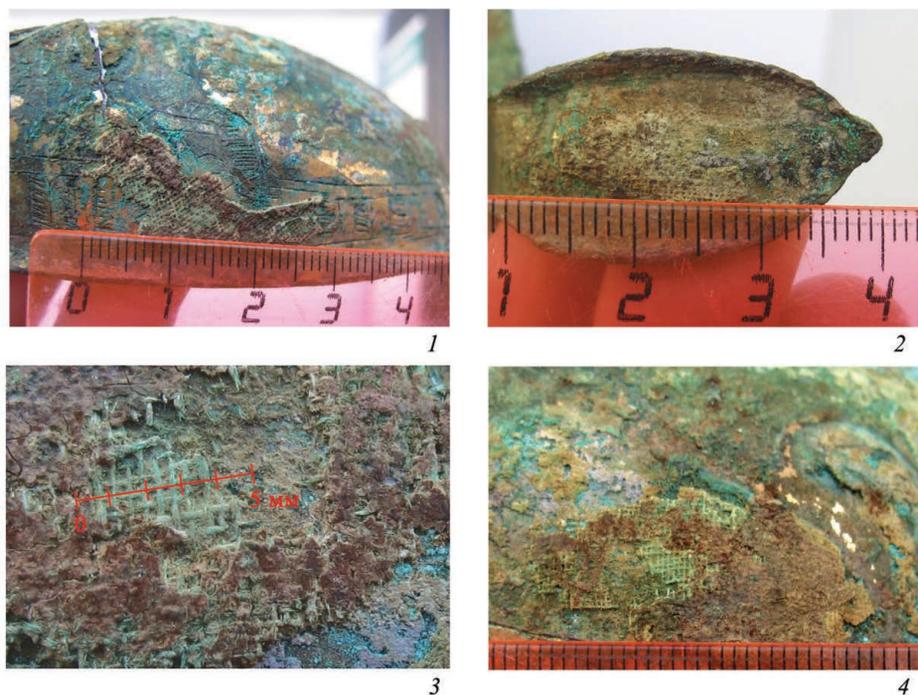

Рис. 2. Ткань 1

1 – тонкая шелковая (?) ткань полотняного переплетения, сохранившаяся на боковой поверхности внешней стороны ковша; 2 – структура ткани полотняного переплетения, зафиксированная на ручке ковша; 3 – структура ткани полотняного переплетения, макрофотосъемка; 4 – остатки кожи над тканью полотняного переплетения

Ткань 1 – тонкая редкой структуры полотняного переплетения (рис. 2: 3). Нити основы и утка толщиной 0,15–0,2 мм слабо кручены в Z-направлении. Плотность основы – 26–28 н/см. Плотность нитей утка – 24–26 н/см. Промежутки между нитями основы и утка составляют 0,2–0,3 мм. Основа и уток приняты условно. По всей вероятности, ткань была шелковая.

Ткань 1 покрывала кожа: на поверхности ковша в некоторых местах над следами ткани отмечаются еле заметные темно-коричневые органические остатки. Особенно четко окислившаяся ткань с остатками кожи отмечается на боковой поверхности внешней стороны ковша (рис. 2: 4).

При более внимательном рассмотрении внешней стороны ковша на боковой поверхности над сохранившимися остатками кожи был зафиксирован мельчайший фрагмент (0,5 × 0,7 см) еще одной ткани (*Ткань 2*) (рис. 3: 1).

Ткань 2. Нити утка по толщине превышают нити основы (основа и уток приняты условно) в несколько раз. Нити утка некрученые. Плотность нитей не определяется из-за небольшого размера фрагмента.

Кроме того, металлические окислы отразили витую **веревочку**, проходящую по центральной части внешней стороны ковша (рис. 3: 3). Веревочка толщиной

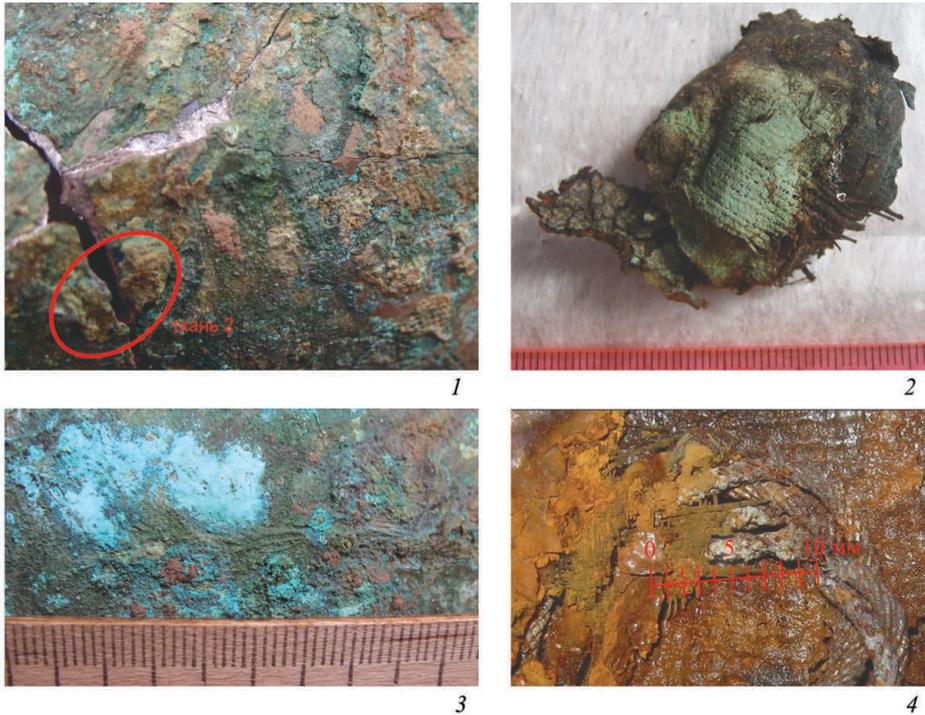

Рис. 3. Ткань 2

1 – остатки ткани 2 на боковой поверхности внешней стороны ковша; 2 – остатки шелковой ткани на фрагменте кожи; 3 – веревочка, зафиксированная на внешней стороне ковша; 4 – шелковая ткань (*Ткань 2*), перекрывающая колечко золотого шнура, затягивающего кисет

около 3 мм свита в S-направлении из двух нитей шелка, каждая из которых состоит, в свою очередь, из пучка (не менее 5 нитей) тонких некрученых нитей шелка (?).

На остатках кожи от колчана (?) зафиксирован фрагмент ткани размерами $30 \times 2,5$ см (рис. 3: 2). Ткань шелковая. Нити основы толщиной 0,1–0,15 мм слабой Z-крутки. Нити утка некрученые. Толщина утка превышает толщину нитей основы в 7–8 раз и составляет 0,8–0,9 мм. Нити утка плотно прилегают друг к другу. Плотность нитей по основе составляет 40–45 н/см, плотность нитей по утку – 9–10 н/см. По всей вероятности, мельчайший фрагмент (*Ткань 2*), выявленный на металлическом ковше, аналогичен исследуемой ткани.

Несколько различных текстильных образцов зафиксировали железные окислы *кресала* (рис. 4: 1). Кресало находилось внутри текстильного изделия из тонкой *Ткани 3* (рис. 4: 3). Она представляет собой двустороннюю узорную ткань-камку на базе атласа 4:1. Узор такой ткани строится на контрасте, полученном сменой переплетения. Ткань шелковая.

Нити основы толщиной 0,2 мм. Крутка нитей не определяется ввиду плохой сохранности. (S?). Толщина нитей утка – 0,3 мм. Нити утка некрученые. Плотность нитей по основе составляет 45–50 н/см, плотность нитей по утку – 30 н/см.

Рис. 4. Ткани 3–5

1 – кресало с текстильными остатками; 2 – *Ткань 4*, полотняного переплетения; 3 – *Ткань 3*, шелковая ткань-камка; 4 – шнур из золотных нитей; 5 – *Ткань 5*, шелковая ткань, сохранившаяся на внутренней стороне ременной пряжки

Ткань 3 покрывает более толстая *Ткань 4* (рис. 4: 2) полотняного переплетения, Z-крутки. Толщина нитей – 0,4 мм. Плотность нитей по основе и утку составляет 12–14 н/см. Природа нитей не определяется.

Непосредственно на ткани полотняного переплетения (*Ткань 4*) находился витой золотный *шнур*, скрученный в колечко в четыре оборота (рис. 4: 4). Шнур свит из четырех золотных нитей. Золотные нити толщиной 0,3 мм получены путем обвития некрученных нитей шелка полосками позолоченного серебра шириной 0,3–0,4 мм в S-направлении.

Над колечком из золотного шнура зафиксированы остатки еще одной ткани (рис. 3: 4). По своим параметрам ткань аналогична *Ткани 2*, выявленной на кожаном фрагменте и в виде окислов на металлическом ковше.

Небольшой фрагмент *Ткани 5* размером 1,5 × 1,2 см зафиксирован на внутренней стороне металлической *ременной пряжки* (рис. 4: 5). Ткань шелковая. Нити основы сдвоены и слабо скручены между собой в S-направлении. Толщина нитей основы составляет 0,2 мм. Нити утка некрученые. Плотность нитей по основе составляет 35–40 н/см, плотность нитей по утку – 11 н/см. Структура ткани плохо читается. По всей вероятности, ткань была узорной.

В результате проведенного исследования было выявлено 5 видов ткани, шнур из золотных нитей и шелковая витая веревочка.

Металлический ковш, вероятно, был положен в кожаный чехол с шелковой подкладкой (*Ткань 1*) редкой структуры полотняного переплетения.

Кресало находилось в кيسете, состоявшем из двух слоев ткани: тонкой узорной шелковой ткани-камки (*Ткань 3*) и более толстой ткани полотняного переплетения (*Ткань 4*). Кисет затягивался золотным витым шнуром.

Шелковая узорная (?) ткань (*Ткань 5*), сохранившаяся с внутренней стороны *пряжки*, вероятно, является фрагментом пояса или одежды погребенного.

Еще одна шелковая ткань (*Ткань 2*), зафиксированная на ковше, на кресале над колечком из витого золотного шнура, а также на выпуклой стороне фрагмента кожи от колчана, по всей видимости, является остатками покрыва погребенного. Возможно, ткань была узорной.

Выявленные текстильные изделия относятся к периоду Средневековья. К сожалению, плохая сохранность, небольшая величина и отсутствие орнаментов сохранившихся фрагментов не позволяют говорить о более точной датировке и месте изготовления тканей. Датировку погребения, устанавливаемую по особенностям обряда и комплексу находок в рамках второй половины XV – начала XVI в., подтверждает наличие узорной ткани-камки, известной в Китае с XII в., но получившей широкое распространение в Европе в конце XV – XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

Дружинина И. А., Чаудзе В. Н., 2012. Погребение знатного адыгского воина из кургана Асран // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ. С. 319–320.

Сведения об авторах

Дружинина Инга Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: inga_druz@yandex.ru;

Елкина Ирина Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ira-elkina@yandex.ru

I. A. Druzhinina, I. I. Elkina

CLOTHS FROM A HIGH-RANKING LATE MEDIEVAL WARRIOR'S GRAVE
AT PSEKUPSKAYA – 3/1 (REPUBLIC OF ADYGEYA)

Abstract. The paper analyzes textile remains revealed in a grave of an Adyghe warrior. This grave was excavated in the kurgan group known as Psekupskaya – 3 located on the southern shore of the Krasnodar water reservoir near the Novo-Vochepshy village, Teuchezhsky District, Republic of Adygeya. The assemblage dates to the second half of the 15th – early 16th centuries.

Keywords: Trans-Kuban region, kurgans, Adyghe people, archaeological textile.

REFERENCES

Druzhinina I. A., Chkhaidze V. N., 2012. Pogrebeniye znatnogo adygsokogo voina iz kurgana Asran [Burial of a high-ranking Adyghe warrior from kurgan Asran]. *Noveyshiye otkrytiya v arkhologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiye chteniya [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: investigations and interpretations. XXVII Krupnov readings]*. Makhachkala: Mavrayev”, pp. 319–320.

About the authors

Druzhinina Inga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: inga_druzh@mail.ru;

Elkina Irina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ira-elkina@yandex.ru

А.А. Медынцева

НАДПИСЬ № 3 X в. ИЗ МУРФАТЛАРА (с. БАСАРАБИ, РУМЫНИЯ)

Резюме. Статья посвящена дискуссионному прочтению одной из самой исторически важной кириллической надписи-граффити X в. (№ 3) из скального монастыря близ с. Мурфатлар (Румыния). Эта надпись состоит из двух частей. Удовлетворительно прочитаны К. Попконстантиновым и О. Кронштайнером лишь первые четыре строки, в которых говорится о построении церкви, посвященной св. Георгию. Относительно новое прочтение и полное восстановление текста А. А. Зализняком до сих пор не привлекло внимания научной общественности, хотя оно вводит эту уникальную в историческом смысле надпись в область взаимоотношений монастыря и местного населения и объясняет ее как запись об оброке или обете двух крестьян в пользу монастыря (церкви Св. Георгия). Новый пересмотр позволяет уточнить значение слова «делает» как «возделывает», а термина крын (крин) – на основании аналогий с древнерусскими письменными источниками – не как меры зерна или каменных сосудов, а как поземельной меры. Кроме того, необходимо подчеркнуть упоминание зерновой культуры *рожь* в старославянском тексте X в.

Ключевые слова: граффити, кириллица, скальный монастырь, новое прочтение, церковь, высеченная из камня, *крин* как поземельная мера, рожь, монастырское землепользование.

В 1957 г. в Румынии вблизи села Мурфатлар (с. Басараби, историческая область Добруджа¹, входившая некогда в состав I Болгарского царства) был обнаружен древнейший скальный монастырь конца IX – X в. Он расположен на месте древних римских каменоломен и состоит из шести небольших церквей, погребальных камер и галереи, вырубленных в скале. В результате археологических раскопок 1957–1962 гг. под руководством профессора И. Барня на стенах

---

¹ Добруджа – плодородная равнинная область в нижней части течения р. Дунай. В настоящее время она разделена по течению Дуная: южная ее часть относится к Болгарии, а северная – к Румынии.

пещерной церкви были обнаружены надписи X в., прочерченные острым предметом по относительно мягким известковым блокам (*Барня*, 1962). Они различаются и по языку, и по алфавитам: рунообразные, греческие, славянские кириллические, смешанные (кириллические и глаголические). Многочисленные рисунки, врезанные в мягкий известняк, разнообразны по тематике – изображения крестов, людей и животных, всадников, сцен охоты – и легко находят себе место среди подобных рисунков евразийских степей. Известны они и на территории современной Болгарии: в Плиске, в развалинах монастыря близ с. Равна и в других местах (*Овчаров*, 1975). Надписи (их насчитывается к настоящему времени более ста) отличаются и по графике, и по алфавитам, и, вероятно, по языку от древнеболгарских надписей этого времени. Среди них встречаются надписи греческие (византийские), фрагменты славянских глаголических и несколько десятков надписей, напоминающих тюркоязычное руническое письмо. Внимание исследователей привлекли в первую очередь многочисленные руноподобные надписи, количество которых превышает несколько десятков. До настоящего времени предложено множество вариантов их прочтения исходя из языка протоболгар, а в последние годы многие из них истолковываются по сходству руноподобных знаков со знаками алано-протобулгарского (донско-кубанского) письма.

Но до сего дня не существует общепризнанного их прочтения, несмотря на многие попытки различных исследователей, среди которых встречаются как признанные специалисты по протоболгарскому языку (см., например: *Бешевлиев*, 1976), так и многочисленные любители. Но и до сих пор актуальным является мнение И. Л. Кызласова, высказанное больше двадцати лет назад: «...эта письменность, несмотря на ряд ее руноподобных знаков, не похожа ни на один из известных алфавитов тюркоязычных народов... Ее не следует ни относить к руническим, ни называть таковой» (*Кызласов*, 1994. С. 38). Само обилие и разнообразие прочтения одних и тех же надписей разными исследователями на основе разных тюркских языков подтверждают точку зрения И. Л. Кызласова. До сих пор нельзя признать достаточно аргументированным ни одно из прочтений руноподобных надписей, хотя само сходство многих знаков с тамгообразными знаками салтово-маяцкой археологической культуры, Крыма и Болгарии, сходство с некоторыми знаками протоболгарского письма, как и рисунки, характерные для этих же регионов, не оставляют сомнения в присутствии протоболгарского этнического элемента среди насельников монастыря.

Но нет полного и критического прочтения не только загадочных «протоболгарских» надписей, но и всех надписей, исполненных кириллическим письмом, так как и эти надписи достаточно своеобразны. Они неоднократно издавались, и в их прочтении достигнут значительный прогресс. Но до сих пор нельзя сказать, что они все полностью прочитаны, истолкованы и получили исчерпывающий грамматический и палеографический анализ. В значительной мере это объясняется географическим положением монастыря – на территории, ныне находящейся в Румынии, но исторически принадлежавшей к землям Добруджи, входившим на протяжении средневековья в границы I Болгарского царства. Это обстоятельство не могло не сказаться на тенденциозности некоторых прочтений и доступности надписей для изучения, а возможно, и сохранности всего

комплекса (Овчаров, 2002). Наиболее объективно и профессионально комплекс надписей исследован проф. К. Попконстантиновым; ему принадлежит не только открытие, прочтение, датировка и издание многих надписей – «рунических» и славянских, но и изготовление большинства фотографий и адекватных прорисей надписей и рисунков, которыми пользуются большинство исследователей, в том числе никогда не видевших подлинники. Ему же принадлежит значительный вклад в исследовании большинства кириллических и глаголических надписей. Но, повторяя, несмотря на то, что они неоднократно издавались (Попконстантинов, 1983. С. 135 сл.; Попkonstinov, 1986; 1987; Попkonstantinov, Konstantinova, 1995. С. 111 сл.), к прочтению и комментариям некоторых надписей до сих пор остается ряд вопросов, хотя нет повода сомневаться в профессионализме и объективности выполненных им фото и прорисей. Разночтения и лакуны в прочтении вызваны как сложностью и плохой сохранностью эпиграфического материала, с трудом поддающегося прочтению, так и необычностью и нестандартностью языка и графики всех мурфатларских надписей, в том числе и кириллических.

К таким кириллическим надписям принадлежит надпись № 3 – самая значительная среди них, хотя она была опубликована в числе первых, и исследователи обращались к ней неоднократно. В настоящей (краткой) работе нет смысла подробно рассматривать многочисленные ошибочные прочтения, так как все они, в конце концов, отталкиваются от прочтения первооткрывателей – И. Барня (1962) и Г. Михаиле (1964). Согласно прочтению И. Барня, который рассматривал только первую часть текста, она выполнена кириллическими буквами и выглядит так:

**ТОУПАИ Д
ЛАЕТЪ ГЕОР
ЦРЪКВЕ КАМ(Е)НЪИ С
КЪИ КРЪИНЪИ РЪЖ
НЪИ**

Он полагал, что Тупай это протоболгарское, «тюркское» имя, который построил (сделал) церковь в скале, посвященную св. Георгию. Но в настоящее время наиболее известной и общепринятой является версия прочтения К. Попконстантинова, вошедшая в Свод древнеболгарских надписей, изданных в Зальцбурге (Попkonstantinov, Kronsteiner, 1994. S. 79). Нужно заметить, что данное издание не предусматривает исчерпывающую публикацию надписей, куда должны были быть включены: их полный перечень, варианты прочтения, датировка и полный грамматический комментарий. В этом издании К. Попконстантинов несколько исправляет свои предшествующие прочтения, учитывая поправки других авторов. Здесь же от имени двух авторов (К. Попконстантинова и О. Кронштайна) предлагается следующее прочтение (рис. 1; 2):

**[Т]ОУПАИ
ДЪЛАЕТЪ ГЕОРЪ
ГЕЪЖ ЦРЪКВЕ КАМ[]
НЪИ СЪ КЪИ КРЪИНЪИ И РЪЖЪ**

НЪИ
 А ТЪГАН ИЗ ПОЛОУ
 ТЪКА [ ] ОБА С
 СС[ ]АП[ ]ЖУ

Рис. 1. Фото надписи № 3 (по: *Popkonstinov, Kronsteiner, 1994*)

К прочтению добавлены краткое описание и перевод: «Тупай делает церковь Святого Георгия, вырезанную из камня...» (*Ibid.*). Вторая часть надписи (6–8-я строки) осталась в данном издании без перевода, хотя в более ранних изданиях К. Попконстантинов восстанавливает слова «Тонган из Полутка...»: первое – как имя собственное Тонган древнетюркского происхождения, восходящее к тюрко-османскому «сокол», а второе (Полуток) – как название местности – села, из которого пришел в церковь монастыря Тонган (*Popkonstantinov, 1986. С. 90, 91*). Но полностью смысл надписи не восстанавливается. Как видно, простое описание в данном случае не помогает объяснению содержания, уже частично восстановленного в предыдущих работах, и авторы ограничились переводом первой части надписи. Можно пожалеть, что в таком итоговом издании утрачен ряд аспектов, восстанавливающих подлинный смысл надписи. Но, вероятно, авторы решили не останавливаться на спорных моментах и лишь очень кратко перевести надпись (она рассматривается как одна). Против перевода нет возражений. Но все же нужно отметить, что надпись полностью не прочтена

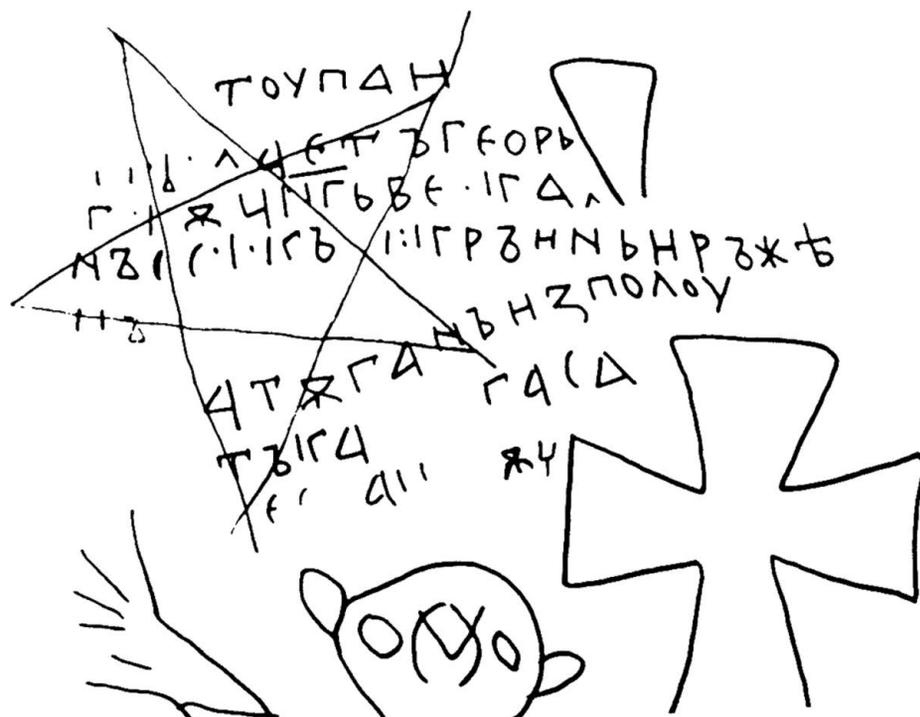

Рис. 2. Прорись надписи № 3 (по: Popkonstinov, Kronsteiner, 1994)

и не прокомментирована. Между тем, заслуживают внимания прочтение и перевод, сделанные позднее А. А. Зализняком, кратко прокомментировавшим надпись (среди поправок и комментариев к некоторым киевским и новгородским надписям-граффити), несколько исправивший и дополнивший предыдущие:

-- [Т]ОУПАИ
 ДѢЛАЕТЪ ГЕОРЬ
 ГЕВЖ ЦРЪКВЕ КАМ[Є]
 НЪЄ СЪ КЫ КРЪИНЫ И РЪЖЪ
 НЪИ
 А ТЪГАНЪ ИЗ ПОЛОУ
 ТЪКА ОБА СЪ
 ЄС[Т]А П[ОР]ЖУ(ИЛ)[А]

Его перевод надписи несколько иной: «Тупай делает Георгиеву церковь, обсекая камень, и сосуды для ржи. А Туган [с ним] исполу. Оба поручились». Таким образом, он в общих чертах принимает прочтение и перевод первой части надписи, представленный в К. Константиновым и О. Кронштайнером, и предлагает прочтение и перевод второй части надписи. Несколько странное сочетание – строительство церкви и изготовление сосудов (каменных) для

зерна – А. А. Зализняк объясняет тем, что часто церкви использовались в роли зерновых складов, ссылаясь на надпись из болгарского скального монастыря близ с. Крепча (*Зализняк, 2004*).

Как видно, исследователь просто не учел, или ему были не известны, все предшествующие изданию П. Константинова и О. Кронштайнера прочтения и истолкования. Основное достижение А. А. Зализняка состоит в прочтении второй части надписи и восстановлении общего смысла как поручительства об исполнении работ для монастыря двумя лицами. Кроме того, им отмечена такая графическая особенность надписи, как смещение **Ъ** и **Ь**.

Между тем, у этой надписи имеются другие особенности графики, без учета которых невозможно ее правильное прочтение Речь идет об особом построении буквенного знака, соответствующего кириллическому **Ъ**. Как известно, эта графема обычно изображается сочетанием **Ъ** и **И** (десятиричного). В надписи № 3 она изображена сочетанием **Ъ** и **И** (восьмеричного), как в глаголическом письме. Подобное сочетание изредка используется и в кириллических рукописях. Е. Ф. Карский указывает единичные случаи такого написания в Супральской рукописи, Слуцкой псалтыри, Слеченском апостоле, Болонской псалтыри, а из памятников эпиграфики – в надписи Самуила 993 г. (*Карский, 1979. С. 204*).

Для понимания смысла нужно прояснить прочтение и перевод слов **КАМ(Ъ) СЪ К(ЪИ)**. Это одно слово *камысеки* (**камъисѣкѣи**) – образование от слова, аналогичного древнерусскому *каменосѣцьць*, обозначающего профессию каменщика. Оно зафиксировано в словаре И. И. Срезневского по источникам XVI в. (*Срезневский, 1895. Стб. 1185*). В Путятиной минее (XI в.) встречено и более сложное словосочетание **камъ нержкосѣуень**» (Там же. Стб. 1188). Из-за особенностей графики два конечных знака этого слова надписи следует понимать как **Ъ** + **И** (**ЪИ**). Далее на фото и прориси видны две точки, возможно – разделительный знак, такой же знак можно увидеть после слова *церкви*. Подобные особенности графики – построения буквенных знаков **Ы** – встречены в надписи № 5 из этого же комплекса, что подтверждает неслучайность такого написания. Таким образом, это слово относится к слову *церкви* и поясняет способ ее строительства. Следовательно, подтверждается, что в надписи идет речь о вырубленной в скале церкви, посвященной, исходя из текста, св. Георгию, а не о мастере по имени Георгий, как уже отмечалось рядом исследователей. Некоторые сомнения остаются в отношении прочтения окончания в имени. В Своде К. Попконстантинова и О. Кронштайнера (*Popkonstantinov, Kronsteiner, 1994*) имя читается как Георь/геѣж, А. А. Зализняк предложил вместо «аномального», по его мнению, прочтения оправданное с грамматической точки зрения – Георь/геѣж (*Зализняк, 2004. С. 280*). Но изучение фото и прориси данного участка надписи, к сожалению, не подтверждает этого – отчетливо просматривается именно **геѣж**, хотя теоретически можно легко допустить прочтение **в** вместо **ѣ**. Объяснить появление такого окончания имени пока невозможно, впредь до нового тщательного обследования подлинника².

² Возможно, что объяснение находится в способе фиксации – фотографирования и издания надписи (фото сделано К. Попконстантиновым в 1979–1982 гг., современное ее состояние не известно). До недавнего времени существовал только единственный

Кроме того, на основании фото и прориси, помещенных в издании К. Попконстантинова и О. Кронштайнера, можно предложить иное прочтение первого слова во второй строке. Первая буква может быть понята как **Д** или как **М**, так как на фото отчетливо видны две вертикальные черты и плохо читаемая черта, которую можно понять как неглубокую середину буквы **М** (см. аналогичное начертание в начале 4-й строки). В этом случае все слово читается **мѣлаеть**, возможно, от **млѣти**, **мелю** (Срезневский, 1893. Стб. 158). Там же указано слово **млѣниѣ** – молотѣба. В Старославянском словаре приводится глагол *млѣти* в значении «молотъ» – по рукописям: Зографское, Мариинское, Ассеманиево ев., Супрасльская рук., Саввина книга (Старославянский словарь..., 1994. С. 552; см. также: Лука, 17, 35; Матф. 24, 41). Но в данном случае вызывает сомнения форма **мѣлаеть**, которая должна бы быть образована не от глагола **млѣти**, а от глагола многократного действия **мелати**, не зафиксированного словарями³. Отклонением от нормы в этом случае является наличие **ѣ** вместо **ѣ** и группы **ѣл** вместо ожидаемого **лѣ**. Последнее может быть объяснено в ряду особенностей графики т. н. преславской одноеровой школы, использующей подобные сочетания вместо **рѣ**, **лѣ**, довольно широко представленной в памятниках древнеболгарской эпиграфики (Гълъбов, 1968; 1975; 1980. С. 54, 55). В ряду особенностей этой школы, вероятно, находится использование **ѣ** вместо **ѣ**, что тоже аналогично образованию этой графемы в глаголическом алфавите и встречается в некоторых древнейших кириллических рукописях (Карский, 1979. С. 205). Подобное написание **ѣ** вместо **ѣ** известно и в древнейших (X в.) кириллических древнеболгарских надписях: ктиторской надписи из Теке-Козлуджа – **Власиѣ-** (Иванова, 1955. С. 98), надписи № 2 из Круглой церкви в Преславе – **енѣ** (Медынцева, Попконстантинов, 1984. С. 41), надписи на крепостной стене из Плиски: **ѣнѣ**. **ѣковѣ** (Лисицов, 1979. С. 182) и некоторых других. Такая же закономерность использования **ѣ** встречается и в других надписях Мурфатларского комплекса, например, в надписях № 1, 5, 7. Не исключено, что эта же особенность отражена и в надписи № 3.

По смыслу в надписи № 3 можно ожидать слово, производное от «молоти» или «молотить» Трудно сказать в данном случае, о каком виде обработки зерна идет речь, но оба варианта более закономерны в контексте упоминания слов «крынь/кринь ржаный», чем изготовление каменных сосудов для зерна или высекание каменных блоков. Но все же нужно учесть, что прочтение *мѣлати*,

---

способ фотографирования в условиях неосвещенного помещения – при резком боковом искусственном освещении (фотовспышке), когда на фото исчезают многие более мелкие черты, особенно горизонтальные линии. Современная цифровая техника позволяет более качественную фиксацию с освещением, обычно с четырех сторон, не говоря уже о новейших способах фиксирования с помощью 3D-технологий. Такие же высокие требования необходимы и при типографском воспроизведении фотографий надписей. При всех способах фиксации и издания недопустима и техническая обработка надписей – т. н. «фотошоп» и «ручная» ретушь. А изготовление прориси всегда индивидуально и зависит от прочтения надписи исследователем.

³ Выражаю искреннюю благодарность Т. В. Рождественской за консультацию по поводу прочтения слова *мелати*.

хотя и согласуется с контекстом надписи в целом, не находит подтверждения в письменных древнеславянских памятниках.

Таким образом, следует признать, что отсутствие словоформы и грамматического соответствия в древнеславянских памятниках не позволяет подтвердить такое прочтение, хотя оно и кажется закономерным по дальнейшему упоминанию «*крина ржи*». Это несоответствие заставляет вернуться к прочтению глагола как **дѣлаетъ** (в версии К. Попконстантинова и О. Кронштайнера) и восстановить первое слово как **дѣлати**. Этот глагол имеет много значений, среди прочих – обрабатывать землю, возделывать (*Срезневский*, 1893. Стб. 785, 893), что засвидетельствовано по памятникам XIV в. (*Быт.* II, 15). Рожь (ръжь) (растение) и рожь (зерно) неоднократно упоминаются в древнерусских летописях (*Срезневский*, 1912. Стб. 204). Нередки упоминания ржи в новгородских берестяных грамотах (см., например: *Янин, Зализняк*, 1986. С. 163). В Старославянском словаре (1994) оно не отмечено. Но в археологических материалах находки ржи относятся к раннему железному веку. Известна она была и римлянам в качестве грубой пищи, о чем упоминает римский историк Плиний Старший (I в н. э.) (*Краснов*, 1971. С. 10, 15–19; *Жуковский*, 1971. С. 93). Общеизвестно, что как источник питания она больше ценилась и ценится в настоящее время в северных регионах за морозоустойчивость, неприхотливость и высокую урожайность. Но как письменное упоминание в старославянских текстах она встречена впервые.

Следует продолжить и дальнейшее комментирование текста с учетом нового прочтения слов «**црѣк(ъ)вѣ камъисѣкъи**» (церкви Св. Георгия, высеченной из камня). Слова надписи «крын ржаный», возможно, следует понимать не как меру зерна (как предложил А. А. Зализняк вслед за другими исследователями), а иначе. Помимо указанных выше значений – *сосуд для зерна, хлебная мера* – тут, скорее всего, идет речь о мере площади. В берестяных грамотах неоднократно упоминается *коробья* как мера зерна. Но известна и древнерусская «коробья» как поземельная мера, происшедшая от меры зерна, высеваемой на определенной площади, что неоднократно засвидетельствовано письменными древнерусскими источниками. «Название хлебной меры переносится и на площадь, на которую высевалось это количество хлеба... В Новгороде коробья равнялась десятине» (*Каменцева, Устюгов*, 1975. С. 50, 51). Неизвестно, чему в реальности равнялся «крин». Но контекст говорит, что речь идет об обработке участка земли – крина (крына). Дальнейшее прочтение, предложенное А. А. Зализняком: «А Туган из полу делает то же самое» (*Зализняк*, 2004. С. 280) легко помещается в данный контекст с той лишь поправкой, что речь идет не о каменотесах, а о возделывании участка земли. Он считает, что *полутък* – то же, что и *половина*, и в подтверждение такого толкования ссылается на словарь И. И. Срезневского (Там же). Но цезура перед словом *оба*, где могут поместиться 3–4 буквы (рис. 3) оставляет некоторые вопросы относительно перевода слова *полу/тъкъ*, написанного в две строки, хотя места для слитного написания слова достаточно. Это обстоятельство позволяет предположить, что буквы **тѣка** являются началом слова *тъка(еть)*, обозначающего действие по обработке зерна, связанное с молотьюбой, так как и в древнерусских словарях, и в старославянских упоминается слово *тък* и глагол *тъкати* – *тъкж -ткати*, родственное *тыкать, стучать, колотить* (*Фасмер*, 1987. С. 64), а также «се Гедеон с(ы)нъ Насонь

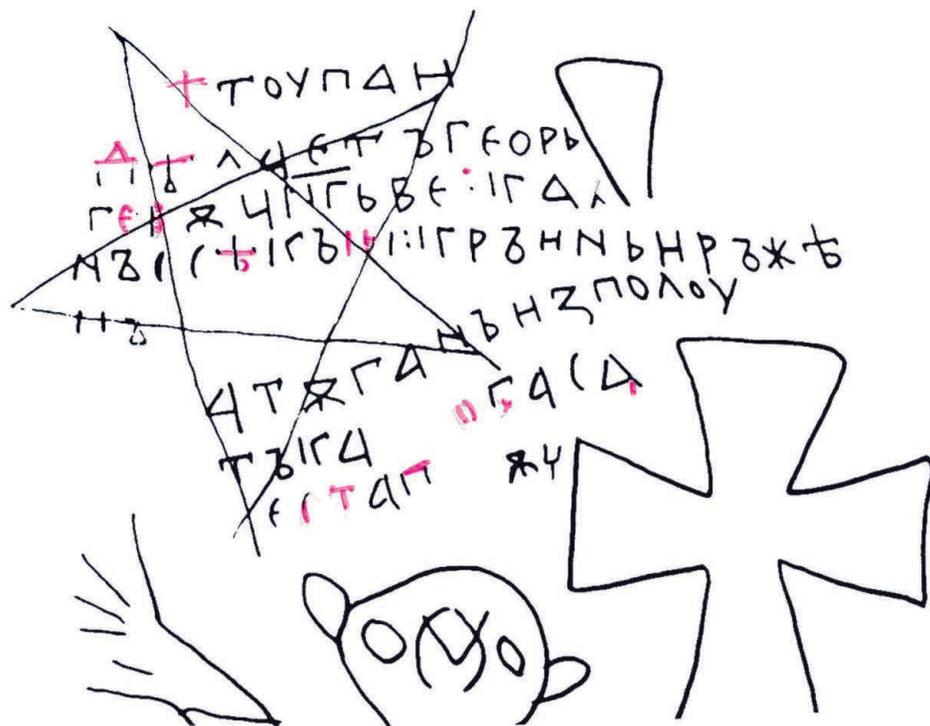

Рис. 3. Прорись надписи № 3 с учетом поправок А. А. Зализняка и А. А. Медынцевой

млаташе [молотил, имперфект. – А. М.] пшеницю на тоць своем» (Словарь древнерусского языка..., 1991. С. 552). В живом русском языке широко используется слово *ток* как место для молотбы зерна. Но предложенное чтение нуждается в проверке на подлиннике, так как не подтверждается ни фотографией, ни прорисью, и в целом не слишком меняет смысл надписи, в которой речь идет о работе на монастырь (церковь Св. Георгия) двух крестьян Тупая и Тугана, причем первый из них обрабатывает участок земли (крин) полностью, засевая ее рожью, а второй, если принять прочтение А. А. Зализняка, – половник, работающий «ис полу», т. е. за половину получаемого продукта. Датировка комплекса надписей не выходит за пределы втор. пол. X – начала XI в., хотя и не подтверждается ни «датами в тексте», ни упоминанием «Симеона первого», имеющее якобы хронологическое значение, как полагал Г. Михаиле (Михаиле, 1964. С. 160). Несостоятельность прочтения дат в некоторых надписях и исторических параллелей обстоятельно доказаны К. Попконстантиновым (Попконстантинов, 1983. С. 145–147; Попkonstantinow, Konstantinova, 1995. С. 111).

Палеографические особенности надписи № 3 не выходят за пределы датировки всего комплекса надписей, что отмечается всеми исследователями. Архаическая алфавитная система наряду с палеографией является дополнительным доказательством древности всего комплекса. Таким образом, надпись № 3,

помимо факта письменности, отражающего особую письменную систему, в том числе сочетающую кириллическое и глаголическое построение некоторых буквенных знаков, имеет и важное историческое значение, предоставляя сведения о названии храма и, возможно, самого монастырского комплекса, и единственное аутентичное свидетельство о системе землевладения, обработки земли и возделывания ржи в болгарских монастырях X в. Необходимо, учитывая ее историческую, лексическую и палеографическую значимость, еще раз вернуться к ее обследованию и фиксации с помощью современных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- Барня Й.*, 1962. Предварительные сведения о каменных памятниках в Басараби (обл. Доброджа) // *Dacia*. VI. P. 292–316.
- Бешевлиев В.*, 1976. Етническата принадлежност на рунните надписи при Мурфатлар // *Векове*. Кн. 4. С. 12–22.
- Гълъбов И.*, 1968. Рани школи на стария български книжовен език // *Български език*. Т. 18. С. 141–148.
- Гълъбов И.*, 1975. Средновековната българска кирилска епиграфика през последните 30 години // *Археология*. Кн. 4. С. 13–25.
- Гълъбов И.*, 1980. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София: Наука и изкуство. 180 с.
- Жуковский П. М.*, 1971. Культурные растения и их сородичи: систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование. 3-е изд., перераб. и доп. Л.: Колос. 751 с.: ил.
- Зализняк А. А.*, 2004. К изучению древнерусских надписей // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. XI. М.: Русские словари. С. 232–287.
- Иванова В.*, 1955. Надписът на Мостич и преславският епиграфски материал // *Станчев Ст., Иванова В., Балан М., Боев П.* Надписът на чъргубиля Мостич. София: Българска академия на науките. С. 43–144. (Епиграфска поредица; т. 1.)
- Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.*, 1975. Русская метрология. М.: Высшая школа. 179 с.
- Карский Е. Ф.*, 1979. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука. 494 с.
- Краснов Ю. А.*, 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. – I-я половина I тысячелетия н. э. М.: Наука. 168 с. (МИА; № 174.)
- Кызласов И. Л.*, 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература. 328 с.
- Лисицов С.*, 1979. Разкопки на източната крепостна стена от вътрешния град на Преслав през 1973–1974 г. // *Плиска-Преслав: проучвания и материали*. Т. 1. София: Българска академия на науките. С. 177–184.
- Медынцева А. А., Попконстантинов К.*, 1984. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София: Болгарская АН. 132 с.
- Михаиле Г.*, 1964. Старославянские надписи, открытые в с. Басарабь (обл. Доброджа) // *Revue roumaine de linguistique*. IX, 2. С. 149–169.
- Овчаров Д.*, 1975. За характера и принадлежността на средновековните рисунки от Басараб (Мурфатлар) // *Археология*. Кн. 3. С. 1–10.
- Овчаров Д.*, 2002. Българи и румънци по Долния Дунав в Ранното Средновековие (по археологически данни) // *История на българите: изкривявания и фалшификации*. Ч. 1. София: ТАНГРА ТанНакРа. С. 170–200.
- Попконстантинов К.*, 1983. За надписите «с дата» от скалния манастир при Мурфатлар // *Преслав*. Т. 3. Варна. С. 135–147.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. IV. М.: Русский язык, 1991. 557 с.
- Срезневский И. И.*, 1893. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 771 с.

- Срезневский И. И.*, 1895. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 600 с.
- Срезневский И. И.*, 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 996 с.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
- Фасмер М.*, 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс. 855 с.
- Фасмер М.*, 1971. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс. 830 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.*, 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука. 312 с.
- Popkonstinov K.*, 1986. Die Inschriften des felklosters Murfatlar // Die slavische Sprachen. Bd. 10. Salzburg. S.77–106.
- Popkonstinov K.*, 1987. Les inscriptions du monastère rupestre près du village Murfatlar (Basarab) // Dobrudža: études ethno-culturelles. Sofia: Editions de l'Académie bulgare des sciences. P. 115–145.
- Popkonstantinov K., Konstantinova V.*, 1995. Die inschriften des felklosters Murfatlar // Палеобалканистика и старобългаристика: материали от Първите есенни национални четения «Професор Иван Гълъбов» (1990). Велико Търново: Великотърновски университет «Свети свети Кирил и Методий». С. 111–134.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O.*, 1994. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. 1. Salzburg. 270 S.

Сведения об авторе

Медынцева Альбина Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: medyntc@gmail.com

A. A. Medyntseva

INSCRIPTION 3 OF THE 10th CENTURY FROM MURFATLAR
(BASARABI VILLAGE, ROMANIA)

Abstract. The paper proposes an interpretation of one of the most historically important Cyrillic inscriptions, i.e. the 10th century graffito (No. 3) from a rock monastery near the Murfatlar village (modern Rumania). The inscription consists of two parts. Only the first four lines reporting about the construction of a church dedicated to St. George have been interpreted adequately (K. Popkonstantinov and O. Kronsteiner). A relatively recent interpretation and full restoration of the text by A. A. Zaliznyak has not yet attracted due attention of the scientific community, though it puts this historically unique inscription in the context of relations between the monastery and the local community. The author explains this inscription as a record on tithe or a vow of two peasants in favor of the monastery (the St. George church). The proposed revision of the inscription helps clarify the interpretation of the phrase ‘performs’ as ‘cultivates’ while the term ‘*kryn*’ (‘*krin*’) is read as a measure of land based on analogies with Russian medieval written sources rather than a measure of grain or size of stone vessels. The paper draws attention to the mentioning of the rye in the Old Slavic text of the 10th century.

Keywords: graffiti, Cyrillic script, rock monastery, new interpretation, church cut in rock, *krin* as a measure of land, rye, monastery land use.

REFERENCES

- Barnya Y., 1962. Predvaritel'nyye svedeniya o kamennykh pamyatnikakh v Bassarabi (obl. Dobrodzha) [Preliminary information on stone monuments in Bassarabi (reg. Dobrogea)]. *Dacia*, VI, pp. 292–316.
- Beshevliyev V., 1976. Etnicheskata prinadlezhnost na runnite nadpisi pri Murfatlar [Ethnic attribution of runic inscriptions in Murfatlar]. *Vekove [Vekove]*, 4, pp. 12–22.
- Fasmer M., 1973. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language]. Vol. 4. Moscow: Progress. 855 p.
- Fasmer M., 1987. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language]. Vol. 3. Moscow: Progress. 830 p.
- G"l"bov Iv., 1968. Rani shkoli na stariya b"lgarski knizhoven ezik [Early schools of Old Bulgarian written language]. *B"lgarski ezik [Bulgarian language]*, 18, pp. 141–148.
- G"l"bov Iv., 1975. Srednovekovnata b"lgarska kirilska epigrafika prez poslednite 30 godini [Medieval Bulgarian Cyrillic epigraphy during recent 30 years]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 13–25.
- G"l"bov Iv., 1980. Starob"lgarski ezik s uvod v slavyanskoto ezikoznanie [Old Bulgarian language with introduction into Slavonic language studies]. Sofia: Nauka i izkustvo. 180 p.
- Ivanova V., 1955. Nadpis't na Mostich i preslavskiyat epigrafski material [Mostich inscription and Preslav epigraphic material]. *Stanchev St., Ivanova V., Balan M., Boev P. Nadpis't na ch"rgubilya Mostich [Inscription of chergubil Mostich]*. Sofia: B"lgarska akademiya na naukite, pp. 43–144. (Epigrafiska poreditsa, 1.)
- Kamentseva E. I., Ustyugov N. V., 1975. Russkaya metrologiya [Russian metrology]. Moscow: Vysshaya shkola. 179 p.
- Karskiy E. F., 1979. Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya [Slavic Cyrillic palaeography]. Moscow: Nauka. XIX, 494 p.
- Krasnov Yu. A., 1971. Ranneye zemledeliye i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy. II tysyacheletiyе do n. e. – 1-ya polovina I tysyacheletiya n. e. [Early farming and stock-breeding in forest zone of Eastern Europe. II millennium BC – 1st half of I millennium AD]. Moscow: Nauka. 168 p. (MIA, 174.)
- Kyzlasov I. L., 1994. Runicheskiye pis'mennosti evraziyskikh stepey [Runic written languages of Eurasian steppes]. Moscow: Vostochnaya literatura. 328 p.
- Lisitsov S., 1979. Razkopki na iztochnata krepostna stena ot v"treshniya grad na Preslav prez 1973–1974 g. [Excavations of eastern fortification wall of Preslav inner town in 1973–1974]. *Pliska – Preslav: prouchvaniya i materialy [Pliska – Preslav: investigations and materials]*, 1. Sofia: B"lgarska akademiya na naukite, pp. 177–184.
- Medyntseva A. A., Popkonstantinov K., 1984. Nadpisi iz Krugloy tserkvi v Preslave [Inscriptions from Round church in Preslav]. Sofia: Bolgarskaya akademiya nauk. 132 p.
- Mikhaile G., 1964. Staroslavjanskiye nadpisi, otkrytyye v s. Basarab' (obl. Dobrodzha) [Old Slavonic inscriptions discovered in village Basarabi (reg. Dobrogea)]. *Revue Roumaine de linguistique*, IX, 2, pp. 149–169.
- Ovcharov D., 1975. Za kharaktera i prinadlezhnostta na srednovekovnite risunki ot Basarab (Murfatlar) [On character and attribution of medieval drawings from Basarab (Murfatlar)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 1–10.
- Ovcharov D., 2002. B"lgari i rum"ntsi po Dolniya Dunav v Rannoto Srednevekoviyе (po arkheologicheski danni) [The Bulgarians and the Romanians on Lower Danube in early Middle Ages (based on archaeological data)]. *Istoriya na b"lgarite: izkrivyvaniya i falshifikatsii [History of the Bulgarians: distortions and falsifications]*, 1. Sofia: TANGRA TanNakRa, pp. 170–200.
- Popkonstantinov K., 1983. Za nadpisite s «data» ot skalniya manastir pri Murfatlar [On inscriptions with «date» from rock-cut monastery near Murfatlar]. *Preslav [Preslav]*, 3. Varna, pp. 135–147.
- Popkonstantinov K., 1986. Die Inschriften des felklosters Murfatlar. *Die slawischen Sprachen*, 10. Salzburg, Ss. 77–106.
- Popkonstantinov K., 1987. Les inscriptions du monastère rupestre près du village Murfatlar (Basarab). *Dobrudzha: études ethno-culturelles*. Sofia: Editions de l'Académie bulgare des sciences, pp. 115–145.
- Popkonstantinov K., Konstantinova V., 1995. Die inschriften des felklosters Murfatlar. *Paleobalkanistika i starob"lgaristika: materialy ot P"rvite esenni natsionalni cheteniya «Profesor Ivan G"l"bov» [Palaeobalkan studies and Old Bulgarian studies: proceedings of First fall national readings]*

- «Professor Ivan G''l''bov»] (1990). Veliko T''rnovo: Velikot''rnovski universitet «Sveti sveti Kiril i Metodiy», pp. 111–134.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O., 1994. Starob''lgarski nadpisi = Altbulgarische Inschriften, 1. Salzburg. 270 S.
- Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of Old Russian language of XI–XIV cc.], IV. Moscow: Russkiy yazyk, 1991. 557 p.
- Sreznevskiy I. I., 1893. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for dictionary of Old Russian language], I. St. Petersburg: Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 771 p.
- Sreznevskiy I. I., 1895. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for dictionary of Old Russian language], II. St. Petersburg: Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 600 p.
- Sreznevskiy I. I., 1912. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for dictionary of Old Russian language], III. St. Petersburg: Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 996 p.
- Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of X–XI centuries)]. R. M. Tseytlin, R. Veчерka, E. Blagova, eds. Moscow: Russkiy yazyk, 1994. 842 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A., 1986. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.) [Novgorod birch bark charters]. *Kommentarii i slovoukazatel' k berestyanyam gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)* [Comments and word index for birch bark charters (from excavations of 1951–1983)]. Moscow: Nauka. 312 p.
- Zaliznyak A. A., 2004. K izucheniyu drevnerusskikh nadpisey [On research of ancient Russian inscriptions]. *Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod birch-bark charters]*, XI. Moscow: Russkiye slovari, pp. 232–287.
- Zhukovskiy P. M., 1971. Kul'turnyye rasteniya i ikh sorodichi: sistematika, geografiya, tsitogenetika, immunitet, ekologiya, proiskhozhdeniye, ispol'zovaniye [Cultivated plants and their relatives: systematics, geography, cytogenetics, immunity, ecology, origin, use]. 3rd edition. Leningrad: Kolos. 751 p., ill.

About the author

Medyntseva Al'bina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: medyntc@gmail.com

Ю. Б. Цетлин

О ХОДЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Резюме. Статья посвящена анализу процесса этнокультурного развития неолитического населения лесной зоны Центра Русской равнины по данным изучения керамики как наиболее массового источника информации на памятниках этой эпохи. В статье уделено внимание истории исследования этого вопроса и по данным изучения орнаментальных традиций излагается авторское представление о ходе этих процессов.

Ключевые слова: неолит, Центр Русской равнины, лесная зона, керамика, орнаментальные традиции, этнокультурные процессы.

История вопроса

Данная статья посвящена обсуждению общего хода этнокультурного развития в лесной зоне Центра Русской равнины по данным изучения древней керамики. В свое время эта тема была глубоко дискуссионной и привлекала внимание многих исследователей (подробное изложение см.: *Цетлин, 2008. С. 34–47*). Однако в последние десятилетия исследования неолита этого региона существенно сократились, что привело к общему снижению интереса к этой проблематике. Последнее обидно, так как в этой области в прошлом были достигнуты значительные успехи. Цель статьи – вернуться к обсуждению проблем этнокультурной истории неолитического населения этого региона и попытаться вновь привлечь к ним внимание молодых исследователей.

Остановлюсь кратко на узловых моментах разработки периодизации истории неолитического населения в лесной зоне Европейской России.

I. Первый опыт разработки проблемы периодизации неолита лесной зоны Европейской России был изложен в фундаментальной статье выдающегося исследователя первой трети XX столетия – Бориса Сергеевича Жукова (*Жуков, 1929. С. 68–71*). Опираясь на еще немногочисленные в то время керамические материалы из своих раскопок Языковской стоянки (в Тверской области),

а также памятников, раскапывавшихся сотрудниками «палеознотологического коллектива», он установил следующие «циклы» (термин Б. С. Жукова) или последовательность смены неолитических культур этого региона:

1 – группа наиболее ранней керамики типа Языково 1 представлена «толсто-стенной керамикой с обильной примесью дресвы в глиняной массе» и орнаментом в виде «длинных параллельных штрихов»;

2 – группа керамики, названная Б. С. Жуковым «комплексом круглоямочно-гребенчатой керамики» или льяловской;

3 – широко распространенный комплекс керамики типа Волосово 1 и других памятников, представленный толстостенными сосудами «более цилиндрической формы с округлым или округло-сдавленным (уплощенным) дном и мало дифференцированной шейкой, удлиненно-гребенчатым и шнуровым орнаментом».

Дальнейшего развития его наблюдения не получили, так как в 1930 г. он был репрессирован, а его труды надолго стали недоступны для исследователей.

II. Позднее получила распространение точка зрения о том, что древнейшими в этом регионе были неолитические племена, оставившие ямочно-гребенчатую (льяловскую) керамику (А. Я. Брюсов, В. М. Раушенбах и др.). А уже дальнейшее развитие культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и ее практически повсеместное распространение в лесной зоне Восточной Европы привело к сложению многочисленных культур ямочно-гребенчатого круга – белевской, рязанской, балахнинской и др. (Брюсов, 1952. С. 42–71).

Следует заметить, что, по мнению большинства исследователей, все это население было автохтонным, сложившимся на основе местного мезолита, а имевшиеся локальные особенности были следствием постепенного расселения его по огромной территории лесной зоны. Более поздний период на этой территории был связан с бытованием племен волосовской культуры, относящейся к позднему неолиту и началу эпохи металла.

III. В 1972 г. при исследовании стоянки Ивановское VII в Ярославской области найденная Б. С. Жуковым ранняя керамика, залегавшая в четких стратиграфических условиях, была вторично открыта Д. А. Крайновым и Н. А. Хотинским с коллегами (Крайнов и др., 1973). Эта керамика, а также связанная с ней археологическая культура, зафиксированная на большом числе памятников лесной зоны, получила название «верхневолжской» (Крайнов, Хотинский, 1977). Это открытие заставило по-иному взглянуть на этнокультурную историю региона.

По мнению Д. А. Крайнова, ранне-неолитическая верхневолжская культура сформировалась на основе местного мезолита. В результате смешения ее носителей с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой сложилась «прото-волосовская» культура, которая стала основой для формирования волосовской культуры (Крайнов, 1981).

Во второй половине 1970-х гг. получает распространение точка зрения Д. А. Крайнова о существовании на территории лесной зоны Восточной Европы трех культурно-исторических горизонтов:

1 – горизонт раннего неолита с гребенчато-накольчатой керамикой, включавший волго-камскую, верхневолжскую, сперрингс и нарвскую культуры;

2 – горизонт развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, объединяющий все культуры этого круга;

3 – горизонт с пористой «протоволовской» (редкоямочной тонкостенной) и волосовской керамикой, включающий неманскую культуру, типа Пиестеня и некоторые другие (Крайнов, 1978; 1981).

Несколько иной взгляд на связи между культурами был высказан Ю. Н. Урбаном и В. В. Сидоровым. Они считали, что льяловская культура вырастает непосредственно из верхневолжской (Урбан, 1976; Сидоров, 1986). В качестве обоснования приводился тот факт, что на позднем этапе верхневолжской культуры и раннем этапе культуры с ямочно-гребенчатой керамикой получает широкое распространение гребенчатый орнамент на сосудах, который как раз и отражает момент *трансформации* одной культуры в другую.

IV. В 1980-х гг. ученицей Д. А. Крайнова Е. Л. Костылевой было предпринято изучение орнаментов верхневолжской неолитической керамики, что позволило ей выделить три этапа в развитии верхневолжской культуры (Костылева, 1987): I этап – использование тычково-накольчатого орнамента в сочетании с зонами без орнамента; II этап – нанесение прочерченного, ложношнурового и зубчатого орнаментов, уменьшение накольчатого и появление пунктирного орнамента; III этап – распространение гребенчато-зубчатой орнаментации. Позднее эти положения были развиты в коллективной монографии (Жилин и др., 2002). В последние десятилетия проблемам развития неолитических культур лесной зоны и, в частности, их относительной и абсолютной хронологии были посвящены работы целого ряда специалистов (Сидоров, 1986; 1998; Энгватова, 1998; Ошибкина, 2006; Выборнов, 2008).

В 1980-е гг. автор данной статьи, опираясь на существенные различия в технологии и орнаментации керамики верхневолжской культуры, культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской культуры, вновь подтвердил точку зрения о различной этнокультурной принадлежности их носителей (Цетлин, 1987; 1991. С. 109–111). По его мнению, эти группы населения последовательно распространялись на территории Центра Русской равнины, постепенно сменяя друг друга. Именно в эти периоды сосуществования носители разных культур контактировали друг с другом, что вело к образованию смешанных гончарных традиций в технологии и орнаментации глиняной посуды (Цетлин, 1991; 2008). Помимо этого им была выделена, сначала по данным о гончарной технологии, а потом и по орнаментации, раннеолитическая волго-окская культура, которая предшествовала верхневолжской и частично с ней сосуществовала (Цетлин, 1980; 1982; 1996; 2019). Очевидно, что смена неолитических культур в этом регионе представляла собой сложный и многообразный этнокультурный процесс, в котором участвовали разные группы древнего населения. Этот процесс был разделен Ю. Б. Цетлиным на 11 последовательных хронологических периодов (Цетлин, 2008).

Завершая этот краткий обзор основных точек зрения на историю неолитического населения Центра Русской равнины, приходится констатировать отсутствие у исследователей единого взгляда на его ход и содержание. Поэтому в настоящее время представляется целесообразным еще раз обратиться к обсуждению этой проблемы.

Постановка проблемы

Древние гончарные традиции по своему содержанию разделяются на традиции «внутренней» и «внешней» культуры. К первым относятся традиции в сфере технологии, а ко вторым – в области форм и орнамента посуды. В доремесленную эпоху, к которой относится и неолитическое гончарство, производители глиняной посуды в большинстве случаев принадлежат к той же культурной группе, что и ее потребители, т. е. внешняя и внутренняя культура гончарства находятся как бы в слитном состоянии. Это позволяет нам использовать данные об орнаментации посуды для доказательного изучения древних этнокультурных процессов. При этом наиболее массовая информация об орнаментальных традициях может быть выделена по многочисленному фрагментированному материалу на уровне изучения стилистики элементов орнамента. Это и будет сделано ниже.

Источники

Работа базируется на результатах изучения орнамента неолитической керамики волго-окской и верхневолжской культур, культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской, групп населения с редкоямочной и редкоямочной тонкостенной (протоволосовской, по Д. А. Крайнову) керамикой. В общей сложности изучению подверглись обломки примерно от 3850 сосудов из 206 памятников. Среди них около половины памятников и обломки от 2000 сосудов представлены материалами из фондов Государственного исторического музея¹. Остальные материалы были получены в результате раскопок автора в 1977–1985 гг., в период работы в составе Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН под общим руководством Д. А. Крайнова.

Основное содержание

Как уже отмечалось, в работе 2008 г. автором были выделены 11 хронологических периодов этнокультурного развития в эпоху неолита на территории Центра Русской равнины. В настоящее время представляется возможным конкретизировать историко-культурное содержание разных периодов.

Данная работа включает несколько этапов:

1 – выделение состава и соотношения элементов орнамента на сосудах в разные периоды неолита;

2 – определение степени сходства орнаментальных традиций разных периодов друг с другом;

3 – выяснение историко-культурного содержания разных периодов в истории неолитического населения.

---

¹ Приношу искреннюю благодарность всем сотрудникам отдела археологии ГИМ за неизменную доброжелательность и постоянную в течение многих лет помощь в работе с коллекциями.

Следует пояснить, что именно анализ *элементов* орнамента, т. е. «отпечатков или динамических следов на поверхности сосуда, создававшихся мастером за один трудовой акт» (Цетлин, 2008. С. 19), позволяет опираться на наиболее массовые наблюдения, доступные даже по небольшим обломкам глиняных сосудов.

Сведения о составе и соотношении элементов орнамента на посуде каждого из 11 периодов развития культур приведены в табл. 1. Следует пояснить, что для периодов неолита дана общая нумерация (с I по XI). Для того чтобы не вводить двойные обозначения, периоды развития культур обозначаются этими же цифрами. Например, культура с ямочно-гребенчатой керамикой появляется на исследуемой территории в IV период и продолжается до X; соответственно, этапы развития этой культуры обозначаются ЯГ-IV...ЯГ-X. В данном случае периоды различаются между собой по тому, бытовали ли культуры в это время относительно обособленно или сосуществовали на этой территории с другими культурами.

Теперь рассмотрим на этом достаточно общем уровне, как менялся состав элементов орнамента на керамике каждой культуры в разные периоды неолита.

Волго-окская культура (периоды I и II). В первый период абсолютно доминирует неорнаментированная керамика. Отступающий накольчатый орнамент составляет менее 10 %. Позднее происходит заметное уменьшение доли керамики без орнамента и в несколько раз возрастает доля накольчатого орнамента, более распространенным становится ямочный орнамент, обычно располагающийся в один ряд под венчиком.

Верхневолжская культура (периоды II–IV). На протяжении этих трех периодов фиксируются несколько тенденций в развитии орнаментальных традиций. В частности, заметный рост ямочного (с 11 до 30 %), пунктирного (с 15 до 35 % во II период) и еще более яркий рост гребенчатого орнамента (с 16 до 50 %), некоторое увеличение доли гладких отпечатков. Наряду с этим на сосуде практически исчезают неорнаментированные зоны и постепенно сокращается доля накольчатого орнамента.

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой (периоды IV–X). В общей сложности ее история охватывает 7 периодов, однако для VI периода памятников этой культуры мною не зафиксировано. На протяжении развития культуры имели место три основные тенденции: увеличение доли ямочного орнамента (с 21 до 55 %), сокращение доли гребенчатого (с 44 до 23 %) и неорнаментированных участков (с 19 до 7 %); доля лунчатых отпечатков колеблется в разное время в пределах 10 %.

Группа населения с редкоямочной тонкостенной керамикой (периоды с VI по VIII). Здесь во времени наблюдается рост ямочного и ямчатого орнамента (с 27 до 48 %) и сокращение доли неорнаментированных участков поверхности (с 51 до 34 %). Любопытно, что на этой керамике прослежено также постепенное сокращение различных накольчатых вдавлений (с 9 до 1 %).

Группа населения с редкоямочной керамикой (периоды с VII по IX). На этой керамике во времени происходит неустойчивый рост доли ямочного орнамента (24, 45, 37 %), рост доли гребенчатых отпечатков (до 15 %), снижение доли ямчатых вдавлений (с 21 до 2 %) и участков без орнамента (с 47 до 35 %).

Волосовская культура (периоды VIII–XI). Здесь наблюдается уменьшение доли ямочных (с 37 до 17 %) и ямчатых (с 29 до 1 %) отпечатков, так называемых

рамчатых отпечатков на сосудах (с 28 до 5 %) и незначительное сокращение наиболее массового гребенчатого орнамента (с 39 до 31 %). На поздних этапах получают заметное распространение неорнаментированные участки (23–27 %) на поверхности сосудов.

Попытаемся выяснить, по крайней мере в части случаев, с чем связаны отмеченные тенденции в развитии орнаментальных традиций. Для этого, опираясь на данные о составе и соотношении элементов орнамента, приведенных в табл. 1, произведем расчет степени сходства ($КС^2$) разных культур и периодов между собой (табл. 2). Используя эти данные, оценим для начала среднюю степень сходства, во-первых, в рамках каждой культуры между периодами (табл. 3), во-вторых, среднюю степень сходства между разными культурами в целом (табл. 4), в-третьих, реальную степень сходства разных культур в периоды их сосуществования (табл. 5).

Итак, выясняется, что наибольшим внутренним единством отличаются орнаментальные традиции группы населения с редкоямочной керамикой (74 %), волго-окской культуры (64 %) и группы с редкоямочной тонкостенной керамикой (60 %).

Не менее интересны данные о сходстве традиций носителей разных культур друг с другом. Наиболее близкими между собой оказались традиции двух групп населения – с редкоямочной и редкоямочной тонкостенной керамикой (67 %), а также одинаковое сходство их обеих с волго-окской культурой (50 и 51 %). Наименее близкими между собой оказались волго-окская и культура с ямочно-гребенчатой керамикой (21 %) и волго-окская и волосовская культуры (19 %). Здесь важно обратить внимание на то, что степень сходства орнаментальных традиций тем ниже, чем более удалены культуры друг от друга во времени.

Теперь посмотрим, каково же сходство орнаментальных традиций у культур, которые сосуществуют друг с другом в определенные периоды своего развития. Так, сходство волго-окской и верхневолжской культур во второй период составляет 63 %, верхневолжской и ямочно-гребенчатой в пятый период – 74 %, редкоямочной и редкоямочной тонкостенной в седьмой и восьмой периоды – 76 % и т. д. Наименьшим сходством характеризуется волосовская культура с культурой с ямочно-гребенчатой керамикой (периоды VIII–X) – 38 % и с группой населения с редкоямочной керамикой (периоды VIII–IX) – 32 %. Отсюда можно сделать вывод, что далеко не всегда носители синхронных культур, бытовавшие на одной территории, вступали в контакты и смешивались друг с другом. Это важное уточнение, характеризующее их отношение друг к другу.

Из 210 связей по сходству, приведенных в табл. 2, 58 характеризуются численным значением выше 60 % и могут отражать неслучайный характер сходства орнаментальных традиций. Опираясь на эти данные и общую последовательность хронологических периодов, попытаемся оценить степень связи между разными культурами в различные периоды их истории. Графическая схема таких связей изображена на рисунке (рис. 1). Опишем ее, начиная с ранних периодов и заканчивая поздними.

² О методике расчета $КС$ см: (Телегин, 1977).

Таблица 2. Результаты расчета коэффициента сходства (КС) между культурами разных этапов развития, %

Культуры	ВО		ВВ		ЯГ					РЯгн			РЯ			Вол						
	ВО-I	ВО-II	ВВ-II	ВВ-III	ВВ-IV	ВВ-V	ВВ-VI	ВВ-VII	ВВ-VIII	ВВ-IX	ВВ-X	РЯгн-VI	РЯгн-VII	РЯгн-VIII	РЯ-VII	РЯ-VIII	РЯ-IX	Вол-VIII	Вол-IX	Вол-X		
ВО	ВО-I	64	50	17	10	10	24	0	21	12	11	9	60	40	37	49	50	38	2	2	31	26
	ВО-II		63	31	18	39	31	0	31	23	21	17	73	51	45	61	58	47	5	9	40	37
ВВ	ВВ-II			65	40	39	40	0	52	43	42	37	62	64	53	56	56	68	19	31	56	57
	ВВ-III				52	50	39	0	53	52	53	50	30	37	36	36	33	50	23	43	39	50
	ВВ-IV					74	40	0	57	62	67	55	27	28	44	27	33	52	37	80	45	58
ЯГ	ЯГ-IV						28	0	44	48	51	44	16	23	24	22	23	37	37	60	35	49
	ЯГ-V							0	72	70	64	74	32	51	72	51	69	66	10	44	35	47
	ЯГ-VI										0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	ЯГ-VII									86	85	82	14	49	66	53	66	80	32	64	58	69
	ЯГ-VIII										92	87	24	41	65	43	62	73	36	69	54	66
	ЯГ-IX											81	19	40	63	41	60	72	36	36	48	50
	ЯГ-X												17	33	59	39	57	65	32	62	41	54
РЯгн	РЯгн-VI													70	56	77	58	51	21	20	55	51
	РЯгн-VII														53	70	51	66	44	25	66	65
	РЯгн-VIII															62	83	81	4	54	46	53
РЯ	РЯ-VII																77	65	27	26	47	56
	РЯ-VIII																	79	6	39	39	47
	РЯ-IX																		20	58	60	67
Вол	Вол-VIII																			36	48	50
	Вол-IX																				43	57
	Вол-X																					84
	Вол-XI																					

Примечание: 1 – цветом выделены КС между сосуществующими культурами; 2 – жирным шрифтом выделены значения КС > 60 %

Таблица 3. Сходство между разными периодами в рамках культуры, в %

Культура	КСр.
ВО	64,0
ВВ	52,0
ЯГ	48,0
РЯтн	60,0
РЯ	74,0
Вол	53,0

Таблица 4. Сходство между культурами в целом, в %

Культура	ВВ	ЯГ	РЯтн	РЯ	Вол
ВО	32,0	21,0	51,0	50,0	19,0
ВВ		43,0	46,0	42,0	45,0
ЯГ			47,0	34,0	40,0
РЯтн				67,0	42,0
РЯ					41,0

Таблица 5. Сходство между культурами в периоды их сосуществования, в %

Культура	ВВ	ЯГ	РЯтн	РЯ	Вол
ВО	63,0				
ВВ		74,0			
ЯГ			57,0	62,0	38,0
РЯтн				76,0	4,0
РЯ					32,0

Наиболее ранней является волго-окская культура I периода. Сходство ее со II периодом этой же культуры равно 64 %. В это время она сосуществует и, вероятно, активно контактирует с верхневолжской культурой того же периода. В пользу этого говорит, с одной стороны, высокое сходство между II периодом волго-окской и II периодом верхневолжской культур (63 %), а с другой – столь же высокое сходство II и III периодов верхневолжской культуры между собой (65 %). Третий период верхневолжской культуры – время относительно обособленного бытования ее носителей.

В рамках IV периода верхневолжская культура сосуществует с культурой с ямочно-гребенчатой керамикой и опять же активно контактирует и смешивается с ее носителями, судя по очень высокому сходству (74 %) между ними.

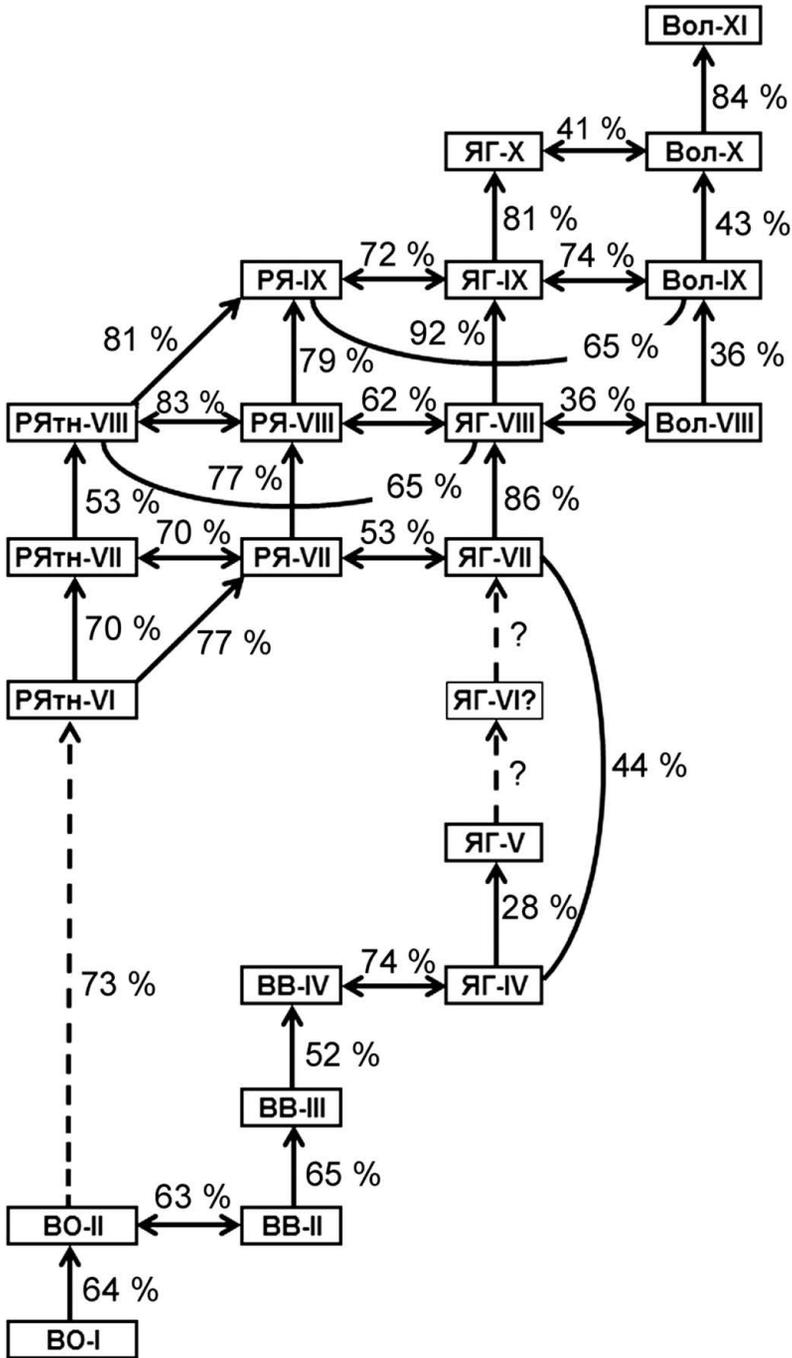

Рис. 1. Графическая схема связей между разными культурами в различные периоды их истории

Результатом этих контактов было заметное ослабление сходства между традициями верхневолжской культуры III и IV периодов (52 %) и еще более – сходства между традициями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой IV и V периодов (28 %). В пользу именно этой причины говорит более высокое сходство традиций IV и VII (44 %) и особенно V и VII периодов в рамках культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (72 %). В более позднее время орнаментальные традиции этой культуры отличаются исключительной монолитностью: сходство между VII и VIII периодами равно 86 %, между VIII и IX – 92 %, между IX и X – 81 %.

В VI периоде в этом регионе появляются носители редкоямочной тонкостенной керамики, традиции которых обнаруживают на удивление высокое сходство с традициями второго периода волго-окской культуры (73 %). Это сходство даже выше, чем сходство между разными периодами внутри самой этой группы: так, сходство традиций VI и VII периодов составляет 70 %, а VII и VIII – 53 %. В следующем (VII) периоде здесь фиксируются носители другой группы редкоямочной керамики, которые оказываются очень близкими по орнаментальным традициям носителям редкоямочной тонкостенной керамики предшествующего периода (77 %).

Здесь обращает на себя внимание целый ряд моментов. Во-первых, традиции группы с редкоямочной керамикой были во все периоды значительно более монолитны (сходство 77–79 %), чем традиции носителей редкоямочной тонкостенной керамики (53 и 70 %). Во-вторых, в периоды их сосуществования (VII и VIII) между ними имели место интенсивные контакты, в результате которых сходство между их традициями заметно возрастало (с 70 в VII периоде до 83 % в VIII). Даже между VIII периодом группы с редкоямочной тонкостенной керамикой и IX периодом группы с редкоямочной керамикой сходство составляло 81 %.

К этому вопросу я еще вернусь ниже, а сейчас рассмотрим, насколько были сходны орнаментальные традиции этих двух групп населения и носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Прежде всего приходится констатировать, что редкоямочная тонкостенная керамика VI и VII периодов имеет очень низкое сходство с ямочно-гребенчатой керамикой этих же периодов. Только редкоямочная тонкостенная керамика VIII периода обнаруживает достаточно высокое сходство с ямочно-гребенчатой керамикой этого периода (65 %). В это же время примерно такое же сходство имеет ямочно-гребенчатая и редкоямочная керамика (62 %), это сходство заметно возрастает в IX периоде (72 %).

В VIII периоде в регионе уже фиксируются носители волосовской культуры, которые в это время сосуществуют с носителями редкоямочной тонкостенной, редкоямочной и ямочно-гребенчатой керамики. Однако они с ними никак не контактируют: сходство с первыми равно 4 %, со вторыми – 6 %, с третьими – немного выше – 36 %. Следует отметить, что волосовские орнаментальные традиции VIII, IX и X периодов также не отличаются значительным сходством (36 и 43 %) и только в X и XI периодах традиции этой культуры приобретают высокую монолитность: сходство между этими периодами равно 84 %. В IX периоде возрастает близость волосовских и редкоямочных (65 %) и волосовских и ямочно-гребенчатых (74 %) орнаментальных традиций, но в последующий период сходство между последними резко снижается (до 41 %). Создается

печатление, что волосовцы вообще очень слабо контактировали с местным неолитическим населением.

Теперь вернемся к вопросу о неожиданно зафиксированной высокой связи (73 %) между II периодом волго-окской культуры и ранним (VI) периодом развития группы с редкоямочной тонкостенной керамикой. Здесь хотелось бы напомнить два момента: первый – эта связь сильнее, чем связь между разными периодами внутри обеих этих культур (она составляет, соответственно, 64 и 60 %, см. табл. 3); второй – связь между традициями редкоямочной тонкостенной и редкоямочной групп равна 67 % (см. табл. 4) и является наибольшей по сравнению со всеми другими культурами. Отсюда напрашиваются как минимум два важных вывода. Во-первых, возможно, группы с редкоямочной и редкоямочной тонкостенной керамикой – это одно и то же население, а не два разных, во-вторых, возникает вопрос, не были ли они генетически связаны с носителями волго-окской культуры. По крайней мере, такое предположение вполне вероятно в отношении носителей волго-окской и редкоямочной тонкостенной керамики. Если эти предположения верны, то мы здесь имеем дело не с тремя, а с одной или двумя группами неолитического населения в разные периоды своего развития. Пока это только гипотеза, которая нуждается в более детальной разработке и обосновании.

Выводы

В заключение сформулирую основные особенности историко-культурного развития неолитического населения Центра Русской равнины:

I период – время формирования и развития на этой территории древнейшей волго-окской культуры, носители которой орнаментировали свои сосуды редким накольчатым орнаментом, оставляя значительные участки поверхности свободными от декора.

II период – его начало связано с появлением в регионе носителей пришлой с востока (Цетлин, 2007) верхневолжской культуры, принесших с собой традиции почти сплошного декорирования посуды сочетанием тонких гребенчатых («пунктирных») отпечатков, удлинённых гладких и ямочных вдавлений. В результате контактов с волго-окским населением на поверхности их сосудов получают некоторое распространение накольчатые вдавления и участки без орнамента.

III период – в это время носители волго-окской культуры, скорее всего, были ассимилированы более многочисленным верхневолжским населением, в результате чего их орнаментальные традиции становятся еще более разнообразными.

IV период – связан с появлением здесь, вероятно, еще небольшой группы населения, делавшего посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией. Это население вступает в контакт с верхневолжским и, возможно, остатками волго-окского населения, в результате чего на сосудах получает временное распространение накольчатый орнамент.

V период – в это время здесь обитают, вероятно, только какие-то группы культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Допустимо предполагать, что они

немного отличались в культурном отношении от гребенчато-ямочных групп предшествующего времени. В пользу этого свидетельствует резкое уменьшение доли гребенчатого орнамента при полном доминировании ямочного. Носители верхневолжской культуры, скорее всего, были частично ассимилированы пришельцами, а частично вытеснены в западном направлении.

VI период – характеризуется распространением в регионе населения с редкоямочной тонкостенной керамикой, возможно, родственного носителям волго-окской культуры. Судя по тому, что в изученных материалах этого периода не были зафиксированы памятники культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, их носители либо были в это время достаточно малочисленны, либо полностью отсутствовали. В последнем случае допустимо предполагать как минимум две волны распространения здесь носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

VII период – в это время в регионе продолжает бытовать группа населения с редкоямочной тонкостенной керамикой, распространяется родственная ей группа с редкоямочной керамикой и носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, родственные населению этой культуры V периода. Контакты между обеими группами населения с редкоямочной керамикой, с одной стороны, и носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой пока еще очень слабые. С этого периода и до конца своего бытования носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой становятся исключительно монолитными в культурном отношении.

VIII период – к бытующим в регионе группам населения в это время добавляются носители пришлой волосовской культуры. Они пока еще не вступают в контакт с местным населением, но связи групп ямочно-гребенчатого и редкоямочного населения становятся более интенсивными.

IX период – в этот период в регионе фиксируются только носители группы с редкоямочной керамикой, культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской культуры. Между всеми тремя группами контакты становятся значительно более интенсивными, особенно это касается связей ямочно-гребенчатого населения с редкоямочным и волосовским.

X период – в это время в Центре Русской равнины бытуют только носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, которые, вероятнее всего, ассимилировали население с редкоямочной керамикой, и носители волосовской культуры. Контакты между этими двумя группами сильно ослабевают, если вообще сохраняются.

XI период – на исследуемой территории обитают только носители волосовской культуры, которые, вероятно, сосуществуют с какими-то группами фатьяновского и другого населения эпохи палеометалла. Любопытно, что население волосовской культуры на двух заключительных этапах своего развития характеризуется значительной культурной однородностью.

Такой представляется мне сегодня в общих чертах история неолитического населения Центра Русской равнины, реконструированная по данным об орнаментации керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Брюсов А. Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР. 263 с.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. 490 с.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 246 с.
- Жуков Б. С., 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. № 1. С. 54–77.
- Костылева Е. Л., 1987. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранне-неолитической культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.
- Крайнов Д. А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153. С. 57–62.
- Крайнов Д. А., 1981. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. № 2. С. 5–20.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., 1977. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. № 3. С. 42–68.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М., 1973. Древнейшая ранне-неолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. № 5. С. 80–84.
- Ошибкина С. В., 2006. О раннем неолите в лесной зоне // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 248–253.
- Сидоров В. В., 1986. Льяловская культура западной части Волго-Окского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Сидоров В. В., 1998. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 64–74.
- Телегин Д. Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука. С. 59–64.
- Урбан Ю. Н., 1976. К вопросу о ранне-неолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. Л. В. Кольцов и др. М.: Наука. С. 64–70.
- Цетлин Ю. Б., 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. № 4. С. 9–15.
- Цетлин Ю. Б., 1982. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. Вып. 169. С. 7–13.
- Цетлин Ю. Б., 1987. Неолитическая эпоха в Верхнем Поволжье (К проблеме периодизации и хронологии культур) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.). М.: Наука. С. 267–269.
- Цетлин Ю. Б., 1991. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР. 195 с.
- Цетлин Ю. Б., 1996. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 155–163.
- Цетлин Ю. Б., 2007. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): материалы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5–10 августа 2006 г.). Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ. С. 197–208.
- Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.
- Цетлин Ю. Б., 2019. Еще раз о волго-окской ранне-неолитической культуре // Эволюция неолитических культур Восточной Европы: материалы Междунар. конф., посвящ. 120-летию М. Е. Фосса, 110-летию Н. Н. Гуриной и 80-летию А. Т. Синюка. СПб.; Самара: Порто-принт. С. 101–103.
- Энгватова А. В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 238–246.

Сведения об авторе

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Yu. B. Tsetlin

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE CENTER
OF THE RUSSIAN PLAIN DURING THE NEOLITHIC

Abstract. The paper reviews the process of ethnocultural development of the Neolithic population in the Center of the Russian Plain based on the data of ceramics studies as the most frequent source of information at the sites of that time. The paper looks into the history of researching this issue and presents the author's view on these processes based on the studies of ornamental traditions.

Keywords: Neolithic, Center of the Russian Plain, forest belt, ceramics, ornamental traditions, ethnocultural processes.

REFERENCES

- Bryusov A. Ya., 1952. Oчерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху [Essays on history of tribes of European part of the USSR in Neolithic epoch]. Moscow: AN SSSR. 263 p.
- Engovatova A. V., 1998. Khronologiya epokhi neolita Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Chronology of Neolithic epoch of Volga-Oka interfluvium]. *TAS*, 3. Tver': Tverskoy gos. ob'yedinenny muzey, pp. 238–246.
- Kostyleva E. L., 1987. Khronologiya, periodizatsiya i lokal'nyye varianty verkhnevolzhskoy ranneneoliticheskoy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology, periodization and local variants of Upper Volga Early Neolithic culture: PhD thesis. Abstract]. Moscow. 24 p.
- Kraynov D. A., 1978. Khronologicheskiye ramki neolita Verkhnego Povolzh'ya [Chronological framework of Neolithic in Upper Volga region]. *KSIA*, 153, pp. 57–62.
- Kraynov D. A., 1981. K voprosu o proiskhozhdenii volosovskoy kul'tury [On problem of genesis of Volosovo culture]. *SA*, 2, pp. 5–20.
- Kraynov D. A., Khotinskiy N. A., 1977. Verkhnevolzhskaya ranneneoliticheskaya kul'tura [Upper Volga Early Neolithic culture]. *SA*, 3, pp. 42–68.
- Kraynov D. A., Khotinskiy N. A., Urban Yu. N., Molodtsova E. M., 1973. Drevneyshaya ranneneoliticheskaya kul'tura Verkhnego Povolzh'ya [Earliest Early Neolithic culture of Upper Volga region]. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of AS USSR]*, 5, pp. 80–84.
- Oshibkina S. V., 2006. O rannem neolite v lesnoy zone [On Early Neolithic in forest zone]. *TAS*, iss. 6, vol. I. Tver': Tverskoy gos. ob'yedinenny muzey, pp. 248–253.
- Sidorov V. V., 1986. L'yalovskaya kul'tura zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [L'yalovo culture of western part of Volga-Oka interfluvium: PhD Thesis. Abstract]. Moscow. 22 p.
- Sidorov V. V., 1998. Transformatsii i migratsii kul'tur kamennogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Transformations and migrations of Stone Age cultures in forest zone of Eastern Europe]. *TAS*, 3. Tver': Tverskoy gos. ob'yedinenny muzey, pp. 64–74.
- Telegin D. Ya., 1977. Opyt statisticheskogo opredeleniya indeksa rodstvennosti neoliticheskikh kompleksov po elementam ornamenta [Experience of establishing relationship index of Neolithic complexes based on ornamentation elements]. *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki [Issues of archaeology of Eurasia and North America]*. N. L. Chlenova, ed. Moscow: Nauka, pp. 59–64.
- Tsetlin Yu. B., 1980. Nekotoryye osobennosti tekhnologii goncharnogo proizvodstva v bassejne Verkhney Volgi v epokhu neolita [Some features of technology of pottery production in Upper Volga basin in Neolithic epoch]. *SA*, 4, pp. 9–15.
- Tsetlin Yu. B., 1982. Neoliticheskaya keramika stoyanki Ivanovskoye VII [Neolithic ceramics of Ivanovskoye VII site]. *KSIA*, 169, pp. 7–13.
- Tsetlin Yu. B., 1987. Neoliticheskaya epokha v Verkhnem Povolzh'ye (K probleme periodizatsii i khronologii kul'tur) [Neolithic epoch in Upper Volga region (On issue of periodization and chronology of cultures)]. *Zadachi Sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s'yezda KPSS [Tasks of Soviet archaeology in light of decisions of XXVII congress of the CPSU]*. Moscow: Nauka, pp. 267–269.

- Tsetlin Yu. B., 1991. Periodizatsiya neolita Verkhnego Povolzh'ya. Metodicheskiye problemy [Periodization of Neolithic of Upper Volga region. Methodic problems]. Moscow: IA AN SSSR. 195 p.
- Tsetlin Yu. B., 1996. Periodizatsiya istorii naseleniya Verkhnego Povolzh'ya v epokhu rannego neolita (po dannym izucheniya keramiki) [Periodization of history of population of Upper Volga region in Early Neolithic epoch (based on data of ceramics studies)]. *TAS*, 2. Tver': Tverskoy gos. ob'yedinennyy muzey, pp. 155–63.
- Tsetlin Yu. B., 2007. O proiskhozhdenii verkhnevolzhskoy kul'tury [On origin of Upper Volga culture]. *Vliyaniye prirodnoy sredy na razvitiye drevnikh soobshchestv (IV Khalikovskiy chteniya)* [Influence of natural environment on development of early communities (IV Khalikov readings)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI, pp. 197–208.
- Tsetlin Yu. B., 2008. Neolit Tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur [Neolithic of the Centre of Russian plain. Ornamentation of ceramics and method of cultures periodization]. Tula: Grif i K. 352 p.
- Tsetlin Yu. B., 2019. Eshche raz o volgo-okskoy ranneneoliticheskoy kul'ture [Once again of Volga-Oka Early Neolithic culture]. *Evolyutsiya neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Evropy* [Evolution of Neolithic culture of Eastern Europe]. St. Petersburg; Samara: Porto-print, pp. 101–103.
- Urban Yu. N., 1976. K voprosu o ranneneoliticheskikh kompleksakh v Kalininskom Povolzh'ye [On issue of Early Neolithic complexes in Volga region Kalinin vicinities]. *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy* [Eastern Europe in Stone and Bronze Ages]. L. V. Kol'tsov, ed. Moscow: Nauka, pp. 64–70.
- Vybornov A. A., 2008. Neolit Volgo-Kam'ya [Neolithic of Volga-Kama region]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 490 p.
- Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engovatova A. V., 2002. Mezoliticheskiye i neoliticheskiye kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (po materialam stoyanki Ivanovskoye VII) [Mesolithic and Neolithic cultures of Upper Volga region (based on materials from settlement Ivanovskoye VII)]. Moscow: Nauka. 246 p.
- Zhukov B. S., 1929. Teoriya khronologicheskikh i territorial'nykh modifikatsiy nekotorykh neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Evropy po dannym izucheniya keramiki [Theory of chronological and territorial modifications of some Neolithic cultures of Eastern Europe based on data of ceramics studies]. *Etnografiya* [Ethnography], 1, pp. 54–77.

About the author

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

О. Н. Глазунова, А. А. Максимова

ТРОЙНОЙ СОСУД КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. ИЗ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ*

Резюме. В статье описывается необычный сосуд, найденный в Новодевичьем монастыре и состоящий из трех отдельных горшочков, соединенных вместе. Приводятся возможно близкие аналоги. Сделано предположение о возможном предназначении изделия, скорее всего, использовавшегося для подачи на стол приправ.

Ключевые слова: судок, Новодевичий монастырь, коломенский горшок, посуда для приправ.

В 2018 г. Новодевичьей экспедицией ИА РАН (рук. – чл.-корр. РАН Л. А. Беляев) в комплексе двора в северо-восточной части монастыря с хозяйственными постройками, ямами и мощением, а также многокамерным деревянным домом с подполом был найден необычный сосуд. Пол в доме был выстлан керамическими плитками, дом обогревался несколькими изразцовыми печами с терракотовыми (красными) изразцами и погиб в пожаре в первой половине XVII в., возможно, в 1611 г. (Беляев и др., 2019). Публикуемый сосуд обнаружен на одном уровне с остатками сгоревших деревянных сооружений в западной части комплекса (примерно 20 см от бревенчатого настила, ведущего в одну из построек). Большая часть сосуда приобрела в пожаре серый и местами черный цвет; небольшой кусочек отколовшейся и отлетевшей в сторону ручки остался белым, а соприкасающиеся с ним части стали темно-серыми.

Развал лежал в линзе серой супеси с включениями кирпичной крошки и извести к западу от основной жилой постройки комплекса и был окружен зольными и угольными пятнами – следами пожара. Здесь были найдены две серебряные копейки ручной чеканки, выпущенные в правление Ивана IV: первая с отверстием датируется 1547 г., а вторая – 1550-ми гг. Данную линзу

---

* Статья выполнена по плановой теме ИА РАН АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение».

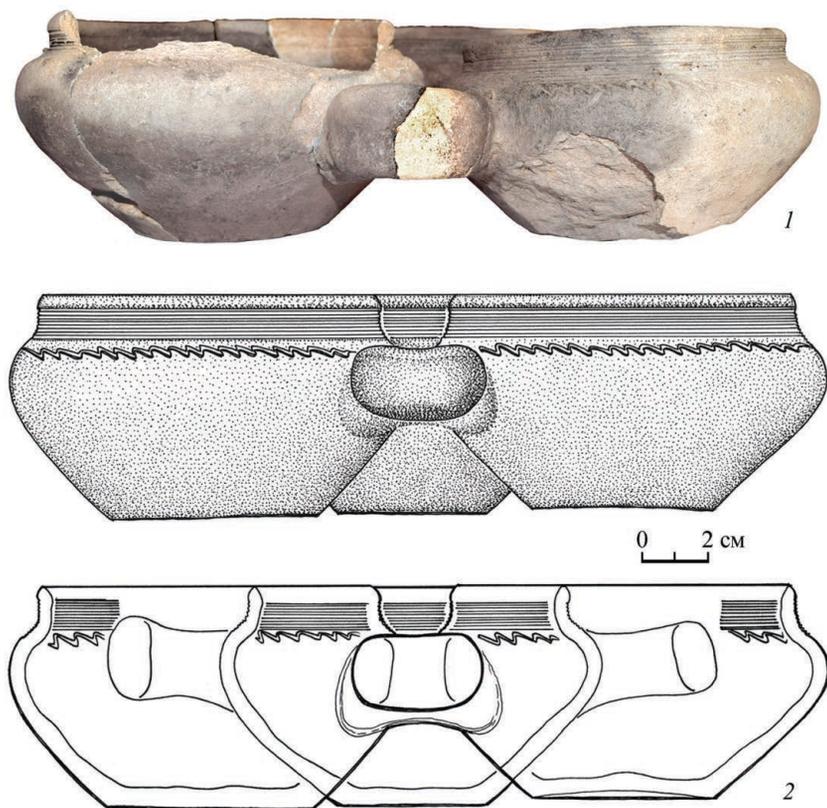
перекрывал слой серой супеси с желтым песком, кирпичным боем, углем и известью, представляющий собой послепожарную засыпку сгоревшего двора, в котором была найдена серебряная копейка ручной чеканки, выпущенная в правление Михаила Федоровича 1624–1625 гг. Выше послепожарной засыпки лежал уже слой I второй половины XVIII в., т. е. после пожара место долгое время не использовалось ни как хозяйственное, ни как жилое. Комплекс двора был выстроен непосредственно на материке у восточной стены первоначальной ограды монастырской территории. Вместе с развалом в линзе найдены еще два разбитых белоглиняных гладких горшка с многорядным спиральным орнаментом по венчику, только большего размера, и чернолощенный кувшин из красножгущейся глины, классического московского облика с небольшим поддоном, плавно расширяющимся округлым туловом, высокой прямой шейкой и довольно широким горлом.

Сосуд образуют три вполне обыкновенных и практически одинаковых горшочка, связанных ручками. Форма, тесто и декор типичны для рубежа XVI–XVII вв. – это белоглиняные гладкие маленькие горшки, украшенные обычно многорядным спиральным орнаментом по венчику, выполненным тонкой палочкой по сырой глине (дополнительный элемент – косая волна по плечу). Их изначально делали в окрестностях Коломны и начали называть «коломенскими», и, хотя в конце XVI в. Москва тоже наладила их производство, название сохранилось: при переписях указывали, что мастер может делать «горшки коломенские»¹. Следует сказать, что сосудов, изготовленных в московских мастерских, встречается значительно меньше, нежели «родных», коломенских. Основное отличие московского товара – несколько иной состав глиняного теста. Москвичи использовали беложгущуюся глину с примесью мелкого песка. На горшках, изготовленных в Коломне, заметить такую примесь невозможно.

Изготовлены горшочки методом ленточного налепа из беложгущейся глины со значительной примесью мелкого песка (не более 0,02 см), т. е., скорее всего, в московской мастерской, что логично для такого особого заказа. На донце нет ни следов подсыпки, ни следов среза. Размеры если не одинаковы, то чрезвычайно близки: высота – 5,2 см, немного разнятся диаметры венчиков (9,5 см, 9,7 см и 10,0 см) и донце (5,5 см, 6,0 см и 6,5 см), хотя визуально различия не читаются (небольшие колебания в размерах вполне допустимы при ручном производстве даже в рамках одной партии). В том же помещении найдено еще несколько подобных горшков, но без дополнительного волнистого орнамента по плечу. Такие маленькие сосудики вряд ли использовали на кухне как варочные, их функцию обычно воспринимают как аналогичную глубоким тарелкам или мискам.

Наш случай иной. Сосуд образуют три горшочка, соединенные на уровне перегиба плечика горизонтальными лепными ручками-петельками (рис. 1). Каплевидно расширяющиеся ручки расположены трилистником между горшками в местах, где плечики отходят друг от друга, и при взгляде сверху образуется трилистник с незаполненным треугольником в центре. Глиняная «лента»,

¹ См., например, приходно-расходную книгу купчины Кормового дворца Трофима Васильева за 1687 г. (*Шмидт*, 1914. С. 64).

Рис. 1. Тройной сосуд

1 – фотография (вид сбоку); 2 – рисунок-реконструкция (выполнена С. В. Борзовой)

из которой сделаны ручки, заходит внутрь трилистника и скрепляет горшки между собой. Следовательно, три горшочка сделали отдельно, хорошо просушили (по крайней мере), а затем скрепили глиняной лентой, из которой сформовали ручки-петельки (рис. 2) На сколах хорошо видно, что ручки слепили отдельно, они не образуют со стенкой горшков единого целого. Но обжигалось изделие целиком: «корочка» внешней поверхности везде единая; вжатая в стенки горшка, как бы «обнимающая» плечики лента откалывалась вместе с куском стенки (хотя и неглубоким).

Типологически такие формы известны этнографам, их называют «двойнята», «спарыши» или «шанки». Эти сосуды также состоят из двух или трех горшков, соединенных ручками; их используют как переносные судки для пищи, в основном во время полевых работ. Однако сами горшки значительно крупнее, выше, с более узким и высоким горлом. Ручки не только скрепляют систему с боков, но имеются и сверху, чтобы сосуд можно было нести в руках. Высота горшков из коллекции Вяземского историко-краеведческого музея (СМЗ/В-5086

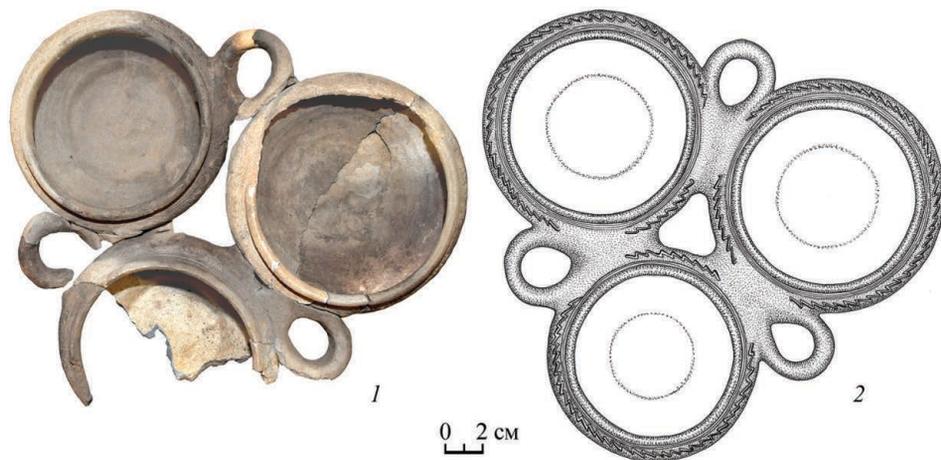

Рис. 2. Тройной сосуд

1 – фотография (вид сверху); 2 – рисунок-реконструкция (выполнена С. В. Борзовой)

и ВИКМ-5247/1)² – 12,0 и 14,5 см (без учета верхней ручки), притом что диаметр горлышка составляет 9,0 и 11,0 см, а диаметр дна – 8,1 и 8,2 см. Подобный горшок XVII в. найден в Моравии и при раскопках (Renesanční..., 1998. Р. 91). Однако в связке горшочков из Новодевичьего монастыря перенести пищу на более или менее дальнее расстояние невозможно.

Другой известный вариант соединенных вместе сосудов – старинные сковородки для яиц. В России они известны только из металла, в Западной Европе встречаются и глиняные сковородочки на ножках, соединенные по две, с единой ручкой. Однако и на них наш сосуд мало похож: сковорода – открытый сосуд, часто с довольно длинной ручкой, чтобы удобнее ставить на огонь.

Маленькие горшочки до сих пор используют в северных деревнях для масла, уксуса и других приправ³. Возможно, и сосудик из Новодевичьего монастыря служил для подачи на стол неких приправ одновременно. Каких именно, можно только гадать, но вряд ли это соль, перец или другие сыпучие продукты – горшочки слишком крупные. Скорее, действительно, масло, уксус, горчица, сметана, какие-то жидкие соусы.

В письменных источниках того времени сведения о посуде для приправ крайне немногочисленны. Есть запись в Домострое о столовых сосудах, где в числе прочего названы: «уксусницы, перечники, росолници, солоницы» (Домострой, 1994. С. 14). В росписи царских кушаний 1610–1613 гг. имелись уксусница, перечница, солоница, горчичник (Роспись..., 1841. С. 426–438). И. Е. Забелин добавляет к этому хреноватик (Забелин, 2014. С. 428). Если такие предметы

² Сердечно благодарю за предоставленные сведения главного хранителя Вяземского историко-краеведческого музея Ю. В. Петрову.

³ Материалы экспедиции автора. Вологодская обл., Борисово-Судский р-н, с. Новая Старина. Информатор – Папьева Ида Алексеевна, 1925 г. р. Запись 16.07.2008.

были собраны вместе, их, возможно, называли судками. В описи имущества вологодского архиепископа 1663 г. (Опись... Л. 6) упомянуты «Судки столовые четвертные, серебряные, резные, золочены местами: солоница да перешница, да два укусуника»; есть судки и в «Записке о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войсках, городах и прочее» (Записка..., 1841. С. 423). Примерно таких размеров и форм, как у любого из составляющих сосуд горшочков, были сосуды для горчицы, распространенные в Западной Европе. Подобный сосуд имеется, например, в коллекции музея Museum Baumanns-van Beuningen в Роттердаме, инвентарный номер F 5722 (Pre-industrial... Р. 180).

Важно отметить, что в целом состав найденной при раскопках двора посуды неординарен. Посуда московского облика, типичная для городского слоя этого времени, включает белоглиняную грубую (крупные тарные кувшины с рельефным пояском и украшенными нарезкой ручками), белоглиняную гладкую (горшки со спиральным орнаментом по венчику, разных размеров и назначений, от небольших, аналогичных по размеру вышеописанным, до крупных тарных и варочных), ангобированную и чернолощеную (миски, горшки, кувшины, фляги, кубышки).

Предметы немосковского облика имеют разное происхождение. Несколько поливных сковородок-триподов, кружек и столовых горшочков, с рельефными узорами под зеленой и коричневой поливой – западноевропейского облика. Три небольшие китайские фарфоровые чашечки (или пиалы). Краснолощенная кубышка с высокой тонкой шейкой, какие встречаются преимущественно в западных районах Московского государства. Маслобойки с двумя характерными ручками-ушками – с южных территорий (Рязанская и Тульская земли). Найдены также не менее двух изысканных поливных белоглиняных кумганов, декорированных разнообразной штамповкой под золотистой (желто-коричневой) поливой и с мембраной на горлышке. Такое разнообразие нетипично для двора обычного горожанина, но оно образует отличный контекст для нашего сосуда.

Видимо, этот керамический набор не случаен. В основном это столовая, нарядная и, видимо, сравнительно дорогая посуда. Ее закупают или заказывали в соответствии со вкусами будущего владельца, и выборка определена его предпочтениями. Наш сосуд, возможно, специально заказали местному гончару с целью заменить отсутствующую или, что вероятнее, разбитую, но привычную для владельца часть столового набора. Мастер выполнил заказ, используя имеющиеся средства и приспособив к изготовлению предмета привычные ему в производстве «коломенские» горшочки, дополнив необходимыми элементами крепления.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г., 2019. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // РА. № 4. С. 177–192. Домострой. СПб.: Наука, 1994. 400 с.
- Забелин И. Е., 2014. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Ин-т русской цивилизации. 1047 с.
- Записка о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войсках, городах и пр. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 422–425.

Опись имущества архиерейского дома за 1663 год // Государственный архив Вологодской области. Ф. 883. Оп. 1. Д. 37.

Роспись царским кушаньям (1610–1613) // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 426–438.

Шмидт Е., 1914. Гончарное искусство в древней Руси // Баян. № 2. С. 64

Pre-industrial utensils, 1150–1800 by Museum Boijmans-van Beuningen. Published January 1st 1993 by Univ. of Washington Pr, 304 p.

Renesanční Olomouc v archeologických nálezech. Sklo, slavnostní keramika a kachle. Archeologické výzkumy Památkového ústavu v Olomouci 1973–1996: Katalog výstavy (1998) / H. Sedlackova. Olomouc: Památkový ústav v Olomouci, 1998. 111 s.

Сведения об авторах

Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Максимова Анастасия Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: anastasya.maksimova@gmail.com

O. N. Glazunova, A. A. Maksimova

THE THREE-PART VESSEL DATING TO THE END OF THE 16th – FIRST HALF OF THE 17th CENTURIES FROM THE NOVODEVICHYIY CONVENT

Abstract. The paper describes an unusual vessel found in the Novodevichy Convent that consists of three separate pots linked together. Close analogies are provided. One of the suggestion is that, most likely, this vessel was placed on the table to serve condiments to the diners.

Keywords: set of castors, Novodevichiy Convent, Kolomna pot, dishes for condiments.

REFERENCES

Belyayev L. A., Glazunova O. N., Grigoryan S. B., Elkina I. I., Shulyayev S. G., 2019. Arkheologiya Moskovskogo Novodevich'yego monastyr'ya: pervyye itogi [Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results]. *RA*, 4, pp. 177–192.

Domostroy [Domostroy. Book of Domestic Orders]. St. Petersburg: Nauka, 1994. 400 p.

Opis' imushchestva arkh'yereyskogo doma za 1663 god [Inventory of property of bishop's house for 1663]. *Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti [State archive of Vologda region]*. (In Russian, unpublished.)

Pre-industrial utensils, 1150–1800 by Museum Boijmans-van Beuningen. Published January 1st 1993 by Univ. of Washington Pr, 304 p.

Renesanční Olomouc v archeologických nálezech. Sklo, slavnostní keramika a kachle. Archeologické výzkumy Památkového ústavu v Olomouci 1973–1996: Katalog výstavy. H. Sedlackova, comp. Olomouc: Památkový ústav v Olomouci, 1998. 111 p.

Rospis' tsarskim kushan'yam (1610–1613) [List of tsar's meat (1610–1613)]. *Akty istoricheskiye, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey [Historic acts collected and edited by Archaeographic commission]*, 2. St. Petersburg, 1841, pp. 426–438.

Schmidt E., 1914. Goncharnoye proizvodstvo v drevney Rusi [Pottery production in ancient Russia]. *Bayan [Bayan]*, 2, pp. 64.

- Zabelin I. E., 2014. Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh [Domestic life of Russian tsars in XVI and XVII centuries]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. 1047 p.
- Zapiska o tsarskom dvore, tserkovnom chinonachalii, pridvornyykh chinakh, prikazakh, voyskakh, gorodakh i pr. [A note on Royal court, Church officials, court ranks, offices, troops, cities etc.]. *Akty istoricheskiye, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey* [Historic acts collected and edited by Archaeographic commission], 2. St. Petersburg, 1841, pp. 422–425.

About the authors

Glazunova Olga N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru;

Maksimova Anastasya A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: anastasya.maksimova@gmail.com

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. Б. Медникова

ЛЕТАЛЬНЫЕ ТРАВМЫ ГОЛОВЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Резюме. Современные методы радиологии и визуализации сегодня вносят существенный вклад в изучение смертельных ранений у представителей разных археологических культур. В эпоху бронзы самым грозным оружием стал боевой топор. Настоящая статья посвящена применению метода микротомографии в описании некоторых впервые найденных травм на черепках из Пепкинского коллективного захоронения (абашевская археологическая культура, Среднее Поволжье). Наши данные позволяют оценить некоторые последствия применения боевых топоров и их тип. Трехмерные виртуальные реконструкции несквозных повреждений свода черепа, причиненных боевыми топорами, позволяют определить форму ударного края, которая имеет диагностическую ценность. Одновременно производились эксперименты по использованию боевого топора абашевского типа. Получены отпечатки в пластике ударов под разными углами. После микротомографии сопоставлялись 3D-виртуальные изображения ударного края оружия и травм черепа. Главный вывод данной работы заключается в констатации гибели пепкинских мужчин под ударами абашевских боевых топоров. Это означает существование возможного внутриплеменного конфликта в этой культурной общности.

Ключевые слова: эпоха бронзы, абашевская культура, Пепкинский курган, травмы черепа, микротомография, боевой топор, экспериментальная биоархеология.

Введение

В «археологическом» прошлом человечества очень часто встречаются проявления насилия. Изучая скелетные останки, поступающие из раскопок, палеопатологи и археологи могут оценить печальный опыт древних культур, в частности, описывая случаи боевых ранений и травм.

Всемирная организация здравоохранения разработала экологическую модель насилия, т. е. универсальную социальную шкалу, включающую военные действия как форму коллективного насилия. Эта шкала классифицирует эпизоды,

возникающие между группами и нациями по причинам неравного доступа к власти, социального расслоения, контроля за ресурсами отдельной могущественной группы или быстрых демографических изменений (Redfern, 2017. P. 6).

Термин «война» до сих пор применяется антропологами, социологами и культурологами с большими оговорками. Это целиком зависит от контекста событий. Обычно под войной понимают период открытого вооруженного конфликта между государствами и нациями, противостояние «до победного конца». Она отличается от других конфликтов, в которых конкурирующие стороны могут прибегать к оружию как к главному аргументу. Соответственно, война – это прерогатива государственных образований, она отлична по масштабам от столкновений между племенами и другими группами (Ibid. P. 7).

В арсеналах племенных конфликтов – засады, внезапные нападения и открытые вооруженные стычки. Специалистами исследованы основные факторы племенных противостояний: борьба за (личную) свободу, за доступ к ресурсам, при переходе к оседлости или под влиянием изменений окружающей среды (опять же влияющих на доступ к ресурсам) (Ferguson, 2008).

Археологический источник служит основой информации об уровне насильственных действий в прошлом. Находки оружия позволяют понять способы ведения военных действий в разные эпохи. Параллельные исследования человеческих останков со следами травм способствуют пониманию губительных результатов применения такого оружия.

Биоархеологическое, т. е. контекстуальное, рассмотрение подобных случаев (артефактов и скелетных повреждений) все чаще подразумевает экспериментальный подход.

Ярким примером может служить недавняя реконструкция орудий, использовавшихся в кровавых столкновениях неолитическими земледельцами Европы (Dyer, Fibiger, 2017). Травмы черепа, причиненные тупым предметом, часто фиксировались исследователями европейского неолита, что служило для антропологов мерилom социальной агрессии в ту эпоху. Вместе с тем связь этих повреждений с конкретным оружием до последнего времени выявлена не была. В недавней экспериментальной работе шотландских биоархеологов для реконструкции преисторических событий была использована синтетическая полиуретановая модель, названная «кожа-череп-мозг», т. е. наиболее соответствующая по своим биомеханическим характеристикам анатомическим особенностям головы человека. Также была изготовлена реплика деревянной палицы из Темзы (т. н. the Thames Beater, прямая датировка 4660 ± 50 BP – Beta-117088 (Ibid. P. 6)), с помощью которой были получены следы повреждений на синтетической модели. Экспериментальные «травмы» сравнивались с результатами изучения антропологической серии из раскопок археологического комплекса Аспарн-Шлетц в Австрии, где, согласно предположению палеопатологов, было применено сходное оружие (Teschler-Nicola, 2012. P. 107). Эксперимент подтвердил, что травмы черепа причинялись деревянными дубинками, имевшими широкое распространение у населения культур линейно-ленточной керамики в континентальной и островной Европе.

В эпоху бронзы главным смертоносным оружием становится боевой топор. Предлагаемая публикация посвящена новым методическим аспектам в изучении

результатов его применения. Эта работа стала возможной благодаря развитию в последние годы методов радиологии и трехмерной визуализации. В качестве примера мы использовали оригинальные данные микротомографического обследования уникальной антропологической коллекции из раскопок Пепкинского кургана, относимого к средневолжскому варианту абашевской культуры (*Халиков и др.*, 1966).

Публикация полного описания всех травм пепкинских абашевцев, заново изученных при помощи микротомографии, еще предстоит. Однако сейчас мы фокусируем внимание на впервые обнаруженных несквозных краниальных повреждениях, изучение объемной формы которых позволяет определить форму применявшихся в вооруженном столкновении топоров. Одновременно была проведена серия экспериментов с получением отпечатков от боевого топора абашевского типа. Соотнесение трехмерных изображений может способствовать ответу на вопрос, кто был убийцей группы молодых мужчин абашевского племени около четырех тысяч лет назад.

Методы и материал

В данном исследовании образцы были подвергнуты сканированию на рентгеновском микротомографе HELISCAN («Системы микроскопии и анализа», Москва). Он позволяет получать единичную рентгеновскую проекцию образца (при ускоряющем напряжении от 20 до 160 кВ); круговую томографию образца (с пространственным разрешением до 0,8 мкм), а также спиральную томографию (с пространственным разрешением до 0,8 мкм); томографию по траектории «двойная спираль» (с пространственным разрешением до 0,8 мкм), по итеративной траектории (с пространственным разрешением до 0,8 мкм); выполнять непрерывную томографию образцов с соотношением длина/диаметр более 1:1 (до 8 см) и реконструкцию томографических данных по алгоритмам FBP и Multigrad с коррекцией сдвига образца и увеличения жесткости пучка, визуализацию 2D (виртуальных сечений) томографических данных.

В антропологической выборке из Пепкинского кургана присутствуют двенадцать черепов разной степени сохранности, в 1960-х гг. отреставрированных Г. В. Лебединской при помощи специальной мастики. Для удержания формы и состыковки изолированных фрагментов мастика часто наносилась на внешнюю и внутреннюю поверхности краниумов, прежде всего, поврежденных. Применение микротомографии позволило нам виртуально «очистить» эти поверхности и обнаружить незаметные под реставрационной мастикой дефекты. Большинство из ранее визуально определенных травм (*Медникова, Лебединская*, 1999; *Медникова*, 2001) носит сквозной характер, т. е. имеют входное отверстие на поверхности и расширение со стороны эндокрана, что указывает на огромную силу воздействия применявшихся в боевом столкновении топоров. Однако благодаря микротомографии впервые удалось выявить последствия некоторых несквозных повреждений, описанию которых и будет посвящена данная конкретная работа.

На втором этапе исследовались трехмерные отпечатки ударного лезвия топора абашевского типа из раскопок Малокизильского селища (см.: *Сальников*,

1954)¹. Отпечатки были получены нами под разными углами в отверждающемся пластилине², нагретом затем для сохранения формы до температуры свыше 110 °С. Пластина с отпечатками была подвергнута радиологическому сканированию, трехмерные искусственные «травмы» – процедуре сегментации.

На заключительном этапе исследования мы сравнивали последствия несквозных повреждений черепа и экспериментальные результаты. При работе с изображениями использовалась программа PerGeos³.

Результаты

Осмотр сквозных краниальных повреждений не дает возможности для детального определения формы оружия. Возможно, это связано с большим весом этих изделий. Определенный нами вес топора с Малокизильского селища (однотипного топорам самих пепкинских абашевцев, если судить по литейной форме, найденной в кургане) составил 953 грамма. Длина топора – 207 мм, высота лезвия – 50 мм, ширина ударного края – порядка 6 мм, в наиболее заостренной части лезвие достигает 0,3 мм.

Как уже отмечалось выше, подавляющее число травм черепа, полученных абашевскими мужчинами, захороненными коллективно в Пепкинском кургане, представляют собой сквозные отверстия. Тем не менее более детальное рассмотрение при помощи микротомографии выявляет последствия ранений, которые оказались более поверхностными. Подобное было возможным, когда жертва нападения пыталась сопротивляться, отпрянула, или удар пришелся по касательной. Но, по-видимому, даже «легкий» несквозной удар боевым топором, вследствие большой тяжести этого предмета, мог вызвать биомеханическую «волну» изменений в прилегающей толще костной ткани. Эти изменения сами по себе не были смертельными, но, по-видимому, именно их изучение может дать ответ о типе применявшегося оружия.

Индивидуум № 3 (череп № 76).

В ходе сражения многие пепкинские абашевцы испытали многочисленные удары, нацеленные в голову.

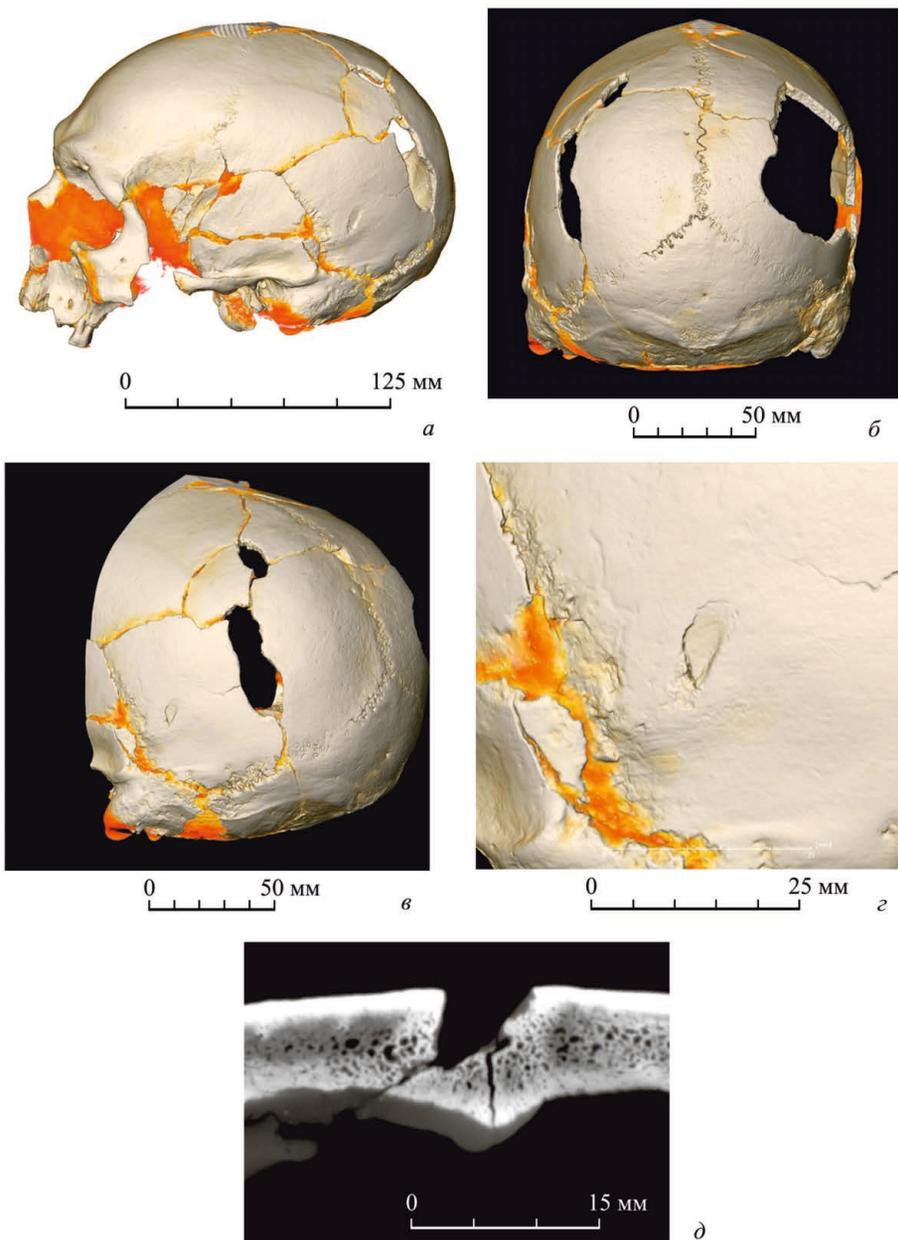
Так, судя по визуальным наблюдениям, у молодого мужчины под № 3 из коллективного захоронения в Пепкинском кургане «в центральной части левой теменной кости локализовано отверстие овальной формы (29 мм в длину, 11 мм в ширину). Наружный контур входного отверстия несколько уже внутреннего. От отверстия проходят сквозные трещины. На этой же теменной кости наблюдаются еще два дефекта. Незаживший импрессионный перелом наружной костной пластинки (длина – 15 мм, ширина – 6 мм) и удлиненное сквозное отверстие

---

¹ Я пользуюсь случаем принести глубокую благодарность Сергею Владимировичу Кузьминых (ИА РАН) за содействие в проведении этого исследования.

² Производство компании Стедтлер (Staedtler), Германия.

³ Я благодарна Юлии Дмитриевне Троицкой (СМА) за помощь в обработке виртуальных изображений.

Рис. 1. Пепкинский курган. Результаты микрофотографии черепа индивидуума № 3

а – виртуальная трехмерная реконструкция с поверхностным дефектом от боевого топора в задненижнем квадранте левой теменной кости; *б* – сквозные травмы от боевого топора (левая теменная кость); в центре стреловидного шва обнаружен еще один несквозной дефект, который пересекает обширная трещина; *в* – поверхностная и сквозные травмы от топора, фронтальная проекция; *г* – поверхностная травма с увеличением; *д* – виртуальный вертикальный срез через область сагиттального шва запечатлел форму лезвия боевого топора; в полость эндокрана отходят образовавшиеся при травматизации трещины

в форме восьмерки (длина – 51 мм), внутренние края которого несколько расширены по сравнению с наружным контуром. От отверстия отходят три сквозные трещины. Таким образом, можно реконструировать 4 удара, по-видимому, топором, пришедшихся на левую теменную кость. Первый удар был скользящим, но три последующих способствовали образованию сквозных повреждений и целой сети разломов. Два последних удара слились воедино, образовав «восьмерку» (длина верхнего овала составляла примерно 26 мм, нижнего – 30 мм, верхняя ширина – 13 мм, нижняя – 16 мм). Скорее всего, удары нанесены одним и тем же орудием, но под разным углом, поэтому форма дефектов несколько отличается (*Медникова*, 2001. С. 194, 195). Также на правой теменной кости наблюдается обширное сквозное отверстие неправильной формы. Длина его – 87 мм, высота – 66 мм. Задний край и, возможно, участок нижнего контура повреждения, по-видимому, несут следы намеренного воздействия.

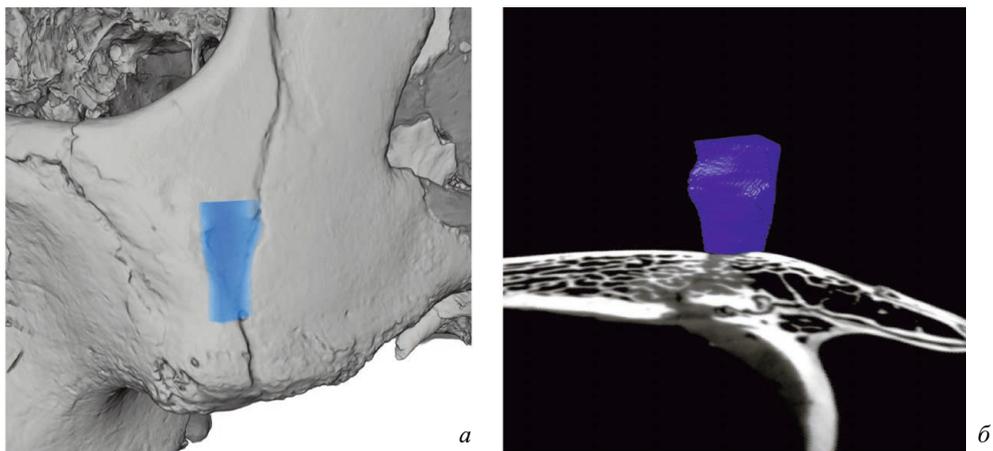
После микрофотографического обследования внимание привлекает поверхностный дефект овальной формы в задненижнем квадранте левой теменной кости (рис. 1). Судя по всему, этот удар мог быть первым. Жертва стояла лицом к лицу с нападавшим, который бил справа в височную область, пыталась уклониться, но неизбежно была оглушена, обездвижена, могла упасть, после чего ее добивали другими ударами в голову. О серьезнейших последствиях даже несквозного удара боевым топором говорит виртуальный поперечный срез в верхней части свода черепа по линии стреловидного шва (рис. 1: *д*): удар вызвал «волну» в толще свода черепа, спровоцировав серьезнейшие нарушения морфологической структуры, и образовал глубокие сквозные трещины, открытые в полость эндокрана. На этом виртуальном срезе хорошо видна форма заостренного ударного края топора, оставившего вертикальный след подтреугольной формы.

Индивидуум № 21 (череп 84).

В затылочной части свода черепа этого человека было ранее описано стреляное отверстие округлой формы, по-видимому, ставшее смертельным (Там же. С. 198).

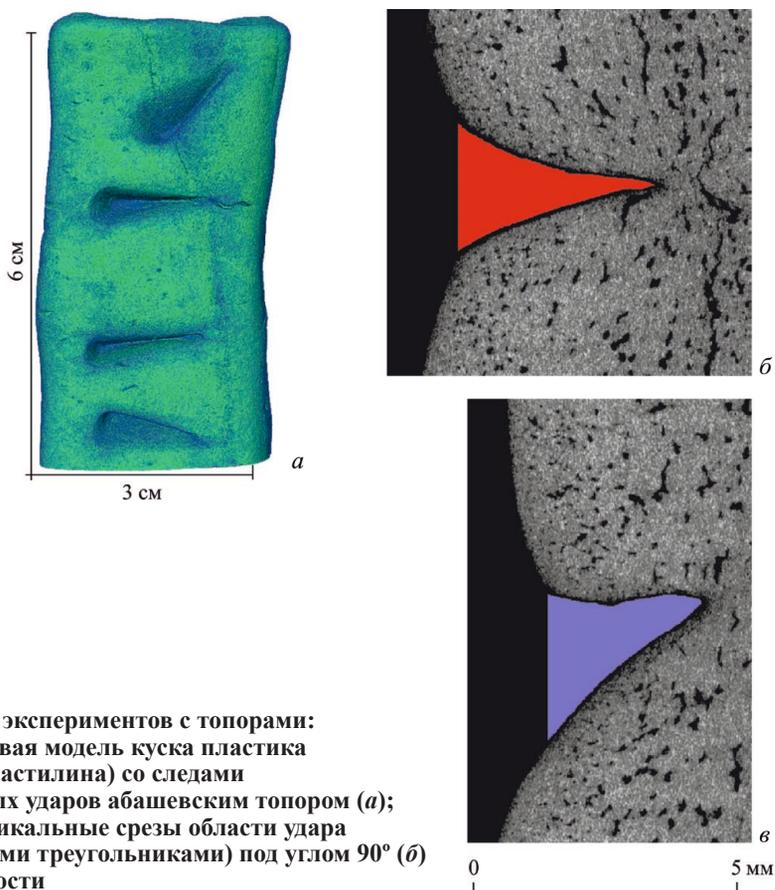
Но теперь мы обнаружили при микрофотографии результаты «легкого» удара в левую скуловую область, оставившую дефект подтреугольной формы (рис. 2: *а*). Подвергшаяся воздействию костная ткань испытала «волновое» воздействие и частично запечатлела форму оружия нападения (рис. 2: *б*). И так, вновь можно воссоздать картину лобового столкновения и попытку отпрянувшей жертвы его избежать.

После томографии отвержденного пластилина нами была получена серия виртуальных 3D- и 2D-изображений «ударов» боевым топором абашевского типа, нанесенных под разными углами (рис. 3). Особого внимания заслуживают изображения, полученные в результате ударов под углом 90° и 45°, по разным осям. Как можно убедиться, форма травмы на черепе № 76 (рис. 1: *д*) больше всего соответствует последствиям от удара топора абашевского типа под углом 45° (рис. 3: *в*).

**Рис. 2. Пепкинский курган.
Результаты микротомографии черепа индивидуума № 21**

а – поверхностная травма в левой скуловой области; *б* – область вхождения краешка лезвия боевого топора

Рис. 3. Результаты экспериментов с топорами:
трехмерная цифровая модель куска пластика (отвержденного пластилина) со следами экспериментальных ударов абашевским топором (*а*); виртуальные вертикальные срезы области удара (отмечены цветными треугольниками) под углом 90° (*б*) и 45° (*в*) к поверхности

Обсуждение

Применение неdestructивных (радиологических) методов помогает объективно подходить к оценке травм в биоархеологии. Современные подходы позволяют предложить новое прочтение давно ставших хрестоматийными материалов из раскопок Пепкинского кургана.

Уже первыми исследователями было высказано предположение, что похороненные в коллективном погребении мужчины были убиты одновременно, попав в засаду или во время ночлега. «Врагам первоначально удалось одержать победу, и они почти у всех убитых отрубили головы. Но торжество победителей было недолгим – подоспевшие соплеменники убитых сумели отбить тела погибших» (Халиков и др., 1966. С. 17). Человеческие останки со следами летальных травм и декапитаций, найденные при раскопках Пепкинского кургана, курганов 5 и 9 Абашевского могильника, кургана 2 у деревни Бишево-Катергино интерпретировались как свидетельство враждебных отношений абашевцев с другими племенами Среднего Поволжья в эпоху бронзы (Там же. С. 18, 19).

Но кто были враги средневожских абашевцев? Ответить на этот вопрос можно, установив тип топоров, которые использовались нападавшими.

Собственно абашевские топоры определяются как узковислобушные, грацильные с дуговидным абрисом, широким изогнутым клинком, сильно скошенной верхней гранью обуха, четким перегибом в профиле, отделяющим обушную часть от клинка (Дегтярева, 1999. С. 29).

Они заметно отличаются от фатьяновских, специфическим признаком которых является овальное сечение клина, так как этот топор не имеет граней. В свою очередь, клин ямного топора был граненый, а в сечении прямоугольный (Кузьмина, 2003. С.95). Добавим, что у абашевских топоров был более тонкий и заостренный ударный конец (Там же. С. 101. Рис. 4), по сравнению с относительно закругленными лезвиями фатьяновских или ямных топоров. Понятно, что следы от ударов такими топорами должны были отличаться по форме.

В этой связи нельзя не отметить идентичность последствий травмы на черепе индивидуума № 3 из Пепкинского кургана полученным в ходе эксперимента слепкам при «ударе» абашевским топором под углом 45°.

Таким образом, результаты нашей работы с большей вероятностью свидетельствуют не о межплеменном конфликте, а о сложной ситуации внутри одной культурной группы.

Предпринятое недавно изотопное исследование прижизненной мобильности пепкинских абашевцев позволило обрисовать очень широкий «домашний ландшафт» этой группы средневожского населения (Медникова, 2018). Собственно, при анализе соотношения изотопов стронция удалось выяснить, что эти люди – «неместные» для территории Горно-Марийского района, где они были похоронены. Примерно до 10 лет они, будучи практически ровесниками, жили в местности с существенно более низкими изотопными сигналами, соответствующими более западному ареалу проживания абашевцев в бассейне Оки. Однако последние годы жизни, т. е. отрочество и юность большинство из них прожили в геохимических условиях Среднего Поволжья, для которых характерны очень высокие изотопные сигналы.

В этой группе выделяются два молодых человека, по-видимому, выросшие отдельно от остальных (№ 12 и 5). Про одного из них, индивидуума № 12, удалось получить данные, свидетельствующие о стабильной геохимической обстановке на протяжении всей его жизни, а значит, об относительной «оседлости» этого человека. Похожий изотопный сигнал встречен при анализе контрольного образца из урочища Бардицы (на противоположном берегу Волги). Впрочем, дополнительное исследование контрольных образцов, характеризующих окружающую среду на месте раскопок Н. А. Кренке в Подмоскovie (*Кренке*, 2014), позволило нам получить аналогичные изотопные сигналы, что может также указывать на западное происхождение этих индивидуумов.

С другой стороны, двадцатилетний кузнец-литейщик из Пепкинского кургана после детства в кругу товарищей или родственников юные годы провел в геохимических условиях, соответствующих степным районам Южного Урала. Здесь нельзя не вспомнить результаты исследования Е. Н. Черных (*Черных*, 1970. С. 154) о происхождении металла некоторых изделий, найденных в Пепкинском кургане, из Таш-Казганского месторождения меди.

Возвращаясь к теме насильственной гибели пепкинских абашевцев, отметим, что прижизненные перемещения на сотни километров на протяжении очень ограниченного временного отрезка могут указывать на кризисную ситуацию, на которую выпало время жизни этих людей, погибших очень молодыми. В глобальном смысле это могло быть связано с резким изменением климата, спровоцировавшим миграцию абашевского населения через территории Брянской, Московской, Ярославской областей (*Кренке*, 2014; *Луньков, Энговатова*, 2003; *Мимоход*, 2018).

Кризис порождает конкурентные отношения, в том числе в однокультурной среде. Возможно, пепкинские абашевцы на протяжении нескольких лет заняли стратегическую позицию в горах Марий Эл, контролируя важные пути с запада на восток, к рудным месторождениям. В борьбе за ресурсы внутриплеменные конфликты могли обостриться.

Заключение

Исследование антропологической коллекции из Пепкинского кургана абашевской культуры эпохи средней бронзы методом микротомографии позволило выявить и описать новые последствия несквозных краниальных повреждений, причиненных боевыми топорами. Применение современных методов трехмерной и двухмерной визуализации предоставило возможность определить форму ударного края применявшегося оружия. Параллельно были произведены эксперименты, связанные с получением отпечатков узковислообушного топора абашевского типа. Производилось сопоставление виртуальных цифровых копий травм черепа и экспериментальных повреждений. Результаты данной работы свидетельствуют о высокой вероятности гибели группы молодых мужчин из Пепкинского кургана под ударами абашевских топоров. Применение новых методов анализа позволяет уточнить интерпретацию этого археологического памятника и выдвинуть предположение о возможности конфликтной ситуации внутри абашевского социума.

ЛИТЕРАТУРА

- Дегтярева А. Д.*, 1999. Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // ВИАЭ. № 2. С. 30–38.
- Кренке Н. А.*, 2014. Абашевская находка в долине Москвы-реки // АП. Вып. 10 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 29–35.
- Кузьмина О. В.*, 2003. К вопросу о происхождении бронзовых топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: мат. междунар. науч. конф. (Чебоксары, 26–30 мая 2003 г.) / Ред. О. В. Кузьмина. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук. С. 92–103.
- Луньков В. Ю., Энгватова А. В.*, 2003. Курганный могильник Орлово 1 (абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат. междунар. науч. конф. (Чебоксары, 26–30 мая 2003 г.) / Ред. О. В. Кузьмина. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук. С. 193–197.
- Медникова М. Б.*, 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир. 304 с.
- Медникова М. Б.*, 2018. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 253. С. 378–389.
- Медникова М. Б., Лебединская Г. В.*, 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В. И. Гуляев и др. М.: Восточная литература. С. 200–216.
- Мимоход Р. А.*, 2018. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. № 2. С. 33–48.
- Сальников К. В.*, 1954. Абашевская культура на Южном Урале // СА. Вып. XXI. С. 52–94.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.*, 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 48 с.
- Черных Е. Н.*, 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 180 с.
- Dyer M., Fibiger L.*, 2017. Understanding blunt force trauma and violence in Neolithic Europe: The first experiments using a skin-skull-brain model and the Thames Beater // Antiquity. Vol. 91. Iss. 360. P. 1515–1528.
- Ferguson C. J.*, 2008. An evolutionary approach to understanding violent antisocial behavior: diagnostic implications for a dual process etiology // Journal of Forensic Psychology Practice. Vol. 8. Iss. 4. P. 321–343.
- Redfern R. C.*, 2017. Injury and trauma in bioarchaeology. Interpreting violence in past lives. Cambridge: Cambridge university press. 329 p.
- Teschler-Nicola M.*, 2012. The Early Neolithic site Asparn/Schletz (Lower Austria): anthropological evidence of interpersonal violence // Stick, Stones, and Broken Bones: Neolithic Violence in a European Perspective / Eds.: R. Schulting, L. Fibiger. Oxford: Oxford University Press. P. 101–120.

Сведения об авторе

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: medma_pa@mail.ru

M. B. Mednikova

LETHAL HEAD TRAUMAS OF THE BRONZE AGE
(NEW METHODS OF STUDY)

Abstract. Today modern radiological and visualization techniques make great impact on the study of lethal wounds among representatives of different archaeological cultures. Battle axes became the most dangerous weapon of the Bronze Age. The current paper is devoted to description of some newly discovered cranial injuries from Pepkino mass grave

(Abashevo archaeological culture, the Middle Volga area) with use of microtomography. Our data help to evaluate some consequences of battle axes use and evaluate its type. 3D reconstructions of some non exit wounds caused by axes allow estimate form of striking edge, which seems to be diagnostic. At the same time we experimented using the battle axe of the Abashevo type. Impressions of the strikes made at different angles were obtained on the plastic. After microCT were made scanning 3D virtual images of the weapon striking edge and the skull traumas were compared. The main conclusion of the analysis is that the Pepkino males were killed by Abashevo battle axes. This implies a possible conflict within the population group of this archaeological culture.

Keywords: Bronze Age, Abashevo culture, Pepkino kurgan, cranial trauma, battle axe, microtomography, 3D reconstructions, battle axe, experimental bioarchaeology.

REFERENCES

- Chernykh E. N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [Earliest metallurgy of Urals and Volga region]. Moscow: Nauka. 180 p.
- Degtyareva A. D., 1999. Metall Kondrashkinskogo kurgana epokhi bronzы [Metal from Kondrashkinskiy Bronze Age kurgan]. *VAAE*, 2, pp. 30–38.
- Dyer M., Fibiger L., 2017. Understanding blunt force trauma and violence in Neolithic Europe: The first experiments using a skin-skull-brain model and the Thames Beater. *Antiquity*, vol. 91, iss. 360, pp. 1515–1528.
- Ferguson C. J., 2008. An evolutionary approach to understanding violent antisocial behavior: diagnostic implications for a dual process etiology. *Journal of Forensic Psychology Practice*, vol. 8, iss. 4, pp. 321–343.
- Khalikov A. Kh., Lebedinskaya G. V., Gerasimova M. M., 1966. Pepkinskiy kurgan (Abashevskiy chelovek) [Pepkino kurgan. The Abashevo man]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 48 p.
- Krenke N. A., 2014. Abashevskaya nakhodka v doline Moskvyy-reki [Abashevo culture find in Moskva River valley]. *AP*, 10. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–35.
- Kuz'mina O. V., 2003. K voprosu o proiskhozhdenii bronzovykh toporov abashevskogo tipa [On the issue of origin of bronze axes of Abashevo type]. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitiye, nasledie* [Abashevo cultural historical entity: origins, development heritage]. O. V. Kuz'mina, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gos. institut gumanitarnykh nauk, pp. 92–103.
- Lun'kov V. Yu., Engovatova A. V., 2003. Kurgannyy mogil'nik Orlovo 1 (abashevskaya kul'tura v Volgo-Okskom mezhdurech'ye) [Kurgan cemetery Orlovo 1 (Abashevo culture in Volga-Oka interfluvium)]. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitiye, nasledie* [Abashevo cultural historical entity: origins, development heritage]. O. V. Kuz'mina, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gos. institut gumanitarnykh nauk, pp. 193–197.
- Mednikova M. B., 2001. Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii [Trepanations among ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchnyy mir. 304 p.
- Mednikova M. B., 2018. Kak stat' kuznetsom? O mobil'nosti abashevskogo naseleniya po materialam Pepkinskogo kurgana epokhi sredney bronzы [How to become a coppersmith? Mobility of the Abashevo population based on the materials from the Pepkino Middle Bronze Age kurgan]. *KSlA*, 253, pp. 378–389.
- Mednikova M. B., Lebedinskaya G. V., 1999. Pepkinskiy kurgan: dannyye antropologii k rekonstruktsii pogrebeniy [Pepkino kurgan: data of anthropology to reconstruction of burials]. *Pogrebal'nyy obryad: Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy* [Burial rite: Reconstruction and interpretation of early ideological concepts]. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 200–216.
- Mimokhod R. A., 2018. Paleoklimat i kul'turogenез v Vostochnoy Evrope v kontse III tys. do n. e. [Palaeoclimate and cultural genesis in Eastern Europe of III mill. BC]. *RA*, 2, pp. 33–48.
- Redfern R. C., 2017. Injury and trauma in bioarchaeology. Interpreting violence in past lives. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 329 p.

- Sal'nikov K. V., 1954. Abashevskaya kul'tura na Yuzhnom Urale [Abashevo culture in South Urals]. *SA*, XXI, pp. 52–94.
- Teschler-Nicola M., 2012. The Early Neolithic site Asparn/Schletz (Lower Austria): anthropological evidence of interpersonal violence. *Stick, Stones, and Broken Bones: Neolithic Violence in a European Perspective*. R. Schulting, L. Fibiger, eds. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 101–120.

About the author

Mednikova Mariya B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru

А. Н. Абрамова, А. Н. Берлизов

АНТРОПОЛОГО-ТАФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА 1

Резюме. В статье рассмотрены результаты анализа погребального обряда и антропологических коллекций грунтового могильника Волна 1 VI–III вв. до н. э. Могильник на сегодняшний день является одним из наиболее полно изученных на азиатском Боспоре. В результате внутри группового анализа указателей, описывающих форму диафизов длинных костей, выделено три группы населения. Полученные результаты были проверены с помощью методов археологии. Также был проведен межгрупповой анализ трех выделенных групп населения с другими популяциями, проживавшими в раннем железном веке в Северо-Западном Предкавказье. Удалось показать значительное сходство двух выделенных групп как между собой, так и с материалами из могильника Старокорсунского городища № 2. Третья группа показала сильное отличие как от первых двух групп могильника Волна 1, так и от других серий, привлеченных для межгруппового анализа. С помощью традиционных методов археологии и методов многомерного анализа данных, в частности факторного и кластерного анализов, удалось проверить полученные в результате антропологического исследования данные. Выявлены особенности погребального обряда каждой из трех выделенных групп. Установлено, что все выделенные группы населения взаимодействовали друг с другом, что проявилось в определенной унификации погребальных практик. С начала функционирования некрополя в нем одновременно могли совершаться захоронения автохтонного и неавтохтонного населения.

Ключевые слова: археология, физическая антропология, остеометрия, палеоантропология, античность, погребальный обряд.

Введение

Раскопки некрополя Волна 1 ведутся с 2014 г. Памятник датируется в пределах VI–III вв. до н. э., а изученная площадь и количество погребальных сооружений позволяет говорить о нем, как о наиболее изученном могильнике

на территории азиатского Боспора. Полученный материал позволяет существенно расширить представления о погребальных традициях региона.

Первые захоронения на памятнике, который назывался «Северо-Зеленское поселение», были обнаружены еще в 1954 г. в ходе раскопок В. Д. Блаватского (*Блаватский*, 1954. Л. 18, 19). В 1984 г. его обследовал Я. М. Паромов, благодаря которому памятник получил свое современное название «Волна 1» (*Паромов*, 1989).

Публикация результатов полевых исследований некрополя началась сравнительно недавно, но уже на данном этапе памятник вызывает большой интерес, что выразилось в появлении ряда работ по данной теме (см.: *Мимоход и др.*, 2017а; 2017б; 2018; *Цокур и др.*, 2016; *Берлизов и др.*, 2019). Все они были преимущественно обращены к изучению археологического материала.

Не менее важным является изучение скелетных останков людей, полученных в ходе археологических работ. Нет сомнений, что комплексное антропологическое исследование дает редкую и крайне интересную возможность соотнесения результатов изучения археологического и антропологического материала. Плохая сохранность костных останков из могильников, относящихся к античному периоду, не дает возможности накопить серии, достаточные для статистически достоверных выводов. Долгое время исследование М. М. Герасимовой оставалось единственным источником краниологической информации о населении, проживавшем на территории Фанагории и Гермонассы (*Герасимова*, 1976; *Герасимова и др.*, 1987). Однако в последнее время происходит накопление палеоантропологических данных о племенах, обитавших в античную эпоху на территории современного Краснодарского края (см., например: *Балабанова*, 2013; *Громов и др.*, 2015; *Абрамова*, 2017; 2018; *Абрамова, Пежемский*, 2018). Кроме того, благодаря активному хозяйственному освоению Таманского полуострова, связанного со строительством транспортного сообщения с полуостровом Крым, ведутся масштабные археологические раскопки, в том числе и античных могильников, что в дальнейшем позволит значительно расширить знания об обитателях азиатского Боспора.

Материалы и методы

Антропологическая коллекция, использованная в данном исследовании, была получена в 2017–2019 гг. силами двух экспедиций: ООО «Ирида» под руководством И. В. Цокур (раскопки 2017–2019 гг.) и экспедиции Института археологии РАН под руководством Р. А. Мимохода (раскопки 2017–2018 гг.)¹. Как уже упоминалось выше, могильник Волна 1 на сегодняшний день является наиболее изученным на азиатском Боспоре. В результате исследования некрополя, которое непрерывно продолжалось в течение пяти лет, было открыто более 1400 погребений. Однако особенности почвы и плантажная распашка территории могильника под виноградники привели к тому, что, несмотря на впечатляющее

¹ Выражаем глубокую признательность И. В. Цокур и Р. А. Мимоходу за предоставленный материал.

количество скелетов, переданных для антропологического исследования (более 1000), в большинстве случаев сохранность костной ткани была крайне неудовлетворительна. У длинных костей отсутствовали эпифизарные концы, верхний кортикальный слой часто был разрушен, а общая комплектность скелетов такова, что только в единичных случаях удалось изучить все длинные кости хотя бы по стандартной остеометрической программе (*Martin*, 1928; *Алексеев*, 1966). Черепа также требовали тщательной реставрационной работы, а частичное или почти полное разрушение костей лицевого скелета не позволило исследовать наиболее значимые разграничительные признаки группы. Результатом поиска путей решения морфометрического анализа останков неудовлетворительной сохранности стала публикация двух статей. В первой из них представлен опыт изучения краниологической серии по данным лобно-теменного отдела черепа (*Абрамова, Пежемский*, 2018). Во второй проводится остеометрическое исследование и значительное внимание обращено на возможности проведения межгруппового и внутригруппового анализа лишь по указателям, описывающим форму диафиза (*Абрамова*, 2019). На основании упомянутых указателей были выделены три группы населения Волны 1. Так как поперечные размеры длинных костей традиционно считаются малоинформативными, было решено подробнее проанализировать полученные результаты как с помощью антропологических, так и археологических методов. При этом возможности совместного изучения материала значительно ограничены и отсутствием во многих захоронениях сопроводительного инвентаря². Этим фактором обусловлены существенные различия в антропологической и археологической выборках, привлеченных для исследования. Соотнесение полученных результатов допустимо с привлечением небольшого массива данных. Речь в данном случае идет лишь о 45 погребениях мужчин в возрасте старше 20 лет, открытых в ходе работ И. В. Цокур в 2017 г. и Р. А. Мимохода в 2017–2018 гг. Всего же археологическую часть выборки некрополя Волна 1 составили материалы 220 погребений, для которых были сделаны антропологические определения пола и возраста.

В работе применялась комплексная методика с использованием традиционных методов археологии (сравнительно-типологического, описательного, ретроспективного) и методов многомерного анализа данных (см.: *Каменецкий*, 1983; 1986; *Берлизов и др.*, 2003). В частности, были использованы методы фактор- и кластер-анализа. Метод фактор-анализа использован с целью выявить набор микродеталей³ обряда, которые были наиболее тесно связаны с группами,

---

² Из-за плохой сохранности скелетов в большинстве случаев не было возможности применения классических антропологических методик, единственная информация, подчас получаемая от костных останков, – это пол и возраст погребенного. Эти погребения оказываются доступны лишь для археологического исследования. Обратная ситуация наблюдается при исследовании захоронений некрополя Волна 1, не содержащих сопроводительного инвентаря, в которых костные останки имеют удовлетворительную сохранность. Информативность этих материалов для археологического исследования низкая. Возможности их антропологического изучения гораздо шире.

³ Под термином микродеталь в работе следует понимать конкретную характеристику составляющих обряда, связанную с принадлежностью погребенного к определенному

выделенными в ходе антропологического изучения скелетных останков в некрополе Волна 1. Метод кластер-анализа используется в работе для сравнения погребальных традиций в группах, выделенных в результате антропологического изучения материалов некрополя.

На данном этапе исследования для анализа была использована только мужская часть выборки. Это связано с так называемым посмертным отбором, когда женские, менее крупные, скелеты обычно имеют худшую сохранность.

Для антропологического исследования использовался стандартный набор инструментов: остеометрический стол, скользящий и толстотный циркули, лента. Все инструменты перед началом работы были верифицированы. Остеометрическое исследование осуществлялось по принятой в отечественной антропологии программе (Martin, 1928; Алексеев, 1966). Измерения проводились как для правой, так и для левой сторон скелета, однако, согласно методическим требованиям для изучения группы, использовались данные только по правой стороне.

Сравнительная антропологическая характеристика

Для сравнительного межгруппового анализа были привлечены синхронные и территориально достаточно близко расположенные группы населения (табл. 1). Из-за полного отсутствия опубликованных остеометрических данных по группам населения, которые проживали в античный период на территории современного юга России, все материалы, привлеченные для анализа, были получены одним из авторов и в большинстве своем пока не опубликованы. Как было показано, наиболее информативными оказываются графики, построенные по сечениям указателей, которые описывают форму диафизов плечевой и бедренной костей или плечевой и большой берцовой (Абрамова, 2019). Стоят ли за этими различиями особенности строения длинных костей конкретной изучаемой нами группы или же внутригрупповое разнообразие обосновано более высоким таксономическим уровнем, нам пока неясно. Несмотря на то что многие исследователи видят в изменчивости формы диафизов длинных костей лишь компенсаторную функцию, связанную с физической активностью или адаптацией к условиям окружающей среды (см., например: Добровольская, Медникова, 2011; Березина, 2018), по нашему мнению, здесь не все так очевидно.

В данном исследовании было решено использовать именно эти указатели, дающие наибольшее межгрупповое различие, а также попытаться изучить рассматриваемые нами группы в пространстве коэффициентов сужения. Коэффициенты сужения разрабатываются Д. В. Пежемским в рамках изучения им габитуса кости и рассчитываются для плечевой и большой берцовой костей путем деления наименьшего диаметра диафиза на диаметр его середины (табл. 1). Кроме того, верхние диаметры бедренной кости, как и в предыдущем исследовании, были получены методом, предложенным Д. В. Пежемским, и, на взгляд автора, наиболее точно описывающих подвертельную область (Пежемский, 2002; Абрамова, 2019).

антропологическому типу, – интерпретатор (см.: Берлизов, Винедиктов, 2000. С. 135) «форма сечения диафизов».

Таблица 1. Список серий, привлеченных для межгруппового анализа

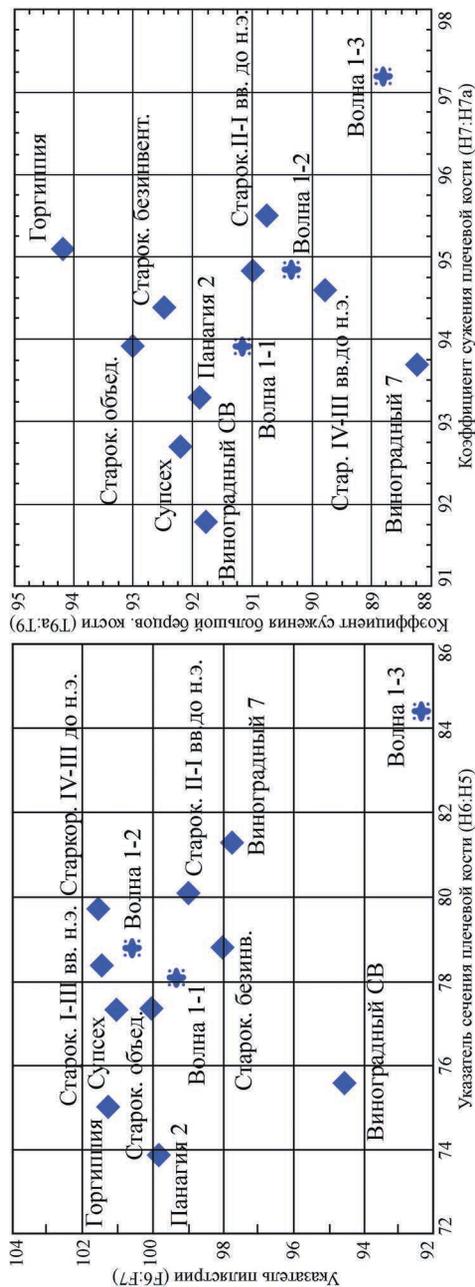
Памятник	H6:H5	F6:F7	T9:T8	H7:H7a	T10b:T10
Могильник Виноградный 7	81,3	98	75,6	93,7	88,3
Могильник Супсех	77,3	101,2	74,8	92,7	92,3
Могильник Виноградный СВ	75,6	94,8	73,5	91,8	91,9
Могильник Горгиппии	75	101,5	69,1	95,1	94,3
Могильник Старокорсунского г-ща № 2, IV–III вв. до н. э.	79,5	101,8	73	94,6	89,9
Могильник Старокорсунского г-ща № 2, II–I вв. до н. э.	80	99,1	72,6	95,5	90,9
Могильник Старокорсунского г-ща № 2, I–III вв. н. э.	78,3	101,5	73,7	94,8	91,1
Могильник Старокорсунского г-ща № 2, безынвентарные	78,8	98,2	68,7	94,4	92,6
Могильник Старокорсунского г-ща № 2, объединенная выборка	77,4	100,2	69,4	93,9	93
Поселение Панагия 2	73,9	100,1	72,2	93,3	92
Могильник Волна 1-1	78,2	99,5	72,6	94,0	91,2
Могильник Волна 1-2	78,7	100,8	72,0	94,9	90,4
Могильник Волна 1-3	84,4	92,5	69,5	97,2	89,0

Проведя межгрупповое сравнение изучаемых трех групп с материалами других древних популяций Северо-Западного Предкавказья, можно заключить, что группа Волна 1-3 наиболее отлична не только от остального населения могильника Волна 1, но и не имеет сходства ни с одной из привлеченных для анализа серий. Кроме того, на графике видно, что группы Волна 1-1 и Волна 1-2 достигают наибольшего сходства как между собой, так и с материалами могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 1).

Еще раз стоит отметить, что методика, примененная нами для внутригруппового и межгруппового анализа, является экспериментальной. Изучение указателей, описывающих форму диафизов, а также самого габитуса кости на популяционном уровне только началось. Поэтому полученные результаты требуют проверки, в том числе и методами других дисциплин. Следующая часть данного исследования будет посвящена именно археологическому анализу групп, выделенных при изучении сечений диафизов.

Сравнительная археологическая характеристика

Результаты антропологического исследования дают возможность по-новому взглянуть на проблему изучения древнего населения, оставившего могильник Волна 1. Весьма вероятно, что установленные различия в антропологическом типе могли отразиться и на погребальном обряде. Для проверки этого предположения сведения, полученные в ходе изучения скелетных останков, были

Рис. 1. Распределение групп древнего населения Северо-Западного Предкавказья в пространстве указателей, описывающих форму диафизов длинных костей

соотнесены с данными о погребальных традициях выделенных групп населения, оставившего некрополь.

Сразу отметим, что результаты проведенной работы носят предварительный характер и, весьма вероятно, будут скорректированы с введением в научный оборот материалов раскопок П. С. Успенского в 2014 г., В. Г. Житникова в 2016–2017 гг., И. В. Цокур в 2018–2019 гг.

Ранее было установлено, что в некрополе сосуществовали несколько обрядовых практик (*Берлизов и др.*, 2019). Их развитие происходило синхронно в течение трех последовательных периодов:

- 1) втор. пол. VI – втор. четв. V в. до н. э. (43 погребения)
- 2) третья четв. V – втор. четв. IV в. до н. э. (45 погребений)
- 3) третья четв. IV в. до н. э. – рубеж IV–III вв. до н. э. (131 погребение).

Исследование методом фактор-анализа позволило установить, что с интерпретатором (см.: *Берлизов и др.*, 2003; 2019). «форма сечений диафизов» коррелируют следующие элементы обряда: «положение тела погребенного в могиле»; «ориентировка умершего»; «количество сосудов в погребении»; «кувшин в погребении»; «положение миски»; «предметы вооружения»; «мелкие сосуды в погребении», «мелкие орудия труда».

По выделенному набору обрядовых характеристик методом кластер-анализа⁴ было проведено сравнение материалов захоронений, в которых по антропологическим критериям ранее была установлена принадлежность индивидов к определенной группе (рис. 2). В результате подтвердилось не только наличие различий в погребальных обрядах рассматриваемых групп, но и появились основания предполагать тесное взаимодействие между выделенными группами на различных этапах существования некрополя.

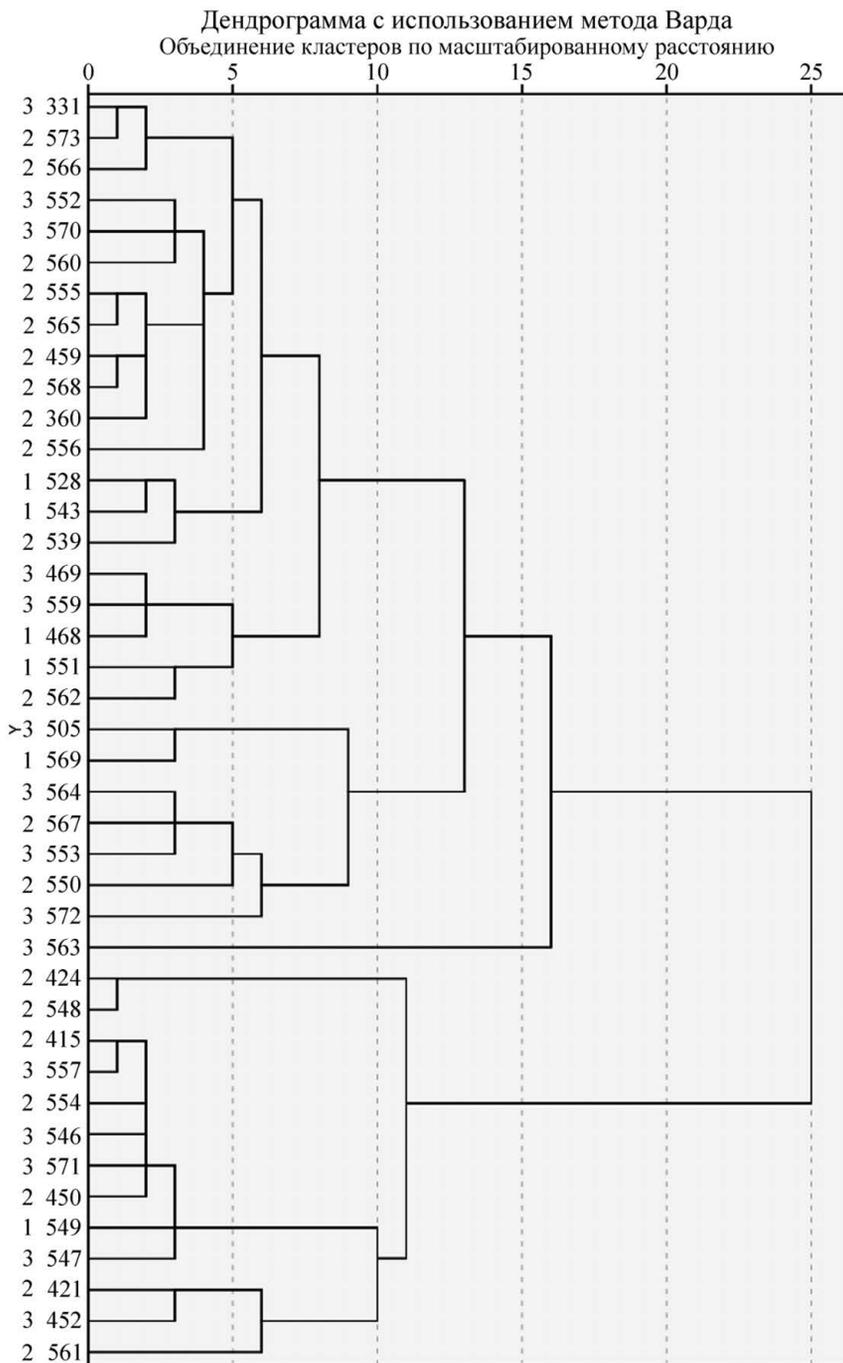
Рассмотрим подробнее особенности обряда каждой из этих групп, напомнив, что речь идет лишь о 45 погребениях, для которых были сделаны определения пола, возраста и проведен остеометрический анализ, и что учитывались только погребения мужчин в возрасте от 20 лет, датирующиеся в пределах VI–IV вв. до н. э.

Группа Волна 1-1

Наиболее ранние захоронения этой группы датированы втор. четв. V в. до н. э.⁵ Для втор. четв. V – перв. пол. IV в. до н. э. наиболее характерны одиночные захоронения в положении вытянуто на спине, руки погребенных располагались вдоль туловища, кости ног вытянуты параллельно друг другу (в коллективном погребении обнаружен лишь один такой индивид). Умершие ориентированы в восточном секторе; в наборе инвентаря зафиксировано не более двух сосудов, один из которых туалетный (лекиф). Кувшины и миски в керамическом наборе не представлены. Предметы вооружения и мелкие орудия труда отсутствуют.

⁴ Подробнее о методе кластер-анализа см., например: (*Raubenheimer*, 2004; *Соломон*, 1980).

⁵ Выражаем глубокую признательность Н. И. Судареву и Р. А. Мимоходу за консультации по вопросам датировки рассматриваемых захоронений.

Рис. 2. Распределение групп древнего населения некрополя Волна 1 по данным погребальной традиции

Примечание: индекс перед матричным номером комплекса соответствует антропологическим группам, выделенным А. Н. Абрамовой

Значительные изменения в обряде погребения в рассматриваемой группе происходят во втор. пол. IV в. до н. э. Для этого времени более характерны коллективные захоронения. Сохраняется положение индивидов – вытянутое на спине, появляется ориентировка в северном секторе с отклонениями на запад и восток. Количество сосудов в наборе инвентаря вырастает до трех и более⁶; по-прежнему обязательно присутствует мелкий глиняный сосуд, миски, кувшины, предметы вооружения отсутствуют. Мелкие орудия труда представлены пряслицами.

Во втор. четв. V – перв. пол. IV в. до н. э. по выделенным чертам погребального обряда прослеживается тесная связь погребений группы Волна 1-1 с отдельными захоронениями группы Волна 1-2 и существенные отличия от группы Волна 1-3.

Во втор. пол. IV в. до н. э. по выделенным признакам обряда захоронения группы Волна 1-1 примерно в одинаковом количестве объединяются в общие кластеры с погребениями групп Волна 1-2 и Волна 1-3. Сходство проявляется в положении погребенных, количестве сосудов в погребении, присутствии в керамическом наборе мелких глиняных сосудов, наборе мелких орудий труда, отсутствии предметов вооружения⁷. Однако в некоторых захоронениях группы Волна 1-1 на протяжении V–IV вв. до н. э. обряд существенно отличается от зафиксированного в группах Волна 1-2 и 1-3. Наиболее ярко эти различия проявляются в ориентировке погребенных и наборе инвентаря.

Группа Волна 1-2

Наиболее раннее захоронение группы Волна 1-2 относится к третьей четв. VI в. до н. э. Во втор. пол. VI – перв. пол. IV в. до н. э. в исследованной выборке чаще всего встречаются одиночные погребения, парные погребения на данном этапе существования некрополя зафиксированы только дважды. Положение всех индивидов – вытянутое на спине, руки вдоль туловища, кости ног расположены параллельно друг другу. В одной могиле умерший был погребен в «позе всадника», его руки были согнуты в локтях, кисти помещены в область таза. Большая часть погребенных ориентирована в восточном секторе, в одной могиле скелет был ориентирован головой на запад. В наборе инвентаря данной группы встречаются три и более сосуда. Как правило, в керамическом наборе присутствуют кувшины и мелкие глиняные сосуды, наличие мисок зафиксировано только в одном захоронении. В погребениях втор. пол. VI – перв. пол. V в. до н. э. обнаружены копья и мечи, наконечники стрел не встречаются. Мелкие орудия труда представлены ножами.

Во втор. пол. IV в. до н. э. в погребальном обряде группы Волна 1-2 прослежены значительные изменения. В выборке этого времени представлены лишь

---

⁶ Поскольку индивиды этой группы со втор. пол. IV в. до н. э. встречаются преимущественно в коллективных захоронениях, набор сопроводительного инвентаря, по-видимому, распределялся между всеми умершими.

⁷ Значительное снижение доли предметов вооружения в погребениях отмечается во всех некрополях азиатского Боспора во втор. пол. IV в. до н. э. (см., например: *Завойкин, Сударев*, 2006. С. 149–152; *Ворошилов, Кашаев*, 2010. С. 86, 87; *Берлизов и др.*, 2019).

одиночные погребения. В большинстве могил сохраняются вытянутое положение и ориентировка погребенных в восточном секторе, однако если в более ранний период погребенные были ориентированы головами на восток, теперь чаще встречается северо-восточная ориентировка. В одной могиле фиксируется южная ориентировка. Снижается количество сосудов в наборе инвентаря. В середине IV в. до н. э. в большинстве захоронений присутствует три и более сосудов, к концу IV в. до н. э. сосуды в могилах либо отсутствуют, либо представлены лишь мелкими формами. Предметов вооружения и мелких орудий труда в погребениях этого периода не зафиксировано.

Во втор. пол. VI – перв. пол. V в. до н. э. по ряду признаков фиксируется сходство погребального обряда групп Волна 1-2 и Волна 1-3. Оно проявляется в позе и ориентировке умерших, характере набора инвентаря (количестве сосудов в погребении, наличии и положении кувшинов и мелких глиняных сосудов, присутствии в захоронениях групп 2 и 3 мечей и копий). Однако в обрядах обеих групп прослежены и существенные различия. Они проявляются в положении ног умерших, наборах наступательного вооружения и мелких орудий труда. Со втор. пол. V в. до н. э. прослежена связь отдельных наиболее скромных по набору инвентаря погребений группы 2 с погребениями группы 1.

Погребения группы Волна 1-2 втор. пол. – конца IV в. до н. э., в которых погребальный инвентарь отсутствует, образуют общие кластеры с безынвентарными захоронениями групп Волна 1-1 и Волна 1-3 втор. пол. VI – втор. пол. V в. до н. э. На фоне вариативности погребальных обрядов, фиксируемых в погребениях групп Волна 1-1 и Волна 1-3 во втор. пол. IV в. до н. э., преобладание безынвентарных захоронений в синхронной по времени выборке группы Волна 1-2 может рассматриваться в качестве отличительной особенности погребального обряда последней.

Группа Волна 1-3

Самое раннее погребение группы Волна 1-3 датировано рубежом VI–V вв. до н. э. В выборке конца VI – перв. пол. IV в. до н. э. большинство погребений одиночные, однако встречаются и коллективные (одно захоронение парное, в двух в могиле находилось более трех индивидов). Все умершие лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, в 50 % захоронений этого периода ноги погребенных скрещены в голених, в остальных могилах кости ног индивидов расположены параллельно друг другу. Во всех погребениях фиксируется ориентировка в восточном секторе. Керамический набор вариативен: встречаются могилы, содержащие два, три и более сосудов. Как правило, в нем присутствуют кувшины и мелкие туалетные сосуды. В наборе вооружения встречаются мечи, копья и наконечники стрел⁸. Мелкие орудия труда представлены ножами, пряслицами, иглами.

Во втор. пол. IV в. до н. э. в группе Волна 1-3 отмечается бульшая, чем в других группах, консервативность погребального обряда. В выборке втор. пол. IV – рубежа IV–III вв. до н. э. представлены и одиночные, и парные погребения.

⁸ В большинстве могил находились от одного до трех наконечников стрел, и только в двух случаях зафиксированы скопления наконечников стрел у бедра погребенного, что может свидетельствовать о наличии колчанов.

Во всех могилах фиксируется положение индивидов вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кости ног почти во всех случаях вытянуты параллельно друг другу, лишь в одном погребении ноги скрещены в голених. В большинстве могил прослежена восточная ориентировка, только в одной скелет ориентирован головой на северо-восток. В наборе инвентаря чаще встречается три и более сосуда, однако в двух случаях посуда в погребениях отсутствуют. В керамическом наборе, как правило, присутствуют кувшины и мелкие глиняные сосуды. Предметов вооружения в захоронениях этого периода нет. Мелкие орудия труда представлены ножами и пряслицами.

В конце VI – перв. пол. IV в. до н. э. по ряду признаков прослеживается сходство погребального обряда группы Волна 1-3 с погребальными традициями групп Волна 1-1 и Волна 1-2. Наиболее скромные по набору инвентаря захоронения группы Волна 1-3 объединились в общие кластеры с погребениями группы Волна 1-1, захоронения с более богатым набором инвентаря коррелируют с могилами группы Волна 1-2. Сходство погребальных традиций группы Волна 1-3 с погребальным обрядом большинства захоронений групп Волна 1-1 и Волна 1-2 проявляется в общем положении погребенного, ориентировке. Однако уже на раннем этапе по ряду признаков погребальный обряд группы Волна 1-3 отличается от обрядов, фиксируемых в других группах. Это проявилось в положении ног умершего, наборе вооружения и мелких орудий труда.

Во втор. пол. IV в. до н. э. фиксируется связь между отдельными погребениями группы Волна 1-3 и захоронениями других групп. Ее наличие иллюстрирует открытие совместного захоронения индивидов (погр. № 503/2017, раскопки И. В. Цокур), принадлежавших группам Волна 1-1 и Волна 1-3. В целом наблюдается ситуация, обратная предшествующему периоду: безынвентарные погребения группы Волна 1-3 объединяются в общие кластеры с захоронениями группы Волна 1-2, обряд остальных погребений группы Волна 1-3 по ряду признаков коррелирует с группой Волна 1-1. Однако и в этот период в погребальном обряде отдельных захоронений группы Волна 1-3 сохраняются отличия от погребений других групп. Они проявляются в положении ног умерших, наборе сосудов и мелких орудий труда.

Итак, результаты археологического исследования погребальных традиций подтверждают предварительные выводы, сделанные в ходе антропологического изучения населения некрополя Волна 1. Анализ материалов всех выделенных групп позволяет предполагать взаимодействие между ними уже на раннем этапе существования некрополя, что находит отражение в погребальном обряде. Наиболее ярко они проявляются в группах Волна 1-1 и Волна 1-2 во втор. пол. IV в. до н. э.

Погребальный обряд группы Волна 1-3 представляется более консервативным, однако в некоторых захоронениях втор. пол. IV в. до н. э. отразились изменения, аналогичные происходящим в группе Волна 1-2. Большая часть погребений группы Волна 1-3 втор. пол. IV – рубежа IV–III вв. до н. э. по ряду признаков близки синхронным захоронениям группы Волна 1-1. Таким образом, на погребальный обряд группы Волна 1-3 могли одновременно оказывать влияние традиции иных групп населения, оставившего некрополь.

Выводы

В результате межгруппового анализа трех групп, выделившихся в ходе изучения указателей, описывающих форму диафиза, по материалам могильника Волна 1 было показано сильное сходство первой и второй групп (Волна 1-1 и Волна 1-2) как между собой, так и с населением Старокорсунского городища № 2. Группа Волна 1-3 показала сильное отличие как от первых двух групп, полученных по материалам могильника Волна 1, так и от других серий, привлеченных для межгруппового анализа.

Полученные в результате антропологического исследования данные находят соответствие в археологическом материале: проведенное исследование выявило отличительные особенности в погребальном обряде каждой из трех выделенных групп. Существенные изменения в погребальных традициях первых двух групп зафиксированы во втор. пол. IV в. до н. э. Для группы Волна 1-1 прослежено постепенное увеличение набора сопроводительного инвентаря, унификация некоторых черт погребального обряда. В группе Волна 1-2, напротив, фиксируется либо сокращение, либо полное исчезновение инвентаря и вариативность иных выделенных признаков.

Наиболее консервативным является погребальный обряд группы Волна 1-3. В обряде некоторых ее захоронений втор. пол. IV в. до н. э. отразились изменения, аналогичные происходящим в группе Волна 1-2. Остальные захоронения группы Волна 1-3 по ряду признаков демонстрируют сходство с синхронными погребениями группы Волна 1-1. Это дает основание предполагать, что на погребальный обряд группы Волна 1-3 могли оказывать влияние представители двух других групп населения, оставившего некрополь.

Данные антропологии позволяют связать группы Волна 1-1 и Волна 1-2 с автохтонным населением Северо-Западного Кавказа. Однако этот вывод требует подтверждения сравнительным анализом археологического материала из захоронений этих групп и Старокорсунского могильника. Результаты, полученные в ходе антропологического изучения материала, также могут быть скорректированы, поскольку база данных по костным останкам из памятников азиатского Боспора и его варварского окружения находится в стадии накопления. Это открывает перспективы дальнейшего комплексного антрополого-тафологического исследования.

Группа Волна 1-3 аналогий в местном материале не находит. Отметим лишь, что по некоторым признакам прослеживается сходство обряда этой группы с погребальными традициями в некрополях, которые обычно связываются с греческими колонистами (например, Кепы, Фанагория, Артющенко 2 (см.: *Мимоход и др.*, 2017а. С. 29–31; *Берлизов и др.*, 2019)). Однако вопрос о происхождении группы Волна 1-3 остается дискуссионным и может стать предметом новых исследований. С момента начала функционирования некрополя во втор. пол. VI в. до н. э. в нем одновременно совершались захоронения автохтонного и неавтохтонного (греческого?) населения. В VI–IV вв. до н. э. все выделенные группы населения оказывали взаимное влияние друг на друга, что в конечном итоге способствовало сложению новых погребальных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова А. Н.*, 2017. Остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н. э. – III в. н. э. // Вестник антропологии. № 2 (38). С. 5–19.
- Абрамова А. Н.*, 2018. Сравнительная остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н. э. – III в. н. э. // Вестник антропологии. № 2 (42). С. 42–55.
- Абрамова А. Н.*, 2019. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 2 // ПИФК. № 4. С. 125–144.
- Абрамова А. Н., Пежемский Д. В.*, 2018. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // ПИФК. № 4. С. 102–121.
- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 249 с.
- Балабанова М. А.*, 2013. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 21–25.
- Березина Н. Я.*, 2018. Раннесредневековое население Центрального Кавказа по данным антропологии (на примере изучения могильника Мамисондон): дис. ... канд. биолог. наук. М.: МГУ. 265 с.
- Берлизов Н. Е., Винодиктов А. П.*, 2000. К оценке информационных возможностей сарматского погребального обряда // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 7-го археолог. семинара (Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар. С. 135–145.
- Берлизов Н. Е., Винодиктов А. П., Пьянков А. В.*, 2003. Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья. Краснодар: Краснодарский гос. ист.-археолог. музей-заповедник. 180 с.
- Берлизов А. Н., Кашаев С. В., Мимоход Р. А.*, 2019. Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н. э. // ПИФК. № 3. С. 229–245.
- Блаватский В. Д.*, 1954. Отчет о работе в Синдике 1954 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 984.
- Ворошилов А. Н., Кашаев С. В.*, 2010. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. Т. 14. С. 66–87.
- Герасимова М. М.*, 1976. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // СЭ. № 5. С. 107–113.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т.*, 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука. 251 с.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., Лунёв М. Ю.*, 2015. Меотские могильники: палеодемография и краниология // ЗИИМК РАН. № 2. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 156–175.
- Добровольская М. В., Медникова М. Б.*, 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. Т. 46. № 2. С. 143–156.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И.*, 2006. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. Т. 9. М.: ИА РАН. С. 101–152.
- Каменецкий И. С.*, 1983. Код для описания погребального обряда // Древности Дона: материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 221–250.
- Каменецкий И. С.*, 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука. С. 136–194.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.*, 2017а. «Волна-1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов / Ред. Н. В. Волкодав. Краснодар. С. 5–32.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.*, 2017б. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. Т. 21. М.: ИА РАН. С. 295–310.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.*, 2018. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред.

- А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 220–231. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)
- Паромов Я. М.*, 1989. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. С. 72–78.
- Пежемский Д. В.*, 2002. Мартиновская остеометрическая система и реалии морфологической изменчивости человеческого скелета // Антропология на пороге III тысячелетия (итоги и перспективы): тез. докладов Междунар. конф. (Москва, 29–31 мая 2002 г.) / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: МГУ. С. 96–97.
- Соломон Г.*, 1980. Зависящие от данных методы кластер-анализа // Классификация и кластер: тр. науч. семинара (1976 г.) / Пер. с англ. П. П. Кольцов; ред.: Ю. И. Журавлев, Дж. Вэн Райзин. М.: Мир. С. 129–147.
- Цокур И. В., Селивантьев О. Н., Шереметьева Н. А.*, 2016. Грунтовый могильник «Волна 1» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археолог. науч. конф. Краснодар: Экоинвест. С. 118–130.
- Martin R.*, 1928. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II: Kraniologie. Osteologie. Jena: G. Fischer. 1182 S.
- Raubenheimer J.*, 2004. An item selection procedure to maximize scale reliability and validity // SA Journal of Industrial Psychology. Vol. 30. Iss. 4. P. 59–64.

Сведения об авторах

Абрамова Александра Николаевна, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, ул. Гимназическая, 67, Краснодар, 350000; Волгоградский государственный университет, Университетский пр., 100, Волгоград, 40062; Россия; e-mail: abramovasacha0902@gmail.com;

Берлизов Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru

A. N. Abramova, A. N. Berlizov

ANTHROPOLOGICAL AND TAPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MALE BURIALS AT THE VOLNA 1 CEMETERY

Abstract. The paper analyzes the funerary rite and the anthropological collections from Volna 1, which is a ground cemetery of the 6th – 3rd centuries BC. Today it is the best studied cemetery in Asian Bosphorus. Three groups of population were singled out based on the intra-group analysis of the attributes describing the shape of longitudinal bone diaphyses. The results of the analysis were verified with the use of archaeological methods. The research also focused on inter-group analysis of the three identified groups with other population groups living in the northwestern Fore-Caucasus in the Early Iron Age. The analysis managed to show significant similarity between the two identified groups and between these groups and the anthropological remains from a cemetery of Starokorsunskaya 2 hillfort. The third group turned out to be much different from both the first two groups of Volna 1 and from other series used in the inter-group analysis. Traditional methods of archaeology and methods of multivariate analysis, in particular, component analysis and cluster analysis, helped verify the data obtained through the anthropological study. Specific features of the funerary rite of each of the identified groups were singled out. It was found that all identified population groups maintained

relations with each other which is reflected in a certain unification of funerary practices. From the startup of the cemetery functioning, both local and non-local individuals could be buried in it at the same time.

Keywords: archeology, physical anthropology, osteometry, paleoanthropology, antiquity, burial rite.

REFERENCES

- Abramova A. N., 2017. Osteometricheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya VI v. do n. e. – III v. n. e. [Osteometric characteristic of the Kuban region Maeotae in VI c. BC – III c. AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 2 (38), pp. 5–19.
- Abramova A. N., 2018. Sravnitel'naya osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n. e. – III v. n. e. [Comparative osteological characteristic of Kuban region Maeotae in IV c. BC – III c. AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 2 (42), pp. 42–55.
- Abramova A. N., 2019. Opyt morfometricheskogo analiza skeletnykh ostanok plokhoy sokhrannosti (po materialam antichnogo mogil'nika Volna 1, Tamanskiy poluostrov). Chast' 2 [Experience of morphometric analysis of skeletal remains in poor state of preservation (based on materials of Antique cemetery Volna 1, Taman peninsula). Part 2]. *PIFK*, 4, pp. 125–144.
- Abramova A. N., Pezhemskiy D. V., 2018. Opyt morfometricheskogo analiza skeletnykh ostanok plokhoy sokhrannosti (po materialam antichnogo mogil'nika Volna 1, Tamanskiy poluostrov). Chast' 1 [Experience of morphometric analysis of skeletal remains in poor state of preservation (based on materials of Antique cemetery Volna 1, Taman peninsula). Part 1]. *PIFK*, 4, pp. 102–121.
- Alekseyev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methods of anthropological investigations]. Moscow: Nauka. 249 p.
- Balabanova M. A., 2013. Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2) [Anthropology of Maeotian population of Kuban (based on materials from cemetery of the Starokorsunskoye hillfort № 2)]. *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya [Sixth international Kuban archaeological conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 21–25.
- Berezina N. Ya., 2018. Rannesrednevekovoye naseleniye Tsentral'nogo Kavkaza po dannym antropologii (na primere izucheniya mogil'nika Mamisondon): dissertatsiya ... kandidata biologicheskikh nauk [Early medieval population of Central Caucasus according to data of anthropology (on example of cemetery Mamisondon studies): PhD thesis. Manuscript]. Moscow. 265 p.
- Berlizov A. N., Kashayev S. V., Mimokhod R. A., 2019. Evolyutsiya pogrebal'nykh traditsiy v nekropolakh Volna 1 i Artyushchenko 2 v VI – IV vv. do n. e. [Evolution of burial traditions in necropolises Volna 1 and Artyushchenko 2 in VI – IV cc. BC]. *PIFK*, 3, pp. 229–245.
- Berlizov N. E., Vinediktov A. P., 2000. K otsenke informatsionnykh vozmozhnostey sarmatskogo pogrebal'nogo obryada [To assessment of informational possibilities of Sarmatian burial rite]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir [Antique civilization and barbaric world]*. Krasnodar, pp. 135–145.
- Berlizov N. E., Vinediktov A. P., P'yankov A. V., 2003. Statisticheskyy analiz pogrebal'nykh pamyatnikov severo-zapadnogo Kavkaza sarmatskogo vremeni – epokhi srednevekov'ya [Statistical analysis of burial sites of North-west Caucasus of Sarmatian time – Middle Ages]. Krasnodar: Krasnodarskiy gos. istoriko-arkheologicheskyy muzey-zapovednik. 180 p.
- Blavatskiy V. D. Otchet o rabote v Sindike 1954 g. [Report on work in Sindica in 1954]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Dobrovol'skaya M. V., Mednikova M. B., 2011. «Mednyye lyudi» epokhi bronzy: rekonstruktsiya sostoyaniya zdorov'ya i sotsial'nogo statusa [«Copper people» of Bronze Age: reconstruction of health status and social status]. *AEAE*, 2 (46), pp. 143–156.
- Gerasimova M. M., 1976. Kraniologicheskkiye materialy iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [Cranio-logical materials from Maeotian cemeteries of Kuban region]. *SE*, 5, pp. 107–113.

- Gerasimova M. M., Rud' N. M., Yablonskiy L. T., 1987. Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy [Anthropology of antique and medieval population of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Gromov A. V., Kazarnitskiy A. A., Lunev M. Yu., 2015. Meotskiye mogil'niki: paleodemografiya i kraniologiya [Maeotian cemeteries: palaeodemography and craniology]. *ZIIMK RAN*, 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 156–175.
- Kamenetskiy I. S., 1983. Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada [Code for description of burial rite]. *Drevnosti Dona: materialy rabot Donskoy ekspeditsii [Antiquities of Don: materials of the Don expedition works]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 221–250.
- Kamenetskiy I. S., 1986. Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada (chast' vtoraya) [Code for description of burial rite (second part)]. *Arkheologicheskiye otkrytiya na novostroykakh [Archaeological discoveries in construction zones]*, 1. Moscow: Nauka, pp. 136–194.
- Martin R., 1928. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena: G. Fischer. 1182 S.
- Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2017a. «Volna-1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaischeskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) [«Volna-1» – new «urban» necropolis of archaic and Classical time in Taman peninsula (based on materials of IA RAS works in 2016 and 2017)]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na territorii stroyashchegosya terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov [Archaeological investigations in territory of constructed SUG terminal and Taman terminal of loose loads]*. N. V. Volkodav, ed. Krasnodar, pp. 5–32.
- Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2017b. Novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaischeskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (predvaritel'naya informatsiya) [New «urban» necropolis of archaic and Classical time in Taman peninsula (preliminary information)]. *DB*, 21, pp. 295–310.
- Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2018. Nekropol' Volna-1 (2017 g.) (Krasnodarskiy kray, Tamanskiy poluostrov) [Necropolis Volna-1 (2017) (Krasnodar region, Taman peninsula)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities, settlements, cemeteries. Excavations of 2017]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 220–231. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)
- Paromov Ya. M., 1989. Obsledovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov Tamanskogo poluostrova v 1984–1985 gg. [Surveys of archaeological sites in Taman peninsula in 1984–1985]. *KSIA*, 196, pp. 72–78.
- Pezhemskiy D. V., 2002. Martinovskaya osteometricheskaya sistema i realii morfologicheskoy izmenchivosti chelovecheskogo skeleta [Martin's osteometric system and realities of morphological variability of human skeleton]. *Antropologiya na poroge III tysyacheletiya (itogi i perspektivy) [Anthropology on the threshold of III millennium (results and perspectives)]*. T. I. Alekseyeva, ed. Moscow: MGU, pp. 96–97.
- Raubenheimer J., 2004. An item selection procedure to maximize scale reliability and validity. *SA Journal of Industrial Psychology*, vol. 30, iss. 4, pp. 59–64.
- Solomon G., 1980. Zavisyashchiye ot dannykh metody klaster-analiza [Data-depending methods of cluster analysis]. *Klassifikatsiya i klaster [Classification and cluster]*. P. P. Kol'tsov, transl., Yu. I. Zhuravlev, J. Ven Raizin, eds. Moscow: Mir, pp. 129–147.
- Tsokur I. V., Selivant'yev O. N., Sheremet'yeva N. A., 2016. Gruntovyy mogil'nik «Volna 1» [Ground cemetery «Volna 1»]. *Okhrana i sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya Tamani pri realizatsii stroitel'stva tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov [Protection and preservation of archaeological heritage in Taman during realization of construction of Taman SUG and oil products terminal]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 118–130.
- Voroshilov A. N., Kashayev S. V., 2010. Klinkovoye oruzhiye iz nekropolya Artyushchenko-2 [Bladed weapons from the necropolis Artyushchenko-2]. *DB*, 14, pp. 66–87.
- Zavoykin A., A., Sudarev N. I., 2006. Pogrebeniya s oruzhiyem VI–V vv. do n. e. kak istochnik po politicheskoy i voyennoy istorii Bospora [Burials with weapons of VI–V cc. BC as a source for the political and military history of Bosporus], 1. *DB*, 9, pp. 101–152.

About the authors

Abramova Aleksandra N., Krasnodar Felitsyn State historical and archaeological museum-reserve, ul. Gimnazicheskaya, 67, Krasnodar, 350000; Volgograd State University, Universitetskiy av., 100, Volgograd, 40062, Russian Federation; e-mail: abramovasacha0902@gmail.com;

Berlizov Aleksander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru

Е. А. Клещенко, О. А. Хомякова

К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРУССОВ (БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Резюме. Работа посвящена некоторым особенностям погребального обряда ранне-средневековой культуры пруссов по результатам исследования кремированных останков. В центре внимания – материалы, полученные авторами в ходе работ на могильнике Куликово/Sorthenen (Зеленоградский р-н Калининградской области). Результаты сравниваются с данными экспертизы кремированных останков других грунтовых могильников Калининградского полуострова. Данные, полученные в результате комплексного исследования материалов погребений, позволяют проследить черты преемственности погребальной традиции культуры пруссов начиная с VI–VIII вв. до XI–XIII вв.

Ключевые слова: погребальный обряд, кремация, раннее Средневековье, Юго-Восточная Прибалтика, культура пруссов.

Введение

Исследования материальной культуры Калининградской области I тыс. н. э. (самбийско-нотангийской культуры эпохи римских влияний и более поздней культуры пруссов) большей частью базируются на данных грунтовых могильников с погребениями, совершенными по обряду кремации. Анализу погребальных древностей конца V – XIII в. региона посвящено значительное количество исследований. Приводятся данные более 1500 погребений с около 60 могильников (Там же. С. 294). Однако процедура исследования кремированных костных останков погребальных памятников стала нормой лишь в последнее десятилетие (*Добровольская*, 2010б. С. 199–217; *Мастыкова, Добровольская*, 2013. С. 74–79; *Добровольская и др.*, 2017. С. 319, 320; *Казанский и др.*, 2018; *Клещенко*, 2017).

Особенности погребального обряда древнего населения центральной части бывшей Восточной Пруссии являются основным показателем культурной

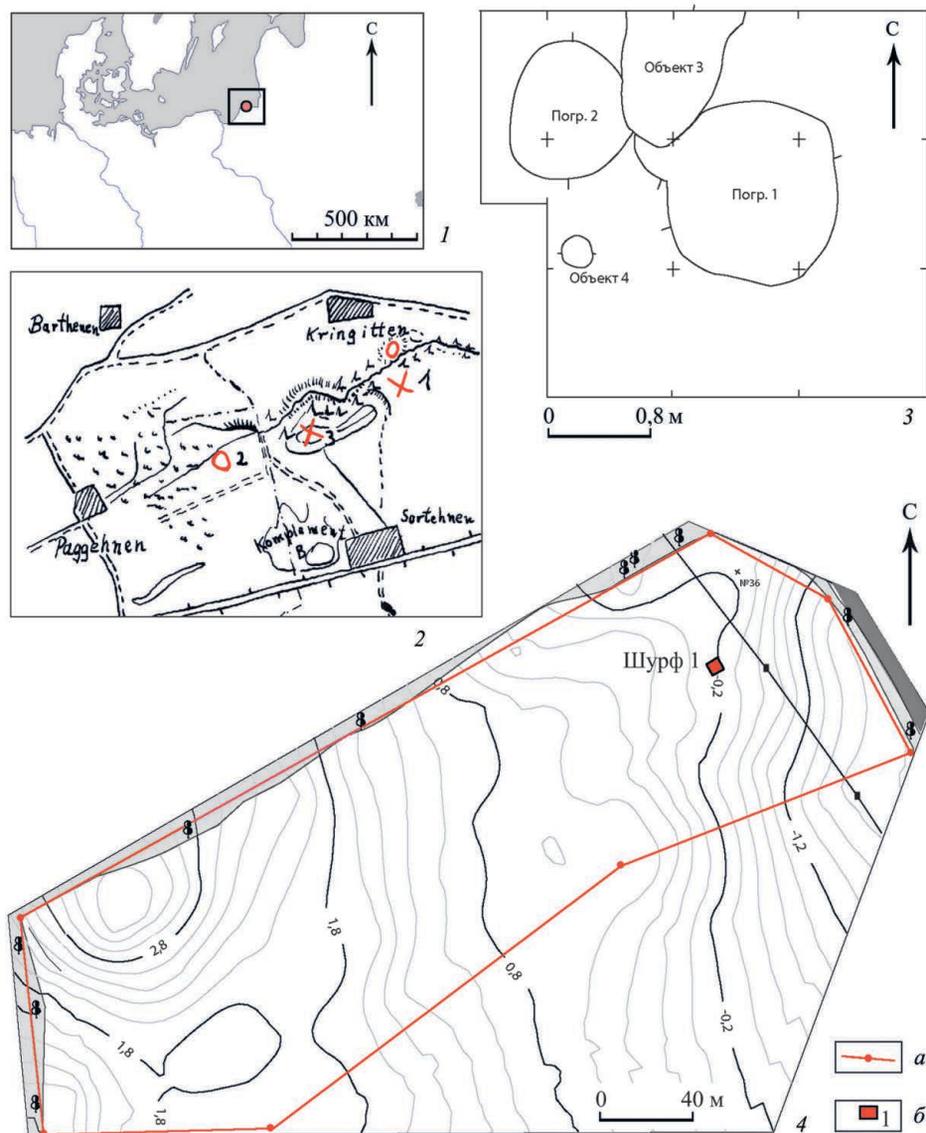
трансформации на рубеже V–VI вв., связанной с формированием раннесредневековой культуры пруссов. Антропологические исследования последних лет на могильниках Митино, Заостровье 1 (*Добровольская*, 2010б. С. 199–217; 2018. С. 249–260) значительно расширили знания об особенностях обрядности, индикаторах половозрастных групп, некоторых особенностях качества и образа жизни населения VI–VIII вв. (*Скворцов*, 2010. Ч. 1. С. 208–210; *Казанский и др.*, 2017. С. 28; 2018. С. 29, 30). Однако сравнение этих материалов исключительно с предшествующей самбийско-натангийской культурой периода римского влияния и Великого переселения народов (см.: *Скворцов*, 2010. С. 8, 9, 16–36; *Казанский и др.*, 2018. С. 6, 7, 11–13), погребальный обряд которой находился под значительным влиянием провинциально-римских традиций, не дает четкого понимания генезиса культурных форм в Юго-Восточной Прибалтике в середине – второй половине I тыс. В этой связи важным представляется проследить развитие раннесредневековых форм обрядности и сравнить их с погребениями IX/X–XIII вв. В настоящее время такую возможность дает не только традиционный сравнительно-аналитический подход, но и методы междисциплинарных исследований.

Интересные результаты, проливающие свет на особенности погребальных традиций середины – второй половины I тыс., были получены нами в процессе исследования, проведенного на могильнике Куликово/Sorthenen в 2016 г., расположенном в Зеленоградском районе в северной части Калининградского полуострова.

Краткая характеристика могильника Куликово/Sorthenen

Могильник расположен южнее пос. Куликово, на правом (южном) берегу безымянного ручья, притока р. Алейка, и относится к одному из наиболее важных центров в системе расселения древних пруссов на Калининградском полуострове во второй половине I – начале II тыс. н. э. (рис. 1). В северной части памятник ограничен выраженным уклоном к долине ручья, за которым располагается городище Куликово/Kringitten. Западная часть памятника ограничивается склоном, у подножия которого начинается зона распространения подъемного материала и культурного слоя селища Куликово 2 (*Кулаков*, 1980. Л. 4. Рис. 13, 14).

«Грунтовый могильник Куликово» (нем. название – *Sorthenen, Kr. Fischhausen*) – общее название для памятника, включающего три разновременных пункта с зонами захоронений эпохи позднего бронзового, раннего железного века и I тыс. н. э. (*Hollack*, 1908. S. 151, 152). В 1930–1931 гг. К. Энгель и М. Шмидехельм провели небольшие раскопки захоронений самбийско-натангийской культуры римского периода (*Engel*, 1935. S. 80, 81. Abb. 44). В 1977 г. В. И. Кулаковым по результатам разведок было установлено, что помимо погребений I–III вв. на памятнике присутствуют и погребения середины – второй половины I тыс. н. э. (*Кулаков*, 1977. Л. 5. Рис. 30 – см. Куликово 2). Эти две зоны захоронений I тыс. н. э., разделенные пустым пространством без культурного слоя, были локализованы нами в ходе работ 2016 г. (*Хомякова*, 2016. Л. 43–63). На площадке памятника были заложены шурфы общей площадью 19,5 кв. м, в которых были

Рис. 1. Грунтовый могильник Куликово

1 – расположение могильника на карте региона; 2 – ситуационный план из архива ZBSA с местами обозначения пунктов, относящихся к могильнику; 3 – план шурфа № 1; 4 – топографический план могильника Куликово, система координат WGS-84, система высот условная, съемка выполнена О. А. Хомяковой, Е. В. Татаровой (октябрь 2016 г.)

a – граница могильника; *б* – шурф и его номер

обнаружены погребальные объекты, предметы инвентаря, кремированные кости человека и конские скелеты, фрагменты и целые формы керамических сосудов. Наиболее яркие результаты дал шурф 1, заложенный в западной части памятника, на верхней точке небольшого уступа западного пологого склона всхолмления. На вскрытой площади (10,5 кв. м) было исследовано четыре объекта – два погребения культуры пруссов и две материковые ямы Нового и Новейшего времени. Исследованные в ходе работ погребения 1 и 2 относились к концу VIII – началу IX в. и к началу XIII в.¹

Анализ материала

Погребения 1, 2 могильника Куликово/Sorthenen представляли собой двухъярусные захоронения с остатками кремированных костей и погребального костра в верхнем ярусе и конским захоронением в нижнем. Судя по расположению и количеству останков, в погребении 1 было захоронено две лошади, ориентированные головами на запад и юго-запад. В погребении 2 – одна, головой на юг. Размеры ям, мощность заполнения нижних ярусов, вероятно, свидетельствуют, что в могилы могли быть помещены части конских туш (шкуры?). Отсутствие надмогильных конструкций на могильнике Куликово/Sorthenen, вероятно, объясняется сильным воздействием сельскохозяйственной распашки.

Фрагменты кремированных останков² из обоих погребений (табл. 1) имели светлый (почти белый) цвет, средний размер – до 2–3 см, со следами деформационных трещин. Равномерный цвет останков и распределение деформационных трещин позволяют предположить высокую и относительно равномерную температуру воздействия на тело погребального костра (около 750–800 °С, согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных) (*Wahl*, 1981. S. 273; *Walker, Miller*, 2005).

Верхний ярус погребения 1 был представлен заполнением черно-серого суглинка с включением древесного угля, золы и кремированных костей с включениями переотложенного материка, мощностью 10–17 см. В плане прослойка имела прямоугольную форму, размеры – 90 × 70 см по сторонам север – юг – запад – восток. Ниже зафиксирована тонкая прослойка интенсивно-углистого черного суглинка, мощностью около 5 см. Характер заполнения позволяет предположить,

---

¹ Датировка по С-14: погребение 1 не ранее 1220 г. (LE-11557: 570 ± 210); погребение 2 по С-14: не ранее 820 г. (LE-11557: 1140 ± 45) – см. рис. 3.

² В основе исследования объектов с кремациями находится сочетание информации биологического характера с элементами сведений о погребальной обрядности, что составляет специфику, позволяющую получить важную информацию об особенностях погребальных традиций населения, практиковавшего обряд кремации (*Клещенко*, 2016а. С. 39). Применялась методика, апробированная на широком спектре материалов кремаций I тыс. н. э., включающая стандартизованную оценку массы, размера, количества, цветности, характера деформаций фрагментов кремированных костей, их видовую принадлежность и половозрастные показатели (*Добровольская*, 2010а. С. 85–97; *Клещенко*, 2016б – см. список литературы).

что кремированные останки человека при депонировании были помещены в органический футляр (ящик?) прямоугольной формы, просевший в центральной части на 10 см от уровня выявления.

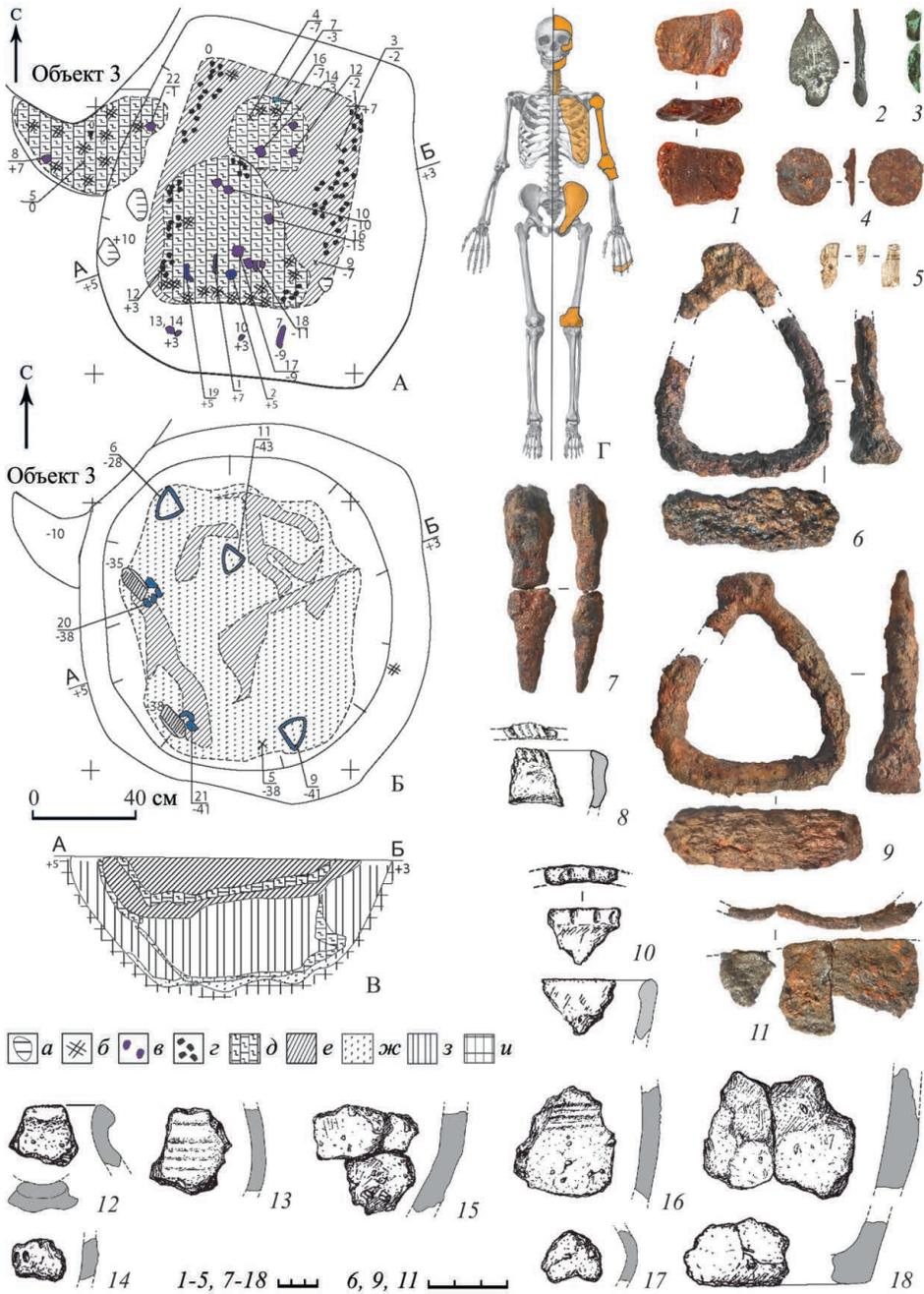
**Таблица 1. Анализ кремированных костей могильника Куликово 2:
общие данные**

Погребение	Шифр	Принадлежность			Вес (г)
		животное	человек	Н/о	
1	заполнение ямы с конем		X		2
1	из заполнения ямы		X		5,86
1	из скопления 1		X		0,92
1			X		6,13
1	из юго-восточного сектора конской ямы		X		3,23
1	кости из скопления в северном секторе		X		25,99
1	заполнение ямы с конем			X	3,91
1	из заполнения ямы			X	30,82
1	из скопления 1			X	10,32
1				X	60,84
1	из юго-восточного сектора конской ямы			X	0,86
1	кости из скопления в северном секторе			X	37,24
1	с. сектор			X	2,03
1	сверху кремации			X	0,98
1	скопление 1			X	7,23
1	ш. 20, ю. сектор			X	2,74
1	ш. 28, из распашки			X	0,47
1	ш. 28			X	1,50
1	ю. сектор			X	6,69
1	яма 1, из заполнения			X	1,95
Итого:					211,71
2				X	9,35
Итого:					9,35

Кремированные останки были рассеяны по объему заполнения «ящика», однако наибольшая их концентрация зафиксирована в пределах небольшой подпрямоугольной в плане прослойки, выявленной в центральной и северной части объекта и углубленной в структуру объекта на 17 см от уровня выявления. В пределах данной линзы обнаружена большая часть находок (№ 1–9, рис. 2). Кремированные кости были зафиксированы и в нижнем ярусе захоронения – в южной придонной части ямы, преимущественно вдоль ее борта (рис. 2). Еще одна концентрация (скопление) кремированных костей в переотложенном состоянии зафиксирована в северо-западной части объекта, частично разрушенной более поздней ямой (рис. 2).

При определении видовой и половозрастной принадлежности кремированных останков из погребения 1 был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Установлено, что определимые фрагменты костей человека принадлежат минимум одному индивиду – мужчине в возрасте до 40 лет (табл. 2). Вывод сделан на основе полученных определений (нет взаимоисключающих фрагментов кости, схожие половозрастные определения), а также на основе визуального сравнения фрагментов костей (схожесть цвета, плотности, структуры костной ткани). Небольшая масса останков (211,71 г), а также неравномерное соотношение частоты встречаемости различных частей скелета указывают на частичное депонирование останков погребенного после сожжения. Особенно интересен тот факт, что в погребении полностью отсутствуют фрагменты костей нижних конечностей, неизменно встречающихся среди кремированных костей аналогичных погребений подобной, относительно неплохой, сохранности. Проведенный анализ распределения показателей массы останков для каждой части тела показал, что на место захоронения были помещены останки преимущественно верхней части тела, среди них: различные части черепа, кости верхних конечностей, фрагмент ребра и фрагмент шейного позвонка. Из останков нижней части тела – всего два фрагмента, наиболее крупных и выразительных (фрагмент кости таза и надколенник) (табл. 2; рис. 2). Является ли эта особенность результатом преднамеренных манипуляций с прахом или же случайного сбора останков с погребального костра, предполагать сложно, однако подобные примеры иногда можно наблюдать и при исследовании кремаций из других памятников Европейской части России второй половины I – начала II тыс. н. э. (например: *Арсенова и др.*, 2019. С. 226–228).

Погребение 2 дало несколько иную картину. Заполнение верхнего яруса (кремации) состояло из слоя с остатками погребального костра (серо-черного сильно гумусированного суглинка с включениями древесного угля), смешанного с кремированными костями. В северной и центральной частях ямы этот слой занимал весь объем ямы (включая нижний ярус) – около 50 см. В центральной части с глубины 12 см от уровня выявления объекта была зафиксирована линза (мощностью около 16 см) переотложенного материка с включениями древесного угля. На ее уровне в южной части ямы слой с остатками погребального костра был разделен прослойкой темно-серого суглинка с включением древесного угля, зафиксированной с уровня выявления объекта, на глубину до 15 см. Вдоль бортов ямы на всю глубину фиксировалось заполнение, представленное слоем с остатками погребального костра, смешанным с переотложенным материком. Кремированные останки в верхнем ярусе были рассеяны в верхней центральной части заполнения объема.

При определении видовой и половозрастной принадлежности кремированных останков из погребения 2 также был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Установлено, что все фрагменты костей относятся к категории неопределимых, вес останков – 9,35 г (табл. 1). Незначительная масса останков так же, как и в случае с погребением 1, наталкивает на предположение о частичном депонировании праха после сожжения.

Некоторые особенности погребального обряда культуры пруссов по результатам исследования кремированных костных останков

Исследованные захоронения относятся к разному времени, между тем их погребальный обряд имеет схожие черты, что прослеживается при рассмотрении конструктивных особенностей захоронений, сопроводительного инвентаря и исследовании кремированных останков. Планиграфически более позднее погребение 1 частично перекрывало более раннее погребение 2.

Конструктивные элементы объектов, сопровождающий инвентарь и конские останки позволяют соотносить погребения с категорией двухъярусных погребений всадников. По типологии В. И. Кулакова, подобные погребения наиболее близки подтипу 2.1 – кости рассеяны среди останков погребального костра, ниже – конские останки со снаряжением (Кулаков, 1990. С. 20). Такой тип погребения крайне редок в древностях самбийско-нотангийской культуры эпохи римских влияний (Кулаков, 2003. С. 295), для которой характерно расположение конского погребения к западу от кремированных останков.

С точки зрения биоархеологического подхода общим для погребений 1 и 2 является, во-первых, наличие останков одного индивида (индивидуальность захоронения); во-вторых, частичное депонирование праха (парциальность захоронения). Между погребениями вместе с тем существует значительное различие в показателях массы останков (от 9 г в погребении 2 до 212 г в погребении 1) (табл. 1). Дополнительным доводом, подтверждающим отнесение погребения 1 к категории захоронения всадника, могут служить полученные половозрастные определения погребенного индивида (это мужчина в возрасте до 40 лет).

Рис. 2 (с. 362). Грунтовый могильник Куликово. Погребение 1

А – план верхнего яруса; *Б* – план нижнего яруса; *В* – разрез; *Г* – распределение определенных костей

Условные обозначения: *а* – камень; *б* – кремированная кость; *в* – керамика; *г* – древесный уголь – остатки погребального костра; *д* – темно-серый суглинок с остатками погребального костра и кремированными костями; *е* – темно-серый суглинок с углем и костями; *ж* – серый суглинок с содержанием органики; *з* – светло-серый суглинок с древесным углем; *и* – материк

Погребальный инвентарь*: 1 – янтарь-сырец; 2, 4 – накладки; 3 – игла бронзовая; 5 – фрагменты костяного гребня; 6, 9, 11 – стремена железные; 7 – нож (наконечник копья?) железный; 8–18 – фрагменты керамических сосудов

* На рисунке не приводятся изображения сильно фрагментированных и корродированных железных предметов, невыразительные фрагменты некомплектных сосудов. Все они отобраны на плане.

Таблица 2. Анализ анатомически определенных фрагментов костей из погребения 1 могильника Куликово

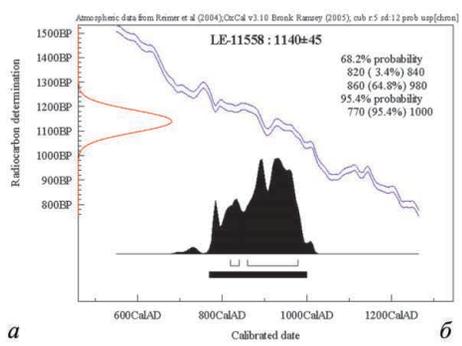
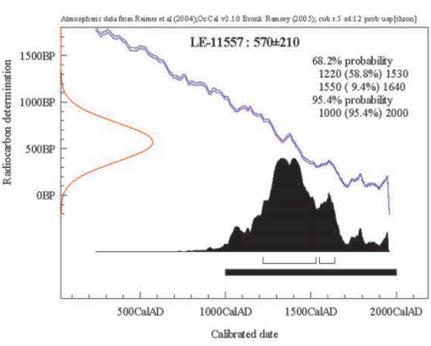
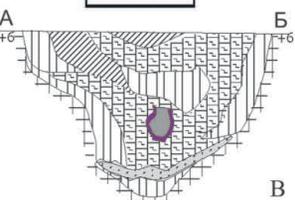
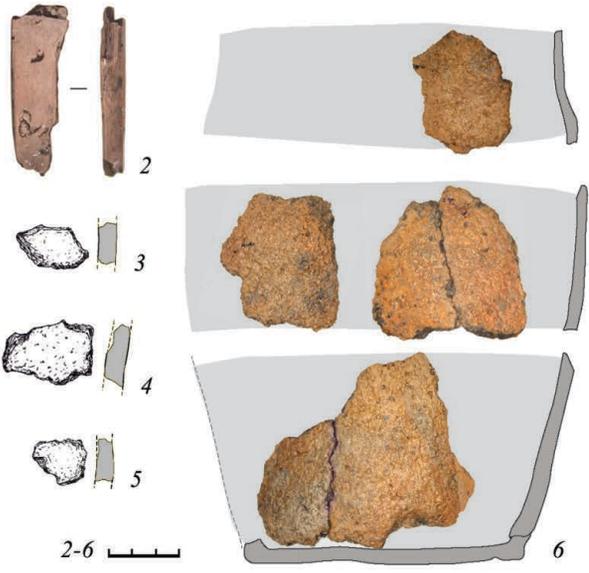
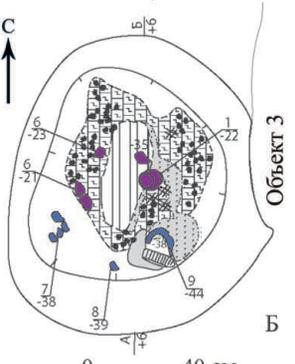
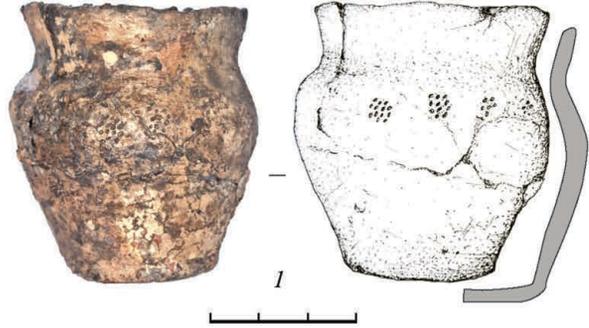
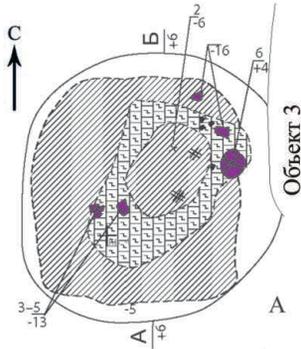
Шифр	Часть скелета	Определение	Пол	Возраст	Вес (гр)	Кол-во
кости из скопления в северном секторе	верхние конечности	ф-т головки плечевой кости		<i>adultus</i>	8,08	1
кости из скопления в северном секторе	верхние конечности	ф-т нижнего эпифиза плечевой кости		<i>adultus</i>	1,68	1
кости из скопления в северном секторе	верхние конечности	ф-т верхнего эпифиза локтевой кости		<i>adultus</i>	2,33	1
	верхние конечности	ф-т диафиза плечевой кости		<i>adultus</i>	3,77	1
заполнение ямы с конем	кость	ф-т средней фаланги пальца кисти		<i>adultus</i>	0,35	1
кости из скопления в северном секторе	коленная чашечка	ф-т коленной чашечки	М	<i>adultus</i>	4,89	1
кости из скопления в северном секторе	позвоночник	ф-т тела шейного позвонка		<i>adultus</i>	1,48	1
из заполнения ямы	ребра	ф-т ребра		<i>adultus</i>	0,51	1
кости из скопления в северном секторе	таз	ф-т кости таза		<i>adultus</i>	3,84	1
из юго-восточного сектора конской ямы	череп	ф-т затылочной кости с открытым швом		<i>adultus</i>	3,23	1
заполнение ямы с конем	череп	ф-т черепа		<i>adultus</i>	1,65	1
из скопления 1	череп	ф-т черепа		<i>adultus</i>	0,92	1
кости из скопления в северном секторе	череп	ф-т черепа		<i>adultus</i>	3,69	1
из заполнения ямы	череп	ф-т левой скуловой кости	М	<i>adultus</i>	2,42	1
из заполнения ямы	череп	ф-т черепа с растающим швом		> 30 лет	2,03	2
из заполнения ямы	череп	ф-т черепа		<i>adultus</i>	0,9	1
	череп	ф-т нижней челюсти с альвеолярными отверстиями		<i>adultus</i>	1,22	1
	череп	ф-т черепа		<i>adultus</i>	1,14	1
Итого:					44,13	19

Материалы раннесредневековой культуры пруссов, при исследовании которых также был применен междисциплинарный подход, дают похожие результаты. Наиболее близкими «раннему» погребению 2 начала IX в. является ряд двухъярусных захоронений могильника Митино, датированных концом VII – началом VIII в. (например, см. объекты 27, 28, 76, 282 – по: *Скворцов*, 2010. Ч. 2. С. 5, 23, 50, 51), и могильника Заостровье 1, относящихся к IX в. (см. объекты 18, 40 – по: *Казанский и др.*, 2018. С. 94, 103, 104. Табл. 15, 47), где верхний ярус занимает кремация с сопровождающим инвентарем, а нижний – остатки конского захоронения. Погребения перекрыты «нерегулярными» кладками из отдельных камней. Останки располагались в верхних ярусах захоронений, смешанных с остатками погребального костра. Кости не образовали каких-либо концентраций. Биоархеологическая характеристика кремированных останков (цвет, размер, наличие деформационных трещин), проведенная М. В. Добровольской, схожа с характеристикой останков из могильника Куликово/Sorthenen. Отмечена тенденция к уменьшению массы останков в погребениях VII–VIII и IX вв., связанных с «парциальностью» захоронений (*Добровольская*, 2010б. С. 206–208; 2018. С. 252, 253). Масса костей из погребений VII–VIII вв. н. э. очень невелика и не превышает 65 г (*Добровольская*, 2010б. С. 215–217), масса костей из погребений IX в. – 1,5 и 32 г (*Добровольская*, 2018. С. 257, 258. Табл. 1). Вероятно, в погребении 2 Куликово/Sorthenen начала IX в. представлена аналогичная форма погребального обряда (табл. 1).

Половозрастные характеристики для таких погребений практически всегда неопределимы. Определимые захоронения, предположительно, были детские (Митино, погр. 27, 76, 282) или женские (Митино, погр. 28) (*Добровольская*, 2010б. С. 215–217). Замечания о близости погребального обряда женских и детских погребений середины I тыс. в культурах Балтии сделаны недавно Л. Курилой, который на примере погребений с литовских территорий показал, что обряд детских погребений в целом не отличается от взрослых, а археологическая характеристика их инвентаря ближе к женскому гендеру (так как ребенок, независимо от его пола, связан с матерью) (см.: *Kurila*, 2009).

Археологическая характеристика инвентаря рассматриваемых погребений также указывает на их принадлежность женским и детским. Набор предметов не позволяет четко определить гендерную принадлежность, но в них отсутствуют «чистые» признаки маскулинности (предметы вооружения). В погребении 2 могильника Куликово/Sorthenen найдены один целый и один некомплектный сосуд, оселок (рис. 3). В наиболее поздних погребениях могильников Митино и Заостровье 1, относящихся к VIII–IX вв., содержался довольно унифицированный инвентарь, представленный ножами, единичными фибулами, сосудами (*Скворцов*, 2010. Ч. 2. С. 166–171, 254–257, 544–546; *Казанский и др.*, 2018. С. 137, 169). При этом, однако, во всех погребениях найдены принадлежности конских захоронений – удила, которые, таким образом, в отличие от погребений более ранней самбийско-натангийской культуры (для которой наличие конского захоронения является признаком мужских захоронений) в период раннего Средневековья становятся «нейтральным» признаком.

«Нейтральность» инвентаря, вероятнее всего, могла быть связана с особенностями социальной структуры раннесредневековой культуры пруссов в VI –

начале IX в. К ним могли относиться как более четкое разделение общества на «богатых» и «бедных» на фоне всеобщего обеднения погребального инвентаря могильников Калининградского п-ва в данный период (см., например: Кулаков, 2005. С. 368, 369; Казанский и др., 2018. С. 36, 37), так и возможные изменения в понимании социальных ролей, вовлеченность женщин в «мужскую» социальную структуру, связанную с формированием развитого вождества. Ранее отсутствие на могильниках бывшей Восточной Пруссии в VII–VIII вв. погребений с «чистыми» признаками женского гендера даже легло в основу предположения о том, что погребения женщин в этот период полностью отсутствовали (Кулаков, 2003. С. 205, 206). В настоящее время, как мы видим, женские погребения определяются антропологически, но в отличие от эпохи римских влияний не имеют ярких археологических гендерных признаков. Феномен женских захоронений, сопровождаемых конскими погребениями в VII–VIII вв., известен не только у пруссов. Женские погребения на территории Западной Литвы могут содержать элементы вооружения и сопровождаться конскими захоронениями (*Banytė-Rowell*, 2014. P. 128–132. Tabl. 8). Они встречаются как на других прибалтийских территориях, так и в финском ареале. На североευропейских территориях в чуть более поздний период такие погребения известны в Бирке. По предположению Марики Маги, это могло быть связано с более высоким личным статусом и властью (*Magi*, 2018. P. 82–90). Похожие данные дают и могильники ольштынской группы на Мазурском Поозерье (*Kontny*, 2012. P. 61). Отмечается, что в VIII–IX вв. конское захоронение сопровождает практически каждое погребение культуры пруссов, указывая на постоянную причастность к социальной структуре вождества (см.: Кулаков, 2005. С. 367). Вероятно, роли в ней играли как мужская, так и женская части общества.

Погребение 1 могильника Куликово/Sorthenen имеет более позднюю датировку (начало XIII в.), принадлежит к финалу прусской культуры и может быть сопоставлено с аналогичными погребениями из могильника Березовка/Gross Ottenhagen X–XI/XII вв. (*Скворцов*, 2003; *Ibsen, Skvorzov*, 2005. S. 379–452). Нами были предложены результаты исследования кремнированных останков из погребений № 103 и № 108 могильника (*Клещенко*, 2017. С. 147–151), материалы которых были опубликованы ранее³ (*Ibsen, Skvorzov*, 2005. S. 423–434).

Рис. 3 (с. 366). Грунтовый могильник Куликово. Погребение 2**

A – план верхнего яруса; *B* – план нижнего яруса; *B* – разрез

Погребальный инвентарь: 1, 3–6 – керамические сосуды и фрагменты; 2 – точильный камень сланцевый

a, б – результаты радиоуглеродного исследования древесного угля из погребений 1 (*a*) и 2 (*б*) могильника Куликово. Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН

** Условные обозначения см. на рис. 1.

³ Исследованы материалы (неопубликованные) и остальных погребений, все они дают похожую картину.

Abb. 24, 29, 30). Оба погребения при раскопках представляли собой двухъярусные могильные сооружения с большим содержанием угля, золистой супеси, кремированных останков. В верхних ярусах погребений помимо керамики находилась инвентарь, представленный как предметами вооружения (ножами, копьями), элементами убора (фибулами, пряжками), так и показателями более высокого социального статуса (гривнами, поясными наборами) и воинской субкультуры (стремениами). В нижних ярусах, содержащих останки конских скелетов, содержались детали конского снаряжения, удила. Подобный инвентарь содержало и погребение 1 могильника Куликово/Sorthenen.

Внешние характеристики кремированных костных останков погребения 1 могильника Куликово/Sorthenen принципиально не отличаются от материалов погребений могильника Березовка/Gross Ottenhagen, указывая лишь на некоторые температурные различия при горении костра. Гораздо большее значение опять же имеет схожесть элементов погребальной обрядности с погребениями более раннего периода, касаемая обращения с прахом: парциальность и индивидуальность захоронений. Проведенные половозрастные определения погребенных свидетельствуют, что погребения на могильнике Березовка/Gross Ottenhagen принадлежали взрослым индивидам до 40 лет (в погребении № 108 – мужчина). В отличие от погребений VIII – начала IX в. социальный и антропологический пол погребенных совпадает.

Показатели массы скоплений костей указывают на высокую индивидуальную изменчивость, малое количество кремированных костей в погребениях. Данная особенность, вероятно, не является исключительной чертой культуры пруссов, но принадлежит к широкой традиции, характерной для Северной Европы, Прибалтики, а также культур лесной зоны Восточной Европы I тыс., не затронутых провинциально-римским влиянием (например: *Добровольская*, 2010б. С. 206; 2018. С. 253, 254; *Клещенко*, 2016а; 2016б; 2017. С. 147–151). Такие показатели, как варианты придания останков земле, их масса, наличие и объем останков животных в погребениях, видовой состав и соотношение с человеческими останками, весьма вариативны для памятников второй половины I тыс. н. э. – начала II тыс. н. э. как в сравнении их между собой, так и при рассмотрении погребений внутри одного могильника. Вместе с тем при внешней вариативности они остаются весьма устойчивыми на протяжении длительного времени. Пример подобной устойчивости погребальных традиций мы можем наблюдать в культурах лесной зоны Восточной Европы (*Клещенко*, 2016б. С. 78–90). Общие черты погребальной обрядности у пруссов, как и у других народов Восточной Европы, сохраняются в неизменном виде вплоть до резкой смены погребального обряда, связанного с процессом христианизации (Там же. С. 97).

Выводы

Небольшой участок, исследованный на могильнике Куликово/Sorthenen, содержит, тем не менее, яркий материал, имеющий ряд аналогий на других памятниках, изученных с точки зрения биоархеологического подхода. Комплексное исследование кремированных костных останков из погребений Куликово/

Sorthenen 1 и 2, относящихся к двум разным этапам прусской культуры, их сравнительная характеристика с объектами могильников Митино (VII–VIII вв.), Заостровье 1 (IX в.) и Березовка/Gross Ottenhagen (X–XI/XII вв.), схожими по форме захоронения, указывает на существование единых черт погребальной обрядности культуры пруссов в VI–XII/XIII вв. Важным звеном являются погребения IX в., времени, соответствующего первым упоминаниям пруссов в письменных источниках. Они указывают на преемственность с погребальной обрядностью VI–VIII вв., этапом культуры пруссов, еще не нашедшим отражения в письменных источниках.

С точки зрения биоархеологии общими чертами являются индивидуальность захоронений (присутствие в погребении останков одного человека) и частичное депонирование останков – парциальность (придание земле незначительной части костей, собранных с погребального костра после сожжения), а также высокая индивидуальная изменчивость масс кремаций. Все они характерны и для двухъярусных погребений «всадников». Если для периода средневековой культуры пруссов со сложившейся системой вождества (дружины, по В. И. Кулакову) (Кулаков, 1990. С. 46; 2003. С. 206–208) принадлежность таких погребений взрослым мужчинам, подчеркнутая соответствующим погребальным инвентарем, вероятно, являлась нормой, то для периода раннего Средневековья, связанного с процессом формирования этой структуры, половозрастные определения, вероятно, указывают на менее структурированную картину распределения социальных ролей в обществе.

В данной работе представлена лишь незначительная выборка погребений прусской культуры, исследование которых проводилось с применением биоархеологического подхода. Однако несомненна актуальность дальнейшего комплексного исследования могильников с кремациями региона, которое позволит более детально осветить черты погребального обряда раннесредневековых пруссов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсенова Н. Е., Клещенко Е. А., Яблоков А. Г., 2019. Новые данные в изучении кремаций памятников боршевской культуры на примере материалов кургана 151 Лысогорского могильника // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: материалы V Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 226–228.
- Добровольская М. В., 2010а. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Добровольская М. В., 2010б. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.; Тверь: Тверская обл. тип. С. 199–217. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)
- Добровольская М. В., 2018. Кремации из погребений могильника Заостровье-1 // Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. С. 249–260. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22.)
- Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Мاستыкова А. В., 2017. Методика изучения урновых кремаций римского времени – раннего средневековья в Юго-Восточной Прибалтике [Электронный ресурс] // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 319–320. (DVD-ROM.)

- Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н.*, 2018. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 312 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22.)
- Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н.*, 2017. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V – VII в.) // РА. № 3. С. 28–45.
- Клещенко Е. А.*, 2016а. Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тысячелетии н. э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // КСИА. Вып. 245. С. 38–59.
- Клещенко Е. А.*, 2016б. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.; дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М. 214 с.
- Клещенко Е. А.*, 2017. Новые данные к изучению погребального обряда древних пруссов (по материалам кремированных останков из могильников Березовка/Gross Ottenhagen и Куликово 2/Sorthenen) // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям: материалы IV Конф. молодых ученых (Москва, 28–30 марта 2017 г.). М.: ИА РАН. С. 147–151.
- Кулаков В. И.*, 1977. Отчет о работе Балтийского отряда ИА АН СССР в Калининградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6184.
- Кулаков В. И.*, 1980. Отчет о работе Балтийской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 7777
- Кулаков В. И.*, 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 166 с. (САИ; вып. Г1-9.)
- Кулаков В. И.*, 2003. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик. 364 с. (Prussia Antiqua; т. 1.)
- Кулаков В. И.*, 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н. э. // Stratum plus. № 4/2003–2004. С. 278–382.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В.*, 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь Самбийско-Натангийской культуры // Археология Балтийского региона / Ред.: Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История. С. 74–79.
- Скворцов К. Н.*, 2003. Отчет по раскопкам грунтового могильника Березовка – Гросс Оттенхаген Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27245.
- Скворцов К. Н.*, 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.; Тверь: Тверская обл. тип. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)
- Скворцов К. Н.*, 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 2. М.; Тверь: Тверская обл. тип. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)
- Хомякова О. А.*, 2016. Отчет о разведках на территории Калининградской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 552232.
- Banytė-Rowell R.*, 2014. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? // Lietuvos Archeologija. T. 40. P. 99–138.
- Engel K.*, 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme: Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. I. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 351 S.
- Hollack E.*, 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming. 234 S.
- Ibsen T., Skvorzov K. N.*, 2005. Das Gräberfeld von Berezovka / Groß Ottenhagen. Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausents n. Chr. Im Kaliningrader Gebiet // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 85 (2004). Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. S. 379–452.
- Kontny B.*, 2012. Trade, salt and amber. The formation of Late Migration period elites in the «balti-culti» area of Northern Poland (the Elbląg group) // Archaeologia Baltica. Vol. 17. P. 60–76.
- Kurila L.*, 2009. Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė // Lietuvos Archeologija. T. 35. P. 153–192.
- Magi M.*, 2018. In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill. 544 p. (The Northern World; vol. 84.)

Wahl J., 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 11. S. 271–279.

Walker P. L., Miller K. P., 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 126. Iss. S40. P. 216–217.

Сведения об авторах

Клещенко Екатерина Андреевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru;

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

E. A. Kleshchenko, O. A. Khomyakova

THE EARLY MEDIEVAL CULTURE OF THE PRUSSIANS:
EXPLORING DISTINCTIVE FEATURES OF THE FUNERARY RITE
(BIOARCHAEOLOGICAL ASPECT)

Abstract. The paper explores some distinctive features of the funerary rite typical for the early medieval culture of the Prussians based on the studies of cremated remains. The paper is focused on the human remnants retrieved by the authors during the excavations of the Kulikovo/Sorthenen cemetery (Zelenograd district of the Kaliningrad region). The results are compared with the expertise data on cremated remains from other ground cemeteries in the Kaliningrad peninsula. The data from the comprehensive study of the materials from the graves help establish the continuity of funerary traditions among the Prussians in the period from the 6th–8th centuries to the 11th–13th centuries.

Keywords: funerary rite, cremation, early medieval period, southeastern Baltics, the culture of the Prussians.

REFERENCES

- Arsenova N. E., Kleshchenko E. A., Yablokov A. G., 2019. Novyye dannyye v izuchenii krematsiy pamyatnikov borshevskoy kul'tury na primere materialov kurgana 151 Lysogorskogo mogil'nika [New data in research of cremations in sites of Borshevo culture based on example of materials from kurgan 151 of Lysogorskiy cemetery]. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh: materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: from source critics to data generalization and interpretation: proceedings of V International conference of young researchers]*. Moscow: IA RAN, pp. 226–228.
- Banytė-Rowell R., 2014. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? *Lietuvos Archeologija*, 40, pp. 99–138.
- Dobrovol'skaya M. V., 2010a. K metodike izucheniya materialov krematsii [On the method of investigation of cremation materials]. *KSIA*, 224, pp. 85–97.
- Dobrovol'skaya M. V., 2010b. Rezul'taty antropologicheskogo analiza materialov, proiskhodyashchikh iz pogrebal'nykh iz pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Mitino [Results of anthropological analysis of materials originating from burial complexes of Mitino cemetery]. *Skvortsov K. N. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery*

- Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 investigations.*, 1. Moscow; Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya, pp. 199–217. (Materialy okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 15.)
- Dobrovolskaya M. V., 2018. Krematsii iz pogrebeniy mogil'nika Zaostrov'ye-1 [Cremations from burials of cemetery Zaostrov'ye-1]. *Kazanskiy M. M., Zaltsman E. B., Skvortsov K. N. Rannesrednekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [Early medieval cemetery Zaostrov'ye-1 in North Sambia]*. Moscow: IA RAN, pp. 249–260. (Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 22.)
- Dobrovolskaya M. V., Kleshchenko E. A., Mastykova A. V., 2017. Metodika izucheniya urnovykh krematsiy rimskogo vremeni – rannego srednevekov'ya v Yugo-Vostochnoy Pribaltike (Elektronnyy resurs) [Methods of research of urn cremations of Roman time – Early Middle Ages in South-East Baltic region (Electronic resource)]. *V (XXI) Vserossiyskiy arkhеologicheskii s'yezd [V (XXI) All-Russian archaeological congress]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 319–320. (DVD-ROM.)
- Engel K., 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme: Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen, I. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 351 p.
- Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming. 234 p.
- Ibsen T., Skvorzov K. N., 2005. Das Gräberfeld von Berezovka / Groß Ottenhagen. Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausents n. Chr. Im Kaliningrader Gebiet. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 85(2004). Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, pp. 379–452.
- Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., Skvortsov K. N., 2017. Priznaki sotsial'noy stratifikatsii u naseleniya sambiysko-natangiyskoy kul'tury v nachale srednevekov'ya (seredina V–VII v.) [Markers of social stratification among bearers of Samburgian-Natangian culture in Early Middle Ages (mid-5th–7th centuries AD)]. *RA*, 3, pp. 28–45.
- Kazanskiy M. M., Zaltsman E. B., Skvortsov K. N., 2018. Rannesrednekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [Early medieval cemetery Zaostrov'ye-1 in North Sambia]. Moscow: IA RAN. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 22.)
- Khomyakova O. A., 2016. Otchet o razvedkakh na territorii Kaliningradskoy oblasti v 2016 godu [Report on field surveys in territory of Kaliningrad region in 2016]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kleshchenko E. A., 2016a. Istoricheskaya dinamika pogrebal'noy obryadnosti naseleniya Mologo-Sheksninskogo mezhdurech'ya v I tysyacheletii n. e. (opyt primeneniya bioarkhеologicheskogo podkhoda pri izuchenii materialov krematsiy) [Historical dynamics of funeral rites practiced by population of Mologa – Sheksna interfluvium in first millennium AD (experience in application of bioarchaeological approach to the studies of cremation remains)]. *KSIA*, 245, pp. 38–59.
- Kleshchenko E. A., 2016b. Krematsii kak istoricheskii istochnik v izuchenii pogrebal'nogo obryada naseleniya Mologo-Sheksninskogo mezhdurech'ya I tys. n. e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Cremations as historical source in research of burial rite practiced by population of Mologa-Sheksna interfluvium in I mill. AD: PhD thesis. Manuscript], 1. Moscow. 214 p.
- Kleshchenko E. A., 2017. Novyye dannyye k izucheniyu pogrebal'nogo obryada drevnikh prussov (po materialam kremirovannykh ostankov iz mogil'nikov Berezovka/Gross Ottenhagen i Kulikovo 2/Sorthenen) [new data for research of burial rite of ancient Prussians (based on materials of cremated remains from cemetery Berezovka/Gross Ottenhagen and Kulikovo 2/Sorthenen)]. *Novyye materialy i metody arkhеologicheskogo issledovaniya: ot arkhеologicheskikh dannykh k istoricheskim rekonstruktsiyam: materialy IV konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: from archaeological data to history reconstructions: proceedings of IV conference of young researchers]*. Moscow: IA RAN, pp. 147–151.
- Kontny B., 2012. Trade, salt and amber. The formation of Late Migration period elites in the «balti-culti» area of Northern Poland (the Elbląg group). *Archaeologia Baltica*, 17, pp. 60–76.
- Kulakov V. I., 1977. Otchet o rabote Baltiyskogo otryada IA ANSSSR v Kaliningradskoy oblasti [Report on activity of Baltic group, IA AN SSSR in Kaliningrad region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kulakov V. I., 1980. Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii [Report on activity of Baltic expedition]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Kulakov V. I., 1990. Drevnosti prussov VI–XIII vv. [Antiquities of the Prussians, VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 166 p. (SAI.)
- Kulakov V. I., 2003. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia before 1283]. Moscow: Indrik. 364 p. (Prussia Antiqua; t. 1.)
- Kulakov V. I., 2005. Arkheologicheskiye kriterii sotsial'noy istorii Yantarnogo berega v I–VI vv. n. e. [Archaeological criteria for social history of Amber shore in I–VI cc. AD]. *SP*, 4/2003–2004, pp. 278–382.
- Kurila L., 2009. Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė. *Lietuvos Archeologija*, 35, pp. 153–192.
- Magi M., 2018. In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill. 544 p. (The Northern World, 84.)
- Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., 2013. Paleoantropologicheskiye issledovaniya i pogrebal'nyy inventar' Sambiysko-Natangiyskoy kul'tury [Palaeoanthropological investigations and grave goods of Sambian-Natangian culture]. *Arkheologiya Baltijskogo regiona [Archaeology of Baltic region]*. N. A. Makarov, A. V. Mastykova, A. N. Khokhlov, eds. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 74–79.
- Skvortsov K. N., 2003. Otchet po raskopkam gruntovogo mogil'nika Berezovka – Gross Ottenkhagen Sambiysko-Natangiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsiyey v 2003 godu [Report on excavations of ground cemetery Berezovka – Gross Ottenhagen of Sambian-Natangian archaeological expedition in 2003]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Skvortsov K. N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 investigations], 1. Moscow; Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya. 302 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 15.)
- Skvortsov K. N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 investigations], 2. Moscow; Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya. 806 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 15.)
- Wahl J., 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 11, pp. 271–279.
- Walker P. L., Miller K. P., 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 126, iss. S40, pp. 216–217.

About the authors

Kleshchenko Ekaterina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru;

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

Е. Ю. Лебедева, А. Ю. Сергеев

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ПРОДУКЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В 2016–2018 гг.)

Резюме. В статье представлены результаты археоботанических исследований в Московском Кремле и обсуждается проблема использования растений жителями города с особым акцентом на потреблении зерновой продукции. Материалы рассматриваются по двум хронологическим выборкам (XII – перв. пол. XIII в. и втор. пол. XIII – XV в.), что позволяет проследить динамику изменения археоботанических спектров. Выделяются три специфические черты, характеризующие коллекцию зерновых в Москве. Во-первых, высокая насыщенность зерном культурного слоя; во-вторых, стабильно высокий показатель доли ржи на протяжении столетий (ок. 70 %) и, в-третьих, остающийся непонятным факт сокращения на 10 % доли овса в поздней выборке. Последнее, по мнению авторов, противоречит логике развития города, требующей увеличения фуражных запасов для лошадей – основного транспортного средства средневековья. Авторы приходят к выводу, что при отсутствии или скудости находок экзотических растений, выступающих маркерами элитного питания в европейских городах, в средневековой Руси в этом качестве могут интерпретироваться обычные зерновые культуры, в частности – мягкая пшеница.

Ключевые слова: археоботаника, Московский Кремль, культурные растения, экзотические растения, элитная пища (archaeobotany, crop plants, exotic plants, elite food).

В комплексных археологических исследованиях, проводимых в восточной части Московского Кремля Институтом археологии РАН в 2016–2018 гг. (Макаров и др., 2017а; 2017б; 2018), археобиологическое направление занимает значительный по объему сегмент. Уже опубликованы первые результаты изучения природного окружения Москвы (Алешина и др., 2018а; 2018б), особенностей мясной диеты горожан (Антипина, Яворская, 2018) и их антропологического облика (Добровольская и др., 2017). В настоящей статье мы представляем итоги

археоботанических исследований растительных макроостатков, полученных в ходе этих археологических работ, с особым акцентом на потреблении в городе сельскохозяйственной продукции.

За три года раскопок удалось собрать 36 образцов для археоботанического анализа, представляющих различные категории материалов. Это и заметные невооруженным глазом объемные скопления зерен и семян (2), и единичные визуальные находки, выбранные при просеивании слоя (3), и образцы, полученные флотацией грунта из заполнения различных ям и культурного слоя вне сооружений (31). Пробоотбором были охвачены практически все раскопанные участки на месте демонтированного корпуса № 14 Московского Кремля, достаточно равномерно представлены и хронологические горизонты. Флотация проводилась по принятой в ИА РАН методике, с соблюдением единого стандартного объема почвенных образцов в 10 л культурного слоя (Лебедева, 2008; 2016). К настоящему времени исследованы все пробы, происходящие из раскопов 1, 2 и 3 (табл. 1); не изученными пока остаются только четыре флотационных образца из шурфа № 4 (2016 г.).

Археоботанические макроостатки в нашей коллекции представлены двумя основными типами сохранения: в карбонизированном и необугленном состоянии; кроме того, преимущественно среди дикорастущих видов встречаются и минерализованные семена¹, которые традиционно учитываются в одном списке с карбонизированными. В общей сложности нами учтено 43 547 различных макроостатков во всех категориях образцов.

Наиболее распространенный, характерный для поселений всех эпох и разных климатических зон способ сохранения растений – карбонизация. Более того, в наших условиях зерна злаков и других сельскохозяйственных культур доходят до исследователей почти исключительно благодаря тому, что были случайно или намеренно сожжены. Именно они и служат основным источником для реконструкции потребления сельскохозяйственной продукции в средневековых городах. Причем для понимания структуры этого потребления наиболее адекватными являются образцы, полученные флотацией культурного слоя, которые содержат растительные макроостатки длительного накопления, происходящие от разных эпизодов сгорания (Там же). Поэтому обзор археоботанической коллекции Московского Кремля мы начнем именно с них.

Результативность флотации на всех раскопах была 100%-ной, т. е. во всех образцах содержались остатки древних растений, в том числе и культурных. Из 27 образцов было извлечено в общей сложности более 22 тыс. карбонизированных растительных макроостатков (табл. 1). Однако почти половина их сосредоточена всего в двух пробах, что существенным образом влияет на структуру коллекции. Согласно нашей методике, такие пробы должны быть изъяты из выборки и исследоваться отдельно, как небольшие скопления, или же условно к ним отнесенные (Там же). Таким образом, здесь мы будем рассматривать данные по 25 образцам, которые равномерно распределяются по двум хронологическим горизонтам: 12 – относятся к XII – перв. пол. XIII в. (т. е. преимущественно

---

¹ Подробнее о способах сохранения древних растений в культурном слое см.: (Лебедева, 2016).

к домонгольскому времени), еще 12 – ко втор. пол. XIII – XV в. и один – датируется XVI–XVII вв. Для группировки материала удобнее оперировать двумя выборками, включив последний образец в состав поздней, тем более что он не сильно насыщен растительными макроостатками и не оказывает заметного воздействия ни на их структуру, ни на спектры культурных растений. В количественном отношении обе выборки сопоставимы (5192 и 6465 макроостатков в ранней и поздней соответственно), что обеспечивает корректность сравнения данных при интерпретации.

В структуре коллекции более 60 % макроостатков принадлежит культурным растениям (табл. 1), причем около половины из них – это неопределимые фрагменты злаков и бобовых. Фрагментация археоботанических материалов на памятнике достаточно высокая, и даже большая часть определимых зерен также представлена фрагментами². Сохранность макроостатков в среднем составляет 3–3,5 балла (от 2 до 4) по пятибалльной шкале. Всего удалось определить и учесть 3253 экземпляра зерен злаков, семян бобовых растений и т. н. технических культур, которые формируют совокупный археоботанический спектр (АБС) и субспектры по хронологическим выборкам (1542 – в раннем и 1711 – в позднем).

Таблица 1. Структура археоботанических макроостатков в образцах из Московского Кремля

№ ан.	Год	Место отбора пробы	Культурные растения			Лесные и садовые	Сорные	Прочие макроостатки	Всего
			зерна и семена	неопр. фрагм.	мякина				
2785	2016	Р. 1, уч. 2, кв. 28, я. 81, дно	131	103	4	38	570	56	902
2786		Р. 1, уч. 2, кв. 27, 28, я. 78, дно	57	61	1	15	136	99	369
2787		Р. 2, уч. 1, кв. 2, пл. -170–180, между погр. 4 и 5	154	369	1	1	63	1	589
2788		Р. 2, уч. 2, кв. 7, пл. -160–170	32	67		3	25	2	129
2789		Р. 2, уч. 3, кв. 11, пл. -170–180	39	83		4	43	2	171
2790		Р. 3, уч. 1, кв. 6, пл. -200–210	500	668	4	245	1194	87	2698
2791		Р. 3, уч. 1, я. 50, кв. 5, пл. -405–407	105	153		22	532	35	847
2793		Р. 3, уч. 1, я. 50, кв. 5, пл. -400–410	33	37	7	21	200	29	327
2794		Р. 3, уч. 1, я. 54, кв. 6, пл. -250–260	456	610		16	70	24	1176

² Пересчет определимых фрагментов до целых проводился либо по верхним, либо по нижним (тем, которых больше в конкретном образце) частям зерновок; а для скопленных – методом сопоставления объемов целых и фрагментов.

Окончание таблицы 1

№ ан.	Год	Место отбора пробы	Культурные растения			Лесные и садовые	Сорные	Прочие макро-остатки	Всего
			зерна и семена	неопр. фрагм.	мякина				
2795	2016	Р. 3, уч. 2, я. 34, кв. 9, пл. -200–240	67	98		18	55	14	252
2796		Р. 3, уч. 2, кв. 10, пл. -170–180	8	11	1	2	102	7	131
2765		Р. 3, уч. 3, я. 107, кв. 16, пл. -170–190	685	850	56	37	139	28	1795
2797		Р. 3, уч. 1, я. 54, кв. 5, пл. -240–250	33	100		15	81	9	238
2893	2017	Р. 2, уч. 3, пл. -180–190, слой Б3	14	21	2	17	83	1	138
2894		Р. 2, уч. 3, кв. 34, пл. -170–180	62	55		2	29	2	150
2895		Р. 2, уч. 1, кв. 19 (бровка), пл. -190–200, слой Г (на материке)	40	27		7	32	20	126
2896		Р. 3, уч. 1, я. 34, кв. 21, пл. -170–180	22	8		1	26	1	58
2897		Р. 3, уч. 1, 4, я. 34, кв. 7, 9, 21, 23, пл. -220–230	86	18			4		108
2898		Р. 3, уч. 4, я. 80, кв. 24, пл. -150–160	183	142	1		6		332
2899		Р. 3, уч. 4, я. 80, кв. 25, пл. -180–190	42	24		6	6		78
2901		Р. 3, уч. 1, кв. 3, пл. -280–300, слой В-4	131	64		5	52	4	256
2902		Р. 3, уч. 4, кв. 23, пл. -150–160, слой В-1	78	85		9	9	4	185
2903		Р. 3, уч. 1, кв. 3, 4, пл. -280–300, слой В-4	37	31		2	16	16	102
3008	2018	Р. 2, уч. 3.2, кв. 33, пл. -240–250, слой В-2	37	34		10	69		150
3009		Р. 2, уч. 3.2, я. 33, кв. 34, пл. -240–250	221	91	1	7	29	1	350
Всего			3253	3810	78	503	3571	442	11657
%			27,9	32,7	0,7	4,3	30,6	3,8	100,0
Отнесены к скоплениям									
2792	2016	Р. 3, уч. 1, я. 50, кв. 5, пл. -260–280	2166	3464	6	10	150	15	5811
%			37,3	59,6	0,1	0,2	2,6	0,3	100,0
2900	2017	Р. 3, уч. 1, кв. 28, пл. -170–180, слой В	1544	813	19	11	2248	7	4642
%			33,3	17,5	0,4	0,2	48,4	0,2	100,0
Скопление									
2766	2016	Р. 3, уч. 3, я. 107, кв. 15/6, пл. -197–200	2392	4	1		3	3	2403
%			99,5	0,2	0,1		0,1	0,1	100,0

В археоботанических спектрах, демонстрирующих соотношение зерен и семян культурных растений в коллекции, абсолютно доминирует рожь *Secale cereale* и ее доля (ок. 70 %) остается неизменной на протяжении столетий (табл. 2, 3; рис. 1). На фоне основной культуры присутствие других видов выглядит невыразительным, хотя именно они и определяют различия на двух хронологических горизонтах. Овес *Avena sativa* – вторая по значимости зерновая культура – обнаружен, как и рожь, во всех без исключения образцах, но наблюдается нехарактерное для русского средневековья почти двукратное сокращение его представительности в поздней выборке (с 22,4 до 10,1 %). Мягкая пшеница *Triticum aestivum* также присутствует на всем исследованном хронологическом диапазоне, но в спектре XIII–XV вв. уже занимает существенно больший сегмент (10,4 %), чем в домонгольском (1,7 %), равно как возрастает и встречаемость ее зерен в пробах (табл. 2, 3). Фактически пшеница на доли процента даже превосходит овес в это время. Просо (преимущественно это просо обыкновенное *Panicum miliaceum* и, возможно, итальянское *Setaria italica*), напротив, обнаружено в 10 из 12 образцов ранней выборки и только в пяти из 13 – в поздней. И хотя доля его в последней в два раза больше (5,4 против 2,5 %), она объясняется концентрацией зерен в образце, где были зафиксированы также остатки сгоревшей пшеничной каши (№ ан. 2790), и можно полагать, что значительная часть зерновок тоже происходит из нее, на что указывает, в частности, их плохая сохранность. Минимально участие в обоих АБС ячменя *Hordeum vulgare* (0,7 и 0,6 %). Единственная зерновка пшеницы двузернянки *Triticum turgidum* ssp. *dicocum* обнаружена в одной из проб XIII–XIV вв. (табл. 3).

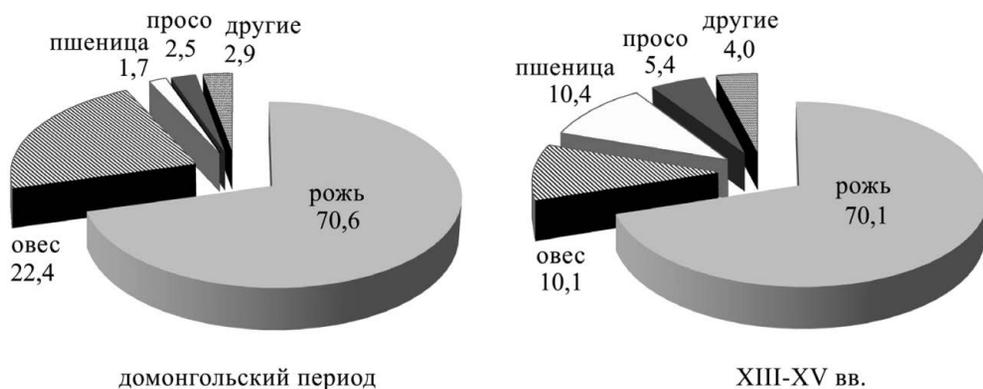

Рис. 1. Археоботанические спектры по двум хронологическим выборкам

Таблица 2. Таксономический состав культурных растений в образцах XII – перв. пол. XIII в.

№ лаб. ан. Таксон	2786	2787	2788	2789	2791	2793	2796	2765	2895	2901	2903	3009	Всего
Зерна и семена													
<i>Triticum aestivum</i> s.l.	17		1	2	1			2	2	1			26
<i>Hordeum vulgare</i>	1			1	2	1		4	1			1	11
<i>Secale cereale</i>	23	118	29	27	73	14	3	498	30	112	17	145	1089
<i>Avena sativa</i>	10	23	2	6	13	6	3	173	4	13	19	73	345
<i>Panicum miliaceum</i>	5	8		2	1	2	1	3	1	2		2	27
<i>Setaria italica</i>				1	4	3							8
<i>P. mil./S. italica</i>					1	1	1						3
<i>Pisum sativum</i>		4			5	6		2	2				19
<i>Lens culinaris</i>					4					2	1		7
<i>Linum usitatissimum</i>					1			1					2
<i>Cannabis sativa</i>	1	1						2		1			5
Cerealia, н/о фрагм.	61	368	66	82	142	37	10	849	26	62	29	89	1821
Fabaceae, н/о фрагм.		1	1	1	11		1	1	1	2	2	2	23
Мякина													
cf. <i>Triticum turgidum</i> ssp. <i>dicoccum</i>						1							1
<i>Hordeum vulgare</i>	1					1							2
<i>Secale cereale</i>							1	25				1	27
<i>Avena sativa</i>		1				3		28					32
<i>Panicum miliaceum</i>						2							2
Неопределимые								3					3
Флодовые													
cf. <i>Malus domestica</i>						1							1
<i>Ficus carica</i>	1												1

Таблица 3. Таксономический состав культурных растений в образцах XIII–XV и XVI–XVII вв.

№ лаб. ан. Таксон	2790	2794	2795	2797	2893	2896	2897	3008	2785	2898	2899	2902	2894	Всего
	втор. пол. XIII – XIV в.							XV в.					XVI–XVII	
Дата														
Зерна и семена														
<i>Triticum turgidum</i> ssp. <i>dicoccum</i>					1									1
<i>Triticum aestivum</i> s.l.	124	4	5	1	1	2	2	1	21	10	2	1	1	175
<i>Triticum</i> sp.									2					2
<i>Hordeum vulgare</i>	4	2			1					2		2		11
<i>Secale cereale</i>	264	406	44	22	9	9	59	25	72	133	35	63	58	1199

Окончание таблицы 3

Таксон	№ лаб. ан.	2790	2794	2795	2797	2893	2896	2897	3008	2785	2898	2899	2902	2894	Всего
<i>Avena sativa</i>		32	29	12	5	1	11	16	7	15	29	5	8	3	173
<i>Panicum miliaceum</i>		63	1	1	4					17					86
<i>Setaria italica</i>		1	1	2											4
<i>P. miliaceum/ S.italica</i>				1					1						2
<i>Pisum sativum</i>		10	7	2	1	1		6	1	1	4		1		34
<i>Lens culinaris</i>		1	5					3	1	3	5		2		20
<i>Linum usitatissimum</i>		1													1
<i>Cannabis sativa</i>			1						1				1		3
Cerealia, н/о фрагм.		667	603	94	99	21	8	17	34	102	129	24	83	55	1936
Fabaceae, н/о фрагм.		1	7	4	1			1		1	13		2		30
Мякина															
<i>Secale cereale</i>		3				2				4	1				10
<i>Avena sativa</i>		1													1

Помимо зерна встречены и остатки мякины – отходы от обмолота злаков (78 экз., табл. 1–4). В общей структуре коллекции этой категории макроостатков принадлежит всего 0,7 %, что вполне закономерно для городского контекста, поскольку обмолот зерновых производится на месте их возделывания, а горожане получают продукт, уже прошедший несколько стадий очистки. В некоторых случаях, перед размолотом на муку или для приготовления другой пищи в домашних условиях осуществляется более тонкая очистка зерновых запасов, вплоть до ручной переборки. Именно результат финальной домашней обработки и представляют колосовые сегменты ржи, ножки и основания колосков овса и реже встречающиеся фрагменты колоса других видов, сожженные и постепенно рассеявшиеся по культурному слою в качестве мусора. В одном из домонгольских образцов (№ ан. 2765) удалось зафиксировать небольшую концентрацию колосовых фрагментов, маркирующих подобную операцию. Этим, собственно, и объясняется некоторое превосходство мякины в ранней выборке (2,4 против 0,2 %).

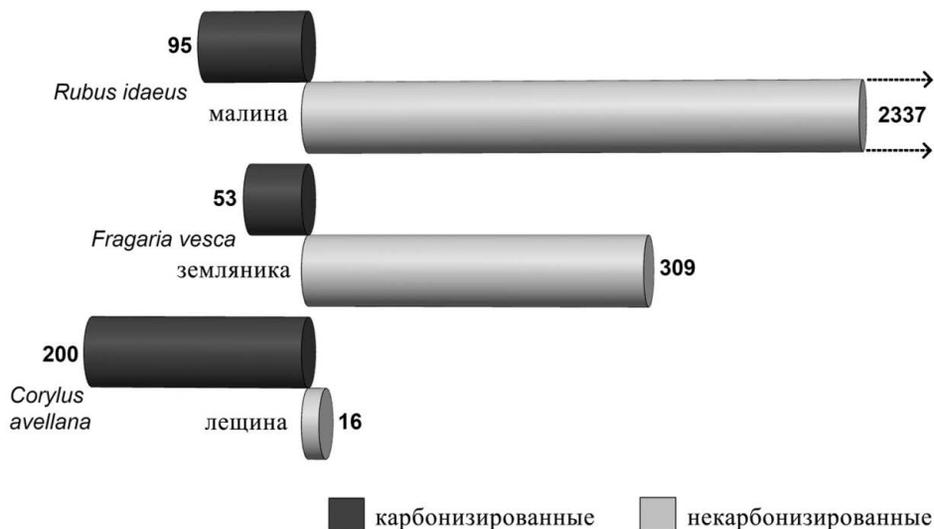
Возрастает с течением времени и доля бобовых растений – гороха *Pisum sativum* и чечевицы *Lens culinaris* (с 1,7 до 3,2 %). И хотя разница выглядит мало-выразительной в отличие, скажем, от пшеницы, но увеличение одновременно с этим и частоты встречаемости в образцах XIII–XV вв. (табл. 2 и 3) свидетельствует об объективности отмеченного тренда. Два десятка семян гороха – помимо учтенных здесь – было обнаружено в образце из визуальной выборки, полученной при просеивании слоя XIII–XV вв.; и еще 12 семян гороха и пять чечевицы – в двух флотационных пробах, отнесенных к категории скоплений (табл. 4). Несмотря на то что бобовые были важной частью рациона питания, их

присутствие в АБС всегда бывает незначительным, что объясняется, скорее всего, низкими шансами оказаться сгоревшими в сравнении со злаками. В равной степени это относится и к т. н. техническим культурам, из которых в московской коллекции присутствуют лен *Linum usitatissimum* и конопля *Cannabis sativa*; сегмент каждой из них в суммарном АБС минимален – 0,1 и 0,2 % соответственно. Можно предполагать, что в городе такие семена хранились не для изготовления масла, а в кулинарных целях.

Таблица 4. Таксономический состав культурных растений в скоплениях и визуальных находках

№ лаб. ан. Дата Таксон	2766		2792		2900		3129
	Домонгольский слой				XIII–XIV вв.		XIII–XV вв. (визуальная выборка)
	N	%	N	%	N	%	
Зерна и семена							
<i>Triticum aestivum</i> s.l.			15	0,7	2	0,1	2
<i>Triticum</i> sp.			1	0,05			
<i>Hordeum vulgare</i>	2	0,1	6	0,3	2	0,1	
<i>Secale cereale</i>	2384	99,6	1831	84,5	1283	83,1	16
<i>Avena sativa</i>	6	0,3	281	13,0	203	13,1	11
<i>Panicum miliaceum</i>			23	1,1	2	0,1	
<i>Setaria italica</i>			3	0,1	40	2,6	
<i>P. mil./S. italica</i>					1	0,1	
<i>Pisum sativum</i>			4	0,2	8	0,5	22
<i>Lens culinaris</i>			2	0,1	3	0,2	
Cerealia, фрагм.	4		3460		813		
Мякина							
<i>Hordeum vulgare</i>					2		
<i>Secale cereale</i>	1		5		15		
<i>Avena sativa</i>			1				
неопределенные					2		

«Витаминной добавкой» к обыденной зерновой диете служили жителям Москвы преимущественно плоды ближайших лесов – малина *Rubus idaeus* и земляника *Fragaria vesca*, а белковой – орехи *Corylus avellana*. Этот набор мы называем «лесной триадой», поскольку его можно обнаружить на всех типах средневековых поселений лесной зоны. В Москве, как и во многих других городах, семена этих растений представлены в двух вариантах сохранения – карбонизированном и необугленном, причем семян ягод существенно больше среди последних, тогда как скорлупки орехов преимущественно сгоревшие (рис. 2). Из плодовых растений обнаружено всего одно минерализованное семя яблони, предположительно – домашней cf. *Malus domestica*. Остатки плодов так

Рис. 2. Сопоставление находок лесных плодов по двум типам сохранения (количественные данные)

называемых экзотических растений, места произрастания которых не вызывают сомнений в интерпретации их в качестве импорта, в нынешних раскопках на Кремлевском холме представлены только тремя семенами инжира *Ficus carica* – одно обугленное и два некарбонизированных. Следует особо подчеркнуть, что две из трех находок приурочены к образцам из домонгольского слоя, как и яблоня (табл. 2). Справедливости ради нужно отметить, что при раскопках ИА РАН в Тайницком саду в 2007 г. тот же инжир, а также другие, уже местные плодовые и ягодные растения – лесные и садовые (яблоня, калина, рябина, черемуха, черника и др.) – и даже овощные культуры (огурцы, репа, укроп, петрушка) встречались несколько чаще³ благодаря сильной переувлажненности культурного слоя, анаэробная среда в котором способствовала сохранению семян без сгорания.

Но все же основная масса некарбонизированных макроостатков принадлежит семенам сорных и дикорастущих трав. На 3571 обугленное семя приходится 11 157 некарбонизированных (НК). Формат и тема этой статьи не предусматривают детального рассмотрения данной категории макроостатков, позволим себе лишь коротко остановиться на проблеме самой возможности сохранения семян без участия огня в сухом культурном слое, тем более что Москва предоставляет для этого отличную площадку. Считается, что в зоне умеренного климата высохшие НК семена могут сохраняться на поселениях с обычным сухим слоем лишь в исключительных ситуациях, связанных, как правило, с использованием растительных компонентов в средневековом домостроительстве (*Ernst, Jacomet, 2006*).

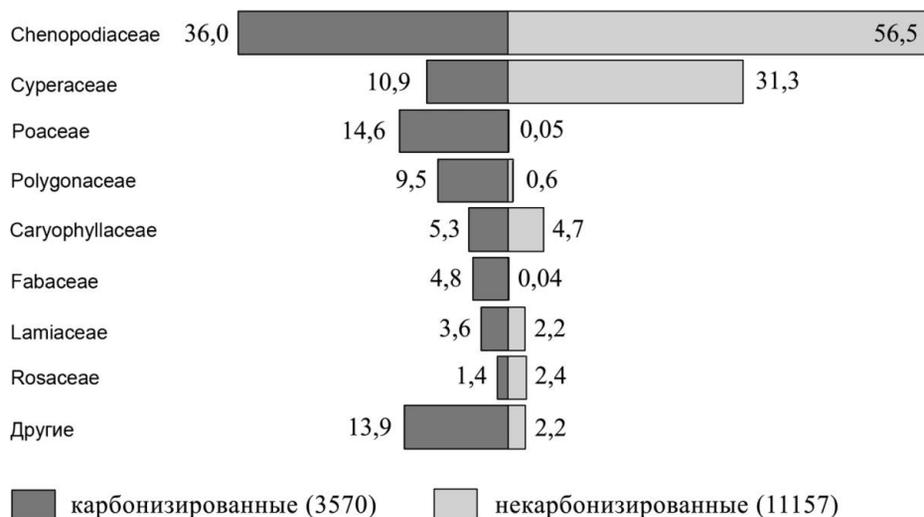
³ Материалы исследовались авторами статьи и пока не опубликованы.

Обилие таких семян в слоях средневековых памятников – особенно городского типа – убеждает нас в том, что возможны и другие ситуации. Раскопками в Москве на разных объектах города в разные годы были выявлены и сильно увлажненные культурные напластования (вплоть до «мокрого» слоя) и совершенно «сухие», как в нынешние сезоны. Археологам хорошо известно об обилии в «мокрых» напластованиях навоза, заметного невооруженным глазом (раскопы в Зарядье, в Тайницком саду), и это позволяет предполагать, что не меньше его было и на тех участках, где избыточное увлажнение отсутствует, а сам навоз соответственно не сохраняется (или присутствует в виде микроскопических фрагментов в наших пробах). Столь же хорошо археobotаникам известно об обилии НК семян, которые можно обнаружить в переувлажненных отложениях. По опыту работы с материалами 2007 г. мы знаем, что в одном образце из такого слоя может содержаться во много раз больше семян и других диаспор дикорастущей флоры, чем зафиксировано во всей рассматриваемой здесь коллекции; только благодаря сухому слою нам и удалось сейчас произвести их абсолютный подсчет.

Физическое состояние НК семян из сухого слоя позволяет предполагать их древнее, а не интрузивное отложение в культурном слое. По нашему мнению, одной из причин, обусловивших возможность их сохранения в течение нескольких столетий, мог быть навоз; в процессе его разложения создавались условия для минерализации одних семян (*Green, 1979; McCobb et al., 2001; 2003; Murphy, 2014*)⁴, но, возможно, и для консервации других. В первую очередь речь идет о растениях с плотной семенной оболочкой, у которых именно она чаще всего и выживает, реже – сами семена, высохшие или полуминерализованные. Сравнение списков основных семейств, представляющих обугленные и НК семена сорных растений в нашей коллекции (рис. 3), показывает, что почти 88 % последних относятся всего к двум семействам – маревым *Chenopodiaceae* и осоковым *Cyperaceae*, которые являются также и наиболее представительными среди карбонизированных (47 %). Исключение составляют мятликовые (или злаки) *Poaceae*, шансов сохраниться без помощи огня у которых крайне мало в силу особенностей строения. Примечательно, что семена маревых доминируют в большинстве изучавшихся образцов навоза на огромных евразийских пространствах (*Spengler, 2019*). В некоторых из наших образцов карбонизированные семена маревых тоже могли происходить из случайно сгоревшего навоза, на что указывает факт их обугливания уже в полуразложившемся состоянии, лишенными перисперма.

О том, какие из сорных семян имеют непосредственное отношение к сельскохозяйственной продукции, т. е. были засорителями урожая, лучше всего судить, конечно же, по зерновым скоплениям. Однако в нашем случае к классическому варианту таковых относится лишь одна находка, сделанная в яме 107 домонгольского времени (№ ан. 2766), но она оказалась на редкость «чистой», почти

⁴ Большинство работ по минерализации семян, как мы уже отмечали (*Лебедева, Сергеев, 2018*) касается преимущественно поселений с «мокрым» слоем, а также таких объектов, как уборные, выгребные ямы; практически нет публикаций, где рассматривались бы причины появления таких семян в памятниках с обычным минеральным «сухим» слоем.

Рис. 3. Представительность семейств сорных и дикорастущих трав по двум типам сохранения (в %)

лишенной каких-либо примесей. Так, в исследованной субпробе объемом 60 мл на 2384 зерновки ржи приходится всего 3 семени сорняков и несколько зерен других культур (табл. 4). Это редкий случай «чистоты» образца в нашей практике, в том числе и по работе с многочисленными скоплениями из раскопок 2007 г. Зерна ржи крупные: средняя длина их – 5,87 (4,1–7,5) мм, ширина – 2,18 (1,5–2,9) мм, высота – 2,03 (1,5–2,7) мм и в основной своей массе однородные (рис. 4: 1), т. е. очень мелкие и очень крупные экземпляры встречаются в небольшом числе.

Специфика данного скопления заключается еще и в том, что не менее половины зерна проедена насекомыми (рис. 4: 2). Этим, скорее всего, объясняется и высокая фрагментация находки; достаточно сказать, что на 40,5 мл целых зерен приходится 11 мл фрагментов. Более серьезная ситуация фиксируется в двух образцах, условно отнесенных нами к скоплениям, где также проеденные зерна ржи обильно представлены (табл. 4). К примеру, в образце № 2900 на 10 мл целых зерен приходится 10,5 мл фрагментов, а в № 2792 фрагменты более чем вдвое превосходят целые зерновки (17,5 и 8 мл соответственно). Отсюда вытекает заключение, что порча зерна насекомыми-вредителями – основной бич для москвичей при хранении зерна.

Примечательно, что мы почти не находим проросших зерен, что часто случается при хранении запасов в ямах. Следовательно, хранилища для зерна в городе даже в ранний период были наземными или, по меньшей мере, хорошо оборудованными подземными. Скорее всего, именно последний вариант и представляет собой небольшая яма 107 (размерами 93 × 70 см и глубиной 50 см), где в верхней части заполнения фиксировался древесный тлен, а на дне вместе с зерном ржи – куски обугленной древесины (Макаров и др., 2017а); это мог

1

2

Рис. 4. Зерна ржи *Secale cereale* из скопления в яме 107

1 – общий вид; 2 – проеденные насекомыми зерновки

быть деревянный ларь или короб, впущенный неглубоко в землю. К сожалению, учитывая масштаб строительной активности в последующие столетия, археологически не удалось проследить связь этого объекта с каким-либо синхронным сооружением.

По нашему мнению, запас ржи действительно хранился в этой яме и сгорел здесь же, а не был скинут в заброшенный объект в качестве мусора. Об этом говорит опять же «чистота» зерна – в данном случае уже физическая (а не только таксономическая), т. е. зерна не были обмазаны глиной, не были заизвесткованы, хорошо сохранились, если не считать следов воздействия на них насекомых (рис. 4). Сброс горелого мусора в эту яму маркирует флотационная проба (№ ан. 2765), отобранная на 10–20 см выше скопления. В этом образце зафиксировано довольно большое количество археоботанических остатков (табл. 1),

но они отличаются уже худшей сохранностью и представляют смесь зерен различных видов (включая обилие НК семян дикорастущих трав), что свидетельствует о перемешанности материалов либо при пожаре и связанных с ним разрушениях, либо позже – при расчистке участка.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, завершая обзор археоботанических материалов из скоплений. В уже упомянутом образце № 2900, извлеченном из флотационной выборки и условно отнесенном нами к категории скоплений, зафиксировано крайне интересное сочетание культурных и сорных растений. Два основных злака – рожь и овес (табл. 1, 4) сопровождаются в нем огромным числом сорняков (2248 экз.), из которых 2027 относятся к подсемейству просовых *Panicoideae*, среди последних выделено не менее 782 семян щетинника зеленого *Setaria italica* ssp. *viridis*⁵. Обычно эти сорняки засоряют посевы культурного проса (которого в этой пробе очень мало), а не ржи или овса; но нам никогда не встречались они в таком обилии в лесной зоне: ни в средневековье, ни в более раннее время (дьяковская культура), когда просо было самым важным злаком в составе урожая на этой территории (*Лебедева*, 2005; 2013). Образец был отобран в слое XIII–XIV вв. вне сооружений, т. е. материалы не могут характеризоваться как намеренно сброшенный в яму мусор. И хотя по своей природе они таковым и являются, но их археологизация, возможно, была иной: семена были не рассеяны по слою, а сконцентрированы в одном месте. Такое местонахождение подводит к возможной интерпретации всей находки как корма для птицы. Кроме щетинников этот корм включал в себя и сильно фрагментированные зерна ржи и овса (см. выше), которые, вероятно, были отсеяны после обнаружения зараженности зерна насекомыми-вредителями. Только такое искусственное объединение в рамках корма может объяснить сочетание засорителей одного вида культурных злаков с зерном других видов.

* * *

Высокая насыщенность культурного слоя древней Москвы макроостатками культурных растений в сочетании со 100%-ной результативностью флотации говорят о наличии в городе большого количества зерна и высоком уровне его потребления. Такая картина обычна и логична для средневекового города. Но здесь индекс насыщенности очень велик, причем стабильно велик, начиная с XII в. (288 и 284 в каждой из хронологических выборок), даже с учетом того, что самые обильные пробы были исключены нами из расчетов. Это заметно отличает Москву от других городов Руси. Хотя с сожалением следует признать, что число памятников, где проводились аналогичные исследования, еще очень незначительно (Ярославль, Ростиславль Рязанский, Переяславль Рязанский, Торжок, Старая Рязань) и их коллекции неравнозначны, за редким исключением

⁵ Зерновки в чешуях или с их следами были диагностированы как *Setaria italica* ssp. *viridis*, остальные, лишенные чешуй мелкие зерновки очень плохой сохранности были определены только до уровня подсемейства *Panicoideae*, хотя, возможно, также относятся к этому виду.

малопредставительны или еще не полностью изучены. Во всяком случае, лишь в слое XVII в. Переяславля Рязанского индекс насыщенности был более высоким (437), но там предполагалось присутствие рассеянных скоплений в культурных напластованиях (Лебедева, 2011), скрывающих истинную концентрацию зерна. Если говорить о других участках Москвы, то на Подоле (раскопки в Тайницком саду 2007 г.) этот показатель уже существенно ниже – 168, что характеризует, судя по всему, потребительский статус населения этих разных участков города в XIII–XVI вв.

Говоря о потреблении аграрной продукции в городе, мы подразумеваем не только диету москвичей, но и кормление животных: и тех, что в малом числе могли содержаться в городских условиях, но главным образом – лошадей, без которых нормальное функционирование городского центра просто невозможно. С их помощью осуществлялось передвижение людей, доставка воды, леса для строительства, продовольствия и других товаров, а также сырья, необходимого для ремесленного производства. Невозможно четко разделить, что в полученных нами спектрах предполагалось для питания людей, а что для животных. Традиционно к фуражным культурам относят овес, ячмень, пленчатые пшеницы, но при почти полном отсутствии в АБС двух последних у нас остается только овес.

В этой связи мы подходим ко второй, не менее важной особенности московской коллекции, объяснить которую пока не в состоянии. Наблюдается совершенно нетипичное для древнерусских памятников – городских и сельских – сокращение доли овса в АБС по хронологическому вектору (с 22,4 до 10,1 %). Казалось бы, по мере развития города вес и значение этого злака должны повышаться. Мы же фиксируем обратное. Для сравнения приведем данные наших исследований крупных археоботанических коллекций двух памятников: города Ярославля – такого же, как и Москва, потребителя сельскохозяйственной продукции, и селища Мякинино 1 – ее производителя; тем более что для них имеется возможность рассмотреть динамику изменения в АБС на протяжении нескольких столетий, начиная с домонгольского времени. На Успенском раскопе в Ярославле ситуация не менее странная – там, в отличие от Москвы, овса очень много и его доля увеличивается с 40 % в XII веке до 77,6 % в среднем для периода XIII–XVII вв. (Антипина, Лебедева, 2012). В Мякинино наблюдается постепенное возрастание этой культуры с 20 % в раннем спектре до 34,5 % в XV в., что свидетельствует о больших масштабах ее возделывания. В малых городах России отмеченная тенденция роста овса тоже отчетливо выражена: с 20 до 44 % в Ростиславле Рязанском, коллекция которого, правда, изучена еще не с той полнотой, как первые две (Лебедева, 2005).

Диаграммы археоботанических спектров двух периодов (рис. 1) со всей очевидностью демонстрируют вытеснение овса мягкой пшеницей и лишь в меньшей степени другими культурами. Но два обстоятельства не позволяют считать именно этот факт причиной сокращения овса в «потребительской корзине». Во-первых, пшеница использовалась преимущественно для выпечки хлеба и, соответственно, должна была бы поглотить долю ржаного сегмента АБС, а не овса, который тоже широко использовался в питании, главным образом – в виде каши. Вряд ли замену овсяной каши белым хлебом можно считать убедительной

причиной. Во-вторых, мы обсуждаем сокращение доли овса как фуражной культуры, а пшеница в средней полосе России вряд ли могла использоваться с этими целями.

Можно было бы связать отмеченную особенность с постепенным изменением функционального статуса данного участка города: в том смысле, что хранение фуража здесь становится не совсем уместным. Но в материалах XIII–XVII вв. из раскопок 2007 г. на подоле наблюдалась та же, если не худшая, картина: по данным из 10 исследованных нами образцов овсу принадлежит всего 7,1 % в АБС. При делении этой небольшой коллекции на хронологические выборки (по пять образцов в каждой) некий тренд можно усмотреть: с 3,9 % в XIII–XIV вв. до 8,2 % – в XV–XVII вв., но столь непредставительные выборки вызывают мало доверия в статистическом отношении, а максимальный показатель в любом случае удручающе невысок. Проблема, таким образом, все-таки не узко территориальная, а всецело московская. И вопрос о причинах сокращения овса в структуре потребления зерновой продукции пока остается открытым.

Третья специфическая черта археоботанической коллекции с Московского холма – абсолютное превосходство ржи над другими злаковыми культурами (70 %) на всем исследуемом хронологическом диапазоне – возвращает нас к вопросу о питании населения. Столь высоких значений этой культуры мы не встречаем в упоминавшихся средневековых городах; лишь в выборке 2007 г. с подола Москвы ее показатель еще выше и достигает 83 %. Такую ситуацию в рамках города можно рассматривать уже с точки зрения «элитарности» районов проживания. И действительно, сопоставление спектров XIII–XVI вв. с двух участков обнаруживает большее значение в рационе жителей московского холма бобовых растений, но главное – мягкой пшеницы (10,2 против 2 % на подоле). Именно белый хлеб и другая продукция, выпекавшиеся из ее муки, в данном случае следует признать маркером элитного потребления в Москве.

Для европейского археоботаника, наверное, такое утверждение покажется нонсенсом, поскольку еще в железном веке вслед за римскими legionерами в Центральную и Западную Европу начали поступать экзотические растения (фрукты и орехи, овощи и специи), остатки которых, найденные на различных поселениях этого времени, служат основанием для обсуждения элитного питания (*Bakels, Jacomet, 2003; Van der Veen et al., 2008; Livarda, 2011*). В средневековье эти традиции, по сути, не прерывались, а многие растения были интродуцированы на месте. Находки этой категории археоботанических материалов редки не только в Москве, в других исследованных нами древнерусских городах мы не встречали их вовсе. А Альслебен, проводившая сравнение традиций питания в средневековых городах севера Центральной Европы и Северо-Западной Руси, пришла к выводу, что, несмотря на развитие торговли, европейские традиции питания на Руси не утвердились, имея в виду именно эту, дополнительную его часть (*Альслебен, 2011*). С учетом таких наблюдений даже единичные находки семян инжира в Москве (начиная с домонгольского времени) выглядят уже в ином свете и не могут работать на понижение статуса города.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешинская А. С., Борисов А. В., Кочанова М. Д.*, 2018а. Результаты палеопочвенных и палинологических исследований культурного слоя в восточной части Кремлевского холма // Материалы междисциплинарной науч. конф. «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия» (14–15 ноября 2018 г., ИА РАН. Москва). М.: ИА РАН. С. 16–23.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А.*, 2018б. Изменения природной среды Кремлевского холма и его окрестностей в средневековье // КСИА. Вып. 251. С. 340–353.
- Альслебен А.*, 2011. Отражается ли городская культура питания в материале археоботанических находок? // Новгородские археологические чтения – 3: материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» / Ред. А. Е. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 125–133.
- Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю.*, 2012. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН. С. 144–229.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В.*, 2018. Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского Кремля // КСИА. Вып. 252. С. 295–306.
- Добровольская М. В., Решетова И. К., Медникова М. Б., Тарасова А. А., Васильева Е. Е., Коваль В. Ю., Энгватова А. В.*, 2017. Об антропологическом своеобразии людей, погребенных в некрополе Чудова монастыря (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 249. С. 19–27.
- Лебедева Е. Ю.*, 2005. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 159–180.
- Лебедева Е. Ю.*, 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6 / Ред. А. П. Бужилова. М.: Параллели. С. 86–109.
- Лебедева Е. Ю.*, 2011. Переяславль Рязанский: археоботанические материалы XVII века // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. Е. Н. Черных. М.: ИА РАН: Таус. С. 270–282.
- Лебедева Е. Ю.*, 2013. К истории земледелия дьяковской культуры: археоботанические материалы из Настасьино // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: ИА РАН: Таус. С. 202–243.
- Лебедева Е. Ю.*, 2016. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 118–146.
- Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю.*, 2018. Городище Уччакар в свете новых археоботанических исследований // *Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В.* Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: Таус. С. 175–198.
- Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Энгватова А. В., Васильева Е. Е., Панченко К. И., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Майоров Д. Ю.*, 2017а. Отчет об археологических исследованиях в Московском Кремле в связи с демонтажем корпуса № 14 в 2015–2016 гг. Т. 1. // Архив ИА РАН.
- Макаров Н. А., Энгватова А. В., Коваль В. Ю.*, 2017б. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. Вып. 246. С. 7–27.
- Макаров Н. А., Энгватова А. В., Коваль В. Ю.*, 2018. Раскопки в восточной части Московского Кремля в контексте изучения городов Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // РА. № 4. С. 95–113.
- Bakels C., Jacomet S.*, 2003. Access to luxury foods in Central Europe during the Roman period: the archaeobotanical evidence // *World Archaeology*. Vol. 34. No. 3. P. 542–557.
- Ernst M., Jacomet S.*, 2006. The value of archaeobotanical analysis of desiccated plant remains from old buildings: methodological aspects and interpretation of crop weed assemblages // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 15. Iss. 1. P. 45–56.

- Green F. J.*, 1979. Phosphatic mineralization of seeds from archaeological sites // *JAS*. Vol. 6. Iss. 3. P. 279–284.
- Livarda A.*, 2011. Spicing up life in northwestern Europe: exotic food plant imports in the Roman and medieval world // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 20. Iss. 2. P. 143–164.
- McCobb L. M. E., Briggs D. E. G., Carruthers W. J., Evershed R. P.*, 2003. Phosphatisation of seeds and roots in a Late Bronze Age deposit at Potterne, Wiltshire, UK // *JAS*. Vol. 30. Iss. 10. P. 1269–1281.
- McCobb L. M. E., Briggs D. E. G., Evershed R. P., Hall A. R., Hall R. A.*, 2001. Preservation of fossil seeds from a tenth century AD cess pit at Coppergate, York // *JAS*. Vol. 28. Iss. 9. P. 929–940.
- Murphy C.*, 2014. Mineralization of Macrobotanical Remains // *Encyclopedia of Global Archaeology* / Ed. by C. Smith. New York: Springer. P. 4948–4952.
- Spengler III R. N.*, 2019. Dung burning in the archaeobotanical record of West Asia: where are we now? // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 28. Iss. 3. P. 215–227.
- Van der Veen M., Livarda A., Hill A.*, 2008. New Plant Foods in Roman Britain – Dispersal and Social Access // *Environmental Archaeology*. Vol. 13. Iss. 1. P. 11–36.

Сведения об авторах

Лебедева Елена Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: elena.archbot@mail.ru;

Сергеев Алексей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: alexarchbot@yandex.ru

E. Yu. Lebedeva, A. Yu. Sergeev

AGRICULTURAL PRODUCTS IN MEDIEVAL MOSCOW
(BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS
IN THE MOSCOW KREMLIN IN 2016–2018)

Abstract. The paper presents the results of archaeobotanical studies in the Moscow Kremlin and discusses the use of plants by the city residents with a focus on consumption of crops. The analysis is based on two chronological selections (the 12th – first half of the 13th centuries; and the first half of the 13th – 15th centuries); it gives an insight into the changes over time of archaeobotanical spectra. Three specific features characterizing the crop grains in Moscow are singled out. Firstly, abundance of crop plants in the occupation layers; secondly, consistently high values of the rye share in total crops throughout centuries (around 70 %); and, thirdly, the reduction in the share of oats by 10 % in the later sample for some inexplicable reasons. In the view of the authors, the latter fact contradicts the logical development of the city that required increase in forage reserves for horses which was the main animal for transportation in the medieval times. The authors come to the conclusion that in the absence or scarcity of exotic plant finds used as markers of luxury food in European cities, common grain crops such as bread wheat can be used as elite food indicator in Medieval Russia.

Keywords: archaeobotanics, Moscow Kremlin, crop plants, exotic plants, elite food.

REFERENCES

- Aleshinskaya A. S., Borisov A. V., Kochanova M. D., 2018a. Rezul'taty paleopochvennykh i palinologicheskikh issledovaniy kul'turnogo sloya v vostochnoy chasti Kremlevskogo kholma [Results of palaeosoil and palinological investigations of cultural deposit in eastern part of the Kremlin hill].

- Materialy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii «Arkheologiya i estestvennyye nauki v izuchenii kul'turnogo sloya ob' yektov arkheologicheskogo naslediya» [Proceedings of interdisciplinary conference «Archaeology and natural sciences in studies of cultural deposit at objects of archaeological heritage»]*. Moscow: IA RAN, pp. 16–23.
- Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Spiridonova E. A., 2018b. Izmeneniya prirodnoy sredy Kremlevskogo kholma i ego okrestnostey v srednevekov'ye [Changes in environment of the Kremlin hill and its vicinities in medieval period]. *KSIA*, 251, pp. 340–353.
- Al'sleben A., 2011. Otrazhayetsya li gorodskaya kul'tura pitaniya v materiale arkheobotanicheskikh nakhodok? [Does urban nutrition culture reflect in materials of archaeobotanic finds?]. *Novgorodskie arkheologicheskiye chteniya–3: materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo goroda. K 75-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda» [Novgorod archaeological readings – 3: transactions of international conference «Archaeology of medieval city. 75 years of archaeological research in Novgorod»]*. A. E. Rybina, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gos. ob'yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 125–133.
- Antipina E. E., Lebedeva E. Yu., 2012. Rasteniya i zhivotnyye [Plants and animals]. *Arkheologiya drevnego Yaroslavya. Zagadki i otkrytiya [Archaeology of old Yaroslavl'. Mysteries and discoveries]*. 2nd edition. Moscow: IA RAN, pp. 144–229.
- Antipina E. E., Yavorskaya L. V., 2018. Problemy, voprosy i osnovnyye rezul'taty izucheniya osteologicheskikh materialov iz raskopok 2016 goda na territorii Moskovskogo Kremlya [Issues, questions and main results of examining osteological remains from 2016 excavations in the Moscow Kremlin]. *KSIA*, 252, pp. 295–306.
- Bakels C., Jacomet S., 2003. Access to luxury foods in Central Europe during the Roman period: the archaeobotanical evidence. *World Archaeology*, vol. 34, no. 3, pp. 542–557.
- Dobrovol'skaya M. V., Reshetova I. K., Mednikova M. B., Tarasova A. A., Vasil'yeva E. E., Koval' V. Yu., Engovatova A. V., 2017. Ob antropologicheskom svoeobrazii lyudey, pogrebennykh v nekropole Chudova monastyrya (predvaritel'noye soobshcheniye) [Anthropological diversity of individuals buried in necropolis of the Chudov monastery (preliminary report)]. *KSIA*, 249, pp. 19–27.
- Ernst M., Jacomet S., 2006. The value of the archaeobotanical analysis of desiccated plant remains from old buildings: methodological aspects and interpretation of crop weed assemblages. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 15, iss. 1, pp. 45–56.
- Green F. J., 1979. Phosphatic mineralization of seeds from archaeological sites. *JAS*, vol. 6, iss. 3, pp. 279–284.
- Lebedeva E. Yu., 2005. Kul'turnyye rasteniya Rostislavlya: arkheobotanicheskiye materialy iz d'yakovskogo gorodishcha i drevnerusskogo goroda [Cultivated plants in Rostislavl': archaeobotanic materials from D'yakovo hillfort and Old Russian city]. *Arkheologiya i estestvennonauchnyye metody [Archaeology and methods of natural sciences]*. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 159–180.
- Lebedeva E. Yu., 2008. Arkheobotanicheskaya rekonstruktsiya drevnego zemledeliya (metodicheskiye kriterii) [Archaeobotanic reconstruction of early farming (methodic criteria)]. *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS: interdisciplinary investigations in archaeology]*, 6. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: Paralleli, pp. 86–109.
- Lebedeva E. Yu., 2011. Pereyaslavl' Ryazanskiy: arkheobotanicheskiye materialy XVII veka [Pereyaslavl' Ryazanskiy: archaeobotanic materials of XVII century]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural scientific methods]*, 2. E. N. Chernykh, ed. Moscow: IA RAN: Taus, pp. 270–282.
- Lebedeva E. Yu., 2013. K istorii zemledeliya d'yakovskoy kul'tury: arkheobotanicheskiye materialy iz Nastas'ino [To the history of farming of D'yakovo culture: archaeobotanic materials from Nastas'ino]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural scientific methods]*, 3. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds. Moscow: IA RAN: Taus, pp. 202–243.
- Lebedeva E. Yu., 2016. Arkheobotanika: metody issledovaniy i interpretatsiya rezul'tatov [Archaeobotany: research methods and interpretation of results]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on materials of lecture course for post-graduate students and young specialists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 118–146.

- Lebedeva E. Yu., Sergeyev A. Yu., 2018. Gorodishche Uchkakar v svete novykh arkhobotanicheskikh issledovaniy [Uchkakar hillfort in light of new archaeobotanic investigations]. *Zhurbin I. V., Antipina E. E., Ivanova M. G., Lebedeva E. Yu., Modin P. N., Sergeyev A. Yu., Yavorskaya L. V. Mezhdistsiplinarye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza [Interdisciplinary investigations of Kushman hillfort Uchkakar, IX–XIII cc.: method of complex analysis]*. Moscow: Taus, pp. 175–198.
- Livarda A., 2011. Spicing up life in northwestern Europe: exotic food plant imports in the Roman and medieval world. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 20, iss. 2, pp. 143–164.
- Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval' V. Yu., 2017b. Arkheologicheskiye issledovaniya v Vostochnoy chasti Moskovskogo Kremlya v 2014–2016 gg. [Archaeological excavations in eastern part of Moscow Kremlin in 2014–2016]. *KSIA*, 246, pp. 7–27.
- Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval' V. Yu., 2018. Raskopki v vostochnoy chasti Moskovskogo Kremlya v kontekste izucheniya gorodov Severo-Vostochnoy Rusi XII–XIII vv. [Excavations in eastern part of the Moscow Kremlin in framework of studying towns of North-East Rus of 12th–13th centuries]. *RA*, 4, pp. 95–113.
- Makarov N. A., Koval' V. Yu., Engovatova A. V., Vasil'yeva E. E., Panchenko K. I., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Mayorov D. Yu., 2017a. Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v Moskovskom Kreml'e v svyazi s demontazhem korpusa № 14 v 2015–2016 gg. T. 1 [Report on archaeological investigations in Moscow Kremlin in connection with dismantling of building No. 14 in 2015–2016. Vol. 1]. Moscow. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- McCobb L. M. E., Briggs D. E. G., Carruthers W. J., Evershed R. P., 2003. Phosphatisation of seeds and roots in a Late Bronze Age deposit at Potterne, Wiltshire, UK. *JAS*, vol. 30, iss. 10, pp. 1269–1281.
- McCobb L. M. E., Briggs D. E. G., Evershed R. P., Hall A. R., Hall R. A., 2001. Preservation of Fossil Seeds From a 10th Century AD Cess Pit at Coppergate, York. *JAS*, vol. 28, iss. 9, pp. 929–940.
- Murphy C., 2014. Mineralization of Macrobotanical Remains. *Encyclopedia of Global Archaeology*. C. Smith, ed. New York: Springer, pp. 4948–4952.
- Spengler III R. N., 2019. Dung burning in the archaeobotanical record of West Asia: where are we now? *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 28, iss. 3, pp. 215–227.
- Van der Veen M., Livarda A., Hill A., 2008. New Plant Foods in Roman Britain – Dispersal and Social Access. *Environmental Archaeology*, vol. 13, iss. 1, pp. 11–36.

About the authors

Lebedeva Elena Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: elena.archbot@mail.ru;

Sergeyev Aleksey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: alexarchbot@yandex.ru

А. А. Карпухин, В. В. Мацковский, Л. Н. Соловьева

ДРЕВЕСНО-КОЛЬЦЕВЫЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА КАРЕЛИИ*

Резюме. В статье рассматриваются результаты оценки степени сходства древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников Карелии. Прослеживается общий тренд его уменьшения по мере увеличения расстояния между объектами. Тем не менее при рассмотрении результатов для каждого конкретного памятника, эта тенденция отмечается далеко не всегда. По-видимому, динамика погодичного прироста древесины каждой хронологии отражает воздействие целой комбинации различных климатических факторов, часть из которых может проявляться только в конкретном местообитании. Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности использования этих хронологий для датирования новых образцов древесины из архитектурных и археологических памятников близлежащей округи.

Ключевые слова: дендрохронология, древесно-кольцевые хронологии, русское деревянное зодчество.

Начало дендрохронологическому изучению образцов древесины архитектурных памятников Карелии в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН было положено Б. А. Колчиным в 1963 г. Тогда поступили первые серии спилов с бревен ц. Петра и Павла на Лычном острове, ц. Спаса Преображения Кижского погоста и ц. Воскрешения Лазаря Муромского монастыря (Колчин, Черных, 1977. С. 70, 102). В дальнейшем отбор образцов производился сотрудником ВСРПО «Союзреставрация» Н. Ф. Сергеевой в 1970–1980-х гг. В начале 2000-х гг. полная сводка из 15 архитектурных памятников Карелии, представленных более чем 200 поперечными спилами и кернами, была опубликована Н. Б. Черных (Черных, 2001). Ею в данной статье сформулированы три основных направления дендрохронологических исследований архитектурных памятников:

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 18-09-00731.

1) решение проблем хронологии (времени строительства) конкретного памятника или ансамбля;

2) воссоздание строительной истории памятника (выявление следов ремонтов и перестроек) с привлечением данных письменных источников;

3) построение локальных и региональных дендрохронологических шкал (древесно-кольцевых хронологий), которые могут быть использованы в качестве эталонов для абсолютного перекрестного датирования новых материалов и климатических реконструкций.

Изложенные в публикации Н. Б. Черных итоги изучения древесины архитектурных памятников относятся к первым двум направлениям. Наша же статья отражает результаты, полученные при составлении локальных (отдельных для каждого памятника) древесно-кольцевых хронологий.

Рукописные измерения ширины годичных колец всех изученных ранее образцов из архива лаборатории ИА РАН были переведены в электронный формат (Tucson) принятый Международным банком данных годичных колец (ITRDB – International Tree-Ring Data Bank)¹, при помощи программы xls2rwl, находящейся в открытом доступе². Для спилов, измерения которых были проведены по двум радиусам при помощи графического модуля программного пакета TSAPWin Scientific Version 0.59 (Rinn, 1996), осуществлялась синхронизация радиальных измерений между собой и создание усредненных древесно-кольцевых рядов.

Следующим этапом работы стало составление электронных древесно-кольцевых хронологий для каждого конкретного памятника. При этом из всех выборок были исключены отдельные образцы, имеющие небольшой (менее 100 лет) биологический возраст. Перекрестное относительное датирование рядов прироста отдельных образцов между собой проводилось при помощи программного пакета TSAPWin Scientific с последующей проверкой полученных результатов в программы COFESHA (Holmes, 1983). В итоговые хронологии нами включались только те образцы, которые при сопоставлении между собой внутри группы демонстрировали удовлетворительные показатели 6 статистических коэффициентов:

1) Glk (Gleichlaeufigkeit) – коэффициент сходства или сходных интервалов (Huber, 1943; Eckstein, Bauch, 1969; Колчин, Битвинская, 1972);

2) CC (Cross Correlation) – коэффициент корреляции Пирсона, оценивающий в данном случае общность возрастного тренда двух древесных стволов;

3) TV (T-Value) – стандартная t-статистика, демонстрирующая статистическую значимость коэффициента корреляции в зависимости от длины общего интервала двух серий;

4) TVBP (T-value Baillie-Pilcher) – t-статистика после удаления тренда с помощью 5-летнего скользящего среднего и последующим преобразованием значений к их натуральному логарифму (Baillie, Pilcher, 1973);

5) TVH (T-value Hollstein) – t-статистика после удаления тренда с помощью функции $w_i = \log(y_i/y_{i+1})$ (Hollstein, 1980);

¹ См.: <http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treering.html>

² См.: <http://paleoglaciology.org/ru/TreeRingLab/>

6) CDI (Cross-Dating Index) – индекс перекрестного датирования, являющийся интегральным показателем, рассчитываемым для двух серий ширины годичных колец с учетом длины интервала пересечения на основе нескольких статистических параметров: коэффициента синхронности (Gkl), коэффициента корреляции (CC), t-статистики критерия Стьюдента для сглаженных и не сглаженных серий (*Baillie, Pilcher, 1973*).

Применение более жестких возрастных и статистических критериев позволило сформировать относительные древесно-кольцевые хронологии только для 9 из 15 опубликованных ранее Н. Б. Черных памятников русского деревянного зодчества Карелии.

Абсолютное датирование, включавшее в себя как проверку полученных ранее датировок отдельных образцов и их корректировку, так и датирование имеющихся в архиве ранее не датированных рядов погодичного прироста, осуществлялось путем перекрестного сопоставления с использованием указанных выше программных продуктов. Несмотря на то что часть образцов не вошла в эталонные древесно-кольцевые хронологии, полученные для них датировки могут быть учтены при реконструкциях строительной истории архитектурных объектов. Их исключение из эталонных выборок обусловлено индивидуальностью динамики погодичного прироста, вызванной, по нашему мнению, угнетенными условиями роста.

В качестве эталонов при абсолютной датировке были использованы древесно-кольцевые хронологии по сосне, построенные на материалах памятников Архангельской – ц. Вознесения Господня с. Пияла Онежского р-на (11 образцов, 1377–1652 гг., 276 лет); ц. Николая Чудотворца с. Лявля (9 образцов, 1407–1576 гг., 170 лет) и ансамбль Ненокоцкого погоста (24 образца, 1507–1833 гг., 327 лет) Приморского р-на – и Вологодской (ц. Ильи Пророка на Цыпинском погосте – 11 образцов, 1574–1752 гг., 179 лет; Кирилло-Белозерского монастыря – 56 образцов, 1085–1744 гг., 660 лет) областей (*Черных, Сергеева, 1997; Черных, Карпухин, 2006; Карпухин, Мацковский, 2014*). В ходе данной процедуры были получены, подтверждены или скорректированы уже имевшиеся календарные даты отдельных образцов древесины, а 9 эталонных древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников Карелии получили абсолютные календарные привязки. Еще одну хронологию удалось составить по образцам архитектурных памятников г. Кемь – собора Успения Пресвятой Богородицы и часовни Троицы Живоначальной. Образцы древесины были отобраны в виде кернов, обработаны и абсолютно датированы сотрудниками Института географии РАН. Там же в электронном формате были сформированы отдельные по каждому памятнику древесно-кольцевые хронологии (*Мацковский и др., 2013. С. 56, 57*). Эти материалы удалось объединить в одну древесно-кольцевую серию протяженностью в 326 лет (1418–1743 гг.), включающую в себя измерения прироста 14 образцов.

Таким образом, были получены 10 абсолютно датированных эталонных древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников Карелии (рис. 1, табл. 1). Датировки последних годичных колец отдельных включенных в них образцов в основном не сильно отличаются от ранее опубликованных Н. Б. Черных. Исключение составили материалы двух архитектурных памятников – ц. Ильи Пророка (о-в Лукостров) и ц. Воскрешения Лазаря Муромского монастыря.

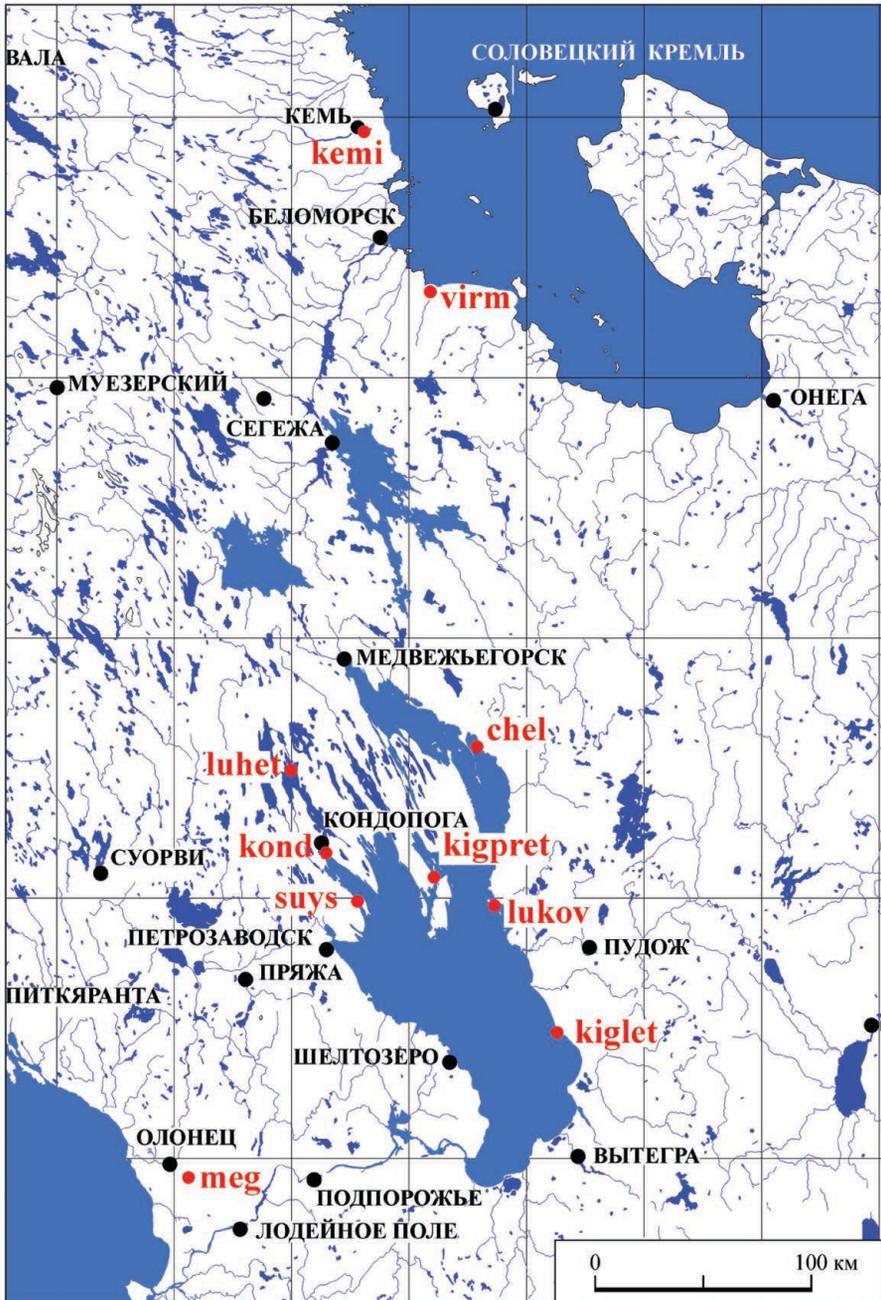

Рис. 1. Местоположение архитектурных памятников, обеспеченных древесно-кольцевыми хронологиями (здесь и далее названия хронологий даны в соответствии с табл. 1)

Таблица 1. Древесно-кольцевые хронологии архитектурных памятников Карелии

Древесно-кольцевая хронология	Начальная дата	Конечная дата	Протяженность (лет)	Количество образцов	Архитектурный памятник	Населенный пункт	Район	Автор сборов
kiglet	1404	1521	118	5	ц. Воскрешения Лазаря Муромского	Муромский монастырь (Каршевская волость п/о Гагуса)	Пудожский	Б. А. Колчин, Н. Ф. Сергеева
meg	1461	1611	151	3	ц. Флора и Лавра	д. Мергега	Олонецкий	Н. Ф. Сергеева
luhet	1432	1617	186	8	ц. Петра и Павла	д. Лычный Остров	Кондопожский	Б. А. Колчин, Н. Ф. Сергеева
chel	1437	1624	188	2	ц. Богоявления Господня (Петропавловская)	с. Чёлмужи	Медвежьегорский	Н. Ф. Сергеева
virm	1376	1633	258	2	ц. Петра и Павла	с. Вирма	Беломорский	Н. Ф. Сергеева
suys	1456	1658	203	4	ц. Ильи Пророка	д. Суйсарь	Прионежский	Н. Ф. Сергеева
lukov	1549	1669	121	5	ч. Ильи Пророка и Трех Святителей	о-в Лукоостров	Пудожский	Н. Ф. Сергеева
kigpret	1405	1713	309	14	ц. Спаса Преображения	Кижский погост	Медвежьегорский	Б. А. Колчин
kemi	1418	1743	326	14	собор Успения Пресвятой Богородицы и часовая Троицы Живоначальной	г. Кемь	Кемский	В. В. Мацковский
kond	1626	1765	140	2	ц. Успения Пресвятой Богородицы	г. Кондопога	Кондопожский	Н. Ф. Сергеева

Для первого ранее констатировалось наличие серии дендродат последней четверти XVII в. (Черных, 2001. С. 120). Новая попытка абсолютного датирования пяти образцов, отобранных для эталонной древесно-кольцевой хронологии ц. Ильи по материалам ц. Спаса Преображения Кижского и ансамбля Ненокоцкого погостов, позволяет достаточно уверенно говорить о том, что даты последних сохранившихся годовичных колец бревен относятся к 1660-м гг.

Сложность датирования церкви Воскрешения Лазаря, для которой ранее приводились дендродаты середины 60-х гг. XV в. (Там же), заключается в том, что в нашем распоряжении практически отсутствуют имеющие твердые календарные даты дендроэталонные архитектурных памятников столь раннего времени. Результаты перекрестного датирования пяти включенных в древесно-кольцевую хронологию данного памятника образцов, выполненного по дендрохронологическим материалам Кирилло-Белозерского монастыря на хронологическом отрезке 1085–1744 гг. (Карпунин, Мацковский, 2014. С. 79), позволяют датировать последние сохранившиеся годовичные кольца 1521 г.

Полученные эталонные абсолютно датированные древесно-кольцевые хронологии имеют общую протяженность в 390 лет (1376–1765 гг.), однако неравномерно распределены на этом хронологическом отрезке (рис. 2). Они могут рассматриваться как локальные дендрохронологические шкалы, отражающие специфику динамики погодичного прироста древесины конкретных географически узко локализуемых местообитаний.

С методической точки зрения крайне важным представляется вопрос о возможности их использования в качестве эталонов для абсолютного датирования образцов древесины из других архитектурных или же археологических памятников. Данный географический регион является зоной экологического оптимума

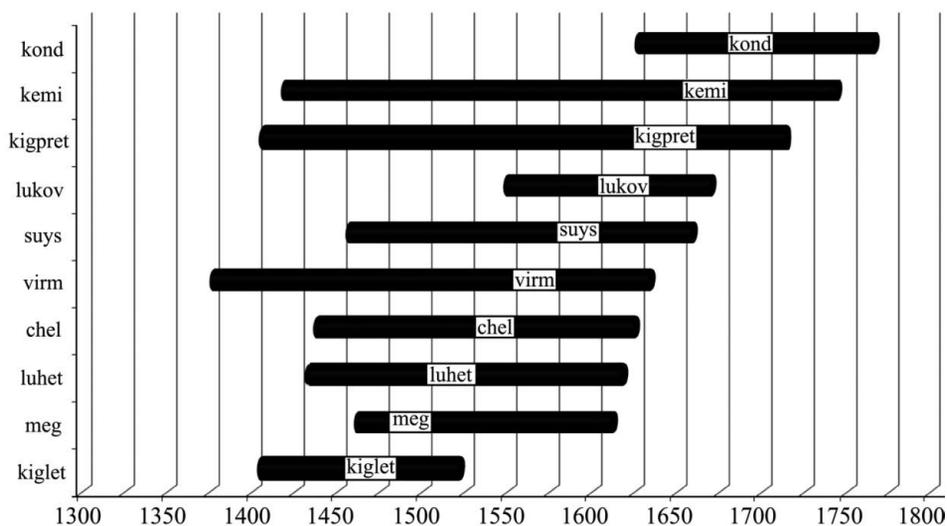

Рис. 2. Эталонные древесно-кольцевые хронологии архитектурных памятников Карелии

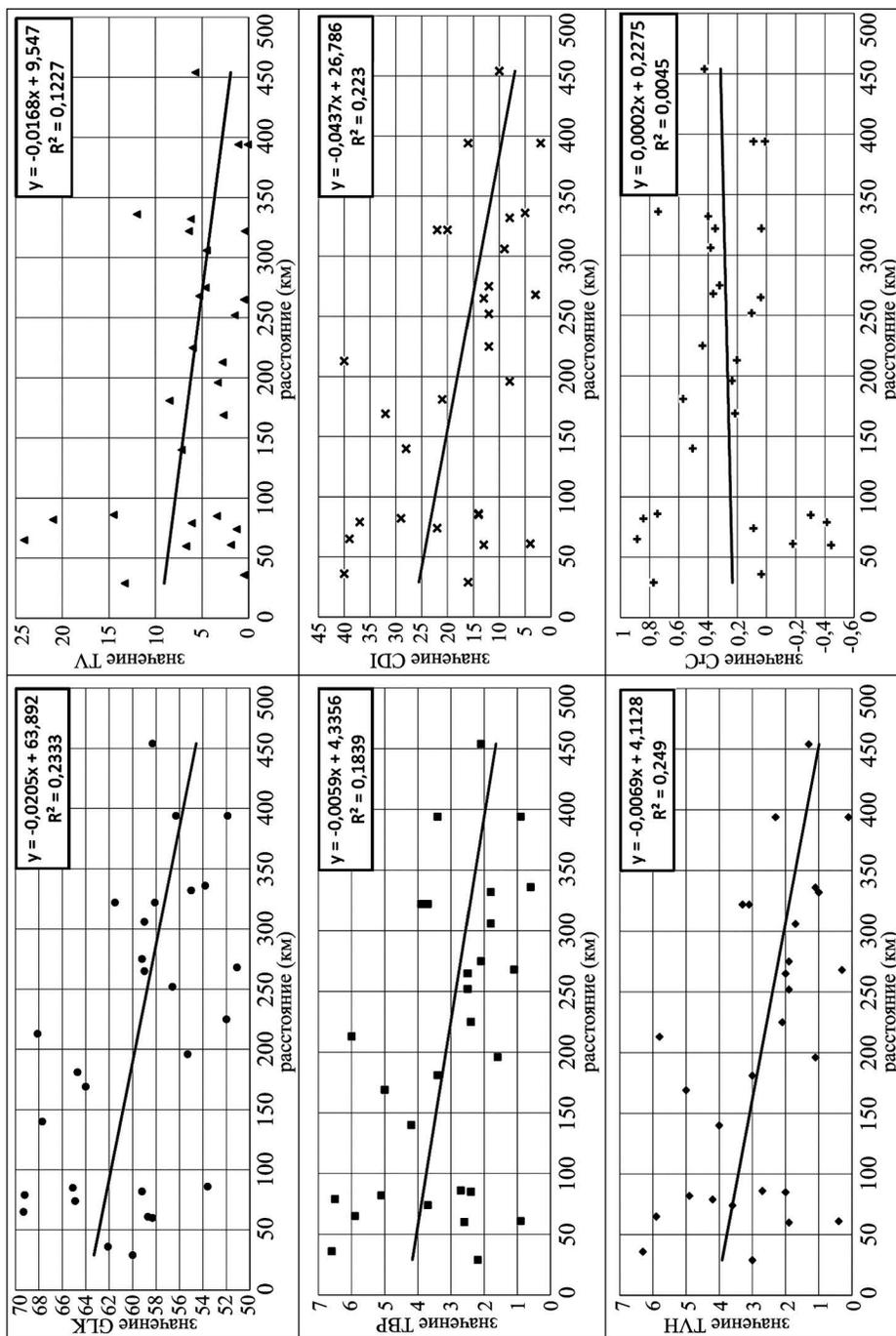
для древесных растений хвойных пород, где погодичный прирост определяется целой комбинацией различных климатических факторов, часть из которых может проявляться только в конкретном местообитании. При отсутствии одного ярко выраженного лимитирующего фактора роста довольно любопытной представляется оценка степени сходства полученных древесно-кольцевых хронологий между собой. Высокие показатели сходства могут свидетельствовать об универсальности полученных древесно-кольцевых хронологий и возможности их использования в качестве эталонов при абсолютном датировании новых образцов древесины, произрастающей на всей территории Карелии. Низкая же степень сходства будет указывать на индивидуальность динамики погодичного прироста конкретных местообитаний и возможность использования этих хронологий для датирования новых материалов только из близлежащей округи.

Эталонные 10 древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников представляли собой отдельные файлы в формате Tucson, содержащие серии рядов нескольких осредненных для каждого отдельного древесного ствола измерений ширины годичных колец. Для проведения их сопоставления между собой каждая из них была преобразована в усредненный временной ряд. В дальнейшем в программе TSAPWin Scientific проводился расчет указанных выше статистических коэффициентов для каждой возможной пары этих рядов. Для получения более значимых статистических результатов в дальнейшем при сопоставлении мы не учитывали ряды, которые имели взаимное перекрытие менее 100 лет. В итоге таких сопоставлений оказалось всего 28.

Общая оценка степени сходства хронологий, проведенная по шести статистическим коэффициентам в зависимости от расстояния между архитектурными памятниками, показала, что в целом с увеличением расстояния степень сходства уменьшается (рис. 3). При размере выборки $N = 28$ на уровне значимости $p < 0.05$ ($> 95\%$) достоверны все связи, где $R^2 > 0,13$ (Зайцев, 1990). Значения R^2 ниже уровня значимости 95 % демонстрируют результаты оценки по коэффициентам CrC и TV. Вероятно, это связано с тем, что данные коэффициенты в значительной степени учитывают возрастной тренд (уменьшение ширины погодичного прироста с увеличением биологического возраста древесных стволов), и оцениваемые нами ряды являются усредненными, а не индексированными, исключаяющими проявления этого тренда.

Выявление круга наиболее близких хронологий для каждого конкретного памятника осуществлялось на тех же принципах оценки статистических коэффициентов. Три архитектурных памятника – ц. Успения г. Кондопога, ц. Воскрешения Лазаря Муромского монастыря, ц. Ильи Пророка о-ва Лукостров не были проанализированы, поскольку абсолютные датировки или хронологическая протяженность составленных по ним древесно-кольцевых хронологий не позволяли сопоставить их с более чем 1–2 другими хронологиями с взаимным перекрытием 100 и более лет. Для остальных древесно-кольцевых хронологий данная процедура была проведена.

Материалы двух хронологий архитектурных памятников побережья Онежской губы Белого моря – г. Кемь и с. Вирма (kemі и virma) демонстрируют высокую степень сходства между собой. При этом, если хронология kemі (рис. 4) имеет наибольшую степень сходства с древесно-кольцевой последовательностью

Рис. 3. Степень сходимости хронологий по шести статистическим коэффициентам в зависимости от расстояния между архитектурными памятниками

Здесь и далее: GLK – сумма равных наклонных интервалов (по: *Eckstein, Bauch, 1969*); TV – t-критерий Стьюдента; TVBP – t-критерий Бейли – Пилчера (по: *Baillie, Pilcher, 1973*); TVN – t-критерий после удаления тренда (по: *Hollstein, 1980*); CDI – индекс перекрестного датирования

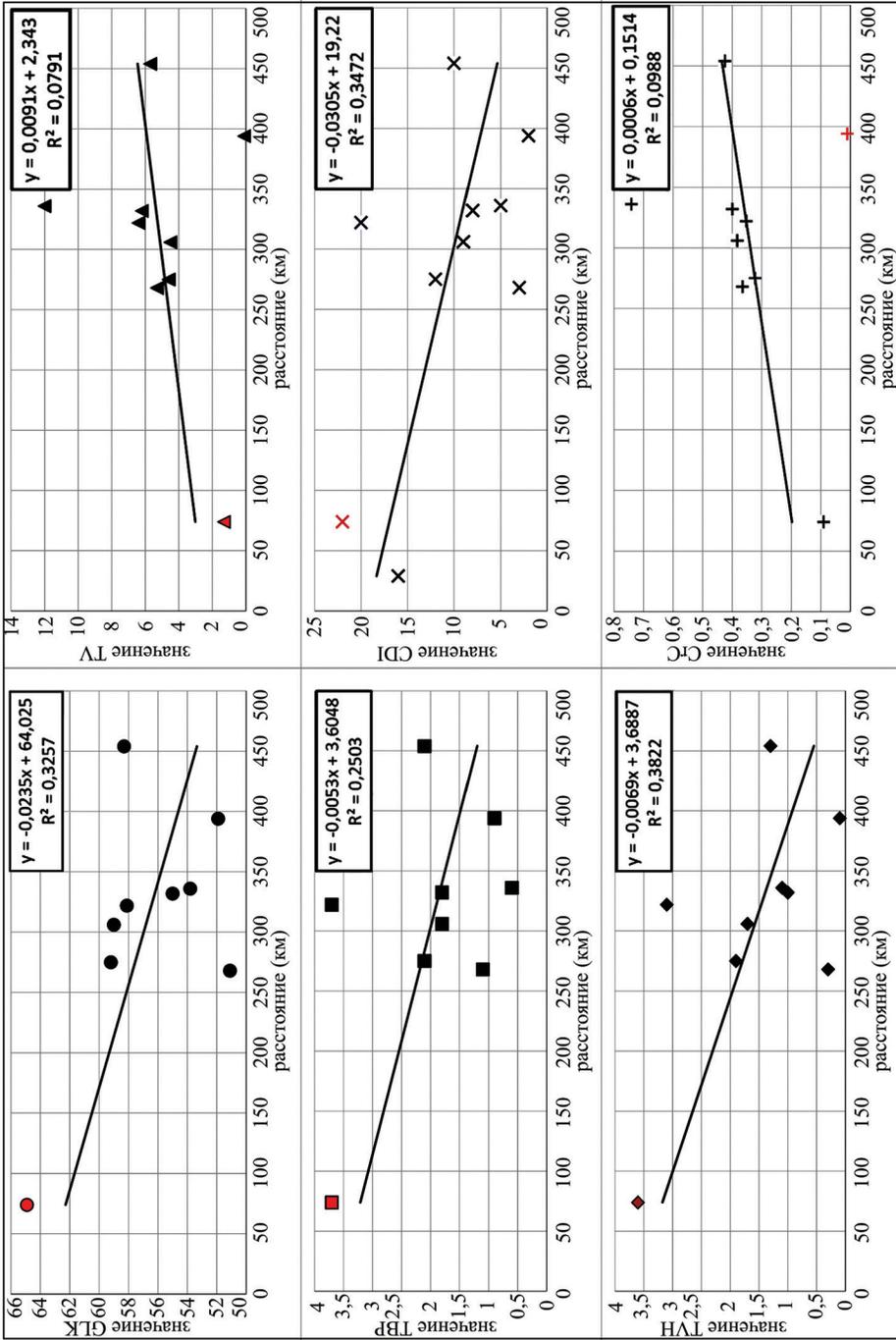

Рис. 4. Степень сходства хронологии кети (г. Кемь)

Цветом выделены коэффициенты, полученные при сопоставлении: красный – с хронологией vitta; синий – с хронологией kigrret. N = 9. На уровне значимости $p < 0,05$ достоверны все связи, где $R^2 > 0,34$. Здесь и далее: N – размер выборки

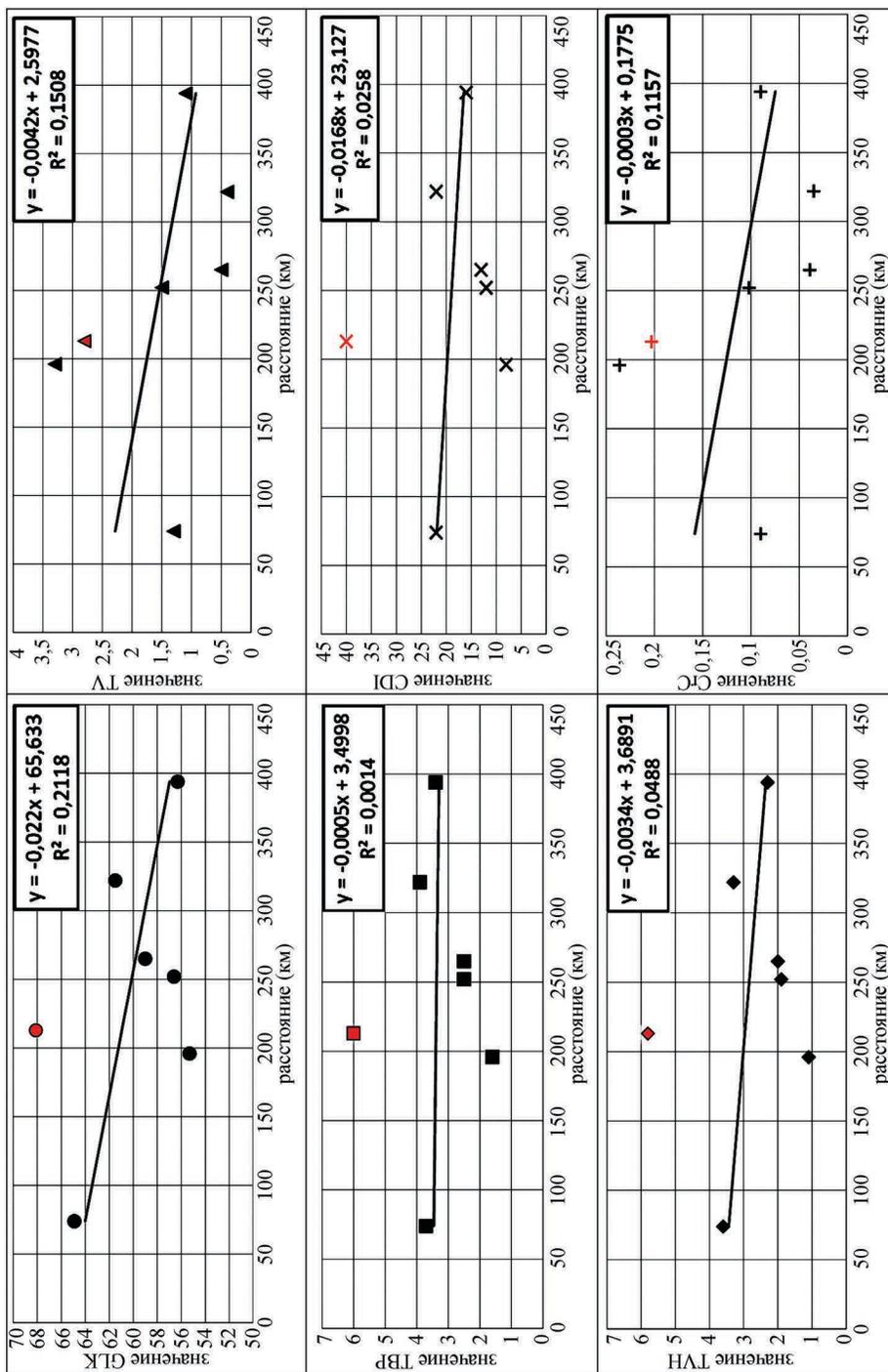

Рис. 5. Степень сходства хронологии *virga* (с. Вирма)

Цвета выделены коэффициенты, полученные при сопоставлении: красный – с хронологией *luhet*; синий – с хронологией *keti*. N = 7. На уровне значимости $p < 0,05$ достоверны все связи, где $R^2 > 0,45$

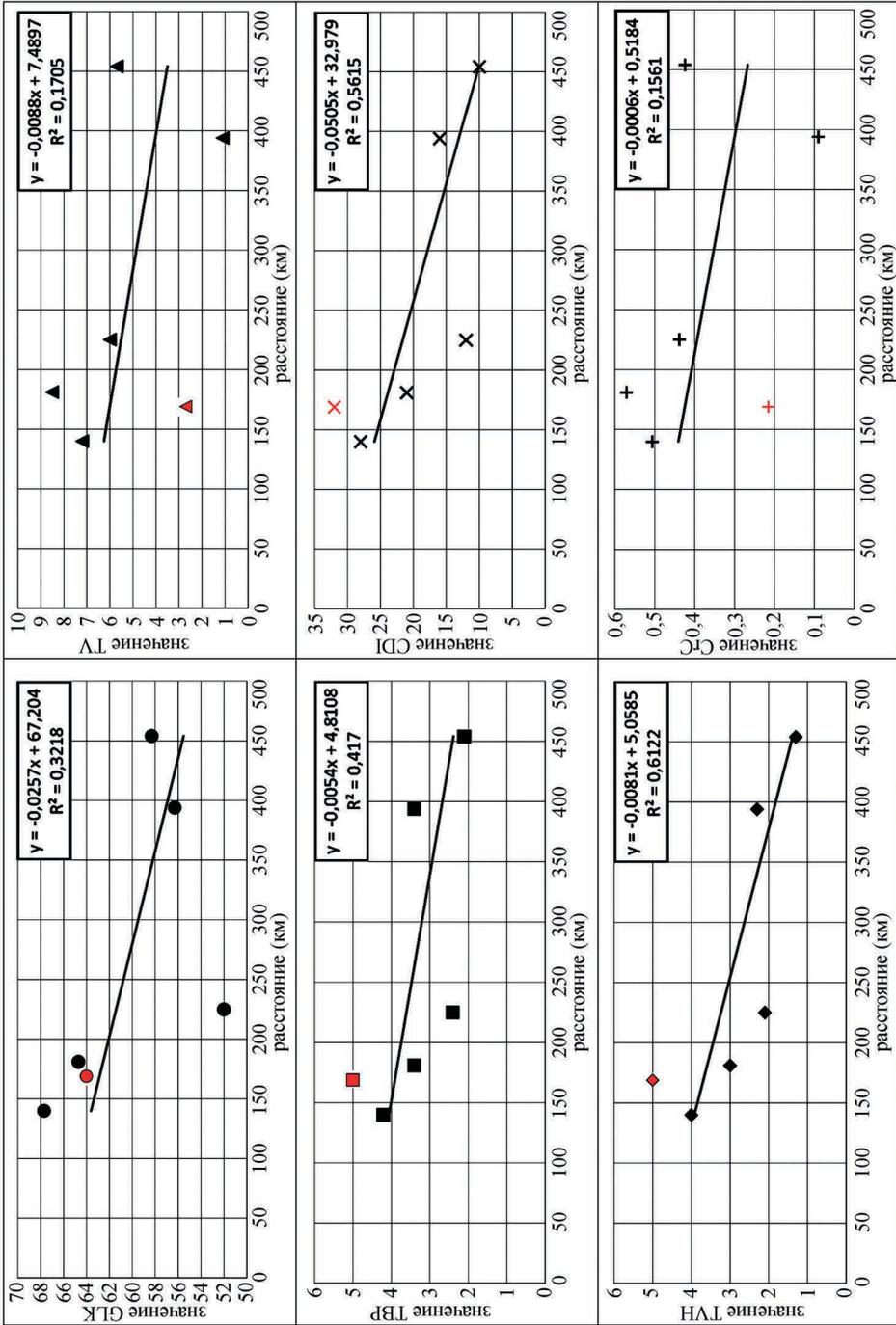

Рис. 6. Степень сходства хронологии meg (д. Мегрега)

Цветом выделены коэффициенты, полученные при сопоставлении: красный – с хронологией Kigret; синий – с хронологией suus. N = 6. На уровне значимости $p < 0,05$ достоверны все связи, где $R^2 > 0,53$

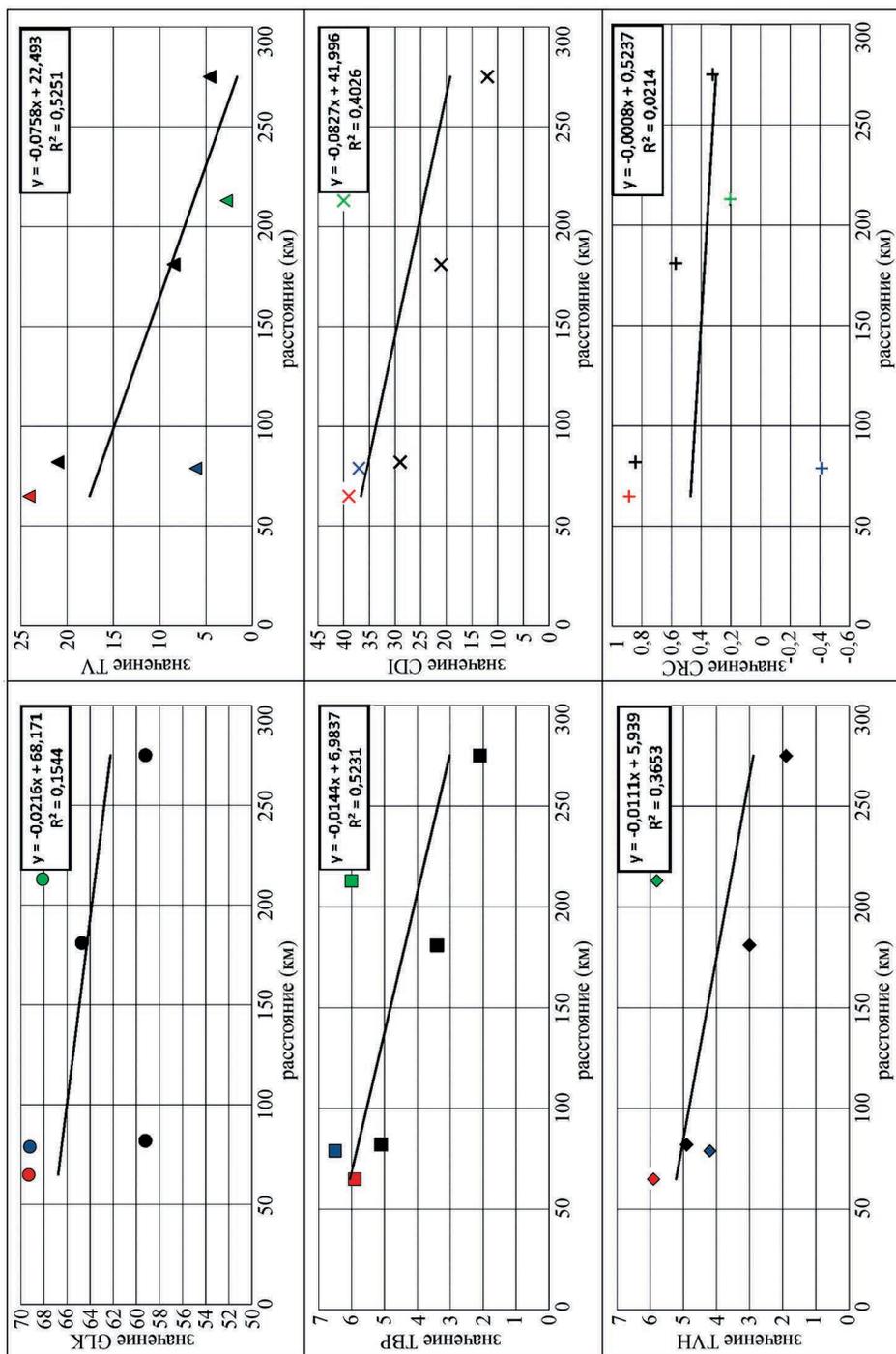

Рис. 7. Степень сходимости хронологии Iuhet (д. Лычный Остров)

Цветом выделены коэффициенты, полученные при сопоставлении с хронологиями шуус (красным), Kigret (синим) и vitm (зеленым). N = 6. На уровне значимости $p < 0,05$ достоверны все связи, где $R^2 > 0,53$

virgna и чуть менее высокую с материалами ц. Спаса Преображения Кижского погоста (kigpret), то хронология с. Вирма характеризуется наибольшим сходством с материалами ц. Петра и Павла на Лычном о-ве (luhet) и несколько меньшим с хронологией из Кеми (рис. 5).

Единственная из всех относящаяся к бассейну Ладожского озера древесно-кольцевая хронология ц. Флора и Лавра д. Мегрега (meg), наиболее схожа с материалами Кижского погоста и несколько менее с хронологией ц. Ильи Пророка д. Суйсарь (рис. 6).

Результаты общего анализа степени сходства между собой остальных четырех хронологий архитектурных памятников, располагающихся на побережье Онежского озера – ц. Спаса Преображения Кижского погоста (kigpret), ц. Ильи Пророка д. Суйсарь (suys), ц. Богоявления с. Чёлмужи (chel) и Петропавловской церкви д. Лычный Остров (luhet), позволяют говорить о том, что наибольшей универсальностью среди них обладают материалы ц. Петра и Павла (рис. 7). Иными словами, древесно-кольцевые хронологии трех первых демонстрируют наибольшую степень сходства с хронологией Лычного Острова.

Резюмируя результаты оценки сходства древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников, по-видимому, можно говорить об общем тренде его уменьшения по мере увеличения расстояния между объектами. Тем не менее при рассмотрении результатов такой оценки для каждого конкретного памятника эта тенденция прослеживается далеко не всегда. Вероятно, это связано с различными локальными особенностями конкретных мест произрастания древесины, использованной при строительстве, и свидетельствует о целесообразности применения этих хронологий для датирования новых материалов только из близлежащей округи.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцев Г. Н., 1990. Математика в экспериментальной ботанике. М.: Наука. 295 с.
- Карпухин А. А., Мацковский В. В., 2014. Абсолютная генерализированная дендрохронологическая шкала бассейнов рек Шексна и Сухона (1085–2009 гг.) // РА. № 2. С. 76–87.
- Колчин Б. А., Битвинская Т. Т., 1972. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука. С. 81–92.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука. 128 с.
- Мацковский В. В., Соломина О. Н., Бушуева И. С., 2013. Дендрохронология Соловецких островов // Соловецкий сборник. Вып. 9. Архангельск. С. 41–58.
- Черных Н. Б., 2001. Дендрохронология архитектурных памятников Карелии // КСИА. Вып. 211. С. 113–120.
- Черных Н. Б., Карпухин А. А., 2006. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н) // КСИА. Вып. 220. С. 127–134.
- Черных Н. Б., Сергеева Н. Ф., 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. № 1. С. 109–125.
- Baillie M. G. L., Pilcher J. R., 1973. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin. Vol. 33. Tucson: University of Arizona. P. 7–14.
- Eckstein D., Bauch J., 1969. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit // Forstwissenschaftliches Centralblatt. Bd. 88. H. 1. Hamburg. S. 230–250.

- Hollstein E., 1980. Mitteleuropäische Eichenchronologie. Mainz: Philipp von Zabern. 273 S.
- Holmes R. L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *Tree-Ring Bulletin*. Vol. 43. Tucson: University of Arizona. P. 69–78.
- Huber B., 1943. Über die Sicherheit jahrringchronologischer Datierung // *Holz als Roh und Werkstoff*. Jg. 6 (10–12). S. 263–268.
- Rinn F., 1996. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 264 p.

Сведения об авторах

Карпухин Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Karpukhin.A@rambler.ru;

Мацковский Владимир Владимирович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия, e-mail: vvm5@mail.ru;

Соловьева Лидия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lidia77-77@mail.ru

A. A. Karpukhin, V. V. Matskovsky, L. N. Solov'yeva

TREE-RING CHRONOLOGIES
OF WOODEN ARCHITECTURE IN KARELIA

Abstract. The paper examines the degree of similarity in tree-ring chronologies regarding architectural sites in Karelia. The analysis conducted demonstrates that as the distance between the sites increases the similarity decreases. Still, when the analysis results are examined for each specific site, this trend is not always obvious. Apparently, changes in the tree's growth rate in each chronology reflect the impact of a combination of various climatic factors some of which can manifest themselves only in a specific habitat. The results obtained clearly show that these chronologies are recommended to be used for dating new samples of wood from architectural and archaeological sites in the surrounding area.

Keywords: dendrochronology, tree-ring chronologies, Russian wooden architecture.

REFERENCES

- Baillie M. G. L., Pilcher J. R., 1973. A simple cross-dating program for tree-ring research. *Tree-Ring Bulletin*, 33. Tucson: University of Arizona, pp. 7–14.
- Chernykh N. B., 2001. Dendrokronologiya arkhitekturnykh pamyatnikov Karelii [Dendrochronology of architectural monuments of Karelia]. *KSIA*, 211, pp. 113–120.
- Chernykh N. B., Karpukhin A. A., 2006. Nekotoryye rezul'taty dendrokronologicheskogo izucheniya drevesiny tserkvi Il'i Proroka v Tsybinskom pogoste (Vologodskaya obl., Kirillovskiy r-n) [Some results of dendrochronological study of wood from St. Elias the Prophet church in Tsybinskiy pogost (Vologda region, Kirillov district)]. *KSIA*, 220, pp. 127–134.
- Chernykh N. B., Sergeyeva N. F., 1997. Dendrokronologiya arkhitekturnykh pamyatnikov na severe Rossii (basseyn Severnoy Dviny i Onegi) [Dendrochronology of architectural monuments in North of Russia (Northern Dvina and Onega basins)]. *RA*, 1, pp. 109–125.
- Eckstein D., Bauch J., 1969. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit. *Forstwissenschaftliches Centralblatt*, 88, 1, Ss. 230–250.
- Hollstein E., 1980. Mitteleuropäische Eichenchronologie. Mainz: Philipp von Zabern. 273 S.

- Holmes R. L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-Ring Bulletin*, 43. Tucson: University of Arizona, pp. 69–78.
- Huber B., 1943. Über die Sicherheit jahringchronologischer Datierung. *Holz als Roh und Werkstoff*, 6 (10–12), Ss. 263–268.
- Karpukhin A. A., Matskovskiy V. V., 2014. Absolyutnaya generalizirovannaya dendrokronologicheskaya shkala basseynov rek Sheksna i Sukhona (1085–2009 gg.) [An absolute generalized tree-ring chronology of Sheksna and Sukhona river basins (1085–2009)]. *RA*, 2, pp. 76–87.
- Kolchin B. A., Bitvinskas T. T., 1972. Sovremennyye problemy dendrokronologii [Actual problems of dendrochronology]. *Problemy absolyutnogo datirovaniya v arkeologii [Issues of absolute dating in archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 81–92.
- Kolchin B. A., Chernykh N. B., 1977. Dendrokronologiya Vostochnoy Evropy [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Matskovskiy V. V., Solomina O. N., Bushcheva I. S., 2013. Dendrokronologiya Solovetskikh ostrovov [Dendrochronology of Solovki Islands]. *Solovetskiy sbornik [Solovki annual]*, 9. Arkhangelsk, pp. 41–58.
- Rinn F., 1996. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 264 p.
- Zaytsev G. N., 1990. Matematika v eksperimental'noy botanike [Mathematics in experimental botany]. Moscow: Nauka. 295 p.

About the authors

Karpukhin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Karpukhin.A@rambler.ru;

Matskovskiy Vladimir V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: vvm5@mail.ru;

Solov'eva Lidiya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lidia77-77@mail.ru

Е. С. Леванова, Г. Г. Король

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ Е. Г. ДЭВЛЕТ

Резюме. Рассмотрены основные направления исследований Е. Г. Дэвлет (1965–2018) первобытного искусства, преимущественно петроглифов. В основе подхода ученого к теме – знакомство с памятниками наскального искусства в широком географическом диапазоне (от Северной Евразии до Южной Америки), а также собственный экспедиционный опыт. Фундаментальная научная проблема, которой посвящены многие работы Е. Г. Дэвлет, – определение ареалов наскального искусства, среди них – впервые выделенная Амуру-Уссурийская провинция. Среди других направлений – интерпретация сюжетов наскального искусства в контексте миграционных теорий и диффузии идей, а также комплексный подход к вопросам петроглифоведения на основе привлечения этнографических и фольклорных материалов. Отдельные темы последних лет – расширение и совершенствование методики изучения наскального искусства, в том числе на основе современных цифровых технологий, а также вопросы сохранения и развития памятников как объектов культурного наследия и туризма.

Ключевые слова: наскальное искусство, первобытное искусство, петроглифы, культурное наследие, историография, библиография Е. Г. Дэвлет.

Исследование первобытного наскального искусства – сложный и в то же время увлекательный процесс. Научные разработки в этой области бывают разной направленности и глубины погружения в тему. Традиционно они затрагивают и проблемы искусствоведческого плана, и анализ семантики, попытки сопоставления с этнографическими реалиями как в сфере материальной культуры, так и духовной. Современное направление исследований – применение естественно-научных методов и значительного вспомогательного арсенала новых технических возможностей. К ним можно отнести некоторые виды фотосъемки, применение геоинформационных технологий, совокупность методов, позволяющих создавать трехмерные модели изучаемых объектов, методы электронной микроскопии, элементный анализ и пр., дающие возможность изучить особенности цветовой палитры, если таковая присутствует.

Немаловажно исследование памятников в конкретном контексте археологической культуры в зависимости от региона и эпохи. В России и за рубежом немало специалистов, занимающихся отдельными регионами, конкретными памятниками, традициями первобытного искусства.

Исследования без границ

Екатерина Георгиевна Дэвлет была по-своему уникальным археологом, охватившим в своих работах не только регион Северной Евразии, в пределы которой полностью входит наша страна, но и значительную часть мира. С самого детства благодаря своей маме, известному специалисту в области петроглифоведения, знатоку памятников Сибири и в первую очередь Тувы и Хакасии на Верхнем и Среднем Енисее и фактически первому научному наставнику Марианне Арташировне Дэвлет, она впитывала в себя красоту наскального искусства в географическом центре Азии – Туве. Позже работала на других объектах Сибири и Дальнего Востока, бывала на многих памятниках разных регионов страны и мира.

Становление Екатерины Георгиевны как исследователя проходило в годы возросшего интереса к наиболее удаленным от нашей страны памятникам Кубы, Мексики, Антильских островов. Не только наскальное искусство, но и монументальная скульптура и мелкая пластика привлекали внимание исследовательницы до конца жизни. Умение вычленить и оценить особенности, которые объединяли такие удаленные регионы, как Центральная Азия и Центральная Америка, сочеталось с аналитическим подходом, отсекающим любые псевдонаучные теории, не подкрепленные конкретными данными.

К примеру, сопоставление изваяний южносибирской окуневской археологической культуры эпохи бронзы с монументальной скульптурой Центральной Америки (Никарагуа, Панама, Коста-Рика) в статьях Е. Г. Дэвлет трактовалось как свидетельство вероятного генетического родства культур, расположенных на путях миграций древнего человека из Старого в Новый Свет, не только на основе сравнительного анализа, но и с привлечением антропологических материалов (Дэвлет, 1998).

Знание огромного пласта фактического материала не только в пределах нашей страны, но и за рубежом лежит в основе совместных трудов Е. Г. и М. А. Дэвлет, в которых сформулирована и обоснована фундаментальная научная проблема *выделения ареалов наскального искусства*. Наибольшая полнота и энциклопедический подход к выделению очагов наскального искусства на территории Северной Евразии представлены в двух монографиях: «Мифы в камне. Мир наскального искусства России» (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005б) и «Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии» (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2011). За первую книгу авторы в 2012 г. были удостоены премии Президиума РАН имени И. Е. Забелина.

Ретроспективный анализ работ «малой формы» – статей и заметок Е. Г. Дэвлет – показывает действительно широчайший географический охват памятников, исследованных за более чем 30-летний период ее научного творчества. Самые первые статьи еще аспирантки профессора В. И. Гуляева были посвящены

наскальным изображениям Кубы и Антильских островов, а также монументальной скульптуре и мелкой пластике Центральноамериканского региона. В 1980–1990-е гг. в условиях относительной изоляции советской и российской науки сложно было найти литературу по данным темам. Однако Екатерина Георгиевна успешно публикует свои разработки, защищает кандидатскую диссертацию (1995 г.), по материалам которой вышла ее первая монография «Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки» (Дэвлет, 2000б).

Статья, посвященная сюжетам наскальных изображений Антильских островов (Дэвлет, 1996б), ярко иллюстрирует особенности научного творчества автора. Работа не просто дает русскоязычной аудитории представление о сюжетах росписей и петроглифов, но и демонстрирует анализ разных антропологических и семантических исследований наскального искусства Карибского региона и Южной Америки. Е. Г. Дэвлет обращается к самым разнообразным источникам для исследования конкретной традиции наскального искусства. В данном случае она привлекает и хроники колониальной эпохи, и исследования антропологов XX в., и актуальные археологические работы. Такой всесторонний подход к анализу материала и его разноплановой интерпретации, сформированный в начале научного пути, был характерен и во всех дальнейших ее исследованиях.

Так, наиболее интересными для Е. Г. Дэвлет регионами и их памятниками, к которым она не раз возвращалась в течение жизни, были Нижнее Приамурье, Чукотка, Байкал, Южный Урал, Киргизия, Монголия, Китай. Научные исследования, основанные на собственных экспедиционных материалах, легли в основу многочисленных публикаций (см., например: Агеева и др., 1996; Дэвлет, 2002а; Дэвлет и др., 2012; Дэвлет, Ласкин, 2017).

Отметим одно из важных научных достижений – выделение Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства на Дальнем Востоке России (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005б. С. 12, 13) и публикацию памятников Нижнего Амура и Уссури. В новейших изданиях значительно уточнены не только фактические данные предшественников, в первую очередь А. П. Окладникова (1968; 1971), но и проведен анализ на совершенно новом методологическом уровне благодаря современным технологиям.

Невозможно не отметить, что наиболее плодотворные полевые работы Петроглифического отряда ИА РАН под руководством Е. Г. Дэвлет велись в труднодоступных районах в экстремально тяжелых условиях. Сложно сказать, сама ли она выбирала эти регионы или регионы выбрали ее. Огромный массив материалов, собранных в полевых условиях на Чукотке и в Хабаровском крае, еще ждет окончательной публикации. Но при жизни автора увидели свет более 20 публикаций, посвященных различным аспектам изучения этих памятников. Это не только сам материал, но и методологические подходы к его исследованию и интерпретации.

Тема универсалий в наскальном искусстве/Аналогии

Широкий географический охват и разносторонний подход к исследованию естественным образом привели Е. Г. Дэвлет к еще одной фундаментальной научной проблеме – *интерпретации схожих сюжетов в наскальном искусстве*

из даже очень отдаленных территорий. Исследуя аналогии в древнем искусстве, Е. Г. Дэвлет обращалась как к проблеме миграций, так и конвергентности возникновения и бытования определенных образов и сюжетов. Она была противником легковесных выводов и привлекала для своих разработок только качественные выборки, в особенности тех сюжетов, которые были маркерами изобразительных традиций изучаемых ею регионов.

Характерный пример – мотив «личины-маски» (рис. 1), которому еще со времен экспедиций А. П. Окладникова уделялось большое внимание в отечественном петроглифоведении (Окладников, 1968; 1971; 1977). Сходство изображений личин-масок в древнейшем искусстве культур Тихоокеанского региона стало основой широких сопоставлений наскальных традиций Евразии, Северной и Центральной Америки, а также Океании и Антильских островов. Однако Екатерина Георгиевна не раз отмечала, что ключевой проблемой таких сопоставлений является одновременность и весьма ограниченная и некачественная выборка привлекаемых данных. Примером легковесных выводов по ограниченной выборке может служить соображение о происхождении осевой симметрии, билатерального сечения и манеры размещения развертки в изобразительной традиции тлинкитов¹ из характерного для петроглифов Амура и Усури мотива личин с сердцевидным абрисом (Дэвлет, 2015б. С. 69).

Рис. 1. Изображение личины-маски. Сикачи-Алян (Нижний Амур, Дальний Восток), пункт 1, камень 04. Фото И. Георгиевского, 2014 г.

¹ Индейский народ, проживающий на юго-востоке Аляски, США, и прилегающих территориях Канады.

Еще один показательный пример (рис. 2) – «рентгеновский» стиль в наскальном искусстве. К этому сюжету исследований Екатерина Георгиевна часто возвращалась, изучая петроглифы Амура, Байкала, Тувы, Центральной Америки и др. регионов (см.: *Дэвлет*, 2000а; 2018). Она отмечала: «Антропоморфные изображения с как бы просвечивающей грудной клеткой, с проработанными ребрами и позвоночным столбом известны в наскальном искусстве как Азии, так и Северной Америки и Циркумкарибского региона. Подобные антропоморфные фигуры трактуются в связи представлениями о получении шаманского дара, а шире – с идеей умирания в одном качестве и возрождения в другом, с обрядами инициации» (*Дэвлет*, 1996а).

Рис. 2. Изображение лося с декорированным туловищем в «рентгеновском» стиле. Сикачи-Алян, пункт 2, камень 63. Фото И. Георгиевского, 2014 г.

Интерес представляют работы, в которых Е. Г. совместно с М. А. Дэвлет сделаны попытки интерпретации наскальных рисунков, связанных с ритуальными практиками шаманов, их одеждой и атрибутикой. Помимо многочисленных статей (см., например: *Дэвлет М., Дэвлет Е.*, 1999; 2003; *Дэвлет*, 2004), несомненным вкладом в изучение шаманских практик и их отражения в наскальном искусстве Северной Азии можно считать участие в коллективных монографиях на английском языке, изданных в Великобритании и Польше (*Devlet*, 2001; *Devlet E., Devlet M.*, 2002).

К сожалению, незавершенной осталась работа, посвященная изображению шаманов со специфическими головными уборами – грибовидных антропоморфных

фигур, или «людей-мухоморов», в тихоокеанских культурах. Был собран значительный археологический и этнографический материал из самых разных регионов, включая Чукотку (рис. 3), Аляску, Южную и Центральную Америку и др. (Дэвлет, 2014б), который должен был стать основой монографии.

**Рис. 3. Е. Г. Дэвлет на Кайкуульском обрыве, Пегтымель (Чукотка).
Изображения «людей-мухоморов». Фото И. Георгиевского, 2008 г.**

В работах 2000-х гг. был обоснован интерпретационный подход к сюжетам наскального искусства. Если словесный образ с течением времени мог претерпевать изменения, именно в наскальных рисунках фиксируется художественный образ, который сложился в представлениях их создателей к моменту нанесения изображений на каменную поверхность. Наскальное искусство трактуется как «закодированный хронологический срез основных древних мифологических представлений» (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005а. С. 76).

Следует отметить, что Екатерина Георгиевна всегда вдохновлялась глубоким интересом Марианны Арташировны к изучению эпоса народов конкретных территорий в поисках не только истоков изобразительной петроглифической традиции разных регионов страны, но и объяснения не всегда однозначных и понятных современному человеку образов. Многие из их совместной работы нашло отражение в «Мифах в камне» (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005б). В этой книге представлены семантические реконструкции таких распространенных мотивов, как «кони у мирового древа», «изображение женщины-прародительницы», сюжета «священного брака» и др. Во многих работах Е. Г. Дэвлет обращается

к прочтению этих зрительных образов на основе археологических материалов с привлечением этнографических и исторических источников.

В планах Е. Г. Дэвлет был новый этап штудирования эпических произведений разных народов. Хорошо известно, что новая цель требует тщательной проработки уже знакомых исследователю произведений заново. А цель была конкретная и прикладная – попытаться найти прямые или косвенные данные для объяснения назначения изображений неких предметов в петроглифах, связанных в основном с бытовой, хозяйственной, иногда культовой жизнью как персонажей сцен «картин на камне», так и жизнью самих авторов этих «картин». Одно из планировавшихся направлений исследования – интерпретация на основе различных данных образов и сюжетов, представляющих изображение объектов материального мира в наскальном искусстве.

Важно, что при всей любви к фольклорным (в том числе эпическим) текстам и этнографическим материалам во главу угла Екатерина Георгиевна ставила достоверность идентификации изображений и сюжетов и правомерность использования этнографических параллелей. Другими словами, подход к привлечению любого источника был чрезвычайно скрупулезным и критическим. Именно критическому переосмыслению подвергалась интерпретация некоторых сюжетов, к примеру, нижнеамурских петроглифов (*Дэвлет, 2015б*).

Методы изучения наскального искусства

Критический подход к методикам и постоянный поиск новых возможностей объясняют интерес Е. Г. Дэвлет к современным методам изучения древнего искусства, в том числе естественно-научным, а также к цифровым технологиям. Она прошла длительный путь поиска наиболее адекватных методик изучения технологических особенностей выполнения росписей и выбитых изображений на скалах. Этот интерес распространялся не только на наскальное искусство, но и на другие объекты первобытного искусства – фигурки из кости, раковин, мелкую каменную пластику (*Дэвлет, 2015а; Дэвлет и др., 2017*).

Что касается петроглифов, то первые методологические опыты связаны с трапезологическими исследованиями, проводившимися совместно с Санкт-Петербургским коллегой (*Гиря, Дэвлет, 2010; 2012; Гиря и др., 2011; Дэвлет, Гиря, 2011; Дэвлет, 2014а*). Они прошли долгий путь работ на разных памятниках (Пегтымель на Чукотке, Шалаболинская писаница в Минусинской котловине на Среднем Енисее).

Екатерина Георгиевна всегда была в курсе мировых разработок в области петроглифоведения и изучения наскальных росписей. В ее экспедициях применялись контактные методы копирования петроглифов, но все больше исследовательница склонялась к необходимости широкого внедрения бесконтактных методов. Благодаря участию во многих международных научных мероприятиях она имела возможность обсуждать, перенимать и в дальнейшем применять новейшие методики фиксации, исследования, консервации и пр. Е. Г. Дэвлет отмечала, что «освоение новых бесконтактных методов требует не только принципиально нового дорогостоящего оборудования, но, по-видимому, иной подготовки и нового исследовательского менталитета» (*Дэвлет, 1999. С. 79*).

В дальнейшем Екатерина Георгиевна и сама переходит к применению бесконтактных методик копирования и изучения петроглифов. В наиболее полной мере комплексный подход воплотился в исследованиях амуро-уссурийских памятников (Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия), где применялись новейшие технологии фотофиксации, лазерного сканирования и аэрофотосъемки, геофизические методы как инструменты междисциплинарного изучения не только самих петроглифов, но и их ландшафтного контекста. В результате работ 2010-х гг. обнаружены ранее неизвестные петроглифы Амура и Усури и существенно скорректированы прорисовки и планы 1970-х гг. (*Ласкин и др.*, 2019).

Вопросы сохранения и консервации памятников

Неотъемлемая часть изучения петроглифов – проблема их сохранения и консервации. Это тема докторской диссертации Е. Г. Дэвлет, а также активная жизненная позиция ученого. Самые ранние работы поданной проблематике были посвящены памятникам Верхней Лены и писались в соавторстве с мировым экспертом в этой области Р. Беднариком, Австралия (*Беднарик, Дэвлет*, 1993а; 1993б). Огромный вклад в становление Е. Г. Дэвлет как эксперта в области консервации и сохранения внесли совместные работы со специалистами Государственного НИИ реставрации (ГОСНИИР, Москва) Э. Н. Агеевой (*Агеева и др.*, 1996) и А. В. Кочановичем (*Дэвлет и др.*, 2005).

Чукотские материалы стали основой экспериментов в этой области. Неотвратимость утраты петроглифов Кайкуульского обрыва на Чукотке (Пегтымель) привела к необходимости не просто копирования изображений, а воспроизведения их в отливках фрагментов скальной поверхности с рисунками. Были сделаны оттиски с плоскостей с наиболее выразительными сценами и уникальными сюжетами. Процесс этого копирования таков: с участка скалы, предварительно очищенного и покрытого защитным составом, снималась силиконовая матрица (оттиск). По ней в лабораторных условиях выполнялись резервные копии-отливки (полиуретан или иные материалы), а также их тонированные под цвет скальной поверхности варианты для экспонирования (*Кочанович, Дэвлет*, 2006; *Дэвлет и др.*, 2012. С. 213).

Посетители выставок могли воочию представить древние изображения Пегтымеля, находящиеся в столь недоступной для посещения обычным человеком местности. Это чрезвычайно важно для популяризации не только научных исследований, но и культурного наследия нашей необъятной страны.

Еще одной стороной многогранной проблемы сохранения культурного наследия, к которому, несомненно, относятся петроглифы, является музеефикация памятников наскального искусства. Изучение богатого опыта других стран представлено в монографии «Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование» (*Дэвлет*, 2002б).

Опыт консервации и музеефикации изучаемых объектов привел к тому, что Е. Г. Дэвлет стала признанным экспертом международного уровня в этой области. В последние годы под ее руководством велись работы по номинированию памятников наскального искусства России (Капова пещера (Шульган-Таш)

на Урале, Сикачи-Алян в Нижнем Приамурье) в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Она выступала не только консультантом и экспертом, но и активным популяризатором отечественных памятников за рубежом.

Авторы выделили лишь самые важные для общей характеристики научного творчества Екатерины Георгиевны Дэвлет направления ее изысканий в области петроглифведения. Они же отражают и существенный вклад ученого в развитие разных аспектов этого направления в археологии. Более 300 научных сочинений разного формата, в том числе 7 монографий, – весомый багаж исследователя, которому было отведено не столь много, но и не так мало лет работы в интереснейшем мире наскального искусства. Время – не главное в научном творчестве, все решают интенсивность его использования и плодотворный результат.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Э. Н., Дэвлет Е. Г., Ребрикова Н. Л.*, 1996. Результаты обследования, перспективы сохранения и использования памятников наскального искусства озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири. Вып. 1 / Ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Изд-во Ин-та географии Сибирского отделения РАН. С. 111–115.
- Беднарик Р., Дэвлет Е. Г.*, 1993а. Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены // Памятники наскального искусства. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 7–24.
- Беднарик Р., Дэвлет Е. Г.*, 1993б. Проблемы консервации памятников наскального искусства Верхней Лены // Современные проблемы изучения петроглифов / Ред. О. С. Советова. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та. С. 37–48.
- Гиря Е. Ю., Дроздов Н. И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И.*, 2011. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): материалы конф. Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 201–207. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VIII.)
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.*, 2010. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. № 1 (26). С. 107–118.
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.*, 2012. Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (35). С. 158–178.
- Дэвлет Е. Г.*, 1996а. О скелетном стиле в наскальном искусстве (азиатско-американские параллели) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: материалы Междунар. конф. / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб. С. 173–174.
- Дэвлет Е. Г.*, 1996б. Сюжеты наскальных изображений Антильских островов // Американские индейцы: новые факты и интерпретации / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука. С. 221–241.
- Дэвлет Е. Г.*, 1998. Азиатские параллели центральноамериканским монументальным изваяниям (стили «лейк», «субтиаба», «чонталес») // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симпозиума. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 180–186.
- Дэвлет Е. Г.*, 1999. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений // РА. № 2. С. 75–85.
- Дэвлет Е. Г.*, 2000а. Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // АЭАЕ. № 2. С. 88–95.
- Дэвлет Е. Г.*, 2000б. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.: Научный мир. 247 с.
- Дэвлет Е. Г.*, 2002а. Наскальные росписи Сьерра-де-Сан-Франсиско, полуостров Калифорния // История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука. С. 361–372.
- Дэвлет Е. Г.*, 2002б. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: ИА РАН. 240 с.
- Дэвлет Е. Г.*, 2004. Шаманизм и образы наскального искусства // Сакральное глазами «профанов» и «посвященных»: материалы Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. конгресса. М.:

- Ин-т этнологии и антропологии. С. 228–237. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам; т. 10, ч. 2.)
- Дэвлет Е. Г.*, 2014а. К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля // РА. № 3. С. 66–78.
- Дэвлет Е. Г.*, 2014б. Трансокеанские аналогии антропоморфным изображениям Сибири и Дальнего Востока // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 26–33.
- Дэвлет Е. Г.*, 2015а. Новая реальность наскального искусства // Наука из первых рук. № 5/6 (65/66) (декабрь). С. 108–125.
- Дэвлет Е. Г.*, 2015б. Новые материалы к проблеме Тихоокеанских аналогий изображениям личин в наскальном искусстве Амура и Усури // КСИА. Вып. 241. С. 68–78.
- Дэвлет Е. Г.*, 2018. «Прозрачная» плоть: к интерпретации антропоморфных изображений на Шигирском идоле // Уральский исторический вестник. № 1 (58). С. 20–28.
- Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю.*, 2011. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 186–201. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VII.)
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.*, 2005а. Мифы в камне // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 75–78.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.*, 2005б. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейа. 472 с.: ил., 96 с. цв. вкл.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.*, 2011. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН. 382 с. Режим доступа: https://www.archaeolog.ru/media/books_2011/Devlet.pdf. Дата обращения: 25.10.2019.
- Дэвлет Е. Г., Кочанович А. В., Миклашевич Е. А., Слободзян М. Б.*, 2005. Петроглифы Пегтымеля: сорок лет спустя // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 79–91.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.*, 2017. Петроглифы на р. Кия в Хабаровском крае // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. С. 167–172.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н.*, 2012. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Ред.: О. С. Советова, Г. Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 203–283. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. IX.)
- Дэвлет Е. Г., Пахунов А. С., Житенев В. С., Зоткина Л. В., Грешников Э. А.*, 2017. Вопросы междисциплинарных исследований технологических особенностей и состояния сохранности объектов изобразительной деятельности // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы Междунар. симпозиума (22–26 июня 2015 г., г. Новосибирск) / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 44–59.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.*, 1999. Изображения шаманов в наскальном искусстве // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: Тез. докл. М. С. 86–89.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.*, 2003. Шаманские петроглифы горы Устю-Мозага в Саянском каньоне Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2 / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 40–43.
- Кочанович А. В., Дэвлет Е. Г.*, 2006. Об изготовлении резервных и выставочных копий петроглифов Кайкуульского обрыва // Пегтымельская тетрадь / Ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 47–50.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Леванова Е. С.*, 2019. Исследование Амура-Уссурийской провинции наскального искусства // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (94). С. 25–37.
- Окладников А. П.*, 1968. Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во. 240 с.
- Окладников А. П.*, 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.

Окладников А. П., 1977. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука. С. 41–49.

Devlet E., 2001. Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism // The archaeology of shamanism / Ed. N. Price. London: Routledge. P. 43–55.

Devlet E., Devlet M., 2002. Siberian shamanistic rock art // Spirits and Stones. Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. Poznań: Instytut Wschodni Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. P. 120–136.

Сведения об авторах

Леванова Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Король Галина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ggkoro108@rambler.ru

E. S. Levanova, G. G. Korol

MAIN AREAS OF E. G. DEVLET'S SCIENTIFIC PURSUITS

Abstract. The paper reviews main areas of research conducted by E. G. Devlet (1965–2018) on prehistoric art, in particular, petroglyphs. The basic principle of this researcher approach in tackling the subject is examination of rock art sites in a broad geographical context from northern Eurasia to South America as well as expedition experience. The fundamental scientific issue in many of E. G. Devlet's papers is the determination of the rock art areas, including the Amur-Ussuriysk province. Other areas of her interest included interpretation of rock art narratives in the context of migration theories and diffusion of ideas as well as a comprehensive approach to petroglyph studies through the use of ethnographic and folklore materials. Other topics in the past years were related to extension and improvement of the methodology used to study rock art including new methods based on modern digital technologies as well as issues of preservation and development of sites as cultural heritage and tourist attraction.

Keywords: rock art, prehistorical art, petroglyphs, cultural heritage, historiography, bibliography of E. G. Devlet.

REFERENCES

- Ageyeva E. N., Devlet E. G., Rebrikova N. L., 1996. Rezul'taty obsledovaniya, perspektivy sokhraneniya i ispol'zovaniya pamyatnikov naskal'nogo iskusstva ozera Baykal [Results of survey, perspectives of preservation and exploitation of rock art monuments of Baykal Lake]. *Arkheologicheskoye naslediyе Baykal'skoy Sibiri [Archaeological heritage of Baykal Siberia]*, I. G. I. Medvedev, ed. Irkutsk: Institut geografii SO RAN, pp. 111–115.
- Bednarik R., Devlet E. G., 1993a. Konservatsiya pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Verkhney Leny [Conservation of rock art monuments of Upper Lena]. *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva [Monuments of rock art]*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of ethnology and anthropology of RAS], pp. 7–24.
- Bednarik R., Devlet E. G., 1993b. Problemy konservatsii pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Verkhney Leny [Issues of conservation of rock art monuments of Upper Lena]. *Sovremennyye problemy*

- izucheniya petroglifov [Actual issues of petroglyphs studies].* O. S. Sovetova, ed. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 37–48.
- Devlet E. G., 1996a. O skeletnom stile v naskal'nom iskusstve (aziatsko-amerikanskiye paralleli) [On skeleton style in rock art (Asiatic-American parallels)]. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu [Priesthood and shamanism in Scythian period]*. A. Yu. Alekseyev, ed. St. Petersburg, pp. 173–174.
- Devlet E. G., 1996b. Syuzhety naskal'nykh izobrazheniy Antil'skikh ostrovov [Subjects of rock paintings of the Antilles]. *Amerikanskiye indeytsy: novyye fakty i interpretatsii [American Indians: new facts and interpretations]*. V. A. Tishkov, ed. Moscow: Nauka, pp. 221–241.
- Devlet E. G., 1998. Aziatskiye paralleli tsentral'noamerikanskim monumental'nym izvayaniyam (stili «leyk», «subtiaba», «chontales») [Asiatic parallels of Central American statues («lake», «subtiaba», «chontales» styles)]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy [Siberia in millennia panorama]*, 1. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 180–186.
- Devlet E. G., 1999. O nekotorykh tendentsiyakh v issledovanii naskal'nykh izobrazheniy [Some trends in rock art studies]. *RA*, 2, pp. 75–85.
- Devlet E. G., 2000a. Antropomorfnyye naskal'nyye izobrazheniya v rentgenovskom stile i mifologicheskii syuzhet ob obretanii shamanskogo dara [Anthropomorphic rock paintings in x-ray style and mythological subject on acquisition of shamanic gift]. *AEAE*, 2, pp. 88–95.
- Devlet E. G., 2000b. Khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya indeytsv Tsentral'noy Ameriki [Stone objects of art of the Indians of Central America]. Moscow: Nauchnyy mir. 247 p.
- Devlet E. G., 2002a. Naskal'nyye rospisi S'yerra-de-San-Fransisko, poluostrov Kaliforniya [Rock paintings of Sierra-de-San-Francisco, California peninsula]. *Istoriya i semiotika indeyskikh kul'tur Ameriki [History and semiotics of Indian cultures in America]*. Moscow: Nauka, pp. 361–372.
- Devlet E. G., 2002b. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izucheniye, sokhraneniye, ispol'zovaniye [Rock art monuments: studies, preservation, use]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Devlet E. G., 2004. Shamanizm i obrazy naskal'nogo iskusstva [Shamanism and rock art images]. *Sakral'noye glazami «profanov» i «posvyashchennykh» [Sacred through the eyes of «profane» and «ordained»]*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of ethnology and anthropology of RAS], pp. 228–237. (Etnologicheskiye issledovaniya po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniyam i praktikam, 10, 2.)
- Devlet E. G., 2014a. K voprosu o tekhniko-tekhnologicheskikh osobennostyakh petroglifov Pegtymelya [On the question of techno-technological peculiarities of Pegtymel petroglyphs]. *RA*, 3, pp. 66–78.
- Devlet E. G., 2014b. Transokeanskiye analogii antropomorfnykh izobrazheniy Sibiri i Dal'nego Vostoka [Transoceanic analogies to anthropomorphic images of Siberia and the Far East]. *Arkhaiskoye i traditsionnoye iskusstvo: problemy nauchnoy i khudozhestvennoy interpretatsii [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 26–33.
- Devlet E. G., 2015a. Novaya real'nost' naskal'nogo iskusstva [New reality of rock art]. *Nauka iz pervykh ruk [First-hand science]*, 5/6 (65/66), pp. 108–125.
- Devlet E. G., 2015b. Novyye materialy k probleme Tikhookeanskikh analogiy izobrazheniyam lichin v naskal'nom iskusstve Amura i Ussuri [New materials on problem of transatlantic analogies for images of gisuses in rock-art of Amur and Ussuri rivers]. *KSIA*, 241, pp. 68–78.
- Devlet E. G., 2018. «Prozrachnaya» plot': k interpretatsii antropomorfnykh izobrazheniy na Shigirskom idole [«Transparent» flesh: on interpretation of anthropomorphic images on Shigir idol]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Uralian historic bulletin]*, 1 (58), pp. 20–28.
- Devlet E. G., Devlet M. A., 2005a. Mify v kamne [Myths in stone]. *Mir naskal'nogo iskusstva [World of rock art]*. E. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 75–78.
- Devlet E. G., Devlet M. A., 2005b. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in stone. Russia's world of rock art]. Moscow: Aleteya. 472 p.: ill., 96 tab.
- Devlet E. G., Devlet M. A., 2011. Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii (Elektronnyy resurs) [Treasures of rock art of North and Central Asia (Electronic resource)]. Moscow: IA RAN. 382 p. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2011/Devlet.pdf.
- Devlet E. G., Giryayeva E. Yu., 2011. «Izobrazitel'nyy plast» v naskal'nom iskusstve i issledovaniye tekhniki vypolneniya petroglifov Severnoy Evrazii [«Pictorial layer» in rock art and research of petroglyph

- technique of Northern Eurasia]. *Drevneye iskusstvo v zerkale arkhologii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu D. G. Savinova* [Ancient art in mirror of archaeology: collection of scientific works, dedicated to 70th anniversary of D. G. Savinov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 186–201. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VII.)
- Devlet E. G., Kochanovich A. V., Miklashevich E. A., Slobodzyan M. B., 2005. Petroglify Pegtymelya: sorok let spustya [Pegtymel petroglyphs: forty years later]. *Mir naskal'nogo iskusstva* [World of rock art]. E. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 79–91.
- Devlet E. G., Laskin A. R., 2017. Petroglify na r. Kiya v Khabarovskom kraye [Petroglyphs on Kiya river in Khabarovsk krai]. *KSIA*, iss. 249, part 1, pp. 167–172.
- Devlet E. G., Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., 2012. Materialy k svodu petroglifov Chukotki (izobrazheniya v skopleniyakh I–III na Kaykuul'skom obryve) [Materials to corpus of Chukotka petroglyphs (images in clusters I–III on Kaykuul cliff)]. *Izobrazitel'nyye i tekhnologicheskiye traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Pictorial and technological traditions in art of Northern and Central Asia]. O. S. Sovetova, G. G. Korol, eds. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 203–283. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, IX.)
- Devlet E. G., Pakhunov A. S., Zhitenev V. S., Zotkina L. V., Greshnikov E. A., 2017. Voprosy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy tekhnologicheskikh osobennostey i sostoyaniya sokhrannosti ob'yektov izobrazitel'noy deyatel'nosti [Issues of interdisciplinary investigations of technological features and state of preservation of objects of pictorial activity]. *Multidistsiplinarnyye metody v arkhologii: noveyshyye itogi i perspektivy* [Multidisciplinary methods in archaeology: newest results and perspectives]. V. I. Molodin, S. Hansen, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 44–59.
- Devlet E., 2001. Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism. *The archaeology of shamanism*. N. Price, ed. London: Routledge, pp. 43–55.
- Devlet E., Devlet M., 2002. Siberian shamanistic rock art. *Spirits and Stones. Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia*. Poznań: Instytut Wschodni Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, pp. 120–136.
- Devlet M. A., Devlet E. G., 1999. Izobrazheniya shamanov v naskal'nom iskusstve [Images of shamans in rock art]. *60 let kafedre arkhologii MGU imeni M. V. Lomonosova* [60 years of Chair of archaeology, Lomonosov MSU]. Moscow, pp. 86–89.
- Devlet M. A., Devlet E. G., 2003. Shamanskiye petroglify gory Ustyuu-Mozaga v Sayanskom kan'one Eniseya [Shamanic petroglyphs on Ustyuu-Mozaga mountain in Sayan canyon of Yenisei]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye: materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova* [Steppes of Eurasia in antiquity and Muddle Ages: proceedings of conference dedicated to centenary of M. P. Grayznov], 2. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 40–43.
- Girya E. Yu., Devlet E. G., 2010. Nekotoryye rezul'taty razrabotki metodiki izucheniya tekhniki vypolneniya petroglifov piketazhem [Some results of working out methods of studying of technique of execution of petroglyphs with picketage]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralian historic bulletin], 1 (26), pp. 107–118.
- Girya E. Yu., Devlet E. G., 2012. Ob issledovanii tekhniki vypolneniya izobrazheniy na skalakh [On research of technique of performance of images on rocks]. *PIFK*, 1 (35), pp. 158–178.
- Girya E. Yu., Drozdov N. I., Devlet E. G., Makulov V. I., 2011. O rabotakh po trasologicheskomu izucheniyu petroglifov Shalabolino [On the works for trace-wear study of Shalabolino petroglyphs]. *Naskal'noye iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy)* [Rock art in modern society (to 290th anniversary of scientific discovery of Tomsk painted rock)], 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 201–207. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VIII.)
- Kochanovich A. V., Devlet E. G., 2006. Ob izgotovlenii rezervnykh i vystavochnykh kopiy petroglifov Kaykuul'skogo obryva [On making reserve and exhibition copies of Kay-kuul cliff petroglyphs]. *Pegtymel'skaya tetrad'* [Pegtymel diary]. E. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 47–50.
- Laskin A. R., Devlet E. G., Levanova E. S., 2019. Issledovaniye Amuro-Ussuriyskoy provintsii naskal'nogo iskusstva [Research of Amur-Ussuri rock art province]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Russian Foundation for basic research. Humanities and social sciences], 1 (94), pp. 25–37.
- Okladnikov A. P., 1968. Liki drevnego Amura. Petroglify Sakachi-Alyana [Images of ancient Amur. Sakachi-Alyan petroglyphs]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo. 240 p.

- Okladnikov A. P., 1971. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 329 p.
- Okladnikov A. P., 1977. Vzaimodeystviye drevnikh kul'tur Tikhogo okeana (na materialakh petroglifov) [Interaction of ancient cultures of the Pacific (based on the materials of petroglyphs)]. *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki* [Problems of archaeology of Eurasia and North America]. N. L. Chlenova, ed. Moscow: Nauka, pp. 41–49.

About the authors

Levanova Elena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Korol Galina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ggkorol08@rambler.ru

Е. С. Леванова, Е. А. Миклашевич, И. В. Аболонкова, А. С. Пахунов

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ*

Резюме. В статье представлены итоги работы ежегодного научно-образовательного семинара «Наскальное искусство: актуальные проблемы изучения и сохранения», прошедшего в апреле 2019 г. в г. Кемерове. Семинар стал уникальной для России площадкой, на которой студенты, аспиранты и специалисты-археологи смогли обсудить актуальные для современных исследований наскального искусства проблемы, а также ознакомиться с необходимыми для успешной полевой работы методами изучения, копирования и реставрации петроглифов.

Ключевые слова: археология, наскальное искусство, документирование наскальных изображений, междисциплинарность, реставрация.

В апреле 2019 г. в г. Кемерове прошел второй научно-образовательный семинар «Наскальное искусство: актуальные проблемы изучения и сохранения», организованный Кемеровским государственным университетом, Институтом археологии РАН, музеем-заповедником «Томская Писаница» и Сибирской ассоциацией исследователей первобытного искусства (САИПИ) при поддержке РФФИ и Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области.

Первый семинар состоялся в 2018 г. и был организован сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница», Кемеровского государственного университета, Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ) для небольшой группы заинтересованных в изучении наскального искусства студентов КемГУ. Тема его оказалась востребованной, и в 2019 г. организаторы получили более 60 заявок на участие от студентов и аспирантов из вузов гг. Кемерово, Казани, Новосибирска, Томска, Красноярска, Санкт-Петербурга. Интерес к семинару проявили также специалисты по охране памятников,

---

¹ Статья написана в рамках проекта РФФИ № 17-31-00025-ОГН «Методы документирования памятников первобытного искусства и проблемы анализа произведений древней изобразительной деятельности».

научные и музейные сотрудники из организаций г. Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Екатеринбурга, Красноярска, Уфы, Барнаула, Новосибирска. Такой отклик, который получила информация о предстоящем семинаре, позволил организаторам провести полноценную школу для молодых ученых с лекциями, практикумами и выездными экскурсиями.

Задачей проведения научного семинара было знакомство студентов и молодых специалистов с актуальными проблемами и достижениями в сфере изучения и сохранения наскального искусства, а кроме того, повышение интереса к этому виду культурно-исторического наследия.

К сожалению, ни на археологических, ни на исторических, ни на реставрационных кафедрах вузов нашей страны нет специализаций для студентов, которые способствовали бы формированию навыков практической работы по изучению и сохранению объектов наскального искусства. Подготовка кадров для научной работы и музейной деятельности в этой сфере на сегодняшний день – насущная проблема гуманитарной науки. С учетом того, что специалистов по изучению наскального искусства в нашей стране крайне мало, чрезвычайно важно делать все возможное для воспитания кадров и повышения квалификации археологов, работающих с петроглифами. В музейных, научных и образовательных учреждениях г. Кемерово по традиции, заложенной А. И. Мартыновым и Я. А. Шером, уделяется очень большое внимание наскальному искусству: и как одному из направлений археологии, и как виду наследия. Поэтому неудивительно, что именно в г. Кемерово родилась инициатива проведения научно-образовательного семинара по такой специфической тематике, поддержанная в 2019 г. сотрудниками Центра палеоискусства Института археологии РАН.

Мероприятия семинара прошли в Кемеровском государственном университете и музее-заповеднике «Томская Писаница». В лекциях Е. А. Миклашевич (Институт археологии РАН, музей-заповедник «Томская Писаница») «Что такое памятники наскального искусства и почему их нужно документировать» и «От эстампажа к отливке. Развитие методов факсимильного копирования петроглифов» был дан ретроспективный анализ истории изучения наскального искусства в России и контактных способов документирования памятников. Лекции и мастер-классы руководителей московской Лаборатории дистанционного зондирования и пространственного анализа данных (Лаборатория RSSDA) Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко позволили слушателям оценить перспективы применения цифровых методов документирования памятников наскального искусства. Мастер-классы от Лаборатории RSSDA «Трехмерные модели объектов наскального искусства и что с ними делать дальше» и «Применение беспилотных летательных аппаратов для документирования памятников наскального искусства» продемонстрировали не только способы получения цифровых моделей и ортофотопланов памятников, но и способы дальнейшей интерпретации цифровых данных.

На мастер-классе А. С. Пахунова (Институт археологии РАН) «Применение спектральной фотосъемки для документирования памятников наскального искусства» был представлен обзор по применению методов спектральной фотосъемки для фиксации и изучения состава красок на памятниках наскального искусства. В практической части были продемонстрированы примеры комбинирования результатов спектральной фотосъемки и фотограмметрии. В Каповой

пещере (Республика Башкортостан) это позволило выявить принципы использования рельефа поверхности для выполнения изображений и сопоставить составы красок на разных плоскостях. Предложенная комбинация методов использовалась и для фиксации плит из погребений Каракола (Республика Алтай). В результате были выявлены изображения, выполненные в разной технике и, вероятно, в разное время.

Мастер-класс А. К. Солодейникова (музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш») «Методы выявления наскальных рисунков, выполненных краской: цифровая коррекция, пигментные карты, DStretch» продемонстрировал разнообразные приемы съемки и постобработки полученных снимков. Речь шла о документировании плохо сохранившихся и сложных для фиксации красочных изображений. Особый интерес у слушателей вызвал метод пигментных карт (полутонных изображений), который применительно к документированию наскального искусства представляет собой результат цифровой обработки фотографий, показывающий распределение на субстрате пигмента того или иного цвета. Пигментные карты помогают визуализировать тонкие цветовые различия, которые трудно или невозможно уловить невооруженным глазом.

Работа научно-образовательного семинара проходила непосредственно на памятнике наскального искусства – Томской писанице, на примере которой были разобраны трудности консервации и реставрации петроглифических комплексов (лекция И. В. Аболонковой (КемГУ, музей-заповедник «Томская Писаница») «Реставрационные работы на памятнике Томская писаница»). А. Н. Мухарева (КемГУ, музей-заповедник «Томская Писаница») познакомила слушателей с уникальными коллекциями микалентных копий и протирок музея «Археология, этнография и экология Сибири» (КемГУ) и музея-заповедника «Томская Писаница». Здесь же участники семинара смогли увидеть подлинные плиты с петроглифами и факсимильные копии плоскостей с наскальными изображениями.

Большой интерес вызвал мастер-класс Е. А. Миклашевич «Использование факсимильных копий для реконструкции поврежденных объектов наскального искусства». В основу мастер-класса легли факсимильные копии наскальных изображений г. Кедровой (Красноярский край), обезображенных посетителями-вандалами, и фотографии эстампажа-оттиска петроглифов, выполненного А. В. Адриановым в начале XX в., когда рисунки еще не были испорчены современными надписями. Слушатели смогли принять непосредственное участие в реконструкции рисунков на факсимильной копии, опираясь на фотографии эстампажа. Подобный опыт открывает большие перспективы в деле сохранения памятников наскального искусства. Обсуждались возможности реконструкции аналогичным образом рисунков Сулекской писаницы (Республика Хакасия), которые значительно пострадали от вандалов в XX в. и эстампажи которых также сохранились.

Проведение научно-образовательных семинаров и школ для молодых ученых – это прекрасный пример для привлечения внимания молодых специалистов к памятникам наскального искусства, проблемам их изучения и возможностям сохранения. В 2020 г. Институт археологии РАН, САИПИ и музей-заповедник «Томская Писаница» планируют продолжить традицию проведения научно-образовательных мероприятий, ориентированных на углубление знаний о памятниках наскального искусства, их изучении, реставрации и музеефикации.

Сведения об авторах

Леванова Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Миклашевич Елена Александровна, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru;

Аболонкова Ирина Васильевна, Кемеровский государственный университет, Кемерово, ул. Красная, 6650000, Россия; e-mail: abolonirina@mail.ru;

Пахунув Александр Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: science@pakhunov.com

E. S. Levanova., E. A. Miklashevich, I. V. Abolonkova, A. S. Pakhunov

ROCK ART – RELEVANT ISSUES OF RESEARCH AND PRESERVATION

Abstract. The paper reports on the annual scientific and educational workshop ‘Rock Art – Relevant Issues of Research and Preservation’ held in Kemerovo in April 2019. This meeting has become a unique site for Russia whereby undergraduates, post-graduate students and archaeologists can discuss issues relevant for modern research of rock art as well as learn methods of studying, copying and restoring petroglyphs necessary for successful fieldwork.

Keywords: archaeology, rock art, documentation of rock images, interdisciplinarity, restoration.

About the authors

Levanova Elena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: : maraveriza@gmail.com;

Miklashevich Elena A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Abolonkova Irina V., Kemerovo State university, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: abolonirina@mail.ru;

Pakhunov Aleksey S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: science@pakhunov.com

С. А. Володин, У. Ю. Кочкаров,
А. А. Кудрявцев, С. В. Селезнева

ОБЗОР КИНОФОНДА НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Резюме. Статья посвящена обзору кинофонда Научно-отраслевого архива ИА РАН, оцифровка которых завершилась в 2018 г. Фильмокопии включают в себя съемки работ ряда археологических экспедиций на территории СССР, Монголии и Албании во второй половине 1940-х – 1960-х гг.; научно-популярные фильмы об археологии и антропологии, документальные фильмы об известных археологах; материалы, переданные сотрудниками ИА РАН. Материалы Научно-отраслевого архива ИА РАН являются важным источником по истории советской и российской археологии. Киноматериалы ряда экспедиций второй половины 1940-х – 1960-х гг. являются существенным дополнением к их отчетной документации.

Ключевые слова: кинодокументы, Научно-отраслевой архив ИА РАН, археологические исследования, история археологии.

В 2018 г. завершился процесс оцифровки кинофонда Научно-отраслевого архива Института археологии РАН. В настоящее время оригинальные отреставрированные фильмокопии хранятся в коробках для киноплёнки (более 100 экз.), а их электронные версии – на отдельном сервере ИА РАН. Туда же помещены и варианты последних поступлений, хранящихся на кассетах VHS или только в электронном виде, т. е. без носителя.

Киноматериалы делятся на три категории. Наиболее значимая и объемная их часть – это кинодокументы различных экспедиций (Оренбургской, Московской, Новгородской, Северо-Кавказской, Трипольской и др.), в которых представлены процесс раскопок, находки, быт экспедиций. В основном они относятся ко второй половине 1940-х – 1960-м гг., сняты на черно-белую плёнку без озвучки, однако многие снабжены титрами. Они представляют собой важнейший источник, позволяющий судить о развитии и масштабе советской археологии во второй половине XX в. не только на территории СССР, но и за рубежом – в Монголии и Албании.

Следующая категория – это научно-популярные фильмы как советского времени, так и последних десятилетий. Среди них – съемки архитектурных памятников, рассказы об экспедициях, интервью с археологами.

В последнюю часть кинофона включены видеоматериалы, предоставленные сотрудниками Института археологии.

Наиболее ранние фильмокопии об экспедициях в фонде посвящены археологическим исследованиям Новгорода в 1947–1948 гг. Они представлены фрагментами немых черно-белых фильмов 1947 г. «Раскопки в Великом Новгороде» и «Древний Новгород» (1 ч. 30 мин.) и целым фильмом «Новгород Великий» 1948 г. (22 мин.) У последнего есть краткая цветная версия (4 мин.). В них представлены панорамные съемки Новгорода, его архитектурных памятников, в том числе и Новгородского кремля. Основное внимание уделено раскопкам на Ярославовом дворище, Чудинцевском раскопе, исследованиям в Перыни (рис. 1) и открытию проездной башни и участка каменной стены Окольного города. Крупным планом сняты руководители экспедиции А. В. Арциховский, Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт, представлены и рабочие моменты с участием Д. А. и Г. А. Авдусиных, Н. Д. Мец, С. А. Плетневой, В. В. Седова, В. Л. Янина и др. Показаны находки, процесс реставрации и их консервации, работа химической лаборатории (Кудрявцев, 2018. С. 337–341).

Рис. 1. С. А. Плетнева и Г. А. Авдусина на раскопках в Перыни под Новгородом, 1948 г.

Одним их наиболее значительных по объему является раздел киноматериалов «Древности Монголии» (2 ч. 43 мин.) Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР 1948–1949 гг. (руководитель С. В. Киселев). В него включены съемки раскопок Каракорума, Хара-Балгаса (Древнемонгольские города, 1965. С. 138–167), исследования погребальных памятников – уйгурских погребений IX в. в Джаргаланты (*Евтюхова*, 1957. С. 207–211). Крупным планом представлены рабочие моменты с участием Н. Я. Мерперта и Л. А. Евтюховой, вскрытые сооружения, печи, отопительные каналы, а также панорамные виды, в том числе и буддийского монастыря Эрдэни-Дзу, располагавшегося рядом с Каракорумом. Оператором показана фиксация надписей, архитектурных объектов, каменной черепахи у дворца Угэдэя, находки (предметы вооружения, китайские монеты, керамические сосуды), археологическая выставка в Каракоруме. Представлены и съемки лекции С. В. Киселева в Комитете наук МНР.

С учетом того, что в целях Монгольской экспедиции была заявлена и этнографическая составляющая, в киноматериалах много внимания уделено и изучению быта и обычаев монголов. Подробно освещены богослужения в буддийском монастыре Гандан, праздник Надом с национальными состязаниями, монгольской борьбой и парадом. На трибуне крупным планом сняты руководитель МНР маршал Х. Чойбалсан и советские офицеры.

Об организации экспедиции, процессе раскопок и этнографических исследований подробные свидетельства оставил Н. Я. Мерперт (*Мерперт*, 2011. С. 133–166).

Следующий блок кинофонда посвящен раскопкам в Москве в 1949–1951 гг. (22 мин.). Археологические исследования, организованные Институтом истории материальной культуры АН СССР и Музеем истории и реконструкции Москвы, велись в Зарядье под руководством М. Г. Рабиновича (*Рабинович*, 1971. С. 9–117).

В начале демонстрируются общие виды улиц Москвы, Зарядья перед началом работ, далее – раскоп, рабочие моменты, открытые объекты – фундаменты, постройка XVI в. с кирпичным полом, водоотводные сооружения, погреба, рисунки усадебной застройки. Продемонстрирована методика обработки массового материала: на отвале керамика и кости распределяются по выставленным аналогично раскопу квадратам.

Во второй части фильма показаны камеральные работы. А. В. Кирьянов проводит механическую и химическую очистку находок, консервацию деревянных находок, их отливку в гипсовых формах. Демонстрируются предметы вооружения, кресты и иконки, инструменты, керамические сосуды, кремневые изделия и керамика эпохи бронзы.

В кинофонде хранится дипломная работа студента операторского факультета ВГИКа А. М. Казнина, представляющая собой черно-белый озвученный фильм «Трипольская культура» (19 мин.), снятый по материалам работ Трипольской (Днестровской) археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1951 г. (режиссер М. Г. Рошаль, консультант – руководитель экспедиции Т. С. Пассек). Фильмокопия включает кадры раскопок поселения Поливанов Яр, разведки в его окрестностях, аэрофотосъемку, съемку лекции Т. С. Пассек, находки и реконструкцию поселения (рис. 2).

Рис. 2. Т. С. Пассек на раскопках поселения трипольской культуры Поливанов Яр, 1951 г.

Среди киноматериалов Молдавской экспедиции присутствуют и съемки исследований 1959–1964 гг. (2 ч. 29 мин.), а именно раскопки поселений Болград (Одесская область), Флорешты, Озерное и Выхватинского могильника в Молдавии. В фильмах запечатлены сцены быта экспедиции, камеральные работы, экспозиции Одесского археологического музея. На ряде кадров присутствует помимо Т. С. Пассек и М. М. Герасимов, расчищающий погребение (рис. 3).

Значительное количество фильмокопий посвящены подводным археологическим исследованиям конца 1950-х – начала 1960-х гг., проводившимся под руководством В. Д. Блаватского в Северном Причерноморье (1 ч. 47 мин.). В титрах цветного неозвученного фильма «Подводные археологические экспедиции» указано, что он снят клубом подводников Московского энергетического института по заданию Института археологии.

На начальных кадрах показаны планы археологических памятников, на которых велись основные работы (Фанагория, Херсонес, Гермонасса, Тира, Роксоланское городище, Ольвия). Далее демонстрируется подготовка к погружениям – проверка аквалангов, инструктаж, крупным планом сняты В. Д. Блаватский и Б. Г. Петерс. Подробно представлены многочисленные подводные съемки, работа землесосной установки, проверка отработанного грунта, рабочие моменты,

Рис. 3. М. М. Герасимов на раскопках Выхватинского могильник в Молдавии, 1964 г.

находки. Отдельная часть фильма посвящена съемке Белгород-Днестровской крепости.

Отдельный блок материалов (1 ч. 14 мин.) посвящен раскопкам Албанской археологической экспедиции ИА АН СССР и Тиранского университета в Аполлонии Иллирийской 1960 г. (руководитель С. Ислами, группу советских специалистов возглавлял В. Д. Блаватский, научные консультанты Н. А. Онайко и Д. Б. Шелов). Кадры включают аэрофотосъемку, виды раскопа, исследованные постройки, погребения в каменных ящиках, экскурсию В. Д. Блаватского для официальной делегации. Особое внимание уделено обработке находок, найденным архитектурным деталям, фиксации и реставрации многофигурной мозаики, покрывающей пол одного из открытых зданий (рис. 4).

Следующий фильм (38 мин.) охватывает раскопки Днепровской археологической экспедиции под руководством Б. А. Рыбакова городища Витачов (Киевская область) в 1960 г. Демонстрируются аэрофотосъемка, исследования самого городища и могильника, открытые сооружения, панорамные виды, рабочие моменты с участием Б. А. Рыбакова (рис. 5), реконструкция планировки древнерусского укрепленного поселения, находки.

Киноматериалы «Археологические раскопки на Северном Кавказе» посвящены работам Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии и научно-исследовательских институтов и музеев Кабардино-Балкарии,

Рис. 4. Фиксация мозаичного пола одной из построек Аполлонии Иллирийской, 1960 г.

Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Северной Осетии и Чечни в 1959 и 1963 гг. (автор-оператор В. А. Дерябин, научный консультант – руководитель экспедиции Е. И. Крупнов).

Часть I включает съемки в Чечено-Ингушской АССР (18 мин.) – разведка в Джерахском ущелье, осмотр комплекса средневековых башен аула Эрзи, склепа-пещеры, башни Гатын-Кале, позднесредневековых боевых башен Шатоевской котловины, боевой башни на р. Чанты-Аргун, раскопки поселений у с. Сержень-Юрт, курганного могильника в районе с. Бамут; в Кабардино-Балкарской АССР – раскопки в районе с. Верхняя Балкария, могильник у аула Курнаят, обследование боевых башен Абаевых и Амирхановых.

Часть II посвящена работам в Северо-Осетинской АССР (12 мин.). В ней присутствуют съемки раскопок Змейского могильника, камеральной обработки находок, кадры плана и исследований городища Верхний Джулат. Хроника зафиксировала раскрытые на этом памятнике две мечети, три церкви, гробницы, панорамные виды с минаретом XIV в. (*Албегова (Царикаева), Кочкаров*, 2018. С. 321–325). При показе одной из Джулатских церквей крупным планом снят Е. И. Крупнов. Отметим и съемки часовни в ауле Нузал, могильника в с. Даргавс, архитектурных памятников в Куртатинском ущелье, церкви в с. Дзивгис.

Часть III состоит из съемок археологических исследований на территории Карачаево-Черкесской АССР (11 мин.). Наибольшая часть фильма посвящена

Рис. 5. Б. А. Рыбаков на раскопках городища Витачов, 1962 г.

Нижнеархызскому городищу. Помимо панорамных видов показаны пять храмов, среди которых основное внимание уделено Северному храму. На Кафярском городище показаны остатки средневековых дольменообразных склепов (Виноградов, Кочкаров, 2018. С. 328–330).

В числе прочих в кинофонде Научно-отраслевого архива представлены два фильма о полевых работах отдела скифо-сарматской археологии ИА АН СССР. Первый из них посвящен исследованиям Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова в 1964 г. (21 мин.). Первая треть фильма отведена Казахстанскому отряду экспедиции, возглавляемому М. Г. Мошковой. Оператор фиксирует процесс раскопок насыпей Берликского курганного могильника, от разбивки будущего раскопа до расчистки погребений. Основная часть киноплёнки во всех подробностях иллюстрирует раскопки курганного могильника Герасимовка I под руководством К. Ф. Смирнова (Смирнов, 1965. С. 156–159). В фильме запечатлен целый ряд выдающихся археологов: К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова, М. П. Абрамова, Э. А. Федорова-Давыдова, А. В. Куза (рис. 6). Отметим, что плёнка насыщена кадрами быта экспедиции, бескрайними степными панорамами.

Бытовым зарисовкам также уделена значительная часть хронометража фильма, посвященного работам Лесостепной скифской экспедиции в 1965 г. (20 мин.). Крупным планом запечатлены основные участники – П. Д. Либеров, А. И. Пузикова, В. И. Гуляев, В. А. Башилов, А. И. Шкурко. Съёмки рабочего процесса демонстрируют исследования среднедонских древностей от эпохи

**Рис. 6. К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова
в лагере Южно-Уральской археологической экспедиции, 1964 г.**

бронзы до скифского времени. Представлены разведки по р. Хопёр, раскопки Кировского и Волошинского городищ, курганов у с. Ильмень, Старая Тойда, а также у с. Дуровка, где запечатлен процесс исследований одного из наиболее ярких погребальных комплексов скифского времени в Среднем Подонье – кургана № 9 Дуровского могильника (*Лузикова*, 2001. С. 189, 190).

Отдельный фильм посвящен раскопкам поселения Саваг-Ту в Центральной Чувашии 1968 г. (8 мин.). Исследования проводились силами Чувашского отряда Поволжской археологической экспедиции Института археологии под руководством В.Ф. Каховского (*Каховский, Смирнов*, 1972. С. 106–109). Представлены разведки, сбор подъемного материала, раскопки, обработки находок, крупным планом снят А. П. Смирнов.

Следующий раздел кинофонда составляют научно-популярные фильмы. «В глубинах веков» 1963 г. (Моснаучфильм, режиссер Н. Тихонов, консультант М. М. Герасимов, 19 мин.) посвящен антропогенезу и жизни палеолитических сообществ. М. М. Герасимов представляет свой метод антропологической реконструкции на примере черепа мальчика из Тешик-Таша, параллельно в фильме показаны реконструкции охоты, рыбной ловли, изготовления изделий из кости, обработки находок.

Фильм «Встреча с далеким земляком» 1969 г. (Центрнаучфильм, режиссер А. Соколов, консультанты О. Н. Бадер, Б. А. Рыбаков, 10 мин.) рассказывает об исследованиях памятников каменного века. Показаны раскопки стоянки

Сунгирь, фиксация палеолитических детских погребений под руководством О. Н. Бадера и М. М. Герасимова, представлены сведения об остеологических, палинологических, геологических исследованиях. С. А. Семенов и М. М. Герасимов представляют свои методы реконструкций, палеонтолог В. И. Громов анализирует остеологический материал.

Наскальной живописи Каповой пещеры посвящен фильм 1974 г. «Чудо темноты» (Центрнаучфильм, режиссер А. Соколов, консультант О. Н. Бадер, 13 мин.). Демонстрируются съемки внутри пещеры, археологические разведки в пещерах Урала, крупным планом снят О. Н. Бадер.

Фильм «Берестье. Встречи с прошлым» 1983 г. (Беларусьфильм. Режиссер И. Пикман, консультант Э. М. Загоруйский, 20 мин.) включает съемки музея в Берестье, архитектурных памятников Полоцка, находок, Троицкого раскопа в Новгороде. Художник Г. Г. Поплавский берет интервью у Б. А. Рыбакова и В. Л. Янина.

Неозвученный цветной фильм «Звезды над Самаркандом» (производство Киностудии научно-популярных и хроникально-документальных фильмов Узбекистана, 10 мин.) повествует об архитектурных памятниках Самарканда.

Как отмечалось выше, среди фильмокопий Научно-отраслевого архива присутствуют и материалы XXI в. Например, фильм «Поиск и исследование шведской галеры Etrus» 2004 г. (11 мин.) показывает подводные археологические исследования, проводимые подводно-археологической экспедицией общества «Память Балтики» (руководитель К. А. Шопотов). Представлены подводные съемки обследования затонувшего в ходе Выборгского морского сражения 1790 г. судна.

Следует также упомянуть фильмы телеканала «Культура», снятые в 2008 г.: посвященный А. П. Окладникову (6 мин.) с интервью А. П. Деревянко, а также фильм «Зима патриарха», посвященный Б. А. Рыбакову (39 мин.). О научной деятельности бывшего директора Института археологии рассказывают Н. А. Макаров, Т. И. Макарова, А. А. Медынцева, С. А. Плетнева, Р. Б. Рыбаков.

Последний раздел фонда – кинодокументы, переданные сотрудниками Института археологии. Среди них наиболее значительными по объему являются материалы И. Л. Кызласова. Они включают интервью Л. Р. и И. Л. Кызласовых, полевую съемку при маршрутных работах в Туве и на Горном Алтае 2003, 2006 гг., исследования скалы Хая-Бажи, на Шаганарских городищах Уйгурского каганата, обследования курганов и поминальных памятников Тюркского каганата и Древнехакасского государства, разведок по Чуйскому тракту (р. Катунь и р. Чуя). Помимо этого они содержат цикл телевизионных фильмов Абаканского телевидения 1999 г.: фильм к юбилею Л. Р. Кызласова, научно-популярные работы Л. Расташеновой о каменных изваяниях окуневской культуры (по материалам Абаканского и Минусинского музеев) и горных крепостях Хакасии, об историко-культурном заповеднике Казановка (Аскизский район Хакасии), «День и вечность» 1993 г. с интервью И. Л. Кызласова.

Отметим материалы В. И. Завьялова по работам на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского (2013–2014 гг.) и запись реконструкции сыродутного процесса при участии В. Л. Щербакова на примере горна середины XIV в., открытого при раскопках селища Колесовка на Куликовом поле под руководством А. Н. Наумова (*Zavyalov*, 2018. P. 450–456).

В кинофонд включены также киноматериалы по работам Окской археологической экспедиции ИА РАН в 1996–2002 гг., переданные А. Н. Сорокиным. Они представляют съемки раскопок на территории Заболотского торфяника (Сергиево-Посадский р-н Московской области), стоянок-могильников Мнино 2 и Замостье 5, включающие фиксацию деревянных конструкций, разбор погребений, рабочие моменты с участием В. В. Сидорова, С. В. Ошибкиной, А. А. Выборнова, А. И. Королёва, А. А. Ластовского.

Кинофонд продолжает пополняться и в настоящее время. Последним поступлением стали два фильма 2018–2019 гг., подготовленные сотрудниками ИА РАН под руководством М. В. Вдовиченко. «Церковь Благовещения на Городище: хроника археологического изучения и реставрации» (21 мин.) включает в себя современную аэрофотосъемку Рюрикова городища и церкви Благовещения с ее раскрытой в ходе раскопок под руководством Вл. В. Седова в 2016 г. западной частью (*Седов, Вдовиченко*, 2018. С. 33–46), сведения об истории реставрации новгородских храмов в послевоенный период, воспоминания М. Д. Полубояриновой и А. В. Чернецова о раскопках на Рюриковом городище в 1965 г. и Т. В. и М. Т. Рождественских об участии в архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в составе экспедиции М. К. Каргера 1967–1969 гг., интервью Б. А. Рыбакова.

Фильм «Век археологии» посвящен 100-летию юбилею академической археологии (Институт археологии..., 2019). Он демонстрирует масштабные раскопки ИА РАН в Крыму в 2016–2018 гг., архивные кадры раскопок в Новгороде (1947–1948 гг.), рассказы об истории и современном этапе Института археологии Л. А. Беляева, М. В. Добровольской, В. Ю. Коваля, Н. А. Макарова, А. А. Масленникова, Р. М. Мунчаева, С. Ю. Льва, Вл. В. Седова (22 мин.).

Материалы Научно-отраслевого архива ИА РАН являются важным источником по истории советской и российской археологии. Киноматериалы ряда экспедиций второй половины 1940-х – 1960-х гг. являются существенным дополнением к их отчетной документации. Они также ярко иллюстрируют повседневную жизнь археологических экспедиций в послевоенный период.

Представляется особо значимым, что благодаря материалам фонда появляется возможность по-другому взглянуть на многих классиков советской археологии (А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, Б. А. Колчин, С. В. Киселев, Е. И. Крупнов, Л. Р. Кызласов, Т. С. Пассек, Б. А. Рыбаков, К. Ф. Смирнов и др.). На кадрах киноплёнки запечатлены образы полевых исследователей, поистине увлеченных своим делом, руководящих раскопами, фиксирующих открытые объекты и погребения, обрабатывающих и анализирующих находки. Дополняя многочисленные книги и статьи, кинодокументы являются ярким подтверждением масштабов и достижений отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Албегова (Царикаева) З. А., Кочкаров У. Ю.*, 2018. Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИИМК / ИА АН СССР в киноматериалах Научно-отраслевого архива ИА РАН (1957–1959) // КСИА. Вып. 252. С. 321–327.
- Виноградов А. Ю., Кочкаров У. Ю.*, 2018. Нижнеархызское и Кыфарское городища в кинохронике Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН // КСИА. Вып. 252. С. 328–336.
- Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука, 1965. 367 с.

- Евтюхова Л. А.*, 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. № 2. С. 205–227.
- Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. 320 с.
- Каховский В. Ф., Смирнов А. П.*, 1972. Ремесленный поселок Сават-Ту в Центральной Чувашии // КСИА. Вып. 129. С. 106–109.
- Кудрявцев А. А.*, 2018. Кинодокументы Научно-отраслевого архива Института археологии РАН как источник по истории археологического изучения Новгорода // КСИА. Вып. 252. С. 337–345.
- Мерперт Н. Я.*, 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 384 с.
- Пузикова А. И.*, 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.
- Рабинович М. Г.*, 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля / Отв. ред.: Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука. С. 9–116.
- Седов Вл. В., Вдовиченко М. В.*, 2018. Археологические работы в церкви Благовещения на Городище, Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в церкви Андрея на Ситке в 2016 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31: Материалы XXXI науч. конф., посвящ. 85-летию археологического изучения Новгорода (Великий Новгород, 25–27 января 2017 г.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Любавич. С. 33–46.
- Смирнов К. Ф.*, 1965. Древняя культура в оренбургских степях // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 156–159. (МИА; № 130.)
- Zavyalov V.*, 2018. Modelling of bloomery process in a medieval Russian furnace // Archeologické rozhledy. LXX. № 3. P. 450–456.

Сведения об авторах

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: umar_k@mail.ru;

Селезнева Светлана Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lazarevasv@yandex.ru

S. A. Volodin, U. Yu. Kochkarov, A. A. Kudryavstev, S. V. Selezneva

OVERVIEW OF THE FILM COLLECTION OF THE SCIENTIFIC ARCHIVES OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

Abstract. The paper provides an overview of the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, RAS, the digitalization of which was completed in 2018. The film copies contain footage of a number of archaeological expeditions conducted in the USSR, Mongolia and Albania in the second half of 1940s – 1960s; popular science films about archaeology and anthropology; documentaries about famous archaeologists; materials provided by the employees of the IA, RAS. The materials of the Scientific Archives of the Institute of Archaeology are an important source of information on the history of Soviet and Russian archaeology. Film footage of a number of expeditions in the second half of 1940s – 1960s is an important supplement to their reporting documentation.

Keywords: film documents, Scientific Archives of IA RAS, archaeological research, history of archaeology.

REFERENCES

- Albegova (Tsarikayeva) Z. A., Kochkarov U. Yu., 2018. Severo-Kavkazskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya IIMK / IA AN SSSR v kinomaterialakh Nauchno-otraslevogo arkhiva IA RAN (1957–1959) [North Caucasus archaeological expedition of the Institute of History of Material Culture/ Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, in film documents of IA RAS scientific archives (1957–1959)]. *KSI*, 252, pp. 321–327.
- Drevnemongol'skiye goroda [Ancient Mongol cities]. S. V. Kiselev, ed. Moscow: Nauka, 1965. 367 p.
- Evtuykhova L. A., 1957. O plemenakh tsentral'noy Mongolii v IX v. (po materialam raskopok kurganov) [On tribes of Central Mongolia in IX c. (based on materials of kurgans excavations)]. *SA*, 2, pp. 205–227.
- Institut arkheologii RAN: 100 let istorii [Institute of Archaeology RAS: 100 years of history]. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, 2019. 320 p.
- Kakhovskiy V. F., Smirnov A. P., 1972. Remeslennyy poselok Savat-Tu v tsentral'noy Chuvashii [Production settlement Savat-tu in Central Chuvashia]. *KSI*, 129, pp. 106–109.
- Kudryavtsev A. A., 2018. Kinodokumenty Nauchno-otraslevogo arkhiva Instituta arkheologii RAN kak istochnik po istorii arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda [1947–1948 film documents from scientific archive of Institute of Archaeology, RAS, as a source on history of archaeological studies of Novgorod]. *KSI*, 252, pp. 337–345.
- Merpert N. Ya., 2011. Iz proshlogo: dalekogo i blizkogo. Memuary arkheologa [From the past: far-off and recent: archaeologist's memoirs]. Moscow: Taus. 384 p.
- Puzikova A. I., 2001. Kurgannyye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Kurgan cemeteries of Scythian time in Middle Don region (Publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Rabinovich M. G., 1971. Kul'turnyy sloj tsentral'nykh rayonov Moskvy [Cultural deposit of Moscow central regions]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin]*. N. N. Voronin, M. G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 9–116.
- Sedov V. V., Vdovichenko M. V., 2018. Arkheologicheskiye raboty v tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche, Georgiyevskom sobore Yur'yeva monastyrya i v tserkvi Andreyana na Sitke v 2016 g. [Archaeological works in Annunciation Church in Gorodishche, St. George cathedral of Yur'yev monastery and St. Andrew on Sitka church in 2016]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 31. E. N. Nosov, ed. St.Petersburg: Lyubavich, pp. 33–46.
- Smirnov K. F., 1965. Drevneyamnaya kul'tura v Orenburgskikh stepyakh [Ancient Pit-grave culture in Orenburg steppes]. *Novoye v sovetskoj arkheologii [New in Soviet archaeology]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 156–159. (MIA, 130.)
- Vinogradov A. Yu., Kochkarov U. Yu., 2018. Nizhnearkhyzskoye i Kyafarskoye gorodishcha v kinokhronike Severo-Kavkazskoy ekspeditsii IA RAN [The Nizhniy Arkhyz and Kyafar hillforts in the newsreels of North Caucasus expedition of Institute of Archaeology, RAS]. *KSI*, 252, pp. 328–336.
- Zavyalov V., 2018. Modelling of bloomery process in a medieval Russian furnace. *Archeologické rozhledy*, LXX, № 3, pp. 450–456.

About the authors

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Kudravtsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

KochkarovUmar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru;

Selezneva Svetlana V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lazarevasv@yandex.ru

*Посвящается 120-летию
со дня рождения В. Д. Блаватского*

С. В. Ольховский, У. Ю. Кочкаров

КИНОДОКУМЕНТЫ 1959–1960 гг.
НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СССР

Резюме. При оцифровке кинофонда научно-отраслевого архива ИА РАН определены материалы о подводных археологических исследованиях. Среди них – цветная киносъемка первых подводных археологических раскопок, проведенных в 1959 г. в акватории Фанагории, и подводной разведки у Херсонеса в 1960 г. На съемке запечатлены панорамные виды Фанагории и Херсонеса, подводный раскоп и методика работ (В. Д. Блаватский), ранние модели подводного снаряжения и оборудования. Указанные киноматериалы являются ценным свидетельством истории развития подводной археологии и первой в СССР попыткой создания научно-популярного фильма о подводных археологических исследованиях.

Ключевые слова: подводная археология, подводные раскопки, подводные разведки, В. Д. Блаватский, Фанагория, Херсонес, фильм.

В 2018 г. была оцифрована часть кинофонда научно-отраслевого архива ИА РАН, освещающая работу различных археологических экспедиций. В ходе работы с оцифрованным материалом были идентифицированы несколько фильмокопий, подготовленных студентами подводного клуба Московского энергетического института (МЭИ), принимавшими участие в черноморских экспедициях В. Д. Блаватского. Кинохроника была снята по заданию ИА АН СССР для научно-популярного короткометражного фильма «Подводные археологические экспедиции», она запечатлела эпизоды работы экспедиций в Тамани, Фанагории и Херсонесе. Из начальных титров мы узнаем информацию о съемочной группе,

в нее входили: А. Блаватский, Г. Дорошенко, А. Котов, Г. Нестеров, Б. Прокахин, Д. Надежин. Монтаж фильма по неясным причинам не был завершен. Несмотря на это, сохранившиеся в Архиве ИА РАН исходные киноматериалы представляют значительный интерес, вероятно, они являются самыми ранними съемками подводных археологических исследований в СССР и существенно дополняют информацию, содержащуюся в отчетах и публикациях В. Д. Блаватского.

Первый эпизод фильма посвящен подводной разведке, организованной В. Д. Блаватским в акватории Гермонассы-Тмутаракани в июле 1957 г., – всего через несколько недель после начала производства в СССР первых аквалангов АВМ-1 (*Блаватский*, 1958а). Так как киносъемка в первые два сезона не проводилась, эпизод состоит из демонстрации ряда фотографий из научного отчета В. Д. Блаватского о проведенных работах (*Блаватский*, 1957). На фотографиях – шлюпка «Садко» с аквалангистами, план расположения обнаруженных каменных развалов и фрагментов керамики в акватории, некоторые находки. Второй эпизод фильма относится к подводной разведке, проведенной в Фанагории летом 1958 г., и представляет собой демонстрацию кадров аэрофото-съемки прибрежной акватории и планов расположения выявленных каменных скоплений из научного отчета В. Д. Блаватского (*Блаватский*, 1958б).

Третий эпизод наиболее интересен: он зафиксировал первые в СССР подводные археологические раскопки, проведенные в акватории Фанагории в 1959 г. (*Блаватский*, 1959; *Блаватский*, *Кузицин*, 1959). Раскоп был заложен в 185 м от берега на глубине около 3 м с целью проверки гипотезы о сохранности культурного слоя в затопленной морем части Фанагории и возможности ее изучения по археологической методике (*Блаватский*, 1961). Цветная киносъемка, выполненная студентами МЭИ, демонстрирует финальный этап подводных работ: установлен дощатый кессон 2,5 × 2,5 м, глубина раскопа превышает метр, дно раскопа покрыто плотным слоем окатанных и рваных камней. Расчистка донных отложений проводится «сосуном» землесосной установки с плавучего понтона (рис. 1 (иллюстрации 1–6 расположены в конце статьи)). Пульпа (смесь воды, песка, камней и фрагментов керамики), откачанная «сосуном» из раскопа, по плавучему пульпопроводу отводится на несколько десятков метров в сторону берега, где сбрасывается на металлическую сетку («грохот») для просмотра и отбора археологических находок (рис. 2). На съемке видны рабочие моменты: подготовка к погружениям (рис. 3), редкие модели подводных боксов для кинокамер и фотоаппаратов (рис. 4), контроль находок на «грохоте», раскладка найденной керамики на берегу. Стоит отметить, что землесосная установка, фиксация бортов раскопа путем сооружения опалубки являлись нововведениями в мировой практике подводной археологии, примененными впервые именно в Таманском заливе (*Блаватский*, *Кошеленко*, 1963. С. 5).

Четвертый эпизод освещает работу Азово-Черноморской экспедиции под руководством В. Д. Блаватского в Карантинной бухте Севастополя в 1960 г. (*Блаватский*, 1960). Кадры фильма демонстрируют панораму Херсонесского городища, чертежную фиксацию затопленных построек в Карантинной бухте (рис. 5), опытное судно «Лещ» (бывший базовый тральщик «Якорь»), предоставленное экспедиции военно-морским флотом в качестве плавучей базы. Оператор зафиксировал и рабочий процесс: аквалангисты осматривают поверхность дна

у входа в Карантинную бухту, находят фрагменты керамики и поднимают их на поверхность. На судне находки осматривает В. Д. Блаватский (рис. 6). В данном эпизоде также приведены планы расположения находок у входа в Карантинную бухту, чертеж затопленных построек Херсонеса.

Вышеописанные кинодокументы, безусловно, являются уникальным источником по истории подводной археологии СССР. Благодаря оцифрованным фильмокопиям мы можем наблюдать на цветной пленке первые попытки проведения систематических подводных археологических разведок и раскопок. Задуманный первый научно-популярный фильм «Подводные археологические экспедиции» наряду с многочисленными публикациями В. Д. Блаватского должен был сыграть заметную роль в популяризации подводной археологии в СССР, и выполненные киносъемки являются ценным свидетельством работ, на несколько десятилетий определивших дальнейшее развитие подводных исследований в СССР и России.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В. Д.*, 1957. Отчет о раскопках Пантикапея и подводных археологических работах в Керченском проливе в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1500.
- Блаватский В. Д.*, 1958а. О подводной археологии // СА. № 3. С. 73–89.
- Блаватский В. Д.*, 1958б. Подводные разведки 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1833.
- Блаватский В. Д.*, 1959. Отчет о подводных раскопках Фанагории в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1937.
- Блаватский В. Д.*, 1960. Отчет Подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2403.
- Блаватский В. Д.*, 1961. Подводные раскопки Фанагории, 1959 год // СА. № 1. С. 277–280.
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.*, 1963. Открытие затонувшего мира. М.: Изд-во АН СССР. 108 с.
- Блаватский В. Д., Кузицин В. И.*, 1959. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник АН СССР. № 1. С. 128–132.

Сведения об авторах

Ольховский Сергей Валерьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: uwiaran@gmail.com;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: umar_k@mail.ru

S. V. Olkhovskiy, U. Yu. Kochkarov

DOCUMENTARY FILMS OF THE 1959–1960 FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVES

OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS, AS A SOURCE OF INFORMATION ON UNDERWATER ARCHAEOLOGY IN THE USSR

Abstract. In the course of digitalization of the film collection kept by the Scientific Archives of the Institute of Archaeology, RAS, films on underwater archaeological studies were identified. The collection contained color films featuring the first underwater archaeological excavations carried out in the water area of Phanagoria in 1959 and

underwater reconnaissance near Chersonese in 1960. The film footage shows panoramic views of Phanagoria and Chersonese, an underwater excavation trench and operating methods, early models of underwater gear and equipment, the head of the expedition V. D. Blavatskiy. This footage is a valuable evidence related to history of underwater archaeology development and the first attempt to shoot a popular science film about underwater archaeological research in the USSR.

Keywords: underwater archaeology, underwater excavation, underwater reconnaissance, V. D. Blavatskiy, Phanagoria, Chersonese, film.

REFERENCES

- Blavatskiy V. D., 1957. Otchet o raskopkakh Pantikapeya i podvodnykh arkhelogicheskikh rabotakh v Kerchenskom prolive v 1957 g. [Report on excavations in Panticapaeon and underwater archaeological works in Kerch straight in 1957]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Blavatskiy V. D., 1958a. O podvodnoy arkhologii [On underwater archaeology]. *SA*, № 3, pp. 73–89.
- Blavatskiy V. D., 1958b. Podvodnyye razvedki 1958 g. [Underwater reconnaissance, 1958]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Blavatskiy V. D., 1959. Otchet o podvodnykh raskopkakh Fanagorii v 1959 g. [Report on underwater excavations in Phanagoria in 1959]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Blavatskiy V. D., 1960. Otchet Podvodnoy Azovo-Chernomorskoj ekspeditsii 1960 g. [Report of Underwater Azov-Black Sea expedition, 1960]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Blavatskiy V. D., 1961. Podvodnyye raskopki Fanagorii, 1959 god [Underwater excavations in Phanagoria, 1959]. *SA*, 1, pp. 277–280.
- Blavatskiy V. D., Koshelenko G. A., 1963. Otkrytiye zatonsvshego mira [Discovery of the sunken world]. Moscow: AN SSSR. 108 p.
- Blavatskiy V. D., Kuzishchin V. I., 1959. Podvodnyye razvedki drevney Fanagorii [Underwater reconnaissance in ancient Phanagoria]. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of AS USSR]*, 1, pp. 128–132.

About the authors

Olkhovskiy Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: uwiaran@gmail.com;

Kochkarov Umar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru

Рис. 1. Понтон с землесосной установкой

Рис. 2. Прогрейка на «грохоте» пульпы, отведенной из подводного раскопа

Рис. 3. Подготовка аквалангиста к погружению

Рис. 4. Аквалангист ведет фотосъемку на подводном раскопе

Рис. 5. Расчистка и чертежная фиксация затопленных построек в Карантинной бухте

Рис. 6. В. Д. Блаватский на судне «Лещ» около Херсонеса

А. А. Кудрявцев, С. А. Володин

МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР 1948–1949 гг.
В МАТЕРИАЛАХ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Резюме. В статье представлен обзор архивных материалов по деятельности Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР 1948–1949 гг. из личного фонда С. В. Киселева (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Фонд 12). В них включены сведения об истории археологического изучения Монголии, полевые фотографии, отчетная документация. Отдельно представлен фильм «Древности Монголии», снятый участниками экспедиции. Он содержит кадры раскопок Каракорума, могильника Джаргаланты, обследований памятников средневековой эпиграфики, этнографических наблюдений. Рассмотренный массив документов и фильмокопий является важным источником по истории изучения культурного наследия Монголии и организации археологии в СССР.

Ключевые слова: Монголия, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Каракорум, история археологии, древнемонгольские города.

Масштабные археологические исследования на территории Монгольской Народной Республики (МНР), проведенные в 1948–1949 гг. Монгольской историко-этнографической экспедицией под руководством С. В. Киселева, являлись первыми советскими раскопками за рубежом в послевоенное время. Они были организованы в рамках соглашения между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР по подготовке публикации однотомной и трехтомной «Истории Монгольской Народной Республики», заключенного в 1946 г. (Советско-монгольские отношения..., 1979. С. 141–144)¹.

Несмотря на комплексный характер, отраженный в названии экспедиции, ее археологическая составляющая была основной. За сравнительно небольшой

---

¹ Авторы выражают благодарность И.Л. Кызласову за консультации.

срок были обследованы поселения бронзового века, города эпохи сложения древнемонгольского государства, курганные могильники VIII–IX вв., памятники средневековой эпиграфики и архитектуры. Наиболее значимыми являлись исследования широкой площадью Каракорума, благодаря которым был получен значительный материал о монгольской столице, ее планировке и материальной культуре.

Находки, полученные в ходе этих работ, хранятся в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Государственном музее искусства народов Востока, Национальном музее Улан-Батора (*Елихина*, 2014. С. 13, 41–261). Результаты исследований опубликованы в коллективной монографии «Древнемонгольские города» и в ряде статей участников экспедиции (*Евтюхова*, 1957. С. 205–227; *Киселев*, 1957. С. 91–101; *Древнемонгольские города*, 1965).

История организации Монгольской историко-этнографической экспедиции проанализирована Т. Ю. Юсуповой на примере докладных записок С. В. Киселева в Президиум АН СССР, его писем к С. И. Вавилову, распоряжений и переписки Совмина и Совнаркома относительно установления состава и финансирования экспедиции и прочих документов, хранящихся в Архиве РАН, Государственном архиве РФ и Архиве внешней политики РФ (*Юсупова*, 2018. С. 209–217).

О повседневной жизни экспедиции, этнографических наблюдениях, процессе раскопок, совместной работе с С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой подробные воспоминания оставил Н. Я. Мерперт (*Мерперт*, 1995. С. 167–179; 2011. С. 133–166).

При этом перечисленные выше данные о Монгольской историко-этнографической экспедиции могут быть существенно дополнены массивом документов, хранящихся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. В основном они происходят из личного фонда С. В. Киселева, в который также включены материалы Л. А. Евтюховой (Фонд 12). Они содержат полевые дневники и фотографии, карты археологических памятников, картотеки вещей различных категорий, рукописи статей, выписки из источников и литературы, организационную документацию и переписку. Вне фонда 12 хранится отдельный фильм «Древности Монголии», снятый участниками экспедиции в 1948–1949 гг. К 2018 г. он был полностью оцифрован и помещен в кинофонд Научно-отраслевого архива ИА РАН.

Блок архивных дел фонда 12, связанных с Монгольской историко-этнографической экспедицией 1948–1949 гг., начинается с рабочих материалов С. В. Киселева, посвященных истории археологического изучения Монголии и датированных не позднее 1947 г. (Ф. 12. Д. 24).

Эти материалы были собраны им в период поездки зимой 1946–1947 гг. в МНР для составления плана-проспекта будущего труда по истории Монголии, выявления и систематизации источников, необходимых для его написания. В этот период С. В. Киселевым была проведена работа в архиве Комитета наук и Государственной библиотеке МНР, фондах Национального музея Улан-Батора. В частности, им были проработаны и археологические коллекции раскопок Монголии и Тувы, хранящиеся в Эрмитаже.

Зарисовки и описания вещей, рассмотренных в ходе этих подготовительных исследований, помещены в отдельное дело (Ф. 12. Д. 120).

В основную часть дела 24 включены сведения по довоенным раскопкам и археологическим памятникам на территории МНР – выписки из предварительного отчета о работах Археологического отряда экспедиции по изучению Монголии и Тувы при СНК СССР под руководством Г. И. Боровко в 1925–1926 гг., список могильников (по данным Монгольского комитета наук), выписки из зарубежной литературы по истории Монголии, сообщения газет по рассматриваемой тематике, карты, планы, более 90 фотографий вещей из музейных коллекций и панорамных снимков археологических и архитектурных памятников Монголии. Отметим и докладную записку С. В. Киселева о необходимости проведения археологических исследований в связи с написанием «Истории Монгольской Народной Республики».

В деле № 24 присутствуют сообщения Монгольской геолого-разведочной экспедиции (Ю. С. Жэлубовский) и данные из отчета Л. А. Амстердамской, которая в составе экспедиции Монгольской комиссии 1927 г. занималась изучением монгольского фольклора и обследованием средневековых городищ (*Юсупова*, 2018. С. 99).

Указанные материалы послужили научной основой для предстоящих раскопок и были изложены в обобщающей статье по археологии Монголии. В ней С. В. Киселев представил сводку археологических памятников на территории МНР – от палеолитических и неолитических местонахождений до развалин монгольских городов эпохи Средневековья, приводя сведения о результатах работ предшествующих экспедиций – Орхонской 1889, 1891–1892 гг. (Н. М. Ядринцев, В. В. Радлов), Монголо-Тибетской 1923–1926 гг. (П. К. Козлов, Г. И. Боровко, С. А. Теплоухов) и Хангайской экспедиции Комитета наук МНР 1933–1934 гг., исследовавшей монгольские города под руководством Д. Д. Букинича (*Киселев*, 1947. С. 357–372).

В следующий блок архивных дел включены материалы раскопок Каракору-ма (1948–1949 гг.) – полевые дневники (Ф. 12. Д. 25–26), описи находок, предварительное заключение по исследованиям костного материала, подготовленное В. И. Цалкиным в 1948 г. (Ф. 12. Д. 32), картотека с рисунками находок (Ф. 12. Д. 33), рисунки вещей из кости, бронзы, железа, керамики, а также мелкой пластики, фресок (Ф. 12. Д. 34, 36–39), описи монет и бус (Ф. 12. Д. 35).

В отдельных делах хранятся полевые дневники, описи и рисунки вещей, полевые фотографии раскопок городов Хадасан и Чин-Тологой (Ф. 12. Д. 28), а также погребальных памятников – курганов с каменными конструкциями VIII–IX вв. в могильниках Джаргаланты, Орхон-Дель, Хушот-Худжиртэ (Ф. 12. Д. 28). Часть полевых записей подготовлена монгольским археологом Х. Перлээ.

В отдельном деле № 40 собраны копии и оригиналы документов по организации Монгольской историко-этнографической экспедиции. Среди них различная бухгалтерская документация, список ввозимых книг и медикаментов, заявки на транспорт, топливо, копия письма заместителя начальника Пограничных войск МВД СССР о прохождении границы. Обилие представленного в сметах различного оборудования, в списки которого включена и киноаппаратура с большим количеством киноплёнки, ярко демонстрирует ту степень значимости, которую придавали целям экспедиции в Президиуме АН СССР и высших государственных инстанциях. В сложное послевоенное время советские археологи в Монголии были оснащены всем необходимым для проведения масштабных археологических исследований.

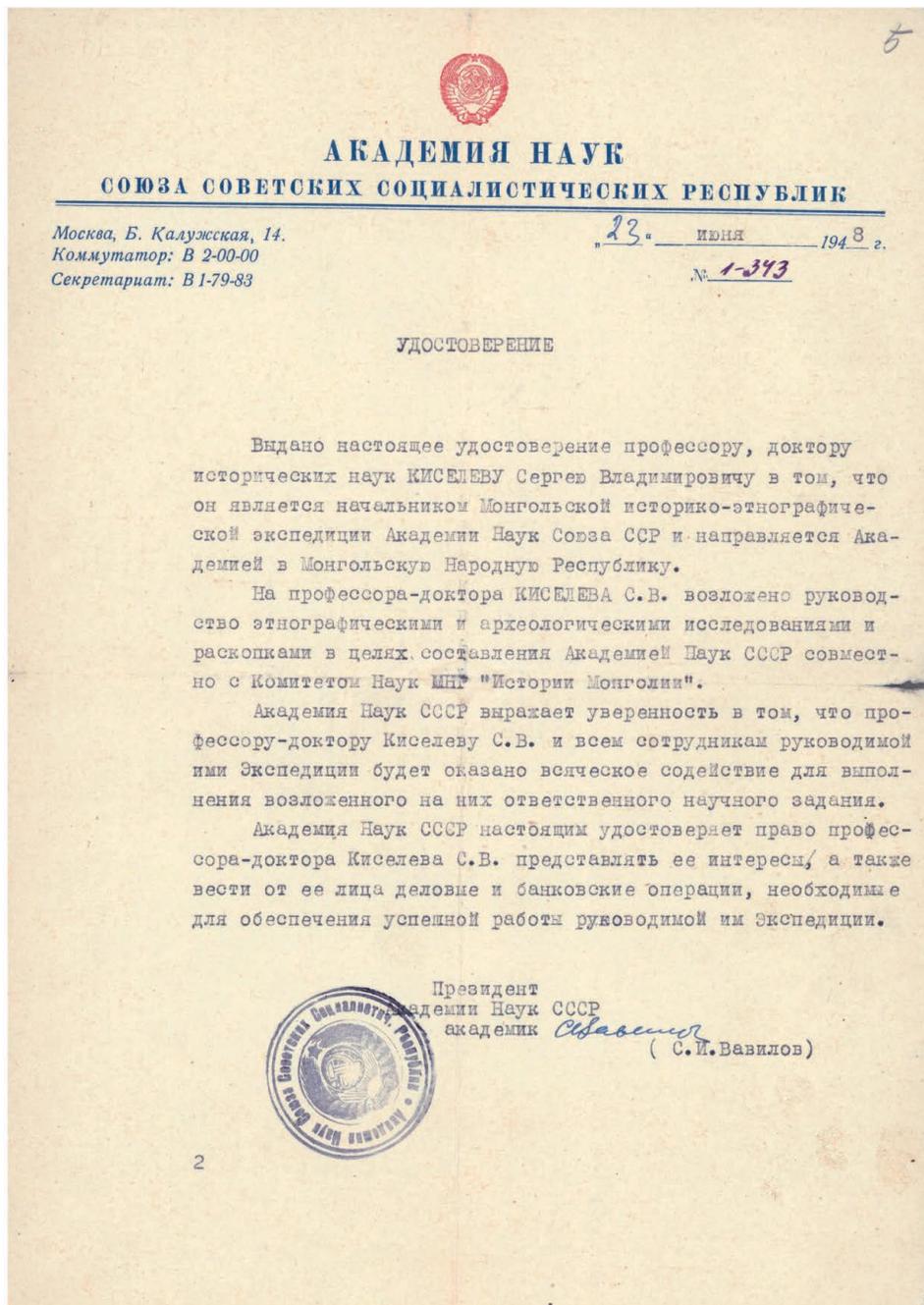

Рис. 1. Удостоверение С. В. Киселева в качестве руководителя Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 40. Л. 5)

Среди наиболее важных документов отметим оригиналы приказов и удостоверений Президиума АН СССР о назначении С. В. Киселева руководителем Монгольской историко-этнографической экспедиции (рис. 1).

Значительное количество официальной документации представлено в деле № 137, в которое помещены материалы по научной и научно-организационной деятельности С. В. Киселева. Они содержат копии постановлений Совета министров МНР, Президиума АН СССР об организации подготовительных работ по составлению книги по истории Монгольской Народной Республики, справки и сметы (1946–1948 гг.), письма С. И. Вавилову от председателя Комитета наук МНР Б. Жаргалсайхана, проект экспедиции, составленный для посла СССР в МНР Ю. К. Приходова, тезисы доклада С. В. Киселева «Археологическая поездка в Монголию» на сессии Отделения истории и философии АН СССР (Ф. 12. Д. 137).

В деле № 41 собран фотоархив экспедиции. В него включены фотографии раскопок, выявленных объектов, архитектурных памятников, находок, много внимания уделено быту археологов. На фотографиях фигурируют Л. А. Евтюхова (рис. 2), С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Х. Пэрлээ, Н. И. Устюжанинов, запечатлена лекция С. В. Киселева в Комитете наук МНР, есть его совместная фотография с руководителем МНР маршалом Х. Чойбалсаном (Ф. 12. Д. 41).

Рукописные и машинописные копии статей С. В. Киселева «К вопросу о возникновении феодальных отношений в Монголии и Саяно-Алтайском крае» и «Неолит Сибири и Монголии» помещены в дело № 84, в № 85 присутствуют рукописи и черновики статей С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой по исследованиям Каракорума, изданных в книге «Древнемонгольские города».

В отдельных делах представлены картотеки по различным категориям древностей Монголии. Среди них рисуночная картотека каменных баб Сибири, Казахстана и Монголии (Ф. 12. Д. 100), свод орхонских надписей (Ф. 12. Д. 102), картотека археологических памятников Монголии и Тувы (Ф. 12. Д. 103), картотека рисунков и акварелей керамики Каракорума (Ф. 12. Д. 105).

Прочие материалы С. В. Киселева по истории Монголии собраны в деле № 106. Они содержат рукописные материалы по раскопкам курганов в Джаргаланты и в Орхон-Дель в 1949 г., выписки из письменных источников по монгольскому оружию, рукопись статьи «Каменные черепахи Каракорума» (Киселев, 1962. С. 65–67), выписки из зарубежной литературы и письменных источников, в том числе китайских, по истории Каракорума, фотографии находок из каменных курганов, газетные вырезки из номеров газеты «Современная Монголия» за 1962 г. (Ф. 12. Д. 106).

В Научно-отраслевом архиве ИА РАН, как упоминалось выше, хранится значительный по объему блок киноматериалов «Древности Монголии» 1948–1949 гг. (2 ч. 43 мин.). Фильм черно-белый, неозвученный и снабжен титрами. В разделе личного фонда С. В. Киселева, содержащем материалы по научной и научно-организационной деятельности Л. А. Евтюховой, есть сценарий к этому фильму (Ф. 12. Д. 139. Л. 123–127). Как указано в титрах и сценарии, фильм снимали С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и Н. Я. Мерперт, оператором-консультантом выступал М. И. Беркович, монтажер – Г. А. Ельницкая. Его подготовка была осуществлена на студии «Монголкино» в Улан-Баторе и студии научно-популярных фильмов в Москве.

**Рис. 2. Рабочие моменты с участием Л. А. Евтюховой
(Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 41)**

Фильм начинается с панорамных съемок Улан-Батора. Крупным планом сняты Монгольский государственный университет и памятник основателю МНР Д. Сухэ-Батору, далее показаны база экспедиции и Национальный музей.

С учетом того, что в целях Монгольской экспедиции была и этнографическая составляющая, в киноматериалах много внимания уделено быту и обычаям монголов. Подробно освещены богослужения в буддийском монастыре Гандан, праздник Надом с национальными танцами, состязаниями по стрельбе из лука, борьбе. Во время Надома был устроен парад, который принимал Х. Чойбалсан. Рядом с ним запечатлены советские офицеры. Последующие кадры показывают различные виды монастыря Эрдени-Дзу, в котором впоследствии располагалась база экспедиции.

Съемки полевых работ начинаются с раскопок Каракорума – демонстрируются рабочие моменты (рис. 3), крупным планом показаны выявленные объекты – комплекс построек, печи, отопительные каналы, находки.

От исследований Каракорума авторы фильма переходят к изучению погребальных, поселенческих и эпиграфических памятников Монголии. В 50 км к югу от Эрдени-Дзу зафиксированы олений камень и плиточные могилы. Показано обследование Кошо-Цайдамских тюркских рунических надписей–памятники Бильге-кагану и Кюль-тегину (рис. 4).

Следующий пункт – урочище Джаргаланты в 18 км к юго-востоку от Эрдени-Дзу, керексур и 15 курганов, часть из которых относилась к IX в. В одном из них было зафиксировано женское погребение с двумя конями (*Евтюхова*, 1957. С. 205–212. Рис. 1; 2). На кадрах представлена расчистка этого комплекса С. В. Киселевым (рис. 5).

Далее демонстрируются обследования развалин уйгурских городов Харабалгаса и Харухаин-балгаса (*Киселев*, 1957. С. 92–95. Рис. 1; 2).

Заключительная часть фильма представляет выставку находок из Каракорума, организованную в Эрдени-Дзу (рис. 6). Кадры включают находки, показанные крупным планом, – китайские монеты и зеркала, селадонные сосуды, железные инструменты, деревянную печать с надписью «иджи» – приказание (*Евтюхова*, 1965. С. 276. Рис. 140). Эта выставка чуть позже открылась в Улан-Баторе, где С. В. Киселев представил результаты полевых работ членам Комитета наук МНР и маршалу Х. Чойбалсану.

В фильме много внимания уделено быту экспедиции. Во множестве представлены картины досуга археологов, общения с монгольскими коллегами, охоты и рыбалки; они вполне соотносятся с воспоминаниями Н. Я. Мерперта (*Мерперт*, 2011. С. 133–166).

Исследования Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР 1948–1949 гг. опирались на традиции и достижения предшествующих российских экспедиций, изучавших археологические памятники Монголии с конца XIX в. Их отчетная документация, как показывают данные фонда 12, С. В. Киселевым была тщательно проработана. При этом работы 1948–1949 гг. отличались масштабом и широтой охвата. Наиболее же значимыми являлись раскопки Каракорума широкой площадью.

Отметим, что в этот период в Монголии работали также сельскохозяйственная (1947–1951) и палеонтологическая (1946–1949) экспедиции (*Юсупова*,

Рис. 3. Фильм «Древности Монголии». Каракорум. Н. Я. Мерперт и С. В. Киселев

Рис. 4. Фильм «Древности Монголии». Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев.
Обмер жертвенника у памятника Бильге-кагана

Рис. 5. Фильм «Древности Монголии». Могильник Джаргаланты. С. В. Киселев

Рис. 6. Фильм «Древности Монголии».
Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев готовят выставку находок из раскопок Каракорума

2018. С. 217–244). Но именно проведение историко-этнографической экспедиции в рамках подготовки «Истории МНР» отличалось политической значимостью. Как свидетельствуют постановления, деловая переписка, уровень снабжения, экспедиции придавали серьезное значение как в Президиуме АН СССР, так и в высших государственных органах. По всей видимости, ее проведение вполне можно рассматривать как один из инструментов политики СССР в Монголии.

Однако по различным причинам деятельность Монгольской историко-этнографической экспедиции резко прекратилась. Причем Н. Я. Мерперт отмечал, что С. В. Киселев еще в 1950 г. рассчитывал на многолетнее продолжение столь плодотворно начатой монгольской кампании, планируя и в дальнейшем изучать Каракорум и начать масштабные раскопки Хара-балгаса (*Мерперт*, 1995. С. 179).

Материалы личного фонда С. В. Киселева и кинодокументы, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН, позволяют раскрыть многие аспекты деятельности Монгольской историко-этнографической экспедиции – ее подготовительный период и основные направления. Полевые дневники и фотографии, картотеки находок, карты, рукописи являются существенными дополнениями к публикациям результатов археологических исследований с учетом того, что полноценные отчеты по ним отсутствуют.

Фильм «Древности Монголии» детально демонстрирует процесс раскопок и разведок и, что особенно важно, показывает основных участников экспедиции (С. В. Киселева, Л. А. Евтюхову, Н. Я. Мерперта) как в рабочие моменты, так и вне раскопок.

Рассмотренный массив документов и фильмокопий ярко характеризует масштаб деятельности первой советской археологической зарубежной экспедиции в послевоенный период и является важным источником по истории изучения культурного наследия Монголии и организации археологии в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука, 1965. 367 с.
- Евтюхова Л. А., 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. № 2. С. 205–227.
- Евтюхова Л. А., 1965. Изделия различных ремесел Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука. С. 274–298.
- Елихина Ю. И., 2014. Некоторые археологические находки Монголо-советской экспедиции под руководством С. В. Киселева. Городище Каракорум, коллекция Государственного Эрмитажа / Ред. Ю. Конагая. Osaka: National Museum of Ethnology. 380 с. (Senri Ethnological Reports; 123.)
- Киселев С. В., 1947. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. IV. № 4. С. 355–372.
- Киселев С. В., 1957. Древние города Монголии // СА. № 2. С. 91–101.
- Киселев С. В., 1962. Каменная черепаха, «бежавшая» из Каракорума // Монгольский археологический сборник / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР. С. 65–67.
- Мерперт Н. Я., 1995. С. В. Киселев в Монголии // РА. № 4. С. 167–179.
- Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 384 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Т. 2: 1941–1974. Ч. 1 / Ред. И. С. Казакевич. М.: Международные отношения, 1979. 560 с.

Юсупова Т. И., 2018. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История. 312 с.

Сведения об авторах

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: a-kudravytsev@yandex.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

A. A. Kudryavtsev, S. A. Volodin

THE MONGOLIAN HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION
OF ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR IN 1948–1949
IN THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVES
OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

Abstract. The paper contains an overview of archival documents on the Mongolian historical and ethnographic expedition of the Academy of Sciences the USSR active in 1948–1949 from S. V. Kiselev's personal papers (Scientific Archives of the IA, RAS, Fund 122). They contain information on the history of archaeological investigations in Mongolia, field photographs and reporting documentation. The film 'Antiquities of Mongolia' shot by the expedition participants is described separately. The film offers scenes of excavations at Karakorum, the Dzhargalanty cemetery, examination of the monuments of medieval epigraphics and ethnographic observations. The reviewed set of the documents and film copies is an important source for studying Mongolia's cultural heritage and the way archaeology was organized in the USSR.

Keywords: Mongolia, L. A. Evtyukhova, S. V. Kiselev, N. Ya. Merpert, Karakorum, history of archaeology, ancient Mongolian cities.

REFERENCES

- Drevnemongol'skiye goroda [Ancient Mongol cities]. S. V. Kiselev, ed. Moscow: Nauka, 1965. 367 p.
- Elikhina Yu. I., 2014. Nekotoryye arkhеologicheskkiye nakhodki Mongolo-sovetskoy ekspeditsii pod rukovodstvom S. V. Kiseleva. Gorodishche Karakorum, kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitazha [Some archaeological finds of Mongol-Soviet expedition headed by S. V. Kiselev. Karakorum hillfort, collection of State Hermitage]. Yu. Konagaya, ed. Osaka: National Museum of Ethnology. 380 p. (Senri Ethnological Reports, 123.)
- Evtyukhova L. A., 1957. O plemenakh tsentral'noy Mongolii v IX v. (po materialam raskopok kurganov) [On tribes of Central Mongolia in IX c. (based on materials of kurgans excavations)]. *SA*, 2, pp. 205–227.
- Evtyukhova L. A., 1965. Izdeliya razlichnykh remesel Kara-Koruma [Production of various trades from Kara-Korum]. *Drevnemongol'skiye goroda [Ancient Mongol cities]*. S. V. Kiselev, ed. Moscow: Nauka, pp. 274–298.
- Kiselev S. V., 1947. Mongoliya v drevnosti [Mongolia in antiquity]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya istorii i filosofii [Bulletin of AS USSR. Series of History and philosophy]*, vol. IV, no. 4, pp. 355–372.
- Kiselev S. V., 1957. Drevniye goroda Mongolii [Ancient cities of Mongolia]. *SA*, 2, pp. 91–101.

- Kiselev S. V., 1962. Kamennaya cherepakha, «bezhavshaya» iz Karakoruma [Stone turtle «fled» from Karakorum]. *Mongol'skiy arkhelogicheskiy sbornik [Mongolian archaeological annual]*. S. V. Kiselev, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 65–67.
- Merpert N. Ya., 1995. S. V. Kiselev v Mongolii [S. V. Kiselev in Mongolia]. *RA*, 4, pp. 167–179.
- Merpert N. Ya., 2011. Iz proshlogo: dalekogo i blizkogo. Memuary arkheloga [From the past: far-off and recent: archaeologist's memoirs]. Moscow: Taus. 384 p.
- Sovetsko-mongol'skiye otnosheniya. 1921–1974 [Soviet-Mongol relations. 1921–1974], vol. 2 (1941–1974), part 1. I. S. Kazakevich, ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1979. 560 p.
- Yusupova T. I., 2018. Sovetsko-mongol'skoye nauchnoye sotrudnichestvo: stanovleniye, razvitiye i osnovnyye rezul'taty (1921–1961) [Soviet-Mongolian scientific cooperation: foundation, development and main results (1921–1961)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 312 p.

About the authors

Kudravn'tsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravn'tsev@yandex.ru;

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АИМ – Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ЗИИМК – Записки Института истории и материальной культуры. СПб.
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
КГИАМЗ – Кубанский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ – Советская этнография. М.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад

- AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
- AIM – Arkheologicheskiye issledovaniya v Moldavii [Archaeological investigations in Moldavia]. Kishinev
- AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
- AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
- AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
- AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
- APO – Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites in Orenburg region]
- ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
- AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
- DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosphorus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Cimmerian Bosphorus]. Moscow: IA RAN
- EA – Eurasia Antiqua. Berlin
- GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
- GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
- IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
- IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
- IGAIMK – Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Bulletin of the State Academy for the history of material culture]
- IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
- IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental studies of RAS]
- JAS – Journal of Archaeological Science
- KGIAMZ – Kubanskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik [Kuban state historical-archaeological museum-reserve]
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
- OAK – Otchety Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Reports of Imperial Archaeological commission]. St. Petersburg
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk.
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SE – Sovetskaya etnografiya. Moscow
- SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
- SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological transactions]

TYuTAKЕ – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad

VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'

VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

ZIIMK – Zapiski IIMK [Notes of IIMK]. St. Petersburg

Журнал «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из:

а) основного текста,

б) списка литературы (см. п. 10),

в) списка подрисуночных подписей,

г) резюме и ключевых слов (см. п. 11),

д) списка сокращений,

е) таблиц (см. п. 8),

ж) иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7),

з) сведений об авторе (авторах; см. п. 12).

Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. Допускается увеличение количества иллюстраций, компенсированное уменьшением объема текста. В объем рукописи включаются все составные части статьи, перечисленные в п. 3 (а-е). Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте следует сопровождать необходимыми пояснениями.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике.

Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь тематический заголовок и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений.

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей

Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания – издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Седов В. В., 1979б. ...

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // *Antiquity*. Vol. 53. P. 6–22.

Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // *Sourcebook of Palaeolithic Transitions:*

Methods, Theories, and Interpretations / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Седов*, 1979. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте (Hrd. IV, 119) и в список литературы не включаются.

11. К статье прилагается список ключевых слов (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Текст резюме должен быть структурирован следующим образом: постановка проблемы, цель и задача статьи, применяемые методы, результаты, выводы. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Abstract) и ключевых слов (Keywords).

12. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 257

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
граффито Арпатрия из Фанагории (к статье А. С. Балахванцева и Н. В. Завойкиной)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 37,41. Уч.-изд. л. 36,25. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

